

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

ОБРАЗ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в. ТЕНДЕНЦИИ ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Материалы международной научной конференции

«Россия в поисках мирного решения социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов: Тенденции обновления политического дискурса, отражающие доминантные идеологемы российской официальной дипломатии и пропагандистской деятельности политических партий конца XX – начала XXI в.»

(Магнитогорск, 23-25 ноября 2017 г.)

Магнитогорск 2017

УДК 81:32
ББК 81
О-23

Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса : материалы междунар. науч. конф. «Россия в поисках мирного решения социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов: Тенденции обновления политического дискурса, отражающие доминантные идеологемы российской официальной дипломатии и пропагандистской деятельности политических партий конца XX – начала XXI в.» (Магнитогорск, 23-25 ноября 2017 г.) / Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ исторической антропологии и филологии ; под ред. *С.Г. Шулежковой*. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2017. – 509 с.

ISBN 978-5-9967-1090-4

Сборник содержит материалы докладов, представленных на международной научной конференции, в которой приняли участие более 50 ученых из 9 стран мира (России, Белоруссии, Болгарии, Германии, Ирана, Казахстана, Китая, Польши, Сербии). Авторы анализируют современный политический дискурс конца XX – начала XXI в., в котором по-разному оценивается Россия, нацеленная на мирное решение социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов. В книге 5 разделов. В первом отражен взгляд на современную Россию из-за рубежа, во втором Россия описывается такой, какой она видится ее гражданами. Третий раздел посвящен проблеме формирования ксенофобии психолингвистическими способами, четвертый содержит анализ взаимоотношений человека и государства по материалам паремий и исторических документов, в пятом исследуется трансформация современного политического дискурса.

Книга предназначена для филологов, политологов, социолингвистов, журналистов.

УДК 81:32
ББК 81

Макет *А.А. Осиповой*

ISBN 978-5-9967-1090-4

© Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г.И. Носова, 2017

[illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Прокофьева А.В.</i> Никогда не пишите словарей..? (Словарной лаборатории 15 лет).....	7
--	---

I. ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА)

<i>Василевская Е.С.</i> Отношения России и Беларуси в зеркале метафор	19
<i>Георгиева С.И.</i> Образ России в зеркале болгарской действительности	28
<i>Иванов Е.Е.</i> Язык, идеология, культура в образовательном пространстве (роль культурно-идеологического фона афористических единиц в изучении русского языка и в преподавании на русском языке как родном и как неродном в Республике Беларусь)	36
<i>Квятковский Г.Ю.</i> Несерьезная игра смыслами (образ России в зарубежной рок-музыке)	45
<i>Кръстева М.Д.</i> Русия в «История Славянобългарска» на Паисий Хилендарски и българската наука по време на тоталитаризма в Народна Република България	52
<i>Михин А.Н., Михина О.В.</i> Отношения России и Германии в период правления А. Меркель: Россия – партнер или соперник? (на материале немецких СМИ).....	63
<i>Морозов Е.А., Уразова Н.Р.</i> Современная Россия в медиапространстве Германии: лингвополитический анализ.....	83
<i>Тарса Я.</i> Образ России в польских демотиваторах	96
<i>Тмушич Степанов Р.</i> Вытеснение русского языка из школ Сербии в зеркале геополитических перемен конца XX и начала XXI века	102
<i>Трофимович Т.Г.</i> Тексты полоцких верительных грамот как практика средневекового дипломатического дискурса	110
<i>Хлебда В.</i> Россия – Польша: несовпадение памятей. Лингвистический аспект.....	118
<i>Хьянур М., Карими-Мотакхар Д.</i> Место и значение А. Пушкина и В. Маяковского в современной персидской поэзии.....	125

II. РОССИЯ СЕГОДНЯ ГЛАЗАМИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

<i>Анохина С.А.</i> Вольное отношение к языковой норме в письменной деловой речи как штрих к образу современной России	138
<i>Деревскова Е.Н., Чурилина Л.Н.</i> Образ России в режиссерском дискурсе...148	
<i>Мокиенко В.М.</i> России в зеркале русской поэзии	155
<i>Новикова Т.Ю.</i> Крымский выбор: Россия глазами крымчан	171

Осипова А.А., Позднякова Н.В. Вперед, в СССР-2! (образ России в агитационных текстах КПРФ).....	179
Позднякова Н.В., Осипова А.А. Визуальный образ России в динамически меняющемся плакатном искусстве.....	193
Пономарева Л.Д. Образ России в речетворчестве учащихся (ценностно-смысловой подход к языковому образованию).....	204
Прилукова Е.Г. Репрезентация образа России в официальном дискурсе политического субъекта: поиск методологии исследования.....	212
Прокофьева А.В. «Поднимаем России знамя!» (к вопросу о патриотических песнях в современной России).....	219
Франчук О.В. Истоки народной песенной культуры России как фактор ее самобытности.....	228
Хайдарова В.Ф. «Мы станем в проломе за нашу страну» (образ России в духовной поэзии русских протестантов).....	237
Чурилина Л.Н., Деревскова Е.Н. «Третий Рим»: образ России в новейшем религиозном дискурсе.....	246
Шулежкова С.Г. Образ России на фоне цветных революций и крымской весны в информационной войне начала XXI в.....	254

III. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КСЕНОФОБИИ

Вальтер Х. Запретные лозунги в немецкой речи.....	267
Галактионова Н.А. Дискурс этноненавистничества в современных российских СМИ.....	286
Гневэк О.В., Мусийчук М.В. Психолингвистические способы формирования русофобии в современном мире и социальные последствия их реализации.....	292
Громова Н.С. Особенности российского экстремистского дискурса.....	307
Жунусова Ж.Н. Коммуникативно-прагматический аспект современного массово-информационного дискурса.....	315
Михайлова О.А. Метафорическое моделирование образа Украины в российских СМИ (динамический аспект).....	323

IV. ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ. КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО

Альдингер О.П. Человек и государство в «Пословицах русского народа» В.И. Даля.....	331
Кошкарлова Н.Н. Конструирование прошлого: политический миф или историческая правда?.....	338
Лисица Е.Н. Образы Октябрьской революции в лингвокультурном пространстве современной политической коммуникации (на материале официальных сайтов Единой России, ЛДПР и КПРФ 2012-2017).....	346

Никитина Т.Г. Что русскому нехорошо: региональный социокультурный контекст паремииологических трансформаций.....	356
Плотникова А.М. Последнее слово обвиняемого как коммуникативный феномен (на материале политических судебных процессов в СССР в 60-80-е гг. и современных политизированных судебных процессов).....	364
Рожкова Т.И. Власть в логике и риторике записки казака Анзигитова (конец XIX в.).....	371
Селиверстова Е.И. О русском духе и русских духом (семантический и прагматический аспекты).....	379

V. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ, КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ, ТИПИЧНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА

Андрейченко О.И. Метафорическое моделирование в политическом дискурсе конца XX – начала XXI века (на примере биоморфной макромоделли).....	388
Бекасова Е.Н. К проблеме трансформации политического дискурса: прозвищное отражение.....	397
Жукова А.Г., Мандрикова Г.М. «Доброволец» и «волонтер» в современном социально-политическом дискурсе.....	405
Кротова А.Г. Политический дискурс как источник прецедентных феноменов в интернет-коммуникации.....	414
Кудрина Н.В. Политические маркеры в поэтическом тексте (на примере поэзии Е. Бунимовича).....	421
Макарова А.С. Я – Шарли / Я не Шарли – две стороны одной медали? (на материале публицистического дискурса франкоязычных и англоязычных массмедиа).....	431
Максимчук Н.А. Политонимы как единицы политического дискурса.....	442
Мухина И.К. Сравнительный анализ распределения синонимов и антонимов в денотативной сфере «нации».....	451
Сегал Н.А. Фразеологизмы-библейзмы как средство объективации крымского референдума в русскоязычных медиатекстах.....	459
Сидоренко К.П. Басни Крылова в современном общественно-политическом дискурсе.....	466
Соколова А.А. Использование фразеологизмов военной тематики в современных СМИ.....	473
Суровцева С.И. Темпоральные предлоги как своеобразие политического дискурса на современном этапе.....	479
Чернова О.Е. Ключевые концепты российского политического дискурса в лозунгах политических партий и общественных движений.....	486
Черняк В.Д. Космополитизм: идеологическая мотивация словарных решений.....	493
Юздова Л.П. Концепты российского политического дискурса (на примере анализа текстов Г.А. Зюганова).....	501

НИКОГДА НЕ ПИШИТЕ СЛОВАРЕЙ..? (Словарной лаборатории 15 лет)

*Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово*
А. Ахматова

Добро пожаловать в уникальное царство словарей – Словарную лабораторию при Научно-исследовательском институте исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова! В этом году Лаборатории исполнилось 15 лет. Ее сотрудники идут тернистым путем лексикографа, труд которого кропотлив, сложен и часто неблагодарен. Но они верны избранному делу.

В 2017 г. Словарная лаборатория отмечает свой пятнадцатилетний юбилей. Много это или мало – попробуем разобраться. Но сначала немного истории.

Решение об открытии Словарной лаборатории на филологическом факультете при кафедре общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета было принято 14 сентября 2001 г., однако трудоемкий процесс открытия затянулся до весны 2002 г.

На призывы основателей собрать необходимые словари, установить аппаратуру, провести ремонт откликнулись и проректор по социальным вопросам проф. В.И. Жернов, и декан филфака проф. Л.Д. Пономарева, выделившая в сложнейших для факультета условиях аудиторию, и сам ректор – проф. В.Ф. Романов, изыскивавший средства на покупку редких книг, на электронное оборудование.

Помогла тогда и заграница: лингвисты Украины, Болгарии, Германии, Чехии, Польши, Хорватии, Австрии, Сербии. В адрес Лаборатории приходили словари и копии уникальных книг из Санкт-Петербурга, Москвы, Челябинска, Перми, Загреба, Ополя, Софии, Праги, Киева, Брно, Грайфсвальда и других научных центров. А начинателем всей этой бурной деятельности по «перелопачиванию тонн словесной руды» стала доктор филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова.

«Я мечтала о том, чтобы на факультете была создана такая лаборатория, – говорит Светлана Григорьевна, – мне хотелось, чтобы у людей, которые причастны к лексикографической работе, была возможность использовать редчайшие книги, уникальные словари».

За пятнадцать лет своего существования маленькая словарная лаборатория из провинциального уральского рабочего города превратилась в признанный славистический научно-исследовательский центр, главное

направление деятельности которого – лексикография, фразеография и крылатография. Заметим, что далеко не каждый крупный российский и зарубежный вуз располагает подобным научным центром

С момента своего основания Словарная лаборатория решает важные государственные задачи. И это не просто громкие слова, все они воплотились в реальные живые дела, масштабы осуществления которых, прямо скажем, весьма впечатляют.

Итак, *de facto* **Словарная лаборатория**

- через подготовку и издание нормативных словарей заботится о сохранении самобытности и чистоты русского языка, о повышении уровня культуры русской речи граждан нашей страны;

- участвует в реализации федеральных целевых программ, направленных на улучшение подготовки специалистов-филологов, в решении фундаментальных и прикладных проблем русистики в рамках лексикографии, фразеографии и крылатографии;

В настоящее время фонд лаборатории насчитывает около 1500 различных словарей. Здесь собраны копии всех памятников старославянского языка, известные современной науке.

Официальное открытие Лаборатории произошло в марте 2002 г., и отмечено было это событие изданием словаря молодежного жаргона г. Магнитогорска «Фильтруй базар» [Максимов 2002]. Словарь этот – дань уважения его автору, покойному ныне профессору Б.Б. Максимова. В.М. Мокиенко, проф. Санкт-Петербургского гос. ун-та и Грайфсвальдского ун-та (Германия), познакомившись со словарем, сказал: «“Фильтруй базар” входит в тройку лучших жаргонных словарей России». Словарь Б.Б. Максимова заказали круп-

нейшие библиотеки Европы и даже библиотека конгресса США, и сегодня трудно найти в жаргонографии работу, в которой бы не было на него ссылок. Вслед за этим словарем на книжном рынке России и Европы появились и другие лексикографические труды лаборатории. Это были словари крылатых слов и выражений, как, например, «Русско-польский словарь крылатых слов», созданный совместно с крупнейшим польским фразеологом В. Хлебдой и российским славистом В.М. Мокиенко [Chlebda 2003] и 2-хтомный «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» (совместно с В.П. Берковым и В.М. Мокиенко) [Берков, т. 1, 2008; Берков, т. 2, 2009]. Три изданных лабораторией словаря стали лауреатами всероссийских издательских конкурсов. Совместно с преподавателями кафедры общего языкознания и истории языка (Л.А. Гараевой, О.В. Гневэк, И.С. Клинковой, А.А. Осиповой, И.В. Петровой, Н.В. Поздняковой, Д.З. Сулеймановой, О.В. Франчук) и научными сотрудниками лаборатории (О.С. Климовой, М.А. Коротенко, А.Н. Михиным, Л.Н. Мишиной, В.Ф. Хайдаровой) была проведена кропотливая работа по созданию первого варианта фразеологического словаря старославянского языка, который стал лауреатом всероссийского конкурса и был издан в 2011 г. при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» [Фразеологический словарь старославянского языка 2011].

В целом же за 15 лет Словарной лабораторией было подготовлено 18 лексикографических изданий.

У Лаборатории налаживались связи с Институтом русского языка РАН им. В.В.Виноградова (Москва), Институтом лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), межкафедральным словарным кабинетом им. проф. Б.А. Ларина (Санкт-Петербург, СПбГУ) а также другими научными центрами (Белоруссия, Болгария, Германия, Казахстан, Польша, Сербия, Украина, Хорватия).

Фундаментальные разработки сотрудников лаборатории по темам «Исследование закономерностей формирования русской языковой картины мира сквозь лексико-фразеологическую призму (от вербализаторов концептосферы средневекового славянина к концептосфере современного носителя русского языка) и «Комплексное исследование духовных истоков русской языковой картины мира и их

эволюции» получили в свое время поддержку Министерства образования и науки РФ (см. [От языковой картины мира средневекового славянина... 2007, 2008; Духовные истоки 2010; Формирование концептосферы восточнославянского этноса 2013]).

Не забыто и юное поколение: сотрудники лаборатории и сама С.Г. Шулежкова выступают перед студентами и школьниками Магнитогорска, рассказывая им о роли словарей в жизни современного человека, причем не только для поиска информации, но и для успешного общения. Специально для школьников Словарной лабораторией совместно со студентами в 2017 г. был выпущен мини-словарь библеизмов «Не хлебом единым» [2017], скоро увидит свет «Словарь крылатых выражений из мультфильмов». И, конечно, постоянными посетителями лаборатории являются студенты и аспиранты. Лаборатория периодически издает сборник работ молодых исследователей «Благословенны первые шаги...» (вышло 11 выпусков).

***de facto* Словарная лаборатория**

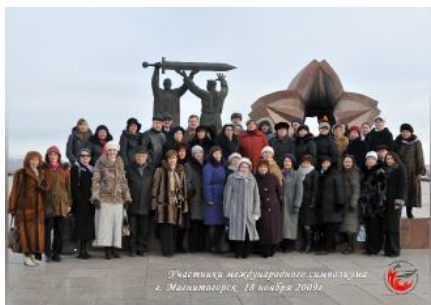
– организует и проводит международные научно-практические конференции. За 15 лет силами Словарной лаборатории было проведено 5 международных научных конференций и 3 международных научных симпозиума.

В 2003 г. прошел круглый стол «Принципы создания старославянского фразеологического словаря» (МаГУ – ИЛИ РАН – Ernst-Moritz-Arndt-Universität (Greifswald)).

В том же году состоялась международная научная конференция «Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе» (Магнитогорск, 12-14 ноября 2003 г.), на которую приехали ученые из Украины, Польши, Германии и многих городов России (около ста участников).

2005 г. – международная научная конференция «Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс» (совместно с Международным комитетом славистов, руководством филологического и исторического факультетов МаГУ).

2009 г. – международный научный симпозиум «Русская лексикография и фразеография в контексте славистики: теория и практика».

2011 г. – международный научный симпозиум «Лексикография и фразеография в контексте славистики».

2014 г. – международный научный симпозиум «Русская культура как объект современной лексикографии и фразеографии».

2015 г. – международная научная конференция «На крыльях слова», посвященная юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой.

2016 г. – международная научная конференция «Россия – Германия: история взаимоотношений; общественные движения; вербальные и политические средства преодоления конфликтов».

2017 г. – международная научная конференция «Россия в поисках мирного решения социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов: Тенденции обновления политического дискурса, отражающие доминантные идеологемы российской официальной дипломатии и пропагандистской деятельности политических партий конца XX – начала XXI в.».

***de facto* Словарная лаборатория**

– содействует реализации Федерального закона о русском языке как государственном языке Российской Федерации и способствует изучению, развитию и распространению русского языка в России, в странах СНГ, Балтии и других странах мира.

Хранение и выпуск словарей, книг, монографий, статей, организация симпозиумов, конференций и круглых столов, публичные лекции и презентации, гранты, поездки по России и миру, встречи на международном уровне, реализация совместных международных

проектов... – это лишь краткий перечень славных дел лаборатории, способствующих решению вышеназванных задач.

Филологи всех стран, объединяйтесь! – таким призывом можно было бы озаглавить всю активную международную деятельность Словарной лаборатории. Никакие санкции не помешали ее сотрудничеству с коллегами-славистами из Белоруссии, Болгарии, Германии, Грузии, Казахстана, Литвы, Польши, Сербии, Словакии, США, Украины, Хорватии, Чехии.

На симпозиуме 2014 г. филологи из стран СНГ, Грузии, Сербии, Хорватии, Болгарии, Германии горячо обсуждали проблемы современной русской культуры и русского языка в условиях глобализации и внедрения Интернета, новых коммуникативных технологий в нашу жизнь; проводились мастер-классы по новейшим достижениям компьютерной лингвистики, круглые столы по юридической лингвистике и сопоставительной лексикографии.

В 2015 г. лабораторией был выигран Международный грант РГНФ и Немецкого научно-исследовательского сообщества DFG (2015–2016 гг.) «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодо-

ления конфликтов и достижения толерантности». В течение двух лет сотрудниками лаборатории, российскими и германскими учеными-славистами и студентами России и Германии анализировался публицистический арсенал современных общественных движений двух стран. Эта колоссальная по своему объему работа была представлена в виде электронного индекса лозунгов и призывов, включающего около 2000 единиц. Апробация исследовательской работы коллектива проходила через выступления с докладами участников проекта на международном, общероссийском, региональном и внутриуниверситетском уровнях.

С.Г. Шулежкова, руководитель проекта, выступила с рядом публичных лекций перед студентами, магистрантами, аспирантами и преподавателями Челябинской государственной академии культуры и искусств и Магнитогорского государственного технического уни-

верситета им. Г.И. Носова с лекцией «Будет ли планета говорить по-русски?», где, в частности, анализировались лозунги «Русского мира» [Шулежкова 2015]. Итогом работы в рамках проекта стал словарь политических лозунгов России и Германии «Дайте миру шанс!» [2016], представляющий собой первый в мировой лексикографической практике опыт «создания словаря политических жанров малой формы». Также была издана коллективная монография «Публицистический арсенал общественных движений России и Германии» [2015] и учебное пособие [Пути преодоления конфликтогенных ситуаций 2016].

В 2014 г. сотрудники лаборатории откликнулись на просьбу инициативной группы нагайбаков, проживающих в Южно-Уральском регионе. В 2015 г. лаборатория подготовила к изданию «Русско-нагайбакский / Нагайбакско-русский словарь-перевертыш» Ольги Ильиничны Барышниковой, которая долгие годы работала учительницей русского языка и литературы среди нагайбаков [Барышникова 2015]. Сотрудники лаборатории понимали: чтобы этот малый народ, предки которого, приняв православие, вошли в состав казачьего сословия и веками защищали границы России, не исчез с карты мира, необходимо для потомков сохранить его язык. Этот словарь вместе с предлагаемым автором алфавитом, отражающим современное состояние звуковой системы нагайбакского языка, стал основанием для признания нагайбаков особым этносом. Сейчас коллектив сотрудников лаборатории продолжает сотрудничество с О.И. Барышниковой и работает над словарем пословиц и поговорок нагайбакского народа.

В настоящее время в лаборатории ведется работа над проектом гранта Министерства образования и науки «Историко-лингвистический комплекс как компонент системы электронной поддержки изучения русского языка различными группами обучающихся и дистанционного образования на русском языке». Отдавая должное языку Инета, В.Ф. Хайдарова в 2011 г. выпустила словарь «Слова, из которых соткана сеть» [Хайдарова 2011].

***de facto* Словарная лаборатория**

— осуществляет научно-исследовательскую работу через подготовку специалистов высшей квалификации.

На протяжении 15-ти лет в Словарной лаборатории в разное время трудились и продолжают трудиться талантливые ученые-лингвисты, вышедшие из стен МГПИ–МаГУ: А.Н. Михин, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.С. Климова, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.Н. Салимова,

В.Х. Хайдарова и др. На аспирантском семинаре, действовавшем при Лаборатории, проходили «обкатку» исследования начинающих ученых, 16 из которых защитили под руководством С.Г. Шулежковой кандидатские диссертации. А.Н. Михин, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова являются сертифицированными экспертами и ежегодно проверяют ЕГЭ по русскому языку, а также имеют удостоверение судебного лингвиста-эксперта. Сотрудники Лаборатории – профессиональные редакторы, корректоры, макетчики.

Ученые Словарной лаборатории стажировались в лучших вузах России и Европы. Это специалисты, чьи работы опубликованы в изданиях, индексируемых базами данных Scopus, Web of Science, и активно цитируются коллегами и учеными с мировыми именами.

Деятельность, которую они ведут, можно назвать подвижнической, ибо она не приносит баснословных доходов, зато требует неимоверного напряжения интеллектуальных сил.

Коллектив Словарной лаборатории – одна семья. Во главе с профессором, доктором филологических наук Светланой Григорьевной Шулежковой она заботится о сохранении ядра национальной культуры – великого и могучего русского языка, создавая фразеологические словари, словари крылатых слов и выражений, исследуя истоки русской языковой картины мира.

А еще все мы, настоящие и бывшие сотрудники ушедшего ныне в историю МаГУ должны быть благодарны Светлане Григорьевне и ее уважаемым коллегам за своевременно созданную энциклопедию МаГУ «Люди, дела, традиции», трижды издававшуюся [2003, 2007, 2012]. Она отражает историю первого высшего учебного заведения легендарной Магнитки с момента его основания до наших дней. В книгу вошли сведения о преподавателях и сотрудниках, а также обо всех структурных подразделениях МГПИ–МаГУ. При подготовке энциклопедии были использованы данные архива МаГУ, Магнитогорского государственного архива, Челябинского областного архива, ряда центральных российских архивов; документы из семейных коллекций; устные и письменные воспоминания свидетелей славных дел коллектива вуза. Эта книга дарит нам возможность «поименно вспомнить тех, кого уж нет, а кто далече...».

15 лет – это возраст подростка, неугомонного, активного, неравнодушного. Сделано немало, но очень многое еще впереди. Пожелаем же коллективу Словарной лаборатории дальнейших творческих успехов на выбранном пути! Ведь вселенные не должны гаснуть!

P/S: Для справки: Словарь В.И. Даля, русского отца-основателя словарной работы, называет лабораторией «заведение для химических и металлургических работ; заведение для начинки орудийных снарядов, для изготовления потешных огней и пр. Лаборатор – кто лично работает в лаборатории, помощник начальника. Лаборант, то же; в аптеке, старший помощник. Лабораторист, лабораторщик – служитель, мастеровой при лаборатории».

А.В. Прокофьева

Литература

Барышникова, О.И. Русско-нагайбакский словарь / О.И. Барышникова ; Науч.-исслед. словарн. лаборатория ИТЦ ; гл. ред., автор вступ. ст. проф. С.Г. Шулежкова ; ред. канд. филол. наук, ст. науч. сотр. НИСЛ А.А. Осипова. – Магнитогорск : Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. – 175 с. ; Нагайбакша-урсыща сүзлек. Урысша-агайбакша сүзлек / Науч.-исслед. словарн. лаборатория ИТЦ ; гл. ред., автор вступ. ст. проф. С.Г. Шулежкова ; ред. канд. филол. наук, ст. науч. сотр. НИСЛ А.А. Осипова. – Магнитогорск : Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. – 112 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 5 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 5 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Дайте Миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом Печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции ее развития : колл. моногр. / Науч.-исслед. словарная лаб. МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, чл. редкол. М.А. Коротенко. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2010. – 257 с.

Люди, дела, традиции : энциклопедия МАГУ (1932–2002) / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; сост. С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.С. Климова, Р.Ш. Нашекина, Н.В. Сычева ; фотографии В.И. Шустикова ; ди-зайн цветных заставок А.Г. Куликова ; подготовка иллюстративного материала Т.В. Кружилиной. – Магнитогорск : МаГУ, 2003. – 336 с.

Люди, дела, традиции : энциклопедия МАГУ (1932–2007) / сост. М.А. Коротенко, Н.В. Меркулова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова,

О.С. Климова, С.Г. Шулежкова [и др.] ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – 430 с.

Люди, дела, традиции : энциклопедия МаГУ (1932–2012) / Науч.-исслед. словарн. лаборатория МаГУ ; сост. С.Г. Шулежкова, Н.В. Меркулова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Изд. 3-е, доп. и перераб. – Магнитогорск : МаГУ, 2012. – 546 с.

Максимов, Б.Б. Филтруй базар : словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Около 31 500 слов и устойчивых словосочетаний / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; подгот. рук. к изд. и вступ. ст. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2002. – 506 с.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : колл. моногр. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2007. – Ч. I. – 238 с.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : колл. моногр. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2008. – Ч. II. – 270 с.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Пути преодоления конфликтогенных ситуаций: толерантные стратегии и тактики : учеб. пособие / О.Е. Чернова, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова» ; Науч.-исслед. словарная лаборатория ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. – 125 с.

Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности : колл. моногр. / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редкол. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 204 с.

Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 ед. / С.Г. Шулежкова, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, А.Н. Михин ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редкол.: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта : Наука, 2011. – 424 с.

Хайдарова, В.Ф. Слова, из которых соткана Сеть : краевтский словарь интернет-языка : ок. 350 ед. / В.Ф. Хайдарова; под ред. С.Г. Шулежковой ; Науч.-исслед. словарн. лаборатория МаГУ. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2011. – 322 с.

Шулежкова, С.Г. Не хлебом единым... : мини-словарь библеизмов для школьников / С.Г. Шулежкова, А.Ю. Аксенова, Д.Э. Борисова [и др.] : Науч.-исслед. словарн. лаб. ; под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2017. – 116 с.

Шулежкова, С.Г. Планета будет говорить по-русски! / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 2 (48). – С. 316-321.

Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szulezkowa. – Łask : Ofi cyna Wydawnicza Leksem, 2003. – 706 s.

I. ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА)

*Е.С. Василевская
Минск, Беларусь*

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОР

Аннотация. Статья посвящена анализу публицистической метафоры в белорусских средствах массовой информации. Источниками материала послужили новостные интернет-порталы TUT.BY, «Белорусский партизан», «Радые свабода», интернет-сайты газет «Наша ніва», «СБ. Беларусь сегодня». Предметом исследования стали публикации, посвященные открытию Паралимпийских игр 2016 г. В статье представлены полярные точки зрения, высказанные в официальных и неофициальных СМИ, на поступок А. Фомочкина, который во время прохождения белорусской делегации паралимпийцев развернул российский флаг. Основное внимание в тексте уделено значению метафор и их роли в создании оппозиции жест солидарности – предмет торга. Создание противоположных оценок одного и того же события достигается использованием слов различной стилистической маркировки, употреблением с переносным значением слов разных тематических групп (термины родства, экономические термины и др.), сочетанием одних и тех же метафор с разными определениями и т.д. На основе проанализированных слов с переносным значением делается попытка рассмотреть, как оцениваются взаимоотношения между Россией и Беларусью различными представителями белорусского общества. Делается вывод о двояком отношении к сотрудничеству двух стран, обоснованном в различных средствах массовой информации.

Ключевые слова: публицистический стиль, публицистическая метафора, Паралимпийские игры, оценка, отношения России и Беларуси, А. Фомочкин, белорусские средства массовой информации

Публицистический стиль в системе стилей литературного языка занимает особое место. Задача публицистики – оперативно рассказать об актуальных событиях и вызвать у читателя (слушателя) определенные отношения к этим событиям. Поэтому некоторые исследователи отмечают срединное положение публицистического стиля между научным и официально-деловым стилями (с которыми

публицистику сближает информативность и документальность) и разговорным (с которым ее сближает доступность и оценочность). Основными функциями публицистического стиля являются информационная и воздействующая, благодаря чему одно и то же событие в различных средствах массовой информации приобретает разные, иногда полярные оценки.

Экстралингвистические особенности публицистического стиля обусловили и особенный характер языковых средств, употребляемых в текстах этого стиля: слова с приподнятой стилистической окраской, оценочная лексика, слова с переносным значением. Одним из достаточно частотных средств выразительности и образности в публицистике являются метафоры, которые позволяют не просто описать ту или иную ситуацию, но и передать отношение того, кто создает текст, к описываемым событиям. Однако публицистические метафоры отличаются целым рядом особенностей, среди которых можно отметить следующие: часто переносное значение приобретают термины (*атмосфера, климат, пульс*); эти метафоры идеологичны, общепонятны, имеют ярко выраженную положительную или отрицательную оценку; нередко удачно найденная метафора тиражируется, употребляется другими журналистами, пока не становится штампом (*борьба за урожай*).

Анализ метафор, используемых в публицистических текстах, позволяет понять отношения между участниками событий, выявить оценку этих событий разными слоями общества. Исходя из этих положений, мы попробуем на материале метафор, выбранных из белорусских средств массовой информации, рассмотреть, как оцениваются взаимоотношения между Россией и Беларусью. Источниками материала послужили новостные интернет-порталы TUT.BY, «Белорусский партизан», «Радые свабода», интернет-сайты газет «Наша ніва», «СБ. Беларусь сегодня».

Для рассмотрения мы выбрали событие, которое, казалось бы, имеет косвенное отношение к политике, – открытие Паралимпийских игр в Рио-де-Жанейро. 8 сентября 2016 г. чиновник Министерства спорта Республики Беларусь Андрей Фомочкин развернул российский флаг во время прохождения белорусской делегации по стадиону «Маракана». После этого А. Фомочкин был лишен аккредитации и выслан из Бразилии. Однако обсуждение и анализ поступка еще

долго оставались актуальными в средствах массовой информации как России, так и Беларуси. В оценке событий разными новостными изданиями, как в зеркале, проявились и отношения между двумя странами. Поступок получил очень неоднозначное толкование в СМИ Беларуси, что и выявляется в использованных журналистами метафорах.

Наиболее употребительным в материалах, посвященных анализируемым событиям, стало словосочетание ***жест солидарности***, в котором слово ***жест*** употребляется с переносным значением 'поступок, совершенный с каким-либо умыслом, расчетом или в знак чего-либо'. Впервые это словосочетание появилось в официальных сообщениях: *Президент Паралимпийского комитета Беларуси Олег Шепель назвал этот поступок жестом солидарности с российскими спортсменами, которых отстранили от Игр* [Стало известно, кто пронес флаг России на параде открытия Паралимпиады 2016]. Словосочетание было подхвачено практически всеми официальными СМИ: *Российский флаг в руках представителя белорусской команды не просто жест солидарности* [Орехов 2016]. Нередко оно использовалось в качестве заглавия текстов: «*Фомочкин о жесте солидарности в Рио: Понимали, что санкции могут коснуться всей сборной Беларуси*» [Рябинин 2016], «*Жест солидарности*» [Жест солидарности 2016].

Метафора подчеркивает бескорыстность мотивов и активность поступка, что проявляется и в синонимических выражениях, которые поддерживают метафору в текстах публикаций, – *знак солидарности, поступок доброй воли, протест против несправедливости* и др.

Поступок А. Фомочкина рассматривается как акт поддержки людей с ограниченными возможностями, которых незаслуженно отстранили от участия в олимпиаде. Для создания положительной оценки и формирования сочувствия к спортсменам употребляется метафора *море несправедливости, отняли мечту*, в которых с переносным значением употребляются слова *море* 'огромное количество, неисчислимое множество чего-либо', *отнять* 'лишать чего-либо (каких-либо качеств, свойств, чувств и т.п.)': *Я знал об этом давно и понимал, что здесь море несправедливости* [«Чувство разочарования, что не так сделали» 2016]. Резко отрицательное отношение к чиновникам ВАДА и Международного паралимпийского

комитета передается через метафорическое употребление слов **давить** ‘оказывать сильное воздействие на кого-, что-либо, склонять, побуждать к чему-либо’, **задвигать**, **урвать** ‘захватывать, присваивать себе часть чего-либо (обычно чужого, запретного)’ и др.: *Вы знаете, я горжусь еще тем, что он **поднял** не только флаг России, но и проблему бесправия в мире. Как можно спорт **смешивать** с политикой? Спортсмены – это спортсмены, а политики – это политики. Но американцы вмешивают сюда и политику. Они **давят** на всех, на кого только можно, чтобы **задвинуть** Россию. А все происходит потому, что Россия **поднимается**, и Америка – гибнет [Отец Андрея Фомочкина... 2016]; Печально, что в очередной раз с характерным **треском** на глазах всего мира **покосился** миф о всепланетном спортивном братстве, о чем нам с упоением твердили на самых разных уровнях; Большие всех на халяву **урвали** американцы – 22 дополнительных места на Играх [Орехов 2016].*

Эти и подобные языковые средства акцентируют внимание на моральном аспекте поступка, подчеркивают его значимость для чистоты спорта и открытости в решении допинговых проблем. Поэтому общая оценка, которая дается официальными СМИ, целиком положительная, что передается употреблением словосочетание: **мощное** (перен. ‘величественный, грандиозный’) *проявление солидарности*, **порыв** (перен. ‘сильное мгновенное проявление какого-либо чувства’) *Фомочкина*, **фантастический** (перен. ‘исключительный, поразительный, необыкновенный’) *поступок*, *эмоции **накрыли*** (перен. ‘захватывать, застигать кого-либо врасплох’).

Очень эмоционально и образно описала поступок А. Фомочкина газета «СБ. Беларусь сегодня» – официальный орган Администрации Президента Республики Беларусь: *Не хочется быть пафосным, но мне кажется, что это – пример настоящего спортивного поведения и олимпийского **духа**, чего так не хватает сегодня многим международным спортивным функционерам; Он, чтобы не пострадали атлеты, «**вызвал огонь на себя**» и пронес на церемонию открытия флаг братской страны буквально на сердце, под формой паралимпийца [Поступок доброй воли 2016].*

В связи с упомянутым событиям средства массовой информации неоднократно подчеркивают единство России и Беларуси, употребляя с переносным значением слова **брат** перен. ‘тот, с кем

объединяют, сближают общие интересы, условия жизни и т.п.; единомышленник, собрат’, **семья** перен. ‘группа, организация людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами’, **близкие люди**: Поступок Андрея Фомочкина стал еще одним подтверждением тому, что мы – белорусы и россияне – больше, чем союзники. Мы – **родные люди** [Труханова 2016]; «Им на Западе просто не понять, что такое братские народы, что мы живем одной **семьей**, всегда поддерживали и будем поддерживать друг друга», – откровенничал Фомочкин [Вишневский 2016]; Гэта ўчынак. Фомачкін выказаўся ў падтрымку сяброў, калегаў, **братоў** расіян (Это поступок. Фомочкин высказался в поддержку друзей, коллег, **братьев** россиян) [Былы міністр спорту 2016].

Однако далеко не все оценки были столь однозначны. Практически сразу после открытия олимпиады в Интернете появилась петиция, в которой поступок А. Фомочкина был назван **политическим жестом**, который наносит урон имиджу Беларуси. Определение **политический** в сочетании с метафорой **жест** переносит акценты из сферы морали в сферу политики: Мы, граждане Беларуси, требуем рассмотреть вопрос об отстранении от должности руководителя Паралимпийского комитета Беларуси Олега Шепеля за политический **жест** со стороны одного из членов белорусской делегации на открытии Паралимпиады в Рио-2016 в виде развернутого флага России в качестве мнимой солидарности [В Интернете появилась петиция 2016].

Оценка события приобретает откровенно иронический оттенок, например, при употреблении разговорного глагола **прогреметь** ‘приобрести известность, прославиться’: Андрей Фомочкин, который сегодня **прогремел** на Паралимпиаде в Рио, знаком мне с тех пор, как он возглавлял Республиканский центр олимпийской подготовки по легкой атлетике [«Сегодня вы потеряли мое уважение» 2016], разговорной метафоры **хвост** ‘конечная, задняя часть чего-либо движущегося’: Это когда в **хвосте** белорусской колонны пронесли триколор [Тышкевич 2016], слов и словосочетаний **заходиться в экстазе, перформанс, проверить спецоперацию, катастрофа**, которыми описывается или само событие, или отклик на него в обществе: Пресс-секретарь президента Наталья Эйсмонт рассказала печально известному Лайфу, что белорусским паралим-

нийцам пришлось **провернуть** целую **спецоперацию**, чтобы флаг России все-таки появился на Паралимпиаде в Рио [«Спецоперация» в Рио 2016].

В неофициальных источниках возникает тема далеко не бескорыстного поступка: *Фомочкин **попал**. А Россия **заплатит** за флажок. Мелочь, а приятно* [Тышкевич 2016]. На страницах белорусских СМИ возникает тема торга, которая реализуется в целом ряде метафор: **получить дивиденды, плата за флажок, получить висты, обещали «плюшки»**, в которых слова **дивиденды, плата, висты** и **«плюшки»** употребляются как синонимы в переносном значении ‘воздаяние, награда за что-либо’. Поступок расценивается как способ воздействия на Россию в определении цен на газ. Поэтому само событие трактуется как **игра** (перен. ‘преднамеренный ряд действий, поступков и т.п., преследующих определенную – обычно неблагоприятную – цель; интриги, тайные замыслы’) **со старшим братом** (Россией), **игра на имперских комплексах соседки, прогиб перед Россией** (перен. ‘поступок с целью выслужиться’), **пиар-шаг** (перен. ‘действие, поступок для популяризации’), **демарш** (перен. ‘просьба, обращение и т.п. к кому-либо с целью добиться уступок, объяснений и т.п.’) и др.: *У інтэрвію Свабодзе Фомачкін заявіў, што не шкадуе пра ўчынены **дэмарш** і ганарыцца, што акцыя атрымала такі рэзананс (В интервью Свободе Фомочкин заявил, что не жалеет про совершенный **демарш** и гордится, что акция получила такой резонанс)* [Карней 2016(a)].

Отношения между двумя странами рассматриваются не как семейные и братские, а как отношения государя и подданного: *У сьвеце і так лічаць Беларусь **сатэлітам** Расеі (В мире и так считают Беларусь **сателлитом** России)* [Карбалевіч 2016]. Обращает на себя внимание употребление с переносным значением слова **сателлит** исполнитель чужой воли, которое подчеркивает зависимое состояние Беларуси, а слово **брат** если и употребляется неофициальными СМИ, то только в сочетании с прилагательным **старший**: *Але беларуская адміністрацыя ў складанай, поўнай інтрыг і супярэчнасцяў гульні са «**старэйшым** братам» за свой імідж на расейскім, беларускім і міжнародным палітычным полі набыла вистоў (Но белорусская администрация в сложной, полной интриг и противоречий игре со «**старшим** братом» за свой имидж на рос-*

сийском, белорусском и международном политическом поле приобрела висты) [Дашкевіч 2016].

Событие трактуется не как акт солидарности с российскими паралимпийцами, как **спекуляция** (перен. ‘использование чего-либо – каких-либо обстоятельств, чьих-либо затруднений – в личных корыстных целях’) на проблемах инвалидов: «Блюзьнерства» ад спадарыні Эйсмант гэта – пераводзіць чалавека з абмежаванымі магчымасцямі ў касту недатыкальных... Блюзьнерства – гэта **спэкуляваць** на тэме (Кошунство от госпожи Эйсмонт это – переводит человека с ограниченными возможностями в касту неприкосновенных... Кошунство – это **спекулировать** на теме) [Квяткоўскі 2016].

Полярными являются и оценки самого героя событий: от возвышенного и пафосного **герой**: Официальный представитель российского МИД Мария Захарова назвала Фомочкина **героем** [МИД 2016]; до неодобрительного **инструмент** достижения цели (перен. ‘средство, применяемое для достижения или осуществления чего-либо’): Мне кажется, некоторые круги в нашей стране пытаются использовать нашу команду в качестве **инструмента** для достижения каких-то политических целей [The Guardian 2016]; и человек-**подрывник** (перен. ‘человек, который действует по чужой указке’): «Чалавек-падрыўнік» з трыкалерам [Карней 2016(б)].

Таким образом, анализ метафор, использованных для описания и оценки открытия Паралимпиады, показывает, что поступок А. Фомочкина воспринят далеко не однозначно в белорусском обществе. Полярные позиции высказаны официальными и неофициальными средствами массовой информации. На основе высказанных позиций можно сделать вывод, что отношения между Россией и Беларусью в разных средствах массовой информации трактуются двояко: с одной стороны, как братские и дружественные, основанные на сотрудничестве и взаимопомощи, и с другой стороны, как отношения подчинения и торга между странами.

Литература

Белорусский партизан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org> (дата обращения: 30.03.2017).

Белорусский портал TUT.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tut.by> (дата обращения: 30.03.2017).

Былы міністр спорту: Мне прапаноўвалі \$4,5 тысячы, каб пранесці на Алімпіядзе-2000 «апазіцыйны сцяг» [Электронны ресурс] // Наша Ніва: першая беларуская газета, 09.09.2016. – Режим доступу: <http://nn.by/?c=ar&i=176952> (дата абращения: 15.03.2017).

В Інтернете появилась петиция с требованием уволить главу Паралимпийского комитета Беларуси, 08.09.2016 // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://sport.tut.by/news/aboutsport/511323.html> (дата обращения: 17.03.2017).

Вишневицкий, С. Суды, мельдоний и флаг под тельняшкой. Скандалы годав беларусском спорте, 22.12.2016 [Электронны ресурс] / С. Вишневицкий, К. Клименков // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://sport.tut.by/news/aboutsport/524673.html> (дата обращения: 15.03.2017).

Дашкевич, А. Якасьць піяру, 06.09.2016 [Электронны ресурс] / А. Дашкевич // Радыё Свабода. – Режим доступа: <http://www.svaboda.org/a/27981427.html> (дата обращения: 19.03.2017).

Жест солидарности [Электронны ресурс] // СБ «Беларусь сегодня», 03.10.2016. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/zhest-solidarnosti.html> (дата обращения: 19.03.2017).

Карбалевіч, В. Пацалункі ёсьць, газу – няма, 21.09.2016 [Электронны ресурс] / В. Карбалевіч // Радыё Свабода. – Режим доступа: <http://www.svaboda.org/a/28004421.html> (дата обращения: 28.03.2017).

Карней, І. Беларуская Паралімпіяда – ад скандалу Фомачкіна да трыюмфу Бокага, 19.09.2016(а) [Электронны ресурс] / І. Карней // Радыё Свабода. – Режим доступа: <http://www.svaboda.org/a/27999840.html> (дата обращения: 28.03.2017).

Карней, І. «Трольшчыкі нападаюць, не разумеючы сутнасьці», – сьцяганосец Фомачкін пра сваю гістарычную місію, 14.09.2016(б) [Электронны ресурс] / І. Карней // Радыё Свабода. – Режим доступа: <http://www.svaboda.org/a/sciahanosiec-fomackin/27988287.html> (дата обращения: 28.03.2017).

Квяткоўскі, С. «Інваліды» VS «спартоўцы», 11.09.2016 [Электронны ресурс] / С. Квяткоўскі // Радыё Свабода. – Режим доступа: <http://www.svaboda.org/a/27980188.html> (дата обращения: 28.03.2017).

МИД: белорусский спортсмен, вынесший флаг России на открытии Паралимпиады, поступил по-мужски, 08.09.2016 [Электронны ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/511271.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Наша ніва: першая беларуская газета [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://nn.by> (дата обращения: 30.03.2017).

Орехов, Б. Бобруйская «торпеда» [Электронны ресурс] / Б. Орехов, Г. Москаленко // СБ «Беларусь сегодня», 19.09.2016. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/bobruyskaya-torpeda.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Отец Андрея Фомочкина: А все происходит потому, что Россия поднимается, и Америка – гибнет, 09.09.2016 [Электронны ресурс] //

Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://sport.tut.by/news/aboutsport/511535.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Поступок доброй воли [Электронный ресурс] // СБ «Беларусь сегодня», 08.09.2016. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/postupok-dobroy-voli.html> (дата обращения: 15.03.2017).

Радыё Свабода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svaboda.org> (дата обращения: 30.03.2017).

Рябинин, В. Фомочкин о жесте солидарности в Рио: Понимали, что санкции могут коснуться всей сборной Беларуси, 09.09.2016 [Электронный ресурс] / В. Рябинин, Е. Данильченко // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://sport.tut.by/news/aboutsport/511541.html> (дата обращения: 25.03.2017).

СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by> (дата обращения: 30.03.2017).

«Сегодня вы потеряли мое уважение» (известный спортивный журналист Борис Тасман на своей странице в ФБ высказался по поводу произошедшего в Рио), 09.09.2016 [Электронный ресурс] // Белорусский партизан. – Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/sport/354913/> (дата обращения: 20.03.2017).

«Спецоперация» в Рио: рассказы становятся все героичнее, 08.09.2016 [Электронный ресурс] // Белорусский партизан. – Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/sport/354902/> (дата обращения: 25.03.2017).

Стало известно, кто пронес флаг России на параде открытия Паралимпиады [Электронный ресурс] // СБ «Беларусь сегодня», 08.09.2016. – Режим доступа: <https://www.sb.by> (дата обращения: 28.03.2017).

Труханова, Э. Герои нашего времени [Электронный ресурс] / Э. Труханова // СБ «Беларусь сегодня», 15.09.2016. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/geroi-nashego-vremeni1231.html> (дата обращения: 28.03.2017).

Тышкевич, И. Флаг, квартира и тюрьма. Иль чемодан-вокзал-Москва, 07.10.2016 [Электронный ресурс] / И. Тышкевич // Белорусский партизан. – Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/opinions/358038/> (дата обращения: 28.03.2017).

Флоря, А.В. Русская стилистика : курс лекций / А.В. Флоря. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 892 с.

«Чувство разочарования, что не так сделали». Лукашенко прокомментировал поступок Фомочкина в Рио, 17.11.2016 [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://sport.tut.by/news/aboutsport/520260.html> (дата обращения: 21.03.2017).

The Guardian: белорусские паралимпийцы возмущены поступком Фомочкина. «Беларусь 1» опровергает, 10.09.2016 [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://sport.tut.by/news/aboutsport/511594.html> (дата обращения: 21.03.2017).

*Elena S. Vasilevskaya
Minsk, Belarus*

RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND BELARUS IN THE MIRROR OF METAPHORS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the journalistic metaphor in Belarusian mass media. The sources of material were online news portals TUT.BY, Belarus Partisan, Radio Svaboda, online websites of newspapers Nasha Niva, SB. Belarus Today. The subject of the study covered publications on the opening of the Paralympic Games in 2016. The article presents opposite points of view expressed in official and unofficial mass media regarding the act of A. Fomochkin, who unfurled the Russian flag during the passage of the Belarusian delegation of the Paralympic athletes. The text focuses on the importance of metaphors and their role in creating the opposition “solidarity gesture vs. subject of bargaining”. Creation of opposite evaluations of the same event is achieved by using words of different stylistic connotations, figurative use of words of various thematic groups (terms of kinship, economic terms, etc.), combining the same metaphors with different definitions, etc. Based on the analyzed words with figurative meaning, we try to consider how the relations between Russia and Belarus are evaluated by various representatives of the Belarusian society. The conclusion is made about an ambivalent attitude to the cooperation of the two countries substantiated in various media.

Key words: journalistic style, journalistic metaphor, Paralympic Games, evaluation, relations between Russia and Belarus, A. Fomochkin, Belarusian mass media

*С.И. Георгиева
Пловдив, Болгария*

ОБРАЗ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ БОЛГАРСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается эмблематический образ России в жизни болгар, надежда на ее поддержку, силу, вера в ее непобедимость. История Болгарии отмечена четырьмя основными периодами, связанными с Россией: 1. Освобождение от турецкого владычества – это образ «Деда Ивана» – доброго, сильного, любящего; 2. Восстание 1944 г. – сво-

бода, новое развитие, широкая русская душа, восторженное отношение к подвигу русских и преклонение перед ее жертвами; 3. Экономическое развитие страны в период социализма – тесная дружба и сотрудничество двух братских народов, спор «кто кого больше любит», интеллигенция получает образование в СССР; 4. Новый период после 1989 г., время вступления Болгарии в Европейский союз и НАТО, когда образ России моделируется по-новому, когда правящие и народ по-разному относятся к России. СМИ по-разному пропагандируют современную российскую действительность.

Ключевые слова: (7-10): «Дед Иван», вера, надежда, новое время, ЕС, НАТО

Болгаро-русские отношения глубоки и многогранны. Эти отношения занимают свое, «особое» место в сердцах болгар и в контактах Болгарии с остальным миром. Они носят всеобъемлющий характер и связаны с этническими, политическими, экономическими, культурными и религиозными связями между двумя народами.

1. Начало болгаро-русской истории относится к VI веку, когда южные и восточные славяне, будущие болгары и русы переживали догосударственный период. Позднее, в эпоху хорошо организованной государственности, последовали активные связи Первого Болгарского государства и Киевской Руси. На протяжении многих лет у этих государств была общая граница, благодаря чему, вместе с этнической и языковой близостью, поддерживались интенсивные связи во всех общественных сферах. «Начиная с XVI века болгарский народ обращался за содействием к России, стремился приобщиться к русской культуре. Вековые связи между монастырями, использование русских богослужебных книг и церковной утвари <...> образование, которое болгарские священники, учителя и писатели получили в России – все это является важным компонентом национальной культуры и национального сознания» [Гандев 1987: 111].

Этот многовековой духовный и государственный обмен привел к созиданию в болгарском национальном самосознании в период Османского владычества нового образа России. Почти пять столетий османские завоеватели подвергали Болгарию невиданному грабежу и опустошению. И все эти пять веков болгарский народ не прекращал сопротивляться поработителям и сумел сохранить свою самобытность и культуру.

Болгарский народ все время верил, что Россия поможет ему освободиться от гнета завоевателей. Все восстания болгар жестоко подавлялись. С особенной жестокостью было подавлено Апрельское восстание 1876 г. В России и во многих странах Европы общественные деятели и писатели (Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, В. Гюго и многие другие) выступали в защиту болгарского народа.

Болгарский народ верил, что Россия поможет ему освободиться от гнета завоевателей. Народные песни о России и о русско-турецких войнах занимают достойное место в болгарском народном творчестве и выражают веру болгар в освободительную миссию «Деда Ивана» (так ласково болгарский народ называл Россию) – доброго, сильного, всемогущего, любящего.

Всеизвестна песня, в которой говорится, как Болгария, после подавления восстания, пишет «жалобу» русскому царю, просит у него защиты:

*Хвала тебе, царю Александре,
хвала тебе, наше ясно слънце,
я елате нази да отървете...*

[Тзавелла 2017: 1-4]

Во второй половине XIX в. Болгария была освобождена от османского гнета в результате победы русского оружия в войне с Турцией 1877–1878 гг. Это событие оказало огромное влияние на политическое и экономическое развитие Болгарии: она вернулась на политическую карту Европы и получила свою национальную независимость. На территории Болгарии поставлено более 900 памятников в честь русских, погибших в борьбе за освобождение Болгарии. В болгарской культуре лучшие произведения благодарности и преклонения посвящены России, подвигам русских воинов. Все болгары с раннего детства знают и читают с огромной симпатией стихи болгарского поэта Петко Славейкова:

„Кат Русия няма втора тъй могъща на света, тя е нашата опора, тя е нашата висота!“

Знают с малодетства и стихи Ивана Вазова: Здравствуйте, братушки!

*– Мамо, мамо, я ги виж!
– Що е? – Идат, погледни ги.
С пушки, с саби... – Що стоиш?*

*Скоро, чедо, поздрави ги!
И детето дава крушки
на солдатите без страх
и крещи на тях:
здравствуйте, братушки!*

На вольные пожертвования народа поставлены лучшие памятники русским воинам – храм-памятник Александра Невского в Софии (самое монументальное здание XX века на Балканском полуострове); памятник Алескандру II-Освободителю, Русский памятник в Софии; Памятник русским воинам, павшим за свободу болгарского народа в 1877–1878 гг. на холме Освободителей в Пловдиве; памятники, воздвигнутые на легендарной Шипке и в Плевне. Русские памятники поставлены почти во всех городах и селах Болгарии с огромной любовью и благодарностью русским воинам. Картины болгарских художников также выражают радость в глазах при встрече освободителей!

В ходе становления Болгарии как независимого государства внутри страны происходила классовая дифференциация, создавались политические партии, выражавшие интересы различных классов и социальных слоев. Самый мрачный период в истории Болгарии после освобождения страны от османского ига – это годы монархо-фашистской диктатуры, когда политические партии были запрещены. Царь Борис и прогитлеровское правительство присоединило Болгарию к фашистскому лагерю, но и тогда болгарский народ тянулся к России. Афористическим стало высказывание болгарского царя Бориса: «Мои генералы – англофилы, народ – русофил, только я болгарофил!»

2. Подготовка и проведение вооруженного народного восстания 1944 года, его согласование с вступлением в Болгарию советских воинов и их решающая помощь, обеспечили освобождение Болгарии от фашизма и установление народно-демократической власти. В этот период отношения между Болгарией и СССР были очень теплыми, дружескими, болгары преклонялись перед подвигом советских людей!

Русский язык был самым востребованным, желанным, книги на русском языке читали почти все болгары, смотрели с огромным интересом фильмы военных лет, знали хорошо многих русских артистов, певцов, писателей, восхищались «широкой русской душой»

и преклонялись перед подвигом русских, которые в самые трудные времена сохранили свою доброту, человечность. В этот период поставлены эмблематические памятники советским воинам: памятник Алеше (в Пловдиве), памятник Советской Армии в Софии и многие другие. Песню «Катюша» знали и пели почти все болгары, передовая интеллигенция стремилась получить образование в русских вузах; русские строили «Козлодуй», «Марица-Восток» – первые атомные станции в Болгарии, болгары уезжали с желанием работать на русской целине, на заводах в Магнитогорске. В этот период возникло много смешанных болгаро-русских семей; контакты были активными на всех уровнях! Россия была самым желанным другом для болгар! Всех советских людей называли *русскими*.

3. Экономические связи Болгарии и России в период социализма были очень активными, передовая интеллигенция получила образование в СССР, который был самым желанным местом для учебы. Все восхищались успехами русской технической науки. Тесная дружба и сотрудничество двух братских народов, углубленная экономическая интеграция скрепляли Совет Экономической взаимопомощи и Варшавский договор; активные экономические, культурные, дружеские отношения разрастались. Известен извечный спор между болгарами и русскими «кто кого больше любит». Русская народная и классическая музыка была популярна в Болгарии; все болгары любили песни «Подмосковные вечера», «Очи черные», оперу «Князь Игорь» Бородина. В болгарских театрах показывали русские спектакли по произведениям А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Б. Пастернака и др.

Развитие туризма в этот период приобрело исключительно активный характер [Чернейко 1979: 116-119], русских туристов в Болгарии называли туристами №1, а самыми желанными экскурсиями болгар были поездки в Россию! Почти все болгарские города имели города-побратимы в СССР.

4. Период после 1989 г. изменил коренным образом политическую систему Болгарии. Были созданы новые партии (СДС – Союз демократических сил и др.), которые пропагандировали другую, новую жизнь, похожую на жизнь Западной Европы. Отношения между Болгарией и Россией стали сложными: были искусственно прерваны традиционные деловые, экономические, культурные, научные

и др. связи. Обучение русскому языку резко сократилось в школах и вузах, многие кафедры русского языка были закрыты, русские книжные магазины также были закрыты, так как большинство болгар уже не изучало русский язык. Контакты между городами-побратимами прекратились.

Молодые болгары стали уезжать учиться в США и в Западную Европу, а ведь именно из них складывалась интеллигенция страны, будущие члены правительства, парламента и правящая элита Болгарии. Это время вступления Болгарии в Европейское сообщество и в НАТО. Образ России стал моделироваться по-другому. Правящая верхушка и народ по-разному стали относиться к России. СМИ отражают современную российскую действительность далеко не адекватно. Болгарам внушают, что в России нет свободы слова, что русские живут плохо, тяжело, потому и иностранцы к России не тянутся; что во многих трагедиях в мире виновата именно Россия. Правящие политики настроены антироссийски, в то время как люди Болгарии убеждены, что слова болгарской пророчицы Ванги «Россия спасет мир!» сбудутся.

Недавно в Софии поставлены памятники А.С. Пушкину, академику Д.С. Лихачеву по инициативе признательных болгар. Не зря Д.С. Лихачева называют болгаролюбом. В представлении болгар академик Лихачев присутствует как фигура эмблематическая не только для палеославистики, но и вообще для гуманитаристики XX в.

В последние годы русское правительство дает возможность болгарам бесплатно учиться в русских вузах, и молодые болгары пользуются этой возможностью; культурные связи получили новый импульс к развитию, они стали более активными.

Многие обвиняли и обвиняют Россию в разные грехи, а президента В.В. Путина часто представляют как современного агрессора, но никто никогда Россию не жалел и не жалеет. Сильных не жалеют!

Имя «Россия» обязывает быть сильной, справедливой, быть образцом мирового порядка. Если Россия сильная, то маленькие страны и народы будут тянуться к ней, русский язык будет нужен, востребован. И Россия доказывает свою силу и справедливость реальными делами. Граждане России, несмотря на изменение политического курса современной Болгарии, проявляют глубокий интерес к болгарской национальной культуре. Российские слависты

чтут вклад Болгарии в сохранение кирилло-мефодиевских традиций (см. [Верещагин 1997, 2012; Ефимова 2011; Индекс 2012, 2014, 2015; Фразеологический словарь старославянского языка 2011; Шулежкова 2013, 2017]).

Последние исследования социологической службы „Галъп“ показывают, что в случае военного конфликта болгарский народ надеется на защиту России, а не на защиту США. «Политики, однако, хотят другое. Получается расхождение между волей народа и управляющими политиками... Будущее Болгарии связано с Россией» [Тзавелла 2017: 2].

Болгария является лояльным членом ЕС и НАТО, но своими корнями, традициями и историей она принадлежит славяно-православной цивилизационной модели. Это значит, что Болгария должна развивать прагматичные отношения не только с Вашингтоном и Брюсселем, но и с Москвой, Пекином и Анкарой.

В сердцах болгар Россия остается быть любимой, дружеской, неповторимой страной!

Литература

Верещагин, Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников / Е.М. Верещагин. – М. : Мартис, 1997. – 314 с.

Верещагин, Е.М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межпредметные и междисциплинарные разыскания / Е.М. Верещагин. – М. : Индрик, 2012. – 518 с.

Гандев, Х. Формиране и утвърждаване на българската нация : монография / Х. Гандев. – София : СОФИЯ ПРЕСС, 1987. – 146 с.

Ефимова, В.С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора / В.С. Ефимова. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2011. – 224 с.

Индекс устойчивых словесных комплексов Архангельского и Туровского евангелий / Науч.-исслед. словарная лаб. ; сост. Н.В. Позднякова, С.Г. Шулежкова, Д.В. Жигулина ; вступ. ст. Н.В. Позднякова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. – 92 с.

Индекс устойчивых словесных комплексов Ватиканского евангелия X века / С.Г. Шулежкова Р.В. Дворжецкий, Е.А. Косминская ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; под ред. проф. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), ст. науч. сотр. А.А. Осиповой, Н.В. Поздняковой,

А.Н. Михина. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2017. – 135 с.

Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / Науч.-исслед. словарная лаб. ; сост.: А.Н. Михин, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2014. – 126 с.

Индекс устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения X–XI вв. / Науч.-исслед. словарная лаб. ; сост. : А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова ; ред. колл. : Н.В. Меркулова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2012. – 69 с.

Тзавелла Христофор. Образът на Русия в български народни песни от Мизия, Тракия и Македония. [Электронный ресурс] / Х. Тзавелла. – Режим доступа: www.dume.bg/141738 (дата обращения: 03.03.2017).

Фразеологический словарь старославянского языка : св. 500 ед. / А.Н. Михин, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова [и др.] ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 424 с.

Цейтлин, Р.М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. – М.: Наука, 1977. – 336 с.

Чернейко, Г.А. Народная республика Болгария: справочник. / Г.А. Чернейко – М. : Изд-во полит. лит., 1979. – 120 с.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным : очерки о судьбах библейских крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука. 2013. – 260 с.

Stefka Georgieva
Plovdiv, Bulgaria

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE MIRROR OF THE BULGARIAN REALITY

Abstrakt. In this paper the emblematic image of Russia in the lives of the Bulgarians is analysed, their hope and faith that Russia will support them, that it is strong and invincible. There are four main periods, connected with Russia, in the history of Bulgaria: 1. The liberation of Bulgaria from the Turkish domination: this is the image of Grandfather Ivan who is good, strong and loving; 2. The uprising in 1944: freedom, new development, the broad Russian soul, the enthusiastic attitude to the feat of the Russians and worship of the victims; 3. The economic development of Bulgaria during socialism and the

close friendship and cooperation of the two brotherly peoples, and the argument who loves whom better. The Bulgarian intelligentsia was educated in the USSR; 4. The new period after the changes in 1989 when Bulgaria joins the European Union and the NATO, when the image of Russia is modeled in a new way, when Bulgarian rulers and the people have different attitude to Russia. The media have various interpretations of modern reality.

Key words: „Grandfather Ivan“, faith, hope, new time, the EU, the NATO

*Е.Е. Иванов
Могилев, Беларусь*

**ЯЗЫК, ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**
**(роль культурно-идеологического фона афористических единиц
в изучении русского языка и в преподавании на русском языке
как родном и как неродном в Республике Беларусь)**

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь языка, идеологии и культуры в образовании (на материале афористических единиц русского языка – пословиц, крылатых афоризмов) в условиях русско-белорусского билингвизма в Республике Беларусь. Используя русский язык в качестве средства коммуникации, жители Беларуси, не являющиеся по своей национальности русскими, не воспроизводят в полной мере русскую языковую картину мира, поскольку не являются её носителями, принадлежат к иной, не собственно русской культуре. Культуроведческая направленность обучения русскому языку в условиях близкородственного русско-белорусского двуязычия в Беларуси предполагает следующие компоненты: (а) приобщение обучающихся к русской культуре; (б) лучшее осознание культуры своей собственной страны; (в) умение её представить средствами русского языка; (г) включение обучающихся в диалог русской и белорусской культур. Культурологический подход в методике преподавания русского языка в средней и высшей школе Беларуси может быть интерпретирован как лингвострановедческий. Лингвострановедческий компонент следует использовать в процессе преподавания русского языка не только как иностранного, но и как языка межнационального (межэтнического) общения, родного для неавтохтонных его носителей, в нашем случае – в процессе преподавания русского языка в Беларуси для белорусов.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, русский язык, идеология, культура, образование, афористические единицы, пословицы, крылатые афоризмы

Место и роль изучения языка в образовательном процессе традиционно ограничивается усвоением лингвистических знаний и грамматических схем, орфографических и пунктуационных правил, совершенствованием культуры речи. Но язык может выступать не только как предмет обучения или как средство коммуникации (канал передачи знаний), но и как одно из наиболее действенных средств формирования мировоззрения личности, помогающее адекватно воспринимать окружающий мир и многообразие социальных взаимоотношений.

Изучение национально-культурной семантики языка и его воздействия на формирование мировоззрения, социальных и нравственных ориентаций личности в образовательном процессе имеет, на наш взгляд, ярко выраженную идеологическую направленность.

Взаимосвязь языка и идеологии в образовании и проблема языка как средства идеологического воспитания мало исследованы. Познавательная и аккумулятивная (или кумулятивная) функции языка как объект дидактики рассматривались в рамках лингвострановедческого описания языка при его преподавании как иностранного [Верещагин 1990], а также как неродного (второго) в условиях ситуации двуязычия [Иванов 1998; 2001].

Реализация познавательной и аккумулятивной функций языка в семантике афористических единиц (пословиц и крылатых афоризмов) изучена достаточно хорошо [Шулежкова 1994; Осипова 2014; Анохина 2015; Иванов 2016]. Вместе с тем отражению в афористических единицах языка идеологии различных социальных слоев общества посвящены единичные публикации [Раскин 1972]. Технология комплексного использования афористических единиц языка в образовательном и воспитательном процессах разработана только в педагогике начальной школы [Введенская 2000]. Для общего среднего и среднего специального образования, а также для высшего образования необходимы иные технологии.

Идеологический аспект воспитания учащихся и студентов представляет собой целенаправленное формирование определенных мировоззренческих, социальных и нравственных ориентаций

личности в процессе преподавания гуманитарных дисциплин и проведения воспитательных мероприятий.

Роль языка в образовании и воспитании не ограничивается только его использованием в качестве средства передачи информации (коммуникативная функция) и воздействия на индивида (регулятивная функция). Язык является также действенным средством познания окружающей действительности, формирования мировоззренческих убеждений, социальных взглядов и нравственных ценностей (познавательная функция). В номинативных единицах языка (словах, фразеологизмах и языковых афоризмах – пословицах и крылатых изречениях) содержатся, как известно, знания об истории, культуре, общественном укладе, этических нормах, социальных условиях жизни, обыденных представлениях («картине мира»), психологии и менталитете народа и т. д. (аккумулятивная функция языка).

Особой ценностью в этом смысле обладают афористические единицы языка, которые в отличие от других номинативных единиц (фразеологизмов и слов) представляют собой готовые тексты (произведения фольклора или литературы), аккумулирующие в себе многовековой опыт народной мудрости (пословицы), лучшие образцы осмысления бытия человека и природы в отечественной и зарубежной художественной литературе, философии и науке (крылатые изречения).

Язык, благодаря наличию познавательной и аккумулятивной функций, может и должен использоваться как в образовательном процессе, так и в идеологическом воспитании, поскольку язык – это не только этнический признак, но и основной элемент духовной культуры, гигантская энциклопедия знаний, понятий, сокровищница общественного сознания народа, который ее создал. Особенно эффективно могут быть использованы афористические единицы языка, в содержании которых заложен огромный идеологический (познавательный и воспитательный) потенциал.

Этим диктуется необходимость как выработки концепции взаимосвязи языка и идеологии в образовании, так и создания технологии использования афористических единиц языка как средства идеологического воспитания. Для обеспечения эмпирической базы новой технологии воспитания необходима подготовка специальных учебно-методических комплексов (отдельно для средней и высшей школы), состоящих из методических пособий и сборников дидак-

тических материалов. Поскольку образование в Республике Беларусь ведется на двух государственных языках, новую технологию следует адаптировать к обоим языкам, а комплексы дидактических материалов разрабатывать одновременно и на русском, и на белорусском языках.

Таким образом, насущной потребностью является создание концепции взаимосвязи языка и идеологии в образовании и разработке на ее основе технологии использования афористических единиц языка как средства идеологического воспитания учащихся и студентов в процессе преподавания русского языка как родного и как неродного, а также всех гуманитарных дисциплин.

Для этого необходимо учитывать место и роль языка (реализации его познавательной и аккумулятивной функций) в образовательном процессе; идеологический (познавательный и воспитательный) потенциал содержания афористических единиц языка (элементы традиционного мировоззрения, духовной культуры, нравственных ценностей, общественного сознания и менталитета русского народа); дидактические принципы и методические способы и приемы использования афористических единиц языка как средства идеологического воспитания.

Взаимосвязь языка и идеологии в образовании основывается на объективных свойствах языка быть орудием мысли и хранилищем человеческого опыта, что позволяет рассматривать его как одно из основных средств идеологического воспитания.

Язык в аспекте его познавательной и аккумулятивной функций может и должен выступать как самодостаточное средство воспитания личности, как источник и средство идеологического воспитания в системе образования Республики Беларусь, как орудие новой технологии воспитания, основанной на системе объективных социальных и культурных ценностей народа, отраженных в его языке.

Навыки межкультурной коммуникации являются одним из наиболее важных компонентов профессиональной подготовки педагога, в особенности преподавателя русского языка за пределами России, поскольку достижение высокого результата в обучении возможно только при условии эффективного межкультурного взаимодействия преподавателя и учащихся.

Русский язык для белорусов не является иностранным. И не только потому, что он является языком повседневной коммуникации для большинства граждан Беларуси и одним из государственных языков Республики Беларусь. Русский язык за два последних столетия прочно укоренился на территории Беларуси как единственный литературный язык, предназначенный для обслуживания всех сфер жизни современного белорусского общества. Он используется как основной язык официально-деловой документации, научно-технической сферы коммуникации, публицистики и СМИ, главной конфессии белорусов-христиан – православия (наряду с языком литургии и Св. Писания – церковнославянским), а также как язык литературно-художественного процесса в Беларуси (русскоязычной белорусской литературы). Русский язык является основным языком среднего и высшего образования в Республике Беларусь, преподается в средней школе как основной язык. Русский язык знают все без исключения жители Беларуси.

Тем не менее, важность межкультурной коммуникации при изучении русского языка в Беларуси не стоит недооценивать. Культурологический подход в методике преподавания русского языка в средней и высшей школе Республики Беларусь имеет ряд особенностей и может быть интерпретирован как лингвострановедческий, несмотря на то, что лингвострановедение обычно понимается как часть преподавания языка (в том числе и русского) только как иностранного.

В методике обучения русскому языку как иностранному тема «язык и культура» первоначально нашла отражение в теории лингвострановедения. Ее основы были заложены работами Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин 1990]. В русле этого направления сложился культурологический подход к обучению языку, понимаемый как приобщение обучаемых к культуре чужого народа, отразившейся и закрепившейся в языке.

Русский язык, как и любой другой естественный язык, как известно, отражает определенный способ восприятия мира. Владение всяким языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в фоновой семантике крылатых единиц, пословиц и поговорок русского языка, складывается в единую систему взглядов

и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски [Шулежкова, т. 1, 2008: 11].

При этом существенно, что представления, формирующие картину мира, входят в значения афористических единиц не всегда в явном виде. Пользуясь пословицами, крылатыми афоризмами, содержащими неявные, «фоновые» смыслы, носитель языка, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение афористических единиц в форме непосредственных утверждений и составляют их смысловое ядро, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка (в антипословицах, антицитатах). Поэтому они не всегда входят в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке.

Поскольку различные идеи, заключенные в значениях афористических единиц родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира всегда обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем весьма нетривиальные (см., напр. [Chlebeda 2003; Дядечко 2001–2003]).

Анализ афористических единиц русского языка позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских пословиц и крылатых афоризмов, и многие из таких «сквозных мотивов» представляются особенно характерными именно для русской языковой картины мира.

Именно сквозные мотивы языковой картины мира составляют основную трудность и для перевода, и для межкультурной коммуникации (см. [Публицистический арсенал общественных движений России и Германии 2015]). Обычно, при общении с представителями иных культур человек, говорящий на неродном языке, стоит перед выбором: использовать модели языка общения, обрекая свое высказывание смыслами, чуждыми исходному коммуникативному намерению или обращать на себя внимание нестандартностью речевого поведения и излишне акцентировать смыслы, которые на родном языке оставались бы «в тени».

Белорус, для которого русский язык является языком коммуникации, но не этническим языком, стоит перед таким же выбором,

только с обратным вектором. Это означает, что, используя русский язык в качестве средства коммуникации, жители Беларуси, не являющиеся по своей национальности русскими, не воспроизводят в полной мере русскую языковую картину мира, поскольку не являются ее носителями, принадлежат к иной, не собственно русской культуре.

Русский язык в Беларуси – это вариант русского языка, который имеет не только ярко выраженные особенности на всех уровнях языковой системы (фонетическом, лексическом, грамматическом) в силу активных процессов интерференции белорусского и русского языков, но и иную семантическую и когнитивную базу, поскольку представлен и используется (функционирует) в Беларуси далеко не в полном своем объеме в содержательном и формальном планах.

В этой связи лингвострановедческий компонент может быть использован в процессе преподавания языка не только как иностранного, но и как языка межнационального (межэтнического) общения, родного для неавтохтонных его носителей, в нашем случае – преподавания русского языка в Беларуси для белорусов.

Следует заметить, что использование лингвострановедения во вторичной функции характерно также и для преподавания белорусского языка как неродного в Беларуси в условиях близкородственного русско-белорусского двуязычия [Іваноў 2001], что является неотъемлемым условием качества обучения белорусскому языку как в общеобразовательном плане, так и как основной или дополнительной специальности в высшей школе.

Культуроведческая направленность обучения русскому языку в условиях близкородственного русско-белорусского двуязычия в Беларуси предполагает следующие компоненты: (а) приобщение обучающихся к русской культуре; (б) лучшее осознание культуры своей собственной страны; (в) умение ее представить средствами русского языка; (г) включение обучающихся в диалог русской и белорусской культур.

Приоритетную значимость на современном этапе приобретает не только обучение языку как средству общения, но и приобщение к духовному наследию стран и народов изучаемого языка. Для качественного лингвистического образования обязательны междисциплинарная интеграция, многоуровневость, вариативность, широкая ориентация на межкультурный аспект овладения языком. Такой подход представляется значимым для преподавания русского языка

в Беларуси в условиях близкородственного русско-белорусского двуязычия [Актуальные проблемы преподавания русского языка 2007].

Литература

Актуальные проблемы преподавания русского языка в средней и высшей школе Республики Беларусь / под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. – 140 с.

Анохина, С.А. Акакий Акакиевич Башмачкин как номинация чиновника (к вопросу об актуальности крылатой единицы) / С.А. Анохина // На крыльях слова : материалы междунар. заоч. науч. конф., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / Науч.-исслед. словарн. лаб., каф. РЯОЯиМК ; гл. ред. А.А. Осипова, Н.В. Позднякова ; чл. редколл. : С.А. Анохина, И.С. Клинова, Е.П. Соколова, Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2015. – С. 27-33.

Введенская, Л.А. Пословицы : пособие для учителей начальной школы, учащихся, родителей / Л.А. Введенская. – Ростов-на-Дону : МарТ, 2000. – 127 с.

Верещагин, Е.М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – С. 71–80.

Дядечко, Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря) / Л. П. Дядечко. – Киев : Комп'ютерпрес, 2001–2003.

Иванов, Е.Е. Лингвистика афоризма / Е.Е. Иванов. – Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.

Осипова, А.А. Пословицы и поговорки как вербализаторы концепта «Война» в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» / А. А. Осипова // Вестник Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 193-195.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Раскин, Д.И. Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии / Д.И. Раскин // Русский фольклор : материалы и исследования. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1972. – Вып. XIII : Русская народная проза. – С. 202–212.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения из области искусства : материалы к словарю. – Челябинск : Факел, 1994. – Вып. 4. – 162 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые слова и выражения русского языка как объект лексикографического описания // В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szulezkowa. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. – 706 s.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) / Я.Я. Іваноў // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / рэдкал.: Я.І. Клімуць (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Веды, 1998. – С. 33-62.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб'ект лінгвакраіназнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) / Я.Я. Іваноў // Беларуская мова : шляхі развіцця, кантакты, перспектывы / рэдкал. : Г. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 285-290.

*Eugene E. Ivanov
Mogilev, Belarus*

**LANGUAGE, IDEOLOGY, CULTURE IN EDUCATION
(the Role of the Cultural-Ideological Semantics of Aphoristic Units
in the Study of the Russian and in Teaching in Russian as Native
and as Non-Native in the Belarus)**

Abstrakt. The subject of study is the interconnection between language, ideology and culture in education (based on material of proverbs and aphorisms)

in the Russian language) in conditions of Russian-Belorussian bilingualism in the Belarus. While using the Russian language as a means of communication, Belarusian people do not belong to Russian nationality and do not fully represent Russian linguistic world image, being a part of a different culture. The emphasis on cultural studies in conditions of Russian-Belorussian bilingualism in Belarus implies the following components: (a) introduction of students to Russian culture, (b) a better understanding of their own country, (c) being able to represent it using the means of the Russian language, (d) involving the students into the dialog between Russian and Belorussian cultures. The emphasis on culture in the approach to teaching the Russian language in middle and high school can be interpreted as culture-oriented linguistics. The culture-linguistic component should be used in the process of teaching Russian not only as a foreign language, but also as a language of interethnic communication, as a native language for the non autochthonous carriers, in our case – in process of teaching Russian to belarussians in Belarus.

Key words: Belarus, Russia, Russian, ideology, culture, education, aphoristic units, proverbs, winged aphorisms

*Г.Ю. Квятковский
Челябинск, Россия*

НЕСЕРЬЕЗНАЯ ИГРА СМЫСЛАМИ (образ России в зарубежной рок-музыке)

Аннотация. В статье рассматривается роль рок-музыки в формировании образа страны. Автор выделяет три стадии эволюции образа России в зарубежной рок-музыке: 1) наивный образ, созданный под влиянием пропагандистских СМИ, подающий СССР как «страну изобилия» или как воплощение страха перед ядерной войной, 2) оптимистичный, европоцентристский образ, апеллирующий к общим корням человечества, ценностям свободы, братства, близости, 3) формально разнородный, но содержательно стереотипный образ, эксплуатирующий предметы материальной культуры, репрезентирующие культуру в целом – русские рулетку, зиму, медведя и т. д. На примере трансформации образа Матери-России в композициях под одним названием «Mother Russia» групп «Renaissance» (1974), «Sisters of Mercy» (1987), «Iron Maiden» (1990) и «Drunktank» (2010) автор приходит к выводу о принципиально

разной смысловой наполняемости образов страны в разных культурах, метафоричной наполненности образа Матери-России, его смысловой близости образу потерянного ребенка в рок-музыке 1960-х гг., символизирующего глубину раскола в обществе; о постепенном угасании интереса к России в среде зарубежных рок-музыкантов, а также о переходе рок-музыки от социальной рефлексии к художественной и стабилизации ее проблемного поля.

Ключевые слова: образ России, художественный образ, социальные стереотипы, рок-музыка, метафора, национальная идентичность

Проблема интерпретации образа страны становится актуальной в эпоху активного нациестроительства, когда необходимо разработать набор символов и ценностей, подкрепляющий национальную идентичность; в этом наборе используются и художественные средства воздействия на массовое сознание (плакаты, патриотические песни, кинематографические образы). Исследование национальных образов, выраженных в музыке, при признаваемой значимости музыкального искусства, в данный момент ограничено «официальными» жанрами – патриотической песней, военными песнями, тематической академической музыкой; прочие жанры на данный момент изучены гораздо слабее.

Между тем, музыка на самом деле играет значимую роль в формировании национальной идентичности. Так, О.В. Девятова полагает, что в 1990-е гг. «именно музыка взяла на себя миссию противостояния негативным тенденциям» [Девятова 2008: <http>] 1980-х гг., для которых, по мнению автора, характерно усиление центробежного начала, превращение религиозности в моду; композиторы академической школы противопоставили им обращение к значимым традициям русской культуры, создав образы, подчеркивающие незыблемость вечных ценностей в меняющейся эпохе постмодерна.

Впредставленномматериалеречьпойдетодругоммузыкальном жанре – рок-музыке. Претендующая на интернациональность и являющаяся одним из символов глобализации рок-музыка в гораздо меньшей степени склонна эксплуатировать образы локальных культур; однако, образ России (Советского Союза) в рок-музыке все же встречается и более того – претерпевает

значительные трансформации. Образ России в истории рок-музыки трансформировался следующим образом.

1. Наивный образ, построенный под влиянием как зарубежной антисоветской, так и советской пропаганды. С одной стороны, этот образ в шуточном ключе репрезентирует «страну изобилия» (как, например, в песне «Back in the USSR» («The Beatles»)) или страну великих свершений и человеческих страстей в песне «Rasputin» («Boney M»). С другой стороны, в нем сосредоточены страхи обычного человека периода «холодной войны» перед силой, что в один момент может разрушить привычный мир – как в результате направленного действия, так и случайной ошибки. Например, в песне Гэри Мура «Nuclear Attack» (1982) «русские готовы к войне, американцы вооружены, они предупреждают, что нет повода для беспокойства – но одного нажатия кнопки хватит, чтобы все исчезло, чтобы мир погрузился во тьму; один сбой, одна фатальная ошибка – и никто не воскреснет после ядерной атаки». Для данного образа характерно стереотипное восприятие России как обобщенного другого, далекого, абсолютно непредсказуемого, относительно которого остается лишь надеяться, что «русские тоже любят своих детей» (Стинг «Russians», 1985).

2. Под влиянием перестройки и интенсификации межкультурного взаимодействия в западной рок-музыке возник другой образ России – выпавшей из общекультурных процессов, но имеющей те же корни, что и западные страны, и возвращающейся к ним. Этот образ является европоцентристским и характеризуется через понятия «свобода», «братство», «перемены», «радость», «близость» и т.д. (в качестве примера можно привести песню «Wind of Change» («Scorpions»)).

3. Наконец, по прошествии времени можно констатировать, что интерес к России у рок-музыкантов угас, хотя в настоящее время одновременно существует 3 группы «Russian Winter», а ряд рок-музыкантов и ди-джеев используют музыкальные цитаты из русских военных и народных песен (особой популярностью пользуются «Полюшко-поле», «Катюша», «Казачок») или русской академической музыки. Образы России стали более разнородными, но и более стереотипными. В современном рок-тексте прилагательное *русский* устойчиво связывается с рулеткой, деньгами, медведем, балалайкой, зимой и прочими псевдофольклорными предметами.

Проиллюстрируем эволюцию образов России в рок-музыке на примере образа «Мать-Россия». О.В. Рябов указывает, что этот образ «участвует в маркировке своих и чужих в национальном дискурсе <...> отделяет своих и чужих в военном дискурсе <...> легитимирует власть в политическом дискурсе <...> репрезентирует Россию как полиэтническое и многоконфессиональное государство в имперском дискурсе <...> принимает участие в определении гендерного порядка российского общества...» [Рябов 2008: 8-9]. Е.В. Барабан отмечает также, что образ Родины, персонифицированный впоследствии в фигуре матери, приобрел популярность в 1920-е гг., связываясь с образом революции, а затем, в 1930-е гг., в кинематографе трансформировался именно в образ матери, что в целом соответствовало задачам культурного строительства данного периода: «В ходе сталинской «культурной революции» все очевиднее становились усилия воссоздать чувство национальной гордости и установить такие культурные связи с имперским прошлым, которые бы укладывались в социалистический проект» [Барабан 2008: 46] и далее: «Героини Л. Орловой и М. Ладыниной сочетают в себе качества «подруг» революции и качества новой советской женщины, олицетворяющей новую – Советскую – Россию» [Там же: 49]. Все это подчеркивает значимость образа Родины-Матери для внутренних поисков идентичности, однако, каким-то образом он оказывается привлекателен и для оценки России зарубежными рок-музыкантами.

В текстах англоязычных рок-композиций образ Матери-России встречается как минимум четыре раза: «Mother Russia» («Renaissance», 1974), «Dominion/Mother Russia» («Sisters of Mercy», 1987), «Mother Russia» («Iron Maiden», 1990), «Mother Russia» («Drunktank», 2010). Каждая из них рассматривает его в особом ключе:

Текст композиции группы «Renaissance» посвящен А.И. Солженицыну и его книге «Один день Ивана Денисовича» («Заплатил свою цену, работая месяцами напролет, морозными днями он думает о тебе; холодная, как лед, но воспламеняющая собой, Мать-Россия, слышишь ли ты его?»). В нем Россия представлена не только как государство-тиран, но и как мать, по которой тоскуют изгнанные сыновья. И этот контраст подчеркивает массивное оркестровое звучание, на фоне которого звучит мелодическая линия сопрано.

На альбоме «Floodland» группы «Sisters of Mercy» (1987) песня «Mother Russia» является второй частью диптиха «Dominion»/«Mother Russia», написанного вскоре после аварии на Чернобыльской АЭС и повествующего о ядерной войне, в которой «люди сгрудились в своих мобильных домах, в то время, как Мать-Россия льет на них радиоактивный дождь – они это заслужили» [Wiser 2014: <http>]. Следует отметить, что эсхатологический посыл песни направлен против Америки, которую вокалист Э. Элдритч часто называл ответственной за соращение Европы; таким образом, композиция носит программный характер по отношению к творчеству группы. Из музыкальных средств, использованных в этой композиции, следует отметить «неживое» синтезаторное звучание, монотонный ритм и хоровые припевы в исполнении Нью-Йоркского хорового общества, подчеркивающие апокалиптический настрой композиции.

В песне «Mother Russia» («Iron Maiden», 1990) Мать-Россия противопоставлена отдельным людям, поскольку «она сможет быть счастлива, когда ее люди станут свободны». Вокалист Брюс Диккинсон в интервью, посвященном выходу альбома «No Prayer for a Dying» (1990), пояснял, что эта песня «о трагедии великой страны, из которой уже многие столетия бегут и где страдают люди; и эта песня говорит, что было бы здорово, если бы Россия смогла собрать себя воедино и наконец-то жить в мире» [Bruce Dickinson Discusses 1990: <http>].

Наконец, в песне нидерландской скейт-панковой группы «Drunktank» (2010) Мать-Россия изображена матерью с каменным сердцем, которая покинула своих детей, беззаботно танцующих на Красной площади и умирающих в забвении. Композиция является малоизвестной, как и группа в целом; найти комментарии относительно сюжета не представилось возможности.

Таким образом, зарубежные музыканты, использующие образ Матери-России, чаще всего интерпретируют его как мать, забросившую своих детей, однако имеющую шанс на «вторую жизнь» в свете наступающей свободы (хотя в российской культуре образ Родины-Матери имеет совершенно другие смыслы), и этот образ инвертирует родственный образ сироты, потерянного ребенка, популярный среди хиппи 1960-х гг. (ср. «Motherless Child» («Sweetwater»), 1969). Мы можем говорить об использовании образа разрыва связи беспутной и одновременно чрезмерно строгой

матери со своими детьми как метафоры глубины многочисленных расколов, переживаемых современной Россией.

Однако говорить о доминировании негативных образов России в творчестве зарубежных музыкантов вряд ли справедливо, т.к. и формат композиций, и характер музыкальной культуры, породившей данные образы, склоняет авторов в большей степени к языковой игре, ироничному отношению к реальности, самовыражению художественными средствами, чем к озвучиванию серьезных программных идей. Например, попытки интервьюеров прояснить дополнительные смыслы текста песни «Mother Russia» группы «Renaissance» не принесли успеха: вокалистка Энни Хаслэм предпочитает говорить о музыкальной составляющей композиций, ограничиваясь комментариями в духе «я думаю, Mother Russia была немного политической песней, потому что там вроде бы идет речь про Александра Солженицына» [Wiser 2014: [http](http://)].

В этом смысле образ Матери-России выступает знаком интереса к России, не обозначающим в эпоху современности ничего, кроме самого интереса. И этот интерес, как было показано выше, постепенно угасает, место значимого Другого занимают потусторонние силы, инопланетяне, литературные герои, что в свою очередь означает переход рок-музыки от рефлексии феноменов социальной реальности к художественной рефлексии и смещение ее протестного потенциала в сторону иррационального и замыкания проблемного поля в границах, определенных собственными традициями этого направления искусства.

Литература

Барабан, Е.В. «Родина-Мать» в советском кино 1941–1945 гг. / Е.В. Барабан // Границы : альманах центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета / гл. ред. О.В. Рябов. – Иваново: Изд. центр Ивановского гос. ун-та, 2008. – Вып. 2: Визуализация нации. – С. 37-69.

Девятова, О.Л. Образ России в музыке постсоветского периода (1980-1990-е гг.), 2008 [Электронный ресурс] / О.Л. Девятова. – Режим доступа: <http://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/22718/1/iurg-2008-55-06.pdf> (дата обращения: 20.03.2017).

Рябов, О.В. Россия-Матушка: история визуализации / О.В. Рябов // Границы : альманах центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета / гл. ред. О.В. Рябов. – Иваново: Изд. центр Ивановского гос. ун-та, 2008. – Вып. 2: Визуализация нации. – С. 7-36.

Bruce Dickinson Discusses «No Prayer for a Dying»: An Interview, 30.09.1990 [Электронный ресурс] / B. Dickinson. – Режим доступа: <http://maidenfans.com/index.php?ACT=module&name=rwarticles&show=54> (дата обращения: 20.03.2017).

Dominion/Mother Russia by the Sisters of Mercy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.songfacts.com/detail.php?id=37560> (дата обращения: 20.03.2017).

Wiser, C. Renaissance Returns: An Interview with Annie Haslam, 2014 [Электронный ресурс] / C. Wiser. – Режим доступа: http://www.songfacts.com/blog/writing/renaissance_returns_an_interview_with_annie_haslam/ (дата обращения: 20.03.2017).

George Y. Kwiatkowski
Chelyabinsk, Russia

FRIVOLOUS MEANINGS' PLAY (IMAGE OF RUSSIA IN FOREIGN ROCK MUSIC)

Abstract. This article is devoted to the role rock music played in the making of country image. Author differentiated three stages of evolution of the image of Russia in foreign rock music: 1) naive, created under the influence of propagandistic media, considering USSR as a «land of abundance» or the embodiment of fear of the nuclear attack, 2) optimistic, eurocentric, linking to the common roots of mankind and such values as freedom, brotherhood, human affinity, 3) formally different, but stereotyped image, based on the material objects that represent Russian culture in mass consciousness – Russian roulette, winter, bear and so on. Using the example of transformation of image of Mother Russia in the songs named «Mother Russia» by «Renaissance» (1974), «Sisters of Mercy» (1987), «Iron Maiden» (1990) and «Drunktank» (2010) the author concludes about fundamental different meaningful filling of country images interpreted by the foreigners, about metaphoric filling of image of Mother Russia, about its relations with the image of motherless child in the Sixties rock music which symbolizes the depth of the social gaps, about gradual fading of interest

in Russia in the circles of foreign rock musicians, and also about transition of rock music from reflection of social problems to self-reflection which stabilizes its problem field.

Key words: image of Russia, art image, social stereotypes, rock music, metaphore, national identity

М.Д. Кръстева
Пловдив, България

РУСИЯ В «ИСТОРИЯ СЛАВЯНОБЪЛГАРСКА» НА ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ И БЪЛГАРСКАТА НАУКА ПО ВРЕМЕ НА ТОТАЛИТАРИЗМА В НАРОДНА РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ*

Анотация. Цель статьи – показать, почему режим Болгарской коммунистической партии (БКП), установленный в Народной Республике Болгария (НРБ), нуждается в политическом осмыслении и как происходила манипуляция оригинальными посланиями «Славяноболгарской истории» Паисия Хилендарского при трактовке книги Паисия в качестве первого документа болгаро-русской дружбы.

Ключевые слова: Болгарская коммунистическая партия, Народная Республика Болгария, «История славяноболгарская», Паисий Хилендарский, социалистический реализм

Руската тема в «История славянобългарска» («ИС») разгръща оригинална версия за развитието на отношенията «България – Русия» по начина, по който ги е разпознал и ги е отразил йеромонах Паисий Хилендарски към средата на XVIII в. В някои случаи Русия, руснаците, руската земя, руският език са само «попътно» споменавани, без да имат определящо значение било за историческата събитийност, било за Паисиевите послания. Има обаче и микросюжети с важни културноисторически кодификации, а в тях възрожденският историк на България отразява по-задълбочено руско-българските

* Статията следва академичната програма на Проект ФП17-ФЛФ-004/16.05.2017 («От уста на ухо»... до Internet»). Проектът, с ръководител доц. д-р Мила Кръстева, се финансира от Фонда за Научна и приложна дейност при Пловдивския университет «Паисий Хилендарски».

политически и културни връзки и сблъсъци. Микросюжетите, които пресъздават по-системно руската тема в «ИС», могат да се представят с условни заглавни формули по начина: «Произход на славяните от родослова Ной – Иафет – Мосхос»; «Приемане на православието в България и Русия»; «Руските извори у Паисий»; «Русия съгражда своя престижна култура, защото, в отличие от България, не “пребивава” в османското робство». В целостта си руската тема е сложно заплетена от Паисий, а изследването и изисква твърде пространно тълкуване. Поради малкото страници, които се полагат на статията ни, тук ще представим първоначалните си наблюдения със значителни съкращения, а вниманието ни ще бъде насочено главно към Паисиевите послания, изпълнени в микросюжета «Произход на славяните от родослова Ной – Иафет – Мосхос». И още по-конкретно – **идните редове анализират правомерността на твърдения, изказани от: 1) Акад. Тодор Павлов** («Особено големи са заслугите на Паисий, че той пръв, макар и формално, не с достатъчни научни средства, доказва родството между българите и русите, като извади произхода на българи и руси от “Мосхосовия род” и с цялата си страст популаризираше това свое схващане, създавайки по тоя начин надежда сред българските народни маси във връзка и с обективното влияние на руско-турските войни за помощ от “север”, от “далечната” и “полунощна страна”, чийто народ е “всесилен и мощен на война и бран”, и е също така “храбър и лют, честен и справедлив”, както и някогашните българи <...> Няма да бъде пресилено, ако погледнем на Паисий като на пръв идеолог, пропагандит и агитатор на българо-руската дружба, която в наши дни, развивайки се върху качествено нова основа и придобивайки все по-голям размах и значение, се превърна по думите на другия титан на българския народ – Георги Димитров, в слънце и въздух за българския народ, в крайъгълен камък на цялата наша политика» [Павлов 1962а: 3]; **2) Акад. Сава Гановски** («Паисий пръв заговори за произхода на българите и разкрива, че те принадлежат към голямото славянско семейство, начело с русите; руският народ се считаше “всесилен” и мощен и с това той помага на изграждането на любовта към “Дядо Иван”, когото и Паисий и българският народ считаха като фактор за освобождението на българите от чуждо иго» [Гановски 1962а]; **3) Акад. Владимир Топенчаров** («И Паисий е напълно прав и от свое гледище, и от

гlediщето на историята. Затова и с такава любов се отнася Паисий към руския народ. Той открива в негово лице противник на турския деспотизъм и следователно съюзник на българския народ. Във възхищението на Паисий от “народа от северната и полунощна страна” с нейния “силен и як народ” се показва вярата, която постепенно в този век нараства към освободителната мисия на руската страна, към “Дядо Иван”. Паисий още веднъж става изразител на зреещите сред народа настроения. Тази вяра бе породена от пътищата, които идваха като че ли от сърцето на българския народ <...> Каква проникновеност на мисълта е била необходима тогава, за да се види от такава историческа далечина, че българският народ може да разчита за свободата си на “силния и як народ на северната страна”» [Топенчаров 1961: 83-85] [Разредката е на автора]. Цитатите са повече от един, за да се подчертае, че в случая не става дума за единично явление, а за масово налагани идеологизирани представи, които предпоставно изработват политически език и налагат параметрите на задължителното мислене, писане, говорене за Паисий и Историята му по време на Соца в НРБ. Тезите, които са представени в цитатните фрагменти, са формулирани от Академиците на Соца – така ще описваме Паисиевите тълкуватели, които в социалистическа тоталитарна България бяха в първите редове на тогавашния академичен, държавен и политически елит. Благословената им пъвенстуваща позиция да бъдат във върховете на тогавашната научна йерархия ги задължава да мислят така, както мисли и налага Партията, а и не само да мислят, но и да прокарват партийната идеология сред целокупния български народ.

Като се позовава на приведените по-горе цитати, статията ни си поставя за задача да провери дали е допустимо да представяме Паисий като бард на българо-руската дружба, в която кълни дори идеята за освободителната мисия на Дядо Иван.

При търсенето на не/допустимите отговори, критико-оценъчният ни анализ се ръководи от познанието, че при изследването на Паисиевия текст трябва да се мери с идеологико-политическа мяра, изработена от самото Българското възраждане – в случая говорим не за Възраждането изобщо, а за средата на XVIII век, когато Паисий завършва «ИС».

Тъй като става дума за макроманипулации, тиражирани от режима на тоталитаризма в социалистическа България, за нас е твърде важно словото на Паисий да влезе в статията ни с първоизворните си употреби и послания. В действителност Паисий разказва това: «Иафетовото племе се разделило на 15 езика. Всички тези народи преминали Черно и Бяло море и се населили в земята Европа. Един от синовете на Йафет се наричал Мосхос. В неговото племе и род се паднал и разделил нашият славянски народ и се наричал Мосохв род и език. Този род и език отишъл към полунощната страна, т. е. на север, където сега е московската земя. По този Мосхос, техния прадед, нарекли реката, покрай която най-напред се заселили, Москва, а по нея и онова село. После постепенно го направили на град, поставили там царския престол и поради това именували всичките московци – така е и до днес. В московската земя има една област, която се нарича Скандавия. Като се разселили отначало, онези, които се настанили в тази област, били наречани скандавляни. Тези скандавляни след много време, години, като се умножили в оная земя, вдигнали се, отишли на запад и намерили там Океана, (т.е.) морето. Това море се нарича Балтско или Помариско. Скандавляните се заселили там, край Брандибур, а по името им – скандавляни – после нарекли онзи род славянски. И до днес, тези, които са останали там, се наричат славяни. Свети Кирил и Методий ги покръстили и заради тях нарекли нашите книги и целия род и език славянски. Те най-правилно и най-чисто говорят славянски език и много думи подобни на български казват, но сега държат римска вяра и воюват на страната на немския кесар. Римляните ги поставили под властта и вярата на папата. Тия славяни са един род и език с българите. След като се заселили в оная земя до немци и брандибури, по някое време от тях се вдигнал много народ и отишъл отново в московската земя, но москалите и русите не ги пуснали в страната си. Започнала война и станала голяма битка, в която славяните победили, влезли отново в онази земя и се заселили край голямата река Болга, която тече от юг на север и се влива в морето Океан. Поради тази река Болга онези славяни се нарекли болгари – така е и до днес. И били в онази земя много време, години – 378 година от рождество Христово <...> Българите имали намерение и се разбрали помежду си да търсят добра и плодородна земя, вдигнали се от онази земя и река много на-

род и дошли в маджарската и влашката земя. Пратили на цар Улеант [пратеници] с молба да ги пусне през Дунава да се заселят покрай Дунава в Тракия – тази земя обикнали българите <...> Така българите намерили добра и изобилна земя и се заселили, но понеже не били научени да се покоряват на царе, а били свирепи и диви, безстрашни и силни в битката, люти като лъвовے, един излизал без страх срещу десет, каквито са и досега всички от северната полунощна страна – народ силен, як на война и в битка. Такива били отначало българите – здрави и силни в битка. Барон в първата част на Бароний на лист 567 пише: “Българите са страшни за целия свят: малък народ, но непобедим”. Така пишат и гърците в техните истории: “Българите са диви и непобедими в битка”. И още: “Свиреп народ е българският, непобедим в битките” [История славянобългарска 2012: 77-83]. Ако разтълкуваме непредубедено първоверсията на Паисий от «ИС», ще разпознаем, че микросюжетът следи главно стремлението на славянските народи да открият своя род, език, вяра и да се разграничат от «москалите», защото само така могат да подчертават народността си идентичност. Затова Паисий разказва за рат, за победи и падения, за отказа на «москалите» да приютят в своята земя първите потомци на българите. В този смисъл сюжетът за българо-руската дружба, както Академиците от Соца «откриват» като оригинално сътворен от Паисий, е само тяхно привидение. Такъв сюжет не може да бъде намерен по страниците на «ИС», и защото Паисий основополага други връзки, и защото той набляга върху други смислови значения. Колкото до решението на Академиците да представят Паисий като провидец на освободителната мисия на Дядо Иван, който уж щял да ни спаси от агарянския гнет, бихме определили това решение не само като подмяна на историята, но и като морална и идеологическа гавра с културните не/възможности на ранното Българско възраждане. Защото тогава отечеството на Отец Паисий тъкмо се е пробудило от вековния си робски сън, а първият му опит да действа най-вече е свързан с необходимостта да се самоопредели и разграничи от другите, да съгради структурата на националната си идентичност и да я изпълни със съдържание. В тази си ранна възрожденска проуда българите все още не осъзнават, че могат да се освободят: идеята за духовно-религиозното и политическото освобождение поклъва чак у Бозвели, Дядо Иларион, Раковски, но това се случва едва през

40-те г. на XIX в. Образът пък на Дядо Иван е още по-късно наслагване в българската литература, той става активен в навечерието на Руско-турската освободителна война от 1877–1878 г. Крайно ненаучно да се твърди, че Паисий, в своето време, може да предвещае свободата, която идва с Дядо Иван; историкът на възраждащата се България вероятно е могъл да стори и това, но, то би могло случи единствено, ако идеята за свободата вече е била съзряла в социума. Онова, за което всъщност повествува Паисий в «ИС» засяга главно сраженията и подялбите сред славянството: българите, действително са част от «москалите», но Паисий не набляга на славянското единство, а подчертава опита на предците ни да се разграничат от «москалите», също и от останалите славянски народи. Фигурата на Мосхос – това е библейският Мосох или Мешех, петият от шестимата Иафетови синове, в «ИС» се натрапва не толкова заради родството на славяните, в т. ч. на българите и русите, колкото заради процесите, свързани с отцепването на славянските народи от общия родословен корен и последващото им отродяването от «москалите». Не за дружба, а за разделяне на българите от русите четем в «ИС», затова българите водят войни и с «москалите», и с всички други не/славяни, които създават препятствия по пътя им в търсене своето. Отграничаването и от славянството, и от русите не само идентифицира народа ни, но подчертава ярко и категорично, че българското е било, все още е, а и ще бъде самостоятелно и значещо. Описанията на якостта, силата, непобедимостта всъщност се отнасят повече за отцепилите се от «москалите» българи (и по малко за самите «москали»), а тези славословни характеристики са дарени от Паисий на българите, след като вече са открили своята плодородна и обичана земя и се сражават за опазването и. За да подчертае войнствеността на първите българите, която в случая е градивна, Паисий изрично се позовава и на чужди извори, а това му служи като доказателство за правилността на представените наблюдения.

Само по себе си цитатното слово на Паисий е достатъчно красноречиво, но, въпреки това, ще приведем и още аргументи в полза на застъпената тук теза. Такива аргументи могат да се потърсят в контекста на библейската метасюжети в «ИС», които следят цялостната динамика на родослова Ной – Иафет – Мосхос. Така, според хронологията на събитията, в които действат библейски пер-

сонажи, могат да се обособят следните микросюжети (**описваме ги с условни назовавания, които са премислени точно такива, заради кодираните в тях културни смисли и значения от Паисий**):

1) «Парцелиране на Terra Mater». В микросюжета се наблюдава как след Потопа Ной разделя някогашната «цяла земя» на три части (първата е Азия – това е «източната земя» – там са Едем, Ерусалим и Раят; втората е Африка – «южната земя», където са Египет и «фараонският народ»; третата е Европа – «западната и северната земя», в чиито предели са Цариград, Москва, Беч, Рим, Брандибур и целият славянски народ).

2) «Отродяване на Ноевите наследници». Микросюжетът повествува за разделянето на единната земя и разпределянето и между тримата Ноеви синове. Раздялата води до тяхното откъсване от първоначалното общо бащино огнище. След сдобиването със своя земя (на Сим се пада източната земя; на Хам – южната; на Иафет – северната и западната) тримата братя живеят поотделно, всеки със собственото си семейство и наследници. При това никой от тримата братя вече не милее за общото, а защитава придобитата лична земя и преките си кръвни потомци; при това те не действат по описания по-горе начин, само защото такава е личната им воля, а действат точно така, тъкмо защото: «Така заповядал Ной на своите синове, разделил им на три части цялата земя и им оставил строга заповед да не престъпват (пределите на другия) <...> и им разделил цялата земя на три части, та когато се умножат на земята техните синове и внуци, да знаят онези племена кое на коя страна и в коя земя да се засели» [История славянобългарска 2012: 71].

3) «Разделянето на езиците». И този микросюжет представя деструктивното у хората след Ной и Потопа. Микросюжетът вести, че след 529 г. на власт идва Неврот, който, противно на божията воля, започва да строи кула, висока до небето: «Ако стане отново потоп или пожар, да не може Бог да ни погуби, както погуби първите хора» [На същото място: 73]. За да накаже богопротивния Неврот от Хамовото племе Бог: «Разделил им там езиците на седемдесет и два и всички забравили оня първи език, и не се разбирали (вече) помежду си кой какво говори, объркали се и изоставили строителството на кулата. Така се разделили езиците» [На същото място: 75; 77]. В случая разделянето на езиците означава и разделяне на народите, защото в старобългарския език думата *език* е със значение както на

‘език’, така и на ‘народ’ [Пеев 2012: 75]. В заявления смисъл винаги, когато в Паисиевата история се появява думата *език*, тя трябва да се тълкува едновременно и с двете и значения: и като ‘език’, и като ‘народ’. Това ще рече, че разделянето на езиците при Неврот и забравата на протоезика, в дълбинните си пластове назовава и разделянето на народите. Обособяването на народите, което, според Паисий, отдавна вече е започнало сред Иафетовите синове, се задълбочава трайно и необратимо при Мосхос – праотецът на всички славяни. Действието в микросюжетите от Ной до Мосхос в «ИС» следователно нараства по линиите: **разделяне на единната бащина земя на части и отродване на чедата на Ной и разделяне на човешките езици и забравата на протоезика и търсене и откриване на своя земя, род, език, отечество**. Който познава Паисиевата история, политическия и духовен градеж на Българското възрождане, веднага ще разпознае, че твърденията на Академиците от Соца, които изгражат тезите си с принципите на социалистическия реализъм, комунистическата партийност и с «логичен, конкретен и класов подход» [Павлов 1962б: 3], отявлено преиначават духовните уроци на Паисий. Който пък е живял и в годините на Соца в България, ще е наясно, че тъкмо поради това, трактовките на изтъкнатите историци и литературоведи, **които са преди всичко марксисти**, се приемат и тиражират с демонстрация на доверие от вески учен и творец, който по онова време иска да преуспее кариерно – независимо от цената на успеха! Възгледите на Академиците от Соца дори не са оригинални, те преповтарящ основните опори от идеологията и методологията, които БКП заработва по време на политическите си форуми, сред които важни за писането ни са: Априлският пленум (1956); Осмият конгрес (1962); Ноемврийският пленум (1962) на ЦК на БКП. Именно тези държавно-политически събития създават калъпа, който Академиците на Соца заемат наготово, а сетне го пришиват «с бели конци» към тезите си за Паисий и Историята му. **Директивите на Майката БКП проповядват: 1) Зъдължителност и системна демонстрация на вяра в българо-съветската дружба** («Под знамето на марксизма-ленинизма, учейки се от опита на великата Комунистическа дружба с народите на Съветския съюз, във верен съюз и дружба с народите на Съветския съюз и другите братски социалистически страни, под ръководството на Българската комунисти-

ческа партия нашият народ ще изгради комунистическото общество». Изявлението е отпечатано във в. «Отечествен фронт», бр. 5667 / 17.11.1962). 2) **Безоткано прилагане на идеологемите и културологемите на БКП и политическия и съветник и партньор КПСС в науката и културата** («В борбата за формиране чертите на новия човек, в процеса на изграждане моралния облик и характер на строителя на социализма и комунизма немалка роля има да играят и литературознанието, и езикознанието. Формиращият се в процеса на строителството индивид трябва да бъде всестранный развит и образован, добре възпитан, висококултурен и подготвен. Литературата трябва да съдейства за формиране на нравствените черти на комуниста както у нашата младеж, така и у нашия народ.» Цитатата е от уводна статия на списание «Език и литература», поместен в трета книжка от 1962 г.). На подопечните на БКП, която наблюдава, толерира или отхвърля тяхното израстване, не им остава друго, освен да приложат на дело марксистките-ленинските партийни очаквания: «Пред българската марксистка историческа и литературно-историческа наука стои задачата да продължи с още по-голяма ревност и още по-голям обем работата по проблемата за Паисий, за да бъде разрешена по-скоро и по-цялостно <...> Необходимо е на първо място да се направи един критичен поглед от правилно методологическо гледище на досегашната литература за Паисий и неговата история, като се изтъкнат на преден план спорните въпроси, с оглед да се насочи погледът на изследователите към тях» [Бурмов 1962: 3]. За да не би пък на някого да му хрумне нещо извън Правилата на тоталитаризма, марксистите се чувстват задължени и да пояснят, че именно и само науката, сътворена от Ленин, Сталин, Хрущов, Д. Благов, Г. Димитров, В. Коларов, Т. Живков, може да отгледа правилна и перспективна научна методология в т. ч. и **методология за изучаването на Паисий** («Марксистката историография даде истинска научна и правилна постановка на въпроса за идеологията на Паисий, като я свързва с епохата, в която той живее, с българското общество тогава, схванато в неговото класово разслоение») [Велчев 1962: 17]. Така, предани докрай на БКП и политическата и демагогия, без свян от онези, които ще четат написаното от тях след тях, Академиците от Соца създадоха и тиражираха и лозунга: **«Паисий – идеолога на българо-руската дружба»** [Топенчаров 1962: 2].

Безпардонността на диктата на режима на БКП и Тодор Живков като че ли надмина себе си на 10 декември 1962 г. Тогава, в салона на Народната опера в София, от 19:00 ч. се чества 200-годишнината от съставянето на «ИС». Акад. Т. Павлов, почетен председател на БАН, е удостоен с честта да чете пленарен доклад, в който ученият изрича помпозно: «Ако по някакъв начин сам Паисий би могъл да види всичко това <...> той би изразил с присъщия си ентузиазъм и патос своя дълбок възторг и удовлетворение и би сметнал, че неговото жизнено дело е напълно и бляскаво осъществено» [Павлов 1962а: 3]. Докладът на Т. Павлов се слуша от членове и кандидат-членове на Политбюро на ЦК на БКП, представители на дипломатически мисии, акредитирани журналисти, видни тогавашни български учени и творци, чавдарчета, пионерчета и комсомолци, работници от всякакви трудови колективи. Залата е окичена с цветя, звучи и националният химн! На сцената на разигралия се политически театър в Народната опера е възкачен и самият Първи в тогавашната политиката и държавата – другарят Тодор Живков. Там е и Кирил – българският Патриарх! На първа страница на в. «Работническо дело» (бр. 345 / 11.12.1962, 3) е съхранена и снимка, която документира верността на разказаното току-що.

След изписаните, полагащи ми се страници, май нямам какво друго да добавя.

Дано Паисий да не ни ги е гледал отнякъде!

Литература

Бурмов, А. Паисий и българската наука. Постижения и задачи / А. Бурмов // Литературен фронт. 06.12.1962. – № 49.

Велчев, В. Иеодолюяга на Паисий Хилендарски / В. Велчев // Сп. Език и литература. – 1962. – № 6. – С. 17-40.

Гановски, С. Велик просветител и ревилюционер / С. Гановски // Отечествен фронт. – 04.12.1962. – № 5681.

История славянобългарска. Критическо издание с превод и коментар. Превод на съвременен български език Д. Пеев. – Света гора Атон. Славянобългарска зографска света обител : Изд. Демакс АД, 2012. – 411 с.

Павлов, Т. Епохалното дело на Паисий Хилендарски. Доклад на Тържествено събрание по случай 200 г. от написването на «История славянобългарска» / Т. Павлов // Работническо дело. – 11.12.1962а. – № 345.

Павлов, Т. За логичен, конкретен и класов подход / Т. Павлов // Литературен фронт. – 06.12.1962б. – № 49.

Пеев, Д. Превод, коментар, научни бележки в «История савянолбгарска» / Д. Пеев // История славянобългарска. Критическо издание с превод и коментар. Превод на съвременен български език Д. Пеев. – Света гора Атон. Славянобългарска зографска света обител, 2012 : Изд. Демакс АД. – 411 с.

Топенчаров, В. Портретът на Паисий / В. Топенчаров. – София : Народна младеж : Изд. ДКМС, 1961. – 136 с.

Топенчаров, В. Образът на Паисий / В. Топенчаров // Народна култура. – 08.12.1962. – № 49.

М.Д. Кръстева
Пловдив, България

**ОЦЕНКА РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ
УЧЕНЫМИ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИЯ ПРИ
АНАЛИЗЕ «ИСТОРИИ СЛАВЕНОБОЛГАРСКОЙ»
ПАИСИЯ ХИЛЕНДАРСКОГО**

Mila D. Krasteva
Plovdiv, Bulgaria

**RUSSIA IN *SLAVO-BULGARIAN HISTORY* BY PAISII
HILLENDARSKI AND THE BULGARIAN SCIENCE DURING
THE HEAD OF THE TOTALITARY REGIME IN THE PEOPLE
REPUBLIC OF BULGARIA**

Abstract. The article aims to trace how and why the regime of the Bulgarian Communist Party in the People Republic of Bulgaria imposes political thinking and creates political language that distorts the authentic messages of *Slavo-Bulgarian History* by Paisii Hilendarski and studies it as the first authentic document of the Bulgarian-Russian friendship.

Key words: Paissii Hilendarski, Slavo-Bulgarian History, Bulgarian Communist Party, the People Republic of Bulgaria, socialist realism

**ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД
ПРАВЛЕНИЯ А. МЕРКЕЛЬ: РОССИЯ – ПАРТНЕР
ИЛИ СОПЕРНИК?
(на материале немецких СМИ)**

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений канцлера Германии А. Меркель и президента В. Путина в период с 2005 по 2017 гг. на материале немецких СМИ. Источниками для исследования послужили новостные интернет-порталы, отражающие важнейшие международные события последних лет, в которых активное участие принимали лидеры двух крупных игроков на мировой арене.

Ключевые слова: Германия, Россия, А. Меркель, В. Путин, партнеры, соперники

Перипетии отношений Германии и России в исторической ретроспективе уже описывались (см.: [Михина 2015, 2016; Дайте Миру шанс! 2016; Михин 2016; Ossipova 2016; Уразаева 2017]). Источниками для данного исследования послужили газетные и интернет-материалы, которые, по мнению Х. Вальтера, «обладают злободневностью и животрепещущим откликом на настроения в конкретном обществе», а «оперирование значительным массивом фактов всех доступных составляющих политического дискурса может послужить опорой для концептуальных выводов» [Вальтер 2015: 13].

Авторы поставили перед собою цель проследить динамику взаимоотношений России и Германии в период с 2005 по 2017 гг. Все это время пост федерального канцлера занимала А. Меркель, знаковое лицо политической элиты не только ФРГ, но и Евросоюза. Обращение авторов к фигуре А. Меркель при решении проблемы взаимоотношений крупных держав не случайно. С 1970-х гг. самой характерной чертой мирового языкознания становится антропоцентризм [Шулежкова 2006: 358-360]. А. Меркель – неординарная языковая личность, которая активно проявляет себя в международном политическом дискурсе. Проблема языковой личности волнует

многих современных ученых, работающих в области когнитивной лингвистики [Караулов 1987; Логический анализ языка 1999; Меркулова 2008, 2010; Чурилина 2011; Карасик 2015].

А. Меркель – первая за всю историю ФРГ женщина-канцлер. На момент вступления в эту должность ей исполнился 51 год, что является своеобразным рекордом для Германии: предыдущий принадлежал Г. Коллю, который стал канцлером в 52 года. На протяжении 10 лет (с 2004 по 2014 гг.) журнал «Forbes» 8 раз называл А. Меркель самой влиятельной женщиной-политиком в мире, в 2006 и 2007 гг. журнал «Time» публиковал ее имя в списке ста самых влиятельных людей планеты, а в 2015 г. признал ее человеком года, посчитав самым сильным лидером в Европе. Британское деловое издание «Financial Times» также назвало федерального канцлера Германии А. Меркель человеком 2015 года [Меркель: [http](http://)]. Госпожа канцлер имеет значительный вес на мировой политической арене и ее отношение к той или иной проблеме, вопросу и даже стране в целом влияет на мнения других политиков, особенно из Евросоюза.

С Россией А. Меркель связывает многое. Ее семья жила в восточной Германии, которая политически была ближе к России, чем западная. Отца Ангелы, лютеранского священника, университетского преподавателя теологии, за его политические взгляды называли “*roter Kasner*” («красный Каснер») [Reuth: [http](http://)]. Он оказал большое влияние на формирование политических убеждений своей дочери. В школе девочка состояла в пионерской организации. Во время учебы в университете, на одной из встреч по молодежному обмену со студентами-физиками из Москвы и Ленинграда (1974)) Ангела познакомилась со своим первым мужем У. Меркелем. В начале политической карьеры А. Меркель неофициально называли «девочкой Коля», подразумевая протекцию, которую составил ей бывший канцлер ФРГ Г. Коль, известный своей дружбой с Россией и лично Б. Ельциным. Ему принадлежит высказывание: «Россия является самым важным соседом Германии на Востоке, и она останется таковым» [Гельмут Коль: [http](http://)]. Однако, вступив в 2005 г. на пост федерального канцлера, А. Меркель заявила, что займет более жесткую позицию по отношению к России в отличие от своего предшественника Г. Шредера, известного своей дружбой с российским президентом В. Путиным.

Во время своего первого визита в Россию в 2005 г. в качестве федерального канцлера А. Меркель начала «*offenen Dialog*» ('открытый диалог') с президентом В. Путиным и объявила о расширении германо-российских отношений [Der Bundeskanzlerin stockte der Atem: [http](#)].

В 2006 г. в Томске главы государств обсуждали проблемы энергоснабжения и поставки российского газа в Европу. В интервью российским масс-медиа А. Меркель охарактеризовала диалоги с В. Путиным как открытые и откровенные. В искренности ее слов усомнились немецкие СМИ, припомнив упреки нынешнего канцлера Г. Шредеру в его излишней близости к Путину [Putin mildert den Ton im Energiestreit: [http](#)].

Во время встречи «большой восьмерки» летом 2006 г. в С.-Петербурге Меркель дружелюбно просит российского президента не реагировать на критику болезненно. Они называют друг друга по имени и говорят друг другу «ты». В немецких СМИ появились шутки по этому поводу. Меркель и Путина сравнивали с парой, в которой супруги уважает друг друга, что не мешает им публично ссориться. Мужские дружеские похлопывания по плечу, которыми сопровождалось приветствия Путина и Шредера, названные СМИ в шутку «Шоу Герда и Владимира» [Merkel und Putin...: [http](#)] в общении Путин – Меркель, конечно, невозможны.

В 2007 г. В. Путин и А. Меркель встречались в г. Сочи, где, как отмечает газета «Der Tagesspiegel», Путин выступал в роли «мачо» и позволил своему лабрадору Кони войти в комнату переговоров, хотя знал, что Меркель недолгобливает собак. Во время их встречи в Самаре, когда власти арестовали оппозиционеров, Путин спросил Меркель, есть ли чистая демократия, например, в Германии, имея в виду полицейские облавы перед встречей «большой восьмерки» в Хайлигендамм [Там же]. Позже В. Путин посетил Германию, где в винном ресторанчике в Райнгау состоялись его консультации с госпожой Меркель. Они обсуждали конфликтные темы: вхождение Газпрома в европейскую газовую сеть, размещение ракет блока НАТО в Польше и Чехии, выход России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. СМИ отмечают, что до сих пор прямолинейность обоих глав государств не мешала германо-российским отношениям [Там же]. В новостях радио восточной Бель-

гии про эту встречу говорилось, что «во время «петербургского диалога» в Висбадене Германия и Россия искали общее и обсуждали разногласия». Источник также цитирует еженедельное видеообращение канцлера А. Меркель, в котором она делает акцент на «стратегическое партнерство» с Россией: «*Wir wollen gute Beziehungen auf allen Ebenen*» («Мы хотим хороших отношений на всех уровнях») [Merkel betont strategische Partnerschaft mit Russland: [http](#)].

В 2008 г. в России произошла смена власти, и новым президентом РФ стал Д. Медведев. А. Меркель одной из первых глав зарубежных государств прибыла с визитом в Москву, который «*Neues Deutschland*» назвала «*Merkel sondierte in Moskau*» («Меркель зондировала почву в Москве»). Газета пишет, что Меркель охарактеризовала Медведева как настоящего патриота, который будет активно отстаивать интересы своей страны на международной арене [Wolkowa(б): [http](#)]. РИА Новости процитировали слова уходящего президента В. Путина о привилегированном характере российско-германских отношений как свидетельстве обоюдного желания в укреплении стратегического партнерства между Россией и Германией. А. Меркель выразила надежду на продолжение диалога с новым президентом Д. Медведевым [Roman: [http](#)].

В августе 2008 г. произошел конфликт в Южной Осетии, в который вынуждена была вмешаться Россия. Канцлер Германии во время ее встречи с президентом Д. Медведевым в г. Сочи потребовала полного отвода российских войск из Грузии, подчеркнув право Грузии на территориальную целостность. «*Neues Deutschland*» охарактеризовала итоги этой встречи заголовком «*In Sotschi keine gemeinsame Sprache gefunden*» («В Сочи не нашли общего языка») [Wolkowa(a): [http](#)]. Эта же газета опубликовала точку зрения партии «Левых»: урегулирование данного конфликта – задача не ЕС и не НАТО, а ОБСЕ [Knoche: [http](#)]. В комментариях к статье Р. Хайлинг обвиняет по этому поводу США и НАТО: «*Kalter Krieg im Hinterhof*» («Холодная война не за горами») [Там же].

В январе 2009 г. В. Путин посетил Берлин первый раз в новом качестве – председателя правительства. Речь на переговорах шла о поставках газа на Украину и Европу. По сообщениям журнала «*Der Spiegel*», А. Меркель объясняла своему российскому коллеге, что поставки газа в Западную Европу – в интересах России. На что Путин

отреагировал быстро и язвительно по-немецки «*Jawohl*» ('Так точно'). Шутка была оценена и журналистами, и самой госпожой А. Меркель [Weiland: [http](#)]. На пресс-конференции В. Путин излагал свое видение ситуации, говорил уверенно, не стесняясь оценок: «Украина крада газ, предназначенный для Западной Европы, они крали газ у вас» [Pressestatements 2009: [http](#)]. Возможной скрытой причиной обострения полемики журналисты посчитали прозападный политический курс Украины и ее желание вступить в НАТО и ЕС. Газета «Der Tagesspiegel», освещая в апреле встречу президента Д. Медведева и канцлера А. Меркель, в статье с названием «*Verbale Abrüstung*» ('Словесное разоружение') [Von Salzen 2009: [http](#)] писала, что Москва воспринимает Украину как часть сферы своего влияния, на что Меркель напомнила: Украина является суверенным государством. Канцлер Германии предложила России „*ständigen Dialog*“ постоянный диалог с ЕС по вопросам безопасности и военной политики. Русские эксперты «Der Deutschen Welle», анализируя эту встречу, писали, что задача Д. Медведева состояла в том, чтобы показать, что смена власти в Кремле не привела к ухудшению отношений между Германией и РФ. Кроме того, у России и Германии есть общие интересы в сфере безопасности (это касалось, например, ситуации в Афганистане). Причем экспертами отмечалось, что отношения между Германией и Россией не будут в будущем зависеть от личных отношений глав государств, как это было раньше [Johann: [http](#)].

Но следующий год опроверг предсказания политологов. А. Меркель была приглашена на празднование 65-й годовщины Победы России над фашисткой Германией. СМИ увидели в этом знак важности для принимающей стороны идеи примирения [65 Jahre nach Kriegsende: [http](#)]. «*Kooperation statt Konfrontation*» ('Сотрудничество вместо конфронтации') – под таким заголовком освещались итоги визита А. Меркель в Россию в июле 2010 г. Канцлер хвалила взаимоотношения двух стран. Журналисты удивлялись, вспоминая дружеские отношения двух стран в период правления бывшего канцлера ФРГ и В. Путина: «Она что, дала Шредеру себя уговорить?» [Appenzeller: [http](#)]. «Spiegel Online» писал в этой связи, что отношения между Медведевым и Меркель намного лучше, чем между странами в целом. Он джентльмен, дарит цветы, целует ручку, провожает до самолета. Журнал цитирует А. Меркель: «Установились

глубокие и очень дружественные отношения, в которых могут обсуждаться трудные вопросы». Разговоры же с премьер-министром В. Путиным сравнивали с танцем на вулкане – «непонятно, в какой момент его терпение лопнет» [Bidder: [http](#)]. Газета «Der Tagesspiegel», комментируя эту встречу, отмечала, что экономические темы были в абсолютном предпочтении, политические разногласия не озвучивались. Медведев видит в лице ФРГ партнера № 1 в модернизации российской экономики [Windisch: [http](#)]. Германо-российские отношения есть часть мировой дипломатической и экономической сети, рациональность политики возросла [Appenzeller: [http](#)]. Во время встречи в июне в Германии главами государств обсуждались вопросы отмены визового режима, урегулирования мирового финансового рынка, а также новые формы сотрудничества в вопросах безопасности между ЕС и Россией, которые нужно выводить на более высокий уровень [Pressestatements 2010: [http](#)]. В ноябре этого же года премьер-министр России В. Путин посетил Германию, где первым делом встретился со своим другом, бывшим федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером. Это не осталось незамеченным для СМИ, так как встреча с действующим канцлером была намечена только на конец недели. В. Путин обсуждал с А. Меркель зону свободной торговли России с ЕС от Лиссабона до Владивостока, на что бундесканцлер отреагировала сдержанно, как и на заявление главы немецкого банка Й. Акерманна о долгосрочном вовлечении России в еврозону. В. Путина реакция А. Меркель явно рассердила. На что в ответ на дебаты по поводу энергоресурсов он провокационно спросил: «Вы хотите топить дровами? Тогда дрова нужно сначала снова привезти из Сибири, т.к. у вас недостаточно дров». На вопрос, будет ли он баллотироваться на следующий президентский срок, Путин ответил, что примет согласованное решение в интересах своей страны [Hürden und Spitzen...: [http](#)].

Освещая тринадцатые по счету германо-российские правительственные консультации в июле 2011 г. в Ганновере, СМИ отмечали, что Германия нуждается в России, т.к. последняя остается важным поставщиком энергоресурсов. Кроме того, Россия имеет право вето на мировой политической арене. Но если в экономической и энергетической областях обе страны заинтересованы в сотрудничестве, то в вопросах внешней политики их взгляды расходятся.

Это касается Сирии и режима Б. Асада. Берлин также скептически относится к правовому государству, демократии и свободе мнений в России. Немецкий телеканал n-tv так проанализировал расстановку сил на российской политической арене: президент Медведев не отвечает за внутреннюю политику государства, за нее отвечает премьер-министр Путин, но он не прибыл в Ганновер [Schwarze: [http](#)].

2012 г. не принес потепления германо-российских отношений в силу многих факторов. Во-первых, обострились разногласия по поводу сирийского конфликта. Москва поддерживала режим президента Б. Асада, а Берлин – план К. Аннана [Merkel und Putin wollen politische Lösung für Syrien: [http](#)]. «Spiegel online» опубликовал в ноябре этого года статью под названием «*Merkel und Putin spielen kalten Frieden*» («Меркель и Путин играют в холодный мир»), где отношения между Россией и Германией характеризуются как напряженные. Журнал открыто критикует президента В. Путина, который, с его точки зрения, не приемлет других мнений и, как в советские годы, делает из Запада врага. Во-вторых, скандал с панк-группой «Пусси Райот», члены которой получили по 2 года заключения. Меркель вступилась за женщин, Путин ответил, что не может себе представить, чтобы Германия хотела поддержать антисемитизм [Wittrock: [http](#)]. Новостные агентства n-tv.de, ghö, dpa, AFP публикуют статьи, посвященные визиту Меркель на российско-германские консультации, с резкими заголовками: «*Merkel spricht Tacheles mit Putin*» («Меркель говорит Путину правду-матку») [Merkel spricht.: [http](#)], «*Merkel und Putin streiten knallhart über Menschenrechte*» («Меркель и Путин жестко ссорятся из-за прав человека») [Merkel und Putin streiten: [http](#)], «*Schlagabtausch im Kreml*» («Обмен колкостями в Кремле»), в которых президент Путин выступает как бывший агент КГБ. В-третьих, Бундестаг принял критическую резолюцию по отношению к России. Президента Путина упрекали в усилившемся давлении на оппозицию после его возвращения в Кремль. Правительство в Москве заговорило об антироссийских настроениях в Германии. ZEIT ONLINE пишет: Меркель ответила, что и она, и ее правительство ежедневно критикуются в немецкой прессе, и это не повод для обид. Путин в ответ подверг критике неравноправие между мужчинами и женщинами в Германии [Bangel: [http](#)].

В статье «*Warum wir keine Angst vor Putin haben sollten*» («Почему мы не должны бояться Путина») [Von Salzen 2013a: [http](#)], вышедшей в апреле 2013 г., говорится, что критика российского президента не мешает развитию экономических отношений между Россией и Германией. Дружбы между А. Меркель и В. Путиным не было и раньше. Закончились времена дружеской дипломатии (*Kumpeldiplomatie*), как теперь называется время правления Г. Шредера и В. Путина. А. Меркель, ее партия ХДС, как и Зеленые, выступали с критикой Путина и России. Причем, в последние годы в Бундестаге выигрывали именно те, кто критиковал Россию. Журналистка замечает, что критика «системы Путина» ни в коей мере не направлена против России, напротив, те, кто любит эту страну и ее народ, не могут остаться равнодушными к постепенному ограничению свободы после возвращения Путина в Кремль [Там же]. ZEIT ONLINE критически освещает обыски иностранных организаций в Москве, среди которых были политические фонды Германии в Москве и С.-Петербурге. Путин назвал денежные вливания из-за границы внушающими опасения и заявил, что граждане должны знать, откуда поступают деньги [Merkel sorgt.: [http](#)]. В июне канцлер Меркель посетила международный экономический форум в г. Санкт-Петербург. В своей речи А. Меркель говорила о последствиях мирового экономического кризиса и глобализации экономики, развитии российской экономики, которая играет большую роль в германо-российских торговых отношениях. Канцлер Германии отметила, что за последние десятилетия торговля между Германией и Россией возросла в 3 раза, сделала акцент на стратегическом партнерстве между обеими странами [Rede von Bundeskanzlerin.: [http](#)]. Поднимался и украинский вопрос. Меркель опровергла опасения Москвы, что «восточное партнерство» ЕС направлено против России. Под давлением Москвы Украина остановила процесс сближения с ЕС. Меркель утверждала, что интеграция бывших советских республик не всегда должна приводить к конфронтации [Bundeskanzlerin Merkel: [http](#)]. «Der Tagesspiegel» пишет, что Россия продолжает считать бывшие союзные республики Украину, Молдавию и Грузию сферой своего влияния и что санкциями против ввоза товаров из этих государств Россия негативно реагирует на их сближение с ЕС. В статье «*Wie Angela Merkel Präsident Putin in die Schranken weist*» («Как Ан-

гела Меркель ставит президента Путина на место') говорится, что Меркель предложила этим странам помощь в сбыте товаров и даже энергоснабжении. Этим она показала, что больше не намерена молча терпеть насильственное осуществление президентом Путиным своих геополитических интересов [Von Salzen 2013б: [http](#)].

2014 г. Стал непростым в политическом отношении для России. Крым после народного референдума территориально вошел в состав РФ. Россия восприняла это как возвращение бывшей до 1954 г. в составе СССР республики Крым на родину. За границей этот факт не рассматривался иначе как аннексия Россией Крыма. Выступая в Бундестаге в марте 2014 г., А. Меркель назвала присоединение Крыма к России нарушением международного права и катастрофой для отношений между ЕС и Россией. Москва угрожает европейскому мироустройству, – сказала Меркель. Канцлер объявила о последующих санкциях против России: аресте счетов и запрете въезда в Германию ряда лиц. Украине же Меркель пообещала поддержку в стабилизации экономики и реформах. Фракция Левых Германии обвинила ЕС и НАТО в эскалации конфликта на Украине в минувшие годы. Председатель фракции Г. Гизи подверг резкой критике федеральное правительство за поддержку правых сил на Украине, среди которых были многочисленные «фашисты», и призвал вспомнить свою историю. Левые обвинили канцлера А. Меркель в новой холодной войне с Россией, в опустошении пенсионной кассы, в расслоении общества и поклонении Америке [Merkel rechnet...: [http](#)]. Спикер партии Зеленых М. Бекк упрекнула президента Путина в «великорусском национализме». Представитель ХДС А. Шокенхофф назвал санкции против России необходимыми, хотя они бьют по самим немцам [Kanzlerin Merkel: [http](#)]. По сообщению газеты «Deutsche Wirtschafts Nachrichten», американцы вынудили ЕС и А. Меркель ввести санкции против России, несмотря на экономические убытки как для ЕС, так и для Германии. Из речи Д. Бидена понятно, что Америка рассматривает ЕС как вассала своей внешней политики. Газета отмечает, что внешняя политика США служит исключительно американским интересам, а выбранные немецким народом политики, оплачиваемые немецкими же налогоплательщиками, действуют не в интересах собственного народа, а по приказу американского государства [Obama-Vize...: [http](#)]. В интервью газете

«Welt am Sonntag» Меркель пришлось защищаться от критики ее тех предшественников Г. Шмидта, Г. Коля и Г. Шредера, которые высказались за более дружественную позицию по отношению к России: «Снова война в Европе? Не от нашего имени». На это Меркель ответила, что убеждена в правильности общеевропейского ответа на действия России [Bundeskanzlerin Merkel verteidigt...: [http](#)].

В феврале 2015 г. А. Меркель и Ф. Олланд приехали в Москву, чтобы попытаться остановить военную и политическую эскалацию, угрожающую Донбассу. Министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер опасался в противном случае «полной потери контроля над ситуацией», писали в «Der Tagesspiegel» [Birnbäum: [http](#)]. В. Ишингер, председатель мюнхенской комиссии по безопасности, назвал миссию Меркель и Олланда отважной, —пишет SPIEGEL ONLINE [Letzter Versuch...: [http](#)]. Журналисты назвали этот визит самым важным усилием по достижению мира со стороны Запада. На пресс-конференции в Москве по случаю 70-летия Победы Путин подчеркнул, какой тернистый путь был пройден обеими странами для достижения мира, понимания и сотрудничества, и заметил, что российско-германские отношения переживают не лучшие времена из-за различия в оценках событий на Украине. Эти разногласия повлияли и на объемы торговли между государствами, которые впервые за 5 лет упали на 6,5 %. Меркель подтвердила в ответном слове непростой характер сегодняшних взаимоотношений России и Германии. Она вспомнила, сколько боли, горя и страданий принесла война, однако обе страны нашли в себе силы для примирения, чтобы вместе строить будущее. Путин поблагодарил Меркель за ее визит и сказал, что Россия рассматривает Германию как своего партнера, как дружественную ей страну. Оба государства должны сделать все возможное, чтобы не допустить повторения войны [Pressekonferenz von...: [http](#)]. В октябре 2015 г. состоялась встреча президента В. Путина с Ф. Олландом и А. Меркель в Париже. После обсуждения событий на Украине на повестке дня встал сирийский вопрос, где главы Франции и Германии не нашли понимания с российским правителем [Braun: [http](#)].

Во время встречи в Париже в 2016 г. канцлер Меркель и президент Олланд призвали Россию повлиять на режим Б. Асада в Сирии, сообщал новостной канал tagesschau.de [Russland soll...: [http](#)]. В октябре в Берлине в нормандском формате прошла встреча глав

4-х государств: России, Франции, Германии и Украины. Речь шла о выполнении минских соглашений, которые должны были положить конец конфликту на Украине. В ZEIT ONLINE писали в этой связи, что военное вмешательство России на Донбассе и в Сирии давно стало причиной кризиса между Россией и Западом. Запад долго надеялся, что Москва вернется к политике раннего Путина. Но Кремль поменял режим. В 2014 г. началась политика авторитарного господства, мобилизации общества, репрессий и агрессивной внешней политики, говорится в статье «*Merkel muss gegenüber Putin Härte zeigen*» ('Меркель должна проявить твердость по отношению к Путину'). Автор считает, что только экономические санкции могут препятствовать агрессивной политике России. А тесная энергетическая и политическая зависимость от России не в интересах Европы [Behrends: [http](#)]. После встречи глав европейских государств в Брюсселе Меркель и Олланд высказались за продление санкций против России [Merkel und Hollande...: [http](#)]. Меркель упрекнула Россию и Иран в преступлениях против гражданского населения в Алеппо (Сирия) [Merkel wirft...: [http](#)]. tagesschau.de цитирует сообщения российского агентства Интерфакс: заместитель министра иностранных дел Г. Карасин высказался по поводу продления санкций: Россия делает все возможное, чтобы процесс установления мира вышел из тупика. Санкции являются неэффективными [Einigkeit in Sachen...: [http](#)]. Подводя итоги уходящего года, А. Меркель на съезде ХДС сказала, что 2016 год не привел к спокойствию, а наоборот. У многих людей такое чувство, что мир трещит по швам. Мир нужно налаживать. Это касается отношений НАТО и России [Russland und NATO...: [http](#)].

2017 год также не способствовал потеплению в отношениях между Германией и Россией. tagesschau.de, освещая встречу Путина и Меркель в г. Сочи, писал, что отношения между двумя странами не самые лучшие, но обе стороны хотят над ними работать. Причем, в области экономики, научных исследований и борьбы с терроризмом все идет хорошо. Но что касается политики, то тут есть разногласия по поводу войны в Сирии, конфликта на Украине и обращению с гомосексуалистами в Чечне, статуса «Свидетелей Иеговы». Меркель затронула тему вмешательства России в предвыборную борьбу других государств. Это тема злободневна для А. Меркель, т.к. в

сентябре 2017 г. грянут выборы в Бундестаг. Российский президент опроверг данный слух [Die großen Streitpunkte...: [http](#)]. По сообщениям немецкого информационного агентства dpa, немецкая экономика требует смягчения санкций для России, чтобы снова укрепить торговлю. Предприниматели боятся потерять часть российского рынка, который может занять Китай [Merkel und Putin bekennen...: [http](#)]. Во время встречи G-20 в Гамбурге В. Путин поддержал А. Меркель в вопросах защиты климата и глобальной торговли. Новостной канал n-tv.de. цитирует Путина, который называл санкции бесперспективными, а также противоречащими принципам G-20 взаимодействия в интересах всех стран мира [Russland stützt...: [http](#)].

Анализ публицистического дискурса российских и немецких СМИ в период правления А. Меркель позволил нам сделать вывод, что отношения России и Германии переживают не лучшие времена. Это подтверждают рассмотренные нами в статье публикации со следующими заголовками: «*Merkel und Putin streiten über Menschenrechte*», «*Merkel muss gegenüber Putin Härte zeigen*», «*Hürden und Spitzen zwischen Merkel und Putin*», «*Kanzlerin Merkel droht Russland mit Sanktionen*», «*Merkel spricht Tacheles mit Putin*», «*Merkel und Putin: Keine Angst vor öffentlichem Streit*», «*Wie Angela Merkel Präsident Putin in die Schranken weist*», «*Merkel und Putin spielen kalten Frieden*». И если политологи выражают надежду, что политические отношения между странами в будущем не должны зависеть от личных отношений глав государств, то история свидетельствует об обратном. Канцлеры Г. Коль, и Г. Шредер были дружны с президентами Б. Ельциным и В. Путиным, что, безусловно, положительно сказывалось на российско-германских отношениях. Хотя Меркель всегда называла Россию стратегическим партнером («*Merkel betont strategische Partnerschaft mit Russland*»), охлаждение в отношениях с Германией наметилось уже во время второго президентского срока В. Путина, занявшего принципиальные позиции по ряду вопросов, в том числе касающихся территориальной безопасности России. Германия, занимающая лидирующее положение в Европе, не скрывает своей евроатлантической позиции и приверженности основным принципам внешней политики США, которые, в свою очередь рассматривали и рассматривают Россию как своего конкурента в Европе. Не секрет, что именно США применили технологии

«цветных» революций, чтобы усилить свое влияние на Востоке и подойти к границам России. Америка дружит с Германией против России. Несамостоятельность в принятии решений, зависимость от сильных мира сего высмеивается и самими немцами. В 2015 г. среди самых популярных молодежных слов было слово „merkeln“, которое образовано от фамилии действующего канцлера ФРГ и обозначает «ничего не делать, не принимать решения, не выражать собственного мнения» [„Merkeln“: [http](http://)]. Именно США заставили А. Меркель вопреки интересам собственного народа продлить санкции против России. Об этом говорилось в статье «*Obama-Vize blamiert Merkel: USA haben EU zu Sanktionen gegen Russland gezwungen*». Россия, бывшая когда-то стратегическим партнером Германии, являющаяся главным поставщиком энергоресурсов в Европу и основным торговым партнером Германии, не без усилий своего канцлера превратилась сначала в *трудного партнера*, а потом и в *соперника*. Пройдя после Второй мировой войны сложный путь примирения, создавая единое мировое пространство, поликультурный мир, Россия и Германия как никто другой нуждаются в единении.

Литература

Вальтер, Х. Лозунг: пароль к истории / Х. Вальтер // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии: колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Дом печат» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – С. 6-23.

Гельмут Коль – о России, Борисе Ельцине и характере Ангелы Меркель [Электронный ресурс] // Сайт РБК, 17.06.2017. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/17/06/2017/594414ab9a794722c98d1927> (дата обращения: 14.08.2017).

Дайте Миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Оси-

повой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом Печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Карасик, В.И. Языковое проявление личности : моногр. / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2015. – 384 с.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М. : Индрик, 1999. – 424 с.

Меркель, Ангела [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Меркель,_Ангела (дата обращения: 14.08.2017).

Меркулова (Позднякова), Н.В. Вербализаторы концептов «Заговор», «Мятеж» и «Самозванство» как материал для воссоздания языковой личности Емельяна Пугачева / Н.В. Меркулова // Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / сост., ред. О.В. Гневэк, З.М. Уметбаев. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2008. – С. 79-85.

Меркулова (Позднякова), Н.В. Роль фразеологизмов в описании языковой личности (на материале дневника В.М. Пуришкевича «Как я убил Распутина») / Н.В. Меркулова (Позднякова) // И вновь продолжается бой : сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко ; чл. редколл. : Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск. – 2010. – С. 160-163.

Михин, А.Н. Молодежные лозунги и лозунги для молодежи в современном коммуникативном пространстве России и Германии / А.Н. Михин, О.В. Михина // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2016. – № 3 – С. 134-143.

Михина, О.В. Сопоставительный анализ публицистических арсеналов общественных движений России и Германии / О.В. Михина // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр./ Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – С. 249-289.

Михина, О.В. Социальная составляющая лозунгового арсенала общественных движений России и Германии (сопоставительный анализ) / О.В. Михина // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса: колл. моногр. – Грайфсвальд : Грайфсвальд: ун-т. Им. Эрнста Морица Арндта, 2016. – С. 101-111.

Чурилина, Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте : науч. моногр. / Л.Н. Чурилина. – М. : ФЛИНТА : НАУКА, 2011. – 240 с.

Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 408 с.

Уразаева, Н.Р. Концептуализация образа России в немецких СМИ: перемены к лучшему? / Н.Р. Уразаева, Е.А. Морозов // Мировая политика. – 2017. – № 3. – С. 141-154.

Appenzeller, G. Die deutsch-russischen Beziehungen sind gut [Электронный ресурс] / G. Appenzeller // ZEIT ONLINE, 16.07.2010. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/meinung/2010-07/vernuenftig-ist-was-nuetzlich> (дата обращения: 18.08.2017).

Bangel, C. Merkel und Putin streiten über Menschenrechte [Электронный ресурс] / C. Bangel // ZEIT ONLINE, 16.11.2012. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2012-11/deutsch-russische-regierungskonsultationen-merkel-putin> (дата обращения: 20.08.2017).

Behrends, J.C. Merkel muss gegenüber Putin Härte zeigen [Электронный ресурс] / J.C. Behrends // ZEIT ONLINE, 19.10.2016. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2016-10/wladimir-putin-ukraine-gipfel-berlin-angela-merkel-russland-diplomatie-aussenpolitik> (дата обращения: 24.08.2017).

Bidder, B. Merkel-Medwedew-Gipfel [Электронный ресурс] / B. Bidder // Spiegel Online, 15.07.2010. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/merkel-medwedew-gipfel-kuessen-fuer-die-kanzlerin-a-706725.html> (дата обращения: 18.08.2017).

Birnbaum, R. Angela Merkel und François Hollande auf Mission in Moskau [Электронный ресурс] / R. Birnbaum, N. Jeglinski, C. von Salzen // Der Tagesspiegel, 06.02.2015. – Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/politik/besuch-fuer-wladimir-putin-angela-merkel-und-francois-hollande-auf-mission-in-moskau/11334224.html> (дата обращения: 24.08.2017).

Braun, S. Hollande und Merkel ringen mit Putin [Электронный ресурс] / S. Braun, C. Wernicke // Süddeutsche Zeitung, 2.10.2015. – Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/politik/ukraine-gipfel-in-paris-hollande-und-merkel-ringen-mit-putin-1.2675686> (дата обращения: 24.08.2017).

Bundeskanzlerin Merkel verteidigt Russland-Kurs [Электронный ресурс] // Süddeutsche Zeitung, 7.12.2014. – Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/politik/kritik-der-amtsvorgaenger-bundeskanzlerin-merkel-verteidigt-russland-kurs-1.2255580> (дата обращения: 22.08.2017).

Bundeskanzlerin Merkel will klärendes Gespräch mit Putin [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine, 23.11.2013. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/europaeische-union/russland-und-die-ukraine-bundeskanzlerin-merkel-will-klaerendes-gespraech-mit-putin-12677789.html> (дата обращения: 21.08.2017).

Der Bundeskanzlerin stockte der Atem [Электронный ресурс] // Neues Deutschland, 16.01.2006. – Режим доступа: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Aussenpolitik/merkel-russland2.html> (дата обращения: 15.08.2017).

Die großen Streitpunkte bleiben [Электронный ресурс] // tagesschau.de, 02.05.2017. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/ausland/merkel-putin-sotschi-101.html> (дата обращения: 20.08.2017).

Einigkeit in Sachen Russland-Sanktionen [Электронный ресурс] // tagesschau.de, 13.12.2016. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/ausland/merkel-hollande-191.html> (дата обращения: 24.08.2017).

Hürden und Spitzen zwischen Merkel und Putin [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine, 27.11.2010. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/deutsch-russische-begegnungen-huerden-und-spitzen-zwischen-merkel-und-putin-1656737.html> (дата обращения: 18.08.2017).

Johann, B. Deutschland und Russland haben gemeinsame Interessen [Электронный ресурс] / B. Johann // DW, 02.04.2009. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/deutschland-und-russland-haben-gemeinsame-interessen/a-4147454> (дата обращения: 17.08.2017).

Kanzlerin Merkel droht Russland mit Sanktionen [Электронный ресурс] // Homepage Deutscher Bundestag, 13.03.2014. – Режим доступа: https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2014/49865952_kw11_de_regierungserklaerung_ukraine/216288 (дата обращения: 22.08.2017).

Knoche, M. OSZE muss Konflikt lösen [Электронный ресурс] / M. Knoche // Neues Deutschland, 16.08.2008. – Режим доступа: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Russland/merkel2.html> (дата обращения: 16.08.2017).

Letzter Versuch in Moskau [Электронный ресурс] // SPIEGEL ONLINE, 06.02.2015. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-krise-merkel-und-hollande-verhandeln-mit-putin-a-1017017.html> (дата обращения: 24.08.2017).

Merkel betont strategische Partnerschaft mit Russland [Электронный ресурс] // BRF Nachrichten, 14.10.2007. – Режим доступа: <https://brf.be-international/35904/> (дата обращения: 16.08.2017).

„Merkeln“ über alle Zweifel erhaben [Электронный ресурс] // Welt, 31.10.2015. – Режим доступа: <https://www.welt.de/kultur/article148275072/Merkeln-ueber-alle-Zweifel-erhaben.html> (дата обращения: 27.08.2017).

Merkel rechnet mit Russlands Ukraine-Politik ab [Электронный ресурс] // SPIEGEL ONLINE, 26.11.2014. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/angela-merkel-scharfe-kritik-an-russland-in-der-ukraine-krise-a-1005054.html> (дата обращения: 22.08.2017).

Merkel sorgt sich um deutsche Stiftungen in Russland [Электронный ресурс] // ZEIT ONLINE, 08.04.2013. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2013-04/merkel-putin-stiftungen-> (дата обращения: 22.08.2017).

Merkel spricht Tacheles mit Putin [Электронный ресурс] // n-tv.de, ghö / dpa / AFP, 06.11.2012. – Режим доступа: <http://www.n-tv.de/politik/14-Deutsch-russische-Regierungskonsultationen-in-Moskau-Merkel-geht-auf-Konfrontationskurs-zu-Putin-article7779946.html> (дата обращения: 20.08.2017).

Merkel und Hollande wollen EU-Sanktionen gegen Russland verlängern [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine, 13.12.2016. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wirtschaftspolitik/angela-merkel-und-hollande-wollen-russland-sanktionen-verlaengern-14572425.html> (дата обращения: 24.08.2017).

Merkel und Putin bekennen sich zu Ukraine-Prozess [Электронный ресурс] // dpa, 02.05.2017. – Режим доступа: <https://www.morgenpost.de/politik/ausland/article210428505/Merkel-besucht-russischen-Praesidenten-Putin-in-Sotschi.html> (дата обращения: 24.08.2017).

Merkel und Putin: Keine Angst vor öffentlichem Streit [Электронный ресурс] // Der Tagesspiegel, 14.10.2007. – Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/politik/deutsch-russische-konsultationen-merkel-und-putin-keine-angst-vor-oeffentlichem-streit/1068982.html> (дата обращения: 15.08.2017).

Merkel und Putin streiten knallhart über Menschenrechte [Электронный ресурс] // Welt, 16.11.2012. – Режим доступа: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/brennpunkte_nt/article111174952/Merkel-und-Putin-streiten-knallhart-ueber-Menschenrechte.html (дата обращения: 20.08.2017).

Merkel und Putin wollen politische Lösung für Syrien [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine, 01.06.2012. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/naher-osten/antrittsbesuch-in-berlin-merkel-und-putin-wollen-politische-loesung-fuer-syrien-11771231.html> (дата обращения: 20.08.2017).

Merkel wirft Russland und Iran Verbrechen in Aleppo vor [Электронный ресурс] // SPIEGEL ONLINE, 16.12.2016. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/eu-gipfel-zu-brexite-fluechtlingskrise-russland-das-sind-die-ersten-ergebnisse-a-1126136.html> (дата обращения: 24.08.2017).

Obama-Vize blamiert Merkel: USA haben EU zu Sanktionen gegen Russland gezwungen [Электронный ресурс] // Deutsche Wirtschafts Nachrichten, 05.10.14. – Режим доступа: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2014/10/05/obama-vize-blamiert-merkel-usa-haben-eu-zu-sanktionen-gegen-russland-gezwungen/> (дата обращения: 22.08.2017).

Oben-Ohne-Aktivistinnen attackieren Putin [Электронный ресурс] // SPIEGEL ONLINE, 08.04.2013. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/putin-aktivistinnen-attackieren-russlands-praesidenten-in-hannover-a-893086.html> (дата обращения: 21.08.2017).

Ossipova, A.A. Repräsentation der Kozepte RUSSLAND und DEUTSCHLAND in den publizistischen Texten / A.A. Ossipova, O.V. Michina, N.V. Pozdnjakova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 34-41.

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Staatspräsident Putin am 10. Mai 2015 in Moskau [Электронный ресурс] // Die Bundeskanzlerin, 10.05.2015. – Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/05/2015-05-10-pk-merkel-putin.html> (дата обращения: 24.08.2017).

Pressestatements Angela Merkel und Wladimir Putin [Электронный ресурс] // Сайт Посольства РФ в Германии, 16.01.2009. – Режим доступа: <https://russische-botschaft.ru/de/2009/01/19/pressestatements-angela-merkel-und-wladimir-putin-am-16-januar-2009/> (дата обращения: 17.08.2017).

Pressestatements von Bundeskanzlerin Angela Merkel und dem Präsidenten der Russischen Föderation, Dmitri Medwedew, am 5. Juni 2010 in Meseberg [Электронный ресурс] // Die Bundeskanzlerin, 05.06.2010. – Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Mitschrift/Pressekonferenzen/2010/06/2010-06-05-merkel-medwedew.html> (дата обращения: 18.08.2017).

Putin mildert den Ton im Energiestreit [Электронный ресурс] // FAZ.NET mit Material von Reuters, dpa, AFP, 26.04.2006. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wirtschaftspolitik/merkel-in-russland-putin-mildert-den-ton-im-energiestreit-1331844.html> (дата обращения: 15.08.2017).

Rede von Bundeskanzlerin Merkel beim St. Petersburg International Economic Forum [Электронный ресурс] // Die Bundeskanzlerin, 21.06.2013. – Ре-

жим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Reden/2013/06/2013-06-24-merkel-st-petersburg.html> (дата обращения: 21.08.2017).

Reuth, R. G. Angela Merkels zweierlei Welten [Электронный ресурс] / R. G. Reuth // Welt, 19.06.2005. – Режим доступа: <https://www.welt.de/print-wams/article129161/Angela-Merkels-zweierlei-Welten.html> (дата обращения: 15.08.2017).

Roman, K. Putin würdigt „privilegierten Charakter“ der russisch-deutschen Beziehungen [Электронный ресурс] / K. Roman // Rusmedia-Deutsch, 08.03.2008. – Режим доступа: <https://eurorus4de.wordpress.com/2008/03/10/putin-wuerdigt-privilegierten-charakter-der-russisch-deutschen-beziehungen/amp/> (дата обращения: 16.08.2017).

Russland soll auf Assad einwirken [Электронный ресурс] // tagesschau.de, 04.03.2016. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/ausland/merkel-hollande-143.html> (дата обращения: 24.08.2017).

Russland stützt deutsche G20-Prioritäten [Электронный ресурс] // n-tv.de, 06.07.2017. – Режим доступа: <http://www.n-tv.de/politik/Russland-stuetzt-deutsche-G20-Prioritaeten-article19923178.html> (дата обращения: 25.08.2017).

Russland und NATO: Merkel will Verhältnisse neu sortieren [Электронный ресурс] // Sputnik Deutschland, 06.12.2016. – Режим доступа: <https://de.sputniknews.com/politik/20161206313649784-merkel-russland-nato-sortieren/> (дата обращения: 24.08.2017).

Schwarze, T. Merkel empfängt Medwedew. Nichts geht ohne Russland / [Электронный ресурс] / T. Schwarze // n-tv, 18.07.2011. – Режим доступа: <http://www.n-tv.de/politik/Nichts-geht-ohne-Russland-article3832001.html> (дата обращения: 18.08.2017).

Von Salzen, C. Verbale Abrüstung [Электронный ресурс] / C. von Salzen // Der Tagesspiegel, 01.04.2009. – Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/politik/russland-und-usa-verbale-abruestung/1832018.html> (дата обращения: 17.08.2017).

Von Salzen, C. a Warum wir keine Angst vor Putin haben sollten [Электронный ресурс] / C. von Salzen // Der Tagesspiegel, 07.04.2013. – Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/meinung/merkel-trifft-russlands-praesidenten-warum-wir-keine-angst-vor-putin-haben-sollten/8028530.html> (дата обращения: 21.08.2017).

Von Salzen, C. 6 Wie Angela Merkel Präsident Putin in die Schranken weist [Электронный ресурс] / C. von Salzen // Der Tagesspiegel, 20.11.2013. –

Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/meinung/neue-europaeische-ost-politik-wie-angela-merkel-praesident-putin-in-die-schranken-weist/9099670.html> (дата обращения: 21.08.2017).

Weiland, S. Merkel und Putin beharken sich wegen Gas-Streit [Электронный ресурс] / S. Weiland // Der Spiegel, 16.01.2009. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/berlin-besuch-merkel-und-putin-beharken-sich-wegen-gas-streit-a-601757.html> (дата обращения: 17.08.2017).

Windisch, E. Merkel in Moskau: Wirtschaft ist alles [Электронный ресурс] / E. Windisch // Der Tagesspiegel, 16.07.2010. – Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/politik/regierungskonsultationen-merkel-in-moskau-wirtschaft-ist-alles/1884384.html> (дата обращения: 18.08.2017).

Wittrock, P. Merkel und Putin spielen kalten Frieden [Электронный ресурс] / P. Wittrock // SPIEGEL ONLINE, 16.11.2012. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/petersburger-dialog-merkel-und-putin-spielen-kalten-frieden-a-867749.html> (дата обращения: 20.08.2017).

Wolkowa, I. In Sotschi keine gemeinsame Sprache gefunden [Электронный ресурс] / I. Wolkowa // Neues Deutschland, 16.08.2008a. – Режим доступа: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Russland/merkel2.html> (дата обращения: 16.08.2017).

Wolkowa, I. Merkel sondierte in Moskau [Электронный ресурс] / I. Wolkowa // Neues Deutschland, 10.03.2008b. – Режим доступа: <https://www.neues-deutschland.de/artikel/125321.merkel-sondierte-in-moskau.html> (дата обращения: 16.08.2017).

65 Jahre nach Kriegsende. Merkel auf dem Roten Platz [Электронный ресурс] // n-tv, 09.05.2010. – Режим доступа: <http://www.n-tv.de/politik/Merkel-auf-dem-Roten-Platz-article863307.html> (дата обращения: 18.08.2017).

*Artem N. Mikhin, Olga V. Mikhina
Magnitogorsk, Russia*

RUSSIA – GERMANY RELATIONS IN THE TIME OF A. MERKEL'S GOVERNING: RUSSIA: PARTNER OR RIVAL? (based on German media sources)

Abstract. The article dwells on relations between German Chancellor A. Merkel and Russian president V. Putin during the period from 2005 to 2017. The authors use the materials of German mass media. The news web-portals,

reflecting the most important international events with the participation of the two world leaders, became the sources of the research. The article authors pay the attention to the events of the last years.

Key words: Germany, Russia, A. Merkel, V. Putin, partners, rivals

*Е.А. Морозов, Н.Р. Уразаева
Магнитогорск, Россия*

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ГЕРМАНИИ: ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции содержательной основы концептов, интерпретирующих образ России в Германии в 1990–2016 гг., на материале немецкого корпуса DWDS и ведущего информационно-политического еженедельника “Die Zeit”. В качестве базовых выступают концепты «Размер», «Экономика», «Кризис», «Агрессия», «Демократия», «Политический лидер». Средства массовой информации отражают не только происходящие события и общественное мнение, но и во многом способствуют формированию определенных образов и отношений в сознании реципиента. Анализ показывает, что даже на фоне мирного сотрудничества и взаимовыгодных отношений между Россией и Германией, в СМИ представлен достаточно негативный образ России: слаборазвитая экономика, коррупция, агрессивная политика, потенциальная угроза, отсутствие демократии. Отношение немцев к политическим лидерам России, являющимся лицом государства, часто не коррелирует с отношением к ним россиян. Образ России является во многом стереотипным, но проявляет и динамические черты, сменяя вектор от потепления отношений после объединения Германии до эскалации напряженности к 2014 г. и осознания необходимости диалога и сотрудничества в 2016 г.

Ключевые слова: образ России в немецких СМИ, ключевые концепты

*Sich im Westen eine Vorstellung von dem zu machen,
was in Rußland vor sich geht, ist praktisch unmöglich,
auch wenn man in den gescheitesten westlichen Zeitungen
die Moskau-Reportagen der gescheitesten amerikanischen
oder französischen oder deutschen Korrespondenten liest.
Die Zeit, 15.03.1991, Nr. 12*

Сегодня Россия и Германия – две крупнейшие державы на европейском континенте, от взаимодействия которых в большей степени зависит система международных отношений в целом. Происходящая в последние годы трансформация взглядов немцев на Россию во многом обусловлена «информационными войнами», в основе которых лежит закладываемый СМИ имидж страны, тиражируемый затем для миллионов подписчиков, зрителей, читателей. Несмотря на отчасти субъективное отношение авторов статей и репортажей, оно в целом обусловлено общей картиной мира. Поэтому представляет интерес изучение образа России на материале средств массовой информации Германии.

Предметом настоящего исследования является концептуализация образа России в Германии в период с 1990 по 2016 гг. Хронологические рамки работы определяются началом качественно новых отношений между двумя странами, обусловленными как расширением торговых операций, так и объединением ФРГ и ГДР, и современной ситуацией. Комплексное привлечение различных источников (научных трудов, посвященных изучению вопросов истории отношений Германии и России, статей из немецкой газеты “Die Zeit” и корпуса немецкого национального языка DWDS [DWDS]) и различных методик исследования (анализ литературы по изучаемой проблематике (см., напр. [Дайте миру шанс! 2016; Позднякова 2015; Позднякова 2016; Публицистический арсенал 2015; Пути преодоления конфликтогенных ситуаций 2016; Шулежкова 2016; Ossipova 2016; Shulezhkova 2016]), статистический, описательный, интерпретационный, сравнительный методы, методы сплошной и специальной выборки, а также корпусные исследования) позволяет получить необходимый материал для анализа и обобщений.

Федеративная Республика Германия известна своими давними партнерскими отношениями с Российской Федерацией. Однако и они характеризуются периодами подъемов и спадов. Немцы и русские вместе воевали против Наполеона, неоднократно делили между собой Польшу, находились после определенных уловок дипломатии по разные стороны фронтов Первой мировой войны, чтобы затем своим Рапалльским договором (1922 г.) оставить не у дел остальные западные державы-победительницы. Ослепнув от гитлеровской кровавой идеологии, немцы начали истребительную войну против Советского

Союза и благодаря Красной армии были освобождены от собственного режима. Ненависть по отношению к немцам у русских уступила место гордости за победу. Для многих военнослужащих советских вооруженных сил ГДР стала символом дружественной, новой Германии. Разделение Германии российское население воспринимало как противоестественный процесс, и поэтому воссоединение Германий поставило не только для немцев, но и для россиян примиряющую финальную точку под неподдающимся пониманию отклонением от нормального развития в отношениях между двумя странами.

После 1990 г. развитие российско-германских отношений вышло на новый, прагматически благоприятный уровень. Германия представляет свои научные, культурные и образовательные проекты в сотнях городов России. Благодаря туризму, студенческому и научному обмену, а также сотням тысяч переселенцев между двумя государствами возникли и личные контакты. По статистике более трех миллионов граждан России изучают немецкий язык, и это больше, чем в остальном мире. «Петербургский диалог» и Германо-Российский форум заложили основы для постоянного взаимодействия между представителями обоих государств. Основанный в Москве в 2005 г. Германский исторический институт открывает сотрудничество между немецкими и российскими исследователями при осмыслении общей истории [Deutsches Historisches Institut].

С началом перестройки Михаила Горбачева в Германии появились надежды на улучшение политического климата, постепенно начали таять страхи перед военной угрозой со стороны России. Однако после распада Советского Союза немцев вновь охватила паника из-за наличия у России ядерного арсенала оружия. Две Чеченские войны (с 1994 по 1996 и с 1999 по 2000 гг.) возродили предвзвешенности о «русских варварах» [Bergdoll 1995].

В немецких средствах массовой информации часто подвергаются критике не столько взаимоотношения между двумя странами, сколько отношение России к своим гражданам, к бывшим республикам Советского Союза и к западным странам-соседям: *Denn „Mitterchen Rußland“, das weite Land in der osteuropäischen Tiefebene, wo einst die Wiege der russischen Nation stand, ist nicht gerade ein gemütliches Heim. Die heruntergekommenen Städte, die verfallenen Dörfer, die zerstörte Natur...* (Die Zeit, 23.03.1990, № 13); *Die Russen werden*

von den Balten, Georgiern oder Usbeken beschuldigt, die benachbarten Republiken rücksichtslos auszubeuten (Die Zeit, 22.06.1990, № 26); In großen Teilen der bisherigen Sowjetunion **verfüllt mit beängstigender Beschleunigung** genau das wieder, was in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts für den säkularen Rückgang der Sterblichkeit in Westeuropa sorgte – Verbesserung der Wohnverhältnisse, vitaminreichere Ernährung; Milchversorgung für Säuglinge und Kinder; Durchsetzung von Hygiene bei der Abfallbeseitigung; Kanalisation und Trinkwasserversorgung in den Städten. Gleichzeitig müßte aber Rußlands Bevölkerung zunächst einmal **einen Lernprozeß nachholen, der beispielsweise in Ungarn schon vor 35 Jahren begann** (Die Zeit, 03.01.1992, № 2).

С одной стороны, Россию обвиняют в деградации демократии, ослаблении парламентаризма, ограничении свободы слова, насилии, бесчинствах по отношению к оппозиции, давлении на страны СНГ, Украину, Грузию, которые хотят удалиться от Москвы. С другой стороны, в поддержке тоталитарного режима Лукашенко в Беларуси, а также сепаратистских сил в Приднестровье, Северной Осетии и Абхазии [см. Zur Kritik des „Systems Putin“ 2006].

Ключевые моменты истории России, определявшие направление ее развития и международные отношения, вызывали в соответствующие периоды особый подъем интереса к России. Таким поворотным этапом в России, несомненно, можно считать перестройку. Объединение Германии, в котором значительную роль сыграл Советский Союз, символизировало окончание «холодной войны». В начале 90-х гг. интерес немецких средств массовой информации был направлен на путч, затем на войну в Чечне, экономический кризис. В 2008 г. внимание приковывала война с Грузией, в 2014 г. – Олимпийские игры в Сочи, Крым, Украина, Донбасс.

Анализ сгенерированных компьютером типичных сочетаний со словом “Russland” в немецком национальном корпусе DWDS показывает, что большинство из них концептуально отражает отношения между государствами или политическими, военными блоками (Beziehungen, Verhältnis, Partnerschaft, Zusammenarbeit, Staaten, Westen, Industrienationen, NATO). Высокой частотностью характеризуются элементы с выраженной отрицательной коннотацией, среди которых *Finanzkrise, Krise, Krisen, Krieg*.

Вслед за представителями тамбовской школы когнитивной лингвистики под концептом мы будем понимать те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц знания [Болдырев 2002: 23-24]. Политическая сфера, по мнению А.П. Чудинова, – это важная часть национальной культуры. Языковая картина политического мира представляет собой сложное объединение ментальных единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др.), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу. Большинство этих единиц <...> в той или иной мере навязывают человеку определенное видение мира, особенно в аспекте его категоризации и оценки [Чудинов 2012: 43]. На основе анализа некоторых ключевых концептов рассмотрим, как представлен образ России в немецкой языковой картине мира.

Концепт «Размер» при реконструкции образа России является важным элементом языковой и концептуальной картин мира и отражает особенности восприятия России и отношения к ней. В немецких средствах массовой информации были выявлены следующие лексические средства объективации концепта «Размер»: Россия – это великан, колосс: *der Riese, der Koloss, unheimlich groß, die riesige Republik*; по всей видимости, именно это и служит основной причиной, почему Запад считает необходимым сотрудничать с Россией: *Und selbst wenn die Sowjetunion auf Rußland, Weißrußland, die Ukraine und Kasachstan zusammenschrumpfte, den slawischen Kern gleichsam, bliebe sie weiterhin eine Großmacht von 230 Millionen Menschen. Deswegen hat der Westen allen Grund, das kommende Rußland zum Freund zu haben und zum Partner – sonst würde jede neue Weltordnung der des Kalten Krieges auf verblüffende Weise ähneln* (Die Zeit, 02.08.1991, № 32).

Образная составляющая концепта «Размер» апеллирует здесь к эмоциональной стороне сознания, отражая стереотипное отношение к России как к источнику потенциальной угрозы. Несмотря на то, что крупнейшая страна в мире Советский Союз распалась, Россия своими масштабами продолжает внушать страх западным державам: *Selbst wenn Rußland einmal zu einer selbständigen, modernen militärischen Weltmacht aufsteigen wollte – je mehr unabhängige*

Republiken zwischen Rußland und dem Rest Europas entstehen, desto ruhiger kann der Westen schlafen (Die Zeit, 30.08.1991, № 36).

Одну из основных позиций в системе взаимоотношений между государствами занимают концепты «Экономика», «Кризис». На основе анализа эмпирического материала можно сделать вывод, что Россия на протяжении многих лет характеризуется западными странами как экономически слабая, отсталая страна (*ein rückständiger Staat, in wirtschaftlichen... Beziehung auf Jahrzehnte hinaus von Schwäche gekennzeichnet*). При этом часто оговаривается тот факт, что она обладает значительным потенциалом: ***Selbst das potentiell reiche Rußland könnte in absehbarer Zeit das ökologische und soziale Elend, das 74 Jahre Kommunismus im Kusbass hinterlassen haben, nicht in Wohlstand verwandeln*** (Die Zeit, 05.04.1991, № 15); ***Ursachen für den Rückgang sind laut Egloff weniger die Sanktionen als die andauernd schwächelnde Wirtschaft Russlands*** (Die Zeit, 24.11.2014). Некоторые журналисты метафорически переосмысливают положение дел в российской экономике: ***Viele Beobachter sehen Russlands wirtschaftlichen Einfluss auf dem absteigenden Ast*** (Die Zeit, 07.03.2014); ***So lag die Pro-Kopf-Produktivität schon im weitgehend marktwirtschaftlich geordneten Rußland um die Jahrhundertwende bei nur etwa vierzig Prozent der Pro-Kopf-Produktivität im ebenso marktwirtschaftlich geordneten Deutschland, und insgesamt erwirtschaftete Rußland damals nur etwa vier Fünftel der Güter und Dienste, die das ungleich kleinere Deutschland hervorbrachte. Aus der Sicht der ökonomisch orientierten Westler innerhalb und außerhalb des Landes war Rußland damit ein rückständiger Staat*** (Die Zeit, 04.05.1990, № 19). Наблюдается отсутствие у россиян каких-либо амбиций, они не привыкли жить хорошо: ***Vielleicht denkt der eine oder andere auch im stillen, die Russen neigten zum Hungern und hätten sich an diesen Zustand fast schon gewöhnt*** (Die Zeit, 14.12.1990, № 51). Зачастую Россия обращается за денежными инвестициями к Западу: ***Immerhin ist die marode Wirtschaft Russlands dringend auf die Milliardeninvestitionen des Westens angewiesen*** (Die Zeit, 26.06.2013).

Корни экономической нестабильности России немецкие средства массовой информации усматривают в далеком прошлом. Отсталость России определяется немцами как длительный хронический недуг, это репрезентируют такие лексемы, как *chronisch*, *Gebrechen*, *quälen*, ср.: ***Manche dieser Gebrechen sind chronisch. Ruß-***

lands wirtschaftliche und technologische Rückständigkeit quält seine Herrscher seit mehr als dreihundert Jahren (Die Zeit, 12.02.1998, № 08). Прогнозы на будущее, как считают в Германии, тоже неутешительны: *Es ist sinnlos, weitere Dollarmilliarden in ein Budget zu pumpen, dessen Parameter niemand kennt. Mit Rußland wird es bergab gehen. Das steht fest, es ist nur noch eine Frage des Ausmaßes* Rußland ist auf dem Weg, zum bloßen Rohstofflieferanten und primitiven Agrarland zu verkommen. Manche behaupten immer noch, der Westen habe genau das gewollt. Doch ein schwaches Rußland nützt niemandem. Es ist **wirtschaftlich, ökologisch und politisch unberechenbar – und gefährlich** (Die Zeit, 03.09.1998, № 37). Метафорически инвестиции представляются как некий процесс вкачивания, который немцы считают бессмысленным, так как бюджет России катится под уклон: „*Geben Sie mir zwanzig Jahre Zeit, und Sie werden Rußland nicht wiedererkennen!*“ *hatte Stolypin einst in die Duma gerufen. Doch die Geschichte gab ihm diese Zeit nicht. Und sie wird sie auch heute weder Boris Jelzin noch irgendeinem anderen geben. Nichts macht deutlicher, wie sehr das russische Imperium bis hin zur Weltmacht stets ein Nachzügler der alten Reichsbildungen geblieben ist, dessen Territorium zwar größer war als die Oberfläche des Mondes, über dem aber die Sonne der Renaissance nie aufging* (DWDS, www.zeit.de/1992/02/die-freiheit-ist-wie-das-nichts). В качестве образцового преобразователя выступает, по мнению немецких аналитиков, П.А. Столыпин, инициировавший ряд реформ. Стоит отметить, что журналисты несколько искажают смысл его высказывания (ср. в оригинале: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России» – интервью в одной из газет, где П.А. Столыпин описывал проводимые реформы, главной целью которых, с его слов, являлось создание класса мелких землевладельцев, что должно было привести к процветанию страны [Аксаков 1912]).

Одним из составляющих элементов концептов «Экономика» и «Кризис» относительно России является понятие о коррупции. Богатства России, которые должны были бы превратить ее в благополучную державу, используются не по назначению: **Korruption ist in Russland Alltag: Ökonomen sehen sie als tragende Säule des Systems, ein Drittel der Bürger hält sie für unausrottbar** (Die Zeit, 18.01.2016); **Das Problem der Korruption in Russland ist deshalb ein**

so großes, weil es nicht als Problem erkannt wird [Bauer 2014 URL: www.zeit.de/2014/01/russland-korruption-beamte-gefaengnis]; *Sie können auch nichts für die Menschenrechtsverletzungen, Wahl- und Justizmanipulationen und die **Korruption in Russland*** (DWDS, www.zeit.de/sport/2014-02_sotschi-olympischespiele-eroeffnung-putin). Аналитики отмечают следующее: несмотря на то, что на нужды регионов выделяются огромные денежные субсидии, важные экономические и социальные задачи остаются неразрешенными, а деньги где-то просто растворяются: *Experten im reichen Rußland errechneten, daß sich die unfreiwilligen Subventionen der größten Republik auf siebzig Milliarden Rubel summieren. Zugleich fehlt aber das Geld für wichtige ökonomische und soziale Aufgaben an allen Ecken und Enden des riesigen Territoriums* (Die Zeit, 06.09.1991, № 37).

В последние годы отмечается значительное ухудшение отношений между Россией и Германией вследствие украинского кризиса: *Die Krise in der Ukraine belastet das europäisch-russische Verhältnis* (Die Zeit, 24.01.2014, № 5); *Der Machtkampf in der Ukraine belastet zunehmend das ohnehin angespannte Verhältnis zwischen dem Westen und Russland* (Die Zeit, 02.02.2014); ***Die Annexion** der völkerrechtlich zur Ukraine gehörenden Krim sowie **Moskaus Unterstützung für die Separatisten in der Ostukraine haben das Verhältnis Russlands zum Westen schwer belastet*** (Die Zeit, 02.01.2015).

Из-за событий на Украине, в связи с присоединением Крыма к России европейцы прибегают к санкциям, направленным на ослабление роли и значимости России в мире. Германия отказывается признать легитимность новых территорий России. В связи с этим в немецких средствах массовой информации мы не увидим сочетаний типа *присоединение Крыма*, журналисты оперируют исключительно отрицательно маркированными терминами *аннексия*, *аннексировать*, вербализующими концепт «Агрессия», ср.: *Zu den Neujahrswünschen, die in Russlands beliebtestem sozialen Netzwerk WK veröffentlicht wurden, gehörte zunächst eine Karte der Russischen Föderation, auf der die **von Russland annektierte Halbinsel Krim** nicht eingezeichnet war* (Die Zeit, 05.01.2016); ***Russische Langstreckenbomber üben ungewohnt intensiv** über der Nord- und Ostsee. Die Nato verlegt zusätzliche Kampffjets ins Baltikum und erwägt erstmals Großmanöver in östlichen Mitgliedstaaten. Seit Monaten lassen Russland und die Nato wie in alten Zeiten **ihre Muskeln spielen*** (Die Zeit, 02.01.2015).

Одним из доминантных элементов, имеющих идеологическую нагрузку, является концепт «Демократия». Немецкое общество акцентирует внимание на расхождении между демократическим идеалом и его воплощением в России. Демократические преобразования вызывают скептицизм у немцев. По их мнению, в России никогда не было и не может быть демократии: *Gorbatschows Ziel, so ist zu hören, sei es schließlich nicht, die Demokratie einzuführen, sondern Rußland zu „revitalisieren“, es wieder mächtig zu machen* (Die Zeit, 16.02.1990, № 8); *Verzweifelte Demokraten schlagen einen „letzten Alarm“ für die Geschichte Rußlands und ihre Errettung* (Die Zeit, 08.02.1991, № 7); *Angesichts seiner Karriere als autoritärer Politiker erheben sich Fragen nach Jelzins Befähigung, eine Demokratie inmitten der traumatischen Situation des zerbrechenden Imperiums aufzubauen* (Die Zeit, 01.11.1991, № 45); *... zumal die historische Entwicklung Rußlands – unter Zaren und Kommunisten ein multiethnisches Reich zu schaffen und zu erhalten – unleugbar zur autoritären Natur des russischen Staates beigetragen hat* (Die Zeit, 01.11.1991, № 45); *Zahlreiche Demonstranten warten vor der Stadthalle in Hannover auf die Ankunft von Russlands Präsident Wladimir Putin. Die Menschen wollen mit Protest auf die ihrer Meinung nach eklatanten Missstände in Russlands Demokratie aufmerksam machen* (DWDS, www.zeit.de/news/2013-04/07/menschenrechte-dutzende-demonstranten-erwarten-praesident-putin-in-hannover-07172404).

О «демократическом прорыве» заговорили лишь во время протестных акций после выборов в 2011 г.: *An diesem schneereichen und **politisch beispiellosen Protesttag** in Moskau reden viele von einem **möglichen neuen demokratischen Aufbruch Russlands*** (Die Zeit, 24.12.2011, № 6); *Beobachter sprechen von den **größten Anti-Regierungsprotesten** seit dem Machtantritt von Wladimir Putin vor mehr als zehn Jahren* (Die Zeit, 24.12.2011, № 52).

Традиционно образ России актуализирует концепт «Политический лидер». Как показывает практика, авторитетность и популярность российских руководителей внутри страны часто не соотносится с их популярностью за рубежом. Ярким примером этому может служить М. Горбачев – кумир для Запада, который подвергается жесткой критике со стороны соотечественников [Семененко 2006: 117]: *Michail Gorbatschow hat den Kalten Krieg beendet und statt dessen den Canossa-Gang zu Weltbank und Währungsfonds, Gatt*

und EG angetreten, schließlich hat er das Jahr 1989 **mit der welthistorischen Wende in Osteuropa in den Annalen verewigt. Sein Traum, den Sowjetbürgern eine neue europäische Identität und dem alten Rußland eine geistesgeschichtliche Verbindung mit Aufklärung und Renaissance zuzuordnen, mögen als naive Utopie eingeschätzt werden. Künftige Historiker werden Gorbatschow vielleicht den Vorwurf machen, den Anschluß an die von ihm selbst ausgelöste, unvermeidbare Differenzierung der Sowjetgesellschaft verloren zu haben** (Die Zeit, 20.07.1990, № 30); **Ewiger Ruhm jedoch bleibt Michail Gorbatschow. In Russland ist er verpönt als Zerstreuer des Leninschen Großreichs, der zudem das Siegespfand DDR verhökert habe. Wir ehren ihn als Lizenzgeber der deutschen Einheit** (Die Zeit, 02.01.2014, № 02).

Пришедший на смену М. Горбачеву Б. Ельцин не вызвал симпатии у немцев, которые продолжали тепло вспоминать о его предшественнике. У россиян Б. Ельцин со временем тоже утратил первоначальный авторитет: *Als der Amerikaner ihm bescheinigte, er sei „hart wie russisches Schwarzbrot“, blühte Jelzins Gesicht auf wie im ganzen Krisensommer nicht. Solche Komplimente macht ihm in Rußland niemand mehr. Boris Jelzin wird seinem Vorgänger Michail Gorbatschow immer ähnlicher; der kurz vor seinem Rücktritt Applaus im Westen ertete und im eigenen Land die verachtende Ablehnung der Menschen ertragen mußte* (Die Zeit, 03.09.1998, № 37).

Нынешний Президент России В. Путин – “Synonym Russlands” [Galperin 2011] – вызывает крайне отрицательное отношение на Западе, хотя на сегодняшний день никто не отрицает, что он является самым популярным политиком, ср.: *Das größte Land der Erde schrumpft zur Dämonie des Autokraten Putin...* (Die Zeit, 02.01.2014, № 2); *Jetzt führt kein Weg mehr an dem Kremlherrscher vorbei* (Die Zeit, 15.02.2016); *Die Realitätseinsicht 2016: Russland mag zwar wegen der Sanktionen und des niedrigen Öl- und Gaspreises ökonomisch schwer angeschlagen sein. Doch mit geradezu furchterregendem Erfolg führt der Kremlherrscher seit einigen Jahren vor, wie man mit militärischer Potenz ein Machtvakuum füllt und seinen globalen Einfluss vergrößert* (Die Zeit, 15.02.2016); *Russlands Präsident Wladimir Putin wird dann aller Voraussicht nach wieder nicht dabei sein. Wegen der Annexion der Krim haben ihn die G7-Staaten zur unerwünschten Person erklärt. Nichts deutet darauf hin, dass sich daran etwas ändert. Im Gegenteil: Viele mut-*

maßen, dass Putin **mit seiner Expansionspolitik** weitermacht und auch andere Gebiete zu Russland holen will.

Красной нитью в немецкой прессе проходит идея сильного вождя, необходимого России: ...**das russische Volk brauche einen starken Führer**; denn „ein Führer macht die Nation gesund und vereinigt sie für ein höheres Ziel“ (Die Zeit, 04.05.1990, № 19); **Der Glaube des Volkes an einen guten, klugen, vor allem starken Zaren blieb dagegen unerschüttert. Noch immer wartet Rußland auf den Erlöser.** „Unser neuer Zar“: so nennen die Moskauer Boris Jelzin (Die Zeit, 05.07.1991, № 28).

Рассмотрев с лингвистической точки зрения представленный в немецких СМИ образ России, можно предположить, что сегодняшние отношения, несмотря на однополярность представленных концептов «Размер», «Экономика», «Кризис», «Агрессия», «Демократия», «Политический лидер», имеют положительную динамику. Германия и Россия до сих пор находятся в процессе сближения, выраженном как в экономическом, так и во внешнеполитическом сотрудничестве. «Стратегическое партнерство» не исчерпало свой потенциал. Российско-германские отношения всегда были противоречивыми, причем восхищение, отвращение, страх и романтическая привязанность скорее смешивались, чем чередовались.

Литература

Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Позднякова, Н.В. Вы этой женщине сдали бы комнату в наём? (секреты успешности плакатов в современном политическом дискурсе России и Германии) / Н.В. Позднякова, Х. Вальтер // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2016. – № 3 (53). – С. 174-182.

Позднякова, Н.В. Советские плакаты в современной коммуникации/ Н.В.Позднякова // Публицистический арсенал общественных движений

России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-ArndtUniversität, 2015. – С. 150-174.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-ArndtUniversität, 2015. – 290 с.

Пути преодоления конфликтогенных ситуаций: толерантные стратегии и тактики : учеб. пособие / О.Е. Чернова, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова» ; Науч.-исслед. словарная лаборатория ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. – 125 с.

Семененко И.С. Культура, общество и образ России [Электронный ресурс] / И.С. Семененко // Журнал «Неприкосновенный запас». – 2007. – № 1 (51). – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2697> (дата обращения: 28.07.2017).

Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 256 с.

Шулежкова, С.Г. Два пути от невинной любви к Отечеству – патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016. – С. 50-63.

Bergdoll, U. Keine Idiotenfreiheit für Boris Jelzin / U. Bergdoll // Süd-deutsche Zeitung, vom 20.01.1995. – S. 4.

Deutsches Historisches Institut (DHI), Moskau [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dhi-moskau.de (дата обращения: 23.07.2017).

DWDS – Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de>

Galperin, J. Das Russlandbild deutscher Medien [Электронный ресурс] / J. Galperin // Bundeszentrale für politische Bildung vom 25.03.2011. –

Режим доступа: <http://www.bpb.de/internationales/europa/russland/479> (дата обращения: 18.12.2016).

Ossipova, A.A. Repräsentation der konzepte Russland und Deutschland in den publistischen texten / A.A. Ossipova, O.V. Michina, N.V. Pozdnjakova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 34-41.

Shulezhkova, S.G. Die Konzepte Revolution und Krieg in den russischen Massenmedien in berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 50-61.

Zur Kritik des “Systems Putin“ vgl. Vogel H. Rußland ohne Demokratie. Konsequenzen für das Land und die europäische Politik [Электронный ресурс] // Stiftung Wissenschaft und Politik. – Режим доступа: <https://www.swp-berlin.org/publikation/russland-ohne-demokratie/> und Schneider E. Putins zweite Amtszeit. Stärkung der Machtvertikale und wachsender Einfluss des FSB// Stiftung Wissenschaft und Politik. – URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/putins-zweite-amtszeit/> (дата обращения: 23.07.2017).

Evgenii A. Morozov, Nailya R. Urazaeva
Magnitogorsk, Russia

MODERN RUSSIA IN GERMAN MEDIASPACE: LINGUO-POLITICAL ANALYSIS

Abstract. The article conducts the reconstruction of the main concepts, which interpret the image of Russia in Germany in 1990–2016, based on the materials of DWDS and the leading German informational-political newspaper “Die Zeit”. The basic concepts were “Size”, “Economy”, “Crisis”, “Aggression”, “Democracy” and a “Political leader”. Mass media not only reflect current events and public opinion, but also is an instrument to form certain views in the mind of recipients. The analysis shows, that even with peaceful cooperation and mutually beneficial relations between Russia and Germany, the mass media inflict rather negative image of Russia: underdeveloped economy, corruption, aggressive government policy, which is taken as a potential threat, lack of democracy. The attitude of the Germans to the political leaders of Russia, who represent the Russian Federation, often doesn’t correlate with the Russians’. The attitude to Russia is largely stereotypical, but also shows dynamical tendencies, such as changing the vector from the warm relations after the German reunification to the escalation of tension in 2014, and awareness of the need for a conversation and cooperation in 2016.

*Я. Тарса
Ополе, Польша*

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛЬСКИХ ДЕМОТИВАТОРАХ

Аннотация. Демотиваторы это интернетовский жанр поликодовых текстов, в которых, как в зеркале, отображается отношение интернет-пользователей к текущим политическим, спортивным, культурным событиям, более или менее известным людям и целым народам. Одна из тем, часто затрагиваемых в польских демотиваторах, – это Россия и русские. В них преобладает отрицательный образ России, а демотивирующие картинки можно поделить на несколько групп. Первую из них объединяет слоган «Россия это не страна, это состояние ума». Это демотиваторы скачанные поляками из Рунета, показывающие Россию как страну абсурдов, нонсенов и бедности. Вторую большую группу составляют демотиваторы, в которых Россия показана как угроза нашей свободы и независимости. Они часто обращаются к нашей совместной истории. Третья группа демотиваторов показывает русских как людей, которые любят свою родину и готовы защищать ее от всех угроз. Еще одна группа – это демотиваторы, говорящие, что поляки и русские славяне, которые должны стремиться к достижению взаимного соглашения и сотрудничать на международном арене, а не выступать друг против друга.

Ключевые слова: демотиватор, поликодовый текст, стереотип, Россия, графическая часть, вербальная часть, Россия, русские

Демотиватор – это изображение состоящее из картинки, расположенной на черном фоне и набранного белым шрифтом, или одного слова, или лаконичного комментария. Иногда в демотиваторе верхняя фраза является завязкой, нижняя – неожиданной развязкой. Контраст, возникающий при последовательном прочтении двух фраз, рассчитан на эффект неоправданного ожидания, который обуславливает возникновение комического эффекта. «Для участников интернет-коммуникации, активно использующих готовые демотиваторы, они выполняют коммуникативную, эмоционально-экспрессивную и волюнтаривную функции. Для

пользователей Интернета, создающих демотиваторы, помимо коммуникативной, эмоционально-экспрессивной и волюнтаривной функций, они выполняют когнитивную и идеологическую функции» [Лутовинова 2016: 28]. Можно выделить несколько видов демотивирующих картинок: оригинальные, или классические, шуточные, социально-рекламные, самопрезентационные, интернет-эзотерические и философские [Голиков 2010: 127-128].

Демотиваторы – «это сложный социокультурный феномен интернет-коммуникации, обладающий жанроопределяющими и жанрообразующими признаками (формальными и содержательными признаками текста поликодовой природы) и служащий многообразным целям организации коммуникативного пространства социальной сети...» [Баслина 2014: 136]. Одной из целей и функций демотиваторов является комментирование текущих событий. Сочетание в этом поликодовом жанре графической и вербальной частей позволяет дать более полную и более эмоциональную оценку того, что происходит в политике, культуре, обыденной жизни. В демотиваторах, как в зеркале, отражается и отношение к людям другой национальности.

Польские исследователи замечают, что польское видение России отягчено предрассудками и стереотипами [Добешевский 2007, Прокоп 2007, Żakowska 2006]. Мы не хотим понять, что не все воспринимают мир одинаково, а точнее «мы не имеем ничего против того, чтобы японцы воспринимали иначе, чем мы. Более того, зачастую их восприятие мира нас восхищает <...> Зато от русских мы требуем, чтобы они принимали наше видение мира. И мы никак не хотим признать, что русские культурные установки отличаются от наших не меньше, чем польские от японских, что мы росли в разных дворах, читали разные учебники истории даже в коммунистическое время» [Лазари де 2007: 331–332]. Мы не только не можем понять, что у русских другая картина мира, но и оценивая события в России, и думая о русских, руководствуемся стереотипами.

Авторами демотиваторов чаще всего являются молодые люди, которые знают Россию только по урокам истории, по тому, как Россия представлена в СМИ, и стереотипным представлениям, которые они унаследовали от своих родителей. Все это сказывается на том, что в основном в польских демотиваторах образ России негативен.

Источником материала для исследования стал самый популярный сайт демотиваторов в Польше – demotywatory.pl. Ежедневно его посещает несколько десятков тысяч пользователей и каждый день на нем появляется около двухсот новых картинок. На этом сайте есть внутренняя поисковая система, позволяющая быстро найти нужные демотиваторы.

Если в поисковую систему сайта demotywatory.pl вписать слова Россия и русские, то она выдает свыше двух тысяч демотиваторов, которые можно разделить на несколько групп. Первая группа – русские – наши враги, которые и в прошлом и в настоящем угрожали нашей независимости. Авторы таких демотиваторов вспоминают события из нашей истории, разделы Польши, Вторую мировую войну, считают что и в прошлом, и в настоящей Россия вместе с Германией ведет совместную политику против Польши. В графической части использованы картины польских художников на исторические темы, фотографии российской армии и ее вооружения.

Темой второй группы демотиваторов становятся современные политические события, которые расцениваются как стремление России к завоеванию и подчинению себе всего мира. Это прежде всего события на Украине, война в Сирии, информации о передвижении российских войск и т.п. В такого рода демотиваторах Россия показана как агрессор, стремящийся к завоеванию стран входивших в прошлом состав СССР, диктующий им свои условия. Графический элемент подчеркивает угрозу со стороны России – это фотографии горящих или разрушенных жилых домов, раненых людей, танков и т.д.

Третья группа демотиваторов представляет Россию положительно: это огромная, богатая полезными ископаемыми, красивая страна, а русские это патриоты, которые очень любят и всегда защищают свою родину и в этом мы им завидуем. Авторы таких демотиваторов подчеркивают, что русские готовы на многое для своей страны и призывают поляков, чтобы они им подражали. В этих демотиваторах обычно использованы фотографии военных ветеранов, парадов на Красной площади в Москве. В последнее время стали также появляться фотографии русских, бьющих беженцев. Интернет-пользователи считают, что поляки должны так же, как и эти русские, защищать свою страну от мусульманских беженцев.

Есть демотиваторы, которые говорят, что поляки и русские – славяне, и поэтому мы должны дружить, сотрудничать на международной арене, стремиться к достижению взаимного соглашения, а не выступать друг против друга. В них появляются фотографии красивых девушек, карты Европы, на которых все славянские страны объединены в одну.

Существует также группа демотиваторов, объединенная общей темой, которая выражена фразами «Rosja to nie kraj – to stan umysłu», что можно перевести как «Россия это не страна – это состояние ума» и «tymczasem w Rosji» – «тем временем в России». Это чаще всего демотиваторы, которые раньше появлялись на российских сайтах и были озаглавлены «Умом Россию не понять» и «тем временем в России». На них представлены абсурдные ситуации из повседневной жизни, странные фотографии с сайтов знакомств или соцсетей, снимки, показывающие плохое состояние дорог, разваливающиеся дома. Польские пользователи скачивают эти демотиваторы с российских сайтов и только переводят их вербальную часть, иногда даже не указывая их источник. Посмотрев такие подборки, можно подумать, что Россия – это страна, где люди живут бедно, в каждой квартире на стене висят ковры, по улицам ходят медведи, которых русские не боятся, а иногда даже держат как домашних животных; им не страшны снег и мороз и они обожают пить водку. В этих демотиваторах можно увидеть переходящий из поколения в поколение стереотип России и россиян, который основательно закреплен в сознании поляков и который не меняется. К счастью, в комментариях к этим демотиваторам часто можно прочесть, что много из этих картинок можно было бы отнести и к польской действительности.

Для поляков символом России является Владимир Путин. Поисковая система сайта demotyATORY.pl выдает свыше 1000 демотиваторов, в которых появляется фамилия президента России. И в этих демотиваторах можно заметить амбивалентное отношение поляков к России. С одной стороны, Владимир Путин указан как деспот, держащий в ежовых рукавицах всю страну и стремящийся подчинить себе Европу и даже весь мир. В графической части таких демотиваторов часто появляются фотографии Гитлера и Сталина. С другой стороны, поляки восхищаются Владимиром Путиным как сильной личностью, считают

его умным руководителем, подчеркивают, что он пользуется авторитетом и уважением самых важных мировых политиков. Графическую часть таких демотивирующих картинок составляют фотографии президента России, на которых он выглядит очень мужественно, подписывает важные документы, занимается спортом, встречается с руководителями других стран.

Демотиваторы позволяют интернет-пользователям обмениваться мнениями, комментировать действительность, выражать свои эмоции. В польских демотиваторах часто появляется тема России и русских. На то, как поляки представляют Россию и оценивают ее политику, влияют совместная история и стереотипы, живущие в нашем сознании. В большинстве польских демотиваторов представлен отрицательный образ России. Их авторы считают, что это бедная, отсталая, полная абсурдов страна, которая стремится к подчинению себе бывших республик СССР и хочет влиять на мировую политику. В таких демотиваторах отображается ироническое и немного пренебрежительное отношение поляков к России. Но, с другой стороны, есть тоже демотивационные картинки (правда, их намного меньше), в которых можно увидеть восхищение Россией и уважение, по отношению к русским. Их авторы показывают красоту России, замечают большой патриотизм русских и подчеркивают, что мы, как славяне, должны жить в согласии друг с другом.

Литература

Баслина, Е.Ю. Демотивационный постер как жанр сетевого юмора / Е.Ю. Баслина, Л.В. Ухова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1. Т. I (Гуманитарные науки). – С. 135-140.

Бугаева, И.В. Демотиваторы как новый жанр Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика / И.В. Бугаева // STIL. Beograd, 2011. – № 10. – С. 147-158.

Голиков, А.С. Демотиваторы в интернет-коммуникации: генезис, смыслы, типология / А.С. Голиков, А.А. Калашникова // Вестник Харьковского государственного университета. – 2010. – Вып. 16. – С. 124-130.

Добешевский, Я. Второе дно стереотипа / Я. Добешевский // Поляки-русские: взаимоотношения : материалы конф. / под ред. А. Кминиковской, Е. Пенкала. – Гданьск : Прибалтийский центр культуры, 2007. – С. 189-195.

Лазари де, А. Рецепт хороших польско-русских отношений / А.де Лазари // Поляки-русские: взаимоотношения : материалы конф. / под ред.

А. Кминиковской, Е. Пенкала. – Гданьск : Прибалтийский центр культуры, 2007. – С. 329-333.

Лутовина, О.В. Демотиваторы как вид сетевого творчества / О.В. Лутовина // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 28-36.

Прокоп, Я. Поляки о русских – два вида памяти / Я. Прокоп // Поляки-русские: взаимоотношения : материалы конф. / под ред. А. Кминиковской, Е. Пенкала. – Гданьск : Прибалтийский центр культуры, 2007. – С. 270-277.

Żakowska, M. Rosja i Rosjanie w publicystyce polskiej po 1989 roku / M. Żakowska // Polacy i Rosjanie. Przewycięzanie uprzedzeń / pod red. A. de Lazari, T. Rongińskiej. – Łódź : Ibidem, 2006. – С. 359-373.

*Jadwiga Tarsa
Opole, Poland*

THE IMAGE OF RUSSIA IN POLISH DEMOTIVATORS

Abstract: Demotivators are Internet hybrid texts, which reflect Internet users' attitudes to politics, culture, sport, more or less famous individuals, and nations. A common topic expressed with demotivators is Russia and the Russians. However, the images of Russia projected by such demotivators are frequently stereotypical and negative, while graphic images employed in the Russian-themed hybrid texts can be classified into several categories. The first group constitutes images adhering to the underlying idea that "Russia is not a country; it is a state of mind". These demotivators copy the content of the Russian Internet that depicts Russia as a country of absurdity, nonsense and poverty. Another group are demotivators presenting Russia as a threat to Polish freedom and independence. These often refer to our shared history. As opposed to this group, the next category praises Russians as patriots ready to defend their homeland against various threats. Another type are demotivators claiming that the Poles and Russians are Slavs who should seek agreement and act together in the international arena rather than fight with each other.

Key words: demotivators, hybrid text, graphic layer, visual layer, stereotype, Russia, Russians

ВЫТЕСНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ИЗ ШКОЛ СЕРБИИ В ЗЕРКАЛЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН КОНЦА XX И НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. Общие русско-сербские историческо-культурные, духовные и литературные связи упоминаются с XII в. В конце XX в. на мировой сцене «Новый мировой порядок». События в Сербии в начале XXI в. свидетельствуют о том, что сторонники глобализации видят в Сербии геополитическое продолжение России на Балканах и расценивают ее как страну-противницу глобализации. Первой мишенью глобалистов стал русский язык в образовательной системе Сербии. В настоящей статье анализируются разные грани этого процесса и называются инициаторы устранения русского языка из школ Сербии.

Ключевые слова: русский язык, геополитика, глобализация, Сербия, Россия, образование

Современная геополитика – наука, изучающая взаимосвязь внешней политики государств с их географическим положением, климатом, природными ресурсами. При этом следует иметь в виду, что в теории международных отношений внешняя политика понимается, как продолжение внутренней политики государства, ее распространение на отношения с другими государствами с помощью различных средств и методов, в том числе и в образовательной сфере через финансирование изучения иностранных языков в школах.

Ф.М. Достоевский писал: «Язык – это народ», а Д.С. Лихачев говорил, что русская литература является совестью русского народа. А так как благодаря изучению русского языка ученики могут познакомиться с великой русской цивилизацией и культурой и одновременно освоить и понять русский мир, для геостратегов с Запада задачей номер один после бомбежки в 1999 г. Югославии стал не ремонт разрушенных «милосердным ангелом» школ, а вторжение в школьную и образовательную систему Сербии. Первое, на что в сербских школах нацелились геостратеги *Rax americana*, был школьный предмет РУССКИЙ ЯЗЫК!

В Югославии, а потом в Сербии русский язык долго занимал высокое (если не первое) место по изучению в школах. Западные геостратеги хорошо понимали: если нет русского языка в Сербии – нет русского народа, у молодежи не будет понятия о совместной истории и культуры, не будет понятия о том, кто победил, а кто проиграл во Второй мировой войне.

Вашему вниманию предлагаю несколько доказательств того, как много западные страны и прежде всего Германия сделали в Сербии для вытеснения русского языка. Германия вошла в систему образования Сербии, по-своему проводила образовательные реформы, навязывала в школах изучение немецкого языка, который почти полностью вытеснил русский. В итоге русский язык в школах Сербии сегодня в сравнении с его положением до бомбежки 1999 г. находится далеко не в лучших условиях.

История вопроса «Почему?» давняя, ответ ясен и прозрачен.

Начну с геостратегий изменения программ изучения русского (и остальных иностранных языков) в Сербии и содержания учебников. Активно продвигается категория «Уровень компетенции» в изучении иностранного языка, то есть можно преподавать русский (и не только русский) язык в школах без образовательно-воспитательной составляющей, без истории русского языка и литературы. Последствием таких программ стало появление «новых» учебников, которые лишены культурологической подоплеки и ценных текстов. В школах Сербии просто стало модно изучать русский язык из учебников, авторами которых являются не сербские специалисты по русскому языку и, к сожалению, не русские. Учебник русского языка для сербов перевели с немецкого, и этот перевод называли «урегулированным с немецкого»!

Что мы делаем? Достаточно вспомнить январь 2012 г. У входа в зал Русского дома стояла лавка с этими учебниками (издатель «Дата статус», Германия). Эти учебники продавались, их дарили. Тот же учебник в ксерокс-формате дарили преподавателям в Нове Саде на очередном заседании славистов, а после «Зимней школы», 2 февраля 2012 г. в Нове Саде был организован семинар, на котором состоялась презентация этих учебников.

Те же учебники (правда, временно) рекомендовал и Русский дом в Белграде на своем интернет-портале. На официальном сайте Русского дома в отделе «Курсы» была ссылка на эти же учебники.

Данные ссылки убраны только после моих протестов, адресованных директору Русского Дома и послу РФ в Белграде. Как размещение этих ссылок на сайте Русского дома произошло, я не знаю, но видно было, что немецкий издатель был очень настойчив и затмил не только сербских специалистов, которые дали добро на использование германских учебников в школах, но и учителей – носителей русского языка. Неужели авторы этих учебников – Урсула Бер, Рима Брайтшпехер, Элке Колодья Росвита Штар, Хайке Вапенканс и советник Моника Шустэр – лучше знают русский язык, его специфику и технологию его преподавания в сербской среде, чем сербы и сами русские.

Мы являемся свидетелями действующих и появления новых хороших учебников сербских специалистов и авторов по русскому языку. Их можно, конечно, критиковать лишь в том смысле, что их, как и любые другие учебники, нужно усовершенствовать с учетом опыта известных учителей русского языка в Сербии.

История вытеснения русского языка из школ Сербии началась с ложных и фальшивых объяснений: невозможно, мол, пользоваться компьютером без знания английского языка. Этот довод должен был смягчить первый удар по изучению русского языка в школах. Все поверили в серьезность этих «доводов». И тогда потихоньку, но очень упорно стали вводить в школах английский язык вместо русского. Сегодня мы убедились в том, что на своем компьютере можем писать на любом языке, находящемся в программе, и что, если даже и остались бы программы только на английском языке, достаточно было бы выучить не более десяти, в крайнем случае, двадцати терминов для хорошей работы на компьютере.

Когда президент России В.В. Путин провозгласил 2007 г. «Годом русского языка», я занялась маленьким исследованием о положении русского языка в Сербии на примере округа, где я работала. Результаты этого исследования оказались удручающими. Во всех (девяти) начальных школах в пятом классе ввели немецкий язык как второй язык, хотя и не было достаточно преподавателей. В это время преподаватели русского языка оставались без работы. На школах Сербии тогда, как и сегодня, можно было поставить таблички «Проверено: русского нет». И уже через четыре года, в школьном 2011/12 уч. г. место русского языка в гимназиях занял немецкий язык! Как это произошло? Дело в том, что в том же году в школу поступили

ученики, которые в 2007 г. начали изучать немецкий язык в пятом классе. Так как в сентябре 2011 г. началось движение сопротивления преподавателей русского языка Сербии и многих родителей против вытеснения русского языка, во многих школах ученики все-таки продолжали изучать русский язык.

Однако министр образования Сербии лично в октябре 2011 г. (!!!) дал указ о реформе средней школы в Сербии. Эта «реформа» касалась прежде всего вытеснения русского и вторжения немецкого языка в гимназии и в средние школы экономического направления. Получилось так, что впервые за последние 45 лет не стало ни одного 1-го класса, в котором бы изучался русский язык.

Итак, дело сделано: русского языка нет в начальных и в средних школах Сербии.

В 2015 г. среднюю школу закончили дети, изучавшие русский язык как второй иностранный язык (они поступили в среднюю школу в 2010/2011 уч. г.). Тогда «в прямом эфире» были обнародованы результаты личной «реформы» министра образования Сербии: выпускники школ 2015 г. русского языка почти не знали.

В 2015 г. весь прогрессивный мир отмечал 70-ую годовщину Великой победы над фашистской Германией. К этому времени язык победителей во Второй мировой войне в сербских школах был сведен почти на нет, особенно в северной ее части, в Воеводине.

Вот конкретные данные, касающиеся всех приемов, с помощью которых осуществлялась геостратегия вытеснения русского языка из школ и других учебных заведений Сербии.

В конце 1980-х гг., в Германии был воссоздан фонд «Ганс Зейдел». Основан он был год спустя после активизации Союзной службы разведки Германии («BND») в Югославии как политическая организация с штабом в городе Мюнхене. В уставе этой организации написано, что целью ее работы является развитие демократии, мира и экономического процветания других стран. Этот фонд «вошел» в Сербию сразу после политических перемен 5 октября 2000 г. Вошел и партнеров нашел. Партнерами фонда «Ганс Зейдел» в его проектах и мероприятиях в Сербии стали Министерство внутренних дел Сербии с соответствующими организационными труппами полиции, Канцелярия Правительства республики Сербии за присоединение ЕС, университеты в Белграде и Крагуеваце.

Вслед за фондом «Ганс Зейдел» в Сербии появилась глобалистическая организация «За техническое сотрудничество GTZ d.o.o.» (Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) GmbH), которая называет себя предприятием. По ее данным, организация работает во всем мире в рамках международного сотрудничества, более чем в 130 странах Африки, Азии, Южной Америки, в странах так называемой транзиции из Восточной Европы и новых независимых государствах бывших республик СССР.

В Сербии организация GTZ, подписав договор с несколькими министерствами, буквально вошла в Министерство образования и спорта Республики Сербии. С марта 2003 г. GTZ-предприятие в рамках проекта «Реформа специального образования» «вошло» в 32 школы по всей Сербии; в проекте участвуют свыше 1000 преподавателей и почти 6000 учеников. В документах GTZ ясно написано, что целевая группа проекта – это молодые, обоего пола, члены разных этнических групп и содружеств в Сербии возрастом от 13 до 19 лет, то есть ученики двух последних классов начальных школ и двух последних классов средних школ, особенно гимназий. Что же касается территорий, GTZ выбрала Белград, Западную Серию, прежде всего Ужице и Санджак, Южную Серию и Воеводину, особенно Суботицу.

В рамках другого проекта «Добро пожаловать в Германию» GTZ сотрудничает с «Педагогическим обществом Сербии» на основе знаний, компетенций и средств, которые существуют у этой организации. Не скрывая своей цели – перевоспитания сербской молодежи – в рамках конкурса поддерживается политически активная молодежь и члены неправительственных организаций. В программах поездок записано и то, что участников ждет богатая политическая программа. Эти поездки полностью оплачены и очень популярны в Сербии.

Авторам проекта «Добро пожаловать в Германию», организации GTZ есть, чем гордиться. В Германию с 2007 г. за пять лет съездило около 300 студентов и свыше 200 учеников средних школ. С помощью немецкого языка в сербских школах уничтожается все, что было русским в школах.

В том же 2007 г. Россией был основан фонд «Русский мир». Я была в Москве, когда в ИРЯ им. А.С. Пушкина на торжественном закрытии Года русского языка господин В. Никонов сообщил об основании этого Фонда, о его целях и планах. Поддержка Рос-

сийского государства в продвижении русского языка как будто есть. Но! Результатов пока нет. Я имею в виду то, что русский язык не возвращается в государственную школьную систему, в начальные (восьмилетние) и средние (четырёхлетние) школы. Появляются центры русского языка, но они не могут пропагандировать русский язык в таких масштабах, в каких продвигаются английский и немецкий языки в школах Сербии. Для примера возьмем только два самых крупных города в Сербии: столицу – Белград и Сербские Афины – Нови Сад. В обоих городах есть центры «Русского мира». Это очень хорошо! Но, если спросить, сколько граждан ходит в эти центры, боюсь, что ответ не порадует.

Существует ли статистика по этому вопросу? Нет.

Русский центр в Нове Саде находится в здании гимназии «Й.Й. Змай», в самом центре, но заинтересованным гражданам туда можно зайти только после уроков и только тогда, когда там проходят какие-то организованные мероприятия. Во дворе школы, на совсем тихой улице у входа в здание гимназии, далеко от глаз прохожих находится табличка с известным названием фонда «Русский мир». Само помещение Центра находится на чердаке! До помещения можно добраться только по крутой лестнице. Мало кто в городе, если он не специалист по русскому языку, знает об этом Центре. Он просто скрыт, и для огромного числа граждан города Нови Сад Русский центр не существует.

В то же время в том же городе в трех минутах ходьбы от Русского центра находится Французский центр. Он не старше русского, но он работает так хорошо и масштабно, что стал Институтом, и бывает, что граждане иногда стоят в очереди, чтобы войти и посмотреть на газеты, записаться на курс французского языка. Надо подчеркнуть, что это здание находится на улице, где проходит много людей, учеников, студентов. В витрине масса сообщений, объявлений о конкурсах. В 15 минутах от этого места находится Американский уголок. Картина такая же, как и во Французском (уже институте). В центре города, около школ и академий несколько книжных магазинов, где можно купить книги на английском языке.

Русский центр («Русский мир») в Белграде находится в здании Филологического факультета, почти в подвале (даже Роберт Лерой Рипли позавидовал бы). Туда заходят в основном филологи,

студенты, профессора. Итог один: русские центры в этих двух городах работают почти в подпольных условиях!!

Кто виноват?

Сами знаем, кто виноват. Посмотрим на себя в зеркале сербской и русской культуры и тогда вспомним, в чем ошиблись. В том, что у нас – сербов никакой своей геостратегии нет: нет геостратегии в образовании, нет геостратегии в политике изучения иностранных языков. По этому вопросу более двух десятилетий, а особенно в первое десятилетие XXI в. Министерство образования Сербии ведет себя безответственно перед потомками.

Сокращая русский язык в школах, Министерство образования Сербии не позволяет потомкам сербов познакомиться с общим и тесно связанным культурным и историческим наследием русского и сербского народов. У наших детей, благодаря нам, уснувшим, не будет возможности получить это богатство и назвать это бесценное сокровище своим достоянием. Мы своих детей незаконно лишаем ядра культурного наследия.

Я должна подчеркнуть, что преподаватели русского языка в Сербии не опускали руки и боролись, как умели и как могли. Но они боролись без чьей-либо помощи внутри самой Сербии. Единственным человеком, который публично и достаточно часто говорил о необходимости возвращения русского языка в сербские школы, был российский посол в Сербии Александр Васильевич Конузин. Он охотно помогал проводить все мероприятия русистов в Сербии. Господин Конузин организовывал специальные торжественные приемы для преподавателей русского языка Сербии. В январе 2012 г. в Русском доме в Белграде 94 преподавателя русского языка подписали Апелляцию за возвращение русского языка в сербские школы. Автором этой апелляции является Радойка Тмушич Степанов – профессор из города Нови Сад. Апелляцию разослали по адресам всех важнейших министерств, учреждений, организаций, но никакого отклика на нее не было. Тогда Российский посол А. Конузин решил помочь, и на прощальном приеме в здании посольства попросил тогдашнего президента Томислава Николича принять делегацию преподавателей русского языка во главе со мной, чтобы попытаться найти выход из тупиковой ситуации, связанной с положением русского языка. Президент Николич согласился. Я лично присутствовала при этом разго-

воре. Но посол Конузин уехал в Россию (командировка закончилась), до президента же Николича невозможно было достучаться.

Приехал новый посол из России – А.В. Чепурин. Я лично просила его принять меня, чтобы ознакомить его с уже проделанной работой, писала письма не раз, лично на разных мероприятиях просила о встрече, но ничего не получилось. Приемы для преподавателей русского языка в посольстве РФ в Белграде не повторились, никакой конкретной поддержки не предпринималось. Российская сторона должна понять, что надо помогать прежде всего преподавателям русского языка начальных и средних школ, потому что там ведется главная борьба за продвижение какого-либо иностранного языка, в том числе и русского.

Если бы Германия имела таких энтузиастов-преподавателей немецкого языка, я уверена, что это государство помогло бы им, не раздумывая. Не раз Германия доказала, что внимательно следит за работой преподавателей немецкого языка, активно и охотно помогает им всеми способами.

Что делать?

Прошное мстит за ошибки. Когда речь идет о положении русского языка в школах Сербии сегодня, мы должны признаться в том, что мы допустили ошибки, а расплачиваться придется нашим потомкам. Перед нашими детьми мы должны оправдаться и начать бороться за возвращение русского языка и культурного богатства, созданного на этом языке.

Сербам и русским надо работать совместно. Необходимо создать хорошо продуманную программу действий, чтобы переломить создавшуюся ситуацию. Но пока не начнется эта совместная работа, каждый преподаватель должен трудиться так, чтобы каждый из нас безвозмездно, кто-то потихоньку, кто-то во весь голос, кто-то с песней, кто-то с фильмом, кто-то с книгой, кто-то со стихами, кто-то на уроке, кто-то дома, кто-то в застолье, кто-то на работе, кто-то перед телекамерами, кто-то на улице, кто-то в храме – говорил о пользе изучения великого, могучего, прекрасного русского языка, носителем которого является наш братский русский народ.

*Radoyka Tmuschich Stepanov
Novi Sad, Serbia*

THE REMOVAL OF RUSSIAN LANGUAGE OUT OF SCHOOLS IN SERBIA IN THE MIRROR OF THE GEOPOLITICAL CHANGES IN THE LATE 20th AND 21st CENTURY

Abstract. Close Russian – Serbian historical – cultural, spiritual and literary connections are dating from the 12th century. In the late 20th century place on stage took the «New World Order». Events that took place in Serbia at the beginning of the 21st century testified the claims of geopoliticians of our time that on the way to the globalization Serbia was labeled as geopolitical extension of Russia on the Balkan and therefore is an obstacle for globalization itself. The initial target of the globalists on that obstacle was the Russian language in the educational system of Serbia. In this text, I am giving an analysis of all activities and numerous participants that was involved in the removal of Russian language out of schools in Serbia.

Key words: Russian language, geopolitics, globalization, Serbia, Russia, Education

*Т.Г. Трофимович
Минск, Беларусь*

ТЕКСТЫ ПОЛОЦКИХ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ КАК ПРАКТИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматриваются тексты верительных грамот, созданных в XIV – XV вв. и относящихся к истории Полоцкого княжества. Автор доказывает, что анализируемые древние тексты представляют практику средневекового дипломатического дискурса. Они обладают всеми чертами институционального типа дискурса, поскольку по содержанию связаны с правовыми институтами тогдашнего общества, обращены к закону как ключевому понятию, устанавливают коммуникативные роли участников общения, связаны с понятиями места и времени. Тексты верительных грамот фиксируют определенную коммуникативную стратегию адресантов и

адресатов, строятся по установленной схеме, обладают особыми жанровыми характеристиками, фиксируют устойчивые вербальные формулы.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, дискурс-анализ, верительные грамоты, средневековые, типы дискурса, институциональный дискурс

В октябре 2016 г. в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа НАН Беларуси состоялась презентация нового фундаментального двухтомного издания «Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.». Подготовили издание российские и белорусские ученые, представители Института славяноведения Российской академии наук (РАН), Института российской истории РАН, Центральной научной библиотеки НАН Беларуси, Института истории НАН Беларуси, исторического факультета Белорусского государственного университета, Российского государственного архива древних актов.

Первое издание Полоцких грамот было предпринято в 1979–1985 гг., когда в Москве вышел подготовленный А.Л. Хорошкевич и Институтом истории СССР АН СССР сборник (вып. 1-5) [Полоцкие грамоты 1977–1985]. В истории восточнославянских народов и историческом языкознании полоцкими условно называются документы, относящиеся по содержанию ко времени существования Полоцкого княжества. Известно, что это княжество существовало сначала в состав Древней (Киевской) Руси, а затем с конца XIV в. надолго вошло в состав Великого Княжества Литовского [Энциклопедический словарь, т. 47, 1897: 366-368].

Сборник содержит 325 документов из архивов Риги, Геттингена, Варшавы, Гданьска, Москвы. Написаны эти документы на древнерусском, старобелорусском, немецком, латинском и польском языках. Они имеют большое значение не только для изучения истории славян, но и для исследования восточнославянского лингвонеза, а также различных практик средневекового дискурса.

Среди документов находим жалованные, духовные, судные, уставные, указные, договорные, удостоверительные и верительные грамоты. В количественном отношении верительных грамот немного, всего 23, но они представляют несомненный интерес с точки зрения того, как реализовалась в них практика средневекового дипломатического дискурса.

Дискурс как междисциплинарное явление понимается в наше время по-разному, и его дефиниция исходит от того, что это коммуни-

кативное событие, которое может иметь вербальные и невербальные составляющие, что это письменный или устный продукт коммуникативного действия. Как бы там ни было, никто из современных исследователей дискурса не отказывается в признании среди прочих облигаторных свойств этого явления факта коммуникативного события (действия), имеющего вербальные и невербальные составляющие. Это позволяет нам подвергать дискурс-анализу тексты древних грамот.

Известно, что *верительные (верющие) грамоты* в прошлом представляли собой документы, удостоверяющие что-либо [Словарь, вып. 2, 1975: 110]. Со 2-й половины XV – по начало XVIII в. это вид дипломатической документации, грамота, удостоверявшая личность представителя государства или княжества. *Верющие грамоты* появились в период правления Ивана III.

Основным предназначением *верющих грамот* было подтверждение того, что лицо, о котором сказано в грамоте или которому выдана грамота, уполномочено высшей властью и ему следует *верить*. Это означает, что *верющая грамота* должна была содержать информацию, укладывающуюся в схему: *кто – кому – что сообщает – для чего*. Такая схема соответствует основным установленным в настоящее время свойствам дипломатического дискурса [Терентий <http>].

Укажем, что полоцкие верительные грамоты различаются по объему. Часть из них – это краткие сообщения из 5-7 строчек (№ 14, 64, 70, 85 и др.), часть – довольно пространные тексты (№ 151, 162, 166, 181, 184 и др.). При этом независимо от объема высказывания приведенная выше схема подачи информации сохраняется. Обратимся для примера к верительной грамоте № 64 1441–1442 гг., данной Полоцком Куриле, который был отправлен в Ригу за весами и гирями. *Ратманам ризким всъм полочаном чоломъ быють от велика до мала. Послали есмо Курила по колоколы, по скалвы и про весь наряд. А дайте нам по старому. А вы нас жалуйте. А мы чолом бьем. А что иметь вам Курило говорити, и вы тому верьте*. Нетрудно заметить, что высказывание практически в чистом виде вербализует приведенную выше схему. Исключение составляют короткие фразы с просьбой сделать все по-старому, пожаловать просителей.

Как показывает анализ текстов верительных грамот, генеральная схема отраженных в них высказываний (коммуникативных дей-

ствий) может варьироваться. Это проявляется в использовании различных именовании адресатов, когда к имени и должности присовокупляется выражение почтения, уважения, чинопочитания и т.п.: *Тым почестливым суседомъ нашим и приятелем честным и милым всем посполите ...* (№ 114); *Благословение архиепископа Ионы полоцкого и витебского почестным и велебным паном суседом и приятелем нашим...* (№ 188). Нередки обращения в хвалебном тоне к детям и другим членам семьи, а также отдельные фразы с выражением благословения: *... Детем нашим и суседом и приятелем милым* (№ 181); *Молитва наша ко богу о вашем здоровии* (№ 162); *Благословляю вас наших суседов и приятелей* (№ 139).

Тексты анализируемых грамот красноречиво свидетельствуют о том, насколько значимым в зафиксированных коммуникативных событиях является адресат. Понятно, что его роль осознана или предвосхищена адресантом, поэтому указание на лицо, к которому обращаются, всегда выдержано в духе почтения. В именовании адресата находят свое отражение отношения между участниками общения. Вежливое, принятое обращение может уступать место искреннему, родственному: *Доброродному и почестливому, велебному и шляхетному, ростропному и опатрьному мужу, пану Ганусу Пилиповичю ... брату моему милому* (№ 141).

В основной части высказывания содержится вполне конкретная и однотипная информация: кто кого послал к адресату и с какой целью: *Бояре полоцкие и мещане и все поспольство полоцкого места послали есмо до вас брата нашего Андрея Селяву* (№ 151); *Такеж послали есмо ко Риги к святому Николе служителя и вам богомольца сего попа на имя Гавоу* (№ 181); *Там послал есми Ивана Похистку для своих потребизн* (№ 141).

Следует акцентировать внимание на том, что почти во всех анализируемых грамотах называется именно это действие – послал, послали. Глагол *послати* используется в своем изначальном значении – ‘отправить кого-либо с какой-либо целью’ [Словарь, вып. 17, 1991: 175]. Если же в тексте не используется этот глагол, то из контекста все равно ясно, какое действие совершено: *Ино о тых то речех поехал там шляхотный муж пан Сенько Григорьевич полоцкий* (№ 131); *Такеж благословили и отпустили до Риги сего священника* (№ 162).

Заключенная в основной части высказывания информация по сути своей называет того, кому выдана верительная грамота: тому, кого послали, грамота и выдана. Таким образом, оказывается, что в коммуникативной ситуации кроме адресанта и адресата появляется еще и лицо, ставшее фигурантом сообщения. При этом адресант может сообщать об этом лице информацию, подтверждающую его положительные качества: ... *Что ж есть человек згодный...* (№ 139); *А послали есмо к нашеей церкви попа ... але есть человек добрыи* (№ 140); ... *Братью свои выбранных добрых людей* (№ 105).

В заключительной части *верующих (верительных) грамот* содержится указание на то, для чего эти документы составлялись. Они предназначались для определения правового статуса лица, которому грамота выдавалась. Именно это лицо получало полномочия представлять интересы адресанта перед адресатом. Ключевым в анализируемых текстах является сообщение о том, что упомянутому лицу, предъявителю грамоты, необходимо верить. Об этом может быть сказано напрямую: ... *И твоя милость ему во всем вериль* (№ 141); *Што будет от нас молвити, и вы бы есте верили, как самим нам, то есть наше слово* (№ 151); ... *Им верити во всем...* (№ 131); *Им верити во всем, бо то есть наше слово* (№ 132); *И ваша бы милость им верили* (№ 107).

Во всех приведенных фрагментах текстов присутствует глагол *верить*. В незначительной части грамот таких заключительных формул нет, а указание на то, что предъявителю документа следует верить, выражено по-другому. Например: *И ваша милость тому сами вразумеете, а што имуть вашей милости словом молвити, ино то наше слово всего места Полоцкого* (№ 114).

Следует отметить, что отдельные верительные грамоты выдавались священникам, которые должны были представлять высшую духовную власть. В этих документах призыва верить им не содержится, адресант просит адресата о защите: *И во обиду не давали и от кривд боронили его* (№ 162); *И ваша милость его от кривд боронити* (№ 181); *И за того священника ваше бы милость стояли, хто будет ему кривду делати* (№ 191).

Тексты могли завершаться указанием на место и время написания грамоты: *Писан на Носилицах априля 5 индикт 1* (№ 191); *Пи-*

сан у Полоцку априля 25 (№ 188); Писан на Словни месяца августа 31 день (№ 141); А писан в Полоцку июля 12 день (№ 132).

Детальный анализ текстов полоцких верительных грамот доказывает, что они отражают практику средневекового дипломатического дискурса. Выявленные к настоящему времени черты институционального дискурса [Карасик <http>] характерны и для рассмотренных высказываний как коммуникативных событий или действий.

Известны участники общения, установлены их роли: кто (полоцкий князь или другое должностное лицо) выдает верительную грамоту для представления своих интересов, перед кем, кто уполномочен представлять эти интересы. При этом тот, кто выдает грамоту, выступает в роли просителя, сопровождая свою просьбу обращениями с выражением чинопочитания, преклонения и т.п. Истинные отношения между участниками общения установлению не поддаются, но роли распределены и должны четко исполняться.

Заметим также, что на роли участников событий указывают и используемые имена. Уничижительные формы имен используются, как правило, применительно к тем, кому выдаются верительные грамоты: *Послали Сенка Яцковича (№ 166); Послали брата своего Сенька Радьковича (№ 170); Послали боярина полоцкого Богдана Юцковича и мещанина полоцкого Мишька Орловича (№ 184).*

Проанализированные тексты содержат характерные для дипломатического дискурса черты, цель которого – «не просто информировать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Бостанджян 2015: <http>]. Верительные грамоты создавались и выдавались для того, чтобы убедить тех, кому они предъявлялись, верить подателю, оказывать ему содействие и т.д.

В текстах грамот находит отражение и то, что называется хронотопом. Известно, что хронотоп (от др.-греч. χρόνος «время» и τόπος «место») – ‘закономерная связь пространственно-временных координат’. Термин, введенный А.А. Ухтомским в контексте его физиологических исследований, и затем (по почину М.М. Бахтина) перешедший в гуманитарную сферу [Хронотоп <http>]. Именно гуманитарное или психо-психологическое понимание хронотопа находим в текстах анализируемых грамот. Время и место (места) происходивших событий восприняты участниками общения, они действуют в системе этих координат.

В качестве основной ценности, которые исповедуют участники рассмотренных коммуникативных событий, следует, прежде всего, назвать признание верховенства закона, предоставляющего право устанавливать подобные отношения. Ко времени создания полоцких верительных грамот практика правообеспечения и правоприменения в Великом княжестве Литовском была достаточно развитой и совершенной для того, чтобы законы «работали» [Довнар 2013: 14].

Несомненной ценностью, которую исповедуют участники коммуникативных действий, является вера. В анализируемых текстах происходящее изображается уже в парадигме христианской веры: получают верительные грамоты священнослужители, упоминаются церкви и соборы, нередки обращения к высшей силе и т.п. Так, например, в грамоте № 162 читаем: *Благословение ... богом спасаемых городов Полоцка и Витебска... За великих господареи христианских... А мы бога молим о вашем посполитом здоровьи*. Отметим, однако, что таких текстов немного. Главной же ценностью общающихся является вера в истинность предоставленных лицу полномочий. Адресант просит, призывает адресата верить.

Предпринятый нами анализ древних текстов, безусловно, может быть проложен, детализирован, углублен. Позволим себе привести некоторые выводы, возможно, предварительного характера.

Почти тридцать лет назад, когда представления о сущности дискурса еще не достигли уровня современности, многие ученые считали, что раз дискурс – это речь, погруженная в жизнь, то древние тексты нельзя считать дискурсом, поскольку их связь с живой жизнью не восстанавливается [Арутюнова 1990: 137]. В настоящее время, на наш взгляд, оснований для таких утверждений нет. Анализируя содержание древних текстов, условия их создания и функционирования, практику использования, можно не только восстановить связь с жизнью, но и осуществить их дискурс-анализ.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.

Бостанджян, Л. Коммуникативно-прагматические особенности дипломатического дискурса [Электронный ресурс] / Л. Бостанджян. – Режим доступа: http://publications.yasu.am/wp-content/uploads/2015/02/Bostanjyan_L..pdf. (дата обращения: 29.03.2017).

Довнар, Т.И. История государства и права Беларуси / Т.И. Довнар. – Минск : Изд-во БГУ, 2013. – 325 с.

Карасик, В.И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. – Режим доступа: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения: 29.03.2017).

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Институт истории СССР, 1977–1985. – Вып. 1-5.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; гл. ред. Г.А. Богатова. – М. : Наука, 1975. – Вып. 2 ; М. : Наука, 1991. – Вып. 17.

Терентий, Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации [Электронный ресурс] / Л.М. Терентий. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/.../diplomaticheskij-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy/> (дата обращения: 29.03.2017).

Хронотоп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki_Хронотоп (дата обращения: 29.03.2017).

Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского ; издатель: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб. : Семеновская типо-литография, 1890–1907. – Т. 1-86.

Tamara G. Trofimovich
Minsk, Belarus

THE TEXTS OF POLOTSK CREDENTIAL LETTERS AS A PRACTICE OF MEDIEVAL DIPLOMATIC DISCOURSE

Abstract. The article covers the texts of the credential letters created in XIV – XV centuries and related to the history of Polotsk Principality. The author proves that the analyzed ancient texts represent the practice of diplomatic discourse of the Middle Ages. They have all the particular features of the institutional type of discourse because of being connected to law institutions of that time in contents aspect. Additionally they refer to the law as a key concept, they set communicative roles of participants as well as connected with the concepts of the time and place. The credential letters texts fix the particular communicative strategy of addressers and addressees, they are built according to a particular structure, they have specific genre characteristics and fix stable verbal formulas.

Key words: Diplomatic discourse, discourse-analysis, credential letters, medieval, types of discourse, institutional discourse

РОССИЯ – ПОЛЬША: НЕСОВПАДЕНИЕ ПАМЯТЕЙ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. «Бум памяти» в гуманитарных науках позволяет увидеть старые проблемы в новом освещении. Автор предлагает описать сферу сложных русско-польских отношений в категориях конфликта двух дифференцированных коллективных памяти, причем «память» автор видит в неразрывном единстве с так называемой «непамятью» (т.е. совокупностью фактов, вытесняемых из памяти или к ней не допускаемых). Коллективная память / непамять из принципа открыта для лингвистического анализа, т.к. она представляет собой оязыковленный феномен, вследствие чего она имеет различные вербальные экспоненты. Автор, обращаясь к разработанной им 20 лет тому назад концепции «ментальной географии», предлагает начать многоэтапный процесс картографирования обеих национальных памяти: выделение их опорных знаков (напр., имен собственных, т.е. названий людей, событий, процессов и других фактов истории, которые в данном этносе стали носителями коллективной памяти / непамяти) и их дефинирование с помощью так называемой синтетической дефиниции. Лучшей формой демонстрации таких карт представляется русско-польский лексикон «мест памяти» в понимании Пьера Нора (*lieux de mémoire*). В отличие от других подобных лексиконов, представляющих собой собрания исторических эссе, автор предлагает описание русско-польской коллективной памяти / непамяти в строгих и однородных категориях филологической лексикографии.

Ключевые слова: коллективная память, места памяти, картографирование, имена собственные, оязыковление, синтетическая дефиниция

«Бум памяти», или «поворот к памяти», в гуманитарных науках [Романовский 2011] позволяет увидеть многие старые проблемы в новом освещении. «Старыми» являются в данном случае русско-польские противоречия – то скрываемые, то вспыхивающие, приобретающие форму то неявного несогласия, то открытого конфликта, но не смолкающие, без преувеличения, столетиями. «Новыми» могут оказаться те категории понимания и описания, которые в данную область вносит современное учение о коллективной памяти с его

понятиями коммуникативной и культурной памяти, постпамяти, сообществ памяти, носителей памяти, этики памяти, конфликта памяти и рядом других (см. [Saryusz-Wolska 2014]). Они позволяют явления, описываемые лишь в категориях истории, географии, политики, фактографии в широком понимании, перевести в пространство ментальных феноменов с их субъектами и субъектными интерпретациями фактов, индивидуальными и групповыми (семейными, локальными, региональными, общественными и т.д.). История как последовательность свершившихся фактов одна, утверждал Пьер Нора, памяти же много и все они имеют право на существование [Nora 2002].

Мы бы и не входили в сложную область учения о коллективной (общественной, исторической и проч.) памяти, если бы она не была так тесно связана с языком. Память, конечно, нельзя сводить лишь к языку, память может быть ведь звуковой, обонятельной, тактильной, сенсорной в широком смысле слова; в силу этого мы склонны говорить лишь об оязыковлении памяти (а не о «языковой памяти» вообще). И тем не менее именно язык играет в формировании, сохранении, внешнем оформлении и выражении памяти исключительную роль. Поэтому память из принципа открыта для языковедческого анализа, для которого в памяти имеются свои опорные вербальные знаки.

Таким же оязыковленным и открытым для лингвистов феноменом является и непамять. Этим словом, отличным по содержанию от слов *забвенье*, *забытье*, *беспамятство*, *амнезия* и вносимым нами в терминологический ресурс исследований по памяти [Хлебда 2016], обозначается совокупность фактов, вытесняемых из памяти (индивидуальной или коллективной), равно как и фактов, к памяти не допускаемых. Непамять – особый вид знания, а названия данных фактов образуют область опорных вербальных знаков, или экспонентов, непамяти, что открывает и непамять для лингвистического анализа.

Участие языка в формировании памяти / непамяти (это в принципе один двусторонний феномен) обнаруживается в двух измерениях. Во-первых, язык является для памяти / непамяти строительным материалом; иными словами, чтобы образовалась память, отдельные ее слагаемые должны влиться в нашей психике в формы, подготовленные для них языком. Во-вторых, память внешне проявляется именно в вербальных формах, или экспонентах: в отдель-

ных словах, их конфигурациях, фразах, нарративах. Язык, таким образом, играет роль двойной призмы, сквозь которую преломляется ментальная струя памяти и которая на эту струю влияет формирующе или деформирующе.

Как из этого следует, область взаимоотношений между памятью / непамятью и языком чрезвычайно пространна и открыта для лингвистов самых разных специальностей. Однако, хотя в этой области уже возникли работы высокого познавательного значения – в России, напр., [Брагина 2007, Иомдин 2010, Кочеляева 2012], – интерес языковедов к названной здесь проблематике пока невелик.

Оставляя на время в стороне анализ более развернутых опорных знаков памяти / непамяти (напр., метафор, нарративов, жанров речи, регистров и стилей высказывания), сосредоточимся на знаках самых конкретных, зрительно выделяющихся и сравнительно легко уловимых: на именах собственных с их символическими обертонами и ценностными наслоениями, образующими конфигурации, благодаря которым память / непамять может картографироваться. Обращаемся к разработанной нами 20 лет тому назад концепции «ментальной географии» [Chlebdá 1997, Chlebdá 2014], представляющей собой надстроенную над физическими картами мира (Европы, России, Польши...) с их политическими аналогами и относительно независимую от них ментальную репрезентацию реального пространства, образованную стереотипными представлениями носителей данного языка (культуры) о континентах, странах, городах, памятных местах и их обитателях: об этносах и выделяющихся (точнее – выделенных в силу каких-то, всегда релевантных, причин) личностях. А т.к. память / непамять есть всегда память / непамять *чего-то* и *кого-то* (а не память / непамять *вообще*), она и построена на избранных представлениях о *чем-то* и *ком-то*: о местах, людях, событиях, и поэтому может быть изображена в виде особой карты. Ее горизонтالي объединяют точки, на физических картах существующие сами по себе, здесь же соотносимые друг с другом по какому-то признаку (напр., на польской ментальной карте названия трех городов: Тарговицы, Ялты и Магдаленки объединены одной горизонталью как символы измены и предательства). Такую карту можно себе представить и в графической форме, однако более подходящей

кажется форма лексикона или объяснительного словаря, т.к. любая точка ментальной карты нуждается в подробном толковании.

Карта коллективной памяти и карта коллективной непамяти неразрывны и образуют аверс и реверс, лицевую и обратную стороны национальной идентичности данной общности. Практическому составлению таких карт мешает, правда, факт, что имена собственные из принципа не фиксируются и не толкуются филологическими словарями (словарь коннотативных собственных имен Е.С. Отина [Отин 2004] – исключение, подтверждающее правило), но этот факт лишь осложняет процесс картографирования, а не делает его невозможным.

Связь «ментальной географии» и «карты памяти / непамяти» с выдвинутой в заголовок статьи констатацией факта несовпадения русской и польской (коллективных) памяти очевидна: обоим государствам и народам нужен полный и объективный перечень «мест памяти» (как их понимает Нора), позволяющий определить зоны сходимости и расхождений, общего и различного, понимания и непонимания; нужен своего рода «протокол разногласий», первым шагом к которому могло бы послужить именно составление русско-польской и польско-русской карты памяти / непамяти.

Достойный примечания образец такого подхода к совместной истории был сделан польскими и немецкими историками в 4-томном труде «Польско-немецкие места памяти» [Traba 2012-2015]. Этот лексикон описывает 117 мест памяти, выделяющихся на ментальных картах поляков и немцев (авторы, кстати, словом «карта» не пользуются), и характеризует их то отдельно, то параллельно (напр., *Вроцлав, битва при Легнице, День Победы, Габсбурги, Януш Корчак* и ряд других описываются и польским, и немецким авторами). Лексикон мест памяти не носит филологического характера, его статьи представляют собой скорее всего исторические эссе, поэтому, несмотря на значимость этого труда в европейской историографии, отдельные его статьи трудно сопоставимы друг с другом.

Аналогичная попытка относительно польско-русских мест памяти была предпринята по инициативе Российско-польской группы по сложным вопросам и завершилась публикацией внушительного по объему тома «*Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918-2008)*» ([Rotfeld 2010]; книга па-

параллельно вышла и на русском языке). Видные политологи обеих стран выбрали для анализа 16 тем российско-польской истории XX в. (напр., польско-советская война 1920 г., пакт Молотова-Риббентропа, катынский расстрел, оттепель, «Солидарность», военное положение в Польше), каждая из которых описывается параллельно автором из Польши и из России. Этот том, однако, хотя его познавательное значение трудно переоценить, от филологического канона отстает еще дальше, чем «Польско-немецкие места памяти», представляя собой набор авторских разработок, различных по объему (от 10 до 40-50 страниц), структуре и стилю изложения.

Филологический подход кажется здесь необходимым именно потому, что лингвистическая лексикография разработала надежные принципы дефинирования самых сложных понятий в сравнительно небольших по объему и однородных статьях, сопоставимых друг с другом по их микроструктуре и метаязыку. Трудности, связанные с описанием значений высокой степени сложности, скрытых за именами собственными, можно преодолеть, прибегая к так наз. синтетической дефиниции полуоткрытого характера, сочетающей в себе признаки классической, контекстной и когнитивной дефиниций (см. [Chlebda 2016]).

Итак, перед «ментальным картографом» возникает многоаспектная задача, во-первых, отобрать для будущей карты-лексикона места памяти (коннотонимы), релевантные для менталитета данного этноса, во-вторых, найти между ними точки соприкосновения (горизонталы), в-третьих, выявить вырисовывающуюся сеть взаимоотношений между ними на адекватном метаязыке описания, в-четвертых, сопоставить их с аналогичной картой второго языка / культуры. Уже первая из этих задач потребует, по всей видимости, не только знаний и умений самого картографа, но и специальных анкетных исследований; только в качестве иллюстрации назовем несколько таких «мест памяти» (в понимании Нора), которые обнаруживаются на ментальных картах как россиян, так и поляков: *Марина Мнишек, Тарас Бульба, Пушкин / Мицкевич, Павлик Морозов, Иосиф Сталин, Крым, Ялта, Сибирь, Катынь, Рапалло, Европа / Азия, «чудо на Висле», Вторая мировая война / Великая Отечественная война, День Победы, берлинская стена*. Параллельное

(польское и русское) описание этих и им подобных мест в одном и том же ключе выявило бы как зоны общего, так и (может быть, в первую очередь) зоны расхождений вплоть до антонимических отношений смыслов и эмоционально-экспрессивных характеристик и оценок.

Картографирование, в лингвистике (в частности, в диалектологии) применяемое давно, приобретает здесь новый смысл, вносимый, кстати, самим словом *карта*. Если отдать себе отчет в том, чему служит карта в традиционном географическом смысле, легко можно дать ответ на вопрос, чему послужит лингвистическая реконструкция ментальной карты памяти / непамяти в сфере русско-польских отношений: тому, чему служат карты вообще, т.е. ориентации и успешной навигации в пространстве и во времени. Рифы в этой навигации кроются именно под внешне нейтральными, семантически же и коннотативно различными, даже диаметрально противоположными в русско-польском сопоставлении, именами собственными: названиями мест, лиц, событий, действий, представляющими собой свидетельства несовпадения русской и польской исторических памятей (а порой и их неразрешимый конфликт). Нарративы о Второй мировой войне, например, пишет А.С. Скачков, «достаточно статичны и не дискутируемы для таких государств, как Россия, Великобритания, Франция, Италия и многие другие», в то время как в странах Центральной и Восточной Европы произошла «фрагментация недавно монолитной памяти» о войне, по отношению к которой, в оценке автора, появился «целый ряд индивидуальных национальных воспоминаний» [Скачков 2017: 141]. Эти «индивидуальные» памяти успели, однако, стать слагаемыми коллективной памяти и расставить – также на русско-польской карте памяти / непамяти – новые точки и горизонталы. Их выявление и анализ – дело не только историков, но и лингвистов.

Литература

Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 505 с.

Иомдин, Б.Л. Ментальная лексика: память и ее функционирование / Б.Л. Иомдин // Проспект активного словаря русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 465-508.

Кочеляева, Н.А. Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе [Электронный ресурс] / Н.А. Кочеляева // Культурологический журнал. – 2012. – № 1 (7). – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9 (дата обращения: 20.03.2017).

Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, Лтд, 2004. – 412 с.

Романовский, Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» [Электронный ресурс] / Н.В. Романовский // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/21/1267239950/Romanovsky.pdf> (дата обращения: 01.12.2015).

Скачков, А.А. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики / А.А. Скачков // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 140-151.

Хлебда, В. Коллективная память в сети родственных понятий / В. Хлебда // Slavische Geistkultur: etnolinguistische und pholologische Forschungen. Teil 1. Hrsg. A. Alekseev u. a. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2016. – S. 81-89.

Chlebda, W. O potrzebie mapowania polskiej pamięci / niepamięci zbiorowej / W. Chlebda // Konstrukcje i destrukcje tożsamości. – Warszawa : SOW, 2014. – Т. 3: Narracja i pamięć / pod red. E. Golachowskiej, A. Zielińskiej. – S. 39-47.

Chlebda, W. W stronę optymalizacji słownikowego objaśniania znaczeń / W. Chlebda // Stylistyka. – 2016. – Т. XXV. – S. 319-335.

Chlebda, W. Zarys polskiej geografii mentalnej / W. Chlebda // Przegląd Humanistyczny. – 1997. – № 3. – S. 81-94.

Nora, P. P. Epoka upamiętniania / P. Nora // Rewanż pamięci / pod red. J. Żakowskiego. – Warszawa : «Krytyka Polityczna», 2002. – S. 59-68.

Rotfeld, A. Białe plamy, czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918-2008) / A. Rotfeld, A.W. Torkunow. – Warszawa : Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2010. – 907 s.

Saryusz-Wolska, M. Modi memorandi. Leksykon kultury pamięci / M. Saryusz-Wolska, R. Traba. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2014. – 592 s.

Traba, R. Polsko-niemieckie miejsca pamięci / R. Traba, H.H. Hahn / Warszawa : Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2012-2015. – Т. 1-4. – 2268 s.

Wojciech Chlebda
Opole, Poland

RUSSIA VS. POLAND: INCOMPATIBILITY OF MEMORY. A LINGUISTIC ASPECT

Abstract. „Memory turn” in the humanities allows to approach old problems from a new perspective. The author argues that the sphere of complicated Russian-Polish relations should be presented as a conflict between two distinct collective memories. The author considers “memory” as strictly interconnected with so called “non-memory” (i.e. as set of facts not related to memory or superseded by it). In principle, collective memory / non-memory can be subjected to linguistic analysis because it is verbalized and therefore it has its different verbal exponents. The author refers back to his concept of “mental geography” developed 20 years ago and argues that a multi-stage process of mapping two national memories / non-memories should be initiated in order to single out all and any significant points (e.g. proper names of people, events, processes and other historical facts, which have become the carriers of collective memory / non-memory in a given ethnos) and define them using a synthetic definition. The most suitable form of demonstrating a proposed map would be a Russian-Polish lexicon of “places of memory” (*lieux de mémoire* within in meaning of Pierre Nora). In contrast to other similar lexicons, which are constitute collections of essays on history, the author suggests that a description of Russian-Polish collective memory / non-memory be conducted using rigorous and homogeneous categories of philological lexicography.

Key words: collective memory, lieux de mémoire, mapping, proper names, verbalization, synthetic definition

М. Яхьянур, Дж. Карими-Мотакхар
Тегеранский университет (Иран)
tyahya@ut.ac.ir; jkarimi@ut.ac.ir

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ А. ПУШКИНА И В. МАЯКОВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье поставлена проблема взаимного влияния русской и иранской культур. Особое внимание авторы уделяют поэтическому

наследию выдающихся иранских поэтов XX столетия – преклонявшегося перед А.С. Пушкиным Мохаммеда Таги малек-ош-шоара Бехара, чьи стихи переводил на русский язык Л.Н. Гумилев, и Ахмада Шамлу, высоко ценившего творчество В.В. Маяковского.

Ключевые слова: Иран, Россия, поэзия, Бехар, Шамлу, А.С. Пушкин, В.В. Маяковский

Взаимовлияние языка и литературы двух стран обычно происходит тогда, когда между ними устанавливаются тесные торговые и культурные отношения. Экономические и дипломатические связи Ирана и России имеют давнюю историю, и длительное время персидская и русская культура активно воздействовали друг на друга и взаимно обогащались. Русские читатели познакомились с персидской литературой еще в XVII в., а подлинное распространение произведений русских авторов в Иране происходит гораздо позднее – в конце XIX в.

Расцвет персидской поэзии произошел намного раньше, чем взлет русской классической литературы. Фирдоуси сочинил «Шахнаме» более 1000 лет тому назад. Хайям, Аттар, Руми, Саади, Хафиз жили и творили на несколько веков раньше, чем наступил золотой век А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Вполне понятно, почему сначала русские авторы испытали влияние персидских классических поэтов. Иранские художники слова перенимали опыт русских писателей и поэтов гораздо позднее, и особенно значимым в этом плане оказался век двадцатый.

В статье анализируется наследие двух персидских поэтов XX в. – Бехара и Шамлу, творчество которых свидетельствует о глубоко проникновении в иранскую литературу новых идей, поэтических приемов и ритмики, подсказанных под воздействием русской поэзии XIX–XX вв.

Мохаммед Таги малек-ош-шоара Бехар.

Мохаммед Таги малек-ош-шоара Бехар (1886–1951) – поэт, переводчик, ученый-филолог, журналист, общественный деятель, политик, с 1935 г. – профессор Тегеранского университета. Он родился в семье малек-ош-шоара Мохаммеда Казема Сабури в провинции Хорасан. Настоящая фамилия Бехара – Сабури, а *Бехар* – литературный псевдоним его отца. *Малек-ош-шоара* – прозвище отца

и сына, означающее 'царь поэтов', полученное ими от шаха Ирана в знак признания поэтических заслуг.

Бехар, один из крупнейших поэтов Персии XX столетия, учился персидской литературе у своего отца. С семи лет начал писать стихи. Стихотворения «Дело Ирана благословенно Богом» («Кар-э Иран ба Ходаст») и «Послание сэру Эдуарду Грейю» («Сохан аз ман бар гоо бе сэр Едуард Грей») сделали Бехара известным. Он выступал за привнесение некоторой новизны в персидскую литературу, но при опоре на старые образцы.

Мохаммед Таги малек-ош-шоара Бехар – основатель и издатель газет «Но бехар», «Тазех бехар» и журналов «Анджоман адаби данешкадех», «Маджалле данешкадех». Он был горячим патриотом, поэтом-бунтарем, активным членом Демократической партии Ирана. Несколько раз его отправляли в ссылку и даже сажали в тюрьму. Будучи участником иранской революции 1905–1911 гг., он выступал на собраниях и митингах со стихами и речами в защиту конституции, сотрудничал в демократических газетах. В 1933 г. за антимонархические стихи Бехар был сослан в Исфахан. В 1947 г. от левых партий Бехар входил в коалиционный кабинет Кавама-эс-Салтане как министр просвещения, в меджлисе возглавлял фракцию либералов.

В конце жизни Бехар сочувственно относился к Народной партии Ирана; стал организатором (1950) и председателем Иранского общества борьбы за мир; вступил в Общество ирано-советской дружбы; выступал со статьями и докладами о Ленине, об Октябрьской революции. Малек-Ош-Шоара Бехар – автор труда по истории языка и литературы иранского Средневековья. Его перу принадлежат «Стилистика» («Сабкшенаси», т. 1-3), изданная в Тегеране в 1941-1942 гг., а потом переизданная в 1958 г.; большое количество патриотических и антивоенных стихов («Кор-Оглы»).

Стихи Бехара переведены на русский язык. В конце 1950-х гг. руководство издательства «Художественная литература» приняло решение о переводе на русский язык избранных стихов Мохаммеда Таги Бехара, Бехар был известен своими симпатиями к Советскому Союзу, и поэтому сборник его произведений на русском языке был издан достаточно быстро. В этом сборнике Л.Н. Гумилеву принадлежит семнадцать поэтических переводов: «Жалоба», «Адская касыда», «Хорошая поэзия», «Газель» («Мы –

свечи...»), «Неизвестность», «Смятенные мысли», «Жена и муж», «Благожелательность», «Без адреса», «Дары поэзии», «Нефть», «Воспитание», «Нежной», «Газель» («Если это грех...»), «Что такое поэзия?», «Выборы» и «Воспоминание о родине» [Бехар 1959: 17-20, 28-31, 41-50, 65-66, 70, 83-86, 89, 145-146, 154, 163, 173, 179-182, 185-190].

Ознакомившись с этим сборником переводов, П.Н. Савицкий так отзывался на переводческие старания своего младшего коллеги и друга: «Бехара я изучил внимательно. Это полная история Ирана за первую половину текущего века. Ваши переводы хороши. Я пораился Вашей изобретательности по части рифм <...> Одним словом, книжечка Бехара и Ваши переводы в ней доставили мне большую радость!» [Бондарев, Козырева 2014: 16].

Примером одного из самых изящных по своему переводу произведений Бехара может послужить «Газель», лирическое стихотворение, в котором рифмуются два полустишия первого бейта, причем затем та же рифма (монорим) сохраняется во всех вторых полустишиях каждого последующего бейта по типу «аа, ба, са, да» и т.д. В этом шедевре Гумилеву удалось отразить не только классическую форму газели, всю изысканность и глубину содержания поэтического подлинника, но даже передать его характерные интонационные особенности:

Мы – свечи... сердце сжигает пламя. Иного нет.

Горя, исходим всю ночь слезами... Иного нет.

Нам обещали мгновенье счастья, свиданья миг,

Но злую шутку сыграли с нами... Иного нет.

Ты алчешь славы, в искусстве хочешь артистом стать,

Учись у сердца. Любовь – как знамя! Иного нет.

Чего ты хочешь от тех, кто рядом? Их ремесло –

Лишь колыбели сменить гробами... Иного нет.

Напрасно ищешь познания в школах, в которых есть

Мелки да доски с учителями... Иного нет.

*В бескрайнем мире одно бесценно – решил Бехар:
Любимый облик перед глазами... Иного нет!*

(Бехар 1959: 65-66).

Патриотизм и свобода – ведущие мотивы большей части стихотворений Бехара. Спустя четыре года после того, как в 1907 г. русская царская армия и Англия разделили Иран на две части и захватили Персию, Бехар в сочинил стихотворение «О персы, Иран – ваш». Тем не менее, Бехар высоко ценил гения русской поэзии А.С. Пушкина. К 150-летию со дня рождения великого русского поэта Бехар написал стихотворение «О Пушкин, приветствую тебя!», где подчеркиваются талант, величие, изящество ритмических напевов, несравненная высота и сила поэтического дара «солнца русской поэзии», его неувядающая слава. Бехар читал свои стихи о Пушкине на юбилейных Пушкинских торжествах Общества ирано-советской культурной связи:

О Пушкин, приветствую тебя, и твои знания и талант!

О Пушкин, приветствую твой тонкий дар и ум!

Смертью не закончилась твоя жизнь,

О Пушкин, теперь тебе 150 лет!

Ты стоишь на 150 ступеней выше нас,

О Пушкин, мы завидуем тебе, твоему месту, славе!

Меня еще не родила Родина-мать, а

Ты уже достиг высот своего таланта.

Я еще эмбрион мира и кровью питаюсь из пуповины жизни,

Ты вечен, нет тебе заката.

Гордись своей ритмичной песней, гордись и лети,

О Пушкин, к вечности, со своими открытыми крыльями!

Лети к своей славе и забудь

Свою горькую жизнь.

Счастье человечества – твой идеал и мечта,

О Пушкин, приветствую тебя и твой идеал!

(Бехар 1989: 816-817).

Ахмад Шамлу.

Значительное влияние русская поэзия оказала и на творчество другого выдающегося персидского поэта XX столетия, А. Шамлу. В действительности, именно русская поэзия помогла А. Шамлу выработать свой стиль, определить свою дорогу в литературе.

Ахмад Шамлу (1925–2000) известен не только как поэт. Он проявил себя и как прозаик, и как литературный критик, и как переводчик. В качестве псевдонима Шамлу взял себе два имени: А. Собх и А. Бамдад. В 1947 г. вышел его первый сборник «Забытые песни» («Ахангхае фарамуш шодех»), произведения в котором были написаны в манере, получившей впоследствии название «белый стих». Именно эти поэтические шедевры приобрели в истории персидской литературы особую значимость как образцы «белых стихов».

В 50-е годы XX века Шамлу публикует поэтические сборники «23», «Резолюция» («Гатнамех»), «Свежий воздух» («Хавае тазех»). К 1960-м гг. относятся сборники «Зеркальный сад» («Баге айенеи»), «Аида в зеркале» («Аида дар айен»), «Мгновения и вечность» («Лахзеха ва хамише», «Аида, дерево, кинжал и воспоминание» («Аида, дерахт, ханджар ва хатерех»). В 1970–1980 гг. увидели свет сборники «Цветение в тумане» («Шекофтан дар мех»), «Ибрахим в огне» («Ибрахим в огне») и др.

В 2009 г. в Тегеранском университете С. Эсмали под руководством автора статьи написала дипломную работу о влиянии В. Маяковского на Шамлу. Приедем некоторые результаты, полученные в ходе совместного исследования. «А. Шамлу с самого детства проявлял интерес к иностранным языкам. Он овладел французским и был знаком с русским, французским, японским, испанским и др. языками. Судя по воспоминаниям самого же А. Шамлу, он хорошо знал русский язык и что дальние его родственники по материнской линии были славянами: “Дедушка А. Шамлу женился на украинке, а мама А. Шамлу – дочь этого брака <...> дедушка по материнской линии, Мирза Шариф Хан Араги, был образованным человеком и руководил иранским рыболовным хозяйством, он хорошо владел русским языком”».

Интересно заметить, что А. Шамлу был одним из талантливых переводчиков. Он перевел на персидский язык множество работ с русского, французского, испанского и японского языков. Одной из замечательных его работ признан его перевод с русского рассказа

Л.Н. Толстого «Петушок – золотой гребешок». Превосходно выполнил Шамлу и роман М.А. Шолохова «Тихий Дон». На этот перевод ушло 8 лет его жизни, но Шамлу осознавал важность этого произведения для персидского читателя.

Сам А. Шамлу в предисловии к переводу «Тихого Дона», утверждает, что его внимание привлек простонародный и необыкновенный язык, на котором был написан этот роман. Перевод «Тихого Дона» был началом для сборника «Кетабе куче» («Книги просторечья»). А. Шамлу в своих воспоминаниях утверждал, что знал русский язык и хорошо говорил на нем. Вместе с другим переводчиком, И. Каболи, А.Шамлу работал также над переводом рассказов А.Чехова.

На протяжении 1960–1970 гг. А. Шамлу был главным редактором журналов «Кетабе хафте» («Книга недели») и «Кетабе джоме» («Книга пятницы»). Эти журналы были одними из первых в Иране, где издатели знакомили читателей с зарубежными произведениями, в том числе с творчеством русских писателей. Известный критик Абдоллах Дастгейб, в своей книге «Критический анализ творчества А. Шамлу» о влиянии творчества В. Маяковского на А. Шамлу пишет: «Произведения А. Шамлу, начиная с «Ахангхае фарамуш шоде» («Забывших песен») с 1947 и до 1957 г., заканчивая «Хавае тазе» («Свежим воздухом»), содержат в себе дух массовой борьбы. Поэт пишет о насилии над иранским народом, о том, что А. Шамлу не только наблюдал за происходящим, но и сам принимал в нем участие с помощью пера. В его произведениях «23», «Гатнамех» («Резолюция»), «Аханха ва ехсасха» («Железа и чувства») и в некоторых частях «Хавае тазе» («Свежего Воздуха») заметно присутствуют политические и народные мотивы. Язык и стиль А. Шамлу в этих сборниках грубы и невежливы и полны простонародными выражениями, которые не употреблялись в «Касыде» и «Газели» <...> В начале своей карьеры А. Шамлу был под воздействием Нима, с одной стороны, В. Маяковского, с другой стороны...» (цит. по: [Яхьяпур и др. 2010: 76-81]).

Учитывая общее во взглядах В. Маяковского и А. Шамлу на поэзию, этот же критик рассуждает так: «Если поэт находится в поиске свободы и выражает это в своих стихах, значит, он понимает, что его произведения – это уже не букет прекрасных гвоздик, а шаг, как и у В. Маяковского, со страниц книг к человечеству. Поэт В.Маяковский, как настоящий человек, разговаривает с народом и говорит: *Для вас, /*

которые / здоровы и ловки / поэт / вылизывал / чахоткины плевки / шершавым языком плаката (Маяковский, 2, 1988: 430 А. Шамлу использует такой же стиль в произведениях “23”, “Хавае тазе” (“Свежий Воздух”). Там А. Шамлу пишет, что: “Голодные и одинокие улицы с большим желанием прикусывают губы, а жемчужины камней асфальта, как зубы открытых ртов”» [Там же].

К 1950-м гг. влияние В. Маяковского на А. Шамлу было особенно заметно в ранних его стихах. Тогда А. Шамлу становится революционным поэтом и, подобно В. Маяковскому, пишет о революции, кровавых побоищах и беспорядках, о людях, которые погибают в этих массовых беспорядках.

Стихотворения А. Шамлу «Харфе ахар» («Последнее слово») и «Шери ке зендеги аст» («Стих – жизнь») из сборника «Хавае тазе» («Свежий Воздух») можно назвать его манифестом в поэзии. Многие критики утверждали, будто произведения А. Шамлу написаны под влиянием В. Маяковского, и эти два произведения служат доказательством их правоты. Шамлу близки к позиции футуристов, изложенной в манифесте «Пощечина общественному вкусу» и в статье «Как делать стихи» В. Маяковского.

А. Шамлу в 1950–1960 гг. под воздействием творчества В. Маяковского написал много прекрасных стихотворений. Стиль В. Маяковского и его творчество помогли А. Шамлу скорректировать свою точку зрения на старую персидскую поэзию. Он смог подняться на уровень других великих современных поэтов мира.

А. Шамлу поддерживал и одобрял В. Маяковского после того как невыносимые условия последних довели *великана-главаря* до самоубийства, 14 апреля 1952 г. А. Шамлу посвятил В. Маяковскому стихотворение «Харфе ахар» («Последнее слово»):

(отрывки)

*(Посвящается тем поэтам, которые
старались писать для столетних кладбищ)*

«(Я не Ферейдун
И не Владимир***

* Имеется в виду В.В.Маяковский.

** Собх (по есть ‘Утро’) – псевдоним поэта А. Шамлу.

который пулей поставил точку в
предложении, завершившем историю его жизни
Я не поверну назад
И не умру
Потому что я – (А. Собох*,
Совсем недавно победивший в себе чужака,
Я как могучий дуб на пересечении дорог в пустыне,
И совсем недавно я победил в себе чужака,
Как Владимир победил себя в себе самом) –
Вам на карточный стол, о, содержатели
Сборников вычурных стихов,
Я бросаю туза, карту души моей поэзии,
Потому что вы,
тупо издающиеся над Ним,
Потому что вы,
Убивающие всех Владимиров
На этот раз столкнулись на поле битвы с непокорным поэтом,
Смело прокладываям себе путь сквозь скопище книг ...)»
У вас спрашиваю, уважаемые поэты, сложившие стихи!:
Если вместо исторических принципов ударить вас кулаком в лицо
Со своими стихами, что сможете сделать?..
А я родился в большом митингующем лозунге.
Буду кипеть с людьми на дне, пока
Соединю кусочки всех времен.
Как шьют иголкой
И кусочки небесного одеяла соединяют вместе
До тех пор глаза истории на людей
В словах всех книг выжигаются,
Выражаются в словах –
Люди, которых я люблю
Сильной любовью, чем любовь, которая есть ...
Ядовитая Газель
Кровь моего любимого испортила.
Мой любимый умер ...
Так (маленькие людишки продают испорченное!)

* Рубан – в поэзии народов Востока афористическое четверостишие с рифмовкой а а б а, а а а а.

*Я сторожу вашего классического мавзоля
Барана
В приношение
Не зарезал!
Но если вы хотите,
Поэты,
Выплюньте себе под ноги,
Что ели на протяжении долгих лет,
Что сделает Собх, чтобы его стихи
Имели большое чувство будущего,
Которое сейчас еще в зародыше?
Что сделает Собх, если завтра,
Как двойная тень, успешно появится рядом?
Что сделает Собх, если вчера
Из могилы не дует ничем, кроме горя?..
Что сделает Собх, если будущее выигрывает прошлое?
Тогда поэт Хамиди* сейчас
На глубине водяной эпохи
Стал насекомым!
И я – Собх
К рифме, с неуважением
Вас предупреждаю (мертвые на тысячелетнем кладбище):
Твои страдания напрасны
Потому что между мной и народом
Тесные объятия друг с другом.
Стены, как рубашки,
между нами нет.
Я выше, чем твои стихи как салфетки,
Которые тянут меня к продажным девушкам с грязной любовью –
Выше, чем высокая стремянка,
Похожая на формы твоих стихов
Которые использованы прошлыми ногами.
Выше, чем ворчливые очкастые профессора,*

* Хамиди Ширази – великий поэт, сторонник классической поэзии в Иране

Которым место дому для останков Касыда и Рубай**.
Они привязаны к кругу «Мафалон» и «Фаалатон»***,
Сторожа журналов публичных домов,
На которых я плюю – ,
Мой крик внебрачного ребенка от стихов
Пригвоздит вас на столбе:
– «Эй, поэты старых стихов,
Я против вас всех!
И я
Не поверну назад и не умру.
Прощайтесь со своими ненужными именами,
Потому что, я не Ферейдун
И не Владимир!
(К годовщине со дня самоубийства В. Маяковского, 1952 г.).*

Одна строфа из стихотворения А. Шамлу «Харфе ахар» («Последнее слово») – перевод строфы стихотворения В. Маяковского «Флейта – позвоночник».

*«Все чаще думаю –
не поставить ли лучшие
точку пули в своем конце.
Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт...»
(Маяковский, 2, 1988: 25).
«Я не Ферейдун
И не Владимир
**который пулей поставил точку в
предложении, завершившем историю его жизни**
Я не поверну назад
И не умру...»
(«Последнее слово», с. 287).*

* Касыда – жанр лирической поэзии; торжественное, хвалебное стихотворение, напоминающее оду. Касыды сочинялись в честь отдельных ханов, царей.

** Рубай – в поэзии народов Востока афористическое четверостишие с рифмовкой а б а, а а а а.

*** Мафалон и Фаалатон – размеры древнеперсидского стихосложения.

Сравнивая некоторые строфы из «Харфе ахар» («Последнего слова»), можно убедиться в серьезном влиянии В. Маяковского на творчество А. Шамлу. Поэзия А. Шамлу так же, как и поэзия В. Маяковского, демонстрирует борьбу «За» и «Против», неприятие традиционных правил стихосложения, призыв к новым открытиям [Эсмаили 2009: 32-55].

Итак, не только русская поэзия питалась соками древней персидской поэзии. Персидские поэты XX столетия были прекрасно знакомы с русской литературой. Бехар восторгался творчеством А.С. Пушкина и воспел его в своих стихах, а Шамлу под воздействием В. Маяковского создал новые образцы персидской поэзии, что доказывает реальное взаимодействие двух великих культур.

Литература

Бехар, М.-Т. Стихотворения. Перевод с персидского / Бехар. – М.-Л. : Гослитиздат, 1959. – 224 с.

Бехар, М.-Т. Диван Бехара : в 2 т. / М.-Т. Бехар. – Тегеран : Изд-во «Тус», 1989.

Бондарев, А. Связующая сила слова: поэтические переводы Л.Н. Гумилева классиков персидской поэзии / А. Бондарев, М. Козырева // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – Тегеран, 2014. – (2) Vol. 3. – С. 5-24.

Воронович, А.В. Ученые в переписке Л.Н. Гумилева / А.В. Воронович // Вестник СПбГУ. – 2010. – № 2. – С. 141-145.

Маяковский, В.В. Сочинения : в 2 т. / В.В. Маяковский. – М. : Правда, 1987–1988. – Т. 1. – 768 с. ; Т. 2. – 768 с.

Эсмаили, С. Сопоставительный анализ жизни и творчества В.В. Маяковского и А. Шамлу и изучение их новаторства в поэзии : дис. ... магистра / С. Эсмаили. – Тегеран : Тегеранск. ун-т, Фак-т иностр. языков и лит. ; науч. рук. проф. М. Яхьяпур, 2009.

Чурилина, Л.Н. Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира / Л.Н. Чурилина // Изменяющийся языковой мир : тезисы докл. междунар. науч. конф. – Пермь : Изд-во Пермского ГУ, 2001. – С. 103-105.

Чурилина, Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте: науч. моногр. / Л.Н. Чурилина. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 240 с.

Шулежкова, С.Г. Выражение «Чад праха» и слово «прах» в сочинениях А.С. Пушкина / С.Г. Шулежкова // Пушкин : альманах. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2004. – Вып. 4. – С. 45-56.

Шулежкова, С.Г. Жизни мышья беготня (Пушкин и пушкин в романе Т. Толстой «Кысь») / С.Г. Шулежкова // Пушкин : альманах. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 30-46.

Яхьяпур, М. О влиянии В.В. Маяковского на творчество современного иранского поэта А. Шамлу / М. Яхьяпур, Дж. Карими-Мотаххар, С. Эсмаили // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 4. – С. 76-81.

M. Yahyapur, J. Karimi-Motahhar
University of Teheran, Iran
myahya@ut.ac.ir; jkarimi@ut.ac.ir

THE PLACE AND THE MEANING OF A. PUSHKIN AND V. MOYAKOVSKY IN NODERN PERSIAN POETRY

Abstrac. This article deals with the problem of mutual influence of Russian and Iranian cultures. The authors pay a lot of attention to poetic heritage of two outstanding Iranian poets of the XX century – Mohammad Taqi malek o-Sho'arā Bahar, who admired A.S. Pushkin, and whose verses were translated into Russian by L.N. Gumilyov, and Ahmad Shamlu, who appreciated V.V. Moyakovsky's works very much.

Key words: Iran, Russia, poetry, Bahar, Shamlu, A.S. Pushkin, V.V. Moyakovsky

II. РОССИЯ СЕГОДНЯ ГЛАЗАМИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

С.А. Анохина
Магнитогорск, Россия

ВОЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ В ПИСЬМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ КАК ШТРИХ К ОБРАЗУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется отношение к языковой норме, сформировавшееся в современном российском обществе, выявляются противоречия в определении нормативного и ненормативного правописания со стороны представителей официальных органов власти и представителей филологического сообщества. На примере проблемы выбора варианта написания названия Государственной думы, нижней палаты Федерального Собрания Российской Федерации рассматриваются различные подходы к решению вопроса нормативности языкового явления.

Ключевые слова: языковая норма, письменная деловая речь, норма правописания, документ, источник языковой нормы, внутрителивая норма, конфликт норм

Русский язык в современной России при, казалось бы, устоявшемся и законодательно закреплённом его статусе не перестаёт быть предметом споров, нередко перерастающих в конфликты. В настоящей статье предпринимается попытка найти выход из некоторых спорных ситуаций в официальной письменной речи, а также анализируются подходы к понятию и содержанию нормы русского языка, условно говоря, «с разных сторон»: со стороны государства (а точнее государственных деятелей), со стороны филологов, со стороны носителей языка, не относящихся к первым двум категориям, в частности, со стороны составителей деловых текстов, которые обязаны соблюдать нормы, не только документоведческие, но и языковые, и при этом постоянно сталкиваются с проблемой выбора между конфликтующими нормами.

Для иллюстрации отношения к языковой норме обратимся к

конкретной проблеме выбора варианта написания в документе: *Государственная дума* или *Государственная Дума*? Это название, на наш взгляд, является одним из самых показательных примеров того, каково отношение к языковой норме в современной официальной коммуникации. Казалось бы, ход рассуждения прост: если возникают сомнения в выборе буквы, нужно посмотреть в справочнике по правописанию или в орфографическом словаре, которые рекомендуют единственный вариант – *Государственная дума*. Однако этот путь является очевидным не для всех участников деловой коммуникации – существуют сторонники принципиально иного подхода к правописанию в документе: нужно писать так, как зафиксировано в тех или иных нормативно-правовых источниках, например, в Конституции Российской Федерации: «Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы» [Конституция Российской Федерации, ст. 95: <http://>], следовательно, вариант *Государственная Дума* является нормативным. Таким образом, государство в лице законодателей фиксирует один вариант написания, филологическое сообщество в лице составителей словарей – другой, а рядовой участник письменной деловой коммуникации поставлен в ситуацию выбора. Этот частный случай лишь один из массы примеров столкновения норм, которые встречаются в письменной деловой речи и в публицистическом дискурсе [Анохина 2014; Дайте миру шанс! 2016; Осипова 2016; Публицистический арсенал... 2015].

В языкознании понятие нормы существует не один десяток лет. «Норма языковая – реализации языковой системы, принятые в данное время данным языковым коллективом в качестве образцовых или предпочтительных» [Культура русской речи 2003: 367]. Однако существует значительное количество реализаций языковой системы, которые не являются однозначно образцовыми или предпочтительными. По словам Л.В. Рахманина, «правомерно говорить о двух уровнях норм литературного языка – нормах общелитературных и внутрителивых. Так, употребление предлогов *благодаря* и *согласно* с существительными в форме дательного падежа (*благодаря содействию, согласно решению*) является общелитературной, внестилевой нормой. Однако неправильное употребление этих предлогов с формой родительного падежа еще, к сожалению, до-

вольно распространено в деловых текстах (*благодаря содействия, согласно решения*) <...> в качестве языковой нормы могут выступать такие варианты, которые наиболее удобны, уместны, целесообразны, а потому и наиболее предпочтительны в той или иной конкретной речевой ситуации. В некоторых случаях внутрстилевой нормой может быть признано даже отступление от общелитературной традиции» [Рахманин 2015: 15-16]. Факт существования внутрстилевых норм бесспорен, однако отнесение указанного употребления предлогов к нормативным, пусть и в рамках лишь внутрстилевой нормы, на наш взгляд, сомнительно. Допустимость или даже внутрстилевая нормативность употребления предлога *согласно* с существительными в родительном падеже устанавливается исследователями на основании частотности такого употребления в деловых текстах [Ращевская 2012: 9], однако понятие нормы, как известно, не определяется лишь частотностью. «Нормативно не то, что широко распространено, а то, что обязательно, что соответствует требованиям и рекомендациям, извлекаемым из «языка» образцовой художественной и иной литературы» [Головин: [http](http://)]. Ни один известный нам нормативный источник не фиксирует употребление предлога *согласно* с родительным падежом как нормативное. При этом составители документов при выборе того или иного варианта языковой единицы обычно ориентируются именно на употребление этой единицы в других документах, а не на рекомендации нормативных лингвистических источников, то есть именно частотность того или иного употребления становится определяющим фактором.

Следует отметить, что не только в обществе в целом, но и среди филологов нет единой позиции в отношении источника языковой нормы. Так, по словам председателя Исполнительного комитета Ассоциации учителей литературы и русского языка, члена Совета по русскому языку при Президенте России Р.А. Дошинского, «государство должно выступать гарантом языковой нормы, быть монополистом в этой области. А сейчас каждое издательство имеет право издавать словари, экспертизу которых никто не проводил <...> Сегодня государству указывать журналистам, телеведущим, авторам учебников, учителям и вообще причастным к культуре людям, что правильно, а что неправильно, невозможно – во всех словарях все

по-разному. Сейчас государство просто не имеет такого права» [Астахов: [http](#)]. Эти слова, на наш взгляд, отражают не столько филологический, сколько государственный подход к языковой норме. Утверждение, что государство должно «указывать журналистам, телеведущим, авторам учебников, учителям и вообще причастным к культуре людям, что правильно, а что неправильно» довольно противоречиво и влечет за собой череду вопросов: что или кто в данном контексте есть государство; кто делегировал государству право определять, что в языке является нормой, а что нет; как государство само определит, что правильно, а что неправильно; кто накажет само государство за нарушения языковых норм и пр.

В современной России, действительно, отмечается активизация усилий государства в отношении нормирования русского языка. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» вводит запрет на «использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке» при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации [Федеральный закон: [http](#)]. Однако понятие нормы современного русского литературного языка в данном документе не раскрывается.

В 2006 г. вышло постановление Правительства Российской Федерации «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации», в котором зафиксировано следующее положение: «под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации» [Постановление: [http](#)]. Фактически здесь опять отсутствует понятие языковой нормы и очерчен лишь круг ее функционирования.

Приказ Министерства образования и науки РФ от 08 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и спра-

вочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Приказ: [http](#)] также не раскрывает понятие нормы. Признавая неполноту, случайность, спорность именно этого списка, о котором много уже написано [Беликов: [http](#); Астахов: [http](#) и др.], хотим обратить внимание на предписание данного нормативного акта в контексте нашего исследования: «Утвердить прилагаемый список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Приказ: [http](#)]. Следовательно, именно те источники, которые названы в приложении к приказу, и являются действительно нормативными при использовании русского языка как государственного. Эти словари, а не Конституция Российской Федерации или какие-либо ведомственные справочники содержат нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации. Такова правовая норма. Но если мы обратимся к одному из словарей, включенных в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации список, то обнаружим в нем рекомендацию писать *Государственная дума* без всяких комментариев относительно каких-либо других вариантов [Букчина 2009: 167]. Таким образом, государство, устанавливающее нормативные источники, само игнорирует их рекомендации. Несмотря на значительные попытки государства взять под контроль языковую норму, ситуация в данной сфере остается достаточно хаотичной, соответствующей древней народной мудрости – закон что дышло: куда захочешь, туда и воротишь.

В.Г. Костомаров в конце XX в. видел причины участвовавших отступлений от норм русского литературного языка не только в низкой грамотности и неряшливости, но и в «осознанной установке, желании следовать определенным вкусам, задаваемым влиятельной частью общества, в целом достаточно образованной и весьма неплохо знающей, но сознательно деформирующей нормы и стилиевые закономерности литературно-языкового стандарта» [Костомаров 1994: 220]. И сегодня официальная письменная речь изобилует примерами как вольного обращения с языковой нормой, так и грубей-

ших нарушений нормы. Один из многочисленных примеров – фрагмент новости за 06.10.2017 с официального сайта Совета Федерации (орфография и пунктуация источника сохранены): *Открытый урок «Эколята – Молодые защитники Природы» прошел в рамках утвержденного комитетами Совета Федерации Всероссийской акции «Россия – территория Эколят – Молодых защитников Природы» и проекта «Эколята – Дошколята», во всех дошкольных образовательных учреждениях и школах ОАО «РЖД». Урок проводился по темам учебного пособия «Азбука Природолюбия»* [<http://www.council.gov.ru/events/news/84380/>]. Вольности в употреблении прописных букв и знаков препинания в данном фрагменте отражают общую картину отношения к языковой норме в современной России. По словам, члена Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре А.Н. Соболева, «вольное обращение с языком стало нормой, и это не может не беспокоить» [Астахов: [http](http://)]. И это беспокоит, причем не только государственных деятелей, филологов, но и просто неравнодушных людей, организующих Тотальный диктант для пробуждения интереса к грамотности или создающих Тайную орфографическую полицию, члены которой ищут и исправляют ошибки в публичной речи [Раевская: [http](http://)]. Однако этих усилий явно недостаточно, возможно, из-за их разрозненности.

Возвращаясь к выбору нормативного написания названия *Государственная дума*, анализируем соответствующие запросы в справочную службу портала «Грамота.ру» и, главное, ответы, которые дают эксперты. Картина складывается весьма показательная: многих посетителей портала волнует данная проблема, они упоминают возникающие в связи с нею споры (от небольших разногласий до горячих дискуссий): *В «Кратком справочнике по оформлению актов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» описано официальное написание. А в газетных статьях разве используется такое написание? Очень нужна ваша помощь с пояснениями, возникают небольшие разногласия по поводу этого* (Вопрос 282756); *Ответьте, пожалуйста, уже не первый раз спрашиваю, у нас между редакциями городских газет по этому поводу горячие дискуссии* (Вопрос 201093) и др.

Сотрудники справочной службы в своих ответах придержи-

ваются в целом одного сценария, разграничивая официальное и неофициальное употребление: *Использование таких сочетаний в газетном тексте – это уже не ситуация официального употребления (если только в газете не приводится полный текст указа, закона и т.п.). А значит, в тех случаях, когда официальное написание противоречит орфографическим правилам, в газетных статьях лучше писать с соблюдением этих правил. Например: Государственная Дума (официальное употребление) и Государственная дума (в газете).* (Ответ на вопрос 282756). И здесь нельзя не обратить внимания на возникающий парадокс: в официальном употреблении рекомендуется вариант, противоречащий языковой норме, а в неофициальном – ей соответствующий.

Особенно показательным в аспекте отношения к языковой норме в официальной речи нам представляется следующий ответ справочной службы на вопрос, содержащий сомнения в правомочности рекомендаций ведомственного справочника по общезыковым вопросам: «Дело в том, что “Краткий справочник по оформлению актов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации” фиксирует именно те написания, которые приняты в современной официальной документации. В своих ответах мы нередко подчеркиваем, что некоторые рекомендации этого справочника противоречат орфографическим и пунктуационным нормам. Но игнорировать это издание и рекомендовать, например, написания *Государственная дума* или *Военно-морской флот РФ* (верные с лингвистической точки зрения), прекрасно зная, что они не соответствуют нормам официальной речи, мы не можем, это будет не совсем честно по отношению к нашим читателям (Ответ на вопрос 255387). Данная позиция, на наш взгляд, может быть отнесена к своего рода вольностям в обращении с языковой нормой. Интересен в этом плане один из вопросов в справочную службу, который, по сути, является выражением неприятия ситуации, сложившейся в официальной письменной речи: *Скажите, пожалуйста, почему некоторые Ваши эксперты так часто упоминают «Краткий справочник по оформлению актов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»? Причем даже в ответах, касающихся пунктуации, что само по себе – нонсенс! С каких пор канцелярские справочники чиновников являются мерилом*

грамотности? Люди с головой, честно говоря, посмеиваются над такими ссылками (Вопрос 255387).

Описанное «двоевластие» норм в официальной речи, с одной стороны, порождено филологической некомпетентностью составителей документов, а с другой – ведет только к усилению конфликта между языковой и «документной» нормой: «Допускать грамматическую [как и любую другую – С.А.] ошибку в номенклатурном знаке... – значит тиражировать ее многократно и внедрять как образец в сознание людей» [Ращевская 2012: 23], поэтому вольности в обращении с нормой в деловой речи должны быть сведены к нулю, но определять эту норму должно отнюдь не государство, а общество в целом, и во главе этого движения должны быть не чиновники, а филологи, вооруженные знаниями об истории и современном состоянии русского языка. Только в этом случае удастся выйти из сложившейся в современной России ситуации вольного отношения к языковой норме, когда государство декларирует необходимость утверждения норм и само же их нарушает, а филологи, признавая ненормативность языкового явления, рекомендуют его, причем для официального употребления.

Литература

Анохина, С.А. Кодификация норм оформления перечней в деловом тексте / С.А. Анохина, Н.В. Кожушкова // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2014. – Т. 13, вып. 9. – С. 110-117.

Астахов, П. «Государство должно указывать»: учителя предлагают стандартизировать нормы русского языка [Электронный ресурс] / П. Астахов. – Режим доступа: <https://ru.rt.com/86tp> (дата обращения: 23.10.2017).

Беликов, В.И. О словарях, «содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Электронный ресурс] / В.И. Беликов. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/biblio/research/slovari-norm/> (дата обращения: 07.10.2017).

Букчина, Б.З. Орфографический словарь русского языка / Б.З. Букчина, И.К. Сазонова, Л.К. Чельцова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 1296 с.

Головин, Б.Н. О качествах хорошей речи [Электронный ресурс] / Б.Н. Головин. – Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/magazines/giash/28_764 (дата обращения: 23.10.2017).

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозун-

гов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.Н. Носова; Грейфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с.

Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.10.2017).

Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 247 с.

Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.

Осипова, А.А. *Наша партия – партия будущего!* (агитационные материалы политических партий России: традиционные ценности и новые языковые тенденции) / А.А. Осипова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко (28–30 сентября 2016 г., Екатеринбург). – М. ; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 542-558.

Постановление Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64113/ (дата обращения: 07.10.2017).

Приказ Министерства образования и науки РФ от 08 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90502/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb b1ddafdaddd518/ (дата обращения: 07.10.2017).

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грейфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред.

С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Раевская, М. Слово и дело. Филологи хотят обойтись без полицейских [Электронный ресурс] / М. Раевская. – Режим доступа: <http://vm.ru/news/2016/10/03/slovo-i-delo-filologi-hotyat-obojtis-bez-politsejskih-335061.html> (дата обращения: 23.10.2017).

Рахманин, Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов : учеб. пособие / Л. В. Рахманин. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 256 с. (Стилистическое наследие).

Ращевская, Е.П. Деловой русский язык : учеб. пособие / Е.П. Ращевская. – Кострома : Изд-во Костромского гос. технол. ун-та. – 2012. – 186 с.

Справочное бюро портала «Грамота.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.gramota.ru/spravka> (дата обращения: 07.10.2017).

Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 07.10.2017).

Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие для вузов / С.Г. Шулежкова. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 408 с.

Svetlana A. Anokhina
Magnitogorsk, Russia

FREE ATTITUDE TOWARDS THE LANGUAGE NORM IN THE WRITTEN BUSINESS LANGUAGE AS THE TRACE OF MODERN RUSSIA IMAGE

Abstract. The article deals with the attitude towards the language norm in the modern Russian society. It reveals the contradictions in determination of standard and non-standard spelling on the part of the representatives of the official authorities and representatives of philological community. On the example of the problem of the spelling variant for the name of the State Duma, the lower house of the Russian parliament, the author studies different approaches to the question of the language norm.

Key words: language norm, written business language, spelling norm, document, the source of the language norm, intro-style norm, norm conflict

*Е.Н. Деревскова, Л.Н. Чурилина
Магнитогорск, Россия*

ОБРАЗ РОССИИ В РЕЖИССЕРСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию в лингвистическом аспекте образа России, который реконструируется в рамках режиссерского дискурса. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что лексические экспликативы образа России будут зависеть от того, создается ли «образ себя», либо Россия сопоставляется с «другим» миром. Актуализация ценностных духовных ориентиров государства – это то, что отличает Россию от «другого» мира.

Ключевые слова: режиссерский дискурс, Россия, «образ себя», «другой» мир, лексическая тема, текстовая парадигма

Высказывания и целые тексты ««рисуют картины» мира, то есть сообщают о вещах, людях, их признаках, об их связях и отношениях» [Никитин 1996: 13]. Именно поэтому неповторимость речевого опыта личности, отраженного в определенном дискурсе, предполагает создание одного из возможных миров. Предметом рассмотрения настоящей статьи станет анализ образа России, который реконструируется в рамках режиссерского дискурса. Материалом для наблюдений в статье послужила выборка фрагментов из текстов интервью с современными режиссёрами.

Анализ текстовых фрагментов позволяет говорить о том, что реконструируемый образ России будет зависеть от того, презентуется ли она как отдельное государство, в котором живет ее гражданин («образ себя» – по терминологии Л.Н. Чуриловой [Чурилина 2016: 96]), либо Россия сопоставляется с «другим» миром, с «другим» государством.

При самоидентификации России доминирующей лексической темой становится тема «Государственное устройство». Эта тема включает привычную для языковой системы лексическую парадигму: *государство, власть, общество, граждане, люди, население*. Если обратиться к лексическому значению слова «государство» (Государство – Политическая организация общества во главе с

правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников, а также страна с такой политической организацией [МАС, т. 1, 1985: 339]), то можно выделить такие семантические компоненты, как: 'политика', 'общество', 'правительство', 'власть'.

Однако в текстовой парадигме специфичными представляются отношения, в которые вступают лексемы: логически противопоставленными оказываются слова *население* – *граждане*, т.к. население – это НЕ граждане; власть и население не составляют единого целого. Как следствие, отрицается существование общества: «Люди не составляют общество. Общество составляют граждане, а граждан у нас очень мало. Так как граждан мало, будем считать, что общества нет – есть население и власть <...> Поскольку ни население, ни власть не заинтересованы во взаимодействии, власть делает то, что считает целесообразным. Поэтому говорить об обществе бессмысленно» [Кончаловский 2013].

Лексическая тема «Государственное устройство» включает и лексемы, которые называют важные для современного состояния России исторические вехи. Так, имя числительное *XVIII (век)* организует текстовую парадигму: *ментальность, характер, господин – раб*: «И в “Русском бунте”, и в “Ломоносове” я обращался к XVIII веку, потому что мне кажется, что тогда более менее ясно сформировалась наша ментальность как государства между Европой и Азией <...> возникла такая история, что часть людей была в господах, а часть в рабстве, что очень сильно повлияло на наш характер» [Прошкин 2012]. Россия может определяться как страна, которая задержалась в своем развитии, информация об этом представлена в лексемах *Средневековье, XVI век* (как современное состояние России), *феодализм, рабство* (как современные государственные отношения): «В этом смысле Россия – очень средневековая страна <...> Это не ужас, это обычный феодализм» [Кончаловский 2014]. И даже не так отдаленный от современности *XX (век)* ассоциируется с *крепостным правом и бесправием*: «XX век – это, на мой взгляд, самое тяжелое для России время. В XX веке мы реанимировали крепостное право, введя колхозы и бесправных людей без паспортов» [Прошкин 2012].

Таким образом, все лексические вербализаторы политического устройства, складывающегося в России, идентифицируют идею антагонистических отношений между людьми: абсолютного права власть имущих и бесправия, рабства людей, далеких от власти.

Важным при создании образа России становится тот факт, что режиссеры разных поколений относятся к истории государства с огромным уважением и резко отрицательно отзываются в том случае, когда Россию (многовековую державу) лишают истории. В этом контексте интересна оценка Н. Михалкова: «Очень показательны слова Медведева, когда он был президентом: “Россия – молодая страна, ей всего 20 лет”. Эта фраза из уст лидера государства просто отсекает всю великую его историю» [Михалков 2015].

Особенностью режиссерского дискурса, на наш взгляд, является то, что тема «Государственное устройство» включает лексическую парадигму, члены которой объединены семантическим компонентом «культура». Это обусловлено тем, что именно в культуре режиссеры видят средство сохранения России. Культурное пространство в России – это прежде всего русская литература и кинематограф, который воплощает вечные идеи человека: жизнь, смерть, семья, вера, любовь: «Невозможно, как я считаю, преступно оторвать русский кинематограф от русской литературы – имею в виду не экранизации, но влияние. Набоков считал, что великая литература – не та, которую читаешь, а которую видишь, и это абсолютно точно. Мне кажется, что вопросы, стоящие перед человечеством, не меняются. Они остаются теми же: жизнь, смерть, дети, родители, болезнь, голод, война» [Михалков 2015]; «Мы предложили государству через «Золотого Витязя» модель духовного спасения и возрождения России. Без культурной составляющей невозможно вообще движение вперед <...> Это то, что сейчас необходимо нести молодым, в массы – идею Любви, Веры, Жертвы» [Бурляев 2011].

Образ России меняется, когда происходит сопоставление ее с «другим» миром. Как отмечается авторами коллективного исследования «Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис», понятие «другого» чрезвычайно важно для формирования самосознания: «Благодаря существованию “другого” человек способен вынести суждение о себе самом как об

объекте. Познавая себя, мы познаем свой образ в чужом сознании [Человеческий фактор в языке 1992: 41].

Объектом противопоставления в анализируемом дискурсе становятся Запад, Европа, Америка, Англия. В текстовых фрагментах это противопоставление эксплицировано отдельными лексемами или синтагматически связанными словами, именующими страны: *великий континент* (о России) – *Европа, страна* (о России) – *проект* (об Америке): «Мы, великий континент без Европы спокойно может прожить с тем, что у него есть, но только надо правильно организовать экономику в этой стране. И все. А Европа без нас вряд ли проживет» [Кончаловский 2016]; «Потому что Америка – это великий проект. Очень успешный. А Россия – это страна» [Михалков 2010].

Большинство проанализированных текстовых фрагментов свидетельствуют о разнице во внешней политике стран, о менталитете, культуре, вероисповедании, свойственным разным народам.

В лексической структуре текстовых фрагментов страна, проводящая определенную внешнюю политику, может быть не названной, но легко идентифицируется по наименованию тех действий, которые она совершает. Во всех проанализированных нами текстовых фрагментах лексемы, именующие эти действия, содержат информацию об агрессивности, характерной для «другой» страны. Эта информация вербализуется в семантических компонентах слов *санкция* ('меры воздействия, применяемые к государству'), *революция* ('коренной переворот'), *бомбить* ('атаковать с воздуха'), *уничтожить* ('ликвидировать что-л. '), *войти* ('проникнуть куда-л., в пределы чего-л. '). Семантические компоненты были выделены нами на основе анализа лексического толкования слов, представленного в МАС. Синтагматические связи слов актуализируют конкретное историческое событие: *революция – оранжевая, бомбить – Белград, входить – на нашу территорию*: «Не мы объявляем санкции, не мы выстраиваем “оранжевые революции”, не мы бомбим Белград, не мы уничтожаем тех политических деятелей, которые хотели выйти из доллара» [Кончаловский 2016]; «Все-таки, как ни крути, Россия ни разу сама не входила в Европу, а Европа входила на нашу территорию, и не раз» [Шахназаров 2012].

Особенный менталитет России оправдан загадочной русской душой. Лексическими экспликаторами в этом случае становятся слова:

самоотдача, сердце, любовь. Логически противопоставленным выше названной парадигме является ряд слов, характеризующий «другой» менталитет: *самоутверждение, эго, обособленность, индивидуализм*: «И нельзя нам все делать так, как на Западе, у России особый путь. Многие говорят о загадочной русской душе. И если нам попробовать разгадать эту великую тайну, то более точно, чем определил русскую идею Иван Александрович Ильин, просто невозможно. Он говорил так: “Русская идея – это идея сердца, идея любви”. В этом загадка русской души для Запада: почему мы живем по принципу самоотдачи, тогда как Запад живет по принципу самоутверждения: эго, права человека, обособленность, индивидуализм» [Бурляев 2011].

Несовпадение менталитетов обнаруживается и в разной трактовке христианства: греческой у России и романо-германской для Европы: «Есть противоречия между греческой трактовкой христианства, которая взята Россией, и трактовкой романо-германской цивилизации. Это не просто разные формы крещения, это глубокая разность» [Шахназаров 2012].

Разница очевидна и в отношении к искусству. Классическое искусство, проповедующее вечные ценности, продолжает оставаться актуальным для России. Семантический компонент, вербализующий вневременность понятия, может входить в структуру лексического значения слова *вечность* (‘Вечность – 1. Течение времени, не имеющее начала и конца’ [МАС, т. 1, 1985: 159]) либо содержаться в денотате имен собственных: это и великий режиссер *Тарковский* и его творение – фильм «*Андрей Рублев*», и писатели, чьи произведения признаны мировой классикой, – *Чехов, Шекспир*.

«Другой» мир оценивает успех искусства уикендом. В текстовых фрагментах для слова *уикенд* актуальными становятся семы, содержащие информацию, во-первых, о кратковременности события и, во-вторых, о его развлекательном характере (УИК-энд – ‘время отдыха с субботы до понедельника, а также поездки, развлечения и т.п. в это время’ [Крысин: <http://>]): «На Западе меряют успех фильма первым уикендом, а в России надо мерить успех вечностью. Фильм Тарковского “Андрей Рублев” не собрал в первый уикенд ничего, но зато какой эффект вечности! Он открыл людям Древнюю Россию, Древнерусскую живопись» [Бурляев 2011].

Текстовый фрагмент может включать лексему *отстать* как

наименование достижений России в области искусства. Текстовый смысл слова раскрывается в синтагматических сочетаниях *другая чуткость, эмоциональный инструмент*. В результате «низкий уровень» России, ее отставание оценивается как положительный результат, которым режиссер удовлетворен. В этом случае текстовый смысл слова вступает в противоречие с его словарным значением. Ср.: «Отстать – 3. В результате замедленного развития не достичь необходимого уровня, оказаться на более низком уровне по сравнению с другими» [МАС, т. 2, 1986: 712]: «быстрее всех разлагаются англоязычные страны, Англия и Америка. У нас, например, может идти пять спектаклей Чехова в одном городе, а в США вы найдете два, в крайнем случае – три города, где идет Шекспир <...> у нас совсем другая чуткость, другой эмоциональный инструмент. Только у нас можно увидеть толпы зрителей, которые стоят у театральных подъездов с цветами. Такого в Европе не бывает. Такой Европа была 150 лет назад. Просто мы отстали, и слава Богу» [Кончаловский 2009].

Таким образом, образ России в режиссерском дискурсе неоднозначен. Видение недостатков, их актуализация возможны только в той части текстовых фрагментов, когда создается «образ себя». Модальность образа меняется, если Россия сопоставляется с «другим» миром. В этом случае духовные ценности, которые проповедует Россия, – это то, что отличает ее в мировом пространстве.

Литература

Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Электронный ресурс] / Л.П. Крысин. – Режим доступа: <http://megabook.ru/article/УИК-энд> – Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина (дата обращения: 10.09.2017).

МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988.

Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин – СПб. : «Научный центр проблем диалога», 1996. – 760 с.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина и др. – М. : Наука, 1992. – 280 с.

Чурилина, Л.Н. Кризиссамоидентификации россиян: лингвистический аспект / Л.Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2016. – № 3. – С. 95-102.

Источники

Бурляев, Н. Русская идея – это идея сердца, любви и самопожертвования [Электронный ресурс] / Н. Бурляев // «Союз. Беларусь-Россия», № 512 (28), 28.07.2011. – Режим доступа: <https://rusvsemirda.livejournal.com/520.html> (дата обращения: 10.09.2017).

Кончаловский, А. Кино – это производство, а театр – поиск истины [Электронный ресурс] / А. Кончаловский // РИА Новости, 21.10.2009. – Режим доступа: <https://ria.ru/interview/20091021/189925509.html> (дата обращения: 30.07.2017).

Кончаловский, А. Общества нет – есть население и власть, как в Африке [Электронный ресурс] / А. Кончаловский // РБК, 30.04.2013. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/viewpoint/30/04/2013/856341.shtml> (дата обращения: 30.07.2017).

Кончаловский, А. О том, что волнует сильнее всего [Электронный ресурс] / А. Кончаловский // 1 канал, 06.11.2016. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2016-11-06/313453-rezhisser_andrey_konchalovskiy_v_intervyu_bez_prikras_o_tom_chno_volnuet_silnee_vsego (дата обращения: 30.07.2017).

Кончаловский, А. Россия – страна средневековья [Электронный ресурс] / А. Кончаловский // Огонек, 15.09.2014. – Режим доступа: <http://www.konchalovsky.ru/press/interviews/rossiya-strana-srednevekovaya/> (дата обращения: 30.07.2017).

Михалков, Н. Куросава украл у меня несколько сцен [Электронный ресурс] / Н. Михалков // Новая Азовская газета. Ru, 26.10.2015. – Режим доступа: <http://azovnew.ru/culture/5230-intervyu-s-nikitoy-mihalkovym.html> (дата обращения: 10.09.2017).

Михалков, Н. Русский свободен только в окопе [Электронный ресурс] / Н. Михалков // Film.ru, 14.04.2010. – Режим доступа: <https://www.film.ru/articles/russkiy-svoboden-tolko-v-okope> (дата обращения: 20.10.2017).

Прошкин, А. «Искушение» – фильм о способах выживания. [Электронный ресурс] / А. Прошкин // ProfiCinema. Интернет журнал о кино, 06.06.2012. – Режим доступа: <http://www.proficinema.ru/questions-problems/interviews/detail.php?ID=125488> (дата обращения: 30.07.2017).

Шахназаров, К. Евросоюз не выдержит [Электронный ресурс] / К. Шахназаров // РБК daily, 02.05.2012. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/economics/13778387-evrosoyuz-ne-vyderzhit/> (дата обращения: 10.09.2017).

*Elena N. Derevskova, Lyubov N. Churilina
Magnitogorsk, Russia*

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE DIRECTOR DISCOURSE

Abstract. The article deals with the studying of image of Russia in the linguistic aspect. The image is reconstructed within the director discourse. The analysis shows that lexical explicators, which create the image of Russia, depend on whether “the image of itself” is created or Russia is compared with the “other” world. The actualization of moral and cultural values of the country is what distinguishes Russia from the “other” world.

Key words: director discourse, Russia, “the image of itself”, “other” world, lexical theme, text paradigm

*В.М. Мокиенко
Санкт-Петербург, Россия*

РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье предлагается анализ коннотативного потенциала представлений о России, отраженных в современной русской поэзии. Здесь частично имеют место и стереотипные бытовые, патриотические или псевдопатриотические представления, но в то же время и некоторые коннотации, характерные преимущественно для поэтической речи. Особое внимание в статье уделено таким идеологемам в оценке поэтами России, как «непознаваемость» и избранность свыше, Россия – родина (с амбивалентной ее оценкой), Россия и Запад, Россия и Власть, Россия и Будущее, Россия в ожидании перемен.

Ключевые слова: Россия, русская поэзия, русская ментальность, метафоричность, фразеология, фразеологизм, фразеография

В своем оригинальном «Словаре русской ментальности» В.В. Колесов представляет «интроспективные характеристики русского слова, идущие от обобщения русской рефлексии о *коренном*

слове литературного (по преимуществу) русского языка» [Колесов, т. 1, 2014: 3]. Принцип интроспекции предполагает демонстрацию отношения русского человека к реалиям окружающей его жизни – реалиям, не только исторически объективно обусловленным, но и реалиям субъективным, навешанным традиционными стереотипами. Естественно поэтому, что в таком словаре одним из *коренных слов* стало и собственное имя *Россия*, определяемое как «русская держава эпохи развитой нации в единстве народов и общности территории» [Колесов, т. 2, 2014: 185-186].

Любопытна сама последовательность интроспективных ассоциаций, описываемых в этом словаре.

Россия – одна из загадок Сфинкса (Достоевский), она имеет собственное призвание как объединительница разных народов (Федотов) и особую «живую душу» с единым соборным самосознанием (Карташев). Она подобна огромному дереву, «растущему по своей внутренней силе независимо от внешних содействий» (Ключевский) и потому Европа видит в России нечто ей чуждое (Данилевский). «Россия решительно осуждается за все, в чем она не похожа на Запад» (Солженицын). Россию можно воспринимать лишь сердцем и, любя ее неповторимое своеобразие, верить в нее (И. Ильин), в ее «бездонную душу» (Волконский). Такая вера, правда, – некий императив, ибо «мы же в России живем и по необходимости должны мерить жизнь свою русскою моралью» (Пришвин), поскольку «сначала “идея” – потом “Россия”, причем идея – имперская» (Аннинский), а Россия – вечная монархия (Галковский).

Некоторые авторы эту идею выражают даже причудливыми глобальными мифологемами: «Россия – это опорная колонна земного шара, это материк особого свойства, это и вечно живой кит, на котором покоится в пучине бездны мать-сыра земля» (Личутин); «Россия – это хрящ, выросший от трения Запада о Восток» (Л. Гумилев). Еще более проникновенны и дихотомичны характеристики России поэтами:

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью.

А. Блок. Скифы, 1918.

Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие.... бред...

М. Волошин. Неопалимая Купина, 1919.

Приводя столь разные оценки России художниками слова и отечественными мыслителями, В.В. Колесов и его соавторы (Д.В. Колесова и А.А. Харитонов) справедливо воздерживаются от собственных интерпретаций. Их цель – показать мозаику стереотипных представлений о России, укоренившихся на протяжении веков. И хотя субъективность и относительность таких представлений легко доказуема, несомненно одно: они влияли и влияют на русскую ментальность.

Попробуем продемонстрировать это и на материале завершеного нами, но пока не опубликованного словаря «Фразеологизмы в русской поэзии» [Мелерович 2017], цель которого – показать функционирование и творческую трансформацию русской идиоматики в поэтических текстах. Интересующий нас концепт *Россия* не был объектом нашего специального словарного описания, но имплицитно он животворит многие тексты, вызывая художественную реакцию как в духе стереотипов, выявленных в словаре В.В. Колесова, так и в духе трезвого скепсиса и даже иронии по отношению к таким стереотипам.

Рассмотрим отраженную в поэтических контекстах нашего словаря «ментальную картину мира» представлений о России в последовательности, близкой к вышеописанной в «Словаре русской ментальности».

1. Россия – загадка Сфинкса, ее непостижимость и избранность свыше

Это представление четко и неоднозначно выражено в многократно цитируемом стихотворении Ф. Тютчева «Умом Россию не понять...» (1866):

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –

В Россию можно только верить.

Тем не менее в пандан к этому популярному стереотипу современные поэты иронически предлагают и иной подход:

Давно пора, ядрена мать
Умом Россию понимать...

И. Губерман. Гарики на каждый день.

Этот стереотип во многом воспроизводится и укореняется в классической литературе. Идеал избранности естественно связан с идеей христианского мученичества, обеспечивающего искупление греховности всего человечества. И этот стереотип красной нитью проходит через поэтические тексты русских поэтов:

Чашу страданий испивши до дна,
пальцем не двигая,
вижу: стоит над Россией одна
самая тихая.

Б. Чичибабин. Церковь в Коломенском, 1973.

2. Россия – родина (амбивалентность восприятия)

Амбивалентность оценки России в творчестве русских поэтов имеет давнюю традицию. Она ярко выражена всего одной фразой в хрестоматийном стихотворении М.Ю. Лермонтова «Родина» (1841):

Люблю Россию я, но странно любовью:
Не победит ее рассудок мой....

В этой двойственности эмоционального и рационального отношения к своей родине кроется устойчивый потенциал поэтического ее восприятия. Оппозиция «Своя» – но «Чужая» подчеркивается даже аллюзиями на нерусскую родословную А.С. Пушкина, который почитается на Руси как «наше все».

Собственно, эту оппозицию навел сам поэт в «Евгении Онегине» (1823–1831):

Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,

Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России...
И она проходит лейтмотивом через стихи поэтов разного времени:

Черного не перекрасить
В белого – неисправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки – своим
Звавший...

М. Цветаева. Стихи к Пушкину, 1931.

Яростный российский соловей.
По ночам мечтающий о дальней.
О громадной Африке своей.

В. Корнилов. Пушкин в Кишиневе.

Эта оппозиция может эксплицироваться даже до идеи отчуждения поэта от России, едва ли не полного отдаления от нее, хотя и при этом она остается Родиной, пусть и «Родиной-чужбиной»:

Россия, родина моя!
Но и с калужского холма
Мне открывалась она –
Даль, – тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

М. Цветаева. Родина, 1932.

Но и при отчуждении, боли, страдании и даже смерти у поэтов не умирает желание и более того – обетование вернуться на Родину, которая представляется в таком случае Вифлеемом, куда ведет путеводная звезда:

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!

Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.
А вблизи – все пусто и немо,
В смертном сне – враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

А. Блок. Я не предал белое знамя..., 1914.

Вторит этому и знаменитое обетование И. Бродского (1962):

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать...

Ностальгическая амбивалентная любовь к России граничит с болью – болью как за Родину, так и от нее. И это прямо выражается стихотворными строками:

Там, где впрямь у дороги непройденной
на ветру моя юность дрожит,
где-то близко холодная Родина
за Финляндским вокзалом лежит,
и смотрю я в пространства окрестные,
напряженный до боли уже,
словно эти весы неизвестные
у кого-то не только в душе.

И. Бродский, За церквами, садами, театрами..., 1962.

Болезненная ностальгия перерастает еще в одну оппозицию – «Родина и Народ». Эти слова одного корня наполняются в поэтических текстах особой болью – болью и за страдания народа, и за его пассивность. Пушкинское «Народ безмолствует...» как нельзя более характеризует эту оппозицию. Она может быть и легким укором поэта за то, что народ неадекватно оценивает и воспринимает его творчество, но и – суровым обвинением, выраженным вульгаризмами, за его непростительное безмолвие:

Ты слег, о чуде не моля,
за все свершенное в ответе...

О, есть ли где-нибудь на свете
Россия – родина моя?
И если жив еще народ,
то почему его не слышно
и почему *во лжи облыжной*
молчит, дерьма набравши в рот?
Б. Чичибабин. Памяти А. Твардовского, 1971.

Клубок отмеченных оппозиций в восприятии поэтами России-Родины может стать и объектом сатирического обобщения, отмеченного «Поэтикой низменного» (по выражению В.В. Химики):

Перо и глаз держа в союзе,
я не напрасно хлеб свой ем:
Россия – гордиев санузел
острейших нынешних проблем.

И. Губерман. Гарики на каждый день.

И эти проблемы во многом имплицитно давно уже были зафиксированы поэтами в виде отмеченных здесь оппозиций.

3. Россия и Запад

Взаимоотношения России с Западом – предмет постоянных исследований историков, политологов, философов и экономистов. И тем не менее в ментальности русских продолжает сохраняться стереотип, навеянный литературными реминисценциями. Он, как видим, запечатлен и «Словарем русской ментальности» В.В. Колесова. Запечатленности этого стереотипа немало способствовали и хрестоматийные крылатые слова А.С. Пушкина из «Медного всадника» – о том, что Петр Первый *в Европу прорубил окно*. И хотя сам поэт в эпиграфе к своей поэме подчеркивает, что «оконная» метафора восходит к «Письмам о России» итальянского писателя Альгаротти (1712–1764) [Берков, т. 1, 2008: 153; Chlebeda 2003: 358-359], она – как и стихотворение «Клеветникам России» надолго стала функциональным ментальным мерилom отношений России и Запада. Ведь чтобы приблизить Россию к Европе, Петру Великому пришлось «прорубать» окно к западному свету, т.е. в какой-то степени проламывать Европейскую стену, которая метафорически сопоставима с Великой Китайской стеной.

С другой стороны, пролом окна в Европу и освоение немалой части ее культурного наследия не стерло в русской ментальности оппозиции «Россия – Запад». «Россия мыслящая», европейская постоянно подвергается опасности варваризации носителей псевдокультуры:

Россия мыслящая, – прячь
от щупальц варваров свой мозг,
перечеркни, переиначь
псевдокультуры пышный лоск!

А.И. Аргутинский-Долгорукий, Вторжение.

Притяжение же и приближение к Западу чревато подозрениями в предательстве Родины и даже изгнанием из нее:

Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы в Тюмень, –
Пора такого выгнать из России!
Давно пора, – видать, начальству лень».

В. Высоцкий. Мой черный человек в костюме сером!.., 1979.

Разумеется, географические горизонты России не ограничиваются оппозицией Восток – Запад. Вот несколько поэтических реминисценций о другом, южном векторе, который, правда, содержит в себе и некоторую «ориенталинку»:

На юге – бархатный сезон,
У нас в России – бабье лето.

К. Ваншенкин. Заметно выцвел небосвод...

Впрочем, далеко не все поэты придерживаются оппозиции Запада и Востока в духе Дж. Р. Киплинга и даже весьма определенно устанавливают между ними диалектическое равновесие:

Два сына земли – ни с места! – лицом к лицу.
О, Запад, есть Запад. Восток есть Восток,
они не сомкнутся нигде,
Пока души не вывернет, как потроха Всевышний
на Страшном суде.

Но Запада нет! И Востока нет! И нам этот блеф
не к лицу.

Когда с доблестью доблесть, два сына земли –
ни с места! – лицом к лицу!

Дж. Р. Киплинг. Баллада о Западе и Востоке (пер. Ф. Искандера, 1987).

4. Россия и Власть

Взаимодействие России с ее народом, как мы видели, уже давно стало объектом амбивалентной поэтической характеристики. И эта характеристика более негативна, чем позитивна. Такой оценочный крен во многом коренится в отношении народа к власти, определяемом либо недоверием, либо страхом, либо – в отношении власти к народу, стремящейся ставить интересы государства (resp. империи) выше жизненных интересов отдельного человека. Эта дихотомия, прозвучавшая набатом в пушкинском «Медном всаднике», – постоянный отголосок позднейшей русской поэзии как в царское, так и в советское время. Власть светская, власть православная в совокупности с народобезвластием – вот три кита, обеспечивающие несвободу личности:

В старину, как старина выражалася,
Россия на трех китах держалася:
На православии,
На самодержавии,
На народности, –
На трех китах известной непригодности!
Но были еще три кита,
Угнетавшие пролетариат и крестьянство:
Кит – рабство, кит – темнота
И – пьянство.

Д. Бедный. Долбанем!

Неподчинение этой триаде наказуемо. Вот почему одним из проходных символов несвободы, оплакиваемой русскими поэтами, становятся тюрьма, острог, полиция, ссылка и тому подобные «концепты»:

Российская империя – тюрьма,

но за границей та же кутерьма.
Увы, свободы нет ни здесь, ни там.
Куда же плыть? Не знаю,
капитан.

А. Вознесенский. Предсмертная песнь Резанова, 1977.

Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью камсы.
Где твое имечко, где твои крылья?
Вий над Россией топорщит усы.

Кто ты теперь? Ни креста, ни помина,
Хлюпает плот на глубокой реке,
Черное небо и мятая глина
Непропеченной лепешки в руке.

Он говорит: подымите мне веки! —
Слободы метит железным перстом,
Ржавую землю и ольхи-калеки
Метит и морит великим постом.

А. Тарковский. Тянет железом, картофельной гнилью..., 1946-1956.

Тюрьма, Вий лагерной власти и полицейский произвол имеют свою цель – ограничение свободы личности, свободы слова и свободы действий:

Почему должно быть грустно,
Если рот хотят зажать?
Пусть грустят в России трусы,
Кого не за что сажать.
Рот пророческий, зажатый
Полицейским кулаком, —
Самый слышимый глашатай
На России испокон.

Е. Евтушенко. Казанский университет, 1970.

Отсюда – и мотивы безысходности, «острожной тоски», охватывающей лирического героя, особенно в пору Безвременья:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущ...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!...

А. Блок. Россия, 1908.

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, –
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

В. Высоцкий. Я никогда не верил в миражи, 1979.

Преодолеть такую безысходность может помочь лишь классическое русское долготерпенье, давно уже печально воспетое русскими поэтами:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Ф.И. Тютчев. Эти бедные селенья..., 1855.

И в самые суровые периоды именно долготерпенье и «осоз-

нанная необходимость» быть верным сыном или дочерью России дают силы преодолеть безысходность:

Была не дочь России,
Опустила руки бы давно,
Опустила руки
В сорок первом.

Ю. Друнина. И откуда вдруг берутся силы...

А когда долготерпение лопаается, оппозиция «Россия [народная] – Власть» кончается катаклизмом, социальным взрывом – «бунтом бессмысленным и беспощадным» (А.С. Пушкин):

Мы любили вас, все же любили,
Хоть от худшего не удержали –
Да и в силах ли были? Такие
Бури, смерчи и медные трубы
После нас погуляли в России...

Д. Быков. Мне не жалко двадцатого века...

И снова к этой «катаклизматической» теме подключаются поэты с иронической подоплекой, предсказания которых не предвещают России ничего хорошего:

Злая смута у России впереди:
Все изъято, исковеркано, разрыто,
И толпятся удрученные вожди
У гигантского разбитого корыта.

И. Губерман. Иерусалимский дневник

5. Россия и Будущее

Казалось бы, что при такой в целом драматической, если не сказать трагической тональности поэтических реминисценций о России следует ожидать утраты веру в ту Родину, где свобода волеизъявления ущемляется, а жизнь то и дело омрачается периодами Безвременья. Однако, такие ожидания опровергают сами поэты, признающиеся в любви к своей Родине. Их любовь неизменно магнетизируется Верой в свою Россию, а вера рождает Надежду. Надежду на ее будущее, достойное народа, генетически объединивше-

го Европу и Азию. Примечательно, что эту тенденцию метко обнаружил десятилетие назад В. Хлебда на основе скрупулезного анализа драматических контекстов прессы одного из самых драматических Безвремений России – «лихих 90-х» прошлого века. Польский лингвист так и назвал свою книгу «*Fatum i nadzieja*» [Chlebda 1995]. И действительно, при всей фатальности исторических поворотов государства Российского оно вновь и вновь возрождается. Возрождается, заплатив искупительные жертвы очередному катаклизму и мировым угрозам. Так, как совершенно неожиданно для тотально атеистического советского народа была всего за два десятилетия возрождена православная вера. Возрождена, как это ни парадоксально, при сохранении (а может быть, и умножении) греховности:

Мне молодость прошедшая приснится,
Забытым зноем губы опала.
Я выпущу из рук своих синицу,
Пусть догоняет в небе журавля.

Пусть поглядят они из облаков,
Как даль земная в сизой дымке тает.
Все больше над Россией куполов,
А вот грехов, увы, не убывает.

В. Фокин. В росе Россия.

Естественно, что и здесь истоки поэтической надежды и веры в будущее России восходят к классике. К знакомому всем со школьной скамьи пушкинскому стихотворению, написанному в Крыму и обращенному к другу-декабристу:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Чаадаеву. С морского берега Тавриды, 1824.

А.С. Пушкину прямо вторят многие поэты, уверовавшие в будущее России и в разрушение самовластья:

Потом пришла пора иная:
Россия встала ото сна,
Литература молодая
Ей оставалась верна...

А. Апухтин. Дилетант (нач. 1870-х)

Но знаю, что настанет дата –
К нам приближается она:
Как было сказано когда-то,
Россия встрянет ото сна.
И, если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Россия вновь могучей станет –
Не надо милостыни ей!

А. Штержан. Нищая. Подражание П.-Ж. Беранже.

И даже отдаляясь от Родины в мечтах или в реальности, поэт не оставляет желания вернуться домой – разумеется, в надежде увидеть Россию, воспрывшую наконец-то ото сна:

И в следующий раз я жить хочу в России.
Но будет век другой и времена другие,
Париж увижу я, смогу увидеть Рим
И к невским берегам вернуться дорогим.

А.С. Кушнер. И в следующий раз я жить хочу в России..., 1981.

Разумеется, не все поэты одинаковы. Находятся и Фомы Неверующие, которые не верят в такое пробуждение и потому приправляют пушкинскую фразу ядом иронии. Таков «гарик» И. Губермана, где пробуждение России оксюморонно характеризуется фольклорной «формулой невозможного» [Богатырев 1962].

Играть в хоккей бежит слепой,
покрылась вишнями сосна,
поплыл карась на водопой,
Россия встряла ото сна.

И. Губерман. Второй иерусалимский дневник.

Ничего не скажешь: и здесь – семантическая оппозиция при единстве противоположного и невозможно возможного...

6. Россия: День шестой

Перебирая поэтические аллюзии о России, не следует, разумеется, к ним относиться как к слепок с реальной жизни нашей страны. Здесь, как мы видели, немало субъективного, отраженного в зрачках поэта, вглядывающегося в окружающую его российскую действительность, но при этом и обращающего этот взгляд и в себя самого, в «жизни мышью беготню». Истинную оценку России и ее судеб, конечно же, должны давать экономисты, политики, историки и все, кто призван ставить диагноз стране и ее обществу. Но и поэтическое видение России не лишено «объективной субъективности». За ним – судьбы ее жителей, вера и безверие, безысходность и надежды на светлое будущее. Весь этот комплекс поэтических мироощущений России так или иначе ретроспективно связан с ее восприятием А.С. Пушкиным. Это ретроспективное обращение к нашему поэту и есть, в сущности, *Fatum i nadzieja* русских поэтов и их читателей и почитателей как в прошлом, так и в настоящем:

День шестой, отзванивали пущи,
падал дождь в туманное стекло.
Рождество – России явлен Пушкин.
Был июнь: беспечно и светло.

И еще, казалось, очень долго
Будет путь и так еще далек
Черной речки черный мартиролог,
и Дантес, взводящий свой курок.

<...>

Неумень быть самим собою –
неизбежность говорить с колен.
Он не раб. Бывает и такое.
Он – предтеча высших перемен!

А.И. Аргутинский-Долгорукий. Рождество.

День шестой в Библии, как известно, – день, когда Бог сказал:
«Да произведет земля душу живую по роду ее ... сотворим человека

по образу Нашему [и] по подобию Нашему» (Бытие 1, 24-26). Современный русский поэт придает этому дню и конкретно русскую магическую символику – богоявленность Пушкина – «предтечи высших перемен». В ожидании этих перемен и живут многие лета поэты России, уверовавшие в Слово.

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М. : Изд-во «Русские словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 5 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 5 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Богатырев, П.Г. Формула невозможного в славянском фольклоре / П.Г. Богатырев // Славянский филологический сборник. – Уфа, 1962. – С. 347-363.

Колесов, В.В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – СПб. : Златоуст, 2014. – Т. 1. А-О. – 592 с. ; Т. 2. П-Я. – 592 с.

Мелерович, А.М. Словарь «Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв.» / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома, 2017 (в печати).

Химик, В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурологический феномен / В.В. Химик. – СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.

Chlebda, W. Fatum i nadzieja. Szkice do obrazu samoświadomości językowej dzisiejszych Rosjan / W. Chlebda. – Opole : Uniwersytet Opolski, 1995. – 113 s.

Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, V.M. Mokienko, S.G. Szuleżkova. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. – 706 s.

*Valery M. Mokiyenko
Saint-Petersburg, Russia,*

RUSSIA IN THE LOOKING GLASS OF THE RUSSIAN POETRY

The article presents an analysis of the connotative potential of the perceptions of Russia, reflected in modern Russian poetry. Here are partly reflected stereotyped perceptions, patriotic or pseudo-patriotic views, but at the same time also some of the connotations special mainly for poetic speech. Special attention is paid to such ideologemes in the assessment of Russia by poets as “unknowableness” and predestination, Russia as the native land (with its ambivalent assessment), Russia and the West, Russia and the Power, and the Future of Russia, Russia in anticipation of change.

Key words: Russia, Russian poetry, Russian mentality, metaphor, phraseology, idiom, phraseography

*Т.Ю. Новикова
Симферополь, Россия*

КРЫМСКИЙ ВЫБОР: РОССИЯ ГЛАЗАМИ КРЫМЧАН

Аннотация. Чем обусловлен российский выбор крымчан? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, какой крымчане представляют себе Россию, почему считают себя ее частью.

Ключевые слова: Крым, крымчане, Россия, память, ценности, референдум, крымская весна, воссоединение

Чтобы говорить о выборе крымчан весной 2014-го и о том, какой предстает Россия перед крымчанами, стоит понять сначала самих жителей полуострова, посмотреть на них их собственными глазами. Для этого нужно определить основные исторические и духовные ценности, которые дороги тем, кто проживает на полуострове, те ценности, которые делают это сообщество граждан разных национальностей крымчанами, ощущающими свою принадлежность к Русскому миру, исповедующими его ценности. Не претендуем, безусловно, на категоричность утверждений, поскольку объективно у каждого поколения и у каждого человека есть свой жизненный опыт, который и формирует отношение к действительности. Как и в лексикографической практике, особенно при составлении тематических словарей всегда присутствует субъективный опыт лексико-

графа, на что указывал В.В. Морковкин, так и в оценке исторически значимых событий и фактов, свидетелем которых выпало стать, невозможно отвлечься от своего мировосприятия, от многолетнего опыта преподавания русского языка как иностранного.

Как показал наш «крымский» опыт, самая *главная ценность* Русского мира – это *русский язык*. И лучше всего начинаешь понимать и по-настоящему ценить такой дар только тогда, когда у тебя его отнимают, когда не по твоей воле отправляют в «эмиграцию», как это случилось с русскоязычным Крымом. Язык тоже оказался в эмиграции: родной язык большинства перешел в статус языка меньшинства и был объявлен «неродным». Абсурд? Да, абсурд. И в этом театре абсурда оставалось только одно: во спасение себя и своих духовных ценностей повторять стихотворение И.С. Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне *поддержка и опора*, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» И, спасибо школе, что у нас осталось в памяти это спасительное стихотворение. В те далекие дни, когда учили его на память, никто не осознавал, что оно так пригодится и что в таких обстоятельствах, в которых оказался Крым, можно *понять и прочувствовать* каждое слово классика. В этом-то и великая ценность русской литературы: каждое слово, написанное И.С. Тургеневым, зазвучало в создавшихся обстоятельствах так, как будто сказано *здесь и сейчас*.

Если не был в такой ситуации, наверное, трудно понять ту радость большинства крымчан, с которой они возвращались к себе домой, в Россию. Когда родной язык в своем родном доме воспринимаешь как что-то совсем естественное, примерно как то, что есть две руки, две ноги и т.п., то понять, как тебе плохо без чего-либо, можно только лишившись этого привычного и естественного. Для большинства людей в Крыму возвращение к *свободному* родному русскому языку было как чистый воздух, как глоток кислорода, необходимый для полноценной жизни.

Если ты отправляешься в эмиграцию сознательно, то принимаешь и новый, очень узкий домашний статус своего родного языка. Но это добровольное решение для делающего такой выбор. То же, что происходило в Крыму с Русским миром, было насилием над ним на протяжении всего постсоветского периода.

Другие ценности Русского мира постигаются уже через по-

средство *русского слова, русской литературы*. Наверное, одна из главных вечных ценностей русской литературы – это исходящая от нее *вера в Россию, вера в ее особую предназначенность*. М. Волошин, без которого Крым себя тоже не мыслит, писал в «России распятой» (1920), комментируя свой цикл стихов о России: «Особая предназначенность России подтверждается также той охраняющей силой, которая бдит над нею в самые тяжелые эпохи ее истории и спасает ее, вопреки ее собственным намерениям и устремлениям.

Лишь только чужеземная рука касается ее жизненных средоточий, немедленно рождается неожиданный ответный удар, который редко исходит из сознательной воли самого народа, а является разрядом каких-то стихийных, охраняющих ее сил. Татары, поляки, Карл XII, Наполеон – все в свое время испытали его. Так те, кто прикасался к библейскому Ковчегу Завета, бывали поражены ударом молнии» [Волошин 2015: 31]. В Крыму, в Коктебеле, в 1920 г., в начале прошлого века, когда Россия пылала в огне гражданской войны и революции, М. Волошин писал: «А над моей размыканной и окровавленной родиной я могу произнести только одну молитву: это «Заклятье о Русской земле» [Волошин 2015: 44]. «... *встань, Русь, подымись, / Оживи, соберись, срастись, – / Царство к царству, племя к племени!*» [Волошин 2015: 238].

В Крыму в 2014 г. тоже назревала страшная трагедия, которой удалось, к счастью, избежать. Когда Крым остался за пределами России еще в конце прошлого века после развала СССР, эти строки уже стали для крымчан совсем близкими, и очень хотелось верить, что Россия вспомнит о нас и «своих не бросит». Верим: «срослись» теперь с Россией «*крепко-накрепко, туго-натуго*» [Волошин 2015: 239].

Хочется думать, что и Крым заставил Россию встрепенуться, пробудил от зимней спячки. Наверное, в этом состоит *миссия* Крыма для России, здесь не только истоки Православия для земли Русской, здесь ларец, в котором хранится ее тысячелетняя генетическая память. Это, безусловно, сакральное пространство для России, но не только для России, а и для всего мира тоже.

Пабло Неруда, побывав в Крыму, воскликнул: «Крым – это орден на груди планеты Земля!» В Крыму удивительным образом переплетаются красота природы, красота материальная, и красота духовная, исходящая из веков и тысячелетий. Сохранить все это и бережно передать потомкам – задача всех, живущих ныне.

«В науке много написано о наследственности телесной <...> Но есть и другая наследственность – наследственность душевных свойств, о которых много меньше написано в науке. Ибо как телесные свойства родителей передаются детям, так и душевные свойства: их характер, стремления, воззрения их передаются детям по этому закону духовной наследственности» [Духовные поучения 2013: 261].

Крымчанин – это тоже особый статус, по нашим ощущениям. Есть крымчане *по духу*, а есть, конечно, крымчане только по паспорту, по регистрации. Крымчане *по духу* ощущают свою коренную принадлежность к Крымской Земле, любовь к ней всегда и везде. Они не без гордости сообщают об этом при ответе на вопрос, откуда вы: «Из Крыма». Они сохранили свою идентичность, родной русский язык, несмотря ни на какие устремления сделать из русскоговорящего большинства национальное меньшинство. Они умеют терпеть и ждать со смирением больше 20 лет, чтобы вернуться на свое историческое место, в Россию-матушку. У крымчан *по духу*, если хотите, есть какой-то свой внутренний кодекс достоинства и чести.

Крым – это перекресток цивилизаций и культур, как его часто называют историки. Ему самим историческим прошлым предопределено быть веротерпимым и многоконфессиональным. В Крыму неприемлемо возвышать один народ и принижать другие. Этого, к сожалению, не учли наши бывшие украинские власти. Отмена закона о языках, объявление русского языка вне закона для использования русскоязычным большинством полуострова стало последней каплей, переполнившей чашу терпения крымчан.

Эмоциональный настрой многих жителей полуострова перед референдумом, их мнение и чувства отразила в своей публикации журналист нашей центральной газеты «Крымская правда» Наталья Астахова: «Вот уже запрещают русский язык. Что и следовало... Вот и дошли до “мы” и “они”». А что, разве было когда-то иначе? Крымчанам не нужно объяснять, что Крым – особая территория. Нет, планета. Цивилизация, если хотите. И дело не в местном патриотизме, и не в том кулике, что свое болото хвалит. Не болото, и не место. Хотя местность, конечно, влияет на людей, ее населяющих. Очень сильно влияет. И тысячелетняя история этих мест – в нас, проросла в сознание, в кровь и плоть. Мы – часть ее, или она – часть нас, это уже не разделить. Севастополь прорастает из Херсонеса, Фео-

досия – из Кафы и так далее, по всей карте полуострова. Эллины, скифы, готы и кто еще, не перечесть, живут в каждом крымчанине. И Андрей Первозванный. И первые христиане, принимавшие крещение здесь, тоже...

Севастополь – отдельная песня. Он всегда – наособицу. И всегда пример для подражания. Весь город пел “Вставай, страна огромная”, и гимн Севастополя исполнил весь город, когда выбрал себе нового мэра. А в Керчи вывесили российские флаги. Что ж вы хотите, на один маленький Крым – два города-героя. Умеют четко выражать свою позицию, и в позу их не поставишь. Да и Симферополь – тоже. Российский флаг вывесили, бандеровский – сожгли» [Астахова 2014: 2].

Это Земля, на которой много святых мест, если посмотреть на Крым через призму топонимики. Есть много топонимов, содержащих в своем составе «ай», что значит в переводе с греческого «святой»: Ай-Тодор, Ай-Петри, Ай-Даниль, мыс Айя, скала Святого Георгия и т.д. И потому крымчанам, которые любят свою землю и почитают ее прошлое, трудно допустить даже мысль о попрании этой Святой земли, где сошлось так много людей и цивилизаций, откуда приняла свое Крещение Русь. Далекое прошлое Крыма отражено во многих легендах, которые своими событиями уходят глубоко в века и тысячелетия.

Генетическая память работает лучше многих слов. Крымская земля пропитана кровью мучеников, которые защищали ее, отдавая свои жизни за наше будущее. Здесь много воевали за правду и веру. Память об этом передается из поколения в поколение. На нашей маленькой территории, где проживает чуть больше 2 млн. человек, есть не только два города-героя, Керчь и Севастополь, которые служат примером достоинства и чести, героизма и патриотизма, есть и славный героический древнейший город Феодосия. И все наше обозримое прошлое непосредственно связано с российской историей, с Россией. Вот такой у нас «концентрат» этих духовных составляющих на душу населения. Наверное, потому никогда и не было забыто героическое прошлое в Крыму. Празднование Дня Победы, нашего общего главного праздника, никогда не отменялось и ничем не подменялось. О ветеранах Великой Отечественной, о тех, кто завоевал наше мирное настоящее, как и во всей России, помнили всегда, а не только в этот день. Никакая оранжевая революция и никакие новейшие исторические изыски украинских политиков и историков

не смогли повлиять на умы тех, кто ощущал и продолжает ощущать себя крымчанином.

И вывод напрашивается один: в этом несомненна заслуга старшего поколения, бережно хранящего для своих детей и внуков те страницы из книги нашей общей с Россией истории, без которых потомки станут Иванами, не помнящими родства.

История свидетельствует о том, что Крым был местом встречи почти всех основных культур древности (эллинской, индо-иранской, иудаистской); культур средневековья (византийской, мусульманской, итальянской, армянской). История Крыма – это киммерийцы, тавры, скифы; это история греков и Золотой Орды, татар и запорожцев, церкви первых христиан и мечетей, сплетение Востока и Запада. В судьбах народов, соприкоснувшихся с крымской землей, она играла, по мнению Т.М. Фадеевой, роль «культурного импульса, способствующего их самораскрытию» [Фадеева 2003: 6], поэтому осмысление миссии, отведенной Крыму в контексте мировой истории, остается актуальным и поныне. Современный Крым исторически представляет собой поликультурное пространство, на котором продолжается начатый в глубокой древности полилог культур. Именно на таком фоне здесь функционирует русский язык. А в межкультурной коммуникации на первый план, как известно, выдвигается диалог двух культур, родной и соседствующей. Тяготение Крыма к многонациональной и многоконфессиональной России вполне объяснимо через его историческое прошлое.

Олесь Бузина, известный украинский писатель, историк, журналист выразил свое мнение за неделю до состоявшегося (16 марта 2014 г.) референдума, точно определив назревшую ситуацию как «Развод с Крымом». «Повлиять на выбор крымчан силой, экономическим давлением или обещаниями благ земных невозможно. Это психологический выбор. Русские Крыма чувствуют себя частью русского народа. Им нравятся георгиевские ленточки и Победа в Великой Отечественной. Их историческая память стоит на двух оборах Севастополя. Им просто не ужиться с нынешней Украиной, где победила националистическая модель идеологии. Ждать, когда все переменится, крымчане больше не хотят. А татары крымские помнят, что в России у них родичи – татары казанские. Ситуация напоминает развод. Крым ведет себя, как муж, решивший уйти от

вздорной нелюбимой жены <...> Но большинство русских Крыма хотят почувствовать себя взрослыми – решить свою судьбу самостоятельно. Часто бывая в Крыму и имея там множество друзей и родственников <...> я постоянно слышал: в 1954 г. нас просто передали Украине, не спросив, чего мы хотим – Хрущев «женит» нас насильно, отметив 300-летие воссоединения Украины с Россией. Но сегодня Россия и Украина все больше отдаляются. А Крым этого не желает. По крайней мере для себя. В любом случае, если развод Крыма с Украиной случится, пусть это будет цивилизованное расставание – как у Чехии со Словакией. Без оскорблений и крови. Ведь жизнь продолжается и после развода» [Бузина 2014: 2].

События *крымской весны* подтвердили мнение Олеся Бузины о психологическом выборе крымчан, привели к *воссоединению* Крыма с Россией. И, к счастью, обошлось без кровопролития, как это было, кстати, и при присоединении Крыма к России в 1783 г. при императрице Екатерине II и при деятельном участии светлейшего князя Г.А. Потемкина. А к трудностям и блокадам крымчанам не привыкать. Мы в своем родном доме и готовы принимать все, что в нем происходит, как свое собственное. После референдума заголовки в «Крымской правде», которая издается в Крыму с февраля 1918 г. и позиционирует себя как общественно-политическая независимая русская газета, наверное, достаточно ясно говорят об образе России глазами крымчан: «Мы вернулись к тебе, *Родина!*» «Выучи наизусть. Теперь это твой гимн!», «Референдум-праздник. Мы возвращаемся *домой!*», «Главный день календаря», «Обретение *Родины*. Как крымчане за Россию голосовали», «Чистая победа. Международные наблюдатели – о всекрымском референдуме», «Этот день мы не забудем никогда!» (18.03.2014); «Спасибо, *Родина!* Спасибо, Путин!» (19.03.2014); «Мы уже *дома*. Со вторника» (20.03.2014); «Владимир Константинов: Крымчане вернулись *домой!*» (21.03.2014); «Официально в России. С сего дня полуостров – в федеративной *семье*», «Спасибо, *родные!*» (22.03.2014). В рубрике «Ваше мнение» (21.03.2014) газета опубликовала результаты опроса, в котором крымчане отвечали на вопрос, какие проблемы должна решить РФ в Крыму. В качестве вариантов ответа предлагались: №1 политические, №2 экономические, №3 гуманитарные, №4 я просто хочу жить в стране, которой можно гордиться. Показательно то, что 56,1% из опрошенных выбрали ответ №4: *мы хотим жить в стране, которой можно*

гордиться. И такая страна для крымчан – Россия, священная русская земля. И все ключевые слова здесь, в заголовках. Да, это важный психологический выбор, прежде всего. А с нынешней властью Украины у крымчан – психологический барьер. И цифры, говорящие красноречиво о явке на референдум и о его результатах (96,77% за воссоединение с Россией), – чистая ПРАВДА, и никто ничего не «рисовал».

Литература

Астахова, Н. Лучше жить в глухой провинции у моря? / Н. Астахова // Крымская правда. – 2014. – № 38. – С. 2.

Бузина, О. Развод с Крымом / О. Бузина // Крымская правда. – 2014. – № 46. – С. 2.

Волошин, М. Коктебель: поэзия / М. Волошин. – М. : Эксмо, 2015. – 352 с. (Золотая серия поэзии).

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.Н. Носова; Грейфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с.

Духовные поучения Святителя Луки (Войно-Ясенецкого). Слово 17. О душевной наследственности // Врачу благий и милостивый. – Симферополь : Изд-во Шпатакова «Родное слово», 2013. – 512 с.

Фадеева, Т.М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды / Т.М. Фадеева. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2003. – 304 с.

Shulezhkova, S.G. Die Konzepte Revolution und Krieg in den russischen Massenmedien in berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 50-61.

T. Ju. Novikova
Simferopol, Russia

THE CHOICE OF THE CRIMEAN PEOPLE: HOW THEY SEE RUSSIA

Abstract. What led to the choice of the Crimean people in favour of Rus-

sia? In order to answer this question it is necessary to understand, how the Crimean people see Russia and why they consider themselves as a part of Russia.

Key words: Crimea, Crimean people, Russia, memory, values, referendum, Crimean spring, reunification

*А.А. Осипова, Н.В. Позднякова
Магнитогорск, Россия*

ВПЕРЕД, В СССР-2! (образ России в агитационных текстах КПРФ)

Аннотация. В агитационном плане Коммунистическая партия Российской Федерации находится в самом выгодном положении по сравнению с другими политическими объединениями, т.к. в борьбе за свои идеалы она активно использует весь советский лозунговый арсенал. В статье рассматриваются агитационные тексты КПРФ, так или иначе репрезентирующие образ современной России. КПРФ – левая партия, имеющая богатую историю. Авторы анализируют лозунги, призывы, девизы, включающие в свой состав слова *Россия, Родина, СССР, страна, держава*, и выявляют традиционное и новое их содержание. Особое внимание уделяется оригинальному языковому словотворчеству, которое рождает игру смыслов и ассоциаций у избирателя и помогает идеологам создавать новый, яркий, воздействующий образ. И хотя не все новые лозунги партии оригинальны и удачны, КПРФ сегодня – это самая энергичная, инициативная в плане пропагандистской работы политическая партия России, которая стремится расширять свой арсенал, ищет и находит новые агитационные пути.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Российской Федерации, образ России, лозунг, призыв, девиз

Оборот *образ страны* отмечен многозначностью содержания. Характер представлений о себе и о своем месте в мире (внутренний образ) оказывает неоднозначное влияние на восприятие страны за ее пределами (внешний образ) и формирует оценки жизнеспособности нации и государства в целом.

И.С. Семененко отмечает, что использование как синонимов понятий *образ* и *имидж* в большинстве случаев является неоправданным. «Под первым понимаются скорее представления о стране,

существующие в сознании соприкасающихся с ее социокультурным полем групп населения. Эти представления складываются в претендующую на целостность картину – своего рода портрет. “Имидж” – англоязычное заимствование, получившее, как и многие другие термины международного политико-экономического лексикона, широкое хождение в условиях вступления России в глобальное информационное пространство. В силу многих причин сложилось так, что это понятие описывает ту составляющую национального образа, которая формируется под воздействием направленных на его конструирование политических ресурсов и технологий, в первую очередь тех, что находятся в непосредственном распоряжении государства. В этом смысле имидж является важным, но отнюдь не единственным элементом образа страны» [Семененко 2012: [http](http://)].

Чаще всего к описанию образа России обращаются историки, политологи, социологи, философы, журналисты. Они отмечают, что у русских этот образ формируется целенаправленно в инструктивном обучении и при помощи СМИ, у иностранцев он складывается в результате речевого воздействия СМИ и частично из впечатлений, вынесенных из непосредственного знакомства со страной (см. [Lynch 2005; Allison 2006; Фадеев 2007; Вайнштейн 2008; Громыко 2008; Петренко 2009; Тарса 2015; Абрамов 2017; Уразаева 2017; Что думают иностранцы о России: [http](http://)]). Реже встречаются лингвистические работы, в которых образ России анализируется через то или иное языковое выражение (см., например [Образ России в зарубежном политическом дискурсе 2010; Зарипов 2016]).

Одним из актуальных жанров политической речи, в лаконичной форме способным репрезентировать образ государства, является агитационный текст (лозунг, призыв, девиз и т.д.). Корпус таких текстов, функционирующий в современной России, так или иначе, привлекает внимание лингвистов (см. работы [Публицистический арсенал общественных движений 2015; Анохина 2016; Дайте миру шанс! 2016; Пути преодоления конфликтогенных ситуаций 2016; Шулежкова 2014, 2016а, 2016б, 2016в, 2016г, 2016д, 2017; Чурилина 2016; Ossipova 2016; Shulezhkova 2016]). Он довольно обширен, но далеко не все политические объединения предлагают действенные агитационные тексты. В России самой публицистически активной является Коммунистическая партия Российской Федерации

(КПРФ). Это официально зарегистрированная левая политическая партия, позиционирующая себя как прямую продолжательницу дела РСДРП – РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС и КП РСФСР. КПРФ имеет богатую историю, а потому в агитационном плане находится в самом выгодном положении по сравнению с другими политическими объединениями, т.к. в борьбе за свои идеалы она широко использует весь советский лозунговый арсенал. Он был в разное время разносторонне исследован лингвистами [Шулежкова 1992; 1994; 2002, 2011; Берков, т. 1, 2008; Берков, т. 2, 2009; Осипова 2015]. В данной статье обратимся к агитационным текстам, так или иначе репрезентирующим современный образ России.

В первую очередь обращают на себя внимание лозунги, призывы, девизы, содержащие ключевое слово *Россия*. В публицистических текстах КПРФ этот наиболее частотный компонент в основном присутствует в лозунгах, призывающих

– голосовать за КПРФ, ср.: *Россия будет великой и социалистической!; Россия, труд, народовластие, социализм!; России – новый курс и новое правительство!; КПРФ – это Родная Россия!; Голосуй за КПРФ – сохранишь РОССИЮ!; Компартия России – надежная защита народа!; КПРФ – это Единство, Справедливость и Величие России ОДНОВРЕМЕННО!* и т.д. Эти агитационные тексты нельзя назвать самобытно-оригинальными, они отражают самые общие предвыборные постулаты КПРФ;

– бороться с врагами. Врагами молодого советского государства являлись фашизм, капитализм, контрреволюция, нэпманы, милитаризм, меньшевизм, духовенство, либерализм, буржуазия, иностранная агрессия, спекуляция и др. С кем и с чем борется КПРФ в современной России? Судя по разнообразию, частотности использования призывных текстов и их изощренности, одним из основных своих противников КПРФ считает действующее правительство, ср.: *Правительство Медведева – позор России!; России – новый курс и новое правительство!; Россия для народа, а не коррупционеров!; Ротенберг и Платон – грабители на дорогах России!; Центробанк РФ присоединился к санкциям против России!* и др. На протяжении столетия неизменными и, видимо, неистребимыми врагами коммунистов остаются фашизм, капитализм, либерализм и антисоветизм. Это подтверждают современные публицистические тексты, ср.: По-

кончить с антисоветизмом – обезоружить противников России!; *Капитализм – враг России!* Лидер КПРФ Г.А. Зюганов считает, что излечить Россию может только социализм: *Клянемся вернуть заблудшую Россию на рельсы социализма!*; *Курс России – вперед, к социализму!* Либерализм же признается недееспособным: *Мы сегодня говорим: нет либерализму, который довел Россию до ручки!*; *Спасём Россию от либеральной чумы!*;

– объединиться с братьями-украинцами. Лозунги и призывы политических партий РФ разнообразны, они отражают разные аспекты и ценности, за которые предлагают бороться политики. Но есть несколько общих точек соприкосновения, непреходящих ценностей, объединяющих практически все российские политические партии. Так, общими являются призывы к борьбе за мир и свободу: *Россия и Украина – один народ, одна судьба!*; *Украина и Россия – один народ, одна история!*; *Россия и Украина. Навеки вместе!*; *Россию и Украину не разделить!* Подобные единицы у многих партий очень похожи по составу компонентов и своей структуре.

Агитационные тексты с компонентами *Родина* и *СССР* отличаются от предыдущих (с компонентом *Россия*) тем, что напрямую связывают Россию с коммунистическим прошлым – со своим народом, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов. КПРФ считает, что вновь обрести Родину можно, только возродив социализм, ср.: *Наша Родина – революция!*; *За нашу Советскую Родину!*; *Наша Родина – СССР!* и др. Двойное отношение и одновременно определенный интерес вызывают лозунги *Вперед, в СССР!*; *Вперед, в СССР-2!*; *Даешь СССР-2!*

Сами коммунисты, естественно, вкладывают в них сугубо положительный смысл, идею возврата в СССР они понимают как прогрессивную для страны, ср.: «Геннадий Андреевич, *«Вперед в СССР!»* – это наш алтайский бренд, мы с ним пойдём на выборы и вообще, будем двигаться только вперед, в наше славное советское будущее!», – эти слова молодого алтайского коммуниста Г.А. Зюганов с улыбкой одобрил и крепко пожал ему руку [Вперед в СССР! 2011а:

http]. В этом смысле показательны варианты лозунга с цифрой 2: в них заложена идея коммунистического строя новой формы, отличной от прежней, ср.: *А это значит, что КППФ – вечная партия. Она поведет народ России к новому Октябрю в новых исторических условиях. Поэтому социализм – это не прошлое, а будущее страны, так как только плановая социалистическая экономика и Советская власть способны решить проблемы России. И наш девиз: «Вперед – в СССР! Даешь – СССР-2!»* [Слава Великому Октябрю 2016: http].

Реакция других политиков на этот лозунг была отрицательной, ср.: Майкл Макфол [экс-посол США в России – А.О.] написал: *«Forward to USSR-2. Ugh. So depressing ... and frightening»*, т.е. **«Вперед в СССР-2. Ух. Так депрессивно... и пугающе** [Парфенов 2014: http]. Лидер партии «ЯБЛОКО» Сергей Митрохин так растолковал данный агитационный текст КППФ: *Мне кажется, что мы предлагаем единственную реалистичную программу действий для страны <...> Все остальные партии либо предлагают сохранить статус-кво, как «Единая Россия» и ряд других партий, либо предлагают вернуть страну назад, как коммунисты, у которых даже лозунг «Вперёд, в СССР!», то есть назад. Мы единственная партия, получается, которая предлагает идти вперёд и говорит, как это делать»* [В Москве состоялась пресс-конференция лидера партии «ЯБЛОКО» 2011: http]. Ответом С. Митрохину может послужить высказывание главного редактора «Рабочей газеты» Л. Калашникова: *Стремясь отсрочить свой конец, капитализм развязывает одну войну за другой. Но ход истории не остановить. И все яснее, что тогда, в 1991-м, мы пошли не вперед, а назад. В общем, купили себе билет на «Титаник» <...> Нас, коммунистов, спрашивают: вы что, зовете в прошлое? Откопав Брежневца – будем жить по-прежнему? Да ни в жизнь! Еще древние философы сказали: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Союз, который мы возродим, неизбежно будет другим. И социализм другим – социализмом XXI века. Назад пути нет. Наш лозунг прост и понятен: **Вперед, в СССР!*** [Вперед, в СССР! 2011б: http].

Выделяется также ряд агитационных текстов, содержащих компоненты *страна, держава*. Их отличие от проанализированных выше в том, что здесь упор делается на развитие промышленности и обороны РФ. Такая тематика данных лозунгов и призывов связана, видимо, с тем, что слова *страна* и *держава* несут в себе представле-

ние о России как о государстве, ср.: *Безопасность страны – в сильной промышленности!*; *Превратим страну из сырьевой колонии в промышленную сверхдержаву!*; *Задача КПРФ – восстановление страны!*; *Доходы – народу!* *Ресурсы страны – народу России!*; *Россия – не колония!* *Коммунисты построят державу!*; *Сильная промышленность – основа независимости страны!*; *Технологическая держава – ДА!* *Сырьевая колония – НЕТ!* и т.д. Отдельные лозунги, отражающие частности, вызывают улыбку и вряд ли сохранятся в публицистическом арсенале, ср.: *КПРФ – это замена лифтов всей страны, а не отправка денег в банки США.*

Нетрадиционно представляют Россию лозунги против создания базы НАТО. В них образ нашей страны обогащается некоей крестьянской составляющей (зачастую это просто дань рифме), ср.: *НАТО – вон от стен Кремля, это Русская земля!* [Тхагушев 2012: [http](#)]; *НАТО, вон из хаты!* [Щербаков 2014: [http](#)].

КПРФ представляет в публицистическом дискурсе не только современные лозунги, рисующие образ России и содержащие соответствующие компоненты (описанные выше), но и активно использует интертекстемы-советизмы, восходящие к синтетическим жанрам искусства (ср. *Наш адрес – Советский Союз!*; *Мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово; С чего начинается Родина?*). В отличие от первых они несут в себе исключительно положительные коннотации, ведь в СССР была необходима правильная мотивации людей: советские лозунги призывали к труду (а труд, как известно, облагораживает человека), напоминали о том, что если ты хочешь стать достойным гражданином, то тебе необходимо «учиться, учиться и учиться», и о том, что «партия – наш рулевой». Справедливости ради необходимо отметить, что КПРФ использует их значительно реже, чем агитационные тексты агрессивной направленности. Эти позитивные лозунги, вероятно, просто помогают сохранять советский идеологический пафос.

Представители КПРФ никогда не остаются в стороне от каких-либо событий, они расцвечивают лозунгами все крупные государственные праздники, творят, так сказать, на злобу дня. Многие из этих агитационных текстов довольно тривиальны, ср.: ко Дню международной солидарности трудящихся 1 мая (*России – новый курс и новое правительство!*; *Отечественная промышленность – залог*

безопасности страны!; Россия будет великой и социалистической!; Правительство национальных интересов – будущее России! [Призывы и лозунги ко Дню международной солидарности 2017: [http](#)]; к 99-й годовщине создания Рабоче-крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота (Слава защитникам Отечества!; Экономическая программа КПРФ – основа оборонного могущества России!; Российской армии и флоту – да!; Защитим Армию – сохраним Россию! [Призывы и лозунги к 99-й годовщине 2017: [http](#)]), к Всероссийским массовым мероприятиям по защите научно-технического комплекса страны, посвященным 55-й годовщине со дня первого космического полета Ю.А. Гагарина (Нам нужна сильная, независимая и процветающая страна!; Путь России – вперед, к социализму!; Социализм – возродит Россию!; Правительство народного доверия – спасение России!; Сильная промышленность – основа независимости страны! [Призывы и лозунги ЦК КПРФ к Всероссийским массовым мероприятиям 2016: [http](#)]); к массовым акциям в День защиты детей и в День русского языка (Материнство и детство – под защиту государства!; Славим живое русское слово!; Русский – язык Пушкина и Ленина; Русский язык – основа русской культуры [Призывы и лозунги ЦК КПРФ к массовым акциям 2015: [http](#)]) и др.

Коммунисты прямо заявляют о том, что лозунги должны действовать на подсознание людей. И предлагают один из таких лозунгов, оригинальность которого, на наш взгляд, заключается только лишь в его безыскусности: *У нас до сих пор идут дебаты о том, какой лозунг выдвинуть, чтобы он действовал на подсознание избирателей. У нас есть очень хорошие, содержательные лозунги <...> Конечно, эту работу надо продолжать, но, на мой взгляд, самый хороший лозунг с учетом технологии выборов <...> это «Коммунистическая партия Российской Федерации» жирным шрифтом, заглавными буквами, сокращенно «КПРФ» на красном фоне. Это будет действовать на подсознание избирателей. У нас есть ещё год до парламентских выборов, и на тех людей, которые ещё колеблются, мне кажется, этот лозунг будет действовать [Доклады на семинаре-совещании 2015: [http](#)].*

Необходимо отметить, что, наряду с традиционными, встречаются и довольно оригинальные, на наш взгляд, примеры словотворчества коммунистов. Особенно привлекательно выглядят агитационные тексты, включающие компонент *красный*. Красный цвет – «сим-

волика молодой Советской республики: кровь борцов революции, воплощенная в красном флаге, апеллировала к архаическим пластам сознания и прочитывалась как основа легитимности новой власти. Красный цвет ассоциировался с жертвенностью во имя революции, с возмездием за кровь товарищей, социальную борьбу против угнетателей» [Позднякова 2015: 153]. КПРФ в своих лозунгах не забывает о данной символике и использует ее весьма удачно (обращают на себя внимание стихотворные формы), ср.: *Завершим реформы так – над страной **красный** флаг!*; *Сказал же Ленин ясно: Россия будет **красной**!* [7 ноября трудовая Россия... 2014: [http](#)]; *Родина у нас одна! Победа на всех одна! И **Красное** Знамя Победы – наш символ один на века!* [Гончаров 2015: [http](#)]. Атрибутику красного цвета коммунисты своеобразно воплощают не только словесно, но и семиотически, ср.: *Вечером 7 ноября проспект Революции окрасился в **кумачовый** цвет. Десятки флагов СССР и КПРФ, **красные** шары с партийной символикой, **красные** накидки, шарфы и бантики, портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина, лозунги: «Да здравствует 97-я годовщина Великого Октября!», «Россия! Труд! Народовластие! Социализм!», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!»...* [7 ноября трудовая Россия... 2014: [http](#)]. Зачастую при помощи определенных атрибутов выражается недовольство правящей партией: *Главный лозунг акции – «Солидарность трудящихся – залог победы над антинародным режимом!».* *Патриотический фронт «**Красная** Москва – КПРФ» провел свой флешмоб. В колонне шли «**красные** дворники». Они подметали улицы под лозунгом «Очистим власть – спасем Россию!»* [Тхагушев 2015: [http](#)]; *С лозунгом «Очистим власть – спасем Россию!» в колонне демонстрантов будет двигаться группа **Красных** Дворников – в **красных** фартуках с эмблемой КПРФ, в **красных** фонарях-нарукавниках и в **красных** рукавицах. **Красными** метлами они выметут Москву и на **красных** тачках-тележках с надписями «**ЛИБЕРАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО**» вывезут на свалку истории символы чиновничьего беспредела – мешки с надписями «**ВЗЯТКА**» и «**ОТКАТ**»* [1 мая в 11.00 на Калужской... 2015: [http](#)].

Идеологическая активность КПРФ проявляется в разных формах. Например, на сайте «KPRF.RU» периодически объявляются акции-конкурсы на лучшие лозунги для предвыборной кампании КПРФ, далее следует этап голосования, и наиболее интересные пред-

ложения посетителей KPRF.RU направляются в ЦК КПРФ. Среди подобных агитационных текстов встречаются весьма интересные, ср.: *Буржуем быть опасно – Россия будет Красной!; За КПРФ – сила СССР!; Красное солнышко согреет Россию!* [Варианты лозунгов 2007: <http://>]. Но по большей части слоганы неудачны и вряд ли будут использоваться в политическом дискурсе, на плакатах и в каких-либо акциях. К примеру, некоторые из них противоречат принципу лаконичности (ср., *Побеждена моя Россия. Побеждена, но не рабыня и ей не будет никогда пока Серп, Молот и Звезда горят на Знамени Победы, что завещали наши деды!!!; Хочешь жить в России и говорить по-русски – голосуй за КПРФ. Хочешь в штате Uasia и забыть русский – голосуй против*); другие грешат тавтологией (ср., *Люди труда – люди России, им вершить судьбу России!*), третьи наивно-примитивны (*Россия без Зюганова, что невеста без приданого!*), четвертые двусмысленны (ср., *Правые – на Запад, Левые – на Россию!; Великая, единая и справедливая Россия – это не просто слова, господа!*) (примеры взяты из: [Варианты лозунгов 2007: <http://>]).

Объем статьи не позволяет нам в полной мере проанализировать все агитационные тексты КПРФ, отображающие образ современной России, – здесь мы предложили самое общее представление о них и обратили внимание лишь на некоторые наиболее интересные языковые единицы. С учетом проведенных ранее исследований можно сделать вывод: КПРФ сегодня – это действительно самая энергичная, инициативная в плане пропагандистской работы политическая партия России, которая стремится расширять свой агитационный арсенал, ищет и находит новые лозунги и призывы, чтобы привлечь на свою сторону электорат.

Литература

Абрамов, И. Россия 2017 глазами иностранцев [Электронный ресурс] / И. Абрамов // Наша страна, 11.06.2017. – Режим доступа: <http://www.nasha-strana.info/archives/12845> (дата обращения: 10.04.2016).

Агитационные материалы для выбора главы Псковской области [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] // Вестник организационно-партийной и кадровой работы, 2014. – Вып. 17 (237). – Режим доступа: [http://kprf-org.ru/archiv/vestnik237/image/Vestnik%2017\(237\)%202014.pdf](http://kprf-org.ru/archiv/vestnik237/image/Vestnik%2017(237)%202014.pdf) (дата обращения: 18.02.2016).

Анохина, С.А. Чиновники в лозунгах и лозунги чиновников /

С.А. Анохина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3 (53). – С. 66-72.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 5 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 5 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Вайнштейн, Г.И. Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация: монография / Г.И. Вайнштейн [и др.] ; отв. ред. И.С. Семенов ; Российская акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2008. – 152 с.

Варианты лозунгов, предложенных посетителям KPRF.RU на втором этапе акции «Выбери лозунг для предвыборной кампании КПРФ» [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ, 12.09.2007. – Режим доступа: <https://kprf.ru/site/51448.html> (дата обращения: 17.07.2016).

В Москве состоялась пресс-конференция лидера партии «ЯБЛОКО» Сергея Митрохина [Электронный ресурс] // РБК, 18.08.2011. – Режим доступа : http://www.yabloko.ru/news/2011/08/18_1 (дата обращения: 15.06.2015).

Вперед в СССР! Алтайские коммунисты приняли участие в шествии, организованном КПРФ в Новосибирске [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ, 25.08.2011а. – Режим доступа: https://kprf.ru/party_live/96024.html (дата обращения: 29.07.2016).

Вперед, в СССР! Другого пути у России просто нет, считает главный редактор «Рабочей газеты» Леонид Калашников [Электронный ресурс] // Рабочая газета, 31.08.2011а. Режим доступа: https://kprf.ru/media/filestorage/library/rg_83.pdf (дата обращения: 29.07.2016).

Гончаров, В.И. «Красное Знамя Победы – наш символ один на века!» [Электронный ресурс] // Вестник организационно-партийной и кадровой работы, 2015. – Вып. 10 (254). – Режим доступа: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik254/vestnik254_7.html (дата обращения 21.09.2015).

Громыко, А.А. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки : моногр. / А.А. Громыко ; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т Европы РАН. – М. : Ин-т Европы РАН : Русский сувенир, 2008. – 96 с.

Доклады на семинаре-совещании. Е.И. Колюшин, член ЦК КПРФ, член ЦИК РФ, доктор юридических наук: «Юридические мины на предстоящих выборах» [Электронный ресурс] // Вестник организационно-партийной и кадровой работы, 2015. – Вып. 15 (259). – Режим доступа :

http://kprf-org.ru/archiv/vestnik259/vestnik259_2.html (дата обращения: 16.09.2015).

Заринов Р.И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. / Р.И. Заринов. – М. : Р.Валент, 2016. – 220 с.

Кудрина, Н.В. Поэтическая фразеология как объект фразеологии / Н.В. Кудрина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3. – С. 305-309.

Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы междунар. науч. конф. (13-17 сентября 2010 г., Екатеринбург) / редколл. : А.П. Чудинов (гл. ред.), М.Б. Ворошилова. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2010. – 238 с.

Осипова, А.А. Советские лозунги в художественной литературе и в современной публицистике конца XX – начала XXI в. / А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 161-166.

Парфенов, Д. Экс-посол США в России Майкл Макфол отреагировал на твит KPRFnews : «Вперед в СССР-2. Ух. Так депрессивно... и пугающе» [Электронный ресурс] / Д. Парфенов // Сайт КПРФ, 16.03.2014. Режим доступа : <https://kprf.ru/party-live/opinion/129361.html> (дата обращения: 11.06.2016).

Петренко, В.Ф. Образ России глазами россиян и иностранцев / В.Ф. Петренко, О.В. Митина, И.Н. Карицкий [и др.]. – М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009. – 271 с.

Позднякова, Н.В. Советские плакаты в современной коммуникации / Н.В. Позднякова, Д.В. Жигулина // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – С. 150-174.

Призывы и лозунги ко Дню международной солидарности трудящихся 1 мая [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ, 18.04.2017. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/164354.html> (дата обращения: 12.08.2017).

Призывы и лозунги к 99-й годовщине создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ, 13.02.2017. – Режим доступа: <https://kprf.ru/actions/kprf/162406.html> (дата обращения: 12.08.2017).

Призывы и лозунги ЦК КПРФ к Всероссийским массовым мероприятиям по защите научно-технического комплекса страны, посвященным 55-й годовщине со дня первого космического полета Ю.А. Гагарина

[Электронный ресурс] // Сайт КПРФ, 31.03.2016. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/153359.html> (дата обращения: 14.08.2017).

Призывы и лозунги ЦК КПРФ к массовым акциям в День защиты детей и в День русского языка [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ, 27.05.2015. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/143148.html> (дата обращения: 14.08.2017).

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Пути преодоления конфликтогенных ситуаций: толерантные стратегии и тактики : учеб. пособие / О.Е. Чернова, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова» ; Науч.-исслед. словарная лаборатория ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. – 125 с.

Семененко, И.С. Образ России в глобальном мире [Электронный ресурс] / И.С. Семененко // Общественные науки, 06.12.20012. – Вып. 3. – Режим доступа: <http://socialnauki.prosv.ru/article/1885> (дата обращения: 12.04.2016).

Слава Великому Октябрю! В Курганской области прошла серия мероприятий в честь годовщины Красной Революции [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ, 08.11.2016. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/regnews/159977.html> (дата обращения: 12.03.2017).

Тарса, Я. Образ России в польских электронных СМИ / Я. Тарса // СМИ и общество. Роль журналистики, рекламы и PR в формировании образа России в современных социально-экономических условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. О.Е. Чернова. – Магнитогорск : Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. – С. 105-110.

Тхагушев, Р. НАТО в России ждет «теплый прием»! Очередная акция протеста в Москве [Электронный ресурс] / Р. Тхагушев // Сайт КПРФ, 26.04.2012. – Режим доступа: <https://kprf.ru/actions/105458.html> (дата обращения: 12.06.2016).

Тхагушев, Р. Первой шагает по стране. Власть и собственность – трудовому народу! [Электронный ресурс] / Р. Тхагушев, А. Брагин // Вестник организационно-партийной и кадровой работы, 2015. – Вып. 9 (253). – Режим доступа: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik253/vestnik234_2.html (дата обращения 21.09.2015).

Уразаева, Н.Р. Концептуализация образа России в немецких СМИ: перемены к лучшему? / Н.Р. Уразаева, Е.А. Морозов // Мировая политика. – 2017. – № 3. – С. 141-154.

Фадеев, К.В. Современная Россия глазами иностранцев [Электронный ресурс] / К.В. Фадеев // Livejournal, 25.06.2007. – Режим доступа: <http://image-of-russia.livejournal.com/6238.html> (дата обращения 21.09.2016).

Что думают иностранцы о России [Электронный ресурс] // Сайт «Научный хит. – Режим доступа: <http://sci-hit.com/2017/07/chto-dumayut-inostrancy-o-rossii.html> (дата обращения 15.06.2016).

Чурилина, Л.Н. Кризис самоидентификации россиян: лингвистический аспект / Л.Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск–Новосибирск, 2016. – № 3 (53). – С. 95-102.

Чурилина, Л.Н. Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления / Л.Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 24. – С. 377-383.

Шулежкова, С.Г. Два пути от невинной любви к Отечеству – патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016а. – С. 50-63.

Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...»: 1 500 крылатых слов и выражений русского языка. Происхождение, значение, судьба / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : НАУКА, 2011. – 848 с.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения из области искусства : материалы к словарю / С.Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1994. – Вып. 4. – 162 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения французского происхождения в интернациональном блоке лозунгов современной Европы и России / С.Г. Шулежкова, А.С. Макарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016б. – № 4. – С. 65-73.

Шулежкова, С.Г. Лозунг – «визитная карточка» политиков, партий и общественных движений / С.Г. Шулежкова // Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО

«Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016в. – С. 3-6.

Шулежкова, С.Г. Лозунги как публицистическое средство современных российских СМИ. Их тематика и истоки / С.Г. Шулежкова // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс) : колл. моногр. – Грайфсвальд ; СПб. ; Загреб : Ernst Moritz Arndt Universitaet, 2017. – С. 110-118.

Шулежкова, С.Г. Обнимитесь, миллионы! (интернациональные крылатые выражения, выполняющие в русском языке «лозунговую» функцию) / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016г. – № 3 (53). – С. 43-56.

Шулежкова, С.Г. Отражение менталитета граждан России в современных армейских лозунгах / С.Г. Шулежкова, А.Н. Михин // Германия – Россия: вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016д. – С. 111-120.

Шулежкова, С.Г. Песенные крылатые выражения (XVIII век – Великая Отечественная война) : материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства» / С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МГПИ, 1992. – Вып. 2. – 155 с.

Шулежкова, С.Г. Публицистический арсенал общественных движений России конца XX – начала XXI в. проблема вербализации национальной идеи / С.Г. Шулежкова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе». – СПб. : Об-во преподавателей рус. яз. и лит., 2014. – С. 122-128.

Щербаков, С. Надоело терпеть – пора действовать! Итоги Всероссийской акции протеста в Воронежской области [Электронный ресурс] / С. Щербаков // Сайт КПРФ, 08.12.2014. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/regnews/137191.html> (дата обращения: 12.03.2016).

1 мая в 11.00 на Калужской (Октябрьской) площади (станция метро «Октябрьская») стартует Марш солидарности трудящихся против фашизма, в поддержку Донбасса [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ, 30.04.2015. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/142162.html> (дата обращения: 12.03.2016).

7 ноября трудовая Россия торжественно отметила 97-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции [Электронный ресурс] // Вестник организационно-партийной и кадровой работы, 2014. – Вып. 21-22 (241-242). – Режим доступа: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik241242/vestnik241242_2.html (дата обращения: 09.10.2015).

Allison, R. Putin's Russia and the Enlarged Europe / R. Allison, M. Light, S. White. – Chatham House Papers, Blackwell Publishing, 2006. – 240 p.

Lynch, A. How Russia is not Ruled. Reflections on Russian Political Development / A. Lynch. – Cambridge University Press, 2005. – 276 p.

Shulezhkova, S.G. Die Konzepte Revolution und Krieg in den russischen Massenmedien in Berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 50-61.

Aleksandra A. Osipova, Natalia V. Pozdnyakova
Magnitogorsk, Russia

GO TO THE USSR – 2! **(Image of Russia in propaganda texts of CPRF)**

Abstract. In regards to propaganda texts, the Communist Party of the Russian Federation is dealt a good hand in comparison with the other political blocs, because the party uses all the texts from the soviet slogan arsenal. The article deals with the propaganda texts of the CPRF, which represent the image of modern Russia. CPRF is a left party with a great history. The authors analyze slogans, appeals and mottoes with words Russia, Motherland, the USSR, country, power (nation) in their structure, and reveal their traditional and new content. The special attention is paid to the original language word creation, which gives birth to a meaning play and causes associations inside voter's mind. All this helps ideologists to create a new, bright and affective image. Though not all the new slogans of the party are original and successful, the CPRF is the most active and creative party in Russia in terms of propaganda work. It tries to enlarge its slogan arsenal and finds new ways of propaganda activity.

Key words: Communist Party of the Russian Federation, image of Russia, slogan, appeal, motto

Н.В. Позднякова, А.А. Осипова
Магнитогорск, Россия

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ В ДИНАМИЧЕСКИ МЕНЯЮЩЕМСЯ ПЛАКАТНОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить судьбу визуального образа России с момента его зарождения в политических плакатах конца XIX – начала XX в. до попыток создания бренда страны в условиях современного политического противостояния с Западом. Авторы статьи характеризуют несколько образов, которые легли в основу визуальной презентации России. Доказывается, что «медвежий» облик Россия приобрела благодаря западным политическим карикатурам конца XIX в., отечественные же художники вкладывали в образ Родины первоначально маскулинный смысл, но в годы исторических потрясений на смену ему пришло осознание Родины как женщины-матери. Рожденные в отечественном плакатном искусстве визуальные образы России пропитаны гордостью, величием, достоинством. В настоящее время в условиях конфронтации с Западом в информационной войне Россию визуально представляют как агрессора. При этом отечественные авторы плакатов нередко продолжают использовать извечный стереотипный образ России в форме пресловутого медведя с балалайкой, водкой, матрешками. Поэтому назрела необходимость противопоставить «водкам-матрешкам» образ настоящей России – великой и сильной мировой державы.

Ключевые слова: Россия, Родина, плакат, Родина-мать, визуальный образ

*Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать.
Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!*

Б. Лебедев-Кумач

Медведь, балалайка, шапка-ушанка, водка, матрешка – извечные стереотипы, связанные с Россией. Не надо проводить социологического опроса, чтобы выяснить самые популярные русские слова на Западе. Это *водка, казак, Сталин*. Но как ни парадоксально, «если вы выйдете на Арбат, который считается главной туристической улицей Москвы, то увидите, что там именно это и продают» [Гранина 2015: <http>]. То же происходит в визуальной презентации России: в угоду западным стереотипам брендами России становятся пресловутые образы, которые «с легкой руки западных интеллектуалов нас педантично учат стыдиться того, что мы русские», пытаясь «привить чувство неполноценности» (Рис. 1-2) [Прокопенко 2017: 7].

Политический плакат Д. Захарова (Рис. 3) на биеннале в Лакти (Финляндия) в 2011 г. завоевал поощрительную премию. «Невозможно понять, нефть или всеобъемлющая черная краска сочится из раскрашенной в патриотические цвета фигуры кегельбана», – пишет автор заметки «Россия, Нефть и Черная краска» [Россия 2011: <http>]. Намного точнее оказались организаторы мероприятия, давшие работе название «Russian Doll» («Русская кукла»). И правда, фигура, изображенная на плакате, недвусмысленно напоминает русскую матрешку. Непонятным остается следующее: что в этом плакате европейское жюри нашло «остро политического»?

Справедливости ради стоит отметить, что в некоторых визуальных образах современной России есть зачатки самоуважения. Так, В. Бороденкова, автор логотипа, представленного на конкурс туристического бренда и слогана России, попыталась заключить в фигуры матрешек особенности России с ее культурным, природным и многонациональным потенциалом (Рис. 4).

На двух других образцах (Рис. 5, 6), символизирующих Россию, изображен медведь, но не в лубково-юмористическом стиле, а, пожалуй, в переработанном, спокойно-устрашающем виде. За

довлеющей на плакатном пространстве фигурой «стоит» Россия: в первом случае ассоциирующаяся только с цветами российского флага, в другом, – помимо цветовой узнаваемости, на фоне российского флага изображены сцены из истории страны (Парад Победы 1945 г., образы святых как православной составляющей истории страны и виды Москвы – столицы Родины).

Визуальный образ России, передаваемый через фигуру медведя, не нов. В первых политических плакатах-карикатурах, появившихся в конце XIX в. в ряду рекламных плакатов и плакатов-афиш (подробнее об истории российско-советского политического плаката см. [Позднякова 2015: 151-153]) западные художники ассоциировали Россию именно с медведем (Рис. 7, 8). Так, на карикатуре конца XIX в. в журнале «Руск» Америка и Европа противопоставлены дикой «медвежьей» царской России. Тот же подтекст читается в политическом плакате «Тройственного союза», озаглавленном «Для нашего зверинца».

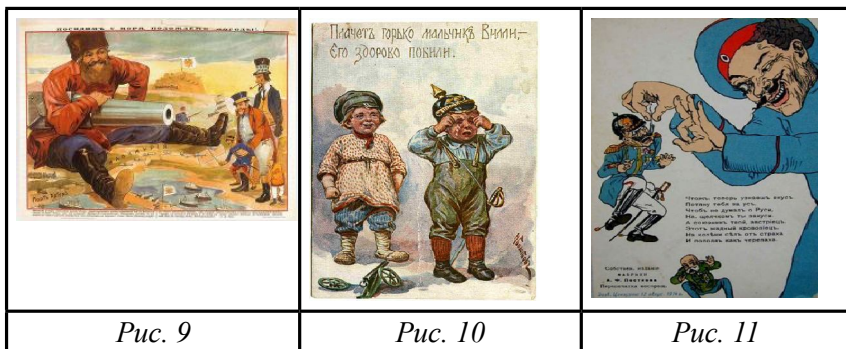

Рис. 7

Рис. 8

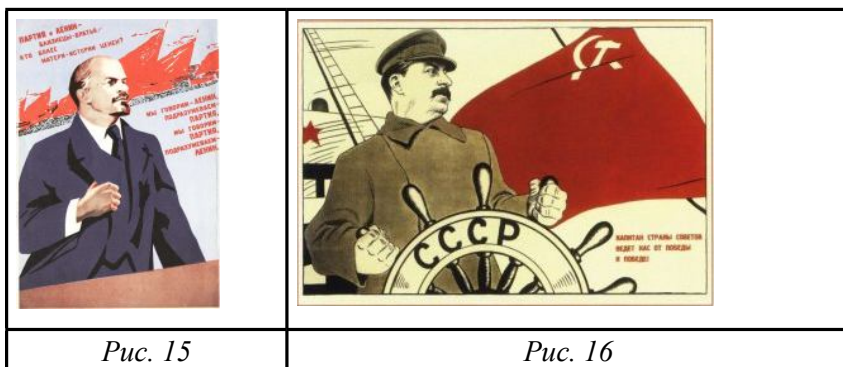
В первых российских политических плакатах Россия, как и другие государства, презентовалась через мужские образы (Рис. 9-11). «Благодаря своему значительному смысловому и иконографическому потенциалу, а также спектру значений в тексте или иллюстрированном материале, плакат не только передает предметную информацию – будь то косвенно, искажая информацию, – но и демонстрирует объективный взгляд на важную общественную ситуацию прошедших дней <...> Плакаты сообщают информацию в своем собственном, типичном для того времени стиле, который позволяет продемонстрировать коллективное настроение» [Вальтер 2016: 70].

На плакате, посвященном политической обстановке перед русско-японской войной 1905 г., Россия в образе гигантского русско-го мужика, воплощающего силу и смекалку, противопоставлена западным странам-«господам». Много плакатов начала XX в. рождены в условиях, предшествовавших Первой мировой войне (Рис. 10, 11). На одном из них Россия представлена в виде бравого донского казака Козьмы Крючкова, который отличился «в первые дни войны в бою с немецкими кавалеристами недалеко от польского городка Кальвария». Возглавляемый им казачий сторожевой дозор вступил в бой с группой немецких кавалеристов и, как записано в наградных документах, Кузьма Крючков в ходе кавалерийской схватки лично зарубил шашкой и заколол пикой 11 человек [Веригин 2011: <http://>].

Тенденция маскулинного воплощения образа страны сохранялась и в первых политических плакатах после Октябрьской революции 1917 г. (Рис. 12, 13), и в годы Великой Отечественной войны (Рис. 14, работа Кукрыниксов).

Ассоциация страны с мужским образом достигла своего апогея в плакатах, изображавших лидеров Советского государства – В.И. Ленина и И.В. Сталина (Рис. 15-16).

Но постепенно маскулинный тип плакатного представления заменяется женским. Россия и Родина сливаются воедино в образе женщины-матери. Слово *Родина* образовано от праславянской лексемы *родъ* [Черных, 2, 1999: 118-119]. В славянской мифологии спутницами верховного мужского божества, бога неба, грозы, плодородия Рода были Рожаницы – женские божества плодородия, покровительницы рода, семьи, домашнего очага. Поэтому подспудно *род* и *родина* в русском языке обозначает не только место рождения, но и объединение РОДных (предков и потомков), историю наРОДа вообще.

Не только грамматическая принадлежность лексем *Русь*, *Россия*, *Родина* к женскому роду делает эти слова синонимами. Объединяющим является РОДственное отношение граждан к РОДной стране, как к самому РОДному человеку – РОДной матери, что и нашло свое отражение в устойчивом выражении *Родина-мать*.

Актуализация женского начала в образе России произошла в конце 1990-х гг., что отразилось в лозунговом арсенале страны и корпусе КВ, выражающих вновь проснувшуюся у граждан любовь к отечеству [Шулежкова 2016: 51]. Наиболее значительные следы оставили в русском языке КВ, отражающие патриотические чувства граждан страны: *Как невесту, Родину мы любим, / Бережем, как ласковую мать* [Шулежкова 1995: 44-54]; *Любовь моя, Россия* [Шулежкова, вып. 3, 1994: 65]; *На просторах Родины чудесной* [Шулежкова, вып. 2, 1993: 105]; *Родина-мать зовет* [Шулежкова, вып. 4, 1994: 120; Дайте

миру шанс! 2016: 193-194]; *Человек проходит, как хозяин, необъятной Родины своей* [Шулежкова 2003: 347]; *Хороша страна Болгария, / Но Россия лучше всех* [Chlebda 2003: 607-608] и др. Россия в образе Родины-матери отчетливо прослеживается во всех видах российского искусства: и в литературе, и в живописи, и в кинематографии.

Известнейшим визуальным образом Родины-матери является изображение женщины с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (подробнее об его истории и использовании в современном коммуникативном пространстве см. [Позднякова 2016: 591-593]). Ни у кого не вызывает сомнения, что женский образ на плакате Тоидзе (кстати, созданном в первые часы после объявления войны) – это образ Родины. Поэтому, на наш взгляд, нельзя согласиться с точкой зрения Н. Галимуллиной, что в военных плакатах образ женщины перерос в образ Родины-матери; на них Родина предстает в образе женщины (Рис. 17-19).

Хотя, конечно, начиная с довоенного периода, использование женских образов на плакатах являлось своеобразным инструментом пропаганды политики СССР. «Уже тогда, в контексте подготовки к отражению военной угрозы, наметилась тенденция гендерного подхода к отображению идеологии» [Галимуллина 2014: [http](http://)]. При этом, «доминирующим типом женственности был образ молодой женщины, комсомолки, занимавшейся одним из военизированных видов спорта. Образ летчицы или парашютистки из всех женских репрезентаций был максимально приближен к доминирующему типу советской мужественности того времени» [Морозова 2009: 343]. В годы Великой Отечественной войны сохранялась подобная тенденция: женские образы были репрезентантами советской гражданки как патриота, боевого товарища (Рис. 20). Противопоставленным им оказа-

лись «женские образы, неискаженные социально-обусловленной направленностью»: матери, возлюбленные, дочери, воплощавшие «беззащитность», «охраняемое» и, бесспорно, имевшие гораздо большее воздействие на зрителя (Рис. 21-23) [Галимуллина 2014: <http>].

Неверно думать, что Россия / Родина в женском образе либо в образе матери в плакатном искусстве появилась только в годы Великой Отечественной войны. Яркими примерами являются плакаты времен Первой мировой войны (см. рис. 24, в котором дихотомия *Россия / Родина* пополнена еще одним компонентом – *Москва*, символизирующим не только столицу государства, но и всю страну). На фоне многочисленных плакатов с Россией-медведем, Россией-казак на плакате «Согласие» Россия, наряду с Англией и Францией, выступает в облике греческой богини. Плакат символизирует «Антанту» – тройственный союз, противостоявший коалиции Германии, Австро-Венгрии и Османской империи в Первую мировую войну. Женские фигуры на плакате символизируют Веру, Надежду, Любовь:

Франция, с сердцем в руках, олицетворяет любовь, Англия с якорем (морская держава) – надежду, а Россия, занимающая на плакате центральное место, – веру. Она изображена в царском венце, держащей над головой в правой руке православный крест, а левой придерживающей щит. На кровавом фоне воюющих людей Франция и Англия с мольбой смотрят на Россию: недаром под фигурами плаката помещены слова «Надежда в ней [Англии – Н.В., А.О.] всегда живет / На мощь, величие России ...». Нельзя не согласиться с комментарием В.А. Найдич: авторы плаката «в патриотическом раже принизили даже союзников» [Найдич: <http>].

Таким образом, в разные исторические периоды визуально Россия была представлена различными образами, но все они пропитаны гордостью, величием, достоинством и самоуважением. Какой же визуальный образ современной России может объединить предков и потомков великой России? Невероятно трудный вопрос. Ясно одно: в современной геополитической обстановке назрела необходимость противопоставить «водкам-матрешкам» образ настоящей России – великой и сильной мировой державы. Визуальный образ России должен стать результатом комплексной системной работы по формированию репутации государства, целенаправленной пропагандистской работы для поддержания «нужного градуса» отношения к стране как среди самих граждан, так и извне.

Литература

Анохина, С.А. Чиновники в лозунгах и лозунги чиновников / С.А. Анохина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3 (53). – С. 66-72.

Вальтер, Х. Немецкие политические плакаты с периода Веймарской республики до наших дней / Х. Вальтер // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса: колл. моногр. – Грайфсвальд: ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016. – С. 64-80.

Веригин, А. Плакаты Первой мировой войны [Электронный ресурс] / А. Веригин // Army-News, 05.12.2011. – Режим доступа: <http://army-news.ru/2011/12/plakaty-pervoj-mirovoj-vojny/> (дата обращения: 02.06.2017).

Галимуллина, Н.М. Женские образы в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Н.М. Галимуллина // Вестник Социально-педагогического института. – 2014. – Режим досту-

па: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-obrazy-v-sovetskoj-propagande-perioda-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 16.06.2017).

Гранина, Н. Игра в ассоциации. Чиновники решили поменять образ России [Электронный ресурс] / Н. Гранина // Лента.ру, 23.04.2015. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/04/23/brend/> (дата обращения: 20.07.2017).

Кудрина, Н.В. Фразеологизмы – наименования локальных объектов в поэзии Анны Ахматовой / Н.В. Кудрина // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 14. – С. 9-12.

Морозова, Е.А. Семантика женской сексуальной привлекательности в советской культуре 30-х годов / Е.А. Морозова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 3. – С. 341–344.

Найдич, В.А. Плакаты времен первой мировой войны [Электронный ресурс] / В.А. Найдич // Парки Москвы. – Режим доступа : <http://moskvpark.aidich.ru/novopeschani/picbig/92plakat.htm> (дата обращения: 20.07.2017).

Позднякова, Н.В. Советские плакаты в современной коммуникации / Н.В. Позднякова, Д.В. Жигулина // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – С. 150-174.

Позднякова, Н.В. Роль советских агитплакатов в современной коммуникации / Н.В. Позднякова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко (28–30 сентября 2016 г., Екатеринбург). – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – С. 585-594.

Прокопенко, И.С. Злые мифы о России. Что о нас говорят на Западе? / И.С. Прокопенко. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 288 с.

Пути преодоления конфликтогенных ситуаций: толерантные стратегии и тактики : учеб. пособие / О.Е. Чернова, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова» ; Науч.-исслед. словарная лаборатория ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. – 125 с.

Россия, Нефть и Черная краска [Электронный ресурс] // ЖЖ, 18.06.2011. – Режим доступа : <http://greenlab-media.livejournal.com/tag> (дата обращения: 18.06.2017).

Уразаева, Н.Р. Концептуализация образа России в немецких СМИ: перемены к лучшему? / Н.Р. Уразаева, Е.А. Морозов // *Мировая политика*. – 2017. – № 3. – С. 141-154.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1999. – Т.2. – 560 с.

Шулежкова, С.Г. Два пути от невинной любви к Отечеству – патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова // *Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса* / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016. – С. 50-63.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения из области искусства : материалы к словарю / С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МГПИ, 1994. – Вып. 4. – 164 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения из песен 2-й половины 1940-х – начала 1990-х годов (Материалы к словарю крылатых выражений из области искусства) / С.Г. Шулежкова. Вып. 3. – Челябинск : Факел, 1994. – 135 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения из советской массовой песни 1930-х годов в современном русском языке / С.Г. Шулежкова // *Функционирование языковых единиц современного русского языка : межвуз. сб. науч. тр.* / под ред. Ф.И. Никоновой. – Магнитогорск : Изд-во МГПИ, 1995. – С. 44–54.

Шулежкова, С.Г. Песенные крылатые выражения (XVIII в. – середина 40-х годов XX в. (Материалы к словарю крылатых выражений из области искусства) / С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МГПИ, 1993. – Вып. 2. – 155 с.

Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1000 крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник»; изд-во «Русские словари», 2003. – 430 с.

Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W.M., Mokijenko, S.G. Shuležkova. – Łask : Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2003. – 706 s.

*Natalia V. Pozdnyakova, Aleksandra A. Osipova
Magnitogorsk, Russia*

THE VISUAL IMAGE OF RUSSIA IN DYNAMICALLY CHANGING POSTER ART

Abstract. In this article, the authors make an attempt to retrace the fate of the visual image of Russia since the moment of its first appearing in political posters

of the end of the 19th – the beginning of the 20th century, and till the time, when there were the tries to create the country brand under the circumstances of political infighting with the West. The authors analyze several images, which have formed the basis for the visual presentation of Russia. It is proved, that the “bear” image of the country appeared with the help of the western political caricatures of the end of the 19th century. At first, the native artists put masculine sense into the image of Homeland, but at the time of historical shocks, the masculine image has been transformed into female image of Motherland. The visual images of Russia, created in native poster art, are steeped in pride, greatness and advantage. Nowadays, in adversarial relationship between our country and the West, in information war Russia is visually represented as an aggressor. At the same time, native artists still use the stereotypic image of Russia in the form of a bear with a balalaika, vodka and matryoshka dolls. Therefore, there is a need to put up a fair image of Russia as a great, strong and powerful country against the “vodka-matryoshka” image.

Key words: Russia, Homeland, poster, Motherland, visual image

*Л.Д. Пономарева
Магнитогорск, Россия*

ОБРАЗ РОССИИ В РЕЧЕТВОРЧЕСТВЕ УЧАЩИХСЯ (ценностно-смысловой подход к языковому образованию)

Аннотация. В статье рассматривается ценностно-смысловой подход к языковому образованию, предполагающий формирование ценностных ориентиров и смысловых установок для действий и поступков учащихся. Диагностическими и обучающими средствами, реализующими названный подход к обучению русскому языку, являются ассоциативная карта и тексты, многоаспектная работа с которыми способствует развитию речетворческой деятельности учащихся на уроках русского языка. В ассоциативном эксперименте, представленном в статье, принимали участие учащиеся и студенты, которым было предложено заполнить ассоциативную карту, при этом речетворческим стимулом выступило слово «Россия». Анализ результатов эксперимента выявил не только доминирующие реакции на слово-стимул, но и показал отношение учащихся и студентов к России. Сравнивая результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в девяностые годы двадцатого века и представленного в «Русском ассоциативном словаре», и результаты эксперимента, проведенного в настоящее время, следует отметить, что неизменно доминирующими реакциями по-прежнему остаются *страна, роди-*

на, мать. В качестве речетворческого стимула учащимся было предложено слово «Детство», неразрывно связанное с *родиной, семьей, домом*. Учащиеся заполнили ассоциативную карту и подготовили сочинения на тему «Мое детство», фрагменты которых представлены в статье.

Универсальным диагностическим и обучающим средством являются ученические тексты, многоплановая работа с которыми позволяет, развивая речетворческие способности учащихся, решать при этом дидактические задачи урока русского языка.

Ключевые слова: ценностно-смысловой подход, ассоциативная карта, речетворческая деятельность

Современная система языкового образования предполагает наряду с общепризнанными и активно внедряемыми в процесс преподавания русского языка личностно-ориентированным, коммуникативно-деятельностным и компетентностным подходами, реализацию ценностно-смыслового подхода, который позволяет формировать не только универсальные учебные действия учащихся, но и их ценностные ориентиры: способность видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, опираясь при этом на ценностно-смысловые установки.

Речетворческая стратегия обучения русскому языку направлена на решение не только образовательных, но и воспитательных задач, приоритетной среди которых следует считать задачу воспитания чувства патриотизма. Воспитательный аспект процесса обучения русскому языку в настоящее время приобретает особую актуальность в связи с утратой идеалов, обострением международной обстановки, терроризмом. Сегодня необходимо помочь учащимся разобраться в происходящем, противостоять навязываемому извне предательству основных жизненных ценностей. Дидактическое пространство уроков русского языка, литературы, истории позволяет в полной мере решать поставленные задачи.

Речетворческая деятельность учащихся, связанная с восприятием и продуцированием текстов разной стилевой и жанровой принадлежности, требует постоянной диагностики развития речетворческих умений учащихся и корректировки обучающей программы.

Диагностирующим и обучающим средством на уроке русского языка является ассоциативная карта, заполнение которой позво-

ляет не только «разбудить» ассоциативную память обучающихся, но и представить их отношение к предложенному в качестве стимула понятию. Ассоциативную карту заполняли учащиеся 5 класса, 11 класса, студенты гуманитарного института. В качестве речетворческого стимула было предложено слово «Россия».

Анализ результатов заполнения ассоциативных карт учащимися и студентами показал, что ассоциативное поле понятия «Россия» представлено следующими словами-реакциями:

5 класс

дом, семья, мама
город, друзья, школа
страна, президент, Москва, Красная площадь
любимая, дружная, красивая, многонациональная, большая
флаг, герб, гимн
сказка, русская красавица, язык, песня
катастрофа, смерть, слезы
бедность, маленькие пенсии
война, победа, ветераны
гордость, мужество, храбрость, вера, любовь к родине

11 класс

береза, балалайка, валенки, лапти, медведь, водка, матрешка,
самовар, борщ, пельмени
держава, одно целое, единство, могущество
Путин лучший, нашего президента все знают, правительство,
сильная армия
Крым наш, Гагарин
русский народный фольклор, песни
масленица, крещение, пасха
плохие дороги, дорогое лекарство, платное образование, дорогое жилье
самые красивые девушки
природа, леса, поля
победа, великая память

Студенты

великая история, победа, гордость, праздник со слезами на глазах
Путин, авторитет в мире

государство, власть, сила, перспективы, рост
российские ученые (Циалковский, Менделеев)
великие писатели (Пушкин, Некрасов, Толстой, Есенин, Достоевский)

Родина, дом, мама, семья, счастье
культура, русский язык
творчество, песни, сказки
дороги, деревни
спорт, победы, лыжи, биатлон, проблемы с допингом
самовар, печка, блины
душевность, гостеприимство
богатая, красивая, большая, родная
патриотизм, величие, самобытность, независимость, нестигаемость, самодостаточность, духовность, красота, военная мощь
душа, вера, сила

Для учащихся 5 класса Россия – это прежде всего ее атрибуты: флаг, герб, гимн, президент; в числе проблем, которые требуют решения, – бедность, маленькие пенсии; для учащихся 11 класса Россия – это не только богатство, красота и величие, но и проблемы, которые необходимо решать: теракты, катастрофы и гибель людей, плохие дороги, дорогое лекарство, платное образование, дорогое жилье и др.; для студентов Россия – это патриотизм, величие, самобытность, независимость, нестигаемость, самодостаточность, духовность, красота, военная мощь.

В «Русском ассоциативном словаре» по результатам ассоциативного эксперимента, который проводился исследователями с 1988 по 1997 гг., были зафиксированы следующие реакции студентов вузов на слово-стимул «Россия»: *«страна, родина, мать, молодая, ма- тушка, наша, флаг, великая, государство, березка, беспредел, боль- ная, большая, будущее, величие, в нищете, во мгле, восстанавлива- ется, выругаться, гордость, гостиница, Грузия, держава, Ельцин, звезда, концертный зал, лес, любимая, мать ваша, мир, многостра- дальная, может выжить, Москва, моя, наша родина, простор, от- чество, патриотизм, Русь, свободная, СНГ, телевизор, терпение»* [Караулов, т. 1, 2002: 561]. Наиболее частотными среди приведен- ных реакций были *страна, родина, мать*.

Доминантами в ассоциативных картах учащихся с учетом частот- ности явились следующие реакции: *родина, семья, язык, родная природа*.

В качестве диагностического и обучающего речетворческого стимула учащимся было предложено слово «Детство», напрямую связанное с *родиной, домом, матерью, семьей*. Анализ результатов заполнения ассоциативных карт учащимися и студентами показал, что ассоциативное поле понятия «Детство» представлено преимущественно следующими реакциями: *дом – мама – семья – бабушка – забота – любовь – любимые игрушки – лето – деревня – букет ромашек – игры – качели – сладости – смех – друзья – счастье – гармония – беззаботность*. После заполнения ассоциативной карты учащимся было предложено подготовить сочинение на тему «Мое детство». Вот фрагменты некоторых из них:

Детство – это время открытий и дружбы, время музыки и спортивных достижений. Детство – это время мечтаний: я стану взрослой и буду учить детей, как моя первая учительница. Детство – это время моего любимого праздника Нового года, запаха апельсиновых корочек и костюма снежинки на празднике в школе. Детство – это время книг, которыми был полон дом. Детство – это время, когда в доме пахло яблоками и блинами моей бабушки. Детство – это время всеобщей любви!

Деревья большими кажутся в детстве, тогда и трава зеленее и небо синее. Все в детстве кажется ярким, необычным, фантастическим. Приезжаешь в родной город, идешь по знакомой улице мимо тополей, по которым уже успела соскучиться. Тополя – это память, это тот свет и тепло, которые дарит родительский дом, родина.

Мое детство прошло в деревне. Все запахи лета, весны, зимы и осени – все из детства. Зимой – дымок печных труб, морозный воздух. Дедушка запрягает лошадь в сани. Лошадь фыркает, пахнет соломой. Я прошу прокатить меня. Здорово! Весна – вся улица в ручьях. Очень хочется встать именно в лужу. Солнечные зайчики. Птицы щебечут. А вот лето – это долгая, вкусная, веселая пора. У нас большой сад. Много ягод, цветов. Бабуля очень любила цветы. По воскресеньям вся семья дружно лепила пельмени и пела песни. А сколько было радости от домашних животных!

Счастливая пора – детство! Счастливая потому, что вместе большой семьей в собственном доме. Дом с голубыми ставнями и голубыми воротами. Будни и праздники в нем были не такие, как сейчас. Встречи с родственниками и друзьями. Смех, музыка, игры, разговоры за полночь. Вишни и яблони белоснежные по весне, ярко-

красные гроздья рябины по осени. Весной особенно радовали глаз пышные кусты сирени. Каждую весну я с гордостью несла охапки душистой сирени в школу.

Диагностирующим и обучающим средством на уроке русского языка являются специально отобранные ученические тексты, многоаспектная и разнообразная работа с которыми позволяет решать дидактические задачи урока русского языка. Анализ текста сопровождается, как правило, дополнительным речетворческим диагностическим заданием:

Какое слово Вы написали бы на запотевшем от дождя окне? Какие события, воспоминания связаны у Вас с этим словом? Расскажите об этом.

В доме никого нет. Тишина. Но вот где-то за околицей слышатся мерные капли начинающегося дождя. Они все настойчивее барабанили по карнизу, звук их приближается, нарастает и, наконец, врывается сквозь распахнутые окна могучим аккордом. Так дышит зрелая весна. Она объявляет открытым сезон дождей. Дождь гремит по крышам, ликует, обещая впереди первые майские грозы и череду милых летних обязанностей.

В такие минуты хочется думать о хорошем, о светлом, и, улыбаясь весеннему веселому дождю, я медленно вывожу на запотевшем окне _____.

Анализ результатов выполнения учащимися речетворческого задания показал, что обучающиеся на запотевшем от дождя окне написали самые главные в их жизни слова: *мама, мир, любовь, родина, дом, нежность, семья, я.*

В процессе обучения русскому языку воспитание чувства патриотизма невозможно без воспитания чувства любви к родной природе. С этой целью предлагаем учащимся для анализа соответствующие воспитательной цели урока ученические тексты, позволяющие диагностировать уровень развития речетворческих способностей авторов, умения видеть, слышать, чувствовать родную природу.

Приведенный ниже ученический текст является речетворческой реакцией автора на стихотворение К. Бальмонта «Аромат солнца».

Желтый диск медленно уплывал за горизонт, разбрасывая всюду свои жаркие золотистые лучи. Свет от них лился гладкий и ровный, словно мед. Солнечный свет, вечный свет!

Каждый год все ждут, когда установятся длинные дни, чтобы насладиться теплом. После тусклого зимнего солнца весеннее солнце ослепляет. Оно отражается в глазах детей, ведь именно они одними из первых греются под его благословляющими лучами. Солнечные лучи радуются своей свободе, охотно отдают себя, посылая рыжими веснушками юные улыбочивые лица. Особенно прекрасно весеннее вечернее солнце. Разогревшись за день, оно становится медным. Янтарные одуванчики – эти земные солнышки – ловят материнские лучиходящего солнца и засыпают, склоняя свои яркие головки.

Предзакатное солнце плавно опускается за горизонт, унося за собой поржавевшие за день лучи.

Приведенный ниже ученический текст является речетворческой реакцией автора на рассказ И. Бунина «Сосны».

Тишина. Вокруг такая тишина, что можно услышать размеренную беседу гор, которую они не спеша ведут между собой. Их острые неровные вершины врезаются в небо, рассекая его. Все это похоже на сказку или застывшую на мгновение музыку, и лишь снег, хотя тоже немного нереальный, сказочный, напоминает нам о том, что время не остановилось, а идет, совершая свой привычный круг. Но лежа на спине на снегу, всем своим существом ощущаешь отсутствие границ во времени и пространстве: ты их перестаешь замечать, причем время останавливается внутри тебя. И эти удивительные мгновения, которые могут длиться часами, не забываются никогда.

Анализ специально отобранных текстов на уроках русского языка позволяет успешно решать комплекс задач, среди которых особую ценность представляют воспитательные задачи процесса обучения русскому языку.

Таким образом, активное использование ассоциативных карт и текстов как средств диагностики и обучения речетворческой деятельности учащихся в процессе реализации ценностно-смыслового подхода к языковому образованию способствует формированию языковой личности с активной жизненной позицией гражданина Российского государства.

Литература

Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю.Н. Караулов – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2002. – Т. 1.

От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин. Е.Ф. Тарасов. – 784 с.

*L.D. Ponomaryova
Magnitogorsk, Russia*

IMAGE OF RUSSIA IN STUDENTS SPEECH CREATION (value-semantic approach to the language teaching)

Abstract. This article deals with a value-semantic approach to language teaching, including the formation of value and semantic goals for students' actions and performance. Associative card and text, multifaceted work contributed to the development of speech creative actions at Russian lessons are diagnostic and training tools that implement the above mentioned approach to teaching the Russian language. Pupils and students taking part in an associative experiment, presented in the article, were asked to fill in the associative map, while speech creative stimulus became the word "Russia". Results analysis of the experiment not only revealed students' dominant reaction to the stimulating word, but also showed the attitude of the students to Russia. Comparing the results of the associative experiment conducted in the nineties of the twentieth century and represented in the "Russian associative dictionary" and the results of the experiment, conducted nowadays, shows that *country, homeland, mother* are still consistently dominant reactions. As a speech creative incentive, students got the word "childhood", which is unbreakably connected with their *motherland, family, home*. Students filled in the associative map and produced compositions on the topic "My childhood", fragments of which are presented in the article. Students texts are Universal diagnostic and training means. Multifaceted work allows developing speech creative ability of students to solve Russian language lesson tasks while teaching.

Key words : value-semantic approach, associative card, speech creative actions

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: В условиях мира тотальной коммуникации неуклонно растет интерес к политическому дискурсу в научном сообществе, что вполне объяснимо. Официальный дискурс политического субъекта в силу своей природы конструирует образ государства. На его содержание оказывает влияние множество факторов, в том числе и не относящихся непосредственно к языку. Поэтому становится актуальным вопрос выбора методологии анализа политического дискурса. Одним из таких методологических подходов может стать методологический герменевтический стандарт. В статье предпринята попытка исследования содержания официального политического дискурса на основе его применения. Образ России – одна из «вечных» тем дискурса официального политического субъекта. Содержание официального политического дискурса всегда обусловлено временем и «таит» в себе определенный социальный заказ. Тем не менее, в нем одновременно присутствуют прошлое, настоящее и будущее. Через призму выступлений лидеров политических партий современной России можно увидеть образ самой России. Поэтому анализ текста выступлений политиков следует проводить не только на уровне собственно лингвистических характеристик. Вместе с тем репрезентация того или иного образа оказывает влияние на самого репрезентирующего.

Ключевые слова: политический дискурс, репрезентация, герменевтика, партийный лидер, образ, язык, текст

Осмысление того или иного феномена социальной реальности невозможно без «проникновения» в социокультурный контекст и исторического анализа среды его существования, ибо он сам, с одной стороны, есть неотъемлемый момент истории и, с другой, насколько ему позволяют творческие способности и возможности, «творит» историю. Социальные феномены развиваются вместе с развитием общества и его культуры. Следовательно, язык как важнейший компонент культуры становится объектом анализа.

В условиях настоящего времени, когда мир оказался опутанным сетями коммуникации, постоянно осуществляющими репрезентацию, которая приобрела тотальный характер, репрезентировать можно *все*: кого/что угодно и кем/чем угодно. Вместе с тем репрезентация есть не только то, что репрезентируется, но еще и тот, кто репрезентирует [Порти 1997; A Companion to Epistemology 1997 и др.]. Следовательно, возникает ситуация, когда выбор репрезентируемого осуществляет субъект репрезентации, для которого важно не только *знать* о презентуемом, но и *понимать* его. Однако понимание должно обладать некоторыми предположениями о презентуемом объекте как части целого, поскольку представления *о части* складываются из представлений *о целом*, оформляясь и закрепляясь, прежде всего, в языковых традициях, обычаях и всех тех формах, которые составляют контекст человеческого бытия и обычно погружаются в бездонные пучины бессознательного. В этой ситуации важно найти смыслы бытийствующих слов, обладающих как своей богатой собственной историей, так и способных к постоянному развитию, ибо они фиксируют «время рождения человеческого опыта» [Гадамер 1988: 319]. Появляется необходимость применения герменевтического методологического стандарта [Кузнецов 2007: 110-111] к анализу специфических текстов или особых знаковых систем, представленных в официальном дискурсе политического субъекта, как в содержательной форме репрезентации социальной реальности.

Герменевтический методологический стандарт предполагает осуществления нескольких шагов, значимых для понимания содержания исследуемого текста. Во-первых, необходимо выделить его существенные признаки, к которым относятся его *знаково-символическая природа*, характеризующая определенные отношения и воспринимаемая непосредственно, а также *содержание информации*, требующей декодирования, т.е. понимания при помощи интерпретации. Значит, необходим анализ языка, как исследуемого времени, так и времени исследователя, которые могут значительно отличаться друг от друга. Во-вторых, необходимо уделить внимание диалогичности исследуемого текста: рассмотреть взаимосвязь смыслового значения текста и его внелингвистических факторов – субъективные намерения автора, его характеристики и внутренний мир, системы архетипов коллективных бессознательных представлений

и т.п. В-третьих, следует при наделении смыслом текста признать наличие множества интерпретаций, оказывающих влияние на субъект репрезентации, поскольку актуальность каждой интерпретации текста содержит в себе определенный социальный заказ. Кроме того, важно учитывать, что герменевтический методологический стандарт сформирован как из классических герменевтических методов и методик, так и из современных – неклассических.

Образ России, как и образ любого государства, – одна из «вечных» тем политического дискурса, и не только российского. Поэтому его репрезентация в официальном дискурсе политического субъекта, с одной стороны, рассматривается как нечто естественное и неотъемлемое, ибо он важнейший элемент сложного мира политического, а, с другой – это один из сложных конструкторов, связанный с фундаментальными смыслами бытия человека.

Повестка современного официального дискурса российского политического субъекта во многом предзадана особенностями развития мирового сообщества и необходимостью определения в нем места России как суверенного государства, а также правилами самого политического дискурса. Под политическим субъектом в рамках данной статьи рассматриваются политические партии, вошедшие по результатам выборов в Государственную Думу Российской Федерации 18 сентября 2016 г., и их лидеры – Д.А. Медведев («Единая Россия» – 54,3 %), Г.А. Зюганов (КПРФ – 13,5 %), В.В. Жириновский (ЛДПР – 13,3 %) и С.М. Миронов («Справедливая Россия» – 6,2 %) [Котов 2016: <http>].

«Вызовы современности», как одно из ключевых понятий настоящего времени, обозначили не столько успехи глобализации мира и интеграции в него различных по своему уровню развития стран и народов, сколько выдвинули на первый план вопросы о суверенности государств в реализации ими права на разработку и осуществление своей собственной линии развития. Следовательно, в официальном дискурсе российского политического субъекта власти образ суверенной России должен занимать одно из центральных мест.

Крушение «железного занавеса», последовавшего за распадом СССР, и поиск новых образцов и стандартов политической деятельности потребовали от политических акторов осознания не только социально-политической и экономической, но и социально-культурной реальности. Именно социально-культурная составля-

ющая играет важную роль в формировании политических дискурсивных практик. Образ России и его репрезентация в официальном дискурсе политического субъекта есть не только фрагмент языкового сознания, но и чувственное отражение реального бытия, глубоко связанное с традициями социокультурной жизни. Традиционно одним из важнейших элементов образа сильной России был напряженный поиск общенациональной идеи как идеала: от экономической самостоятельности [Свято-Русские Веды. Книга Велеса 2005: 253] и святой Руси [Новикова 1997: 19] до соборности не только в религиозном, но и светском понимании, когда общество способно к исторической ответственности перед государством, которое есть начало планомерности в общественной жизни [Франк 1992: 115].

Рассмотрим это на нескольких примерах выступлений лидеров политических партий в течение 2017 г., применяя методологический герменевтический стандарт.

Д.А. Медведев в докладе на Российском инвестиционном форуме «Сочи – 2017» уверенно констатировал, что, хотя сегодня с вызовами мира страна и «научилась справляться», стабилизировав ситуацию, проблем еще достаточно много. Для их решения «требуется интенсивное развитие *регионов* <...> а на этой основе – решение главной задачи: улучшение жизни наших людей» [Медведев 2017: [http](http://)]. Опираясь на статистические данные, премьер-министр показал положительную динамику развития экономики страны, подчеркнув при этом, что впереди предстоит кропотливая работа *всего общества*. При этом важно обратить внимание, что речь Д.А. Медведева прозвучала не как выступление лидера политической партии, а как доклад премьер-министра. Соответственно, этот факт нашел отражение и в содержании выступления, и в структуре его построения. Фактически это была презентация программы деятельности правительства на ближайшие годы через репрезентацию образа новой и сильной России. Премьер-политик, с одной стороны, отчитался перед обществом о работе своей команды – кабинета министров – по выполнению поручений Президента Российской Федерации, с другой – в форме некоего проекта репрезентировал будущее России. Выступление Д.А. Медведева отчетливо показывает влияние внелингвистических факторов на содержание текста, таких, как статус докладчика, характер аудитории, традиции в описании модели российского государства и т.п.

Все другие лидеры российских политических партий (КПРФ, ЛДПР и СП), рассматриваемые в качестве субъекта политической власти, не занимают ключевых государственных постов на текущий момент, что сразу же находит отражение в их риторике, которая позволяет обнаружить методологический герменевтический стандарт. Прежде всего, их риторика более свободна от официального государственного политического дискурса, а от имени политических партий их лидеры могут себе позволить иные, более эмоциональные выражения. В их дискурсе репрезентация образа России осуществляется посредством обращения к основным положениям документов партии, выстроенных с опорой на традиционное представление о сильном государстве.

Так, бессменный лидер Коммунистической партии Г.А. Зюганов в противовес премьер-министру, а не лидеру «Единой России» указывает, что «кризис продолжается, и он будет неизбежно углубляться <...> Регионы продолжают все глубже погрязать в долгах <...> выход из этой спирали падения» требует «задействовать *весь* созидательный потенциал общества», которому нужны перемены. По мнению лидера КПРФ, настал момент, когда «нужно *крепкое единение всех*, кто заинтересован в мирном и демократичном решении накопившихся проблем» [Зюганов 2017: <http>]. В этом фрагменте отчетливо просматривается оппозиционный настрой партии, соответствующий ее традициям после утраты монополии на власть. Однако фактическое голосование членов фракции КПРФ по стратегическим позициям ничем не отличается от позиции правящей партии. Репрезентация образа России как сильного государства строится на основе применения исторического образа объединения всех сил в решающую минуту (дружина А. Невского, ополчение К. Минина и Д. Пожарского и т.п.).

В.В. Жириновский в своей ярко выраженной экспрессивной манере тоже ведет речь о необходимости объединения всех сил России во имя ее благополучия. Общество готово следовать за властью тогда, когда знает правила действий, а эти правила знают только партия ЛДПР и ее лидер. Даже избранный только что президент США Д. Трамп обязан своим приходом в Белый дом непосредственно В.В. Жириновскому, ибо за него голосовали сегодня российские эмигранты, знавшие его ранее как кандидата в президенты России. Все речи оратора наполнены историческими сравнениями по линии «мы и они» – «красные и белые», «Восток и Запад», «либерал-де-

мократы и коммунисты», «правда и ложь» и т.п. [Жириновский в Госдуме 2017: [http](http://)].

Лидер «Справедливой России» С.М. Миронов ведет речь о необходимости оформления *консолидирующей общество идеи*, отражающей самобытность Российского государства и справедливость. Выступления С.М. Миронова во многом схожи с речами славянофилов середины XIX в., протестующих против подражания Западу. Репрезентация образа сильной России происходит через критику всего чужеродного (болонской системы образования и др.) и поиск путей установления справедливости (борьба с коррупцией, отмена платы за капитальный ремонт и т.п.) [Миронов 2017: [http](http://)].

Таким образом, анализируя выступления политического субъекта, можно увидеть, что репрезентация образа России в официальном политическом дискурсе осуществляется через презентацию политиками традиций российской государственности. Вместе с тем образ России как сильного суверенного государства, уважающего и отстаивающего свои ценности, позволяет лидерам политических партий предъявлять себя обществу в качестве субъекта репрезентации.

Литература

Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

Жириновский в Госдуме: гневное вступление, 18.01.2017 [Электронный ресурс] // Youtube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cCviXMhadDY> (дата обращения: 03.03.2017).

Зюганов, Г.А. Время властно требует новой политики: обращение к на родно-патриотическим силам России 2016-12-19 19:35 (обновление: 2017-01-28 01:21) [Электронный ресурс] / Г.А. Зюганов // Сайт КППРФ. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/160948.html> (дата обращения: 28.02.2017).

Котов, А. Итоги выборов-2016 наглядно [Электронный ресурс] / А. Котов, Е. Приемская // Известия, 19.09.2016. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/633206#ixzz4aRqG8hdh> (дата обращения: 04.03.2017).

Кузнецов, В.Г. Герменевтический методологический стандарт / В.Г. Кузнецов // Словарь философских терминов / науч. редакция проф. В.Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2007. – С. 110-111.

Медведев, Д.А. Выступление на пленарном заседании Российского инвестиционного форума «Сочи-2017», 27.02.2017 [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Сайт Правительства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://government.ru/news/26566/> (дата обращения: 01.03.2017).

Миронов, С.М. Нам нужен единый образовательный стандарт на основе традиции и национальной культуры, 26.01.2017 [Электронный ресурс] / С.М. Миронов // Сайт партии «Справедливая Россия». – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/5_80546.html (дата обращения 05.03.2017).

Новикова, Л.И. Русская философия истории / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М. : Магистр, 1997. – 328 с.

Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1997. – 320 с.

Свято-Русские Веды. Книга Велеса / пер. А.И. Асова. – М. : ГРАНД : Фаир-Пресс, 2005. – 575 с.

Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 511 с.

A Companion to Epistemology. Ed. by Dancy J., Sosa E. – Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 1997. – 832 p.

Ekaterina G. Prilukova
Chelyabinck, Russia

REPRESENTATION OF THE RUSSIA'S IMAGE IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF THE POLITICAL SUBJECT: THE SEARCH OF THE RESEARCH METHODOLOGY

Abstract: In the world of total communication there is a steadily growing interest in political discourse in the scientific community which is quite understandable. The official discourse of a political subject due to the nature of the former constructs the image of the state. Its content is influenced by a number of factors including those which are not related to the language. In this case the choice of the methodology for analyzing political discourse becomes urgent. One of such methodological approaches can be the methodological hermeneutical standard. In the article the author makes an attempt to study the content of official political discourse on the basis of its application. The image of Russia is one of the “eternal” themes of the discourse of the official political subject. The content of official political discourse is always determined by time and at the same time it “conceals” a certain social order. Nevertheless, it simultaneously contains the past, the present and the future. Through the prism of the speeches the political parties’ leaders of the modern Russia we can see the image of Russia itself. Therefore the analysis of the politicians’ speech should be carried out not only at the level of linguistic characteristics basically. At the same time the representation of one or another image influences the representing subject himself.

Key words: political discourse, representation, hermeneutics, party leader, image, language, text

*А.В. Прокофьева
Магнитогорск, Россия*

«ПОДНИМАЕМ РОССИИ ЗНАМЯ!» (к вопросу о патриотических песнях в современной России)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о состоянии патриотической песни в современной России. Материалом для лингвокультурологического анализа послужили творчество группы «Любэ» (песня «Родина-мать»), О. Газманова (песня «Вперед, Россия!»), Д. Майданова (песня «Я поднимаю свой флаг»). Автор считает, что усиление России на мировой арене и укрепление российской государственности вызвали в обществе потребность в создании качественных патриотических песен и что в России есть авторы, способные выполнить данный социальный заказ. Исследование носит комплексный характер: анализируются не только тексты песен, но и их мелодическая основа, а также особенности манеры исполнения и клиповой обработки вокальных произведений.

Ключевые слова: патриотическая песня, современная Россия, О. Газманов, Д. Майданов, группа «Любэ»

«Язык постоянно используется в политических и пропагандистских целях. Одновременно он прекрасный индикатор политических и идеологических перемен» [Тер-Минасова: 2007: <http>]. Слова отечественного лингвиста С.Г. Тер-Минасовой вполне применимы к языку такого любимого народом жанра, как песня. Особенно – если эта песня патриотическая.

Песню изучали в разных аспектах: как феномен советской массовой культуры [Глушаков, 2016]; как особый вид искусства, бытующий в разных жанрах: военная песня [Колесникова 2002], бардовская песня [Распутина 1997, С.Г. Шулежкова 2000; 2001; Михайловская 2006; Прокофьева 2010]; как средство патриотического и нравственного воспитания [Великородная 2009; Прокофьева 2008, 2016]; как источник крылатых выражений [Шулежко-

ва 1992; 1993; 1994а; 1994б; 1995; 2002: 131-145; Chlebeda 2003; Шулежкова 2003; 2013].

Патриотическая тема в песнях постсоветской России, прямо скажем, долгое время была отодвинута на задний план: Советский Союз ушел в историю, и частью этой истории стали песни, отражавшие идеологию партии коммунистов и комсомола. Постмодернистская пародийность, характерная для поэзии и прозы 1990-х, развенчивая официальную идеологию, не способствовала развитию патриотической гражданской песни. Ушедший социалистический строй критиковали, по его поводу иронизировали, а новую власть еще не за что было хвалить (см. об этом подробнее [Шулежкова 1995; 2002: 256-264; Осипова 2003; 2010; 2015]). Груз патриотического воспитания в эти годы взвалила на себя военно-патриотическая песня (назовем для примера ветерана нашей эстрады – ансамбль «Голубые береты»). В одном из интервью руководитель веб-сайта военно-патриотической песни «Автомат и гитара» Н. Плотникова назвала военную песню частью «героической истории, славной судьбы наших народов, народной души». Она пишет: «Западная культура не знает аналогов нашей “афганской”, солдатской песне, не имеющей ничего общего с пафосным гимном, пестрящим идеологическими штампами. Это глубоко выстраданный, лиричный, философский жанр, своеобразный духовный слепок истинного, а не показного патриотизма» [Военная песня: <http>]. Однако военная песня, несмотря на все ее заслуги, имеет свою специфику и ограниченный контингент слушателей.

С 2000-х гг. положение с патриотизмом в гражданской песенной поэзии начинает меняться: усиление России на мировой арене и укрепление российской государственности напомнили российским поэтам-песенникам знаменитые строки Н. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

В 2014–2015 гг. на песенном небосклоне страны появляются три достаточно ярких, на наш взгляд, образцов гражданско-официальной поэзии. В 2014 г. – это песня «За тебя, Родина-мать» («Любэ», слова и музыка И. Матвиенко). Составленная из классических песенных патриотических и фольклорных клише и положенная на гармоническую мелодическую основу (особенно рефрен) с вкраплениями речитатива, «Родина-мать», судя по комментариям в Сети, была принята публикой восторженно. Сама же песня была посвящена

Олимпийским играм в Сочи, однако без затекстного комментария автора слушатель вряд ли соотнесет ее содержание с информацией о спортивных победах: как раз в 2014 г. началась травля России в связи с украинскими событиями. Проникновенное исполнение, сочетание лиризма и пафоса в одном тексте, столь характерные для песен коллектива «Любэ», сделало «Родину-мать» узнаваемой и любимой в нашей стране, славящейся своей песенной культурой. Образ Родины-матери еще потому настолько любим и узнаваем, что восходит к известнейшему плакату И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (об этом подробнее см. [Позднякова 2015: 161-165; 2016]).

В 2015 г. Россия отмечала, как принято сейчас говорить, знаковое событие – 70-летний юбилей Великой Победы. Не случайно в том же году О. Газманов и его молодой, но не менее талантливый коллега по песенному цеху Д. Майданов выпускают в свет похожие по стилистике и содержанию песни «Вперед, Россия!» и «Я поднимаю свой флаг моего государства». Песни и клипы на них также получают восторженную оценку слушателей, несмотря на их (выражаясь словами Ю. Шевчука о поэзии О. Газманова) «кремлевско-паркетную» направленность [Газманов: <http>].

Лозунг *Россия, вперед!* произошел от одноименного названия статьи Д.А. Медведева от 10.09.2014 г. Его значение – ‘призыв к превращению России в свободную, процветающую, сильную страну’ [Словари и энциклопедии на академике: <http>]. Создатели «Словаря современных политических лозунгов России и Германии» говорят о том, что этот лозунг «активно используют как со знаком плюс, так и со знаком минус» [Дайте миру шанс! 2016: 195]. В качестве «знака плюс» в словаре цитируется рефрен песни О. Газманова «Вперед, Россия!» (2015):

*Россия, Россия – в этом слове огонь и сила,
В этом слове победы пламя,
Поднимаем России знамя!
Россия, Россия – в этом слове огонь и сила,
В этом слове победы пламя –
Поднимаем России знамя!
В этом слове источник силы –
Повторяем: – **Вперед, Россия!***

Н. Расторгуев, О. Газманов и Д. Майданов не скрывают своей

гражданской позиции: они открыто поддерживают политику действующего президента, осуждают произвол на Украине и активно занимаются общественной деятельностью. Кроме того, этих авторов объединяет еще и ярко выраженное мужское начало, а в манере исполнения песен – удачное сочетание лиризма и драйва.

Все три песни связаны общим ключевым символом – образом российского флага, ср.: У И. Матвиенко («Любэ») – «Гордо реет над нами нашей Родины знамя»; у О. Газманова – «Поднимаем России знамя»; у Д. Майданова – «Я поднимаю свой флаг – моего государства». При этом Д. Майданов в рефрене намеренно повторяет официальное сочетание *флаг Государства*, не противопоставляя государство – Родине, стране, в отличие, к примеру, от того же А. Розенбаума и вторящей ему группы Lumen: *Я Родину свою люблю, / Но ненавижу государство!* (Розенбаум А.Я., 1996); *Я так люблю свою страну... / и ненавижу государство!* (Lumen, 2006).

Ср. Д. Майданов:

*Я снова делаю шаг. Я поднимаю свой флаг –
Сквозь злые ветры тревог и неверия царства.
В этом бою я в строю. Я верю в правду свою,
И поднимаю свой флаг – моего Государства!
Я поднимаю свой флаг – моего Государства!*

[Майданов 2015].

Однако флаги у поэтов все-таки разные: у И. Матвиенко (если учитывать его комментарий) герои гордо поднимают головы вверх, так как флаг реет на награждении россиян, победителей Олимпиады. У О. Газманова и Д. Майданова слова *флаг/знамя* являются компонентами фразеологизма *поднять знамя* (публ. высок. ‘Начинать борьбу за что л., во имя чего л.’) [Словари и энциклопедии на академике: <http>]. Оба автора используют данный фразеологизм как ключевой символ своих песен-гимнов, призывая народ объединиться и начать борьбу за восстановление чести и славы России.

Небольшие по объему песни О. Газманова и Д. Майданова наполнены мощной энергетикой; перед нами настоящие гимны в стиле рок, при этом наличие всем известных публицистических клише: *страны солдат, отчизны сын, за друга друг, за брата брат, кровь отцов...* (Д. Майданов); *горнило победы, пламя победы, традиции святы, за нами народ, летопись побед...* (О. Газманов) – привносит

в тексты дополнительную патетику. Маршевый ритм и повторы, емкие фразы поневоле заставляют не только запомнить содержание, но и вызывают желание подпевать авторам: так возникает чувство сопричастности с общей идеей песни.

Ключевой образ России представлен в текстах авторов повторами (у О. Газманова слово *Россия* повторяется 21 раз) и синонимичными номинациями: *Россия, Родина, держава, Отечество, страна, отчизна*. Заметим, что у Д. Майданова базовая номинация *Россия* отсутствует вовсе (есть только производная *российский стяг*), в отличие (см. выше) от номинации *государство* (шестикратный повтор, при этом в одном из печатных вариантов текста слово пишется с заглавной буквы). Строфа *Моя Москва – звезда Кремля* усиливает державный характер текста. Д. Майданов, повторим, намеренно не разделяет себя, народ и власть: *Я поднимаю свой флаг – моего Государства, Мы поднимаем наш флаг – своего Государства*.

Один из ярких зрительных образов, сближающих обе песни, – это огонь. Ср.: О. Газманов: *Россия – в этом слове огонь и сила / В этом слове победы пламя*. Д. Майданов: *И каждый свой зажигает очаг, / И каждый свой поднимает флаг; / И наших душ и сердец костры, / Как во тьме маяк!* Ведущая стихия огня в рефренах символизирует силу, свободу и энергию, которые необходимы Родине для ее процветания. Кроме того, у О. Газманова использована развернутая метафора: *В горниле победы сегодня, как встарь, / Опять закаляется Родины сталь* (отсылка к КВ *Как закалялась сталь* заставляет нас вспомнить об испытаниях, которые прошла Россия и которые вновь возникли на ее пути. У Д. Майданова огонь – это и домашний очаг, и душа человека, несущая свет во мраке неверия и мракобесия).

Немаловажную роль в продвижении данных музыкальных композиций сыграли и поставленные по ним клипы, активно раскручивавшиеся в свое время в Сети. Так, в видеоклип О. Газманова (поддержку в постановке которого оказала администрация президента) вошли старые архивные кадры: брошенные к ступеням Мавзолея знамена поверженной Германии, встречи воинов после Победы над фашизмом, первый полет Юрия Гагарина в космос, Олимпиада-80, а также материал о победах нового времени – на Олимпийских играх в Сочи [Газманов: <http>]. Заметим, что в песне и клипе нет слов и кадров, призывающих к захватническим войнам

(это к вопросу о милитаризме, в котором обвинили О. Газманова после выхода клипа).

Удачным музыкальным решением в песне О. Газманова стала и музыкальная реминисценция – отрывок из оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин» «Славься». В свое время мы писали о значимости музыкальных реминисценций в авторской песне [Прокофьева 2010].

Клип на песню Д. Майданова более военизирован, при его просмотре невольно возникают в памяти слова императора Александра III: «У России есть только два союзника – ее армия и флот» [Словарь крылатых слов и выражений: <http://>].

Песня «Родина-мать» имеет не одну клиповую экранизацию, примечательно, что тема Олимпиады появляется лишь в одной из них. Самым необычным и буквально берущим за душу нам, впрочем, показался вариант, где «Родину-мать» исполняет сборный детский коллектив.

Григорий Сковорода, украинский философ XVIII в., когда-то сказал: «Мы должны быть благодарны Богу, что он создал мир так, что все простое правда, а все сложное неправда» [Григорий Сковорода: <http://>]. Для усвоения простых истин, как то: любовь к Родине, стремление сделать ее сильной, процветающей страной, гордиться ее успехами, людям в стихах не нужны сложные метафоры. Сегодня Россия как никогда нуждается в качественных патриотических песнях, наполненных истинным гражданским пафосом, и отрадно, что находятся талантливые создатели и исполнители, не боящиеся прослыть певцами идеологии правящей власти.

Литература

Великородная, Л.А Патриотическое воспитание студентов на основе музыкального наследия : дис. ... канд. пед. наук / Л.А. Великородная. – Воронеж, 2009. – 205 с.

Военная песня – один из факторов становления личности (интервью с руководителем веб-сайта «Автомат и гитара» Натальей Плотниковой [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://club.desantura.ru/user/6007/blog/1920/> (дата обращения: 15.10.2017).

Газманов, Олег Михайлович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Газманов,_Олег_Михайлович (дата обращения: 15.10.2017).

Газманов, О.М. Вперед, Россия! (текст песни) [Электронный ресурс] / О.М. Газманов. – Режим доступа: http://goodsongs.com.ua/song148337_oleg-gazmanov_vpered-rossiya.html (дата обращения: 15.10.2017).

Глушаков, Я.В. Массовая песня в отечественной культуре первой половины XX века : дис. ... канд. искусствоведения / Я.В. Глушаков. – М., 2016. – 191 с.

Григорий Скворода. Цитаты известных людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://citaty.info/man/grigorii-skovoroda> (дата обращения: 15.10.2017).

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть : С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин ; немецкая часть : Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и философии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайсфвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; 2016. – 300с. + 16 с. цв. ил.

Колесникова, Н.А. Военная песня в духовной жизни российского общества : дис. ... канд. культурологических наук / Н.А. Колесникова. – М., 2002. – 180с.

Любэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Любэ> (дата обращения: 15.10.2017).

Майданов, Денис Васильевич [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Майданов,_Денис_Васильевич (дата обращения: 15.10.2017).

Майданов, Д.В. Я поднимаю свой флаг... (Текст песни) [Электронный ресурс] / Д.В. Майданов. – Режим доступа: <https://www.gl5.ru/maidanov-denis-flag-moego-gosudarstva.html> (дата обращения: 15.10.2017).

Михайловская, А.Г. Российская авторская (бардовская) песня: историко-этнологическое исследование : дис. ... канд. ист. наук / А.Г. Михайловская. – М., 2006. – 368 с.

Осипова, А.А. Интертексты-советизмы и библейские реминисценции в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» / А.А. Осипова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сб. докл. междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 12-14 ноября 2003 года) / ред.-сост. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2003. – С. 351-358.

Осипова, А.А. «Нам песня строить и жить помогает...» (песенные интертексты в художественной картине мира В. П. Астафьева) / А.А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2010. – № 4 (30). – С. 188-196.

Осипова, А.А. Советские лозунги в художественной литературе и в современной публицистике конца XX – начала XXI в. / А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 161-166.

Позднякова, Н.В. Роль советских агитплакатов в современной коммуникации / Н.В. Позднякова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко (28–30 сентября 2016 г., Екатеринбург). – М. ; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 585-594.

Позднякова, Н.В. Советские плакаты в современной коммуникации / Н.В. Позднякова // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-ArndtUniversität, 2015. – С. 150-174.

Прокофьева, А.В. Лингвистический анализ текста на фразеологическом уровне (на материале «Песенки про Козла отпущения» В. Высоцкого) / А.В. Прокофьева // Использование современных технологий в образовательном процессе : сб. тр. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию МаГУ. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2008. – С. 306-309.

Прокофьева, А.В. Фразеологические единицы и реализация базовых текстовых категорий в бардовском поэтическом тексте (на материале поэзии В.С. Высоцкого) / А.В. Прокофьева // Вестник Магнитогорского государственного университета. – 2010. – № 12. – С. 115-127.

Прокофьева, А.В. Авторская песня как средство формирования нравственных ориентиров младших школьников / А.В. Прокофьева, И.П. Якушко // Научный результат. Серия: Педагогика и психология образования. – 2016. – Т. 2. – № 4 (10). – С. 29-32.

Распутина, С.П. Социально-ценностное и мотивационное своеобразие советского бардового движения 1960–1980-х годов : дис. ... канд. филос. наук / С.П. Распутина. – М., 1997. – 177 с.

Словари и энциклопедии на академике [Электронный ресурс] // Сайт «Академик». – Режим доступа: https://phraseology.academic.ru/8853/Поднять_знамя (дата обращения: 15.10.2017).

Словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2782/%D0%A3 (дата обращения: 15.10.2017).

Розенбаум, А.Я. Родину свою люблю, но ненавижу государство (текст песни) [Электронный ресурс] / А.Я. Розенбаум. – Режим доступа: <http://teksty-pesenok.ru/rus-aleksandr-rozenbaum/tekst-pesni-ya-rodinu-svoyu-lyublyu-po-nena/1729758/> (дата обращения: 15.10.2017).

Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур [Электронный ресурс] / С.Г. Тер-Минасова // Вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации : учеб. пособие. – 2007. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5457911/> (дата обращения: 15.10.2017).

Шулежкова, С.Г. Библейские крылатые выражения в поэзии В.В. Высоцкого / С.Г. Шулежкова // Мир Высоцкого: Исследования и материалы / сост. А.Е. Крылов и В.Ф. Щербакова. – М. : ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2001. – Вып. 5. Т. 2. – С. 210-220.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения из области искусства : материалы к словарю / С.Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1994а. – Вып. 4. – 162 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения из песен 2-й половины 1940-х – начала 1990-х годов : материалы к словарю крылатых выражений из области искусства / С.Г. Шулежкова. – Челябинск : Изд-во ЧГПИ, 1994б. – Вып. 3. – 135 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения из советской массовой песни 1930-х годов в современном русском языке / С.Г. Шулежкова // Функционирование языковых единиц современного русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ф.И. Никоновой. – Магнитогорск : Изд-во МГПИ, 1995. – С. 44-54.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. «Мы крылья и стрелы попросим у бога...» (Библейские крылатые единицы в поэзии В. Высоцкого) / С.Г. Шулежкова // Мир Высоцкого: Исследования и материалы / сост. А.Е. Крылов и В.Ф. Щербакова. – М. : ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2000. – Вып. 4. – С. 195-208.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным : очерки о судьбах библейских крылатых выражений : моногр. / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 260 с.

Шулежкова, С.Г. Песенные крылатые выражения (XVIII в. – Великая Отечественная война) : материалы к словарю крылатых выражений из области искусства / С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МГПИ, 1992. – Вып. 2. – 155 с.

Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1000 крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : «Азбуковник»; изд-во «Русские словари», 2003. – 430 с.

Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Shuležkova. – Łask : Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2003. – 706 s.

Lumen. Я так люблю свою страну... и ненавижу государство (текст песни) [Электронный ресурс] / Lumen. – Режим доступа: <https://www.gl5.ru/lumen-gosudarstvo.html> (дата обращения: 15.10.2017).

Aleksandra V. Prokofieva
Magnitogorsk, Russia

“WE ARE HOISTING THE RUSSIAN COLOURS!” (Revisiting the patriotic songs in modern Russia)

Abstract. The article deals with patriotic songs in modern Russia. The songs of “Lyube” band (“Motherland”), O. Gazmanov (“Go, Russia!”) and D. Maydanov (“I hoist my colours”) became the language material for the linguoculturological analysis. The author believes that strengthening of Russia’s position on the global stage and the consolidation of the statehood have driven the need to create good patriotic songs, and there are Russian song writers, who can fulfill the social order. The study has the complex character: the author analyzes not only the lyrics of the songs, but also their melody, performing manner and music videos.

Key words: patriotic song, modern Russia, O. Gazmanov, D. Maydanov, “Lyube” band

O.B. Франчук
Магнитогорск, Россия

ИСТОКИ НАРОДНОЙ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ КАК ФАКТОР ЕЕ САМОБЫТНОСТИ

Аннотация. В славянском языческом ритуале были тесно связаны поэзия, магия, музыкальное и хореографическое исполнение. С принятием христианства обрядовые песни и пляски стали вызывать резко негативную реакцию православного духовенства и наделяются отрицательной сакральностью: игровые формы поведения ассоциировались лишь с чертями, лешими и русалками и считались абсолютно недопустимыми для

благочестивых христиан. В православной церкви весь чин богослужения сопровождало церковное пение, а сама способность петь признавалась отличительной характеристикой ангелов и благочестивых христиан. До XVII в. источники фиксируют четкое противопоставление церковного пения и народных плясок, песен и игр. О народном вокальном жанре никогда не говорили «петь песню», народную песню только «играли». Но постепенно церковное пение стало испытывать влияние народного искусства. Большую популярность в народе приобрели духовные стихи, которые носили сугубо религиозный характер, но были просты и понятны для большинства христиан. В настоящее время Русская Православная церковь все больше сближается с народным искусством и даже выступает инициатором проведения балов для православной молодежи.

Ключевые слова: языческий ритуал древних славян, игра, пляска, песня, церковное пение, концепт, концептосфера

Славянское музыкальное творчество возникло в недрах славянского язычества задолго до появления древнерусской государственности и принятия христианства. Формально совпадая с некоторыми этапами становления европейской музыкальной культуры, музыкальное искусство Древней Руси развивалось особым путем, определившим духовное, эстетическое и стилистическое своеобразие славянской культуры последующих столетий.

Самобытность русских игр, песен и плясок (да и всей народной культуры в целом) объясняется многими причинами. В первую очередь исследователи указывают на специфическое географическое положение Древней Руси между Востоком и Западом. Кроме того, одним из важнейших факторов называют противоречивую ментальность русского народа, антиномичность его эстетических установок, способность одновременно сочетать полярные начала и «впадать в крайности». Эта самобытная черта проявилась в многовековом параллелизме развития фольклора (сочетающего специфические игры, песни и пляски), с одной стороны, и церковно-певческого искусства – с другой при отсутствии «середины» – светского профессионального творчества вплоть до XVIII в. [Рапацкая 2001: 8-9].

Древнейшей религией славян, их мировосприятием и мироощущением было язычество. Оно охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной,

так как, по словам Н.И. Толстого, вся культура была проникнута убежденностью ее носителей в постоянном присутствии сверхъестественной силы во всех процессах и «способности сверхъестественной силы к различным метаморфозам, обращениям то в козла, то в собаку, кота, копну сена, черный клубок, младенца и т.п.» [Толстой 1996: 145]. По убеждению древнего славянина-язычника, этой силой была наделена вся вселенная, с нею приходилось иметь дело, и она была опасна. Эту силу можно было умилостивить и даже отпугнуть, что и совершалось неоднократно при помощи особых обрядов и традиций.

Несмотря на то, что сегодня сам языческий обряд описать достаточно сложно, можно с уверенностью утверждать – в нем были неразрывно связаны поэзия, магия, музыкальное, словесное и хореографическое исполнение. Для их обозначения использовался общеславянский термин **plesati* (ср.: словен. *plesati*, словц. *plesat'*, польс. *plasać*, полаб. *p'osat*, ст.-сл. **пласати**) [Фасмер 1989, т. 3: 291]. П.Я. Черных указывает, что «бесспорно родственных образований в других индоевропейских языках не обнаружено, а готс. *plinsjan* 'танцевать' заимствовано из праславянского» [Черных 1999, т. 2: 46]. А. Брюкнер считает глагол *plesati* родственным словам с корнем *plešk-*, *plěsk-* (плескать, плеснуть): серб. *pljeskāti*, рус. *плескать*, лит. *pleszkėti*, *plaskoti* [Brückner 1970: 417].

Характерно, что проанализированные нами письменные памятники как старославянского, так и древнерусского происхождения фиксируют глагол **пласати** / **плясати** только в значении 'совершать обрядовый языческий танец'. К примеру, в Лаврентьевской летописи читаем: «**Радимичи и вятичи и сѣверъ • ѡдинъ ѡбычан и махоу • схожахоуся • на игрища на пласанье • и на вса бѣсовська игрища • и тоу оумыкахоу жены советъ**» [Лавр. летопись: 5]. В связи с этим остается неясным, исполняли ли древние славяне другие (необрядовые) танцы и какими были эти танцы.

В настоящее время в некоторых славянских языках глагол *плясать* в привычном для нас значении не используется, а на его месте можно встретить заимствованное из немецкого слово *танцевать*. Так, в чешском *plesati* – 'радоваться, ликовать', но в значении 'плясать' – *tancovati*, *ples* – 'бал'. Болгарское диалектное *плѣша* 'пляшу', тогда как общеполгарское – *танцувам*. В

украинском и белорусском языках глагол *плясать* отсутствует, а в том же значении употребляется укр. *танцювати* и белорус. *скакаць, танцаваць* [Черных, т. 2, 1999: 46].

Составной частью славянского языческого ритуала были игры. По мнению авторов «Этимологического словаря славянских языков», в древности «семантическим наполнением славянского сущ. **jьgra* был архаический комплекс значений - 'пение с пляской'. Явные признаки синкретичности и трудной расчленимости (более простые значения 'развлечение, забава', 'шутка', 'пение', 'танец' кажутся производными) логично подводят к вопросу о связи с миром сакральных представлений, действий и выражений» [ЭССЯ, вып. 8, 1981: 208]. А.А. Потенбя предположил «типологически вероятное выделение *-r-* суффиксального и дальнейшее сближение славянского **jьgra* с др.-инд. *yájati* 'чтить божество', греч. ἱεραγός 'священный'» [ЭССЯ, вып. 8, 1981: 209].

С принятием христианства славянские обрядовые пляски и игры вызывают резко негативную реакцию православного духовенства и наделяются отрицательной сакральностью. Смех, пляска с хлопаньем в ладоши, игра на музыкальных инструментах, вождение хороводов отныне признаются неотъемлемыми чертами поведения леших, водяных, чертей, русалок и пр. и считаются абсолютно недопустимыми для благочестивых христиан.

После принятия христианства происходит формирование русской православной концептосферы, при этом система концептов православного христианства полностью заимствуется русской культурой. По мнению Л.Н. Чурилиной, «чрезвычайно важно, что заимствуются не разрозненные фрагменты знаний, что в истории встречается довольно часто, но целостная структура, организованная в рамках *чужой* и во многом *чуждой* для восточных славян культуры» [Чурилина 2013: 176].

Самым древним жанром христианской богослужебной музыки является псалом, заимствованный первыми христианами у евреев. Псалмы Давида в ветхозаветные времена исполнялись в качестве обязательной части богослужений в Иерусалимском храме, в многочисленных синагогах в разных городах и даже в домашних молитвах. В VIII в. в Византии сложилась система восьми напевов (дорийский, фригийский, лидийский,

миксолидийский, иподорийский, ипофригийский, иполидийский, ипомиксолидийский), которые, чередуясь, складываются в «октоих» или «осьмогласие». Древняя Русь, приняв православие, полностью переняла и систему «осьмогласия», при этом уже в южнославянских рукописях XI-XII вв. использовался особый способ записи церковных песнопений – «фитная» нотация, при которой с помощью условных знаков переписчики указывали на изменение напева. В древнерусских рукописях XII в. можно обнаружить более сложные способы нотации, в том числе и «знаменную» нотацию, получившую позднее распространение в древнерусской традиции.

Начиная с XI в. во время службы в католических храмах стал использоваться орган – с ним в католическую церковь пришло инструментальное сопровождение. Звучание органа придавало торжественность определенным частям богослужения и строго регламентировалось католическим духовенством. Православная служба, в отличие от католической, всегда оставалась исключительно вокальной, инструментальное «участие» не допускалось. В полностью сформировавшемся православном богослужении пение сопровождало все его части – литургию (обедню), вечерню и утрению (в канун больших праздников – всенощное бдение), чины крещения, венчания, погребения, а также молебны, панихиды и др.

Следует отметить, что достаточно рано у восточных славян, принявших христианство, помимо канонических духовных произведений, носящих «сугубо сакральный характер» и исполняемых во время богослужений, большую популярность приобрели духовные стихи, которые пелись на Руси вначале каликами переходными, а затем стали специфической частью русского фольклора. В основе этих песнопений лежит «поэтическая обработка библейских и евангельских сюжетов, а также переложения псалмов, выполненные известными поэтами или дилетантами» [Шулежкова 2005: 8], а мелодии могли заимствоваться из народных или авторских песен, романсов и даже популярных оперных арий.

Вообще, по православным представлениям, способность к пению составляет отличительное свойство только ангелов и людей, а само пение служит им средством для выражения высоких чувств богопочитания и благоговения, свойственных именно их природе. Желание петь возникает у человека, когда его душа находится в

состоянии восторга и эйфории («душа поет»). Возможно, поэтому ни один из доступных нам письменных источников не содержит эпизодов, в которых бы пели бесы.

Вплоть до XVII в. представители православного духовенства вели споры о том, является ли церковное пение собственно музыкой или нет. Так, в трактате «О пении божественном» дьякон Иоаким Коренев писал: «Тот, кто споря, лишился смысла, говорит, что церковное пение не происходит от музыки, что одно является музыкой, а другое нет. Я же всякое пение называю музыкой». Сформулированная в трактате И. Коренева концепция, утверждающая идентичность единства богослужебного пения и музыки, стала со временем доминирующей, и современные ученые-медиевисты уже безо всяких оговорок руководствуются ею в своих исследованиях, рассматривая древнерусское богослужебное пение как одну из областей музыкального искусства. Однако из самих слов Коренева следует, что в его время существовала и противоположная точка зрения [Мартынов: <http>].

Действительно, если обратиться к данным картотек исторических словарей, существительное **пѣ́ние** практически во всех случаях употребления фиксируется в значении *‘исполнение религиозных песнопений как составная часть церковной службы’*: **По тропарѣ ектению Господи помилуй пѣ́ниемъ не пѣ́ли но говорили говоромъ** (Дополнения к актам историческим 1668); **Флавиянъ Антиохійскій патріархъ... во церкви на два лика пѣ́ние пѣ́ти повелѣ** (Предисловие откуда и от коего времени началось быти в нашей Рустей земли осмогласное пение 21 окт 1652) [Словарь XI–XVII, вып. 14: 191].

Характерно, что в отличие от современного словоупотребления, противопоставление глаголов *петь* и *играть* не сводилось к оппозиции вокального и инструментального исполнения. Если слова *петь* и *пение*, как правило, связывались с богослужебными песнопениями, то лексемы *играть* или *играние* обозначали пение вне церкви, в миру и употреблялись даже в случаях чисто вокального исполнения песен без использования музыкальных инструментов. Применительно к мирским песням никогда не говорили *спеть песнь*, но употребляли устойчивое выражение *сыграть песнь*. Согласно данным этнографических экспедиций, в некоторых регионах России вплоть до середины XX в. наблюдалось четкое

разграничение в употреблении глаголов *петь* и *играть*: *А эти девки стоят, клюют подсолнушки да песни играют под гармонь... это коровод* (1820); *Играют песни* – так старинны люди говаривали; *Я хочу его послушать, дюже песня хороша, вишь он играет, кубыть соловей, всему селу на диво* (1953-1955); *Во многих других селениях вместо играть песни начинают говорить петь песни* (1948); *Вытесняется слово играть в значении петь [песни играют], и каждое из них [играть, петь], как и в литературном языке, обозначает соответствующее действие* [СРНГ, т. 12: 68].

По мнению композитора и музыковеда В.И. Мартынова, «для крестьян, сохранивших традиционные представления вплоть до наших дней, оппозиция «пения» и «игры» сводилась в конечном счете к оппозиции сакрального и профанного. Оппозиция сакрального (священного) и профанного (низкого, бездуховного), скрывающаяся за словами “пение” и “играние”, крайне характерна для традиционного древнерусского мышления» [Мартынов: <http>]. На наш взгляд, антитеза «пение – игра» больше связана с изначальным противопоставлением в концептосфере древних славян исконных языческих обрядов, включающих игры песни и пляски, и всего, что связано с православным богослужением. В работе, посвященной досугу средневекового славянина на основе анализа древнерусских слов и поучений, мы пришли к выводу, что если в древнейших памятниках, датированных XI –XIV вв., игры, песни и пляски упоминаются только в качестве неотъемлемой части языческого ритуального действия, то аналогичные памятники более позднего периода упоминают о песнях и плясках лишь когда говорят об отступлении от праведного образа жизни и недостойном поведении христиан [Франчук 2013]. По мере того, как в сознании древнего русича утрачивалась взаимосвязь между песнями, плясками и язычеством, стало возможным сопоставление вокального исполнения как такового и народной песни.

Вероятно, представление о протяжном, вдумчивом и мелодичном исполнении церковных песнопений повлияло на употребление глагола *петь* в отношении песен мирских. Возможно, «петь» стали прежде всего песни медленные, лирические и печальные: *Поют только в церкви, в других случаях играют. Играют и печальные песни* (1929); *У нас играют песни под пляски, а поют так вот на улицы: вытяжным вытягом поют* (1948 [СРНГ, т. 12: 68]).

В XVII в. в русский язык проникает новое слово – *музыка* / *музикня*, семантика которого сближается именно с значением лексем *игра* и *играние*. Не случайно в источниках того периода содержатся следующие толкования: «Почто музикня нарицается музикня и откѹду имя воспрятъ снѣ? [имя] взятъ же прежде отъ музиковскихъ бряцаний на органѣхъ и кимвалѣхъ и отъ нѣкихъ музиковскихъ пѣсенныхъ орудий. Тѣмъ же и поющая гласовомъ музикня такожде музикня нарицается понеже такожде сочиняется (Идея грамматики музиковской 1679); Музикня всякая гудебная игра и в гусли и в домры и в смыки и в цымбалы (Книга глаголемая гречески алфавит XVII в.)» [Словарь XI–XVII, вып. 9: 312]. Таким образом, слово *музыка*, вобрав в себя все элементы значения слова *игра*, превращается в понятие, противоположное понятию «богослужбное пение». Именно поэтому привычное для нас словосочетание *церковная музыка* в рамках древнерусской традиции было недопустимо.

Святитель Иоанн Златоуст в Беседе на 41-й псалом, отвечая на вопрос, для чего употребляется церковное пение, дает такое объяснение: «Бог, видя, что многие из людей нерадивы, тяготятся чтением духовных писаний и неохотно принимают на себя этот труд, и желая сделать этот труд вожденным и уничтожить чувство утомления, соединил с пророчествами мелодию» [Златоуст: <http://>]. Со временем заимствованные из Византии церковные песнопения изменились, приобрели напевность народных мелодий. Уже в XII в. стали создаваться оригинальные произведения для исполнения в церкви, а начиная с XVII в. православная церковная музыка все больше испытывает на себе влияние музыки светской. Современная политика Русской Православной церкви направлена на привлечение новых прихожан, особенно молодежи. По инициативе патриарха Алексия II с 2002 г. 15 февраля в праздник Сретения Господня во многих городах России проводятся Сретенские балы для православной молодежи. Таким образом, мы можем говорить о явном сближении искусства религиозного и светского.

Литература

Златоуст, Иоанн. О церковном пении вообще. Для чего употребляется пение [Электронный ресурс] / Иоанн Златоуст. – Режим доступа: <http://archivorthodox.com/old/library/penie/1.html> (дата обращения: 01.10.2017).

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – Т. 1. – 733 с.

Мартынов, В.И. Пение, игра и молитва в русской богослужебно-певческой системе [Электронный ресурс] / В.И. Мартынов. – Режим доступа: <http://www.12urokovpravoslavie.ru/index.html> (дата обращения: 02.10.2017).

Рапацкая, Л.А. История русской музыки от Древней Руси до «серебряного века»: учеб. для студ. пед. высш. учеб. заведений / Л.А. Рапацкая. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 384 с.

Словарь XI–XVII 1975–2015: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.; Ленинград (СПб.) : Наука : Нестор-История, 1975– 2015. – Вып. 1–30. (Издание продолжается).

СРНГ 1965–2016: Словарь русских народных говоров. – СПб. : ИЛИ РАН, 1965–2016. – Вып. 1–46. (Издание продолжается).

Толстой, Н.И. Религиозные верования древних славян. Язычество древних славян / Н.И. Толстой // Очерки истории культуры славян. – М. : Индрик, 1996. – С. 145–160.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Рус. яз., 1989.

Франчук, О.В. Досуг средневекового славянина (по материалам древнерусских слови поучений, направленных против остатков язычества) / О.В. Франчук // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности : колл. моног. / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редколл. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 149–174.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1999.

Чурилина, Л.Н. Заимствованная метафорика на начальном этапе формирования русской православной концептосферы / Л.Н. Чурилина // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности : колл. моногр. / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редкол. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 175–186.

Шулежкова, С.Г. «Стих о грѣхе Адамовомъ» и др. (собрание духовных стихов из рукописной книги середины XIX в. / С.Г. Шулежкова // Духовный фольклор на Южном Урале / отв. ред., автор вступ. ст. и коммент. С.Г. Шулежкова ; сост. С.Г. Шулежкова, А.Г. Серов, А.А. Осипова ; муз. ред. Л.А. Мишурова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005. – С. 8–17.

ЭССЯ 1974–2011: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / отв. ред. О.Н. Трубачев. – М. : Наука, 1974–2011. – Вып. 1–37.

Brüchner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego / *A. Brüchner.* – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1970. – 570 c.

Oksana V. Franchuk
Magnitogorsk, Russia

SOURCES OF NATIONAL SONG CULTURE OF RUSSIA AS THE FACTOR OF ITS ORIGINALITY

Abstract. Poetry, magic, music and choreography have been closely connected in a Slavic pagan ritual. With Christianity adoption, ceremonial songs and dances elicited a reaction of the orthodox clergy and were indueed with a negative sacredness: amusing forms of behavior were associated with devils, wood goblins and mermaids. Furthermore, such ways of behaving were inappropriate for pious Christians. In Orthodox Church, there was liturgical singing during the service, and the ability to sing was considered as the distinctive feature of angels and pious Christians. Until the 17th century, the sources registered the accurate opposition between church singing and folk dances, songs and games. When spoke about folk vocal genre, never used “sing a song”, as a folk song could only be “played”. With time, liturgical singing started to experience the influence of the folk art. Spiritual verses, having religious character, became very popular among ordinary people, because they were simple and clear for most of Christians. Nowadays, the Russian Orthodox Church is closer to the folk art and even initiates balls for the orthodox youth.

Key words: pagan ritual of ancient Slavs, play, dance, song, liturgical singing, concept, sphere of concepts

В.Ф. Хайдарова
Магнитогорск, Россия

«МЫ СТАНЕМ В ПРОЛОМЕ ЗА НАШУ СТРАНУ» (образ России в духовной поэзии русских протестантов)

Аннотация. В статье анализируется образ России в песенной поэзии российских неправославных христиан. Отмечается особенность употребления лексем *Родина, Отчизна, Отечество*. Выявляются основные мотивы, формирующие этот образ: духовно нравственная оценка страны и ее позиция

по отношению к своим гражданам. Опираясь на эти мотивы, автор формулирует ведущие характеристики образа России в анализируемых текстах: оппозицию «земное Отечество / небесное (истинное) Отечество» и идею «Родины-чужбины». Описывается фразеологизм *стать в проломе (за кого / что)*.

Ключевые слова: Россия, фольклор, духовные стихи, библейские фразеологизмы

Тема Родины отражена в русской культуре многочисленными устойчивыми сверхсловными единицами, которые дают полное представление об отношении к ней. Это и *святая Русь*, и *Русь-матушка*, и *Широка страна моя*, и *русский авось...* Однако существует целый пласт населения, чьи представления о России и языковые средства, вербализирующие их, почти не исследованы, хотя источники изучения православного мировоззрения достаточно широко освещались в отечественной науке [Кудрина 2008; От языковой картины мира средневекового славянина 2007; От языковой картины мира средневекового славянина 2008; Чурилина 2009; Формирование концептосферы восточнославянского этноса 2013]. Это представители христианских меньшинств, многие из которых существуют в России так давно, что полностью интегрированы в русскую культуру: евангельские христиане-баптисты, христиане веры евангельской (пятидесятники), харизматические течения и др. Увидеть, каким сложился образ России в этой субкультуре, можно проанализировав ее песенный фольклор. Традиционно песня занимает важное место в жизни русских протестантов, именно в ней отражаются все главные идеи, ценности и даже особенности быта. «Русский духовный фольклор – пласт народной культуры, который намеренно “замалчивался” официальной наукой, хотя в XIX в. он был предметом пристального внимания филологов и этнографов. Искусственное отторжение, негласный запрет на исследование народной духовной поэзии отразились не только на собирательской деятельности: до 1991 г. духовные стихи в СССР вообще не издавались; их язык не изучался; ни в один из словарей, включая словари народных говоров, не вводились примеры даже из самых популярных стихов; при подготовке к печати справочников по библейским крылатым выражениям и библейским символам семантика библеизмов никак

не соотносилась с их значениями, закрепленными в духовном фольклоре», – пишет составитель, комментатор и автор лингвистических исследований духовных стихов Южного Урала [Шулежкова 2005: 3]. Между тем, духовные стихи, и не только те, что пелись представителями канонического православного исповедания, но и членами различных протестантских общин в России (баптистами, евангелистами и пр.), были не только благодатной почвой освоения библеизмов (см. об этом [Шулежкова 2013: 72-98], но и своеобразного проявления любви верующих к Отечеству. В постсоветское время было опубликовано немало сборников духовных стихов, появились основательные исследования духовного фольклора, из которых следует отметить цикл работ А.А. Панченко о религиозной культуре русских мистических сект [Панченко 2002]. Однако тема отношения к родной земле в духовных стихах различных неканонических христианских течений осталась фактически неизученной.

Несмотря на то, что частотность слов *Родина*, *Отчизна*, *Отечество* в песнях русских протестантов очень высока, указанные лексемы почти никогда не используются в их прямом значении – для обозначения страны, в которой человек родился и гражданином которой является. За ними фактически закреплено особое значение: ‘рай, ожидающий христианина после смерти’. В тех случаях, когда у слов *Отечество* или *Родина* можно проследить исконное значение, они обычно участвуют в оппозиции *земное Отечество* / *небесное (истинное) Отечество*.

*Есть край, **Отчизна** есть другая, Где всем скорбям придет конец.
Страна небесная, святая, Где каждому возложится венец.*
(«Песнь возрождения 2800», №1733)

*Ах Земля, чужая сторона, чуть обжитый уголок Вселенной!
О другом Отечестве узнав, мы идем к нему без сожаленья!*
(«Песнь возрождения 2800», №1117)

Таким образом, оказывается, что образ России в песнях русских протестантов представляет собой не совсем обычное явление. При почти полном отсутствии привычных связей *Россия – родина, родная земля, любимый край*, развиваются другие, обусловленные вероучением, а также обстоятельствами существования протестантских общин в России.

Оппозиция *земное Отечество* / *небесное (истинное) Отечество* влечет за собой другое противопоставление: если загробный

мир изображен как святая страна, то земной край, соответственно, грешен. Это представление находит отражение в текстах песен: упоминания о России нередко сочетаются с лексическими единицами, указывающими на неверие, греховность

*Как много дней, **земля моя**, страдаешь ты в плену греха,
Как много дней ты видишь кровь своих сынов,
Как много лет, **страна моя**, безбожием обманута,
Без силы падала в борьбе среди врагов.*

(автор неизвестен, «Россия, встань на колени и молись»)

*Посмотри, простерлась справа, слева
Жалкая неверия страна.*

(«Песнь возрождения 2800», №2525)

Характеристика страны как «безбожной», казалось бы, должна вступить в конфликт с традиционным фольклорным образом «святой Руси». Но поскольку протестантизм не является одной из составляющих образа святой – православной – России, этот конфликт переосмысливается как противопоставление внешней православной религиозности и фактического безбожия:

*На крещеной Руси очень много крестов,
От нательных крестов до поклонных.
Но не каждый в душе крест воздвигнуть готов,
Где другому не видно поклонов.*

(С. Малова «На крещеной Руси»)

Таким образом, мы видим, что образ России в песнях русских протестантов строится на основе религиозно-нравственной оценки страны. Однако в исследуемых текстах представлен и другой ее статус, основанный на восприятии страны как места обитания ее граждан, – статус «родины-чужбины». Упоминания о России как о любимой родине соседствуют с не меньшим количеством упоминаний о ней как о чуждой, неласковой по отношению к своим детям стране:

*Есть страна на земле – **Россия!**
Есть в ней **верные Богу сыны...***

(Г. Винс «Далеко от лесов России»)

*Я иду. Под моими ногами
Русь пролегла **родимая***

(«Песнь возрождения 2800», №2272)

Я здесь не свой – страна чужая,

И для души все чуждо в ней,

Я рвусь душой в просторы рая,

Где ярче, лучше и светлей.

(«Песнь возрождения 2800», №1146)

В стране, где я бродил бездомником,

Метель дорожку замела.

(«Песнь возрождения 2800», №1771)

При этом, если в тексте *Россия* представлена *Родиной*, то, как правило, в нем делается акцент не на статусе страны, а на характеристике ее граждан – верующих; подчеркивается существование особой прослойки населения, отличающейся высокими духовными качествами. Если же *Россия* представлена чужбиной, то текст содержит, как правило, отсылки на житейские обстоятельства, на условия нелегкого существования; либо противопоставляется *земное Отечество* *небесному (истинному) Отечеству*. В некоторой степени на описание России как жестокой к своим гражданам родины повлияли исторические события.

Евангельские и протестантские организации традиционно не были желанными ни в царской России, ни в СССР, поэтому авторы песен нередко сочиняли их, находясь в заключении или ссылке:

Земля бесплодная, пустынные просторы,

Угрюмый край, безлюдна Воркута,

Ты приняла в железные оковы

За правду изгнанных свидетелей Христа.

(«Песнь возрождения», №1234).

Таким образом, статус «родины-чужбины» оказывается непротиворечивым и цельным: Россия является местом рождения верующих, однако это неприветливая к своим гражданам и временная родина. В то же время отмеченное сочетание несет и другой посыл: несмотря на «безбожие» и неприветливость страны, она имеет граждан, отличающихся высокими духовными качествами и способными изменить ситуацию на более благоприятную. Этот посыл ведет к появлению еще одного устойчивого мотива текстов песен – мотива заботы (преимущественно, молитвенной) о родной стране и веры в ее светлое будущее:

*На земле моя жизнь окончится,
Пролетит незаметно, как птица.
И мне очень, очень хочется
За Россию всегда молиться!*

(«Песнь возрождения 2800», №2272)

*Это Русь моя, синеглазая,
ясноокая, златовласая.
Для тебя пою, душу отдаю,
За тебя порой тихо слезы лью.*

(С. Малова «Русь»)

*Народ новый восстает в стране,
Святой народ, все цепи зла он разорвет.
(«Песнь возрождения 2800», №1821)
Мы станем в проломе за нашу страну.
Господь, пред Тобой в смирении
Мы просим за нужды земли.
И в нашей стране силы тьмы никогда
Не выдержат бой и не победят.*

(«Песнь возрождения 2800», №1853)

Следует отметить, что корпус песен русских протестантов содержит значительное число локальных фразеологизмов. Один из таких оборотов – *стать (встать) в проломе*, что значит ‘защищать кого-, что-л., преодолевая сопротивление враждебных сил’; ‘постоянно молиться за кого-, что-либо’. Оборот восходит к библейскому тексту, в котором Бог говорит: «Искал Я у них человека, который поставил бы стену и **стал бы предо Мною в проломе** за сию землю, чтобы Я не погубил ее, но не нашел» (Иезекииль 22: 30). Несмотря на то, что оборот может быть применен к любому объекту (например, можно *стать в проломе* за конкретного человека или за целое поколение), его происхождение тесно связано с идеей ходатайства за страну и ее население. Именно в этом значении чаще всего используется выражение в текстах анализируемых песен. С другой стороны, оборот содержит в себе указание на наличие противоборствующих сил: *стоять в проломе* можно лишь против кого-то. В цитате, давшей жизнь выражению, такой силой был сам Бог. Од-

нако в народном сознании образ противоборствующей силы трансформировался в образ врага, и таким образом, в качестве угрозы мыслятся грех, силы зла и даже преследования от имени той самой страны, которая находится под защитой «стоящих в проломе» (что гармонично согласуется с идеей «Родины-чужбины»).

*Ты тверже алмаза и крепче гранита,
Гонимая Церковь Христа,
Изнанена в битвах, жестоко избита,
Идешь, не чуждаясь креста.
Ты легких дорог и путей не искала,
Неведом тебе компромисс,
В часы испытанья **в проломе стояла**,
Подняв знамя истины ввысь.
Сибирь для детей твоих стала могилой,
Их вьюги встречали в пути...*

(«Песнь возрождения 2800», №2612)

Итак, образ России в песнях русских протестантов непротиворечиво сочетает в себе противоположные идеи. С одной стороны, это любимая Родина, подлежащая защите и заботе (прежде всего, молитвенной). С другой стороны, это неласковая чужбина, временное место пребывания на пути к раю. С нравственно-религиозной точки зрения она оценивается как безбожная, греховная страна. Оборот *святая Русь* в текстах песен почти не встречается, а в некоторых случаях согласуется с указанием на внешнюю, обрядовую сторону этой «святости». При этом в песнях протестантов ясно прослеживается мотив веры в светлое будущее России, веры в ее духовно-нравственное очищение и дальнейшее благополучие.

Литература

Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции ее развития : колл. моногр. / Науч.-исслед. словарная лаб. МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, чл. редкол. М.А. Коротенко. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2010. – 257 с.

Духовный фольклор на Южном Урале / сост. С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, А.Г. Серов ; муз. ред. Л.А. Мишурова ; отв. ред., автор вступ. ст. и коммент. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005. – 224 с.

Кудрина, Н.В. Поэтическая фразеология как объект фразеографии / Н.В. Кудрина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3. – С. 305-309.

Кудрина, Н.В. Фразеологизмы – наименования локальных объектов в поэзии Анны Ахматовой / Н.В. Кудрина // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 14. – С. 9-12.

Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка : свыше 350 ед. / Науч.-исслед. словарная лаб. МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редкол. : А.А. Осипова, Л.Н. Мишина. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2009. – 290 с.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : колл. моногр. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2007. – Ч. I. – 238 с.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : колл. моногр. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2008. – Ч. II. – 270 с.

Панченко, А.А. Христовщина и скопчество. Фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А.А. Панченко. – М. : Объединенное гуманитарное изд-во, 2002. – 544 с.

Подберезский, И.В. Быть протестантом в России / И.В. Подберезский. – М. : Благовестник, 1996. – 382 с.

Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности : колл. моногр. / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редкол. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 204 с.

Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 ед. / С.Г. Шулежкова, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, А.Н. Михин ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколл. : М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 424 с.

Чурилина, Л.Н. Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления / Л.Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. № 24. – С. 377-383.

Шулежкова, С.Г. Духовный фольклор в контексте повседневной культуры казачьих поселений Южного Урала / С.Г. Шулежкова // Поэтика повседневности: Фольклор. Художественная литература : материалы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения-2005». – СПб. : Астерион, 2005. – С. 19-22.

Шулежкова, С.Г. Духовный фольклор Южного Урала как предмет исследования (вместо предисловия) // Духовный фольклор на Южном Урале / сост. С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, А.Г. Серов ; муз. ред. Л.А. Мишурова ; отв. ред., автор вступ. ст. и коммент. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005. – С. 3-7.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным : очерки о судьбах библейских крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 260 с.

Шулежкова, С.Г. Русский духовный фольклор как лингвистический источник / С.Г. Шулежкова // Русский язык XIX века: проблемы изучения и лексикографического описания : материалы первой Всерос. конф. – СПб. : Санкт-Петербургская изд.-книготорговая фирма «Наука», 2004. – С. 217-221.

Источники

Песнь возрождения 2800 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hvalite.com> (дата обращения 15.05.2017).

Христианские фонограммы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fonki.pro> (дата обращения 15.05.2017).

Violetta F. Khaydarova
Magnitogorsk, Russia

“WE STAND INSIDE THE CRACK FOR OUR COUNTRY” (Image of Russia in spiritual lyrics of Russian protestants)

Abstract. The article analyzes the image of Russia, as shown in the song lyrics of non-orthodox Russian Christians. A marked feature is the way that they use the words Motherland, Fatherland, and homeland. The views of this group, are the main reason for forming this image: a particular spiritual and moral assessment of the country and its attitude towards its citizens. Based on these reasons, the author gathers and presents the leading features of the image of Russia in the analyzed texts: the contrast between “Fatherland earthly / heavenly (true) Fatherland”, and the idea of “Motherland-foreign land”. Describes well the idiomatic schism created with language.

Key words: Russia, folklore, religious poems, biblical idioms

«ТРЕТИЙ РИМ»: ОБРАЗ РОССИИ В НОВЕЙШЕМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: Содержание статьи составляют результаты наблюдений за спецификой функционирования лексических средств презентации концепта «Россия» в таком кластере современного православного дискурса, как проповеди и интервью патриарха Кирилла (В.М. Гундяева). В задачи автора входило выявление актуального для этого типа дискурса представления о месте России в евразийском пространстве и роли, отводимой государству Российскому в общеисторическом контексте. Предлагаемые выводы основаны на результатах корпусного контент-анализа.

Ключевые слова: новейший религиозный дискурс, концепт «Россия», корпус, конкорданс

Введение. К постановке проблемы.

Размышления над судьбами и миссией России на разных этапах истории страны воплощались в формулах-лозунгах: *Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет; Москва – третий Рим; За веру, царя и Отечество!* [Дайте миру шанс! 2016: 62-64]; *Что русскому хорошо, то немцу смерть; Социалистическое Отечество в опасности!* [Шулежкова 2016: 51-52]; *За Родину! За Сталина!* [Дайте миру шанс! 2016: 69-71] и др. Некоторые из перечисленных идеологических формул ушли в историю безвозвратно, некоторые же обнаруживают тенденцию к актуализации. К числу последних сегодня справедливо отнести своего рода квинтэссенцию историософской теории псковского старца Филофея: «... яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Росейское царство: *два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти*» [Памятники литературы 1984: 452]; в приближенном к модели лозунга варианте эта формула имеет вид «Москва – третий Рим, а четвертому не бы(ва)ть».

К числу косвенных свидетельств актуализации этого лозунга в сознании наших современников можно отнести появление в Рунете страниц, использующих его варианты в качестве названия: «Москва –

III Рим» [<http://3rm.info/#>], «Москва – третий Рим?» [<https://www.facebook.com>]; а также возвращение к обсуждению этой историко-философской концепции в рамках научной конференции [<http://www.pravmir.ru/moskva-tretyi-rim-mysli-o-sudbe-imperii/>] и в отдельных публикациях. При этом предлагаемые интерпретации формулы оказываются амбивалентными: идея «русского мессианства», «особого пути» обретает как восторженно положительную, так и отрицательную окраску (достаточно информативен в этом отношении соответствующий поисковый запрос в Национальном корпусе русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/>]). При наблюдаемой неоднозначности интерпретаций и оценок несомненна значимость формулы для самоидентификации граждан государства Российского, поскольку она включает в себе ответ на вопрос о смысле его (государства) существования. Особенно остро ощущается это на фоне формируемого в последнее десятилетие в западных СМИ «демонического» образа России.

Предпринятый Е.В. Тимошиной обзор предлагаемых в истории развития идеи «Москва – Третий Рим» толкований, позволил исследователю выделить три варианта [Тимошина 2005]:

- так называемая *византиноцентристская* традиция с акцентом на религиозном и / или политическом аспектах преемственности России по отношению к Византии;

- *империалистическая*, она же тоталитаристская, акцентирующая внимание на «историческом обосновании прав Москвы на первенствующее положение в мире», открывавшим перед московскими князьями, по образному замечанию Д.С. Лихачева, «блестящее марево всемирной власти» [Лихачев 2000: 15];

- *универсалистская*, основу которой составляет попытка декларации включенности России в христианскую цивилизацию; целью декларации является формирование образа России как хранительницы традиций православия и гаранта целостности христианского мира [Синицына 1998: 244].

Каждый из сформировавшихся за полтора века обсуждения концепции вариантов толкования формулы имеет своих адептов. Для нас же важно, что каждый из эксплицируемых в современных текстах вариантов интерпретации идеологической формулы «Москва – третий Рим» представляет собой языковую объективацию фрагмента

доминантного для национальной картины мира концепта «Россия» в его актуальном существовании. Отмеченная неоднозначность предлагаемых интерпретаций, в свою очередь, обуславливает необходимость учета в исследовании так называемого «дискурсивного фактора», основанного на понимании дискурса как способа объективации особой ментальности [Чурилина 2009; Чурилина 2010].

В качестве речевого материала для реконструкции образа России нами используются фрагменты новейшего религиозного (православного) дискурса, поскольку, по разделяемому нами мнению Н.В. Сеницыной, «генезис идеи “Третьего Рима” находится в русле православной религиозной мысли по преимуществу» [Сеницына 1998: 11]. В работах профессора, протоиерея В. Цыпина эта мысль выражена наиболее отчетливо: «... Бесспорно, что вне христианского контекста, вне отношения к Боговоплощению для идеи о Третьем Риме нет почвы <...> Оставшийся в историческом прошлом Советский Союз, территориально почти совпадавший с Российской империей, Третьим Римом... не был, вопреки фантазиям некоторых отечественных публицистов, прежде всего, потому, что его создатели и вожди отвергли веру в Воплощенное Слово» [Цыпин 2003: 90-91].

Проводимое исследование имеет целью выявить актуальное для дискурса представление о месте России в евразийском пространстве и роли, отводимой государству Российскому в общеисторическом контексте. Или, в соответствии с вынесенной в название формулировкой, определить актуальный смысл лозунга *Москва – третий Рим, а четвертому не бы(ва)ть*.

Материал исследования и методы.

Материалом для исследования служит созданный автором статьи с использованием специальной программы – конкордансера (версия AntConc3.2.4w (http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/antconc_index.html)) – корпус текстов проповедей патриарха Кирилла, произнесенных в период с 25 февраля 2009 г. по 30 июля 2017 г. и размещенных в соответствующем разделе на официальном сайте Московского Патриархата (<http://www.patriarchia.ru/>), а также опубликованные на этом сайте расшифрованные тексты данных Патриархом в тот же период интервью. Общий объем конкорданса – около 900 тысяч словоупотреблений.

Основным в исследовании является корпусной метод (corpus-based), корпусной контент-анализ, а также сочетание аналитических методик – статистического, контекстного, дистрибутивного и компонентного анализа.

Этапы исследования и полученные результаты.

На этапе идентификации лексических средств выражения имени концепта «Россия» выявлен набор простых и составных имен собственных, используемых в корпусе с разной частотой; число единиц (на 900 тыс. словоупотреблений) указано в скобках:

- *Российская Федерация* (11);
- *Россия* (890);
- *Русь* (2084).

Приведенный перечень позволяет дать однозначный ответ на вопрос о предпочтительном способе именования концепта в рамках анализируемого дискурсивного пространства; перечень может быть расширен только за счет специфического имени *Московия*, представленного в корпусе в единичном употреблении и имеющего жесткую временную локализацию (*и Московия превратилась в великое государство от моря и до моря, от океана до океана, с цветущей культурой и бурно развивающейся экономикой*); и сверхсловного именования *Российская империя* (3), также непротиворечиво соотносимого с одним из этапов в истории развития государства. В этом контексте нелишне отметить тот факт, что имена *Россия* и *Русь* с равной степенью вероятности используются по отношению к стране / государству независимо от периода его существования. Именно эти единицы и могут претендовать на статус ключевых слов. В числе же используемых нарицательных имен предсказуемо частотными оказываются *государство, страна, Отечество*.

На следующем этапе корпусного исследования был предпринят анализ ближайшего лексического окружения ключевых слов, в ходе которого установлен высокий показатель частотности таких имен (при подсчете учитывались и производные), как *Украина* (469), *Белоруссия / Беларусь* (43) и *Молдавия* (49); значимость обнаруженного факта становится очевидной на фоне сопоставления с частотностью в дискурсе имен других государств: *Англия* (13), *Германия* (11), *Франция* (33). Однако статистические показатели как таковые не способны служить формированию адекватного

представления о концепте; гораздо более результативными оказываются контекстный и дистрибутивный анализ, позволяющие обнаружить, что имена *Россия*, *Украина*, *Белоруссия* и *Молдавия* являются своего рода согипонимами гиперонима *Русь*. Позволим себе привести несколько наиболее показательных контекстов: *относится и к России, и к Белоруссии, и к другим частям пространства Святой Руси; к России, и к Беларуси, и к Молдове – ко всем странам, которые образуют духовное пространство Святой Руси; во всех странах исторической Руси–Украине, Белоруссии, Молдове и прочих, которые духовно и культурно связывают себя с Киевской купелью крещения; Страна наша – историческая Русь, а затем Россия, Украина, Беларусь; чадам исторической Руси–России, Украины, Белоруссии, других стран, которые связаны с Киевской купелью Крещения; ко всей Руси – к России, Украине и Беларуси, ко всем другим странам, где живет своей духовной, культурной традицией Святая Русь*. Наблюдаемую в конкордансе устойчивость предлагаемой перечислительной (сочинительной) синтаксической структуры правомерно рассматривать как типичный для дискурса вариант модели концепта «Россия».

Основой иерархических семантических отношений становятся, что отражено и в приведенном дискурсивном материале, исторические, а также духовные и – шире – культурные связи между народами, обращение к которым позволяет актуализировать идею цивилизационного единства. Лексема *цивилизация* и ее производные обнаруживают достаточно высокий показатель встречаемости в дискурсе (29), а их ближайший контекст эксплицирует мысль об автономии, закрытости, уникальности исторического пути, причем не России только, но восточнославянского мира как целого: *Отсюда берет начало единая для всей восточнославянской цивилизации традиция; здесь родилась наша Церковь, которая стала основой восточнославянской православной цивилизации; Русь – это не «где», а, в первую очередь, «что». Русь – это система ценностей, это цивилизационное понятие; и это формирует определенный костяк, определенную основу бытия. Речь идет действительно о единой православной цивилизации: люди принадлежат к разным этносам, к разным культурам, а вот цивилизационный код – единый; и это особенно ясно выражается в том, как люди встречают проблемы; агрессия*

против нашего культурного ядра, против нашего **цивилизационного кода**. Признание факта наследования цивилизационного кода (лексема *Византия* и ее производные встречаются в дискурсивном материале 42 раза) не исключает убежденности в его противопоставленности миру как таковому и другим цивилизациям: *через вхождение в христианский мир мы соприкоснулись со всей Европой – Византией, Римом, и с Иерусалимом, который всегда был частью этого единого христианского пространства*. Россия, тогдашняя Русь, вышла из узких провинциальных рамок и увидела перед собой совершенно иное бытие; духовные ценности, **пришедшие к нам из общей традиции**; к единой цивилизации древней Киевской Руси, которая расцвела, развилась и стала мощным фактором **мировой цивилизации**. При этом внимание акцентируется на утверждении: **носители собственного исторического и культурного кода**. Эта часть концепта «Россия» получает в рамках дискурса другое имя, призванное помочь минимизировать политический аспект проблемы за счет переноса акцента в духовную жизнь: *те ценности, которые и очерчивают параметры очень важного культурного и цивилизационного понятия, которое я бы сформулировал как Русский мир; Русский мир не означает «российский»*. Тем более, это не мир Российской Федерации. Это тот самый мир, который вышел из нашей общей купели – Киевской купели Крещения. Это тот самый мир, который существует на уровне **веры, интеллекта, духовности и культуры**.

Необходимость и возможность диалога между цивилизациями не отрицается, но во главу угла ставится мысль о сохранности цивилизационного кода как гаранта собственного существования: *Если тысячу лет Константинопольская и Русская Церкви уже прошли вместе, то что может стать препятствием для дальнейшего совместного свидетельства?; они вместе могут участвовать в диалоге с другими цивилизационными и культурными моделями*. Разрушать эту матрицу народной жизни нельзя: *Потому что если мы разрушим ее, то перестанем быть русскими или, как теперь говорят, россиянами, украинцами, белорусами...* Это будет огромная **цивилизационная катастрофа**.

Третий этап корпусного контент-анализа связан с выделением группы слов, частотно встречающихся в ближайшем контексте с ключевыми словами. Частотность совместной встречаемости

элементов может, с одной стороны, рассматриваться как правило, устанавливающееся в пределах дискурса; а с другой – позволяет выявить круг концептов, ассоциирующихся с анализируемым. Выявленные коллокации в нашем случае оказываются очень информативными, а потому позволим себе ограничиться их перечнем: *историческая Русь* (24), *Киевская Русь* (9), *Святая Русь* (151), а также *историческая Россия* (2) и *новая Россия* (10).

Выводы.

Корпусной метод, по признанию его многочисленных сторонников, способен дать максимально объективную информацию о правилах / специфике функционирования языковых единиц в речи. В случае обращения к исследованию такой сугубо когнитивной сущности, как концепт, эта способность метода имеет чрезвычайную ценность. Результаты нашего исследования позволяют представить дискурсивно ориентированную модель концепта «Россия» как иерархическую структуру. Причем иерархия имеет двунаправленную ориентацию: *историко-территориальную* (от *Киевской Руси* к *новой России*) и *духовную*, или *цивилизационную*. Именно духовная составляющая рассматривается как цивилизационная скрепа и в историческом, и в территориальном аспектах.

Литература

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.Н. Носова; Грейфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с.

Лихачев, Д.С. Эпоха решительного подъема общественного значения литературы / Д.С. Лихачев // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. – СПб. : Наука, 2000. – Т. 9. – С. 15.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века : сб. / ред. Д.С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1984. – С. 436-455.

Синицына, Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н.В. Синицына. – М. : Изд-во «Индрик», 1998. – 416 с.

Тимошина, Е.В. Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» [Электронный ресурс] / Е.В. Тимошина // Правоведение. – 2005. – № 4. – С. 181-208. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1212037>(дата обращения: 24.04.2017).

Цыпин, В., прот. Третий Рим (попытка аутентичного изложения учения старца Филофея) / В. Цыпин // Православная государственность. 12 писем об Империи : сб. ст. / под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юридического ин-та, 2003. – С. 90-91.

Чурилина, Л.Н. Антология концептов как словарь нового типа: к вопросу о принципах организации / Л.Н. Чурилина // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии : материалы всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 11-13 ноября 2009 г.). – СПб. : Изд-во САГА, 2010. – С. 442-449.

Чурилина, Л.Н. Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления / Л.Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии и культуры. – 2009. – № 24. – С. 377-383.

Шулежкова, С.Г. Два пути от невинной любви к Отечеству – патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016. – С. 50-63.

*Lyubov N. Churilina, Elena N. Derevskova
Magnitogorsk, Russia*

“THE THIRD ROME”: THE IMAGE OF RUSSIA IN MODERN RELIGIOUS DISCOURSE

Abstract. The content of the article includes the results, getting during the observation over the specific character of functioning of the lexical means, representing concept “Russia” in homiletics and interviews of the Patriarch Kirill of Moscow (V.M. Gundiayev). The author task is to reveal the actual for this type of discourse idea about the place of Russia in the Eurasian space and the role it plays in the general historical context. The offered outputs are based on the results of corpus content analysis.

Key words: modern religious discourse, concept “Russia”, corpus, concordance

ОБРАЗ РОССИИ НА ФОНЕ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ НАЧАЛА XXI в.

Аннотация. Россия в условиях информационной войны начала XXI в. оказалась в центре внимания мировой общественности. Государственные лидеры, политологи, военные эксперты и журналисты недружественно настроенных по отношению к нашему отечеству стран принимают активное участие в создании негативного образа и самой России, и ее граждан. Нападки на Россию в СМИ, в глобальной Интернет-сети приобрели особый размах во втором десятилетии текущего столетия. Связано это с рядом событий: триумфально прошедшими в 2014 г. в Сочи зимними олимпийскими играми; цветной революцией на Украине, переросшей в гражданскую войну; *крымской весной*, вернувшей в состав России Крым и Севастополь; успешным участием российских военных в освобождении Сирии от террористов. Как свидетельствует анализ языка политики последних лет, с одной стороны, эти процессы вызвали небывалый подъем патриотических чувств россиян, испытавших гордость за свою Родину, с другой – извне на Россию обрушился шквал обвинений, которые в совокупности представляют Россию «дикой страной» (М. Макфол), страной-агрессором, а ее граждан – «тупыми и злобными варварами» (З. Бжезинский).

Ключевые слова: Россия, информационная война, цветная революция, крымская весна, арабская весна, Сирия, терроризм, язык политики

Конец XX – начало XXI в. – время массовых протестных выступлений, получивших название *цветные революции*, когда слова *Россия* и *Путин* вошли в число языковых единиц, обладающих высочайшей частотностью в международном политическом дискурсе (см. об этом: [Шулежкова 2015а: 174-199; 2015б: 260-265]). Американские политологи, главные технологи и инициаторы подобных революций, склонны говорить о шести десятках переворотов, совершенных по их сценариям. В СМИ упоминается несколько десятков цветных революций: *революция гвоздик* в Португалии (1974); *желтая революция* на Филиппинах (1984); *бархатные революции*, названные так за «нежный», бескровный характер свержения преж-

него режима сначала в Чехословакии (1989), а затем по аналогии – в Польше, Венгрии, Болгарии (1989); *революция роз* в Грузии (2003); *пурпурная революция* в Ираке (2003–2005); *оранжевая революция* на Украине (2004); *революция зонтиков* в Гонконге (2004); *революция тюльпанов* в Киргизии (2005); *революция кедров* в Ливане, где кедр – символ бессмертия и постоянства (2005); *зеленая революция* в Ливане (2009–2011); *сиреневая революция* в Молдавии (2009); *дынная революция* в Киргизии (2010); *жасминовая революция* в Тунисе (2011) и пр. Дважды совершались неудавшиеся попытки мирного свержения действующей власти в Белоруссии – через *васильковую революцию* (2006) и *цветную революцию* (2010). М.Э. Будина выявила 41 именование таких переворотов, происшедших в 21 стране; правда, она отмечает, что для большинства из революций «был придуман не один, а два и более символа, а некоторым странам приписали один общий символ» [Будина 2014: 127].

Под *цветной революцией* в данном исследовании понимается «осуществленный на фоне массовых уличных протестов государственный переворот, ненасильственная смена власти с использованием технологий, механизмов и инструментов “мягкой силы”» [Наумов 2016: 6]. Цветные революции – одна из важнейших международных проблем, в решении которых Россия занимает принципиальную позицию, кардинально отличающуюся от позиции США и ее союзников по НАТО.

Вдохновители цветных революций, разработавшие технологию их экспорта в различные страны мира, пытаются оправдать свои действия мирным характером государственных переворотов. Термин *цветная революция* противопоставляется терминам *социальная революция*, *буржуазная революция*, *социалистическая революция*. «Из его семантической структуры устраняются семы ‘насильственная’, ‘социально-экономическая’, ‘смена общественно-экономического устройства’, ‘приход к власти более прогрессивного, ранее угнетенного класса’. Чтобы закрепить в структуре значения наименования-гиперонима *цветная революция* и в значении его гипонимов семы ‘ненасильственная, мирная’, ‘не внушающая страха, театрализованная’, прямо противоположные семам традиционных наименований типов революций, было затрачено немало усилий. Благодаря средствам массовой информации, в которых активно обсуждались революции *цветного* типа, в сознании [участников протестных движений. –

С.Ш.] <...> складывался образ революции с необычными дифференциальными признаками: бескровный характер, символом которого является неагрессивный цвет (не красный и не черный) или цветок (отзвук движения Ганди и хиппи, раздававших полицейским цветы)» (см. об этом [Шулежкова 2015: 179]). Известный политолог С.Г. Кара-Мурза в книге «Экспорт революции» отмечает важнейшие черты цветных революций: антикоррупционные радикально-демократические лозунги; приуроченность к парламентским или президентским выборам; выдвижение в лидеры некогда высокопоставленных чиновников, находящихся в опале; бездействие властных структур; финансирование из-за рубежа массовых выступлений; митинговый и забастовочный типы сопротивления действующей власти; для республик постсоветского пространства – антироссийская направленность [выделено нами. – С.Ш.] [Кара-Мурза 2005].

Экспорт цветных революций российская сторона рассматривает как вмешательство во внутренние дела суверенных государств, как грубое нарушение международного права. Выступая на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. президент Российской Федерации В.В. Путин дал открытую нелицеприятную оценку действиям США и их союзникам по разжиганию межэтнических и межконфессиональных конфликтов в результате применения технологии цветных революций в разных точках планеты: «Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации. Однако, похоже, никто не учится на чужих ошибках, а только повторяет их. И экспорт теперь уже так называемых «демократических» революций продолжается... Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты, да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся. Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: “Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?”» [Путин 2015: [http](http://)].

Россия, как первое государство, в котором социалистическая революция одержала победу, и как самая крупная из бывших респу-

блик СССР, распавшегося в 1991 г., вопреки ожиданиям антироссийски настроенных экспертов и усилиям их подручных, не стала очередной жертвой в хорошо срежиссированном параде цветных революций в Восточной Европе и в некоторых странах Азии.

Более того, в 2014 г., когда в результате очередной цветной революции на Украине установился режим, взявший курс на превращение республики в унитарное государство; когда официальной идеологией киевской власти стала националистическая доктрина, а на местах памятников советским воинам, освобождавшим Украину от фашистов, стали устанавливать памятники С. Бандере; когда лозунг организованной им Украинской повстанческой армии, воевавшей на стороне Гитлера и организовавшей массовую резню на Волыни, *Слава Украине! – Героям слава!* получил государственный статус [Дайте миру шанс 2016: 216-217], Россия решительно встала на сторону притесняемого русского населения. Огромное возмущение всех граждан России вызвала гражданская война, которую майданные власти развязали против мирных граждан юго-востока Украины (Донбасса и Луганщины). Руководство страны, политические партии, дипломатический корпус РФ, общественные организации на всех авторитетных международных форумах, на переговорах, а простые граждане – на массовых митингах добивались прекращения военных действий на Украине. Политический язык 2014–2015 гг. отражает накал страстей через броские лозунги, призывы, девизы в поддержку страдающих от действий украинских националистических подразделений дончан и луганцев, отказавшихся признать легитимность киевской власти: *Бандеровцы, руки прочь от Украины!* [Дайте миру шанс 2016: 9]; *Бандеровщине не место в нашем доме!* [Там же: 11]; *Да здравствует Донецкая народная республика!* [Там же: 50]; *Да здравствует Луганская народная республика!* [Там же: 52]; *Защитим наших соотечественников!* [Там же: 72]; *Луганской народной республике слава!* [Там же: 111]; *Майдан не пройдет!* [Там же: 115]; *Майдану – нет!* [Там же: 117]; *Мы русских в обиду не дадим!* [Там же: 138]; *Нацизм не пройдет!* [Там же: 140]; *Не дадим в обиду Новороссию!* [Там же: 145]; *Не дадим в обиду братьев по крови!* [Там же: 146]; *Очнись, Украина!* [Там же: 172] и т.д.

Такая реакция на украинские события сопровождалась яростным недовольством политической элиты Евросоюза и США. Наи-

большее возмущение у «наших партнеров», как деликатно называет их В.В. Путин, вызвала поддержка Россией крымского референдума, приведшая к воссоединению Крыма и России.

То, что произошло на Крымском полуострове весной 2014 г., получило название *крымская весна*. Этот оборот был создан по аналогии с известным выражением *арабская весна* – наименованием волны революционных событий, антиправительственных митингов и демонстраций, начавшейся в арабских странах в середине декабря 2010 г. и продолжающейся до сих пор. Охватив 14 государств, *арабская весна* вылилась в гражданские войны, в кровавые столкновения, что повлекло за собой гибель около 650 000 человек. Основной лозунг протестующих арабов – *Народ хочет падения режима!* Арабские политтехнологи, именуя волну протестного движения на Ближнем Востоке *арабской весной*, позаимствовали слово *весна*, символизирующее пробуждение природы, обновление, у лидеров европейских революций 1848–1849 гг., которые сражались под девизом *Весна народов* и придали компоненту *весна* революционный смысл. Возникший в 2014 г. оборот *крымская весна*, с одной стороны, унаследовал вместе с ключевым компонентом революционную сему обновления, смены государственного режима, с другой – стал символом мирной, бескровной победы взбунтовавшегося народа. Это кардинальное отличие крылатой единицы (КЕ) *крымская весна* от КЕ *арабская весна* нашло отражение в российском политическом дискурсе и во многом обусловило основное содержание и идеологемы лозунгов крымчан, отказавшихся подчиниться киевским властям, которые встали во главе Украины в результате государственного переворота и взяли на вооружение националистическую идеологию бандеровского толка.

Публикации о *крымской весне* неизменно сопровождаются упоминаниями о *вежливых людях* (*зеленых человечках*), российских военных, обеспечивших мирный исход протестного движения на полуострове: *Обсуждая идею увековечить образ доброжелательного силовика в камуфляже, в Крыму шутили, что таким образом они смогут оставить «вежливых людей» на полуострове навсегда – для собственного спокойствия <...> Но за рубежом суверенный бум восприняли настороженно – хотя некоторые европейские делегации уже успели побывать в Крыму и даже возложить цветы к памятнику. За песню «Вежливые люди» хор имени Алек-*

сандрова предлагали не пускать в Польшу на ежегодные выступления. А в Литве убрали с магазинных прилавков игрушечные фигурки военных, которые продавались в упаковках с надписью «**Вежливые люди**» [Человек и кошка 2017: <http://>].

Лозунги периода крымской весны, как созданные самими крымчанами, так и те, что звучали в их поддержку на митингах, прокатившихся по всей Российской Федерации, представляют собой призывы, девизы, протестные формулы, жесткие характеристики, гневные констатации, предостережения, здравницы, кличи, заклинания, приветствия. Тем не менее, они служат убедительным доказательством бескровного, добровольного характера вхождения полуострова Крым в состав России.

Часть этих лозунгов возникла как ответная реакция на националистические слоганы Евромайдана. Экстремистские угрозы, и оскорбительные кричалки Правого сектора (*Бандера придет, порядок наведет!; Кто не скачет, тот москаль!; Москалей на ножи!; Москаляку – на гил(л)яку!; Украина – для украинцев!; Украина превыше всего!; Бандера придет – порядок наведет!; Слава героям ОУН-УПА!; Вон московских оккупантов!; Вон московских холуев!* и пр.) и в России, и на территории Крыма вызвали решительные протестные лозунги: *Бандеровцы, руки прочь от Украины!; Руки прочь от Крыма!; Майдану – нет!; Нацизм не пройдет!; Нет – фашистскому режиму на Украине!; События на Украине – война на пороге нашего дома!* и др.

В других лозунгах выражается солидарность граждан России с русскоязычным населением Украины в целом и Крыма в частности: *Русское единство – верность идеям!; Крымчане, мы с вами!; Крым, Россия с тобой!; Наша сила – в единстве!; За будущее Крыма вместе с Россией!; Украина, мы с тобой!; Крым (и Донбасс), Россия (и ЛДНР) за вас!; Мы – за единство!; Пока мы едины, мы непобедимы!; Крым – территория русского сопротивления!; Мы – братья! Мы вместе!* и др.

Значительную по численности группу составляют лозунги крымской весны, которые представляют собой заклинания, формулы готовности граждан России защитить братьев по крови, оказать им поддержку (часто – в ответ на просьбу о защите – *Россия, защити нас от геноцида!*): *Мы русских в обиду не дадим!; Не дадим в обиду Новороссию!; Поможем нашим братьям!; Русские своих в беде не бросают!; Своих не сдаем!; Защитим братьев по крови!* и др.

Еще одна группа состоит из лозунгов-констатаций исторически оправданного присоединения Крыма к России, из здравниц и приветствий в честь возвращения «в родную гавань» Севастополя и Крыма: *Севастополь – Крым – Россия!*; *Керчь и Севастополь – наши святыни!*; *Крым – это Россия!*; *Крым и Россия – одна история, одна судьба!*; *Крым, добро пожаловать домой (в Россию)!* *Севастополь – русский город!*; *Крым и Севастополь, с возвращением домой!*; *С возвращением, Севастополь! С возвращением, Крым!* и др.

С высокой частотностью в средствах массовой информации при описании крымских событий, неотделимых от событий на Украине вообще, используются лозунговые изречения, которые представляют собой клятвенные заверения сохранить память о преступных действиях радикальных группировок. Лозунги напоминают о заживо сожженных в Доме Профсоюзов Одессы активистов антимайданного движения, о расстрелянных и забитых до смерти на Майдане Незалежности в Киеве беркутовцах, о погибших во время бомбардировок киевскими войсками мирных гражданах Донбасса и Луганщины (*Помним Одессу!*; *Помним Майдан!*).

Лозунги *крымской весны* свидетельствуют о миролюбии граждан Российской Федерации, о неприятии ими фашизма, о ненависти к войне, об их готовности встать на защиту братьев по крови, об их стремлении решать любые конфликты ненасильственным путем. Отвечая на вопрос одного из участников форума «Территория смыслов», состоявшегося в 2017 г., министр иностранных дел РФ С. Лавров сказал: «Есть вещи, на которые мы, будучи нацией, не реагировать не можем. Отдавать Крым в руки нацистов, пришедших к власти в результате госпереворота, было бы преступным» [Отдать Крым 2017: [http](http://)].

Однако политические лидеры Евросоюза и США расценили акт бескровного присоединения Крыма к России после референдума, на котором более 90% жителей полуострова проголосовали за вхождение в состав Российской Федерации, как *аннексию*, а Россию упорно называют *агрессором*. Причины ясны: оппоненты России «никак не могут смириться с провалом тщательно подготовленного плана по “бархатному” захвату Крыма и неудавшейся попыткой размещения в Севастополе военных баз НАТО» [Почему Крымская весна так тревожит ЦРУ 2017: [http](http://)].

Даже успешная борьба российских военных с террористами на территории Сирии вызывает раздражение у руководителей стран НАТО.

Против России ведется ожесточенная информационная война. «Как правило, методами информационной войны являются вброс дезинформации или представление информации в выгодном для себя ключе. Данные методы позволяют изменять оценку происходящего населением территории противника, развивать пораженческое настроение, и, в перспективе, обеспечить переход на сторону ведущего информационное воздействие» [Информационная война: <http>].

Информационная война против России началась давно, и главная причина ее активизации всегда была связана с укреплением позиций России на мировой арене, с ее независимой политикой. Не с этим ли связаны ужасающие «страшилки» об Иване Грозном, о Петре Первом, о других российских правителях и правительствах, а также о дикости русских нравов, беспробудном пьянстве русских мужиков, о России как стране неряшливой, грязной, убогой и некультурной. Во многом такие мифы о России произвольно поддерживали и сами россияне, преклоняясь перед западной культурой, перед европейскими порядками, что дало основание исследователям состояния российского менталитета говорить о «кризисе самоидентификации россиян». «Национальная идентичность россиян связана не столько с обозначением этического статуса, сколько с готовностью считать Россию родиной, а ее историю и культуру во всех ее проявлениях – своими. В этой системе понятий кризис идентичности понимается, по словам С.В. Кортунова, как “утрата Россией своего исторически сложившегося представления о самой себе”» [Чурилина 2016; Кортунов 2009].

Автор книги «Злые мифы о России. Что о нас говорят на Западе?» И.Г. Прокопенко пишет: «Вот уже не первое столетие с легкой руки западных интеллектуалов нас педантично учат стыдиться того, что мы русские. Нам пытаются привить чувство неполноценности и вины. Нас убеждают в том, что мы пьяницы и неумехи, неучи и варвары <...> То, что о нашей стране на Западе распространяют небылицы, – это многолетний факт. Но если обратиться к истории, то выяснится неожиданное. Оказывается, половина Европы и большая часть Азии получили свою государственность <...> благодаря России <...> Современные Латвия, Эстония – никогда не имели государственности и получили ее в 1918 году из рук советского правительства. Что примечательно – даром. Финляндия – тоже получила государственность из рук России. Причем два раза – в 1802 и 1918 году» [Прокопенко

2017: 7]. Болгария, перенеся 500 лет турецкого ига, обрела независимость после русско-турецких войн второй половины XIX столетия тоже благодаря России. Этот перечень можно было бы продолжить.

Как же оценивают нашу страну и какую судьбу готовят ей авторитетные представители государств, считающих себя самыми демократичными в мире и презирающих «отсталую» Россию? Вот только некоторые выдержки из высказываний видных европейских и американских государственных деятелей, курсирующие в зарубежных СМИ и в соцсетях.

Дональд Трамп, президент США, недавно подписавший законопроект о санкциях против России: ... *отвечая на вопрос, поддерживает ли президент Дональд Трамп позицию, что Россия является агрессором в конфликте на Донбассе, спикер Белого дома ответил: «Я считаю, мы дали четко понять – что да, очевидно»* [Россия-агрессор 2017: [http](#)].

Саманта Пауэрс, постоянный представитель США при ООН, во время голосования на заседании Совета Безопасности за Резолюцию ООН по Украине и Крыму 15.03.2014 с возмущением набросилась на представителя России В. Чуркина, наложившего вето на Резолюцию, осуждающую Россию: *«Россия не имеет права забывать, что она не победитель, а побежденный; поведение Москвы возмутительно, потому что Москва, шантажируя США ядерным оружием, унижает Америку»* [Саманта Пауэрс набросилась на Чуркина 2014: [http](#)].

Мадлен Олбрайт, бывший госсекретарь США, неоднократно заявляла: *«Колоссальные естественные богатства Сибири несправедливо принадлежат одной России»* [Хакимова-Гатцемайер 2017: [http](#)].

Збигнев Бжезинский, экс-советник президента США по национальной безопасности, ныне покойный, еще в 1997 г. без тени сомнения заявлял: *«Новый мировой порядок будет строиться против России, на обломках России и за счет России. Мы уничтожили Советский Союз, уничтожим и Россию. Шансов у вас нет никаких* [Из беседы с генералом Рохлиным 1997: [http](#)].

Евген Цыбуленко, директор Центра по правам человека Таллинской школы права, профессор права Технического университета, известный своим горячим сочувствием к тем, кто бомбит мирное население Донбасса, считает своим долгом повторять: *«РФ является государством, которое не имеет права на существование*

и должно быть уничтожено для безопасности цивилизационного мира» [Итог потворства 2014: [http](http://)].

Однако все попытки унизить Россию и ее граждан, разрушить ее экономику санкциями, изолировать от мирового сообщества злыми мифами о политике Российской Федерации не достигают цели. Об авторитете России и ее лидера говорят реальные успехи в международной политике. Вот что, например, сказал президент Венесуэлы Николас Мадуро на недавней встрече с журналистами газеты «Комсомольская правда»: «Владимир Путин – главный мировой лидер <...> Россия – это великая сила. Россия восстановила свою роль. И вот что я даже думаю – Советский Союз занимал важнейшее место в биполярном мире, но сегодняшняя Россия по сравнению с СССР последних 20 лет существования имеет большее влияние. Именно поэтому американцы развивают новые виды фобии – русофобию и путинофобию. Но чем больше его атакуют, тем сильнее он становится» [Ворсобин 2017].

Литература

Будина, М.Э. Символы цветных революций в составе их именований [Электронный ресурс] / М.Э. Будина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 8 (август). – С. 126–130. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14224.htm> (дата обращения: 29.10.2017).

Ворсобин, В. Президент Венесуэлы Николас Мадуро – корреспондентам «Комсомолки»... / В. Ворсобин, С. Новиков // Комсомольская правда, 25.10.2017.

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.Н. Носова; Грейфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с.

Из беседы с генералом Рохлиным, 1997 г., ссылка на газету «Гудок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/15070-bzhezinskiy-rossiya-eto-voobsche-lishnyaya-strana.html> (дата обращения: 28.10.2017).

Информационная война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Информационная_война (дата обращения: 28.10.2017).

Итог потворства Прокуратуры ЭР «эстонскому бандеровцу». Блог Дм. Кленского [Электронный ресурс] // Славия, 14.05.2014. – Режим доступа: <https://slavia.ee/blogi/268-dimitri/11607-2014-05-14-21-00-48> (дата обращения: 28.10.2017).

Кара-Мурза, С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... / С.Г. Кара-Мурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин, С. А. Телегин. – М. : Алгоритм, 2005. – 293 с.

Колорады vs Укропы. Какие слова подарили Украине Майдан и война // Корреспондент.нет, 06.06.2014.

Кортунов, С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла / С.В. Кортунов. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 589 с.

Наумов, А.О. «Мягкая сила», цветные революции и технологии смены политических режимов в начале XXI века / А.О. Наумов. – М. : АРГА-МАК-МЕДИА, 2016. – 274 с.

Отдать Крым в руки пришедших к власти нацистов было бы преступно (Лавров, 11.08.2017) [Электронный ресурс] // Телеканал «Звезда». Новости, 11.08.2017. – Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_imire/content/201708111553-se07.htm (дата обращения: 20.11.2017).

Почему Крымская весна так тревожит ЦРУ и какие деньги тратит США на информационную войну // Русская весна, 11.06.2017. – Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1496765870> (дата обращения: 30.11.2017).

Прокопенко, И.С. Злые мифы о России. Что о нас говорят на Западе? / И.С. Прокопенко. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 288 с.

Путин, В.В. Выступление Президента Российской Федерации на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28.09.2015 [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 29.10.2017).

Путин, В. Запад и «арабская весна» [Электронный ресурс] / В. Путин // Izruss, 27.02.2012. – Режим доступа: <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2012-02-27/17134.html> (дата обращения: 03.05.2017).

Путин, В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов, 18.03.2014 [Электронный ресурс] / В.В. Путин // В.В. Путин. Прямая речь. – М. : Звонница-МГ : Новый ключ, 2016. – Т. 1. Послания Федеральному Собранию. – С. 316-334.

«Россия – агрессор»: у Трампа поставили Кремлю жесткий ультиматум [Электронный ресурс] // Обозреватель. Новости мира, 21.06.2017. – Режим доступа: <https://www.obozrevatel.com/abroad/68052-rossiya-agressor-u-trampa-postavili-kremlyu-zhestkij-ultimatum-po-ukraine.htm> (дата обращения: 28.10.2017).

Саманта Пауэрс набросилась на Чуркина... [Электронный ресурс] // TOP Новости. – http://www.topnews.ru/news_id_66337.html (дата обращения: 28.10.2017).

Хакимова-Гатцемайер, М. Карла, Мадлен и Кондализа: что с ними стало сейчас? / М. Хакимова-Гатцемайер // Моя семья. – 2017. – № 29, июль.

Человек и кошка. Как «вежливые люди» стали символом патриотизма и жупелом Запада [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 05.05.2017. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2017/02/28/i_pechal_otstupit/ (дата обращения: 29.10.2017).

Чурилина, Л.Н. Кризис самоидентификации россиян: лингвистический аспект / Л.Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2016. – № 3 (53). – С. 95-102.

Шулежкова, С.Г. Отражение оранжевой революции и гражданской войны на Украине в российских СМИ (Концепты «Революция» и «Война») // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии: колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ. Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова; Грайфсвальдский ун-т им. Э.М. Арндта; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – С. 174-199.

Шулежкова, С.Г. Публицистический арсенал современных общественных движений (гражданская война на Украине в российских СМИ) / С.Г. Шулежкова, Н.В. Позднякова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 260-265.

Le Monde: В информационной войне за Украину победил Путин // Russia Today, 16.05.2014.

Shulezhkova, S.G. Die konzepte „Revolution“ und „Krieg“ in den russischen Massenmedien in berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3. – С. 50-61.

Smolar, P. Ukraine: la victoire idéologique russe // Le Monde, 14.05.2014.

S.G. Shulezhkova
Magnitogorsk, Russia

**THE IMAGE OF RUSSIA AGAINST THE BACKGROUND
OF “COLOR-CODED” REVOLUTIONS AND THE CRIMEAN
SPRING IN THE INFO-WAR OF THE BEGINNING
OF THE XXI CENTURY**

Abstract. During the info-war of the beginning of the 21st century, Russia is in the centre of attention of the world community. The state leaders, political scientists, military experts and journalists of the countries, which have animus toward Russia, take an active part in creating of negative image of Russia and its citizens. Assaults on Russia in the mass media and the Internet have become more intensive in the second decade of the current century. It is connected with a number of events: the winter Olympic Games in Sochi in 2014, the Ukrainian color-coded revolution, developed into the civil war, the *Crimean Spring* and the returning of Crimea and Sevastopol to Russia, the successful anti-terrorism campaign of Russia in Syria. The publicistic discourse of the last years shows that these processes caused the unprecedented growth of patriotism among Russians, who boasted of their Homeland, on the one hand. On the other hand, Russia faced the squall of charges, which represented Russia as the country of aggressor, inhabited by barbarians.

Key words: Russia, info-war, color-coded revolution, the Crimean Spring, the Arabian Spring, Syria, terrorism, political language

III. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КСЕНОФОБИИ

Х. Вальтер
Грайфсвальд, Германия

ЗАПРЕТНЫЕ ЛОЗУНГИ В НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В Германии сегодня некоторые лозунги – особенно связанные с «коричневым прошлым» Германии, запрещены законом – параграфом 86а Уголовного кодекса Германии «Распространение пропагандистских материалов антиконституционных организаций». Анализ таких единиц показывает, что несмотря на законные правила, идейная сущность имплицитно или эксплицитно в них продолжает сохраняться, проявляясь в разной степени в конкретных ситуациях и контекстах правой сцены, как, напр., *Meine Ehre heißt Treue* (рус. Честь моя зовется верностью); *Blut und Ehre* (рус. Кровь и честь), *Volk ohne Raum* (рус. Народ без пространства); *Heim ins Reich* (рус. Домой в Рейх); *Deutschland über alles* (рус. Германия превыше всего!). Законом запрещены и некоторые цифры, «маскирующие» такие националистические лозунги и символы фашистской Германии: «2-8; 28», обозначая первую (В) и восьмую буквы (Н) латинского алфавита („Blood & Honour“), «88» восьмая буква алфавита «НН», что символизирует фашистское приветствие „Heil Hitler“ (Хайль Гитлер), «18» или «А» и «Н» (Adolf Hitler), «192» (Adolf is back – rus. Адольф вернулся) и др. Необходимо их конкретное лингвистическое и социологическое исследование. Фрагмент такого исследования и представлен в настоящей статье.

Ключевые слова: запрещенные лозунги, Германия, правая сцена, употребление в СМИ, «маскировка» фашистских девизов; числа взамен лозунгов, Песня немцев, трансформа запрещенных слов и символов

История лозунгов во многом является зеркалом политической, экономической и бытовой жизни народов и их межкультурного взаимодействия [подробнее см. Публицистический арсенал общественных движений 2015]. Развитие их функции и семантики может идти как по логической прямой, так и по спирали, где исходная форма и содержание не совпадают с конечным результатом. Многие же лозунги подобны бумерангу: они время от времени возвращаются

Многие из них сегодня запрещены параграфом 86а Уголовного кодекса Германии «Распространение пропагандистских материалов антиконституционных организаций» [Schönke 1991: 976 сл.]. Это запрещение известно как статья «О запрете использования символики неконституционных организаций» (нем. *Verwenden von Kennzeichen verfassungswidriger Organisationen*). Де-факто она является основным законом, запрещающим использование нацистской символики, как то: флагов и гербов Третьего рейха, символики основных организаций, униформы, слоганов и форм приветствия. В тексте параграфов 86 и 86а содержится следующее:

В самом тексте закона не прописывается, какая символика попадает под этот закон. Под символом подразумеваются флаг, эмблема,

часть униформы, девиз или форма приветствия. Важно заметить, что под запрет попадает не сам символ, а его незаконное использование антиконституционными организациями в антиконституционных целях. Так, свастика является священным символом в буддизме и индуизме, но она используется и как символ национал-социализма [Rechtsextremismus 2015: 55]. Аналогично в Германии запрещен «вольфсангел» как символ национал-социализма, но разрешен к использованию как элемент герба. Благодаря такому неоднозначному толкованию закона неонацисты в Германии использовали немного измененные символы, однако в 1994 г. в закон были внесены поправки, согласно которым и подобные символы попадали под запрет: таковы, напр., «Молнии» СС (⚡, две руны Совило) и *Государственный орел* (нем. *Der Reichsadler*) – герб, который являлся официальным государственным символом Германии (с 1943 г. – Великогермании) [Там же: 56].

После того, как Адольф Гитлер пришел к власти в 1933 г., орел Веймарской республики был сохранен до 1935 г. Находившаяся у власти нацистская партия использовала в качестве своей эмблемы черного орла, державшего в лапах стилизованный дубовый венок со свастикой (см. выше) в центре [Rabbow 1970: 110 сл.].

Приведем несколько примеров запрещенных лозунгов.

Лозунг *Meine Ehre heißt Treue* (рус. Честь моя зовется верностью) сегодня в Германии запрещен и является нелегальным лозунгом правых и фашистских и националистических сил, потому что это девиз эсэсовцев [Rechtsextremismus 2015: 24]. Он воспроизводился на клинках кинжалов СС (нем. *SS Dienstdolch*) и на пряжках ремней солдат и офицеров войск СС [Pdtzold, Bd. 2, 2002: 199]. Девиз представляет собой несколько измененное выражение Гитлера 1931 года: „*SS-Mann, deine Ehre heißt Treue*“ [Rechtsextremismus 2015: 58.] («*Эсэсовец, твоя честь называется верностью*»). Выражение существовало в немецком языке с начала XX в. и означало, что честь слуги состоит в верности хозяину.

Существуют различные версии первого использования этой фразы. По одной из них, она была употреблена в письме Гитлера главе берлинского отделения СС Курту Далюге. Гитлер передал Далюге письмо с выражением в нем благодарности. Глава СС Генрих Гиммлер ввел это предложение как девиз СС на основе этого письма.

По другой версии, фраза была произнесена Гитлером на одном из партийных собраний – после того, как подразделения берлинских СА Вальтера Штеннеса попытались штурмовать берлинское окружное правление СС и были остановлены горсткой эсэсовцев, в то время, как Йозеф Геббельс и его окружение скрылись. Понятия «верность» и «честь» претерпели сильнейшее изменение по отношению к их традиционному значению.

В Германии эта фраза запрещена уголовным кодексом (§ 86-а, использование символики неконституционных организаций), в Австрии существует т. н. «Закон Пропаганды» от 1947 г.

В современных немецких СМИ названный лозунг употребляется, но всегда с указанием на его фашистский источник: *Der rheinland-pfälzische Textilbetrieb soll T-Shirts, Fahnen und Aufnäher mit SS-Sprüchen wie „Meine Ehre heißt Treue“, „Blut und Ehre“ und ausländerfeindlichen Parolen wie „Deutschland uns Deutschen“ hergestellt haben* // Berliner Zeitung, 04.04.1995; *Der neu gewählte Parteivorsitzende im Bundesland Niederösterreich, Ernest Windholz, benutzte bei der Ehrung langjähriger Parteimitglieder auf dem Parteitag am Wochenende in Wieselburg die SS-Parole „Unsere Ehre heißt Treue.“* // Berliner Zeitung, 06.06.2000; *Bei „Meine Ehre heißt Treue“ kann eine Beschränkung einer solchen Ehre auf eine einzelne Einstellung eingewendet werden. Weitere Tugenden/Werte/Ideale kommen dann in der Ehre nicht mehr vor. Vor allem die inhaltliche Auslegung bei den Nationalsozialisten ruft berechnete Ablehnung und Abscheu hervor, wegen der vertretenen Einstellungen und den Taten, aber auch wegen der Verfälschung von Treue zu einem blinden Gehorsam mit einer Über-*

ordnung eines Führerprinzips. Schwerer Verstöße gegen sittliche Güter waren die Praxis // Albrecht. Community-Experte für Geschichte, 29.09.2010. Режим доступа: <http://www.gutefrage.net/frage/meine-ehre-heisst-treue-was-genau-ist-mit-diesem-spruch-gemeint> (дата обращения: 10.04.2017); *Damit sprach der BGH drei Männer frei, die vom Landgericht Karlsruhe wegen der Verwendung von Kennzeichen verfassungswidriger Organisationen zu Bewährungsstrafen und Geldstrafen verurteilt worden waren. ... „Meine Ehre heißt Treue“. Die drei waren Angehörige der seit 1993 bestehenden rechtsextremen Gruppe „Karlsruher Kameradschaft“. Sie installierten ein Infotelefon, bei dem sich Interessierte mittels einem auf einen Anrufbeantworter gesprochenen Text über einen geplanten Aufmarsch informieren konnten. Gegen Ende des Textes hieß es: „Ruhm und Ehre der Waffen-SS“. Die erfundene Parole könne mit dem originalen Slogan der Waffen-SS „Meine Ehre heißt Treue“ beziehungsweise der Grußformel der Hitlerjugend „Blut und Ehre“ verwechselt werden, hatte das Landgericht argumentiert <...> Als „unglaublich“ bezeichnete der Präsident des Zentralrates der Juden, Paul Spiegel, das Urteil des Bundesgerichtshofs. Eine derartige Entscheidung sei für ihn nicht nachvollziehbar, sagte Spiegel der dpa in Düsseldorf. „Wenn man sich vor Augen führt, wann diese Parolen entstanden sind, kann man sich auch leicht vorstellen, welche Gefühle damit bei den überlebenden Opfern des Nazi-Terrors verletzt werden“, sagte Spiegel.* Режим доступа: http://www.focus.de/politik/deutschland/bundesgerichtshof_aid_97320.html (дата обращения: 02.05.2017); *„Meine Ehre heißt Treue.“ Dieses Motto hatte sich eine 21-jährige Brunsbüttlerin als Aufkleber im Großformat auf die Heckscheibe ihres Kleinwagens Auto geklebt <...> Jetzt musste sich die Frau wegen Verwendung von Kennzeichen verfassungsfeindlicher Organisationen vor Gericht verantworten <...> „Die Polizei musste auch erst nachsehen, ob das verboten ist“, berichtete die 21-jährige Strafrichterin Sarah Thiel // Norddeutsche Rundschau. 26.02.2012. Режим доступа: <http://www.shz.de/lokales/norddeutsche-rundschau/ss-motto-am-auto-frau-kommt-mit-geldstrafe-davon-id108939.html> (дата обращения: 12.05.2017); *Geldstrafe für Nazi-Tätowierung <...> „Meine Ehre heißt Treue“ ist auf der linken Brust zu lesen - für immer tätowiert auf seiner Haut. Ein Satz, der für Fremdenfeindlichkeit und Hass steht <...> Jeder, der diese Worte verbreitet oder öffentlich verwendet, macht sich strafbar.**

So wie der 26 Jahre alte Hamburger, der im August vergangenen Jahres mit freiem Oberkörper vor der Trittauener Diskothek Fun Parc stand. Am Freitag musste er sich dafür vor dem Amtsgericht in Ahrensburg verantworten. Obwohl der gebürtige Kroatie bereits einschlägig vorbestraft ist, unter anderem wegen fremdenfeindlicher Parolen, sprach der Richter ein mildes Urteil und verhängte eine Geldstrafe von 450 Euro // Hamburger Abendblatt. 18.02.2012. Режим доступа: <http://www.abendblatt.de/region/stormarn/article107741611/Geldstrafe-fuer-Nazi-Taetowierung.html> (дата обращения: 12.05.2017); Wien – Im Zusammenhang mit den Forderungen nach fundierten Informationen über historisch belasteten Sprachgebrauch und nach Auseinandersetzung mit dieser Problematik im Schulunterricht - Stichwort SS-Leitspruch „**Unsere Ehre heißt Treue**“ – stellt das Bildungsministerium nun entsprechendes Unterrichtsmaterial zur Verfügung. Die Schulbibliotheken aller höheren Schulen erhalten das Taschenbuch „Vokabular des Nationalsozialismus“ von Cornelia Schmitz-Berning (erschienen 1998 im Verlag Walter de Gruyter). Bildungsministerin Elisabeth Ghehrer empfiehlt in einem Erlass die Verwendung des Buchs im Unterricht. Es handle sich dabei um einen ersten Schritt zur Sensibilisierung in den Schulen, hieß es am Freitag aus dem Bildungsministerium // Redaktion. 04.08.2000. Режим доступа: <http://derstandard.at/289504/Historisch-belasteter-Sprachgebrauch-im-Unterricht> (дата обращения: 12.05.2017).

Некоторые правые силы меняют отдельные компоненты лозунга, переставляют порядок слов и тем самым пытаются избежать запрета: Der Chefredakteur des ORF nahm an einer rechten Gedenkfeier teil und steht jetzt vor dem Rauswurf <...> «Es ist unfassbar, dass ein ORF-Chefredakteur eines Kriegsverbrechers gedenkt», meinte der grüne ORF-Stiftungsrat Pius Strobl <...> Erst vor wenigen Wochen hatte Seledec von ORF-Generaldirektorin Monika Lindner einen schweren Dienstverweis erhalten. Er hatte eine Traueranzeige für den verstorbenen ehemaligen FPÖ-Chef Friedrich Peter (der im Krieg in der Waffen-SS diente) unterzeichnet. „**Wir werden seiner in Treue stets ehrend gedenken**“ stand da in allen österreichischen Tageszeitungen zu lesen. Ein Motto, das dem SS-Spruch „**Unsere Ehre heißt Treue**“ frappant ähnelt. Zufall? // Baumgartner B. Der Chefredakteur des ORF nahm an einer rechten Gedenkfeier teil und steht jetzt vor dem Rauswurf. 10.11.2005 // Режим доступа: <http://www.berliner-zeitung.de/15860228> (дата обращения: 10.05.2017); ... na

dann bediene Dich, aber ich will auch ne Tasse... Mit der Aufschrift „**Meine Ehre heißt teuer**“ und natürlich dem Logo vom Schildaminister... // kohlendioxid. 23.10.2011. Режим доступа: <http://luegenmaul.blogspot.de/2011/10/strolchenpower.html> (дата обращения: 02.05.2017); *Dieser Film wäre ab 16 Jahren freizugeben gewesen. Abgeschlagene Köpfe, von Streitwagen abgesäbelte Beine, Menschen in Todesangst in Nahaufnahme und manches mehr... Wir haben mit Rücksicht auf unseren 12-Jährigen jedenfalls nach einer Viertelstunde abgeschaltet. Denn Rest habe ich dann später allein ertragen: Da waren dann noch dumpfe „Meine Treue heißt Ehre“-Sprüche und eine zunehmend abstruse Handlung, die darin gipfelte, dass ein übrig gebliebenes Häuflein einer niedergemetzelten Legion im Land der wilden Pikten geschätzte zwei Jahrzehnte überlebte, während der Protagonist im Römischen Reich zum Centurio heranwuchs* // kick4kids. 13.07.2012. Режим доступа: https://www.amazon.de/Der-Adler-der-neunten-Legion/product-reviews/B00ERY122A?filterByStar=one_star (дата обращения: 10.05.2017).

Следующая единица – **Blut und Ehre** (рус. *Кровь и честь*) – лозунг фашистских организаций и других правых сил. Он был лозунгом и формой приветствия национал-социалистической детской организации Hitlerjugend (Гитлерюгенд) с 1926 по 1945 гг. Кровь и честь являются центральными понятиями национал-социалистической идеологии: немецкая кровь и честь ценились как наивысшие, достойные защиты понятия. Семантическое развитие этого лозунга началось уже во времена Веймарской республики [Pätzold 2002: 204]. Как девиз гитлерюгенда он использовался многими немцами. Лозунг „*Blut und Ehre*“ стал названием сборника песен, был отчеканен на пряжках ремней гитлерюгендовцев. Также он был выгравирован на ножах, являющихся важной частью формы организации. Альфред Розенберг в сборнике статей важнейших трудов нацистской идеологии „*Der Mythos des 20. Jahrhunderts*“ («Миф XX века») сделал это понятие центральным в «Законе о защите немецкой крови и немецкой чести» 1935 г. (так называемые *Nürnberger Rassen-gesetze* – *Нюрнбергские расовые законы*). После решения верховного суда Германии с 2009 г. использование англоязычного варианта „*Blood and Honour*“ [Rituale und Symbole der rechtsextremistischen Szene 2015: 23] не наказуемо.

Blood and Honour является и названием интернациональной сети неонацистских музыкальных групп.

Выражение „*Blut und Ehre*“ также используется участниками неонацистской партии *Chrysi Avgi* в Греции.

Некоторые правые группы поэтому употребляют цифры «2-8; 28», тем самым обозначая первую (**B**) и восьмую буквы (**H**) латинского алфавита. Но ультраправая группировка „Blood & Honour“ [Rechtsextremismus 2015: 30], у которой число 28 является зашифрованным названием, была запрещена в ФРГ в 2000 г. Немецкие неонацисты заменили и другие запрещенные законом лозунги цифрами и аббревиатурами, что позволяет им избегать судебного преследования со стороны властей. Некоторые числа, которые могут быть изображены, к примеру, на одежде или рюкзаках, превратились в отличительные знаки неонацистов и позволяют ультраправым публично и без опасений «высказывать» свои лозунги. Не разрешается, кстати, и формула «88» восьмая буква алфавита «HH», что символизирует фашистское приветствие „*Heil Hitler*“ (Хайль Гитлер).

По этому же принципу расшифровывается число «18», которое указывает на первую и восьмую буквы алфавита «A» и «H» (Adolf Hitler). А надпись **168:1** (сто шестьдесят восемь к одному) указывает на теракт, совершенный в 1995 году в Оклахоме членом ультраправой организации „Гражданская милиция“ Тимоти Джеймсом Маквейем (Timothy James McVeigh). Тогда погибли 168 человек.

Среди аббревиатур, которые активно используют нацисты, немецкие специалисты по борьбе с экстремизмом отмечают «WAW» (Белое арийское сопротивление) и «WP» (White Power [Rechtsextremismus 2015: 1]; Белая сила). Ультраправые и неонацисты не только носят майки и рюкзаки с указанной символикой, но и активно используют сокращения и «говорящие» числа в переписке и на интернет-форумах, в чем легко можно убедиться.

При этом у властей порой нет достаточных оснований для того, чтобы привлечь неонацистов к ответственности, поскольку использование чисел не попадает под действие закона о запрещении нацистской символики. Так, в августе 2009 года Федеральный Конституционный суд был вынужден отменить приговор, вынесенный ранее судом первой инстанции одному из ультраправых, который продавал майки с нацистскими лозунгами на английском. Суд констатировал, что гитлеровские лозунги, переведенные на иностранные языки, (пока) не попадают под действие существующего закона о запрете нацистской символики.

Das rassistische Grundanliegen im nationalsozialistischen Gebrauch der Formel Deutschland erwache war zuvor mitunter abseits vom großen Getümmel aufgetaucht, beispielsweise als sich unter dieser Parole der von Alfred Rosenberg geschaffene und geleitete „Kampfbund für deutsche Kultur“ am Pfingstsonntag des Jahres 1931 in Potsdam versammelt hatte. In ihren Vorträgen erhellten an diesem 24. Mai Hermann Göring und Alfred Rosenberg, was mit dem Schlachtruf gemeint war: Ersterer redete zum Thema „Wehrwille sichert Kultur“ und letzterer zu „Blut und Ehre“. Beide verdeutlichten, wogegen sich das „erwachende“ Deutschland zu richten habe und wozu ein „erwachtes“ Volk sich verstehen sollte // Pätzold, Weißbecker, Bd. 2, 2002: 204; In der U-Haft brachte er sich

eine Tätowierung bei: „**Blut und Ehre**“; Worte, die die Hitlerjugend auf ihre Ehrendolche gravierte // Berliner Zeitung, 03.03.1999; Der BGH stufte die Neonazi-Parole „Ruhm und Ehre der Waffen-SS“ als nicht strafbar ein, weil sie mit den Originallosungen aus der Nazizeit – wie „**Blut und Ehre**“ oder „Unsere Ehre heißt Treue“ – nicht verwechselt werden könne // Die Zeit, 25.06.2009; Bei dem Chef der „Deutschland Division“ des international agierenden Netzwerks „Blood & Honour“ (**Blut und Ehre**) waren am Wochenende, wie berichtet, rund 1800 CDs mit rechtsextremer Musik und 1500 Propagandabroschüren gefunden worden, die von Berlin aus vertrieben werden sollten. Stephan L. und seine Freundin hatten das Material mit einem geliehenen VW-Transporter aus Sachsen-Anhalt abgeholt // Der Tagesspiegel, 27.03.2000; Um so weniger als wir heute wissen, was auch die Gegenwart dem Baltentum zu verdanken hat – den Mann, der dem deutschen Menschen den Mythos von **Blut und Ehre** aufwies und ihn dadurch seiner schicksalsgewollten Bestimmung wieder zuführen half. So jedenfalls – um mit dem dritten, männlichen und daher tiefsten „baltischen Erlebnis“ eines einzelnen zu schließen – ergriff mich die Wirksamkeit eben jenes Deutschen, den sein Gegner als „sogenannten Balten“ zu bezeichnen wagte // Völkischer Beobachter (Reichsausgabe), 04.03.1932.

И этот лозунг «маскируется»: Ein Geruch von **Blut und Schande**, hieß es dann, haften an allen während des Dritten Reiches in Deutschland erschienenen Büchern, man solle sie einstampfen lassen sie sollten alle eingestampft werden. // Die Zeit, 14.10.1999; Wir leben in einem Lande, dessen unselige Geschichte uns bis in die Gegenwart hinein mit **Blut und Schande** eingehämmert hat, dass es ohne strengstes Verantwortungsbewusstsein nicht geht // Der Tagesspiegel, 20.12.2004; Djordjevic meint, der Geistliche rufe zu Krieg, **Blut und Bösem** in einer Szene auf, die wir dem Mittelalter zuschreiben // Der Tagesspiegel, 05.06.2005; Wem fiel das „sozialistische Eigentum“ zu, das Generationen mit „**Blut und Schweiß** geschaffen“ haben? // Berliner Zeitung, 02.08.2005; Der Dritte Schlesische Krieg bedeutet sieben Jahre „voll **Blutes und Elen-des**“ // Berliner Zeitung, 09.02.2005; In seinem „Night of the Living Dead“ von 1968 geht es neben allem **Blut und Ekel** um den Militarismus der Vietnam-Ära, in „Dawn of the Dead“ von 1978 um sinnentleerten Konsumwahn // Der Tagesspiegel, 30.12.2004; So entstand eine Typologie der Deutschen, die mit Umbrüchen und Errungenschaften des frühen 20. Jahrhunderts rein gar nichts zu tun hatte und sich stattdessen so

*ländlich-sittlich wie anti-modern herleitete aus den Kategorien **Blut und Boden**, Volk und Rasse - die also nur zu leicht von den Nationalsozialisten ideologisch genutzt werden konnte // Berliner Zeitung, 23.07.2005; **Blut und Rasse** seien dabei „im deutschen Sinne“ zu beleben // Режим доступа: <http://brightsblog.wordpress.com/2013/11/12/der-ungeist-der-deutschen-christen/> 12.11.2013 (дата обращения: 10.05.2017); *Wenn man vergisst, dass die Assecoires, die man jeden Tag einkauft, das Benzin, das man jeden Tag tankt, und die Rohstoffe, die man täglich konsumiert, alle mit dem **Blut und Elend** von Menschen bezahlt sind, die in der Sicht meiner Kritiker scheinbar weniger Wert haben, als die Menschen, die das Dolce Vita genießen.* 01.09.2013 // Режим доступа: <http://ruthwitt.wordpress.com/unterschicht-co/> (дата обращения: 08.10.2016).*

Следующий пример: **Volk ohne Raum** (рус. *Народ без пространства*). В 1926 г. Ганс Гримм (Hans Grimm) опубликовал свой роман *Volk ohne Raum* (рус. *Народ без пространства*), который привлек к нему внимание немецкой общественности в связи с результатами Первой мировой войны. Лозунг позднее был использован нацистской пропагандой для оправдания своих действий [Duden, Bd. 12, 2002: 556; DZR 2007: 783; Büchmann 2007: 277]. Гримм часто использовал понятие „Lebensraum“ («жизненное пространство»), понимая под этим оправдание экспансионистской политики Германии. О популярности этой политики говорит то, что в условиях Веймарской республики роман разошелся тиражом 700 тыс. экземпляров, а после прихода фашистской партии НСДАП к власти в 1933 г. стал обязательным пунктом школьной программы [Pdtzold, Bd. 1, 2002: 117-118].

Идея «народа без пространства» живет и в начале XXI в. Под этим лозунгом правые силы собираются не только в Германии, но и в других странах Европы и в Америке, в том числе и в славянских странах. Сегодня названный лозунг Веймарской республики и национал-социализма, „оправдывающий“ стремление обрести обширные территории, употребляется осудительно: *Auf den Schreckensruf „**Volk ohne Raum**“ schien die Perspektive eines „Staats ohne Volk“ zu folgen // Brandt, W. Erinnerungen. Berlin, 1997: 52; Slavitzki hatte ein gebrauchtes Radio gekauft und beide – meine Mutter und Slavitzki – saßen Abend für Abend am Radio, unterhielten sich über Politik, rechneten sich aus, wann der ‘Herr Hitler’ wohl an die Macht kommen würde, redeten von deutscher Ehre, Blut und Boden, **Volk ohne Raum**, von unserer Kellerwohnung und*

der Wohnung Chaim Finkelsteins, von der Würde des deutschen Friseurs ... sogar mit einem Namen, der zufällig polnisch klingt ... redeten von der Würde der arischen Mutter mit oder ohne Taurung // Hilsenrath E. Der Nazi & der Friseur. Köln, 1977: 41; Und es forscht in den Aufzeichnungen des Großvaters nach versteckten Hinweisen auf jene Abgründe, die unter der Oberfläche der Afrika-Abenteuer und Schlesien-Erinnerungen lauern oder aber in seinen muffigen Arbeitszimmern mit Leopardenfell, Reichsadler-Nippes und Büchern wie „**Volk ohne Raum**“ // Berliner Zeitung, 24.03.2003; Mitunter hörten darum ihre Schüler auch noch etwas vom „Krieg als Erziehungsmittel Gottes“ oder von Deutschland als einem „**Volk ohne Raum**“, das darum dringend Kolonien brauche // Der Tagesspiegel, 11.11.1999; Zu den Bibeln des Deutschtums, wo es am knastrigsten ist, gehört auch ein dicker Wälzer, „**Volk ohne Raum**“ von Hans Grimm. Der Mann hat in Deutsch-Südwest gelebt und hat vor dem Kriege einige beachtliche Novellen veröffentlicht <...> Nach dem Kriege aber fuhr es in ihn; wie alle Deutschen ein schlechter Verlierer; kochte er die erlittene Niederlage metaphysisch auf und tat an der vorhandenen Überbevölkerung des deutschen Landes und vermittels eines mäßigen Romans dar, dass Deutschland wiederum Kolonien brauche // Kraus, K. Grimms Märchen Deutschland, die verfolgende Unschuld. Режим доступа: <http://www.textlog.de/tucholsky-grimms-maerchen.html> (дата обращения: 10.10.2016); Auf dem Gebiet der Bundesrepublik Deutschland lebten vor Ausbruch des 2. Weltkriegs 39 Mio Deutsche, also etwas weniger als die Hälfte der heutigen Bevölkerung. Da möchte man doch gerne fragen: Woher kam in dieser Situation die Parole „**Volk ohne Raum**“? Noch mysteriöser: Wie kam es dazu, dass dieser Parole geglaubt wurde? // Archiv-Thema im Forum: Das 3. Reich und 2. Weltkrieg. Joerg. Volk ohne Raum?! Режим доступа: <http://www.g-geschichte.de/forum/3-reich-2-weltkrieg/2136-volk-ohne-raum.html> (дата обращения: 11.10.2016).

Ср. трансформы:

Wurde der Überfall auf die Republik Polen 1939 begangen, um einem „Volk ohne Raum“ gewaltsam Platz zu erobern, so verstehen sich die Deutschen heute als **Volk ohne Arbeit** // Berliner Zeitung, 03.09.1999; Auf dem Höhepunkt der Asyl-Debatte bohrte sie 1991 in die Wand eines Berliner Abbruchhauses Öffnungen, die wie Einschusslöcher aussahen und zusammen den Schriftzug „**Völker ohne Röhre**“ ergaben // Der Tagesspiegel, 19.08.1999; Zweifellos hätte er die große Klage über den

*Zeugungs- und Gebärdstreik unserer Landsleute, der die Deutschen, gestern noch (angeblich) ein „Volk ohne Raum“, in icksüchtige Einsiedler eines „**Raums ohne Volk**“ zu verwandeln droht, wie es Erich Köstner, auch er ein ahnungsvoller Sputter, in den späten zwanziger Jahren vorausgereimt hat // Die Zeit, 14.06.2006; Palästina ist eben kein Land ohne Volk für ein **Volk ohne Land** // Die Zeit, 30.01.2015; „Ein Land ohne Volk für ein **Volk ohne Land**“ ist die krasseste Kurzform für den elementaren Gehalt des zionistischen Mythos, die Kernaussage, um die alles übrige kreist (der Mythos von der Sicherheit, die Demografiephobie, der Horror vor dem Terror, die erleuchtete Besatzung und die ethnische Demokratie) // Die Zeit, 08.05.2008; Dank seiner Stellung besaßen seine populärwissenschaftlichen Veröffentlichungen wie etwa **Volk ohne Jugend** quasi einen offiziellen Anstrich. Die Zeit, 16.05.2007.*

Лозунг **Heim ins Reich** (рус. *Домой в Рейх*) – лозунг-политическая доктрина и фашистская система мер, провозглашенная Гитлером в 1938 г., призванная сплотить немецкий народ и усилить национальное самосознание всех фольксдойче (Volksdeutsche – политическое обозначение «этнических германцев» до 1945 г., которые жили в диаспоре, вне пределов «Третьего Рейха, 1933–1945»). Данная социально-политическая установка преследовала целью в очередной раз решить «германский вопрос» и усилить пангерманизм, опираясь на идеологические установки и новые методы ведения внешней и внутренней политики, присущей фашистской Германии [Pätzold, Bd. 1, 2002: 288-294; Küpper 1993: 102].

Главными группами населения, на которые и была ориентирована политика „Heim ins Reich“, стали немцы и фольксдойче Австрии, ряда западных регионов Польши (Силезия), Судетов (судетские немцы), и территорий, изъятых у Германии по результатам Версальского договора. Стремления присоединить Австрию к империи и, таким образом, улучшить экономические и политические условия в послевоенные годы в обоих побежденных государствах нашли свое выражение в 1920 г. в основании австрийско-немецкого народного союза. Рейнгау-организация союза в Бохуме издавала периодику под заголовком „Heim ins Reich“ (рус. *Домой в Рейх*) – журнал о присоединении немецкой Австрии и праве на самоопределение пограничных областей бывшей Австро-Венгрии. Этот журнал сменило в 1924 г. ежемесячное издание, просуществовавшее до

1933 г. под названием „Австрия-Германия“, но со старым подзаголовком „Heim ins Reich“. Реализацией политики „*Heim ins Reich*“ позже занималось ведомство Фольксдойче Миттельштелле (*Volks-deutsche Mittelstelle*), ставшее в 1941 г. одним из управлений СС.

*Mit der Bemerkung, er sei minderheitenpolitisch 1989 „**Heim ins Reich**“ geholt worden, rief dann ein jüngerer Diskussionsteilnehmer heftigen Widerspruch hervor, der jedoch, zum Ende der Veranstaltung, vom Gesamtgefühl zufriedener Gleichgültigkeit im Publikum aufgesogen wurde // Der Tagesspiegel, 02.06.1997; An einem anderen Punkt wird er gefährlich: wo Peking unverhohlen durchblicken läßt, wieder und wieder, daß es die Inselrepublik Taiwan notfalls auch mit kriegерischen Mitteln „**Heim ins Reich**“ zu führen gedenkt // Die Zeit, 24.01.1997; **Heim ins Reich**, das sollte doch voll auf der CDU-Linie sein, wieso sind die denn jetzt alle so aufgebracht? 25.02.2005. Режим доступа: <http://lumma.de/2005/02/25/osterweiterung-in-schleswig-holstein/> (дата обращения: 10.05.2017); **Heim ins Reich** der heilen Haider-Welt wollen s doch alle und ein Freistaat wie Bayern könnte seinen Austritt aus dem lockeren deutschen Verbund verfassungsrechtlich durchsetzen, würde dann nichts mehr in das deutsche Fass ohne Boden einzahlen müssen und rundum besser dran sein // Berliner Zeitung, 09.10.1999; Unter siebzehn Dokumentar- und Spielfilmen, die die wechselvolle Geschichte der Wiener Juden ins Bild setzen sollen, sind bekannte Kassenknüller wie Billy Wilders Kalte-Kriegs-Komödie „Eins, zwei, drei“ ebenso zu finden, wie Wolfgang Glücks 1986 gedrehter Film „38 auch das war Wien (38 **Heim ins Reich**)“, der nach der gleichnamigen Romanvorlage von Friedrich Torberg entstand // Berliner Zeitung, 23.10.1998; Zumindest zeigt sich doch auf diesem Wege wieder das wirklich ansinnen dieser Gruppierungen, denn die wollen keineswegs, meiner Meinung nach, unsere Demokratie und die Menschenrechte verteidigen – die wollen „**Heim ins Reich!**“ 11.07.2008. Режим доступа: <http://julia-seeliger.de/von-der-jungen-freiheit-zu-bild/> 01.06.2008 (дата обращения: 17.11.2016).*

И этот лозунг оказывается «в новых платьях»: **Heim ins Baskenland**: Die spanische Regierung hat beschlossen, 105 Häftlinge der baskischen Untergrundorganisation ETA in Gefängnisse in der Nähe ihrer Heimatorte zu verlegen // Berliner Zeitung, 08.09.1999; Der Autor Ernesto Kroch stellt am heutigen Mittwoch um 19 Uhr im Jüdischen Kulturverein, Oranienburger Straße 26, sein Buch „Exil in der Heimat.

Heim ins Exil“ vor // Berliner Zeitung, 04.11.1998; *Warum soll jetzt der ganze „Heim ins Reich-Rummel“ auch noch mal mit uns Ostdeutschen aufgeführt werden?* // Berliner Zeitung, 01.06.1996; *Die Aufführung der Wiener Philharmoniker unter Zubin Mehta am Sonntag in der Philharmonie war nicht weniger ein Skandal, ein allerdings von Begeisterung umtoster, indem sie dieses ungeheure Stück heimholte ins Reich der gediegenen Unterhaltung* // Berliner Zeitung, 20.12.2005; *Die Hausbesitzerin kündigt ihnen, nicht gerne täte sie das, aber sie müsse halt, außerdem brächten die Nazis ihr Heimatland Südtirol wieder zurück ins Reich* // Berliner Zeitung, 21.08.1999.

Deutschland über alles (рус. Германия превыше всего!) Этот лозунг является символом нацистской идеологии Третьего рейха. Он цитируется для акцента националистических тенденций [DZR 2007: 173; Duden, Bd. 12: 2002, 126-127]. *Deutschland, Deutschland über alles* (рус. Германия, Германия превыше всего), первые строки патриотической песни „Lied der Deutschen“ (рус. Песня немцев) [Wander 1987, Bd. 5: 1129]. Она была написана в 1841 г. профессором-филологом, поэтом Августом Генрихом Гофманом фон Фаллерслебеном: „*Deutschland, Deutschland über alles, / über alles in der Welt, / wenn es stets zu Schutz und Trutze / brüderlich zusammenhält, / von der Maas bis an die Memel, / von der Etsch bis an den Belt – / Deutschland, Deutschland über alles, / über alles in der Welt*“ (рус. Германия, Германия превыше всего, / Превыше всего в мире, / Если она для защиты и отпора / Всегда братски держится вместе! / От Мааса до Мемеля, / От Эча до Бельта. / Германия, Германия превыше всего, / Превыше всего в мире!). Замысел автора – протест против раздробленности Германии, стремление к объединению страны – был искажен позже в шовинистических целях [Рдтзольд, Bd. 2, 2002: 307]. 11 августа 1922 г. на заседании Национального собрания Германии, где была принята Веймарская конституция, первый рейхспрезидент Германии Фридрих Эберт объявил «Песнь немцев» государственным гимном республики. Во времена национал-социализма исполнялась только первая строфа этой песни, т.к. слова *Deutschland über alles* (Германия превыше всего) должны были выражать экспансионистскую политику Третьего рейха [Дайте миру шанс 2016: 230]. С 1952 г. третья, последняя строфа песни является национальным гимном Федеративной Республики Германия, что до

сих пор неоднозначно воспринимается общественностью. Другое название „*Deutschlandlied*“ («Песня о Германии»). В настоящее время Маас – река, протекающая по территории Голландии, Мемель – современный латвийский город Клайпеда, Этч – селение в Австрии, Бельт – пролив, контролируемый Данией. После объединения Германии 3 октября 1990 г. гимном ФРГ официально стала третья строфа «Песни немцев» [Pdtzold, Bd. 2, 2002: 316].

Несмотря на «запретность» лозунга он постоянно цитируется в печати, но, конечно, с осуждением самого высказывания: *Die Nationalhymne tut das Ihre, klingt doch im Kopf des krisengeplagten Europäers stets unweigerlich „Deutschland, **Deutschland über alles**“ mit: eine alles andere als beruhigende Assoziation, die eine bange Vorstellung von räuberischen Horden unterm Hakenkreuz nährt und in Italien das vollkommen unbedeutende Buch Il Quarto Reich des Berlusconi-treuen Journalisten Vittorio Feltri hervorgebracht hat* // Die Zeit, 17.12.2014; *Als ich bei Volk und Welt Kurt Tucholskys **Deutschland, Deutschland über alles** verlegen wollte, ein Blindband mit John Heartfields schünnem Umschlag lag zum Wohlgefallen der Besucherin Mary Tucholsky schon auf der Leipziger Messe, griff in letzter Minute die Zensur ein - man hatte den Aufsatz Der Kriegsschauplatz entdeckt, der von der heimlichen Aufrüstung der Reichswehr in der Sowjetunion handelt* // Die Zeit, 21.10.1999, Nr. 43; *Die öffentliche Darbietung der ersten Strophe des Deutschlandliedes, in der es unter anderem „von der Maas bis an die Memel“ und „Deutschland, **Deutschland über alles**“ heißt, ist juristisch kein Straftatbestand* // Berliner Zeitung, 16.06.2004; *In den veröffentlichten Gesprächsaufzeichnungen singt ein Spitzenmanager der Anglo Irish Bank: „Deutschland, **Deutschland über alles**“ – die erste Strophe des Deutschlandlieds, die zur Zeit des Nationalsozialismus gesungen wurde* // Die Zeit, 29.06.2013; *Und so steigt er an jenem Tag auf die Bühne des Kulturhauses von Nordhausen – wo zuvor sozialistische Jugendweihfeiern stattfanden, hetzt nun Köhnen einen Saal voller Anhänger auf und singt mit ihnen „Deutschland, **Deutschland über alles**“, die Arme zu einem leicht abgewandelten Hitlergruß erhoben* // Die Zeit, 31.10.2012; *Später singen sie in der Dämmerung gemeinsam „Deutschland, **Deutschland über alles**“, bevor sie ihre Transparente einrollen und 3800 Rechtsextreme zurück in die Busse steigen, die sie wieder in der Republik verteilen* // Die Zeit, 18.10.2011; *Nach dem Zwei-*

ten Weltkrieg verboten die Alliierten das „Lied der Deutschen“ für kurze Zeit – die erste Strophe („Deutschland, **Deutschland über alles**...“) bildete ja zusammen mit dem Horst-Wessel-Lied die Hymne des Nazi-Staates // Die Zeit, 06.07.2006.

Об известности лозунга свидетельствуют его переделки: ведь они функционируют именно на узнаваемости источника: „Der Standard“ (Wien) deliriert: „**Deutschland über allen**“. Und rät tatsächlich, uns statt „Piefkes“ fortan „Schlander“ zu schimpfen. Selten hat Zeitunglesen so viel Spaß gemacht // Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/sport/fussball-wm/diesseits-von-afrika-ueber-allen-wir-doch-nicht-11013009.html> (дата обращения: 05.10.2016); Soziale Poesie **Deutschland, Deutschland über allen**, auch über dieser Unterschicht, die Reichen rafften, Politiker schwallen, sie stört nur, diese Unterschicht! // Machmol A.U. Lebenslanglich Mensch oder Außenseiter, die Starken der Schwachen. BoD, 2014: 344; Weil wir uns international noch immer genau so aufführen? **Deutschland, Deutschland über Allen, über Allen in der Welt** – diese Zeile des Deutschlandliedes ist zwar offiziell verboten – aber die Regierung handelt genau nach dieser Textzeile. Überall wo unsere Kanzlerette hinreist hat sie im Gepäck die „Menschenrechte“, die nebenbei bemerkt auch in Deutschland mißachtet werden // detjahnke. Режим доступа: <https://de.toluna.com/opinions/1339162/Warum-m%C3%BCssen-wir-Deutschen-uns-immer-noch-als-Nazis> (дата обращения: 06.05.2017); „**Deutschland, Deutschland unter anderm. DuYerungen zur Politik**“ // Enzensberger, H. M. (название книги). Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1967.

Анализ избранных нами немецких «запретных» лозунгов показывает, что несмотря на подчеркиваемую их «активизаторами» независимость от исходного идеологического содержания, их идейная сущность имплицитно или эксплицитно в них продолжает сохраняться, проявляясь в разной степени в конкретных ситуациях и контекстах. Именно поэтому необходимо их углубленное лингвистическое и социологическое исследование. Фрагмент такого исследования и представлен в настоящей статье.

Литература

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер,

О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Шулежкова, С.Г. Лозунг – «визитная карточка» политиков, партий и общественных движений / С.Г. Шулежкова // Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – С. 3-6.

Büchmann 2007: Der Neue Büchmann. Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz. – Berlin : Ullstein, 2007. – 650 S.

Duden Bd. 12: DUDEN. Zitate und Aussprüche. Herkunft und aktueller Gebrauch. Rund 7.500 Zitate von der Antike bis zur modernen Werbesprache. 2., neu bearb. u. aktualis. Aufl. Hrsg. v.d. Dudenredaktion. Dudenverlag. Mannheim. Leipzig u.a. 2002. – 959 S.

DZR 2007: Duden. Das große Buch der Zitate und Redensarten. Über 15.000 klassische und modere Zitate und feste Wendungen. 2., überarb. u. erg. Aufl. Dudenverlag: Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich, 2007. – 895 S.

Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. Stuttgart-Dresden: Ernst Klett Verlag, 1995. – 959 S.

Pötzold, K., Weißenbecker, M. Schlagwörter und Schlagtrüfe. Aus zwei Jahrhunderten deutscher Geschichte. – Leipzig: Miltitzke Verlag 2002. – Bd. 1. – 352 S. ; Bd. 2. – 398 S.

Rabbow, A. dtv-Lexikon politischer Symbole A-Z. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1970. – 268 S.

Rechtsextremismus. Symbole, Zeichen und verbotene Organisationen / Verfassungsschutz (Hrsg.). Köln : Verfassungsschutz. Print-und MedienCenter, 2015 – 70 S.

Rituale und Symbole der rechtsextremistischen Szene / Hrsg. vom Ministerium für Inneres und Sport Mecklenburg-Vorpommern. – Rostock: Druckerei Weidner GmbH, 2015. – 76 S.

Schönke, A., Schröder, H. Strafgesetzbuch, Kommentar. – München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung 1991. – 1050 S.

Wander, K.F.W. Deutsches Sprichwörterlexikon: ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bd. Leipzig: Brockhaus, 1867–1880. – 1802 + 1884 + 1870 + 1874 + 1824 Sp.

Harry Walter
Greifswald, Germany

OUTLAWED SLOGANS IN MODERN GERMAN SPEECH

Abstract. In contemporary Germany some slogans – especially those related to the “brown past” of Germany – are prohibited by law, namely, in paragraph 86a of the German Criminal Code “Dissemination of propaganda materials of anti-constitutional organizations”. The analysis of such units shows that, despite the legal rules, the ideological essence implicitly or explicitly remains in them, manifesting itself in different degrees in specific situations and contexts of the right scene, as, for example, *Meine Ehre heißt Treue* (engl. Loyalty is my honour; truth is my privilege); *Blut und Ehre* (engl. Blood and Honor), *Volk ohne Raum* (eng. Nation without room); *Heim ins Reich* (engl. Back to the [German] Empire); *Deutschland über alles* (engl. Germany, Germany above everything). The law also bans certain figures that “mask” such nationalist slogans and symbols of fascist Germany: “2-8; 28”, denoting the first (B) and eighth letters (H) of the Latin alphabet (“Blood & Honor”), “88” the eighth letter of the alphabet “HH”, which symbolizes the fascist greeting (salute) “*Heil Hitler!*” (engl. Hail to Hitler!), “18” or letters “AH” – “A” and “H” (Adolf Hitler), „192“ (Adolf is back) etc. Their concrete linguistic and sociological research is necessary. A fragment of such a study is presented in this paper.

Key words: outlawed slogans, Germany, right scene, use in mass-media, escape sequences, figures replacing slogans, national anthem Germany, Germany above everything, transforming forbidden words and symbols

ДИСКУРС ЭТНОНЕНАВИСТНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности освещения в российских СМИ криминальной хроники. Делается вывод о том, что обращение журналистов к источникам в МВД Российской Федерации, следственного управления и другим специализированным ресурсам, использование информации из них без специальной обработки в СМИ может способствовать разжиганию межэтнической вражды. Автор отмечает опасность смешения правоохранительного и публицистического дискурса; особенно это касается ситуаций сегментирования преступности по этническому принципу. Тексты с этноненавистническим подтекстом расцениваются в статье как часть технологий манипулирования общественным сознанием. В работе рассматриваются технологии расчеловечивания, используемые в информационных войнах. В статье описаны такие технологии расчеловечивания, как внедрение в общественное сознание образа врага; использование образа маски без лица, безликость, а также неатропоморфных образов-ярлыков, в основе которых лежат анималистические, растительные, вещные образы и т.д. Делается вывод о необходимости специальной подготовки журналистов в области этнологии, религиоведения, этносоциологии и соблюдения ими этических норм, в том числе соблюдение кодекса журналистской этики.

Ключевые слова: этническая и национально-государственная идентичность; манипулятивные практики СМИ, технологии расчеловечивания; этика журналиста

Этническая самоидентификация обычно латентна, вторична по отношению к другим идентификационным характеристикам: гендерным, профессиональным, семейным, статусным и др. Этническая идентичность актуализируется ситуативно, в период конкуренции с другими этническими группами за доступ к общественным ресурсам, в момент ощущения опасности потери привилегий, угрозы ассимиляции. Политизация этничности нередко является результатом манипулирования общественным сознанием, когда используется протестный потенциал общества, обусловленный наличием реальных

противоречий и проблем. В этом случае гипертрофированное этническое самосознание начинает конкурировать с общегражданской идентичностью, возникает этнический сепаратизм, поддержка националистических движений, мигрантофобия.

Мониторинг русскоязычного контента средств массовой информации, отечественной блогосферы, новостных ресурсов свидетельствует о том, что российские СМИ тиражируют этноненавистнические установки, искусственно педалируют тему межэтнической и межконфессиональной розни, включены в практики «гибридной войны» с использованием механизмов пропаганды, манипуляций общественным сознанием.

Информационно-аналитический центр «Сова» ежегодно отчитывается об исследованиях ксенофобии и национализма, политическом радикализме в обществе. По их данным, количество публикаций с этнонегативистским уклоном в российской прессе всегда было высоким. Некоторый спад публикаций с такой проблематикой отмечен в начале – середине 2000-х гг. [Верховский 2008]. Цензурная политика начала двухтысячных следила за соблюдением законности, стремилась исключать из публикаций те, которые можно было бы истолковать как возбуждение этнической ненависти. Следует особо сказать, что акторами внедрения негативных установок являются не только СМИ, но и представители власти, официальные лица [Плутарев 2003]. В сфере правопорядка сложилась практика сегментирования криминального пространства по национально-этническому признаку; это рабочий инструмент по раскрытию преступлений, применяемый в правоохранительной сфере [Галактионова 2014]. Информация, предназначенная для служебного пользования, не должна быть частью общего информационного поля. Использование информации о криминальном сегментировании в СМИ, фиксация этноса преступника или жертвы провоцирует кодирование такой информации в негативные стереотипы. Профессиональная служебная характеристика криминальной сферы не должна становиться базисом обывательской стереотипизации, закрепляться в общественном сознании в отрицательном ключе, как, напр., оборот «цыганский наркобизнес» и пр. [Сагитова 2015].

После экономического кризиса 2008 г. вследствие ухудшения экономической ситуации, после кризиса на ближнем Востоке и

в Северной Африке, вызвавших миграционную волну в страны Европы, негативизм в отношении мигрантов стал нагнетаться. Европейская ситуация с мигрантами – популярная тема в российских СМИ. Дискурс, связанный с миграцией, находится в системе координат угроз и рисков, о чем свидетельствуют многочисленные заголовки в СМИ: Е. Холмогоров. *Закрывать миграционную течь* // Русский обозреватель, 06.04.2016; А. Кондратьев. *Мигранты не в ладах с законом* // Московский комсомолец в Тюмени, 23.03.2013; *Нашествие мигрантов в Европу* // Московский комсомолец в Тюмени, 08.02.2017; *Мигрант: добрый сосед или источник опасности?* // Тюменские известия, 09.07.2015; *Половину преступлений в Москве в 2012 году совершили приезжие* // MR7.ru, 13.02.2013.

Собственно, новостной контент, информация, связанная с освещением криминальных событий или происшествий, так или иначе затрагивает тему этнического происхождения, региона проживания преступника. Особенное внимание уделяется выходцам из Средней Азии, Закавказья, кавказских республик. Помимо этнического происхождения, в статьях может уточняться конфессиональная принадлежность участников событий, при этом нередко террористические атаки увязываются с мусульманством; стал расхожим термин «исламский» или «исламистский терроризм» [Степанова 2015]. Манипулирование типичными страхами обывателя за собственную жизнь, благополучие детей заставляет СМИ сообщать о катастрофах, криминальных происшествиях, связанных со смертью и т.д.

Тема миграции в Европу дается в соотнесении с российской ситуацией. Миграционные потоки из стран СНГ в Россию менее полнокровны, представители этих миграций связаны с Россией общей культурной, религиозной платформой, общим историческим прошлым, родственными и дружескими связями. Редакции следят, чтобы публикации в СМИ не становились источником конфликтов и внедрения интолерантных установок. В Российских СМИ материалы с этноненавистническим подтекстом увеличились в 2010–2012 гг. и были связаны с убийством во время столкновений футбольных фанатов. В новостных ресурсах этого периода часто акцентировалось внимание на этническом подтексте возникающих конфликтов. Для интернет-источников, как и для других СМИ, характерно подчеркивание этнической принадлежности преступника, указание

региона, из которого он прибыл, описание жертвы как мирного случайного прохожего. Второй аспект освещения криминальной хроники в этнонегативистском ключе – подчеркивание лояльности правоохранительных органов к преступникам, коррумпированность органов обеспечения правопорядка.

С декабря 2013 г. этнонегативизм связан с российско-украинскими отношениями. Освещение событий на Украине характеризуют как информационную войну [Лисовский 2014].

Практика информационной войны связана с использованием приема расчеловечивания. Стратегия расчеловечивания вписывается в манипулятивные технологии, ориентированные на «вбрасывание» в мир востребованного социального мифа. Основные черты такого мифа, чтобы стать жизнеспособным, базируются на нескольких основаниях: цель; жизнеспособность, подразумевающая адаптивность к существованию в определенной социокультурной среде; доверительность, основанная на ощущении искренности у целевой аудитории; обобщенности, укорененной на раскрытии ценностей целевой аудитории; выразительность, способная вызвать эмоциональное переживание эстетического и антиэстетического характера [Ульяновский 2005]. Мифотворчество, имеющее пропагандистские основания, искусно использует в манипулятивных практиках отработанные технологии оперирования образом врага. Для подчеркивания агрессивной и разрушительной роли врага интенсифицируются нечеловеческие или бесчеловечные основания зла; внушается, что по отношению к врагу соблюдение правил необязательно, поскольку он – «нечеловек». Для экспликации такой мысли важно отказать врагу в любых проявлениях человеческих черт: у врага нет имени, он бездушен, он – не человек, и, следовательно, любые агрессивные действия против него оправданны, логичны и необходимы. «Уже давно произошло расчеловечивание – воюют не люди с людьми, не славяне со славянами, не чеченский батальон со львовскими силами, воюют «укропы» с «колорадами». Такие ярлыки позволяют не мучиться совестью – какая разница, порезать траву на салат или опрыскать картофельные кусты ядом», – пишут специалисты [Бурцев: <http>]. Начало технологии расчеловечивания – маска, скрывающая лицо. Использование масок у активистов майдана стало основанием тезиса о том, что они «прячут лица», поскольку виновны. Лицо не скрывает тот, кто прав. Вторая вол-

на расчеловечивания – использование ярлыков, в основании которых лежат анималистские (*колорады*) или растительные (*укроп*) образы, образы из мира вещей, а не живой природы (*ватники*, *вышиванцы*) и т.д. Использование образов-ярлыков калечит сознание, поскольку реципиенты воспринимают эти ярлыки без должного анализа, усваивают их, пользуются ими, привыкают к ярлыкам. Следует особо обратить внимание на то, что современные манипулятивные технологии сосредоточены именно на технике расчеловечивания, в отличие, например, от технологий, применявшихся журналистами в период Великой Отечественной войны, когда друг другу противопоставлялись условные «Иваны» и «Гансы» – собирательные, обезличенные, но все-таки человеческие образы.

Использование технологий расчеловечивания увеличивает накал противостояния, повышая градус человеконенавистничества, а потому оно опасно. Журналисты, которые «были мобилизованы на «невидимый фронт», превратились в «информационные войска». Именно журналистика выступила в качестве главной ударной силы «гибридной» войны – войны нового типа, сочетающей в себе информационно-психологические, политические, дипломатические, экономические и (в последнюю очередь) милитарные компоненты» [Окара 2014].

Для снижения числа этноориентированных публикаций необходимо помнить об ответственности СМИ, о соблюдении журналистской и редакторской этики. В России есть примеры создания этического кодекса журналистов, и следование правилам такого кодекса должно соблюдаться всеми членами профессионального сообщества. Важно также придерживаться не только общих правил, но и ориентации на общекультурную компетенцию, специальную подготовку в области этнологии, этнографии, религиоведения, этнопсихологии. В профессиональной деятельности журналиста немаловажное значение имеют толерантные установки, правдивое и непредвзятое освещение событий, способность к разрешению потенциальных конфликтных ситуаций, чуткость и эмоциональная устойчивость в соединении со способностью к эмпатии.

Основополагающими в деятельности СМИ по освещению информационных и этнополитических событий следует считать толерантные и неконфликтные установки; соблюдение норм

журналистской этики; компетентность в освещении тем, связанных с этнической проблематикой. Необходим государственный и общественный контроль по соблюдению вышеизложенных правил. Для создания неконфликтного поля межэтнического взаимодействия нужно создавать атмосферу общественного благополучия и пропаганды общечеловеческих и общегражданских ценностей, объединяющих всех членов социума вне этноконфессиональных установок.

Литература

Бурцев, С. Война на Украине [Электронный ресурс] / С. Бурцев. – Режим доступа: <http://www.yuga.ru/articles/society/6974.html?print=1> (дата обращения: 26.10.2015).

Верховский, А.М. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году / А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева. – М. : СОВА, 2008. – 158 с.

Галактионова, Н.А. Особенности освещения криминальной хроники: ксенофобия как ориентир современных СМИ / Н.А. Галактионова // Вестник ТИПК. – 2014. – № 2. – С. 138-142.

Лисовский, Ю.А. Украина и Крым сквозь дым информационной войны / Ю.А. Лисовский, А.Н. Самарин // Конфликтология. – 2014. – № 1. – С. 57-76.

Окара, А.Н. «Четвертая власть» между обществом и государством. Политические журналисты как часть политического класса современной России / А.Н. Окара // Полития. – 2014. – № 4. – С. 31-48.

Плутарев, И. Россия охвачена мигрантофобией. Чиновникам от власти выгодно страшать народ нелегалами из Средней Азии и Закавказья [Электронный ресурс] / И. Плутарев // Независимая газета, 27.05.2003. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1053998940> (дата обращения: 05.04.2017).

Сагитова, И.Ф. Цыганский наркобизнес [Электронный ресурс] / И.Ф. Сагитова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 30. – С. 556–560. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/65182.htm> (дата обращения: 26.09.2017).

Степанова, Е.А. Исламистский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни / Е.А. Степанова // Индекс безопасности. – 2007. – № 1 (81). – С. 66-89.

Ульяновский, А. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы / А. Ульяновский. – СПб. : Питер, 2005. – 236 с.

*N.A. Galaktionova
Tyumen, Russia*

THE DISCOURSE OF ETHNIC HATRED IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA

Abstract. The article discusses the features of the coverage of criminal chronicle in Russian mass media. It is concluded that journalists' treatment to The Russian Ministry of the Interior's sources and to the Investigative Department's resources and the usage of the information without special processing in mass media lead to the inciting of Inter-ethnic hatred. The author mentions the danger of mixing law enforcement and publicistic discourse, it's especially a thing of vital importance when we talk about the segmentation of criminality according to ethnic lines. Tests with ethnic intolerance undertones are considered as a part of the technology of manipulating public consciousness. A lot of dehumanization technologies used in informational wars are studied. The article describes such dehumanization technologies as the introduction of an enemy image; an image of a mask without a face; the usage of non-anthropomorphic tag-images etc. The article concluded that journalists' special training and their compliance with ethical standards are necessary.

Key words: ethnic and national identity; manipulative practices of QMS, the technology of dehumanization; the ethics of journalism

*O.B. Гневэк, М.В. Мусийчук
Магнитогорск, Россия*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУСОФОБИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В работе исследуются наиболее частотные способы формирования и развития русофобии, целенаправленно нарушающие действие принципа объективной целостности этностереотипа русских. Развитие ксенофобских настроений по отношению к России привело как к ожидаемым, так и к неожиданным социальным последствиям

Ключевые слова: манипулятивные методики, этностереотип, психолингвистика, русофобия, ксенофобия, экстремизм

Отличительной тенденцией развития отношений в мировом сообществе является постоянное использование насильственных методов их регулирования как со стороны стран, считающих себя лидерами в создании модели социального взаимодействия, так и со стороны стран и сообществ, не относящих себя к таковым. Развитие названной тенденции привело к разгулу экстремизма в любом из принятых его пониманий: как одной из форм отчуждения, и, прежде всего, отчуждения от культуры, базовых ценностей, культурных традиций; как крайних взглядов и насильственных действий; как незаконной деятельности, направленной на свержение существующего строя; как характеристики психоэмоциональной структуры человека и состояний индивида; как побочного продукта экстремального (природно-стихийного) развития ситуаций; как превышения пределов допустимого при наличии злого умысла [Актуальные вопросы 2004; Дайте миру шанс! 2016; Позднякова 2015; Публицистический арсенал общественных движений 2015; Пути преодоления конфликтогенных ситуаций 2016; Томалинцев 2005; Чурилина 2016; Шулежкова 2016а, 2016б; Экстремизм в среде петербургской молодежи 2003].

Для нашего исследования наиболее удачным представляется определение, предложенное Л.В. Баевой, в котором учитывается психологическая специфика явления. Исследовательница характеризует экстремизм как «крайнюю форму интолерантности, соединенную с агрессией и насилием как методами выражения непримиримости к Другому» [Баева: <http>].

Распространение любого вида экстремизма (политического, национального, религиозного) осуществляется на основе единого психологического механизма: разделение окружающего мира на «свой» и «другой»; сакрализация «своего мира» и наделение «другого» мира враждебными чертами и свойствами, т.е. преобразование Другого в Чужого; побуждение к защите «своего» мира всеми возможными, в том числе и насильственными действиями. В психологическом плане эти процессы протекают как целенаправленное формирование ксенофобии, на ее основе – ненависти и вражды. Под ксенофобией понимается «навязчивый страх перед незнакомыми; негативное отношение, в частности недоверие и даже ненависть к иностранцам, иностранному, чужому» [Ксенофобия 2007: 215]. Целью предпринятого исследования является анализ современных

способов формирования и развития ксенофобии как основы экстремистской идеологии и пропаганды.

По инициативе стран так называемой «семерки» (международный клуб, объединяющий Великобританию, Германию, Италию, Канаду, США, Францию и Японию. Такое же название носит и неофициальный форум лидеров этих стран (с участием Европейской комиссии), в рамках которого осуществляется согласование подходов к актуальным международным проблемам) в последнее десятилетие осуществляется целенаправленное формирование и развитие ксенофобских настроений, нацеленных на принуждение России к принятию того видения однополярной модели социального взаимодействия, которое выработано в рамках доктрины Европейского союза.

В этой связи все усилия лидеров стран «семерки» сводятся к попытке вести «псевдиалог» с Россией не в рамках стратегий воздействия и взаимодействия, а в пространстве манипулирования мировым сообществом навязываемыми ксенофобскими представлениями о России. Чтобы понимать принципиальное различие между воздействием и манипулированием необходимо учитывать следующее.

В теории текста процесс общения рассматривается не только как процедура обмена информацией, но и как способ воздействия участников коммуникации друг на друга. При этом выделяют вербальные (языкоречевые), невербальные (жесты, мимика, наше поведение во время речи, внешность говорящего, дистанция общения и др.), смешанные способы воздействия на собеседника. К смешанным мы относим также использование видеоинформации, иллюстративного материала, музыки, наряду с вербальными и невербальными средствами. Под речевым воздействием подразумевается убеждение человека при помощи речи в объективности предлагаемой точки зрения, лежащей в основе сознательного принятия решения о каком-либо действии, передаче информации и т.д. Манипулирование же проявляется в воздействии на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д.) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, первоначальному намерению.

Воздействие и манипулирование имеют как общие, так и отличительные особенности. Так, к основным психологическим способам воздействия в процессе общения относят убеждение, внушение, психи-

ческое заражение, подражание. Эти же методы используются в манипулятивных технологиях, но фоном для их использования выступает одновременно устрашение, предполагающее последующее принуждение.

Устрашение является частью общечеловеческой культуры, созданной как технология выживания. В психолингвистическом плане речевыми единицами устрашения выступают высказывания, предписывающие строгий алгоритм поведения на основе знания опасных последствий его невыполнения. Знание опасных последствий может быть заложено в содержание высказывания (*Не входить! Высокое напряжение!; Осторожно, злая собака!* и т.п.), а может регулироваться ситуацией общения, т.е. быть представлено имплицитно (*Не стой под стрелой!* – надпись под стрелой подъемного крана; *Пристегнуть ремни* – в салоне самолета и т.п.). В любом случае участникам общения предписывается строго определенная модель поведения без ее обсуждения. Не случайно именно манипулятивные тактики чаще всего реализуются в формировании ксенофобских настроений как наиболее эффективные техники управления пониманием и поведением.

На современном этапе выделяются системно реализуемые манипулятивные приемы формирования русофобии как в странах ближайшего окружения России, так и в дальнем зарубежье. Чтобы понять сущность и действенность реализуемых технологий, необходимо разобраться в закономерностях формирования любого этностереотипа в процессе развития взаимоотношений различных этносов.

Общение представителей различных национальностей и культур всегда протекает в логике разграничения «свой» и «другой». Именно в рамках указанной логики формируется национальная идентичность и специфическая в этом плане когнитивная картина мира. Второй закономерностью взаимодействия выступает поиск в культуре и картине мира «другого» не похожих на сложившееся понимание мира явлений и процессов. Третьей закономерностью выступает принятие непохожих явлений и процессов в силу отсутствия их влияния на национальную идентичность «своего» мира. Четвертая закономерность – выступает сосуществование «своего» и «другого» в условиях уважительного принятия инаковости друг друга.

Перечисленные закономерности составляют содержание так называемого диалога культур, возможность существования которого проверена тысячелетиями в форме сохранения языков, традиций

и обычаев различных народов. Основу диалога составляет так называемый принцип объективной целостности представления конкретного этностереотипа. Под этническим стереотипом понимаются относительно устойчивые представления о человеческих качествах, присущих определенным этническим общностям (все русские, образно выражаясь, живут по принципу “рубаха-парень”, существует миф о “загадочной русской душе” и др.) [Демина 2005: 129].

Можно выделить, по мнению Е. Варламова [Варламов 2014], несколько стереотипов, которые русские относят к другим жителям планеты: *Все немцы пунктуальны и педантичны; Все евреи умные, но жадные; Все американцы имеют стандартное мышление, они не могут отклоняться от курса, заданного в детстве или законодательством; Все испанцы слишком эмоциональны, они вспыльчивы.*

В то же время о русском человеке у других наций также складывается определенный стереотип. Наиболее распространенным из них является прирученный медведь, который играет на балалайке, и, конечно, водка – ею все россияне завтракают, обедают и ужинают.

По мнению Т.Г. Стефаненко, основными способами создания негативных этностереотипов является повторяемость мотивов и выделяемых черт, а также закрепление их в определенном языковом материале. Ученый также указывает, что в процессе создания этностереотипа активно стереотипизируются отрицательные черты и довольно скупо представляется позитивная оценка.

С указанных позиций мы попытались проанализировать этностереотип русского человека, созданного украинцами, и этностереотип украинца, созданного представителя российской культуры. В качестве предмета анализа использовались пословицы и поговорки двух народов.

Даже поверхностный анализ выявленного фольклорного фонда позволяет утверждать, что для отношений русских и украинцев на протяжении столетий не были свойственны ксенофобские настроения, несмотря на фиксацию негативных свойств и черт, выделяемых в обоих этностереотипах.

Для обозначения русских на Украине использовались лексемы «москаль» и «кацап». Кацапами обычно именовали крестьян, традиционно носящих бороды («як цап», т.е. «козел»), а для представителей иных слоев населения использовали лексему «москаль», наделяя

ее положительной или отрицательной коннотацией в зависимости от эпохи. В России для именовании украинцев использовали лексику «хохол» (фиксация в названии своеобразия национальной прически), на основе которой создавался национальный стереотип украинца.

Русские отмечают у украинцев такие качества, как хитрость и практичность (*И по воду хохол, и по мякину хохол; Хохол не соврет, да и правды не скажет; Он хохол (т. е. хитер и упрям); Хохол глупее вороны, а хитрее черта*), высокую степень приспособляемости к различным жизненным ситуациям (*Продали с хохла пояс за три деньга, а хохол нипочем в придачу пошел; Вышел из полону, да поселился на Дону*) [Даль <http>]. Несмотря на высокую степень ироничной коннотации, сопровождающей фиксацию этнических черт, легко прочитывается уважение и восхищение выделяемыми качествами.

Одновременно высмеиваются и качества, которые воспринимаются русскими как негативные:

- неряшливость (*Кто в Одессе не бывал, тот пыли не видал*);
- глуповатость (*Малороссы – мазепинцы, хохлы, чубы; индюшка высидела; галушкой подавился; Черт с хохла голову снял да приставил ему индюшечью; Индейка из одного яйца семерых хохлов высидела*);
- кичливость (*Заднепровский итальянец. Задрипанцы*);
- агрессивность (*Хохлацкий цеп на все стороны бьет (хохлы молотят через руку)*);
- лень (*Русак до читанья, хохол до спеванья*);
- космополитизм (*Венгер из-под Лохвицы (Полтавская губерния, коробейники); Овруцкая (Ошмянская) шляхта (т.е. голыш, оборванец)*) [Даль <http>].

В украинских пословицах и поговорках представлен этностереотип русского, также обладающего преимущественно негативными чертами и свойствами:

- агрессивность (*Москалю (хоть) угождай как лихоманке, а все бесом смотрит; Не велик москаль, да страшен; От черта открестись, а от москаля не отмолишься; Об одном москале (вариант жолнере) война будет; Хоть убей москаля, а он зубы оскалит*);
- вероломство (*С москалем будь, а камень за пазухой держи; Москалю (хоть) угождай как лихоманке, а все бесом смотрит; Москаль с бесом посоветовались, да на лихо надеялись*);
- лживость (*Сказал москаль «право», да и наврал браво; Коли*

москаль говорит «сухо», то поди будет по уху; Что собачьему лаю, что москалю верить»;

– хвастливость (*Москаль лицом чванится и каждому под нос с ним тихается*);

– чванливость (*Негоже москаля дядьком звать, только «дя-дюшка»*);

– жестокосердие (*Москаля на слезу не пробьешь; Москаль не свой брат, не помилует*);

– вороватость (*Коли черт да москаль что украли, то поминай как звали; Поди, москаль тогда красть перестанет, когда черт молиться Богу станет; На волка пеняют, а кобылу москаль украл; Не за то москаля бьют, что крадет, а за то, чтоб умел концы прятать; Хоть и хороший человек, да москаль...*) [Українські приказки 1864: 18-19].

Одновременно фиксируются и черты, вызывающие искреннее уважение и восхищение:

– способность найти решение в безвыходной ситуации (*Москаль казака точно обманет, а москаля и черт не обдурит; Москаль как ворона (умный), да хитрей черта*);

– упорство (*Москаль лыком вязаный, в лыках ходит, да всех в лыках водит*);

– храбрость (*Не велик москаль, да страшен; Хоть убей москаля, а он зубы оскалит*) [Українські приказки 1864: 18-19].

Как уже указывалось, представители русского этноса в своих пословицах также фиксируют собственные негативные черты:

– хвастливость (*Русский человек и гуллив и хвастлив*);

– безалаберность (*Русский человек любит авось; Русский на авось и взрос; Русский человек любит авось, небось да как-нибудь; Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь; Русак умен, да задним умом; Русский назад умен; Кабы у немца наперед, что у русского назади – с ним бы и ладов не было (ум)*);

– наличие природной лени (*Бей русского, часы сделает; Русский народ не боится креста, а боится песта*);

– тяга к пьянству (*Руси есть веселие пити, не может без него бытии*);

– агрессивность (*Земляк, избил всех в один синяк*).

Среди национальных качеств, достойных подражания, в русских пословицах и поговорках выделены

- доброта (*Русский человек – добрый человек*);
- сметливость (*Русский догадлив (сметлив, себе на уме)*; *Русак не дурак: поесть захочет – скажет, присесть захочет – сядет*);
- талантливость (*Бей русского, часы сделает*; *Русский что увидит, то и сделает*);
- храбрость и отвага (*Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит*; *Русский молодец – ста басурманам конец*; *Русский гостинец – кулага с саламатой*; *Русский терпелив до зачина. Русский задора ждет*; *Летит гусь на святую Русь*; *Прилетел гусь на Русь – погостит да улетит* (о Наполеоне); *Орешек (Шлиссельбург) и перцу горчае* (старин.));
- жертвенность (*С родной (родительской) земли – умри, не сходи!*);
- гостеприимство (*Русский человек хлеб-соль водит*);
- природная прямота и бескомпромиссность (*На пардон, на аман у русского и слова нет*);
- умение приспособиться к любым условиям существования (*В русском брюхе и долото сгниет*; *Крестьянское горло – суконное бердо: все мнет*);
- жизнерадостность (*Русский аппетит никогда (ничему) не претит*).

Анализ фольклорного фонда русского и украинского народов обнаруживает, что в процессе национальной идентификации или создания этностереотипа представителей других народов реализуется принцип объективной целостности: создание образа «своего» и «другого» в целостности, в единстве осуждаемых и одобряемых черт, свойств, привычек, традиций и обычаев. Благодаря действию названного принципа обозначение отрицательных черт не формирует ксенофобских настроений, поскольку осуществляется через иронию и насмешку – приемы, разрушающие страх перед инаковостью. Неслучайно, что между представителями двух родственных народов (русского и украинского) сложилась психология взаимопонимания на основе признания, что они «стоят друг друга». Эта установка реализована в шутовском приветствии, зафиксированном в русском и украинском фразеологических словарях: *Чтоб те хохлы да повыдохли!* (пожелание) – *А чтоб те москали да их повытаскали* (ответ).

Насмешливость обозначения порицаемых черт и привычек компенсируется «прочитываемым» одобрением черт, воспринимаемых как положительные. Нарушение же принципа объективной целостности в представлении конкретного этностереотипа приводит к возникновению ксенофобии и, как следствие, ненависти и вражде.

Пословицы и поговорки, формируя определенную часть когнитивной картины мира носителей конкретного языка и культуры, содержат и эмоционально-чувственный опыт создания этой картины, а значит, входят в систему языковых средств воздействия на участников общения.

Манипуляции строятся на разрушении принципа объективной целостности представления российского этностереотипа и его подмене на описание негативных черт данного этностереотипа как сущностных его характеристик. В данном случае используются самые разнообразные приемы, поэтому остановимся на анализе ведущих.

1. Включение образа России в отрицательно оцениваемый ряд явлений и событий. Так, лидеры Евросоюза на протяжении ряда лет говорят о наличии комплекса угроз, ставя в один ряд российскую политику на постсоветском пространстве, террористическую деятельность Исламского государства и катастрофические последствия изменения климата на планете. Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, обобщая отношение «большой семерки» к международной обстановке, заявил, что не только считает агрессию России в Украине свершившимся фактом, но и такой же угрозой Западу, как ядерные испытания в КНДР и терроризм на Ближнем Востоке. Он призвал европейские страны объединиться в борьбе с этими угрозами [Кэмерон 2014: [http](#)].

2. Подмена содержания общепринятых понятий, известная больше как «политика двойных стандартов». Сущность этого приема заключается в том, что одно и то же явление характеризуется с точки зрения интересов конкретных государств и коалиций. Так, результаты референдума в Шотландии, связанные с решением выхода из состава Великобритании после объявления брексита, обозначено как «демократический выбор», а добровольное присоединение Крыма к России характеризуется посредством отрицательно окрашенной лексики «аннексия» [Обама: [http](#)]. Боевики антиправительственной коалиции в Сирии именуются «повстанцами», а население

самопровозглашенных народных республик Луганской и Донецкой областей Украины косвенно именуются террористами посредством признания международным сообществом этих территорий зоной АТО (антитеррористической операции).

3. Реализация политики двойных стандартов позволяет эффективно использовать и другой прием, метафорически обозначенный А.Н. Барановым словосочетанием «недоказанность как виновность». Так, несомненность решимости жителей Луганской и Донецкой областей Украины объясняется тайной военной помощью России. Вслед за П.А. Порошенко лидеры стран семерки говорят о факте «агрессии на востоке Украины» [Обама: <http>]. Проигрыш последователей политики Б. Обамы в США официально связывается с вторжением российских хакеров в избирательную систему страны.

4. Навязывание пресуппозиции – плана содержания высказывания, который, по мнению автора текста, известен слушающему. Этот прием имеет другое название – управление пониманием. Другими словами, спорная информация подается как общеизвестная, не требующая доказательств и аргументации.

5. Важным приемом манипулирования является абсолютизация агрессивности россиян в сознании граждан разных стран, способствующая демонизации образа русских и руководителей России. На многочисленных карикатурах президент РФ изображается в образе дьявола, русские хакеры объявляются специалистами, способными повлиять на исход демократических процессов в Америке и Европе. Наличие русского следа безапелляционно признается во всех трагических событиях, происходящих на планете. На этом фоне осуществляется якобы доказуемое приписывание россиянам черт и свойств, порицаемых как эталонной моралью и этикой, так и принятым международным законодательством.

6. Навязывание агрессивного образа России осуществляется посредством многократного повторения негативной информации в международных СМИ, поиск в любых действиях россиян преступного умысла.

Все перечисленные приемы используются в системе в целях принуждения участников общения к управляемому негативному восприятию России и россиян и реализуются в тактиках внушения, убеждения, псевдодоказательства, а фоном реализации данных приемов

выступают стратегии устрашения и понуждения к моделируемым действиям всех участников общения. Подобный фон выступает основой для снятия критического восприятия негативно окрашенной информации и создает условия для принужденного формирования нового этностереотипа русского – варвара, жаждущего чужих территорий и безграничной власти. Демонизация образа России и россиян, абсолютизация агрессивности русских в психологическом плане становятся механизмом устрашения граждан различных стран, пытающихся или не пытающихся разобраться в специфике российского этноса.

Попытки разрушения принципа объективной целостности восприятия россиян представителями других народов и государств особенно активно осуществляются с конца XX в. и на всем протяжении первых десятилетий XXI в. Инструментом разрушения выступала негативная оценка роли России в описании и событий в Грузии, и событий на Кавказе, хотя в последнем случае речь шла о собственно российских территориях.

В последние годы инструментом разрушения принципа объективной целостности восприятия россиян представителями других народов и государств выступает Украина, возраставшая и официально признавшая националистическую идеологию в новом варианте.

В целом, целенаправленное развитие ксенофобских настроений по отношению к России в ближнем и дальнем зарубежье привело к ожидаемым и неожиданным социальным последствиям. Ожидаемым является ухудшение отношения к россиянам со стороны обычных граждан других стран. Так, опрос, проведенный в январе-феврале 2017 г. среди американцев показал, что «Россия находится на шестой строчке в списке стран, которых американцы считают врагами. Возглавляет его КНДР (57 процентов). Далее следуют Иран (41%), Сирия (32%), Ирак (29%) и Афганистан (27%). Вслед за РФ в первой десятке этого рейтинга расположились также Ливия, Сомали (по 20 процентов), Пакистан (19%) и Палестина (18%)» [Лашкин 2017: <http://>].

Более любопытными представляются неожиданные последствия реализации описанных приемов формирования русофобии. Первым следует признать снижение влияния стран «большой семерки» на развитие международных отношений. Об этом свидетельствует оценка результатов последнего Саммита, прошедшего в Италии. Нынешний саммит G7 оказался бесполезен, поскольку

страны, которые являются членами этой группы, значат все меньше на мировой арене, считает основатель и президент американской исследовательской и консалтинговой компании Eurasia Group, профессор Нью-Йоркского университета Ян Бреммер. «Результаты будут невелики, потому что в G7 принимают участие семь стран, которые значат все меньше. При капиталистической экономике и глобализации неизбежным было проявление экономической и геополитической мощи Китая, смятение Европы, растущий вес России, направленный внутрь взрыв на Ближнем Востоке, все более заметное противодействие США остальному миру, особенно в отношении ценностей, которые они некогда распространяли», – заявил политолог в интервью, которое газета *la Repubblica* опубликовала в субботу [В Италии завершился 2017: [http](http://)].

Вторым неожиданным последствием следует признать возрождение неонацизма на Украине. По мнению В.Э. Багдасарян, «фашизм на Украине не мог бы никогда победить, не имея социальной опоры. Очевидно, что определенная социальная опора имеется и украинского национализма. Об этом свидетельствует проведенное в 2012 г. Институтом прав человека и предотвращения экстремизма и ксенофобии мониторинговое исследование уровня ксенофобии на Украине (шкала социальной отчужденности Богардуса). Условный уровень выше 3-х единиц определяется как отчужденность, выше 5-х – ксенофобия. Был обнаружен крайне высокий уровень ксенофобии в украинском обществе. При этом отчужденное или враждебное отношение демонстрируется ко всем народам. Наиболее ксенофобским регионом оказывается именно Западная Украина. Запад Украины более терпим, чем Восток только в отношении к американцам, канадцам и полякам. И именно западно-украинский регион, в котором на интервале ксенофобии – от 5 и выше условных единиц, находится отношение к евреям, азиатам, арабам, неграм, цыганам, кавказцам, румынам, продуцирует современную политическую повестку развития Украины» [Багдасарян [http](http://)].

И третьим неожиданным последствием выглядит снижение русофобии со стороны украинцев. Директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии Михаил Погребинский считает, что «украинцы сегодня устали от политического хаоса в собственной стране и ожидают сильного лидера. На этом фоне

другие проблемы, в том числе конфликт с Россией, становятся чуть менее заметными» [Косенко 2016: <http://>].

Главным же уроком целенаправленного развития ксенофобии в любом ее варианте следует считать возможность развития на этом фоне самой страшной современной опасности – обыкновенного фашизма.

Литература

Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб. : ООО Элексис Принт, 2004. – 253 с.

Багдасарян, В.Э. Украинский фашизм: все повторяется [Электронный ресурс] / В.Э. Багдасарян // Центр Сулакшина, 21.05.2014. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/events/ukrainskij-fashizm-vse-povtorjaetsja> (дата обращения: 30.05.2017).

Баева, Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления [Электронный ресурс] / Л.В. Баева. – Режим доступа: http://asu.edu.ru/images/File/ilil/Bayeva_extremizm.pdf (дата обращения: 16.08.2017).

Варламов, Е. Этнические стереотипы: примеры, функции, виды [Электронный ресурс] / Е. Варламов // Fb.ru, 2014. – Режим доступа : <http://fb.ru/article/162651/etnicheskie-steriotipyi-primeryi-funktsii-vidyi> (дата обращения: 29.05.2017).

В Италии завершился саммит «Большой семерки» [Электронный ресурс] // РИА Новости, 27.05.2017. – Режим доступа : <https://ria.ru/world/20170527/1495237548.html> (дата обращения: 30.05.2017).

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991.

Демина, Л.Д. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности: учеб. пособие / Л.Д. Демина, И.А. Ральникова. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. – 132 с.

Косенко, О. Отношения между украинцами и россиянами теплеют – соцопрос [Электронный ресурс] / О. Косенко // Комитет спасения Украи-

ны: информационно-аналитический портал, 22.06.2016. – Режим доступа: <http://comitet.su/item/otnosheniya-mezhdu-ukraincami-i-rossiyanami-tepleyut-socopros.html> (дата обращения: 30.05.2017).

Ксенофобия // Большая психологическая энциклопедия : более 5000 психологических терминов и понятий / А.Б. Альмуханова [и др.]. – М. : Эксмо, 2007. – 542 с.

Кэмерон, Д. Россия ведет себя как нацистская Германия [Электронный ресурс] / Д. Кэмерон // ИноСМИ.RU, 20.11.2014. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/overview/20141120/224400321.html> (дата обращения: 30.05.2017).

Лашкин, М. 22 процента американцев заявили о том, что Россия является врагом Соединенных Штатов [Электронный ресурс] / М. Лашкин // РИА Новости, 04.02.2017. – Режим доступа: <http://bloknot.ru/v-mire/22-protSENTa-amerikantsev-zayavili-o-tom-chto-rossiyu-yavlyayetsya-vragom-soedinennyh-shtatov-519180.html> (дата обращения: 30.05.2017).

Обама, Б. Выступление президента США на Генеральной Ассамблее ООН [Электронный ресурс] / Б. Обама // ИноСМИ.RU, 30.09.2015. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150930/230544021.html> (дата обращения: 30.05.2017).

Позднякова, Н.В. Суггестивная сила лозунга-призыва (по материалам публицистического арсенала современных общественных движений России) / Н.В. Позднякова, А.Н. Михин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 185-189.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universitdt, 2015. – 290 с.

Пути преодоления конфликтогенных ситуаций: толерантные стратегии и тактики : учеб. пособие / О.Е. Чернова, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова» ; Науч.-исслед. словарная лаборатория ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. – 125 с.

Стефаненко, Т.Г. Этнический стереотип это не всегда нечто отрицательное [Электронный ресурс] / Т.Г. Стефаненко // Центр Льва Гумилева. – Режим доступа: www.gumilev-center.ru/ethnicheskijj-stereotip-eh-to-ne-vsegda-nehcto-otricatelnoe/ (дата обращения: 29.05.2017).

Томалинцев, В.Н. Введение в социальную экстремологию : учеб. пособие / В.Н. Томалинцев, А.А. Козлов. – Спб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 218 с.

Українські приказки, прислів'я и таке інше [Електронний ресурс] / М. Номис. – СПб., 1864. – С. 18-19. – Режим доступа: <http://uapress.info/ru/news/show/118370> (дата обращения: 29.05.2017).

Чурилина, Л.Н. Кризис самоидентификации россиян: лингвистический аспект / Л.Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2016. – № 3 (53). – С. 95-102.

Шулежкова, С.Г. Два пути от невинной любви к Отечеству – патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2016а. – С. 50-63.

Шулежкова, С.Г. Лозунг – «визитная карточка» политиков, партий и общественных движений / С.Г. Шулежкова // Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016б. – С. 3-6.

Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики / под ред. А.А. Козлова. – СПб. : Химиздат, 2003. – 560 с.

*Olga V. Gnevek, Maria V. Musyichuk
Magnitogorsk, Russia*

PSYCHOLOGICAL WAYS OF RUSSOPHOBIA FORMING IN THE MODERN WORLD AND SOCIAL CONSEQUENCES OF THEIR REALIZATION

Abstract. The study is devoted to the most frequent ways of russophobia forming and distributing, which purposefully destroy the principle of objective entirety of Russian ethnic stereotype. The developing of xenophobic prejudice towards Russia has led to expected, and to unexpected social consequences, as well.

Key words: manipulation techniques, ethnic stereotype, psycholinguistics, russophobia, xenophobia, extremism

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье представлена попытка систематизации понятийного аппарата в рамках анализа экстремистского дискурса. Устанавливается взаимосвязь дискурса и текста как процесса и результата коммуникативной и когнитивной деятельности. В процессе характеристики дискурса определяется необходимость его локативно-темпоральной привязанности, поскольку в отличие от текста он представляет собой определенный исторический срез жизнедеятельности конкретного общества. Выявляется набор основных конституирующих признаков современного экстремистского дискурса и осуществляется его деление на ядерный и периферийный виды, поскольку каждый из них имеет уникальные особенности, которые характеризуются с учетом субъектов и предмета коммуникации, ситуации общения. Рассматриваются и анализируются особенности бытования современного российского экстремистского дискурса с учетом его видовых особенностей. Определяется специфика идеологического фона современного российского дискурса. Исследуются причины формальной и содержательной адаптивности экстремистского дискурса в условиях смены потенциальной аудитории, трансформации средств манипулирования и каналов распространения опасной информации. Отмечается особая роль агитационно-побудительной коммуникативной стратегии, которая приобретает приоритетный характер в современных условиях ведения экстремистской деятельности. Акцентируется внимание на бинарном характере категории институциональности, представленной в ядерном виде дискурса и отсутствующей в периферийном. Делается вывод об ориентированности семантико-прагматических характеристик экстремистского дискурса не только на цели адресанта, но и на возможности и потребности адресата, а также на обусловленность общественно-политической ситуацией в государстве.

Ключевые слова: дискурс, экстремизм, экстремистский дискурс, экстремистский текст, виды экстремистского дискурса, институциональность

Понятие «дискурс» является в современной научной парадигме одним из широко употребляемых и при этом «одним из наиболее туманных и неопределенных» [Кашкин 2005]. В рамках его интерпрета-

ции необходимо отметить, что термин оказывается практически всегда детерминирован целевыми установками конкретного исследования.

Под дискурсом понимается «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990], «“язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности» [Степанов 1995], «текст, соотносимый с ситуацией общения, с системой коммуникативно-прагматических установок, с когнитивными процессами его порождения и восприятия; интегрированный в интертекстуальное пространство» [Каримова 2013], «вербализация определенной ментальности» [Михалева 2002], «когнитивно обусловленная система знаний, операций, стратегий текстового построения» [Чернявская 2013] и т.д. Дискурс одновременно выступает и как конкретная структура с системой элементов, и как процесс с набором стадий. Однако единого определения быть и не может, т. к. каждый исследователь анализирует особую лингвистическую, философскую, психологическую стороны явления, поэтому следует говорить об анализе конкретного вида дискурса, который обладает набором конституирующих признаков.

Мы обратимся к анализу содержания экстремистского дискурса (далее – ЭД), поскольку считаем его выделение в самостоятельный вид вполне оправданным, а изучение – актуальным в связи с ростом правонарушений экстремистской направленности и необходимостью противодействия им. Такие исследователи, как М.А. Бутаева, Л.М. Ермакова, Г.К. Касьянов, А.М. Плотникова, В.А. Салимовский, В.И. Сальников, Т.А. Сидорова, А.А. Степанова, О.В. Филимонов, Л.Г. Фишман, Л.В. Ярмоленко и ряд других, обращаются к анализу ЭД, выявляя его ключевые характеристики и подтверждая нашу теорию о выделении его в самостоятельный вид.

Опираясь на определение «дискурса» В.И. Карасика, выявим элементы, необходимые для утверждения самостоятельности существования типа дискурса. Дискурс – это «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик 2002]. Так, условием существования дискурса является наличие трех элементов: субъектов коммуникации как представителей социальной группы; типичной ситуации коммуникации, определяющей жанровое и целевое своеобразие речи; предмета коммуникации, поскольку общение людей предполагает осмысленное действие.

Рассматривая ЭД, мы выделим два его вида: ядерный и периферийный. Первый – это общение непосредственных участников экстремистских организаций между собой (субъекты) с целью планирования и организации противоправной деятельности (предмет) в процессе «профессиональной» деятельности (ситуация). Второй – это общение непосредственных участников экстремистских организаций с потенциальными последователями (субъекты) с целью привлечения их к противоправной деятельности (предмет) в процессе социального взаимодействия (ситуация). Данные видовые особенности являются значимыми, т.к. именно вид ЭД определяет его содержание и форму выражения. Скрытая от непосвященных ядерная пропаганда внутри экстремистского сообщества и открытая периферийная пропаганда для среднестатистического обывателя будут иметь совершенно разные дискурсивные характеристики.

В работе Т.А. Сидоровой предлагается следующее определение термина: «своеобразный текст культуры, призванный сформировать в сознании носителей культуры определенные структуры знаний: пропозиции, пресуппозиции, сценарии, ассоциации, образные представления, ценностные установки, мотивировку дальнейшего поведения и т.п.» [Сидорова 2016: <http>]. Исследовательница отмечает, что взаимодействие языкового и концептуального содержания позволяет адресату воспринять смысл ЭД. При этом акцентируется внимание на невербальной стороне сообщения, которая представляет собой наиболее действенное средство передачи авторских интенций.

В.И. Сальников рассматривает понятие «дискурс экстремизма», что мы и сам автор определяем как синонимичное ЭД, как «некий мысленно-речевой континуум, объединяющий идеологические концепты и тот эмоционально-психологический фон, что способствует их массовому восприятию» [Сальников 2007: 317]. Автор как ключевые характеристики отмечает бескомпромиссность и нежелание участников вступать в переговоры.

Оба определения являются достаточно удачными, поскольку отражают конституирующие признаки ЭД: зависимость от культуры и речемыслительной деятельности носителей языка; ориентированность на создание новых ценностей, мотивации, идеологии; учет эмоционально-психологических особенностей восприятия информации адресатом. Эти определения подходят к обоим видам ЭД (и

ядерному, и периферийному), но не указывает на их ключевые параметры, не акцентируют внимание на биполярности структуры ЭД.

В целом ряде работ характеристики ЭД связываются с его текстовым выражением. В частности, в работах М.Б. Ворошиловой отмечается существование определенного ряда дискурсивных факторов, которые позволяют объединить тексты в единый экстремистский дискурс. Можем предположить, что дискурс понимается как совокупность текстов, которые обладают набором идентичных дискурсивных признаков, к которым автор относит: тематическую направленность, авторство, целевую аудиторию и др. [Ворошилова 2015]. Авторы К.В. Киуру и Ю.А. Мальцева, рассматривая террористический дискурс, который, на наш взгляд, является частным проявлением ЭД, характеризуют его как «совокупность деструктивно-девиантных высказываний» [Киуру 2016: 70], выделяя группу его базовых признаков: насильственный диктат, моральная амбивалентность, анонимность и ряд других.

Мы предполагаем возможным характеризовать ЭД как совокупность текстов или высказываний, но с долей условности. Взаимосвязь этих понятий устанавливается Е.С. Кубряковой: «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством <...> текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [Кубрякова 1995: 164]. В нашем понимании «экстремистский текст» является репрезентацией отдельных особенностей ЭД, а совокупность таких текстов –репрезентацией системных особенностей ЭД, но не выступает синонимом ЭД в целом. При изучении ЭД мы не можем изучить процессы, происходящие в сознании автора текста, поэтому обращаемся к фиксации этих процессов, т.е. к самому тексту.

В результате рассмотренных исследовательских концепций и собственных наблюдений определим ЭД как две взаимосвязанные сущности: ядерный ЭД и периферийный ЭД. Ядерный ЭД представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим единообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях замкнутого группового общения. Периферийный ЭД представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и

аксиологическим многообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях открытого межличностного общения.

Одним из наиболее важных конституирующих признаков любого дискурса мы считаем локативно-темпоральную привязанность, т.к. каждый дискурс является определенным историческим срезом жизнедеятельности конкретного общества. При анализе особенностей ЭД мы четко определяем его границы в этом плане: российский, т.е. бытующий на территории РФ, и современный, т.е. последние 5 лет (с момента избрания действующего Президента РФ).

Среди особенностей современного российского ЭД можно выделить 5 основных, которые в зависимости от вида (ядерного или периферийного) выражаются в разной степени, но, тем не менее, присутствуют.

Во-первых, в современной России отмечается рост патриотизма и национального самосознания, что переводит ряд тем в категорию идеологически окрашенных. Экстремистская пропаганда в 1990-е гг., по большей части, была построена по принципу принижения российских достижений и возвышения зарубежных, формально представляя разоблачительные материалы. Она не релевантна сегодняшним общественным ожиданиям, поэтому большая часть пропагандистских и агитационных материалов в современной России мимикрирует под патриотические лозунги. Призывы, не отвечающие особенностям современной социально-политической ситуации, становятся нежизнеспособными и остаются не воспринятыми аудиторией потенциальных последователей, что заставляет экстремистов изменить полярность идеологического фона посланий с отрицательной на положительную.

Во-вторых, современный ЭД характеризуется высокой адаптивностью к меняющимся политическим, общественным, личным запросам и возможностям граждан. ЭД можно назвать «приспосабливающимся» [Филимонов 2016]. Отметим, что экстремизм приспосабливается и формально, и содержательно. С формальной точки зрения следует говорить о смене сферы бытования ЭД: из контактного общения он уходит в виртуальное пространство. ЭД впитывает особенности Интернет-дискурса и использует его возможности для повышения эффективности воздействия на все возрастающую аудиторию пользователей. Создатели экстремистских текстов выбирают

нейтральную «упаковку» для опасной информации, связывая ее с новостными сообщениями, личными постами, социальными дискуссиями и пр. Интернет предоставил возможность ЭД из противоправного деяния перейти в раздел «полулегального».

С содержательной стороны именно в связи с переходом в Интернет-поле происходит значительное изменение смены возрастного состава потенциальных объектов воздействия. Если ранее для личного общения с экстремистами собирались люди среднего возраста, имеющие жизненный опыт и сложившиеся идеологические убеждения, то действенной была пропаганда разъяснительного характера, базирующаяся на доказательствах. Современная пропаганда направлена на молодежь с личными проблемами и стремлением к самореализации, что требует совершенно иных методов, основанных не на логике, а на эмоциях. Так, ЭД почти теряет связи с научным дискурсом и переходит в сферу бытового.

В-третьих, основной коммуникативной стратегией в ЭД становится агитационно-побудительная. В периферийном ЭД она является преобладающей и выражает призыв к осуществлению действий, подстрекательство, провокацию. Так, все больше креолизованных текстов экстремистской тематики направлены не на создание образа врага, а на совершение конкретных действий против каких-либо групп или личностей, часто без объяснения причин. В рамках ядерного ЭД сохраняется использование речевых тактик обоснования, но можно считать их факультативными в силу уже имеющейся общности интересов.

Особое место занимает категория институциональности, поскольку в ядерном и периферийном ЭД представлена совершенно по-разному. Первый вид является институциональным, поскольку экстремистские организации обладают иерархичностью, что приводит к необходимости соблюдения статусно-ролевых отношений. Однако второй вид является неинституциональным, т.к. только в рамках свободного общения можно наладить контакт с молодежью, только при соблюдении коммуникативного равноправия можно просить и давать комментарии и советы по опасным вопросам.

Таким образом, можно утверждать, что ЭД меняется, его семантико-прагматические характеристики зависят от целей адресанта и возможностей и потребностей адресата с учетом общественно-политической ситуации в государстве.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

Ворошилова, М.Б. Типы креолизованных текстов в современном экстремистском дискурсе / М.Б. Ворошилова // Инновационные условия развития науки и образования в межкультурном взаимодействии: комплексный подход : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Сухум : Изд-во Абхазского гос. ун-та, 2015. – С. 61-64.

Карамова, А.А. Текст и дискурс: соотношение понятий / А.А. Карамова // Вестник Южно-Уральского госуниверситета. Сер. «Лингвистика». – Челябинск : ЮУрГУ, 2013. – № 2. – С. 19-23.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: моногр. / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 390 с.

Кашкин, В.Б. Сопоставительные исследования дискурса / В.Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2005. – С. 337-353.

Киуру, К.В. Терроризм как медийная конструкция и стратегии контртеррористического дискурса: постановка проблемы / К.В. Киуру, Ю.А. Мальцева // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1-3 дек. 2016 г.) / гл. ред А.П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – С. 70-71.

Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сб. ст. – М. : Изд-во РГГУ, 1995. – С. 144-238.

Михалева, О.Л. Политический дискурс: способы реализации агональности / О.Л. Михалева // Построение гражданского общества : материалы междунар. гуманитарного конгресса. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 96-105.

Сальников, В.И. Дискурс экстремизма в правосознании переходных обществ / В.И. Сальников // Вторые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 9-10 ноября 2006 г.) : сб. ст.– М. : РПА МЮ РФ, 2007. – С. 316-319.

Сидорова, Т.А. Язык символов как стилистическая особенность экстремистского дискурса в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] / Т.А. Сидорова // Материалы IV Междунар. науч.-практ. междисциплинарной интернет-конференции «Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации» (10-16 мая 2016 г.). – Режим доступа: http://philology.svfu.ru/?page_id=1221 (дата обращения: 30.03.2017).

Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. – М. : Изд-во РГГУ, 1995. – С. 35-73.

Филимонов, О.В. Экстремистский дискурс в современной информационной среде / О.В. Филимонов // Полицейская деятельность. – М., 2016. – № 4. – С. 412-420.

Чернявская, В.Е. Текст в медиальном пространстве : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 232 с.

*Natalia S. Gromova
Ekaterinburg, Russia*

FEATURES OF THE RUSSIAN EXTREMIST DISCOURSE

Abstract. The article presents an attempt to systematize the conceptual apparatus in the analysis of extremist discourse. Relationship is established between discourse and text as process and outcome of communicative and cognitive activities. In the process of the characteristics of the discourse necessity of its locative-temporal attachment is determined, since it, unlike text, represents a specific historical slice of life of a particular society. A set of basic constitutive features of modern extremist discourse is revealed as well as its division into nuclear and peripheral types, because each of them has unique features that are characterized by taking into account the subjects and the subject of communication, situations of communication. Specific features of the modern Russian extremist discourse are reviewed and analyzed, taking into account its specific features. The specificity of the ideological background of modern Russian discourse is determined. The article analyses the formal and substantial adaptability of extremist discourse in the conditions of change of the potential audience, the transformation of media manipulation and distribution channels of dangerous information. The special role of the agitation and impelling of the communication strategy is noted, which is a priority in modern conditions of conducting of extremist activity. The article focuses on the binary nature of the category of institutionality, which is present in a nuclear discourse and absent in peripheral. The conclusion is made about the orientation of the semantic-pragmatic characteristics of extremist discourse not only for the purpose of the addresser, but also on the capabilities and needs of the recipient, and the conditionality of the socio-political situation in the state.

Key words: discourse, extremism, extremist discourse, extremist text, types of extremist discourse, institutionality

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В данной статье говорится о повышенном внимании общества к движению информационного потока между участниками коммуникации на материале дискурса как «речи, погруженной в жизнь», о новых явлениях в лексике русского языка, обусловленных изменениями общественно-политической системы в постсоветское время, об исследовании цифровой картины мира. Автор отмечает, что одним из приоритетных направлений современной лингвистики становится исследование языка в масс-медийном политическом дискурсе.

Общезначимость массовой коммуникации как системы социального взаимодействия особого рода обусловлена тем, что в центре ее внимания находится человеческое общество. Современный человек все больше времени находится в «состоянии коммуникации», что, безусловно, приводит к «глубокой дифференциации семиотического континуума».

Исследование материалов средств массовой информации, этого нового междисциплинарного направления, которое, базируясь на традиционных методах, предполагает определенное изменение исследовательского акцента. Планетарная социально-коммуникационная компьютерная сеть как фактор формирования информационного континуума предназначена для удовлетворения личностных и групповых коммуникационных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий.

Роль современных интернет-средств массовой коммуникации в глобальном мире сложно переоценить, они проникли в нашу жизнь и стали неотъемлемой частью жизни любого человека. В интернет-пространстве как уникальном коммуникативном явлении, как новой сфере существования языка созданы условия для инновационных способов функционирования языка. Интернет, будучи эволюционирующим феноменом, мощным коммуникационным средством общения, нуждается во всестороннем изучении.

Ключевые слова: цифровая картина мира, лингвистика Интернета, политическая лингвистика, медиалингвистика, политический дискурс, язык и политика

Социальные, культурные, психологические трансформации современного общества, новые лингвистические парадигмы неизбежно предполагают глубокие исследования в области общей структуры языковой системы с определенным вниманием к ее коммуникативно-функциональным возможностям, динамической реализации в ее речевой манифестации: в тексте, дискурсе, где реально функционирует язык.

Именно язык определенным образом интерпретирует информацию о мире: аккумулирует, продуцирует культурно-исторический и социальный опыт человечества; оценивает факты и события; воздействует определенным образом на языковую личность как на получателя информации; определяет сам способ мышления в особой знаковой форме через когнитивно-дискурсивный формат в контексте глобальной информационно-коммуникативной среды.

В одной из своих работ известный болгарский ученый С. Георгиева отмечает, что именно «время меняет картину мира для человека, который использует язык, его коммуникативные и стилистические возможности, вместе с ней меняется и лингвистическая картина мира. В языке просвечиваются живые процессы, которые происходят как в жизни конкретных народов, так и в конкретных языках в определенном историческом периоде. Каждое время дает языку много новых слов и выражений, которые появляются благодаря новым потребностям и реальностям жизни. Время просвечивается через них и придает им ту или иную окраску, усиливает или ослабляет их значимость. Эти процессы ярче всего отражаются в лексике...» [Георгиева 2013: 20].

Во второй половине XX – начале XXI в. насыщенность различными историческими и политическими событиями, демократизация и реформирование общества привели к большим изменениям в лексической системе не только русского языка. Все эти факторы способствовали «появлению огромного количества неологизмов во многих языках мира» [Сагындыкова 2013: 37]. Глобализация и интеграция, открытость государств постсоветского пространства позволили установить контакты с другими передовыми мировыми сообществами, в результате чего языковая система русского языка стала интенсивно пополняться новыми словами, в том числе, политическими неологизмами – *саммит, пейджер, венчурный, брокер, оффшор, брифинг, электорат, онлайн* и т.д.

Стала складываться новая общественно-политическая формация, названная словом *перестройка*, которая «породила в жизни общества и его языке целый ряд новых слов и выражений, вызванных этим процессом: *приватизация, ваучер <...> права человека, форвард-рынок*» [Хойминь 2001: 45].

В обществе постсоветского пространства возрос интерес к языку политики. Связано это, как было сказано выше, с радикальными изменениями в общественной жизни и сознании людей, стали появляться работы по исследованию языка советской эпохи (Б.А. Зильберт, Н.А. Купина, Б.Ю. Норман и др.), по постперестроечным инновациям в русском языке (А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич, А.П. Чудинов и др.), а также по проблемам политического дискурса, отражающим противоречия эпохи (В.Н. Базылев, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал и др.).

Общественное развитие современными исследователями рассматривается как принципиально новое, характеризующееся всепроникающим воздействием информационных и телекоммуникационных технологий на все стороны жизни общества, особое информационное построение действительности, что привело к созданию современного языка СМИ, интернет-языка (языка сетевой коммуникации) с их усложненной сферой коммуникации, разнообразием норм речевого поведения, следованиям речевой моде, американизацией, демократизацией и либерализацией [Володина 2011: 11].

Поступательное движение общества неразрывно связано с его медиализацией, несущей основополагающую информацию, служащей ориентацией человека в окружающей действительности, передающей знания от поколения к поколению. Средства массовой коммуникации существуют в социокультурном пространстве, создают коммуникативно-информационной средой обитания человека.

Современная информационная эпоха стремительно меняется, усложняется, расширяется цифровая картина мира. Она пополняется новыми медийными терминами (*new media, соцсети, чаты, веб-страницы, вики-технологии, веб-сайт, виртуальный дискурс* и т.д.). Происходят глубокие изменения в технологических основах новых медиа с интерактивностью и социальностью в компьютерных сетях [Концевой 2012: 303]. Взрывное расширение и усложнение цифровой картины мира требует особого внимания, новых подходов, оптимизации передачи инфор-

мационного потока для восприятия. Неслучайно социальные сети стали объектом пристального внимания исследователей.

В научной среде появились новые направления: *лингвистика Интернета, политическая лингвистика, медиалингвистика, виртуалистика*; новые термины: *интернет-коммуникация, компьютерно-медийная, персональная сетевая компьютерная, компьютерно-опосредованная сетевая коммуникация; компьютерно-медийный, виртуальный, компьютерный дискурс; онлайн-исследования; виртуальная (цифровая) картина мира* и т.д.

В современной научной литературе отмечается, что в языкознании особое место занимает теория дискурса – связный текст в его динамике, соотнесенный с творящим текст человеком [Степанов 1995]. В дискурсе «воспроизводится вся сложная система индивидуальных смыслов, ассоциаций, коннотаций, отражающих уровень и направленность познавательной и ценностной активности на уровне отдельной личности и на уровне всего народа» [Радбиль 1995: 435]. Дискурс является одним из сложнейших коммуникативных явлений с единством языковой формы, значения и действия.

В лингвистике термин *дискурс* понимают как «вербальную презентацию мысли», структурную организацию, которая, в свою очередь, образует дискурсивную систему, состоящую из презентационной структуры и ее речевого воплощения. В этой системе выделяются коррелирующие между собой когнитивная и прагматическая (эмотивно-оценочная) части.

Среди разнообразных видов дискурса особо выделяют политический дискурс. В современной лингвистике политический дискурс исследуется по многим направлениям: семиотическое пространство политического дискурса (Е.И. Шейгал); изучаются его культурно-языковые характеристики (Е.А. Попова); рассматривается его ролевая структура (Е.В. Бакумова); описываются политические жанры, анализируются средства речевого воздействия (О.С. Иссерс); исследуются метафорические модели (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов, и др.). Не менее важным представляется изучение ценностей в политическом дискурсе (Е.В. Бабаева, Е.И. Бакумова, В.И. Карасик, Е.И. Шейгал и др.).

Исследование природы дискурса закономерно предполагает обращение к категории информативной насыщенности, поэтому со-

временными массово-информационными дискурсами относят масс-медиа, куда входит и онлайн-пространство – инициатор и участник информационного процесса, выполняющий кумулятивную и воздействующую функции в контексте глобальной информационно-коммуникационной среды.

Понятие *дискурса* позволяет значительно расширить сферу исследования языковой системы на материале медиалингвистики. Дискурс масс-медиа аккумулирует в себе слова-символы или, как часто называют, *презентемы*, представляющие собой культурные знаки, доминанты, принятые в обществе социально-политические принципы и представления о мире. В любом дискурсе обязательно присутствует *презентема*, важнейший элемент структуры, информационная единица воздействия, представляющая собой вербальный комплекс, состоящий из концептов и образов окружающего мира, способствующих демонстрации передаваемых вербальными средствами разных интерпретационных смыслов.

Так, на наш взгляд, часто используемые в обществе презентемы *Россия, Казахстан, демократия, президент, Парламент, Государственная Дума, Мажилис, толерантное общество, межнациональное и межэтническое согласие, правящая партия Единая Россия, Нур Отан, свобода слова, национальный менталитет, национальные ценности* и тому подобные единицы оказываются теми вербальными знаками, которые наделены воздействующей функцией власти на общество.

Актуализация данных знаков происходит за счет частотности их появления в современных СМИ и в интернет-пространстве. Закономерным представляется их исследование на материале общественно-политического дискурса, ориентированного на медийную репрезентацию; выбор конкретных языковых средств оказывает влияние на восприятие и воспроизведение действительности под определенным углом зрения.

Современная массовая, в том числе и масс-медийная, коммуникация отражает политические приоритеты государства, формирует общественное мнение, акцентирует внимание на те стороны жизни социума, которые непосредственно связаны с интересами нации. Поэтому массово-информационный дискурс служит отражением общественного сознания и бытия, современного способа нацио-

нального мировидения и мироощущения данного этноса. Представление о стране реализуется в исторически, социально-политически и культурологически обусловленных доминантах: *Россия – многонациональное и многоконфессиональное государство; край берез, купола, хохлома; Казахстан – богатая сырьем страна, многоконфессиональное толерантное государство, гостеприимная страна, бескрайние степи, символ страны – барс* и т. д.

Язык в масс-медийном дискурсе вбирает в себя все многообразие эпохи, отражая индивидуальные и социальные особенности как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации. Он функционирует в реальном времени как когнитивное явление, имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода [Жунусова 2012: 181].

Для исследователей выявление механизмов порождения и функционирования общественно-политических текстов, анализ и способ осмысления мира политики, изучение его прагматических особенностей, характеристика коммуникативного поведения политика, гендерные проблемы в политике позволяют по-новому осмыслить дискурс власти. Предметом лингвистических исследований ученых стали также язык политики и языковая личность политика.

Язык и политика – тема многогранная. Она не может ограничиваться лишь фактом существования данного феномена и определения его лингвистического статуса. Отражение политики в лексико-семантической системе каждого языка предполагает решение многих проблем, в том числе и выявление границ между общественно-политической лексикой и общественно-политической терминологией как компонентов поля политики. Часто в своих работах лингвисты используют следующие термины: *политический лексикон* (В. Штефан), *терминология общественных наук* (В.М. Лейчик), *идеологическая (концептуальная) лексика* (Г.Я. Солганик), *социальная терминология* (В.Н. Туркин) и др.

Смысловое пространство языка политики имеет многослойную структуру, которое фиксирует информацию о мире политической власти во всех его аспектах и проявлениях и объединяется общим семантически простым значением слова *политика*, выступающим в качестве хранилища знаний о политическом мире. В терминосистеме политического дискурса выделяются такие категории,

как *общество, власть, государство, управление, народ, демократия, право, закон, партия, личность, культура, идеология, мораль* и т.д., которые являются эффективным инструментом политического воздействия на социум.

Семантическое пространство языка политики – это знание о политическом мире, которое через вербальные знаки представляет часть целостной системы социально-гуманитарных знаний. В языке политики четко проявляется «языковой вкус эпохи».

Изучение общественно-политической картины страны, формируемой под воздействием СМИ и интернет-пространства, возможность взглянуть на политический дискурс с когнитивно-прагматических позиций, использование разных подходов к языку власти, функционально-коммуникативное его описание может способствовать новому осмыслению политической коммуникации в масс-медийной репрезентации. Назрела необходимость обобщения и систематизации накопленного опыта по исследованию всех сторон политического дискурса на постсоветском пространстве.

Литература

Володина, М.Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества / М.Н. Володина // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : сб. докл. междунар. науч. конф. – М. : Академический проект, 2011. – С. 6-19.

Георгиева, С.И. История и фразеология / С.И. Георгиева // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : сб. докл. междунар. науч. конф. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 20-25.

Жунусова, Ж.Н. Словарный и масс-медийный дискурс: дистантное речевое общение / Ж.Н. Жунусова // СМИ и современная культура : сб. докл. междунар. науч. конф. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 176-183.

Концевой, М.С. Манипулирование вниманием в сетевых интерактивных медиа / М.С. Концевой // СМИ и современная культура : сб. докл. междунар. науч. конф. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 302-310.

Радбиль, Т.Б. Языковая картина мира как коррелят классической дихотомии «язык-речь» / Т.Б. Радбиль // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы : тезисы междунар. науч. конф. – М. : Рус. филология, 1995. – С. 434-435.

Сагындыкова, Ж.О. Политические неологизмы: формирование и функционирование : моногр. / Ж.О. Сагындыкова. – Кокшетау, 2013. – 140 с.

Хойминь, Х. Социологическая обусловленность неологизмов русского языка конца XX века / *Х. Хойминь* // Вестник КазНУ, серия филологическая. – 2001. – № 44. – С. 46-48.

Zhanyl N. Zhunusova
Astana, Kazakhstan

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT OF THE MODERN MASS-INFORMATION DISCOURSE

Abstract. This article refers to the increased attention of society to the movement of the information flow between the participants of communication on the material of discourse as “speech immersed in life,” new phenomena in the vocabulary of the Russian language, conditioned by changes in the socio-political system in the post-Soviet period. That one of the priority areas of modern linguistics is the study of language in mass-media political discourse.

The general significance of mass communication as a system of social interaction of a special kind is due to the fact that its focus is on human society. Modern man is increasingly in the “state of communication”, which, of course, leads to “a deep differentiation of the semiotic continuum.” The study of media materials - this new interdisciplinary direction, which, based on traditional methods, suggests a certain change in the research emphasis. This planetary social and communication computer network as a factor in the formation of the information society is designed to meet personal and group communication needs through the use of telecommunication technologies.

The role of modern media in the global Internet world is difficult to overestimate, it penetrated into our lives and became an integral part of any person. In the Internet space as a unique communicative phenomenon, as a new sphere of existence of the language, innovative ways of communication and a certain place for the functioning of language are created. The Internet as an evolving phenomenon, a powerful communication source, a means of communication requires the attention of scientists and a detailed study of its functional characteristics.

Key words: Digital picture of the world, Internet linguistics, political linguistics, mediallynguistics, political discourse, language and politics

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА УКРАИНЫ В РОССИЙСКИХ СМИ (динамический аспект)*

Аннотация. В статье исследуются концептуальные метафоры, используемые российскими СМИ для создания образа Украины в первые десятилетия XXI века. Представлен количественный анализ текстов, объединенных общей украинской темой, по самой полной базе данных русскоязычных СМИ – «Интегрум». Показано, как меняется кривая роста публикаций: с 2009 по 2013 г. – устойчивый показатель, не превышающий 150 тыс. статей в год, с декабря 2013 г. (начало политического кризиса) – скачкообразный рост числа публикаций, с 2015 г. – постепенное уменьшение и возвращение показателей к докризисному уровню.

Периоды политических кризисов характеризуются высокой метафоричностью дискурса. Изменение политической ситуации в стране, социальные, культурные, мировоззренческие сдвиги приводят к смене доминирующих метафорических моделей. В статье анализируются метафоры, во-первых, актуализированные в российских СМИ докризисного периода и, во-вторых, доминирующие при концептуализации кризиса на Украине в период 2013–2015 гг. Показана динамика метафорических моделей в медийных текстах разных периодов. Доказано, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, а вариативность системы и смена господствующей метафорической модели напрямую обусловлена политической ситуацией.

Ключевые слова: концептуальная метафора; метафорические модели; метафорическая динамика; медиадискурс; политический кризис; Украина

Медийный дискурс, реализуя свои базовые функции информирования и убеждения, всегда создает более или менее яркий образ события, особенно такого, которое находится в сфере повышенного интереса всех слоев общества. В связи с событиями, начавшимися в ноябре 2013 г. и имевшими для многих неожиданное

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239 а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

развитие, в последние 4 года объектом пристального внимания является Украина.

Количественный анализ источников, представленных в самой полной базе данных русскоязычных СМИ – «Интегрум» (<http://aafnet.integrum.ru/>) – показал, как меняется кривая роста публикаций, посвященных «тематически организованному субдискурсу» [Силантьев 2006] медийной коммуникации, дискурсообразующим признаком которого является единство темы – общественно-политическая ситуация на Украине. В 2009–2012 гг. число текстов приблизительно одинаково, не превышает 150 тыс. статей в год: 2009 – 126382; 2010 – 146113; 2011 – 147865; 2012 – 131142. С января до 20 ноября 2013 картина не меняется – 114723 публикаций.

В конце ноября 2013 г., когда в Вильнюсе на саммите «Восточного партнерства» не было подписано соглашение об ассоциации Украины с Евросоюзом, т.е. кабинет министров Украины объявил о приостановке евроинтеграции страны, на Украине разразился политический кризис. И с декабря 2013 г. в российских СМИ число публикаций, посвященных Украине, стало стремительно расти. В 2014 г. на Украине произошло несколько чрезвычайно значимых событий: смена государственной власти; принятие в Российскую Федерацию Республики Крым; пожар в здании Дома профсоюзов в Одессе; референдумы о статусе регионов и самопровозглашение Донецкой и Луганской народных республик; начало так называемой антитеррористической операции в Донецкой, Луганской и Харьковской областях с привлечением армии; выборы президента страны и мэра Киева. Происходящие на Украине события, которые привели к гибели людей, не могли не найти отражения в российских СМИ, и в 2014 г. украинская тема была центральной в 243191 статье.

В последующие два года накал страстей несколько утихает и кривая медийной активности тоже идет вниз, возвращаясь фактически к докризисному уровню: в 2015 г. – 171555 статей, в 2016 – 129591 публикаций. Сегодня в российском медиадискурсе фокус внимания перенесен с Украины как государства в целом на юго-восточные районы страны – Донбасс и Луганск.

Публицистические тексты с их максимальной ориентацией на адресата моделируют образ политического события в сложном переплетении действий, участников, отношений. Одним из наиболее

эффективных средств концептуального и языкового моделирования объектов, ситуаций является концептуальная метафора.

В наше сложное время общественно-политических кризисов дискурс СМИ особенно ярко высвечивает специфику функционирования концептуальной метафоры. Как отмечает А.П. Чудинов, «динамика развития национальной системы политических метафор неравномерна: периоды интенсивного развития («метафорические бури») сменяются периодами относительной стабильности («метафорического затишья», «метафорического штиля») [Чудинов 2013: 108]. Периоды метафорических бурь и затиший вполне совпадают с активностью той или иной темы в медиадискурсе. Главное же различие кризисных и спокойных периодов общественной жизни состоит в частоте употребления тех или иных метафорических моделей.

Активизация украинской темы в СМИ стимулировала повышенный интерес лингвистов к данной проблеме: в последние годы появился целый ряд статей, авторы которых обращаются к анализу когнитивных моделей, концептуальных метафор, языкового моделирования событий, происходивших/происходящих на Украине [Пименова 2007; Егорова 2014; Публицистический арсенал... 2015; Резанова 2015; Будаев 2016; Дайте миру шанс! 2016; Кондратьева 2016; Курейко 2016; Shulezhkova 2016 и др.].

В фокусе нашего исследования находится наполняемость информационного пространства российских СМИ метафорическими моделями, прорисовывающими образ Украины в первые десятилетия XXI века. Цель исследования – выявить, какие концептуальные метафоры входят в зону активного осмысления в медийных текстах, выдвигаются в центр, какова их аксиологическая направленность. Сфера-источник метафорического моделирования, привлекаемая как эмпирически данная область, наполнена широким кругом ассоциативных связей различной модальности. Изменение политической ситуации в стране, социальные, культурные, мировоззренческие сдвиги приводят к смене доминирующих метафорических моделей. Метафорические модели, подобно эпохам, сменяют друг друга, высвечивая значимые для определенного периода ассоциации и связи и оставляя в тени менее существенные [Кондратьева 2016: 34].

Сопоставительный анализ концептуальных метафор на базе текстов СМИ разных лет и изучение динамики моделирующего по-

тенциала концептуальных метафор представляется возможным методом исследования концептуализации того или иного социального явления в современном медиадискурсе.

Применительно к политическому дискурсу Э.В. Будаев сформулировал способы вычленения периодов в опоре на равномерную или фокусную фрагментацию [Будаев 2010]. При равномерной фрагментации «временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации», при фокусной фрагментации «разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании. Практически исследователи определяют эти периоды как «до» и «после» определенного политического события» [Будаев 2010: 16-17].

Для нашего исследования продуктивной представляется фокусная фрагментация, позволяющая показать взаимосвязь политических событий и описывающей их метафорики. Критерием фокусной фрагментации в нашем исследовании явился *Евромайдан* – политический кризис, начавшийся на Украине в декабре 2013 г., и, соответственно, анализируемый материал структурирован относительно этого события: первый «шаг фрагментации» – по ноябрь 2013; второй «шаг фрагментации» – с декабря 2013 г.

Первый период характеризуется в целом меньшей метафоричностью, что поддерживает вывод Э.В. Будаева о «динамике метафоричности дискурса» [Будаев 2010].

Политическая реальность Украины начала XXI в., до государственного переворота, конструируемая российским публицистическим дискурсом, представлена в исследовании М.В. Пименовой [Пименова 2007]. М.В. Пименова, основываясь на материалах журналов и газет периода 2001–2006 гг., выделила следующие метафорические модели, характеризующие украинские политические реалии этого периода: «1) витальная (сформированная признаками живого существа, соматическими и перцептивными признаками); 2) антропоморфная (включающая духовные, религиозные, социально-политические, экономические, интерперсональные признаки, а также признаки образования, права, основных занятий); 3) предметная (состоящая из признаков артефактов и имущества); 4) пространственная (состоящая из признаков экономического пространства – рынок, военного и политического пространства – полигон для критиков политики России, транзита – маршрута

для российского газа в западные страны)» [Пименова 2007: 60]. Автор описывает традиционные политические метафоры (например, 'Украина – человек', 'Украина – живое существо', 'политический выбор – новый путь' и др.), но отмечает появление новых метафорических моделей, получивших развитие только в последнее время ('Украина – пространство стихий'; 'Украина – опора дома России'; 'Украина – ученик', 'страна – больной организм') [Там же].

Начиная с 2008 г. и до ноября 2013 г. наблюдается изменение в системе метафорических моделей анализируемого субдискурса. Значительно актуализируется социоморфная концептуальная метафора, реализуемая в большей мере через понятийные сферы «театр/игра», «война», «болезнь», «спорт», «семья», «секс», «животный мир». Доминирующее значение приобретают военная метафора (*войны – от нефтяных и газовых до молочных и конфетных; языковой вопрос – это динамит; Украина – пороховая бочка; точечные удары на антикоррупционном поприще*) и театральная метафора (*предвыборный аттракцион; реальными кукловодами были наши американские партнеры-друзья; грузинский сценарий в Украине*).

Украинская внутренняя политика представлена как поле боя, на котором сталкиваются войска, где есть победы и поражения. Совокупность военных метафор сигнализирует о состоянии вражды и внутри страны, и во внешнеполитических отношениях. В контексте театральной метафоры представлением становится любое политическое событие на Украине.

Ощутимые изменения в системе концептуальных сфер, на основе которых происходит метафорическое осмысление украинской политической действительности, произошли с декабря 2013 г. В исследовании З.И. Резановой и К.С. Шилева, посвященном анализу российско-украинского геополитического конфликта с 2013 по 2015 гг. по материалам проправительственных и оппозиционных изданий, выделены следующие сферы-источники метафоры – болезнь / безумие, торговля, театр, игра, криминал [Резанова 2015]. К похожим выводам приходят Э.В. Будаев и В.В. Курейко, анализирувавшие комментарии новостных порталов периода 2013–2015 гг.: при концептуализации кризиса на Украине актуализированными оказались антропоморфная, театральная, зооморфная, игровая, морбиальная метафора, а также метафора родства [Будаев 2016].

Наши материалы также не противоречат полученным ранее результатам. Все метафорические модели, представленные в докризисный период, сохраняют свою актуальность и в метафорическом нарративе украинского кризиса за исключением военной метафоры, которая практически не встречается, т.к. война к этому времени стала, к сожалению, реально происходящим событием. В то же время появились новые метафоры, в центр системы выдвинулись мифологическая (*Украина фактически оказалась и для нашей страны и для Европы ящиком Пандоры; политические химеры типа Украины*), фантастическая (*Они там все на Украине – как зомби; или на евробал, попали на еврошабаш*), а также космическая метафора как уход в другую реальность (*преобразовать Украину в первую галактическую империю; снять Украину с политической орбиты; Украина уходит в параллельную вселенную*).

Таким образом, система политических метафор, используемых в медиадискурсе, обладает свойствами устойчивости и вариативности. Ядро политических метафор воспроизводится постоянно, а смена метафорики особенно заметна в периоды общественно-политических изменений и напрямую обусловлена политической ситуацией.

Литература

Будаев, Э.В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов / Э.В. Будаев, В.В. Курейко // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 4 (58). – С. 93-98.

Будаев, Э.В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа / Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 1 (31). – С. 9-23.

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Егорова, Е.В. Украинский кризис: образ России в англоязычных электронных СМИ / Е.В. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – Вып. № 11-1 (41). – С. 60-65.

Кондратьева, О.Н. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) / О.Н. Кондратьева, К.А. Ковалева // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 4 (58). – С. 34-47.

Курейко, В.В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в англоязычных комментариях новостных порталов / В.В. Курейко // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 6 (60). – С. 113-119.

Пименова, М.В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) / М.В. Пименова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 2 (22). – С. 52-60.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Резанова, З.И. Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе / З.И. Резанова, К.С. Шияев // Русин. – Кишинев ; Томск, 2015. – Вып. 4 (42). – С. 217-235.

Силантьев И.В. Газета и роман. Риторика дискурсных смещений / И.В. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. гос. пед. ун-та, 2013. – 176 с.

Shulezhkova, S.G. Die Konzepte Revolution und Krieg in den russischen Massenmedien in Berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 50-61.

Olga A. Mikhailova
Ekaterinburg, Russia

METAPHORICAL MODELING OF UKRAINE IMAGE IN THE RUSSIAN MEDIA (dynamic aspect)

Abstract. The article explores the conceptual metaphors used by Russian media to create the Ukraine image in the first decades of the XXI century. A quantitative analysis of the texts integrated by a common Ukrainian theme ac-

according to the most complete database of Russian-language media – Integrum is presented. It is shown how the growth curve of publications is changing: from 2009 to 2013, a stable indicator does not exceed 150 thousand articles per year; from December 2013 (the beginning of the political crisis) there is an abrupt (almost twofold) increase in the number of publications; from 2015 – gradual decrease and return of indicators to the pre-crisis level.

Periods of political crises characterized by high metaphoric discourse. Change of a political situation in the country, social, cultural, worldview shifts lead to change of the dominating metaphorical models. The metaphors, firstly, actualized in the Russian media of the pre-crisis period and, secondly, dominating at conceptualization of crisis in Ukraine during 2013–2015 are analyzed in the article. The dynamic of metaphorical models in media texts of different periods is shown. It is proved that the system of political metaphors has a stable core, and the variability of the system and the change of the prevailing metaphorical model are directly conditioned by the political situation.

Key words: conceptual metaphor; metaphorical models; metaphorical dynamics; mediadiskurs; political crisis; Ukraine

IV. ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ. КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО

*О.П. Альдингер
Смоленск, Россия*

ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ

Аннотация. В современном общественно-политическом дискурсе широко используются пословицы и поговорки, поэтому изучение истории возникновения паремий, описание их ассоциативно-культурного фона представляется актуальной задачей. В статье рассматриваются народные выражения с ономастическим компонентом, отражающие отношение русского человека к государственному устройству своей страны и к власти. Данный выбор обусловлен прежде всего тем, что в пословицах и поговорках образ государства наиболее ярко передают именно онимы: названия страны и ее столиц в разные периоды истории, имена правителей и лиц, наделенных государственной властью, названия исторических событий, исторических реалий.

Исследование народных выражений позволяет определить видение России как государства, свойственное мировоззрению русского человека. Такая работа может стать шагом в анализе изменений в восприятии и оценке деятельности государственного аппарата, внешней и внутренней политики страны современным человеком в сравнении с воззрениями русского народа, сложившимися ко второй половине XIX в.

Материалом для исследования послужили паремии, вошедшие в «Пословицы русского народа» В.И. Даля – наиболее полное собрание народных выражений, источником которого послужили «главнейше – живой русский язык, а более речь народа» [Даль, т. 1, 1989: 5].

Ключевые слова: паремия, половицы и поговорки, оним, имя собственное, ассоциативно-культурный фон, человек и государство

Политический дискурс – сложное, многокомпонентное и многоплановое явление, исследование разных сторон которого входит в число актуальных вопросов современной лингвистики. Одной из особенностей современного общественно-политического дискурса является активная апелляция к паремиологическому фонду: «Почему

он позволяет люто смеяться над собой, этот шемякин суд?!» [Кушанавили 2012]; «Ведь Москва бьет с носка, и многие знают, как бывает после этого больно» [Степовой 2007]. Для точного использования паремий при создании текста, для полного понимания при прочтении полезно знать историю оборота, его ассоциативно-культурный фон.

Повышенный интерес общества к политике, как внешней, так и внутренней, к работе государственного аппарата, ветвей власти обусловили появление большого количества текстов с оценочными суждениями об общественно-политической ситуации в нашей стране. Исследование пословиц и поговорок, отражающих взаимоотношения человека и государства, не только позволит обозначить национальное представление о государстве и власти, но и в дальнейшем послужит и выявлению особенностей современного политического сознания русского человека. В статье рассматриваются паремии, включающие имена собственные – фразеонимы. Фразеологический фонд*, сохраняясь на протяжении веков, является источником сведений о коллективном опыте народа – носителя языка. Фразеонимы же представляют особый интерес, поскольку национально-культурная информация, стоящая за именем собственным, значительно обогащает устойчивый оборот, усиливает экспрессивность высказывания.

В русских пословицах и поговорках человек зачастую противопоставляет себя государству, но в то же время не остается пассивным наблюдателем, а высказывает свою позицию, отношение к власти, государственному устройству.

Верховная власть в паремиях представлена через два типа фразеонимов – антропонимы и топонимы. Народные выражения, включающие личные имена, характеризуют непосредственно того или иного правителя. Так, упоминаются Григорий Отрепьев, или Лжедмитрий I, (1605–1606) (*Гришка Отрепьев – вор, самозванец, проклятый*) и, по предположению В.И. Даля, жена Лжедмитрия I, а затем и Лжедмитрия II Марина Мнишек (*Как Марина заварила, так и расхлебывай*). Даль приводит также поговорку, которая употреблялась в Белоруссии и Литве во времена существования Речи Посполитой и упоминает последних польских королей Августа III курфюста Саксонского (1734–1763) и Станислава-Августа Понятовского (1764–1795): *За короля*

* Согласно «широкому» пониманию фразеологии, пословицы и поговорки определяются как фразеологические выражения (Н.М. Шанский).

Саса было хлеба и мяса, а стал Понятовский – и хлеб не таковский (и все по-чертовски). Понятовский получил польский престол благодаря Екатерине II и, не отваживаясь действовать против желаний России, ожидаемые Польшей реформы проводить не стал, что вызвало в стране полное охлаждение к королю.

Взаимоотношения народа и государства ярко отражены в паремиях о Москве. Даже когда столица была перенесена в Санкт-Петербург, Москва осталась для русского человека главным городом, олицетворением России, ее сердцем: *Москва – сердце, Петербург – голова*. Поэтому народные выражения, возникшие в пору Московского государства, на протяжении всего времени не только остались неизменными, но и зачастую наиболее известны носителям русского языка.

Москва в пословицах и поговорках – это не просто большой город, а обобщенный образ власти, надеяться на справедливость и сочувствие которой не стоит: *Москва слезам не верит; Москва ни по ком не плачет; Москва ни по чем не тужит; Москва слезам не потакает; Москву не разжалобишь; Москву не расквелишь*. Поговорки имеют историческую основу. Во время возвышения Москвы другие города были обременены огромными налогами, и налогосборщики нередко бесчинствовали. С жалобами на них ехали в Москву, писали «слезные» челобитные, многие из которых не рассматривались, а иногда челобитчиков жестоко наказывали, чтобы другим было неповадно [Горбаневский 1987]. Даже если и искать справедливости у представителей власти, предстоит очень нелегкий путь, который не каждому под силу: *В тереме высоко, а до Москвы далеко*. От власти не ждут ничего хорошего: *В Москве дрова рубят, а по всем городам (деревням) щепки летят; Москва бьет с носка; В Москву идти – голову нести*. Недаром старинная поговорка уральских казаков гласит: *Живи, живи, ребята, пока Москва не проведала*. При этом царь, император в народном сознании – гарант справедливости: *Не Москва государю указ, а государь Москве*.

Есть у В.И. Даля похожие выражения о Петербурге, но их немного: *В Питере дрова рубят, а к нам щепки летят; Хорош город Питер, да бока повытер*.

Следующая группа фразеонимов включает в себя именованная исторических лиц, наделенных государственной властью. В собрании В.И. Даля мы встречаем имена Малюты Скуратова, бли-

жайшего сподвижника и любимого опричника Ивана Грозного (*Малюта Скуратов – злодей, мучитель*); И.С. Мазепы-Колединского, малороссийского гетмана, перешедшего во время Северной войны на сторону Карла XII (*Мазепа предатель*); Ф.С. Манукова, вице-губернатора Санкт-Петербурга в царствование Анны Иоанновны, казненного за взятки в 1739 г. (*Бог не Мануков, и без посула милует*). Как видим, реальные исторические лица, как правило, остаются в народной фразеологии для выражения резко отрицательной оценки деятельности властных структур.

Нами зафиксирована только одна паремия, утверждающая, что и среди наделенных властью бывают честные и справедливые люди: *Пришла правда не от Петра и Павла, а от Воскресения в Кадашах*. Основой поговорки послужила личность Андрея Петровича Шестова* (1783–1847), который, будучи московским головой, активно боролся с казнокрадством. В результате его деятельности московская казна значительно выросла, а имя головы «было известно даже малым ребятам» [Максимов 1890: 121].

Неотъемлемой составляющей государственного устройства являются органы суда и следствия. В «Пословицы русского народа» включено несколько паремий, содержащих названия застенков – неизменных атрибутов розыска. Так, сохранилась память о старинном застенке для пыток в Москве, находившемся возле церкви великомученицы Варвары (ныне – ул. Разина), в башне Варваринских ворот: *Потянули к Варваре на расправу*. Упоминается церковь Петра и Павла, поскольку рядом с ней находился Преображенский приказ с его застенками: *Правда у Петра и Павла; Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла*. Однако отметим, что Т.Н. Кондратьева приводит другую гипотезу происхождения подобных фразеологических выражений: в Петров день (29 июня/12 июля) происходили взносы даней, пошлин, в Москву приезжали «ставиться на суд». Пословицы говорят о нечестности судей [Кондратьева 1982: 83].

Основой для целого ряда паремий послужила личность Галицкого князя Дмитрия Шемяки (1420–1453), который в борьбе за московский великокняжеский престол не гнушался никакими средствами. Обиженных им было много (так, Василий II по его прика-

* А.П. Шестов жил в приходе церкви Воскресения в Кадашах [Максимов 1890].

зу был ослеплен), а княжеский суд – в те времена высший гарант справедливости – превратился в поношение правосудия: *Шемякин суд; Шемяка кривосуд; Рассудили Шемякиным судом*. Существует и другая версия происхождения поговорок: в словаре Н.М. Тупикова отмечено 28 Шемяк, принадлежавших одному роду, которые были судьями по должности [Кондратьева 1982].

Таким образом, народное мнение о справедливости государственного суда однозначно: *Суди меня Сенат да канат* (при Петре I* – примечание В.И. Даля).

Государство и власть, с которой ежедневно сталкивался простой человек, – это помещик, владелец, работодатель. Выражений, транслирующих народный взгляд на сословные взаимоотношения, множество. В первую очередь они рассказывают о бесправии зависимого человека. Так, паремии с именем собственным *Юрьев день* хранят память об окончательном закреплении крестьян, когда было отменено разрешение раз в году переходить от одного владельца к другому (*Дождись Юрьева дня, когда рак свистнет*), а также о сохранившейся и в XIX в. традиции рассчитываться в Юрьев день с наемными работниками, которых, пользуясь их неграмотностью и бесправием, нещадно обманывали (*Вот тебе, бабушка, Юрьев день*). Поэтому неудивительна ответная реакция: *Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаям*.

Долгое время спасением от несправедливости считалось бегство на Дон, в вольное казачество: *Жил на дому, а очутился на Дону*. Дон был вольницей, где не исполнялись в полной мере общегосударственные законы. Казачество фактически жило по своим законам и правилам. Здесь беглый крестьянин находил пристанище и защиту: *Живет на Дону, оставя дома жену; Вышел из полону, да поселился на Дону*. Однако и здесь жизнь не была сладкой: в обязанности казаков входила охрана беспокойных южных рубежей государства; к тому же русскому человеку свойственна привязанность к родному дому, малой родине: *Дон, Дон, а лучше дом; Каково на дому, таково и на Дону*.

Бежали не только на Дон, но и в разбойники на Волгу, главную водную дорогу страны: *Когда нечем заплатить долгу, ехать будет*

* Сенат создавался Петром I с целью осуществления высшего надзора в делах суда, финансов и администрации и был первой инстанцией по важным делам, а также высшей апелляционной инстанцией.

на Волгу. Правда, это и подобные ему выражения не всегда выражали несогласие зависимого человека со своим положением в государстве, с существующим порядком, поскольку на Волгу уходили и в бурлаки.

В народной фразеологии четко выражена дистанция между сословиями: *Не Макару с боярами знаться*. В то же время вековая мудрость указывает на тесную взаимосвязь всех слоев общества как на условие процветания каждого человека в отдельности и государства в целом: *Богат Иван – богат и пан*.

Наконец, тема государства раскрывается в паремиях, включающих название нашей страны. Такие выражения ярко иллюстрируют не только народное видение государственного устройства (*Нельзя быть Земле Русской без государя; Русским Богом да русским царем Святорусская Земля стоит*), но и одну из особенностей русского менталитета: разграничение понятий государства и родины: *Земля Русская вся под Богом; Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля; Велика Святорусская Земля, а везде солнышко; Велика Святорусская Земля, а правде нигде нет места*. Мы не найдем пословиц и поговорок, отрицательно характеризующих Россию, поскольку в народном сознании Россия – в первую очередь родина. Недаром даже в поговорке о казнокрадстве мы видим укоры совести и сочувствие к своей стране: *Мы у матушки России детки, она наша матка – ее и сосем*.

Исключением является выражение *Русь навалила, нас совсем задавила*. Эта сибирская поговорка, возможно, возникла в пору освоения Сибири, когда жители еще не осознавали себя частью России.

Еще одна особенность менталитета русского человека, отраженная в пословицах и поговорках, – умение не осуждать другого, видеть собственные недостатки и чувствовать свою причастность ко всему происходящему. Несовершенство государственного устройства связывается не только с виной чиновника, правителя, но и с уровнем духовного состояния общества: *По Еремке шапка, по Сеньке кафтан; По Сеньке и шапка, по Еремке колпак; По Сеньке шлык, да по нем и шит; По Сеньке шлык, коли косенько шит*. Но может быть и наоборот: *Каков хан, такова и Орда*.

Итак, образ государства в русских пословицах и поговорках передается в первую очередь через онимы, входящие в состав паремий. Это могут быть имена правителей и представителей власти

или названия исторических событий (ужесточение крепостного права в связи с отменой Юрьева дня), исторических реалий (названия московских застенков).

Чаше всего олицетворением государственной власти в паремиях выступает фразеоним *Москва*. Даже после перенесения столицы в Петербург Москва сохранила значение политического, религиозного, культурного, экономического центра страны, что и отражается в народной фразеологии.

Наконец, паремии с именами собственными *Русь*, *Русская земля*, *Святая Русская Земля* отражают прежде всего понятие родины, а не государства, в связи с чем отрицательные коннотации, свойственные для других онимов, характеризующих государство и власть, в таких выражениях отсутствуют. Напротив, мы видим любовь, сочувствие к родной стране, восхищение ее силой, просторами и традициями.

Проведенный анализ позволяет высказать предположение, что оценка русского человека XIX и XXI вв. государственного устройства своей страны во многом схожа и не претерпела коренных изменений.

Литература

Горбаневский, М. В мире имен и названий / М. Горбаневский. – М. : Знание, 1987. – 206 с.

Даль, В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – М. : Худ. лит., 1989. – Т. 1. – 430 с. ; Т. 2. – 443 с.

Кондратьева, Т.Н. История фразеологизмов с собственными именами / Т.Н. Кондратьева // Фразеология и синтаксис. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1982. – С. 46-90.

Кушанашвили, О. Судя по сроку, Екатерина Заул не пятерых убила, а четыре раза оскорбила чувства верующих [Электронный ресурс] / О. Кушанашвили // Комсомольская правда, 10.08.2012. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/25962.5/2902120/> (дата обращения: 30.03.2017).

Максимов, С. Крылатые слова / С. Максимов. – СПб : Издание А.С. Суворина, 1890. – 486 с.

Степовой, Б. Столица узнала своих патриотов [Электронный ресурс] / Б. Степовой / Известия, 21.03.2005. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/300767> (дата обращения: 30.03.2017).

*Olga P. Aldinger
Smolensk, Russia*

A PERSON AND THE STATE IN “THE PROVERBS OF RUSSIAN NATION” BY V.I. DAL

Abstract. In the modern social-political discourse the proverbs and sayings are widely used, that is why the study of their origin and the description of their associative-cultural phone is a very actual task. This article is devoted to the homely phrases with onomastic component, which reflects the attitude of Russian people to the state and the government. This choice is due to the fact that in the proverbs and sayings the image of the state is the most brightly rendered by the onyms: the names of the state and its capitals at different stages of the history, the names of the governors and the people in power, the names of the historical events and the realia.

Analysis of homely phrases allows defining the vision of Russia as a state, a characteristic of world perception of Russian people. This work provides an opportunity to see how changed the perception and evaluation of the work of the government, foreign and domestic policy of the country from the point of view of a modern person in comparison with the worldview of the Russian nation in the second part of the 19th century.

As the material was selected “The Proverbs of the Russian nation” by V.I. Dal. It is the most complete collection of homely phrases whose source is “the living Russian language or the speech of the people” [Dal, v.1, 1989: 5].

Key words: onym, proper name, phraseonym, associative and cultural background, paroemia, proverbs and sayings, a person and the state

*Н.Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА?

Аннотация. Статья посвящена анализу ретропрогноза как жанра политической коммуникации и метода ретроспективного взгляда на прошлое страны и народа. При этом ретропрогноз рассматривается наряду с такими понятиями, как «политический миф» и «историческая правда». Определя-

ется функция ретропрогноза, описывается принцип его построения, анализируются жанровые формы воплощения, на основе речевого материала выделяются собственно лингвистические критерии конкретного дискурсивного воплощения изучаемого жанра, раскрываются отличия ретропрогноза от нормативного прогноза. Ретропрогноз может быть представлен двумя жанровыми разновидностями: вымышленное интервью и вымышленная история. Будучи вариантом альтернативной истории, ретропрогноз всегда детерминирован аксиологическими установками и приоритетами исследователя, т.к. именно его идеологические взгляды оказывают влияние на ракурс контрфактического рассмотрения уже свершившихся событий. Делается вывод о том, что ретропрогноз важен с точки зрения воссоздания прошлого, понимания настоящего и проектирования будущего, однако ни политологи, ни историки, ни лингвисты не могут дать точного ответа на вопрос: является ли ретропрогноз политическим мифом или исторической правдой. Однако важным является то, чтобы ретропрогноз не стал инструментом для фальсификации истории.

Ключевые слова: нормативный прогноз, ретропрогноз, вымышленное интервью, вымышленная история, политический миф, историческая правда, политическая коммуникация

Насколько однозначно могут трактоваться исторические события прошлого и современные политические явления? Допустимо ли говорить об истории в сослагательном наклонении? Следует ли ученым и рядовым гражданам оперировать только фактами при обращении и интерпретировании прошлого и настоящего страны и народа? Возможна ли в принципе интерпретация и переоценка того, что уже свершилось и может быть рассмотрено лишь в хронологической перспективе? Вот лишь некоторые из тех вопросов, которые требуют решения в рамках лингвополитической прогностики [Солопова, 2016], альтернативной истории [Губбеева, 2005], ретропрогнозирования [Латов: [http](http://)].

В своих предыдущих работах мы указывали, что ретроспективный взгляд на историю и политику «интересен и важен не только с точки зрения исправления ошибок прошлого, но и планирования своих действий на будущее» [Кошкарова 2016: 51]. Однако следует отметить, что ретропрогноз как жанр политической коммуникации не получил еще достаточного освещения и детального анализа с точки

зрения как собственно лингвистических форм его воплощения, так и экстралингвистических и дискурсивных условий реализации. Так, представляется интересным взгляд на контрфактическое моделирование прошлого с точки зрения соответствия альтернативной истории таким понятиям, как *политический миф* и *историческая правда*.

Делая акцент на принципиальной разнице между выражениями «знать историю» и «знать мифы», Ю.В. Архипова указывает, что знание истории как «последовательности событий, произошедших в прошлом» – это «постижение закономерностей организации этой последовательности в целях **прогнозирования будущего**» [выделено нами – *Н.К.*]. При этом автор трактует знание мифов не только как «постижение тайны прошлого, происхождения всех вещей, но и **предвидение будущего**» [выделено нами – *Н.К.*] [Архипова 2013: 86]. Как видно из приведенных определений, существует разница между прогнозированием и предвидением как понятиями и явлениями. Речевой материал показывает, что в медийном дискурсе толкование терминов *прогнозирование* и *предвидение* синонимично и реализуется через следующие номинации: ‘предвкушать’, ‘предвидеть’, ‘обрисовать будущее’, ‘прогнозировать’, ‘давать прогнозы’: *Нарышкин предрек президенту Литвы судьбу Саакашвили* [Нарышкин предрек... 2014: [http](#)]; *Предвкушая холода и неадекватность киевских властей, топливо в Европе дорожает* [Предвкушая холода...: [http](#)]; *Дмитрий Медведев обрисовал будущее отношений России и Украины* [Дмитрий Медведев 2014: [http](#)]; *Может, так, а может, так. Экономисты дали взаимоисключающие прогнозы о будущем России* [Может, так, а может, так 2014: [http](#)]; *Наиболее вероятный прогноз развития политических и военных конфликтов в период 2014–2018 гг.* [Наиболее вероятный прогноз: [http](#)].

Несмотря на разнообразие лексического воплощения, все представленные выше прогнозы отвечают основной функции анализируемого жанра, которую мы определяем как конструктивно-прагматическую, когда «на основе выявления современного положения дел определяется будущее состояние системы» [Кошкарлова 2016: 268]. Прогноз – это всегда рассуждение на тему «что мы знаем о прошлом и настоящем состоянии субъекта, какие действия возможны и желаемы в будущем, какой результат ожидается от этих действий». Современные прогнозы могут быть как мнениями экс-

пертов и специалистов в определенной области знания, так и принадлежать журналистам (справедливости ради необходимо отметить, что журналистские прогнозы встречаются крайне редко).

Будучи разновидностью аналитической статьи, прогноз основной своей целью имеет «объяснение ряда взаимосвязанных явлений, определение тенденций, закономерностей их взаимодействия, установление их ценности, формирование прогноза развития ситуации, процесса, явления» [Тертычный 2014: 44]. Автор прогноза не только «моделирует» будущее, но и выявляет причины сложившегося положения. Создание модели, но уже прошлого, составляет основную жанровую интенцию ретропрогноза, для характеристики которого как нельзя лучше подходит мысль А.П. Мякшева о различии истории и политики. По мнению исследователя, историк ставит перед собой цель анализировать «факты вне зависимости от того, “негативные” они или “позитивные”, политик же “оперирует” фактами и мифами для достижения политических целей, зачастую далеких как от исторической реальности, так и от общечеловеческих ценностей, выработанных в результате познания многовекового исторического опыта» [Мякшев 2012: 117]. Иными словами, политики и эксперты в случае ретропрогноза не констатируют, а интерпретируют факты, рассуждая на тему «что, если бы». Ретропрогноз можно квалифицировать как контрфактическое или альтернативное моделирование, а его существование возможно на том основании, что «модель не отличает настоящего, не отличает прошлого и будущего» [Буданов 2010: 71].

Последнее утверждение, на наш взгляд, является несколько спорным, т.к. если бы в истории и политике не различались временные планы настоящего, прошлого и будущего, то человек не мог бы ставить перед собой цели, определять пути и сроки их достижения, переоценивать уже свершившееся. Рассуждения о трансцендентности временных категорий моделированию политических и исторических событий противоречат определению прогноза как вероятностного, научно обоснованного суждения о будущем [Ахременко 2006: 23]. При этом ретропрогноз понимается как «такая разновидность прогноза, при котором за исходную точку, в которой осуществляется прогноз, берется точка в прошлом, а прогнозируются уже свершившиеся события» [Сулакшина 2010: 350]. Ретропрогноз иногда называют «бэксайтом», а его отличие (преимуще-

ство) от нормативного прогноза заключается в том, что «площадь» прогнозируемого значительно меньше [Там же: 247]. Так, иногда ретропрогноз может ограничиваться лишь определенным годом, значимым в истории страны: *Бедные олигархи, общипанные жирные гуси, ободранные на лыко березы, если бы вернуть 99-й год, то, может быть, поддержали бы на президентских выборах Зюганова или направили в президенты Потанина* (Проханов 2003).

Ретропрогноз обычно строится по принципу «перевернутой пирамиды»: в начале автор предлагает виртуальный сценарий, а в конце констатирует современное положение дел с описанием возможных альтернативных вариантов развития событий. Приведем пример: *Я абсолютно уверен, что если бы не было военного переворота в Киеве и был бы установлен конструктивный диалог с Западом, об этих трех условиях, которые заявила российская сторона, выражая интересы русских и русскоговорящих на Украине, то сегодня Крым все еще был бы в составе Украины, и не было бы никакого раскола и гражданской войны в этой стране* (Мигранян 2014).

Как ретропрогноз не является нормативным, так и лингвистические случаи его манифестации не всегда вписываются в существующие типологии выражения ирреального действия. В Национальном корпусе русского языка зафиксированы примеры использования частицы *бы* (*б*) при императиве, употребленном в переносной функции для обозначения контрфактического условия: *Будь киевское руководство более реалистичным, оно задалось бы целью ценой уступок – возможно чувствительных – спасти что можно, причем спасти поскорее, ибо партикуляризм отнюдь не на излете, скорее – на подъеме* (Соколов 2014).

При альтернативном моделировании уже свершившихся процессов авторы ретропрогнозов могут экстраполировать нереальное условие в прошлое, а «результаты» таких в действительности не имевших место процессов – в настоящее: *Если бы Россия проявила в этот момент пассивность, то, вполне вероятно, украинские националисты праздновали бы в данный момент «Победу в Пятой Русско-Украинской войне»* (Холмогоров 2014).

Ретропрогноз, как и нормативный прогноз, может иметь различные формы своего жанрового воплощения. Так, прогноз может быть представлен следующими жанровыми разновидностями: ста-

тья-прогноз и интервью-прогноз. Статья-прогноз по своим характеристическим признакам полностью отвечает определению статьи как жанра. Интервью-прогноз можно рассматривать как гибридный жанр, т.к. этот жанровый вариант, совмещающий в себе две формы персонификации информации (монологическую и диалогическую), содержит элементы разных речевых жанров (прогноза и интервью).

Ретропрогноз может быть представлен следующими новыми жанровыми формами: «вымышленное интервью, вымышленная история, а в зависимости от формы бытования ретропрогноза возможно выделить печатный формат и формат видеозаписи» [Кошкарлова 2016: 50]. Так, в 2005 г. вышла книга молодого исследователя из Бельгии Ф.-Л. Некулай, в которой она пытается дать ответ на вопрос: какой была бы Европа, если она была бы федеральной? Книга состоит из трех вымышленных интервью: с Президентом Европейского Союза, с Главой Правительства Европы, с Министром иностранных дел Европы. Как видно из приведенного списка интервьюируемых, они в какой-то степени взяты из политической реальности. Маркер контрфактичности содержится лишь в названии интервью (*вымышленное*), однако сама беседа построена по всем канонам журналистики: интервьюер начинает беседу, задает вопросы, меняет темы в ходе интервью, а собеседник отвечает на вопросы, высказывает свою точку зрения по обсуждаемым проблемам.

Альтернативная история может рассматриваться не только как жанр, но и как перспективное научное направление, т.к. «изучение путей развития общества способно не только углубить наше познание истории, но и творчески обобщить исторический опыт, что может пригодиться в создании футурологических моделей будущего» [Пензев 2016: 115]. Следует отметить, что альтернативная история всегда детерминирована аксиологическими установками и приоритетами исследователя: «оценки степени благотворности событий будут варьироваться в зависимости от идеологических предпочтений исследователя» [Губбеева 2005: 73]. Важным в данном случае является то, чтобы контрфактическое моделирование прошлого не стало фальсификацией истории, когда «альтернативную историю сочиняют, в то время как ее надо – конструировать» [Бочаров 2005: 233].

Таким образом, вопрос, вынесенный в название данной статьи, не имеет однозначного ответа. Политологи, историки, линг-

висты не могут точно сказать, является ли ретропрогнозирование политическим мифом или исторической правдой. Но ясным представляется такое понимание ретропрогноза в качестве метода исторической науки и жанра политической коммуникации, при котором он трактуется как способ воссоздания прошлого с целью понимания настоящего и проектирования будущего.

Литература

Архипова, Ю.В. Политические мифы как средство конструирования новой политической реальности / Ю.В. Архипова // Человеческий капитал. – 2013. – № 4 (52). – С. 85-89.

Ахременко, А.С. Политический анализ и прогнозирование : учеб. пособие / А.С. Ахременко. – М. : Гардарики, 2006. – 333 с.

Бочаров, А.Б. Альтернативная история как способ моделирования / управления исторической действительностью (опыт системного анализа) / А.Б. Бочаров // Управленческое консультирование. – 2005. – № 2 (18). – С. 226-237.

Буданов, В.Г. О предмете и методе синергетики / В.Г. Буданов // Методологические основы синергетики и ее социальные аппликации : материалы науч. семинара. – М. : Научный эксперт, 2010. – Вып. № 1. – С. 65-72.

Губбыева, З.О. Альтернативное моделирование и современная теория исторического процесса / З.О. Губбыева // Вестник АГТУ. – 2005. – № 5 (28). – С. 66-74.

Дмитрий Медведев обрисовал будущее отношений России и Украины [Электронный ресурс] // Российская газета, 15.12.2014. – Режим доступа: <http://rg.mirtesen.ru/blog/43788746653/Dmitriy-Medvedev-obrisoval-budushee-otnosheniy-Rossii-i-Ukrainy> (дата обращения: 15.12.2014).

Кошкарлова, Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : дис. ... д-ра филол. наук / Н.Н. Кошкарлова. – Екатеринбург, 2015. – 441 с.

Кошкарлова, Н.Н. Ретропрогноз как инструмент проектирования прошлого? / Н.Н. Кошкарлова, Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 4 (58). – С. 48-52.

Латов, Ю.В. Ретропрогнозирование: фантастика или наука? [Электронный ресурс] / Ю.В. Латов // Режим доступа: <http://institutional.narod.ru/history/latov.htm> (дата обращения: 01.04.2015).

Мигранян, А. От Клинтона до Обамы / А. Мигранян // Известия, 01.07.2014.

Может, так, а может, этак. Экономисты дали взаимоисключающие прогнозы о будущем России, 16.01.2014 [Электронный ресурс] // Lenta.

ru. –Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2014/01/16/prognose/> (дата обращения: 16.01.2014).

Мякшев, А.П. Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф? / А.П. Мякшев // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2012. – Т. 12. – № 4. – С. 114-117.

Наиболее вероятный прогноз развития политических и военных конфликтов в период 2014–2018 гг. [Электронный ресурс] // Движение за возрождение отечественной науки «Za-nauku.ru». – Режим доступа: <http://www.za-nauku.ru> (дата обращения: 12.07.2014).

Нарышкин предрек президенту Литвы судьбу Саакашвили, 25.11.2014 [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2014/11/25/speaker/> (дата обращения: 25.11.2014).

Пензев, К.А. Альтернативная история. От Михаила Ломоносова до Михаила Задорнова / К.А. Пензев. – М. : Книжный мир, 2016. – 575 с.

Предвкусная холода и неадекватность киевских властей, топливо в Европе дорожает [Электронный ресурс] // Центр стратегических оценок и прогнозов. – Режим доступа: <http://csef.ru/ru/ekonomika-i-finansy> (дата обращения: 10.09.2014).

Проханов, А. Как Ходорковскому пролезть сквозь игольное ушко / А. Проханов // Еженедельная газета «Завтра», 05.08.2003.

Соколов, М. Царство, разделившееся на ся / М. Соколов // Известия, 29.04.2014.

Солопова, О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014) : дис. ... д-ра филол. наук / О.А. Солопова. – Екатеринбург, 2016. – 606 с.

Сулакишина, А.С. О точности экономического консенсус-прогноза / А.С. Сулакишина // Футурологический конгресс: будущее России и мира : материалы всерос. науч. конф. (4 июня. 2010 г.). – М. : Научный эксперт, 2010. – С. 345-372.

Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студ. вузов / А.А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 350 с.

Холмогоров, Е. Принуждение к мирному плану / Е. Холмогоров // Известия, 24.06.2014.

*Natalya N. Koshkarova
Chelyabinsk, Russia*

BUILDING THE PAST: POLITICAL MYTH OR HISTORICAL TRUTH?

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the retroprognosis as political communication genre and method of the hindsight study of the country and the nation's past. The retroprognosis is considered alongside with such notions as "political myth" and "historical truth". The functions of the retroprognosis are defined, its genre forms are analysed, the linguistic criteria of the discursive embodiment are distinguished, and the differences between the retroprognosis and the normative prognosis are outlined. The retroprognosis can be represented by the following genre forms: the fictional interview and the fictional story. Being a kind of the alternative history the retroprognosis is always determined by the axiological attitudes and priorities of the researcher as it is the ideological views that influence the dimension of the reality's counter-factual analysis. The conclusion is made that the retroprognosis is important from the point of view of reconstructing of the past, understanding of the present and planning of the future. But at the same time neither politicians, historians, nor linguists can give the definite answer to the question whether the retroprognosis is a political myth or historical truth. But the most important thing for the retroprognosis not to become an instrument of history perversion.

Key words: normative prognosis, retroprognosis, fictional interview, fictional story, political myth, historical truth, political communication

*Е.Н. Лисица
Екатеринбург, Россия*

ОБРАЗЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале официальных сайтов Единой России, ЛДПР и КПрФ 2012–2017)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы интерпретации образа Октябрьской революции в современном политическом дискурсе 2012–

2017 гг. Историческая оценка этого события и переосмысление его значения со стороны лидирующих политических сил способны порождать, формировать и трансформировать определенные образы в сознании всего лингвокультурного сообщества. Исследование образов Октябрьской революции позволяет обозначить проблемы, с которыми сталкивается современная Россия. В статье приводится анализ реакций на слово-стимул *революция*, основанный на данных Русского ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова, а также дается классификация образов Октябрьской революции на материале статей и текстов интервью, опубликованных на официальных сайтах российских партий: Единая Россия, ЛДПР и КПРФ за 2012–2017 гг. В результате исследования были выявлены общие и частные тенденции к интерпретации Октябрьской революции со стороны ведущих политических сил. КПРФ рассматривает Октябрьскую революцию как величайшее событие XX в., которое оказало положительное влияние на весь ход мировой истории и положило начало социалистическим преобразованиям во всех странах. ЛДПР считает действия революционеров-большевиков губительными для государства, а Октябрьскую революцию – политическим мошенничеством, насилием для русского народа. Единая Россия сочетает в своем отношении к революции и критическую оценку, и признание влияния Октября на ход истории. В политическом дискурсе всех российских партий особое место занимает вопрос о праздновании Октябрьской революции.

Ключевые слова: революция, Октябрьская революция, образы, политическая коммуникация, политическая лингвистика, коммеморация, лингвокультурное пространство

Одной из ключевых составляющих современной политической коммуникации является концептуальное переосмысление политическими деятелями событий, произошедших в прошлом. История отдельно взятого государства, как и всего человечества, обладает уникальным и богатым символическим потенциалом. Актуализация в политической риторике социально значимых и широко известных элементов исторического дискурса позволяет политикам конструировать образы конкретного события в сознании всего лингвокультурного сообщества, формируя тем самым новую национальную идентичность (см. об этом подробнее [Дайте миру шанс! 2016; Осипова 2015а, 2015б; Осипова 2016а, 2016б; Публицистический арсенал общественных движений 2015; Шулежкова 2016; Ossipova 2016; Shulezhkova 2016]).

В этом смысле особый исследовательский интерес представляет событие, которое послужило началом основания Советского государства, – Октябрьская революция. Как отмечает О.Ю. Малинова, история России представляет собой достаточно трудный материал для постсоветских политиков, т.к. несмотря на существование уже готовых образов XX в., или фактов, историческая оценка которых уже давно была сформирована, некоторые темы остаются открытыми для дискуссий, становясь объектами совершенно противоположных оценок [Малинова 2015: 152]. К таким событиям относится символ Октябрьской революции, политическая реинтерпретация которого способна вызвать в коллективной памяти самые разнообразные ассоциации и породить новые, ранее не существовавшие образы.

Согласно Русскому ассоциативному словарю Ю.Н. Караулова, среди наиболее частотных реакций на слово-стимул *революция* наблюдается преобладание слов, связанных с периодом 1917–1921 гг., таких, как *Октябрьская, переворот, социалистическая, 1917 год, красный, Ленин, 17 года, буржуазная, великая, война*. Как мы видим, *революция* прочно связана с событием, ознаменовавшим кардинальный поворот в истории России. Учитывая прецедентность данного феномена и принимая во внимание его познавательную и эмоциональную значимость, а также неоднократные апелляции к ней со стороны политических деятелей, можно предположить, что этот образ имеет высокую ценность для жизни страны, а значит, обладает неограниченными возможностями для концептуального переосмысления.

События октября 1917 г. становятся объектом различных интерпретаций в политическом дискурсе постсоветской России. Большое значение имеет то, в каких контекстах актуализируются символы прошлого и как именно в политической риторике это знаковое событие «обрастает» новыми смыслами. «Без реинтерпретации событий 1917 года было невозможно сконструировать новую смысловую схему, объясняющую связь между коллективным прошлым, настоящим и будущим» [Малинова 2015: 153]. Таким образом, исследование образов Октябрьской революции позволяет обозначить проблемы, с которыми сталкивается современная Россия.

Материалом для анализа образов Октябрьской революции в данной работе послужили статьи и тексты интервью, опубликованные на официальных сайтах российских партий: Единая Россия, ЛДПР и КПРФ за 2012–2017 гг. Для исследования были отобраны 35 политических текстов, в которых выделены 287 контекстов. На основе указанных текстов была составлена классификация образов Октябрьской революции 1917 г. в лингвокультурном пространстве современной политической коммуникации.

Накануне 100-летней юбилейной годовщины Октябрьской революции появляется все больше публикаций, связанных с процессами коммеморации, то есть сохранения в общественной памяти. Наиболее серьезные проблемы возникают при обсуждении праздничного календаря, при составлении которого нередко случаи противостояния разных политических сил, отстаивающих диаметрально разные позиции о статусе революции. Такие же процессы фиксировались и пять лет назад: *«Очевидно, что 95-летие Октябрьской революции с точки зрения актуальной политической повестки отнюдь не главное событие недели. Если бы не героический парад 41-го, этот, когда-то самый помпезный праздник времен СССР, оставался бы «красным днем календаря» только для самых преданных адептов компартии. Что же касается думающей публики, то для нее эта годовщина остается скорее маркером, напоминающим о миллионах жертв коммунистического режима и пошловатой стилистике времен позднего Союза, чем об открытии «дивного нового мира»* (Единая Россия, 2012). Очевидно, что Октябрьская революция рассматривается как катастрофическое событие, которое вместе с коммунистическим режимом повлекла многочисленные жертвы, трагические потери, страдания для народа, а не как момент великого подъема страны, национальной памяти о достижениях социалистического строя. То же самое наблюдается при анализе контекстов либерально-демократической партии России: *«Праздничным этот день не должен быть, поскольку это совершение переворота, бунт. Если мы посмотрим на результаты революций – после всех люди живут только хуже, и жертв огромное количество»* (ЛДПР, 2012), *«Разгон Учредительного Собрания практически спровоцировал гражданскую войну. И праздновать здесь ничего нельзя»* (ЛДПР, 2013).

Совершенно иную позицию, что вполне естественно, занимает коммунистическая партия РФ, считающая Октябрьскую революцию главным событием XX в., подарившим мир и свободу всему человечеству: *«7 ноября – знаковый день для всех народов земли, день начала новой эпохи, день, когда было положено начало подлинно новому миру: миру без эксплуатации, миру без рабов и господ, миру подлинной свободы, миру всеобщего равенства, миру искреннего братства»* (КПРФ, 2014), *«Юбилей Великой Октябрьской социалистической революции – прекрасная возможность напомнить о ее значении, поднять на щит достижения социалистического строя и, конечно же, мобилизовать силы на борьбу за торжество самых светлых идеалов трудового народа»* (КПРФ, 2015). Очевидно, вопрос о сохранении памяти об Октябрьской революции после замены «праздника 7 ноября» до сих пор не теряет своей актуальности. Кроме того, различные политические силы предлагают разные исторические оценки символа Октября, акцентируя внимание на наиболее «удобных», с их точки зрения, элементах.

Сосредоточиваясь на внутренних причинах Октябрьской революции и анализируя последствия, к которым она привела, многие публичные политики, в основном приверженцы Единой России, не дают категоричных оценок и допускают множественность интерпретаций этого события, подчеркивая его неоднозначный характер: *«У нас есть немало людей, для которых 7 ноября – праздник. Но у нас есть также миллионы граждан, которые эту точку зрения не разделяют, для которых 7 ноября – это начало противостояния, начало гражданской войны, формирование однопартийного режима, который репрессировал в дальнейшем целые социальные слои и целые народы»* (Единая Россия, 2012), *«В результате революции у нас появились всеобщее образование, массовая доступная бесплатная медицина, высокие достижения науки и культуры. С другой стороны, революция породила разделение в обществе, гражданскую войну, репрессии, сформировался однопартийный диктаторский режим»*. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что подход, которым руководствуется Единая Россия, сочетает в себе и критическую оценку, и признание Октября 1917 г.

В сравнении с риторикой В. Жириновского и Г. Зюганова становится понятным, насколько широк разброс исторических оценок

Октября 1917 г. Последователи ЛДПР, например, актуализируют только негативные стороны Октябрьской революции, для которых она является олицетворением политического мошенничества, незаконно избранной властью, является насилием над человеком и вообще вселенским злом. *«Октябрь 17-го - это государственный переворот. Это вооруженный захват власти. Это выполнение заказа иностранных спецслужб. Последствия – разгром государства, экономики. Уничтожение всех умных людей. Кого в Сибирь, кого философским пароходам за границу. Все было уничтожено. Все в крови. Более страшной революции не было, и главный виновник Ленин. Главный террорист XX века»*. Создаются сценарии гипотетического будущего в лингвопрогностическом ключе «если бы не было Октябрьской революции, то...», например, *«И при царе Россия была мощнейшим государством Европы. Если бы не октябрьский переворот и преступные приказы сдать оружие, мы бы Первую мировую войну выиграли»*, *«Не было бы Германии – наша армия стояла бы там. Никогда бы Гитлер не пришел к власти, никогда бы!»*, *«Если бы я жил в 1917 году, я поддерживал бы царя, Николая II»*. Регулярные апелляции к дореволюционному прошлому России являются неотъемлемой чертой политической риторики В. Жириновского.

Коммунистическая партия РФ, наоборот, интерпретирует ключевое событие национального прошлого как исключительно спасительное для всей страны, для народа, оценивая приход к власти большевиков как единственно возможный выход из «клубка социальных противоречий» в царской России. Следуя утверждениям представителей этой партии, Октябрьская революция – это *«грандиозное историческое явление, событие прогрессивное и спасительное для народа России в реалиях 1917 года»* (КПРФ, 2017), *«Октябрьская революция 1917 года – одно из величайших событий XX века, которое изменило мир и многому его научило. Революция освободила трудовой народ от бесправия, нищеты и невежества, открыла новую эпоху в развитии человечества»* (КПРФ, 2016). В концепции коммунистической идеологии очень прочно сидит понимание неизбежности и фаталистичности Октябрьской революции, которая, в свою очередь, рассматривается как правильный и закономерный выход из кризиса. Кроме того, с целью реабилитировать «все советское» и укрепить положительный

образ Октября сторонники КПРФ неоднократно апеллируют к достижениям Советского союза, таким как быстрый и мощный технический прогресс, индустриализация, победа над фашистской Германией, первый полет человека в космос и др. *«Под знаменем Великого Октября было создано первое в мире социалистическое государство, преобразованы все сферы жизни советского общества, одержана Победа над германским фашизмом в самой страшной войне, разгромлен японский милитаризм, стремительно восстановлено народное хозяйство. Затем мы создали ракетно-ядерный паритет с США и первыми прорвались в космос. Все это и многое другое стало прямым следствием Революции, свершенной в октябре 1917 года»* (КПРФ, 2016).

Несмотря на сильное расхождение исторических оценок Октябрьской революции, есть некоторые позиции, по которым наблюдается общность точек зрения. Во-первых, примечательно, что для всех партий свойственно проведение аналогий между Октябрьской революцией и перестройкой, современной Россией, а также событиями на Украине. Считая Октябрьскую революцию, как и распад СССР, исторической ошибкой, ЛДПР формирует следующее представление: *«Ошибка октябрьской революции и революции 1991 года – начали с идеологии, с политики. Зачем перестройка, зачем союзный договор! Это же чудовищно – у нас страна есть, есть конституция СССР...»* (ЛДПР, 2016). Иной точки зрения придерживается КПРФ: *«Любые сопоставления горбачевской перестройки и практики первых советских лет несостоятельны. Нэп был использован Советской властью для спасения страны и создания сильного государства. Перестройка же обернулась разрушением страны и устранением советской системы...»* (КПРФ, 2015). Сторонники Единой России, сравнивая события 1917 г. с тем, что происходит в России сейчас, более склонны к контрастивному анализу «двух эпох»: *«В начале XX века в нашей стране был налицо острый конфликт основных классов: буржуазия и государство не хотели вести диалог с рабочими, а помещики – с крестьянами. Сейчас существуют механизмы социального партнерства...»* (Единая Россия, 2017). Очевидно, что в контексте украинского кризиса тема насилия и братоубийственной войны вновь станет особенно актуальной: *«Все повторилось – у нас октябрь 1917, на*

Украине февраль 2014 года, с опозданием почти на 70 лет...К чему привела революция – кровь, насилие, пытки, грабежи, пожары» (ЛДПР, 2016). КПРФ, укрепляя образ братского народа, подчеркивает интернациональный дух революции: *«Защита завоеваний Великого Октября была интернациональной... Эта славная традиция жива и сегодня. Ее передовая ныне — в рабочем Донбассе»* (КПРФ, 2015).

Во-вторых, безусловным признается влияние Октябрьской революции на другие страны. *«По злой иронии судьбы Октябрьская революция принесла куда больше социальных плодов не народу, ее совершившему, а соседям в развитых капиталистических странах. Увидев на примере России, к каким катастрофическим последствиям может привести пренебрежение интересами народных масс, правящие классы европейских стран начали движение в сторону выстраивания социального партнерства, построения социального государства»* (Единая Россия, 2012). Несомненно, рассуждение о том, что Запад, осознав трагичность ситуации в России, изменил свое социальное устройство в лучшую сторону, в то время как СССР «жил» по наихудшему сценарию развития, не имеет ничего общего с тем, как оценивают это влияние в КПРФ. Представление о нежелательности и пагубности революции конструирует особое негативное отношение к революции как таковой.

Литература

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г.Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. –Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 15.03.2017).

Малинова, О.Ю. «Октябрьский переворот» или «Великая российская революция»? Переосмысление «мифа основания» СССР в политическом дискурсе постсоветской России / О.Ю. Малинова // Революция как концепт и событие : моногр. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – С. 152–173.

Осипова, А.А. Красное знамя – на Кремль! (к особенностям агитационных текстов Коммунистической партии Российской Федерации) / А.А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2016а. – № 3 (53). – С. 85-94.

Осипова, А.А. Лозунги современных политических партий России / А.А. Осипова // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015а. – С. 95-132.

Осипова, А.А. Наша партия – партия будущего! (агитационные материалы политических партий России: традиционные ценности и новые языковые тенденции) / А.А. Осипова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко (28–30 сентября 2016 г., Екатеринбург). – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016б. – С. 542-558.

Осипова, А.А. Советские лозунги в художественной литературе и в современной публицистике конца XX – начала XXI в. / А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015б. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 161-166.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Шулежкова, С.Г. Два пути от невинной любви к Отечеству – патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016. – С. 50-63.

Ossipova, A.A. Repräsentation der konzepte Russland und Deutschland in den publitistischen texten / A.A. Ossipova, O.V. Michina, N.V. Pozdnjakova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 34-41.

Shulezhkova, S.G. Die Konzepte Revolution und Krieg in den russischen Massenmedien in berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 50-61.

Elena N. Lisitsa
Ekaterinburg, Russia

**THE IMAGES OF THE OCTOBER REVOLUTION IN THE
LINGUACULTURAL SPACE OF THE CONTEMPORARY
POLITICAL COMMUNICATION**
**(On the material of the official websites of the United Russia,
the LDPR and the Communist Party during the 2012-2017 period)**

Abstract. The article takes up the issues of interpretation the October Revolution images in the contemporary political discourse during the 2012–2017 period. Historical assessment of the events and rethinking of its values by the leading political forces is able to create, to shape and transform certain images in the minds of all linguistic and cultural community. The investigation of the October revolution images allows to identify the problems faced by modern Russia. The article provides an analysis of the responses to the stimulus word *revolution*, based on the data from the Russian associative dictionary by Y.N. Karaulov. There is also given the classification of the images of the October revolution on the material of the articles and interviews published in the official websites of the Russian political parties: the United Russia, the LDPR and the Communist party during the 2012–2017 period. The study reveals the general and the particular trends to the interpretation of the October revolution by the major political forces. The Communist party considers the October revolution as the greatest event of the XX century, which had a positive impact on the entire course of world history and marked the beginning of socialist transformations in all countries. The LDPR asserts that the actions of revolutionaries is suicidal to the state, and the October revolution is a political fraud, violence for the Russian people. The United Russia combines in its relation to the revolution the both critical evaluation and recognition of the influence of the October on the course of history. The question of the celebration of the October revolution occupies a special place in the political discourse of all political parties.

Key words: revolution, the October Revolution, images, political communication, political linguistics, commemoration, linguacultural space

ЧТО РУССКОМУ НЕХОРОШО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Аннотация. В статье рассматриваются современные трансформации русской пословицы *Что русскому хорошо, то немцу смерть*. Анализ материала Интернет-коммуникации и лексикографических источников позволяет заключить, что в пословичных трансформах оперативно отражаются и оцениваются социокультурные изменения, происходящие внутри страны и за ее пределами, конкретные общественно-политические события, новости экономики. Автор определяет структурно-семантические типы трансформаций пословицы, среди которых наиболее продуктивны следующие преобразования: конкретизация значения, снятие утвердительности суждения, сдвиг оценочных коннотаций и полная смена полюсов оценочности за счет варьирования этнонимических компонентов и расширения компонентного состава паремии. Анализ регионального медиа-текста показал, что чаще всего трансформы пословицы *Что русскому хорошо, то немцу смерть* используются в качестве заголовков к материалам о международном сотрудничестве, миграции населения, транспортных проблемах, реформе ЖКХ. В псковском медиа-пространстве с использованием трансформов данной паремии активно обсуждаются проблемы совместных с зарубежными партнерами бизнес-проектов и предприятий, вопросы организации различных культурных мероприятий городского масштаба. Рассмотрение трансформаций пословицы в этом региональном социокультурном контексте позволяет выявить общие для российских регионов мотивы и модели паремиологических трансформаций и региональную специфику этого процесса, проявляющуюся на уровне лексического варьирования паремий и смысловых компонентов социокультурного фона трансформов.

Ключевые слова: паремиология, пословица, компонент пословицы, этноним, оценочная коннотация, паремиологические трансформации, социокультурный фон пословицы, медиатекст

* Статья выполнена в рамках проекта «Лингвокраеведческий компонент подготовки учителя русского языка как родного и иностранного в поликультурном регионе» № 17-16-60001, а(р), 2017 г., поддержанного РГНФ.

Результаты исследования динамических процессов в сфере русской фразеологии и паремиологии [Федорова 2007; Никитина 2015] свидетельствуют о том, что в современных трансформациях этих языковых единиц оперативно отражаются социокультурные изменения, происходящие внутри страны и за ее пределами. Это же подтверждают лексикографические разработки русских «анти-пословиц» [Вальтер 2005], в том числе интерпретирующие обновленное содержание паремий в социолингвистическом аспекте [Reznikov 2012]. Так, комментируя преобразования пословицы *Что русскому здорово, то немцу смерть*, А. Резников представляет в качестве экстралингвистической мотивирующей базы трансформаций колебания курса валют (*Что рублю здорово, то доллару – смерть*), неэффективность американских экономических моделей в условиях Евросоюза (*Что Америке здорово, то Евросоюзу смерть*), безрезультатные переговоры о сотрудничестве компаний «Автодор» и «Chrysler» (*Что для «Автодора» – смерть, для Chrysler – здорово*) и др. [Reznikov 2012: 202-203].

По одной из этимологических версий, автором выражения *Что русскому здорово, то немцу смерть* является А.В. Суворов. Описывая ситуацию употребления паремии Суворовым, Ф.В. Булгарин в своих «Воспоминаниях» отмечает: *«Повторил ли Суворов старое и забытое, или изобрел новую поговорку, за это не ручаюсь»* [Булгарин, т. 6, 1849: [http](http://)].

Скорее всего, паремия, действительно, не имеет авторства и реализует семантическую модель, характерную для пословиц разных народов ('что приемлемо и полезно для одного, может быть губительным для другого'), которая получает, как правило, «этнонимическую» конкретизацию, ср., например, в венгерском языке, где паремия также трансформируется (приводим материалы Интернет-форумов): *Ami jó az angolnak (németnek), az a magyarnak nem* – буквально: *Что хорошо англичанину (немцу), то венгру нехорошо* [Autoapolas], *Ami jó a magyarnak, nem rossz a szerbnek* – *Что хорошо венгру, неплохо и сербу* [Ami jó].

Трансформационный потенциал пословицы *Что русскому хорошо (здорово), то немцу смерть* во многом определяется заложенным в ее логико-семантической структуре социокультурологически маркированным противопоставлением *русский – немец*. Этот пословичный

бином Е.И. Селиверстова рассматривает в рамках модели образования паремий «с использованием обобщенных оценочных смыслов со знаками *плюс – минус*» [Селиверстова 2009: 221]. В этом же эмотивно-оценочном ключе разворачиваются трансформации паремии в современном научном тексте и медиадискурсе. Среди структурно-семантических типов трансформаций выделим наиболее продуктивные.

1. При сохранении исходной оценочности варьируется второй компонент этнонимического пословичного бинорма (как правило, в заголовках статей и Интернет-постов в соответствии с их содержанием): *Что русскому хорошо, то французу – смерть* – заголовок сообщения о некорректной интерпретации французским профессором политического курса России [Разумно о своем: [http](http://)]; *Что русскому хорошо, то армянину – смерть* – заголовок материала о предоставлении финансовой помощи Армении на невыгодных для нее условиях [Горькая правда 2015: [http](http://)] и т.п.

2. Снимается утвердительность оценочного суждения, в том числе с ситуативной конкретизацией заголовка: *Что русскому хорошо, то немцу – смерть? Земельные отношения и аграрная реформа в немецких колониях Поволжья (1900–1914 годы)* – заголовок статьи о проблемах экономической ассимиляции данной этнической группы [Деннингхаус 2011: 82].

3. Происходит полная смена полюсов оценки: *русскому хорошо* → *русскому плохо*; *немцу* (или другому иностранцу) *плохо* → *немцу* (или другому иностранцу) *хорошо*: *Что немцу хорошо, то русскому – смерть: русская редакция немецкого Брокгауза* – заголовок статьи о работе над российским изданием словаря Брокгауза и Ефрона, содержание которого в процессе перевода было почти полностью изменено [Кротова 2015: 207-223]; *Что хорошо немцу, то русскому в убыток* – заголовок статьи о невыгодных для российских аграриев закупках дорогостоящей сельхозтехники за рубежом [Измайлов 2008: 14-19].

Анализ регионального социокультурного контекста трансформаций пословицы позволяет проследить параллели в мотивации и функционально-ситуативных характеристиках трансформов (как правило, мы имеем дело с их использованием в качестве заголовков сообщений региональных СМИ о международном сотрудничестве, миграции населения, транспортных проблемах, реформе ЖКХ).

Наиболее продуктивным опорным компонентом региональных вариантов трансформации данной паремии является компонент *немец*. В таких трансформах отражается неоднозначная оценка сотрудничества региона, отдельных его предприятий, компаний с немецкими партнерами: *Что воронежцу хорошо, то и немцу интересно* – материал о презентации Воронежской области в Мюнхене и перспективах сотрудничества регионов двух стран [Шермина: [http](#)]; *Что немцу хорошо, то ростовчанину — по карточке. Вход в первый гипермаркет мелкооптовой торговли будет ограниченным* – речь идет о торговом предприятии, открытом в Ростове-на-Дону одной из крупных немецких компаний [Кисин: [http](#)].

В Псковской области также имеется интересный опыт сотрудничества с Германией – финансирование строительства базы отдыха «Чудское подворье» немецкими партнерами. «Принесла ли «немецкая деревня», туристический проект инвесторов из Мюнхена, процветание деревне русской, поселку Спищино в Гдовском районе, на берегу Чудского озера?» – спрашивает автор публикации, озаглавленной «Что хорошо немцу, то русскому...» [Петров: [http](#)]. По его наблюдениям, туристический бизнес на «псковских Багамах» процветает («бизнесмены разгуливают в шортах с попугаями и фотографируют длинноногих подруг»), в то время как «угрюмые аборигены» влечат жалкое существование, «доедая последний скот». Недосказанность паремиологического заголовка статьи позволяет читателю испытать целый спектр оценочных эмоций в соответствии со сменой тональности повествования, завершающегося на прагматическо-оптимистический ноте: *Замечательная природа и близость к столицам обеспечивают постоянный приток состоятельных туристов и дачников. Им нравится у нас, и их здесь будет все больше, хотим мы этого или нет. Нужно еще сделать так, чтобы региону от их визитов была польза.*

Если работу на базе отдыха в Спищине местному населению предлагают неохотно («*строптивы, недисциплинированны, требуют дополнительных затрат на обучение*» [Петров: [http](#)]), то персонал компании «Йура корпорейшен РУС» в Пскове составляют исключительно местные кадры. Руководство же – представители Южной Кореи со своими требованиями к персоналу, который этих требований не выдерживает. *Псковские рабочие не могут понять*

специфику южнокорейского менталитета и предприятия – так выглядит подзаголовок материала, опубликованного на «Псковской ленте новостей» и озаглавленного пословичным трансформом: *Что корейцу хорошо, то русскому – смерть*. Комментарии к статье, многие из которых написаны работниками предприятия, эксплицируют ироническое содержание заголовка в полной мере: *В этом цехе корейском работать невозможно, сейчас даже за одну ошибку пишут сразу объяснительную. Мы люди ведь, не роботы. // Нам сказали, что у них, в Корее, больше трех дней не болеют, а русские, якобы, просто покупают больничные. Люди не выдерживают такого отношения, словно к рабам. // Этот бардак надо прекращать! Что за работа по баллам, туалет по заявлениям!!!! // Директор – кореец, остальное руководство, или, как принято у них называть, тренеры, псковские. Мы им говорим, вы же наши, как же так можете к своим относиться? Но дружба здесь не приветствуется. Нужно дружить только со своей работой. Об этом и сообщают развешенные всюду плакаты [Что корейцу хорошо, то русскому – смерть: [http](#)].*

Непонятны псковичам и традиции умеренного употребления алкоголя, с которыми они познакомились в рамках Дней гагаузской культуры, проходивших в Пскове летом 2016 г., о чем свидетельствует заголовок материала в еженедельнике «Аргументы и факты»: *Что гагаузу здорово, то скобарю карачун?* [Миронович 2016: [http](#)]. Региональная специфика акта паремиологической трансформации проявляется здесь и в лексическом наполнении модели. Просторечное обозначение псковича – *скобарь*, восходящее к прилагательному *псковский* (→ *псковскОй* → *скобской* → *скобарь*) [Андреев 1995: 8-10], уже потеряло свои отрицательные коннотации и активно используется в разговорной речи, в названиях телепередач и городских праздников, где находится место и для пословичных трансформов с данным этнонимом. Так, в программах «Дня скобаря» стал традиционным пункт «Что скобарю хорошо»: *1 октября. Комсомольский переулок <...> 12.00 – 18.00 «Что скобарю хорошо». Укрощение тещи скобаря, фолк-рок-концерт, веселые представления* [Программа: [http](#)]; *Кузнечный фестиваль «День скобаря». Концертная программа «Что скобарю хорошо...», подковывание лошади, площадка для маленьких «скобарят» и многое другое* [Кузнечный фестиваль: [http](#)].

Таким образом, рассмотрение трансформационного потенциала пословицы в региональном контексте позволяет выявить общие для российских регионов мотивы, модели паремиологических трансформаций и региональную специфику этого процесса, проявляющуюся на уровне лексического варьирования паремий и смысловых компонентов социокультурного фона трансформов.

Литература

Андреев, В.К. Откуда пошли скобари / В.К. Андреев // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект). – Псков : Изд-во ПГПИ им. С.М. Кирова, 1995. – С. 8-10.

Булгарин, Ф.В. Воспоминания : в 6 т. [Электронный ресурс] / Ф.В. Булгарин. – СПб., 1849. – Т. 6. // Сайт «Литература и жизнь». – Режим доступа: http://dugward.ru/library/bulgarin/bulgarin_vosp6.html#nejn (дата обращения: 13.02.2017).

Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 574 с.

Горькая правда от ArmeniaReport, 2015 [Электронный ресурс] // Сайт «Maxpark». Социальная сеть для зрелых людей. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/politic/content/3680430> (дата обращения: 25.02.2017).

Деннингхаус, В. Что русскому хорошо, то немцу – смерть? Земельные отношения и аграрная реформа в немецких колониях Поволжья (1900–1914 годы) / В. Деннингхаус // Россия XXI. – 2011. – № 4. – С. 82-101.

Измайлов, А.Ю. Что хорошо немцу, то русскому убыток? / А.Ю. Измайлов, Э.В. Жалнин // Аграрное обозрение. – 2008. – № 9-10. – С. 14-19.

Кисин, С. Что немцу хорошо, то ростовчанину – по карточке [Электронный ресурс] / С. Кисин // Сайт «Коммерсант.ру. Юг России. Ростов-на-Дону». – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/517030> (дата обращения: 12.01.2017).

Кротова, М.В. «Что немцу хорошо, то русскому смерть»: русская редакция немецкого Брокгауза / М.В. Кротова // Научные труды. – 2015. – № 35. – С. 207-223.

Кузнечный фестиваль «День скобаря» [Электронный ресурс] // Сайт «Псковия». – Режим доступа: <http://pskovia.ru/1150.html> (дата обращения: 09.12.2016).

Миронович, О. Что гагаузу здорово, то скобарю карачун? [Электронный ресурс] / О. Миронович // АиФ. Псков, 21.06.2016. – Режим доступа: http://www.pskov.aif.ru/culture/chto_gagauzu_zdorovo_to_skobaryu_karachun_pravoslavnye_tyurki_v_pskove (дата обращения: 29.06.2016).

Никитина, Т.Г. Русские пословицы в современном социокультурном контексте: к вопросу о составе паремиологического минимума / Т.Г. Никитина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 10-5 (41). – С. 87-89.

Петров, И. Что немцу хорошо, то русскому... [Электронный ресурс] / И. Петров // Сайт поселка Бежаницы (Псковская область). – Режим доступа: http://www.bezhanitsy.narod.ru/articles/23/pp_ale.htm. (дата обращения: 03.03.2017).

Программа Дня Скобара в Пскове [Электронный ресурс] // Сайт «Псковская лента новостей». – Режим доступа: <http://pln-pskov.ru/tourism/tourism/ptourism/sobtour/99825.html> (дата обращения: 05.12.2015).

Разумно о своем [Электронный ресурс] // Сайт «Subscribe.ru». – Режим доступа: <http://subscribe.ru/group/razumno-o-svoem-inabolevshem/11865788/#comment> (дата обращения: 01.03.2017).

Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. – СПб. : ООО «МИРС», 2009. – 270 с.

Федорова, Н.Н. Современные трансформации русских пословиц / Н.Н. Федорова. – Псков : ООО «Гименей», 2007. – 226 с.

Что корейцу хорошо, то русскому – смерть [Электронный ресурс] // Сайт «Псковская лента новостей». – Режим доступа: <http://pln-pskov.ru/society/109299.html> (дата обращения: 01.03.2017).

Шермина, Н. Что воронежцу хорошо, то и немцу интересно [Электронный ресурс] / Н. Шермина // Сайт «Вести Воронеж». – Режим доступа: http://vestivrn.ru/novosti/chto-voronezhtsu-horoshho-to-nemtsu-interesno_ (дата обращения: 30.12.2011).

Ami jo a magyarnak nem rosz a szerbnek [Электронный ресурс] // Сайт «Magyar szo». – Режим доступа: <http://www.magyarszo.rs/hu/1954/het-vege/95910/Ami-j%C3%B3-a-magyarnak-nem-roosz-a-szerbnek.htm> (дата обращения: 02.03.2017).

Autoapolas_karbartartas_fenyeezes_frissitett_ [Электронный ресурс] // Сайт «Mobilarena». – Режим доступа: https://mobilarena.hu/tema/autoapolas_karbartartas_fenyeezes_frissitett_1/hsz_19151-19206.html (дата обращения: 03.03.2017).

Reznikov, A. Russian Anti-Proverbs of the 21 Century. A Sociolinguistic Dictionary / A. Reznikov. – Vermont : The University of Vermont, 2012. – 337 p.

WHAT IS GOOD FOR A RUSSIAN: REGIONAL SOCIO-CULTURAL CONTEXT OF PAREMIOLOGICAL TRANSFORMATIONS

Abstract. The article examines the current transformations of the Russian proverb *What is good for a Russian is death for a German*. The analysis of the Internet communication and lexicographical sources allows to conclude that the proverb transforms reflect socio-cultural changes occurring in the country and abroad, economic news, etc. The author identifies the most productive structural-semantic types of transformations of this proverb: concretization of semantics, the offset of affirmative and evaluative modality, a complete change of the axiological semantics occurring by means of the variation of ethnonymic components and proverb expansion. The transformed proverb *What is good for a Russian is death for a German* functions in the regional mass media as a title of the articles analyzing international cooperation, migration of population, transport problems etc. In Pskov media the proverb was predominantly used when discussing the problems of joint ventures and international business projects, various cultural events in the city. The consideration of paremiological transformations in this regional context reveals the cross-regional similarity of the motives and models of proverb transformations and shows the regional specificity of this process at the level of the lexical variation and socio-cultural semantics of the proverb.

Key words: paremiology, Proverb, Proverb component, ethnonym, evaluative connotation, paremiological transformation, socio-cultural background of the Proverbs, media text

**ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМОГО
КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН**
**(на материале политических судебных процессов в СССР
в 1960–1980-е гг. и современных политизированных судебных
процессов)***

Аннотация. В статье рассматриваются «последние слова» инакомыслящих на политических судебных процессах: Юлия Даниэля, Андрея Синявского, Владимира Буковского, участников демонстрации на Красной площади в августе 1968 года против ввода советских войск в Чехословакию. «Последнее слово» анализируется как самостоятельный жанр судебной коммуникации. В статье характеризуются стилистические и коммуникативно-прагматические особенности этого жанра. Исследуется взаимодействие психологической, нравственной и идеологической составляющих тематики «последних слов», выявлены особенности концептуализации понятий «свобода», «справедливость», «совесть», «государство», охарактеризованы речевые тактики самопрезентации обвиняемых, апеллирующих к патриотическим идеям. Рассматриваются языковые аспекты создания социального автопортрета говорящего через его отнесение к множеству лиц, с которыми он себя объединяет. Идентификация с группой лиц направлена на конструирование личностно-значимых целей, ценностей, убеждений. В качестве материала для сопоставления привлекаются последние слова обвиняемых по уголовным процессам в современной России, если тематика «последних слов» носит политический характер и обвиняемые позиционируют себя как политических заключенных. Осознание исторической роли судебного процесса обуславливает обращение говорящих к прецедентным текстам, определяет метаязыковую рефлекссию над идеологически нагруженным дискурсом.

Ключевые слова: судебная коммуникация, политическая лингвистика, речевой жанр, последнее слово обвиняемого

В центре данного исследования материал политических судебных процессов в СССР в 60–80-е гг. XX в.: это «последние сло-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).

ва» Ю. Даниэля, А. Синявского, В. Буковского, участников демонстрации на Красной площади в августе 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию – К. Бабицкого, Л. Богораз, В. Делоне, В. Дремлюги, П. Литвинова. В качестве материала для сопоставления привлекаются последние слова обвиняемых по уголовным процессам в современной России, если тематика «последних слов» носит политический характер и обвиняемые позиционируют себя как политических заключенных (например, бывший мэр Ярославля Е. Урлашов, обвиняемый во взяточничестве и впоследствии осужденный, во время последнего слова заявляет: *«Я не совершал никаких преступлений. Я – политический узник»*). Сопоставление исторических материалов с современными текстами позволяет, как нам кажется, более точно описать присущие текстам последних слов концептуальные и языковые характеристики. При этом в статье, естественно, не даются никакие оценки ни судебных процессов, ни вынесенных судебных решений.

Ю.А. Русина, анализируя последние слова обвиняемых как исторические источники, содержащие уникальную информацию об истории инакомыслия в СССР, и вводя этот материал в научный оборот, пишет: «Суды над инакомыслящими сопровождались тщательно подготовленными кампаниями в прессе с целью дискредитировать их в глазах советских людей и напугать тех, кто был внутренне готов к диссидентской деятельности» [Русина 2016: 34].

Правом на слово пользовались участники политических процессов, видя в этом слове единственную возможность обратиться к людям и понимая, что публичное выражение мнения в дальнейшем станет для них невозможным. Осужденный на 5 лет лагерей по ст. 70 УК РСФСР «Анτισоветская агитация и пропаганда» Ю. Даниэль начинает «последнее слов» с объяснения того, почему он решил говорить: *«<...> я понял, что это не только мое последнее слово на этом судебном процессе, а может быть, вообще мое последнее слово в жизни, которое я могу сказать людям. А здесь люди – и в зале сидят люди, и за судебным столом тоже люди. И поэтому я решил говорить»* [Цена метафоры 1989: 480].

В отличие от других жанров судебной коммуникации, «последнее слово» носит достаточно свободный в стилевом отношении характер. Это означает, что обвиняемый может не только говорить

об обстоятельствах своего дела, но и заявить о своих политических взглядах, отстаивать свои права и свободы. Впрочем, эта норма носила в советском судопроизводстве скорее декларативный характер, так как в процессах над инакомыслящими судьи прерывают выступающих фразами *«Не выходите за рамки судебного разбирательства»*, *«Не говорите о своих убеждениях»*, *«Не ведите дискуссий, говорите только о деле»* и под.

Несмотря на ограничения, «последние слова» становились теми текстами, которые попадали в самиздатские документальные сборники, читались и цитировались. Рассмотрим некоторые стилистические и коммуникативно-прагматические особенности «последних слов» обвиняемых, которые формируют портрет исследуемого жанра.

1. Использование конструкций со значением личной и коллективной идентичности. Акцентирование личностного начала в последнем слове осуществляется при помощи объяснения мотивов тех действий, которые привели человека на скамью подсудимых. Говорящий предстает не как жертва системы, а как актуализатор общественных норм, например: *«Я – человек, которому глубоко противен всякий тоталитаризм»* (В. Делоне); *«Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать – значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать – значило для меня солгать»* (Л. Богораз); *«И сколько бы мне ни пришлось пробыть в заключении, я никогда не откажусь от своих убеждений и буду высказывать их, пользуясь правом, предоставленным мне ст. 125 советской Конституции, всем, кто захочет меня слушать. Буду бороться за законность и справедливость»* (В. Буковский). Плотность слов, входящих в семантические поля «истина», «справедливость», «нравственность», «свобода», служит знаком того, что осужденные апеллируют к высшим ценностям человеческой жизни, среди которых особое значение приобретает свобода убеждений и свобода мысли: *«...тут судят не только меня как личность, тут судят мысль»* (В. Чорновил).

Характеризуя себя, обвиняемые говорят о своей гражданской позиции, о том, что, несмотря на предъявленные им обвинения, считают себя патриотами своей родины, гражданами страны: *«...никакие уголовные статьи, никакие обвинения не мешают нам – Синявскому и мне – чувствовать себя людьми, любящими свою страну»*

и свой народ» (Ю. Даниэль); *«Я – советский гражданин»* (В. Чорновил); *«Всю свою сознательную жизнь я хотел быть гражданином, то есть человеком, который спокойно и гордо выражает свои мысли»* (В. Дремлюга).

В последних словах диссидентов активно используется местоимение «мы» как знак принадлежности к интеллектуальной элите и как знак единения людей, отстаивающих сходные мысли: *«...нас судят не за убеждения. Нас судят за публичное выражение своих убеждений»* (В. Делоне).

2. Противопоставление «мы – они». Типичная для любого конфликтного дискурса оппозиция «я – другой» реализуется в последних словах в противопоставлении той группы лиц, к которой говорящий причисляет себя, стороне обвинения. Конечно, в последнем слове противоположная сторона должна быть персонифицирована, и в отдельных случаях ее представителем является прокурор, в других – обвиняемые используют метонимическое обозначение «обвинение»: *«Но обвинение упорно отбрасывает это как выдумку...»* (А. Синявский).

Кроме стороны «они» как обвинителей, есть еще и те, кто молчит, принимая существующее положение дел как норму: *«Я знаю, мой голос прозвучит диссонансом на фоне общего молчания, имя которому – «всенародная поддержка политики партии и правительства». Я рад, что нашлись люди, которые вместе со мною выразили протест. Если бы их не было, я вышел бы на Красную площадь один»* (В. Дремлюга). Попытки говорящего дать оценку политическим событиям пресекаются судом, особенно в тех случаях, когда обвиняемые обращаются к политической истории СССР: *«Если бы я этого не сделала, я считала бы себя ответственной за эти действия правительства, точно так же, как на всех взрослых гражданах нашей страны лежит ответственность за все действия нашего правительства, точно так же, как на весь наш народ ложится ответственность за сталинско-бериевские лагеря, за смертные приговоры»* (Л. Богораз).

3. Концептуализация государства. В приведенной выше цитате из последнего слова Л. Богораз дважды использовано слово «правительство», что вполне типично для исследуемого нами жанра, так как все участники демонстрации против ввода войск в Чехос-

ловакию в 1968 г. говорят лишь о неверных действиях советского правительства, при этом они считают себя советскими гражданами: *«Матерью, советской школой, великой русской литературой, лучшими произведениями советской и зарубежной литературы я воспитан в горячей любви и уважении к закону, в любви к прогрессу, к нашей родине, к нашему народу и к народам всего земного шара»* (К. Бабицкий). Этот пример показывает, что диссиденты придерживаются в целом той же стилистики, которая была свойственна советскому дискурсу. В их последних словах звучит *«наш общественный и государственный строй»*, *«наша страна»*. По крайней мере, на словах они не отделяют себя от государства, не сомневаются в справедливости государственного устройства, не считают себя революционерами и видят свою миссию в отстаивании свободы слова и свободы выражения мысли: *«Я считаю чрезвычайно важным, чтобы граждане нашей страны были по-настоящему свободны. Это важно еще и потому, что наша страна является самым большим социалистическим государством, и — плохо это или хорошо, — но все, что в ней происходит, отражается в других социалистических странах. Чем больше свободы будет у нас, тем больше ее будет там, а значит, и во всем мире»* (П. Литвинов).

В политизированных процессах современной России активно используется метафора болезни. Если в последнем слове В. Буковского больным признавалось общество (*«Наше общество еще больно. Оно больно страхом, пришедшим к нам со времен сталинщины. Но процесс духовного прозрения общества уже начался, остановить его невозможно»*), то в современных политизированных процессах Россия предстает «больным государством», «больным организмом», в котором происходит мутация государственных институтов. Метафора болезни является ключевой также в последнем слове М. Ходорковского. И в его заключительной речи на суде, и в последних словах других обвиняемых звучит мысль о том, что государство враждебно личности и подавляет свободу самовыражения.

4. Метаязыковая рефлексия над идеологически нагруженным дискурсом обвинения. Судебные процессы над инакомыслящими в СССР предполагают обсуждение вопроса о выборе номинации, которая характеризует совершенные действия, оцениваемые стороной обвинения как «противоправные», а обвиняемыми — проявлением

свободы слова и убеждений. Сторона обвинения использует слова с отрицательными коннотациями для создания идеологического врага. В последних словах обвиняемых выражено несогласие с такой интерпретацией, поэтому судебные процессы становятся противостоянием дискурсов, войной слов: *«...пойти на демонстрацию (я настаиваю на том, что события на Красной площади должны называться именно этим словом, как бы ни именовал прокурор)»* (Л. Богораз); *«Прокурор называет наши действия сборищем. Мы называем их мирной демонстрацией»* (П. Литвинов). Вербальная квалификация деяния, которое становится предметом судебного разбирательства, вызывает возражение у обвиняемых и соответственно рассматривается в последнем слове: *«Обвинительное заключение, в котором 33 раза употребляется слово «клеветнический» и 18 раз слово «антисоветский», не содержит в себе конкретных указаний на то, какие же именно факты из сообщенных мною западным корреспондентам являются клеветническими и какие именно материалы из изъятых у меня при обыске и якобы распространяемых мною являются антисоветскими»* (В. Буковский).

5. Использование исторических метафор и сопоставлений. Если для последних слов А. Синявского или Ю. Даниэля исторические параллели были обусловлены дискуссиями литературного характера (и сами параллели носят литературный характер), то политический характер других последних слов позволяет говорящим обращаться к разнообразным событиям истории и сопоставлять происходящее с фактами истории: *«Судебные преследования людей за высказывания или взгляды напоминают мне средневековые с его «процессами ведьм» и индексами запрещенных книг»* (А. Амальрик). В последних словах звучит мысль об исторической роли происходящего: *«Я полагаю, что вы не только решаете судьбу нескольких человек на ближайшие годы, но так или иначе – пусть отдаленно – влияете на судьбу всего человечества»* (П. Литвинов).

Осознание исторической роли судебного процесса, придающее торжественность всему жанру, отражено и в современных «последних словах» обвиняемых, которые видят политический смысл в уголовном преследовании: *«Все понимают, что ваш приговор по этому делу, каким бы он ни был, станет частью истории России. Более того, он будет ее формировать для будущих поколений... Все*

имена останутся в истории – и обвинителей, и судей, так же, как они остались в истории после печально известных советских процессов» (М. Ходорковский); *«Имитация судебного процесса приближается к стандартам сталинских «троек», к моему глубокому сожалению...»* (из последнего слова Н. Толоконниковой, участницы группы Pussy Riot, обвиняемой по делу о хулиганстве и оскорблении чувств верующих).

Обращение к прецедентным ситуациям сталинских времен вполне закономерно, так как репрессии, ссылки и лагеря, осуждение невиновных – это то, что служит довольно сильным эмоциональным аргументом в жанре последнего слова. Обвиняемые в уголовных преступлениях, которые позиционируют себя как инакомыслящих, обращаются к опыту диссидентов советского периода: *«Как и диссиденты не были проигравшими, теряясь в психбольницах и тюрьмах, они выносили приговор режиму»* (Н. Толоконникова); *«Я хочу заметить, что во время суда над поэтом Бродским использовалось то же самое»* (М. Алехина). Прием аргументации, заключающийся в повышении значимости происходящего при помощи апелляции к историческим аналогиям, рассчитан скорее не на судебную коллегию, а на средства массовой информации.

Таким образом, «последние слова» интересны не только своей исторической ценностью, но и коммуникативной спецификой, обнаруживающейся и в отборе языковых единиц, и в выборе тональности, и в аспекте композиционно-речевых форм.

Литература

Русина, Ю.А. «Я решил говорить»: Последнее слово обвиняемого как заключительный аккорд политических процессов в СССР 1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18, № 1 (148). – С. 34-50.

Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля : сб. ст. / сост. Е.М. Великанова. – М. : Книга, 1989. – 528 с.

*Anna M. Plotnikova
Yekaterinburg, Russia*

**THE DEFENDANT'S LAST PLEA AS
A COMMUNICATIVE PHENOMENON
(Based on the Materials of Soviet State Trials between
the 1960s and 1980s and Modern Politicized Trials)**

Abstract. The article discusses 'last pleas' that were delivered at state trials by dissidents Andrei Sinyavsky, Yuli Daniel, Vladimir Bukovsky, and participants of the 1968 Red Square demonstration against the Soviet invasion of Czechoslovakia. We analyze the 'last plea' as an independent genre of judicial communication, emphasizing its stylistic and communicative-pragmatic characteristics. We also focus on the interaction between the psychological, moral and ideological components of these 'last pleas'; analyze conceptualization of notions 'freedom', 'justice', 'conscience', and 'state'; and characterize speech tactics used by defendants for self-presentation. The article discusses the linguistic aspects of how social self-portrait is constructed by Russian language speakers. Identification with a group of people the aim is to create the speaker's self-portrait through various speech masks, metaphorical and other figurative images. The materials that were used for this comparative analysis also comprise the last pleas of defendants in criminal trials conducted in modern Russian if these 'last pleas' were discussing political topics and if defendants presented themselves as political prisoners. Awareness of the historical role of the judicial process which determines the use of the precedent texts, defines metalinguistic reflection on an ideologically loaded discourse.

Key words: judicial communication, political linguistics, speech genre, defendant's last plea

*Т.И. Рожкова
Магнитогорск, Россия*

**ВЛАСТЬ В ЛОГИКЕ И РИТОРИКЕ ЗАПИСКИ КАЗАКА
АНЗИГИТОВА (КОНЕЦ XIX В.)**

Аннотация: В центре статьи анализ записки оренбургского казака Анзигитова, принимавшего в своем доме будущего императора Николая Александровича во время его возвращения из путешествия на Восток по

старой линии укреплений Оренбургского казачьего войска. Примененный культурно-исторический метод интерпретации текста в сочетании с антропологическим подходом позволили выявить отдельные стороны личности пишущего, его представления о царской власти, связать их с общим настроением казачества. Автор записки, оказавшись перед необходимостью описания события государственного значения, объективно испытывал давление со стороны принятых языковых форм культуры. Их выявление, а также подключение к рассмотрению «надтекстовой» составляющей, внимание к личному выбору повествовательных традиций со стороны субъекта позволяют выстроить картину понимания казаком власти и логики происходящего. С этой точки зрения записка иллюстрирует политический дискурс времени, вписываясь в первичный миф национальной культуры о трансцендентном характере царской власти. Высказывание казачьего урядника, встроенное в систему культурной традиции, позволяет определить выбранные им приемы сакрализации как со стороны формы, так и со стороны содержательных подробностей. Основные выводы работы связаны с наблюдениями за характером изображения истории частным человеком и с проблемами научной интерпретации письменных источников.

Ключевые слова: человек пишущий, история, интерпретация, повествование, сакрализация, письменная культура, семейная история, христианская легенда

Интерес исторической науки к документам частных лиц: дневникам, письмам, воспоминаниям, запискам – не только расширяет исследовательское поле науки, но и дополнительно актуализирует интерпретационные практики, обеспечивающие понимание используемого материала. Метод культурно-исторического анализа в сочетании с антропологическим подходом увеличивают объяснительный потенциал текста: дают возможность рассмотрения вопросов самосознания пишущего, его представлений о судьбе и власти, смыслах происходящего. Составляющие духовного мира пишущего человека, его представления о взаимоотношениях человека и власти, принятые этические нормы проявляются в выборе приемов изложения событий, определяют построение сюжетных ходов, отбор изобразительных деталей, лексических средств.

Важнейшим источником сведений о событиях, связанных с посещением цесаревичем Николаем Александровичем старой линии казачьих укреплений Оренбургской губернии, является книга

Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891» [Ухтомский 1897]. Страницы, связанные с проездом будущего императора по территории Оренбургского казачьего войска (раздел «В Оренбургском районе») принадлежат историку, есаулу, члену Оренбургской ученой архивной комиссии С.Н. Севастьянову (1863–1907) и имеют подзаголовок «Преимущественно по записям г. Севастьянова». Описание пребывания цесаревича в поселке Урлядинском Верхнеуральского уезда сопровождается дополнительным примечанием: «Взято из записанного самим урядником Анзигитовым рассказа, присланного в штаб Оренбургского войска в числе прочих описаний казаков-очевидцев о встрече Государя Наследника» [Ухтомский 1897: 200]. Примечание позволяет предположить, что Севастьянов выстраивал раздел «В Оренбургском районе» не только на основе своих записок, но и запрашивал материалы дополнительно. Над окончательным текстом книги по истории путешествия Ухтомский работал до 1897 г.; возможность и, вероятно, необходимость, дополнительного сбора информации была. Таково происхождение записки казака Анзигитова, присланной «в штаб Оренбургского войска». Записка интересна не только со стороны описания исторического факта, она является частным примером письменной культуры служивого казачества и позволяет сделать некоторые наблюдения, отражающие его картину мира.

Текст записки казака не скрывает личностного начала, свидетельством которого служат выражения «я находился», «мне много хлопот», «я постарался», «я предложил». Сюжет развивается на основании семейной истории, однако бытовая ситуация разделения хозяйства между отцом и сыном, сопряженная с выбором места под строительство дома, перестраивается по ходу повествования в сторону жанра христианской легенды, сосредоточенной на изображении отношений человека с Богом. Анзигитов вводит в рассказ мотив предвидения будущих событий, родственник христианскому чуду. В фольклорной традиции этот мотив характерен для легенд этической группы, утверждающих ценности праведной жизни человека [Славянские древности, 3, 2004: 90]. Подключение мотива придает тексту дидактический смысл: хлопоты по выбору места интерпретируются как свидетельства чудесного предопределения. «Божий

промысел» реализовался в общем решении казаков выбрать дом Анзигитова для встречи цесаревича.

Мотив преодоления трудностей строительства дополнительно окрашивает рассказ: место определилось не сразу, «наделало» казаку «много хлопот и забот». Фрагмент завершается благословением священника Словоохотова, поставившего точку в непонятной для нас суете вокруг утверждения места под строительство: «...благославляю тебе, хлопочи о нем и с Богом стройся» [Ухтомский 1897: 200]. В финале эпизода автор несколько раз напоминает читателям о Божественном провидении: «И вот, во время выбора квартиры, выбор пал на мой дом, и действительно судьбами Божиими в самом этом доме ныне Бог привел встретить неоцененного гостя, о чем я, так и вся моя семья, сердцем радуемся» [Там же]. Мы видим, как сюжет семейной и станичной жизни выводится из поля реальных проблем и осмысливается в системе диалога человека с высшими силами бытия, что характерно для изложения событий в народной христианской легенде.

Найденная автором повествовательная модель дополнительно реализуется в словосочетании «неоцененный гость», возникшем в его сознании, по всей вероятности, из текстов, которые он слышал во время церковной службы. Известно, что церковное красноречие постепенно распространялось на все слои общества. По отношению к государю в первой трети XVIII в. данное словосочетание употребил Феофан Прокопович – выдающийся оратор, автор учебников по церковному красноречию. Приветствуя в своем доме Петра Великого перед наступающим днем Пасхи, архиепископ, «с веселым и бодрым духом встретив радостно государя, шедшего к нему и имея бокал в руках с венгерским, возгласил: “Се жених грядет в полунощи! Блажен раб, его же обрящет бдяща; недостоин же паки, его же обрящет унывающа! Здравия и благоденствия гостю неоцененному, велие счастье рабу и богомольцу твоему, его же посетити благоволите!”» [Литературные предания 1994: 12]. Словосочетание «неоцененный гость» до наших дней функционирует в духовно-наставительных стихах, разрабатывающих сюжет встречи с «чудесным» странником. В традиции духовных песнопений встреча инока, монаха, старца, молодого юноши с Христом становится результатом борьбы добра и зла в душе человека [Духовные стихи 1999: 252-258]. В тексте монастырского песнопения «Послуша-

ние», записанного в 70-х годах XX в., «неоцененный гость» – сам Господь – явился молитвеннику, чтобы поддержать силы, развеять «тревожные сомнения» в минуту греховной слабости:

Просил у Господа прощенья,
Самоотверженности, сил,
Чтоб побороть те искушенья,
Что он с трудом переносил
[Богогласник 2004: 394].

«Неоцененный гость» освящает трудный путь назначенного иноку послушания и смиренно ждет его в келье, пока тот исполняет свой «святой долг»:

Ушел ли Гость Неоцененный
Иль ждет его он, может быть...
С надеждой тайною, священной
Спешит он дверь приотворить.
И что же? Дивное сиянье
Он снова в келье увидал,
И оправдалось ожиданье:
Господь опять пред ним стоял
[Там же: 395].

В записке 90-х гг. XIX в. словосочетание «неоцененный гость» поддерживает выбранные Анзигитовым изобразительные смыслы и отвечает его ощущению времени. Нужно обратить внимание, что светская периодическая печать, информируя читателей о передвижениях цесаревича в путешествии, использует другие уточняющие определения: *драгоценный, желанный, дорогой, долгожданный, августейший*.

Анзигитов переводит семейную историю в поле взаимодействия с религиозной традицией, осмысливающей происходящее с точки зрения высокого предопределения, усматривает в появлении цесаревича в его доме знаки своей собственной судьбы. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что казаки-земледельцы во время проезда цесаревича находились в тяжелом экономическом положении после неурожая предыдущего года. «В такое время приезд Государя Наследника был, действительно, явлением не только чрезвычайной важности, но и отраднейшим событием, ободрившим все земледельческое население войска», – замечает по этому поводу Э.Э. Ухтомский [Ухтомский 1897:193].

Центральное место в записке занимает описание чаепития в доме казака. Наблюдается предельная осторожность в изображении поведения наследника Николая Александровича, что проявляется в использовании готовых формул: «изволил принять», «изволил войти», «изволил отблагодарить», «изволил пожелать». В то же время изображение «неоцененного гостя» включает детали, наработанные национальной словесностью на основе представлений о «святости». Смысл святости в народном православии «состоит в причастности человека Богу, его обожённости, в его преображении под действием благодати Божией» [Живов 1994: 90]. Причастность цесаревича Богу обозначена уже в первой части записки: «Бог привел», – пишет Анзигитов. Святость личности цесаревича изображается в его поведении: в простоте, в смирении, в пренебрежении ценностями этого мира. В этом ключе подается эпизод угощения, когда к чаю были поданы «разные сласти из кондитерской». Оказалось, что «его высочество этого не кушает, а подали бы лучше чего-нибудь своего собственного приготовления, почему я постарался нарезать простого хлеба на тарелку и подать его высочеству» [Ухтомский 1897: 201]. Описание угощения проезжающего цесаревича неоднократно встречается в периодической печати, где авторы не делают никаких замечаний на этот счет. В «Оренбургских епархиальных ведомостях» встречаем: «Здесь не было недостатка ни в яствах, ни в напитках – обед состоял из пяти блюд» [Оренбургские 1891: 581].

На идею святости работает фрагмент представления цесаревичу членов семьи казака, желающих «видеть» наследника. Эта достаточно часто встречающаяся подробность, которая отмечается в поведении населения края. По материалам Ухтомского, встречающие «со слезами на глазах бежали вслед» цесаревичу со словами: «Привел Господь увидеть тебя»; после отъезда «Гостя» пожилые казаки еще долго говорили: «теперь и помирать-то легче, – привел Господь увидеть будущего Государя!» [Ухтомский 1897: 198]. Корнилий Тимофеевич Кузнецов, тоже участник церемониальных встреч, один из атаманов Усть-Уйской станицы Оренбургского казачьего войска, по прошествии десяти лет вспоминал о «мистическом желании» населения края видеть «царское лицо». Потому, «вернувшихся со службы», – пишет он, – обязательно спрашивали – «видел ли царя?» [Кузнецов 1911]. В подобных наблюдениях, разбросан-

ных по разным публикациям, можно заметить перенесение на личность цесаревича ожидания святого покровительства и защиты. В представлении цесаревичу семьи Анзигитова дополнительно подчеркивается идеальное поведение гостя: «изволил пожелать всем доброго здоровья и сделал общий поклон» [Ухтомский 1897: 201]. Визуализация в тексте записки жеста поддерживает принятый им стиль описания. «Общий поклон» – еще одна поведенческая практика смирения, характерная для поведения святых старцев.

Записка казака Анзигитова представляет интерес не только со стороны переданного в ней исторического события, связанного с посещением цесаревичем Николаем Александровичем Оренбургского края. О чаепитиях во время путешествия в записях С.Н. Севастьянова упоминается не раз. Тот же К.Т. Кузнецов включает в воспоминания разговоры на эту тему: «...в каждой станице и поселке, как бы ни была кратка остановка, Государь посещал квартиру и нигде не отказывал откушать или чаю, или молока – или что подавали к завтраку из страпни казачек» [Кузнецов 1911].

На фоне официальных сообщений по встрече цесаревича записка привлекает к себе внимание как документ личного происхождения, как «история снизу». Анализ антропологической составляющей текста показывает, что события подвергаются автором личностной интерпретации, переосмысливаются в контексте собственной жизни и собственных переживаний. Казак Анзигитов с самого начала оценивает происходящее как знаковое событие не только в истории государства, но и в своей судьбе. Сообразно своей логике, он выстраивает и характеризует свои поступки. Несмотря на то, что в изображении будущего монарха Анзигитов проявляет крайнюю осмотрительность: пользуется распространенными формулами этикетного описания, образцами духовной литературы, его записка сохранила для нас особенности мироощущения составителя. Она еще раз обращает наше внимание на глубину духовных связей Оренбургского казачества с Богом и Государем накануне трагических событий начала XX в.

Литература

Богогласник. Созвучие времен. – М. : Издание Красногорского монастыря, 2004. – 532 с.

Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / сост. Е.Д. Бучилина. – М. : Наследие, 1999. – 416 с.

Живов, В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов / В.М. Живов. – М. : Гнозис, 1994. – 112 с.

Литературные предания XVIII столетия : Сборник анекдотов о русских писателях XVIII в. / сост. Н.П. Морозова. – Череповец : Изд-во ЧГПИ, 1994, – 89 с.

Оренбургские епархиальные ведомости. – 1891. – № 18.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т.3. – С. 89-91.

Ухтомский, Э.Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891 / Э.Э. Ухтомский. – СПб. ; Лейпциг : Ф.А. Брокгауз, 1897. – Т. 3. – 257 с.

Кузнецов, К.Т. 20 июля 1891–1911 года / К.Т. Кузнецов // Верхнеуральский листок, 23-24.07.1911.

Tatiana I. Rozhkova
Magnitogorsk, Russia

THE REIGN IN THE LOGIC AND RHETORIC OF THE COSSACK ANZIGITOV NOTE

Abstract: The article focuses on the analysis of the note, written by Orenburg Cossack Anzigitov, who hosted the future emperor Nikolay Aleksandrovich during the return from the trip to the East along the old line of strengthenings of the Orenburg Cossack army. The author uses the cultural and historical method of text interpretation in combination with the anthropological approach. It helps to reveal the character traits of the note author, his personality and his vision of the reign, and compare his perception with the Cossack army ambiance. The note author, describing the political events inside the country, obviously felt pressure of the used lexical forms of culture. The identification of these forms, the use of the “overscript”, and the attention to the personal choice of narrative traditions allow to create the Cossack perception of reign and the logic of the events. From this point of view, the note illustrates the political discourse of the time, and is the part of the archetypal myth of the national culture about the transcendental nature of the imperial power. The Cossack statement, implanting in the system of cultural tradition, helps to define the chosen ways of sacralization, both from the form, and from the content details. The main outputs of the work deal with the analysis of the history perception and its presentation by an individual person, and with the problem of science interpretation of written sources.

Key words: writing person, history, interpretation, narration, sacralization, written culture, family history, Christian legend

Е.И. Селиверстова
Санкт-Петербург, Россия

О РУССКОМ ДУХЕ И РУССКИХ ДУХОМ **(семантический и прагматический аспекты)**

Аннотация. Статья посвящена весьма популярной теме – использованию – преимущественно в современных текстах – устойчивых словосочетаний, нередко относимых к разным разрядам единиц – поговоркам, крылатым выражениям, прецедентным текстам, но объединенных номинацией явлений – предметов, людей, абстрактных сущностей, так или иначе связанных с русским национальным мироощущением, русским характером, психоэмоциональным настроем, традициями и бытом, творчеством и проч., и признаваемых как проявления русского духа. К анализу привлекаются примеры преимущественно последнего времени из интернет-источников (блогов, сайтов и др.) и Национального корпуса русского языка, позволяющие увидеть как неравную количественную представленность отдельных выражений (*русский дух, русский духом, русский по духу*; пушкинского *Там русский дух, Там Русью пахнет*), так и различие в тематике событий и фактов, освещаемых с привлечением этих оборотов.

Наиболее явной в результате проделанного анализа становится семантическая неоднозначность, диффузность весьма употребительного выражения *русский дух*, используемого для характеристики как людей, их поведения и поступков, так и предметов материального мира и абстрактных явлений, поскольку диапазон семантического прочтения и функционального применения этого словосочетания далеко не исчерпывается приведенными нами примерами и словарными толкованиями. До некоторой степени это касается и других выражений.

Ключевые слова: крылатое выражение, русский дух, современное употребление, семантическое содержание, Пушкин, трансформация

Устойчивое словосочетание *русский дух*, причисляемое к народным поговоркам (мы находим его и в словаре пословиц

В.И. Даля – в разделе «Русь-Родина», и в Большом словаре русских поговорок под ред. В.М. Мокиенко [2007: 209]), является весьма употребительным в русском языке – как в текстах ушедшего времени*, так и в речи современников. Сюда же следует добавить и устойчивые фразы *русский духом* и *русский по духу*, обнаруживающие как общие с ним семантические звенья, так и некоторые различия в значении. Все они относятся к тем восходящим к устному народному творчеству единицам, в которых отражаются «дух, ум, характер русского народа» [Шулежкова 2002: 40].

Имеющий фольклорные истоки оборот *русский дух* обретает более полную форму *Там русский дух, там Русью пахнет!* – лаконичную, но семантически удивительно емкую**, в пушкинских строках, в прологе к поэме «Руслан и Людмила», становясь, таким образом, крылатым выражением и обоснованно попадая в словари крылатых фраз [Мокиенко 2005: 633; Берков 2000: 489 и др.]. Однако четкого семантического водораздела между этими двумя выражениями, объяввшими весьма широкую семантику, провести, на наш взгляд, не всегда возможно.

Примеры современного использования устойчивых словосочетаний, указывающих на особенности *русского духа* (ср. *русский духом*, *русский по духу*) позволяют говорить о разнообразии условий их употребления. Достаточно четко разграничиваются, с одной стороны, сферы применения разных по структуре словосочетаний. С другой стороны, наблюдается разный диапазон семантического прочтения каждого из выражений.

Наиболее востребованным из всех названных оказывается сочетание *русский дух*, которое допускает весьма широкий спектр семантических трактовок и лишь в отдельных своих значениях пересекается с иными по структуре выражениями. Во-первых, оно реализует не выветривающийся с годами буквальный семантический

* Ср. строки Н. Некрасова: *Волшебный град! там люди в деле тихи, / Но говорят, волнуются за дух. / Там от Кремля, с Арбата до Плющихи / – Отвсюду веет чистый русский дух.* Дружеская переписка. Петербургское послание.

** Проведенный А.В. Филимоновой опрос относительно употребления пушкинизмов нашими современниками показывает, что выражение *Там русский дух, Там Русью пахнет!* принадлежит к наиболее цитируемым крылатым фразам, которые применяет в речи большая половина опрошенных, правильно при этом определяя его авторство. См. подробнее: Филимонова 2016.

шлейф реплики «*русским духом пахнет*», принадлежащей сказочному персонажу Бабе Яге, учувшей рядом с собой присутствие человека. Поэтому выражение нередко указывает на реальные запахи, связываемые с русским бытом, представлениями о русской кухне* и т.д. Например: *Там русский дух, там Русью пахнет... Приехав в Майами, куда пойти русскому человеку, так истосковавшемуся по русской кухне?* Miamishop.ru, 2012 (дата обращения: 06.01.2016). Ср.: *Там русский дух, там Русью пахнет!* – закричала она, показывая в сторону комнат, где пахуче ужинали полуночные трудовые таджики/ Слаповский А. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010**. В последнем случае автор цитирует пушкинские строки, конкретизируя их обобщающий смысл и иронично комментируя ощущаемый говорящим «этномаркированный» запах еды.

Один из векторов осмысления выражения *русский дух* проявляется в его использовании для номинации совокупности национальных традиций и устоев – в частности, искоренявшихся, как свидетельствует история, Петром Первым. Ср.: Первым в складную речь царицы (Екатерины II) вмешался патриарх Иван Грозный: – *Это все Петькины грехи, – сказал царь и перстом ткнул в ненавистное романовское чадо, в Петра Первого. – Россию оскоромил: табачное зелье ввел, бражничать научил, русский дух выводил, баб оголил, волосы накладные носил и сам, и его собутыльники.* Есин С. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008).

Русский дух – это и образ жизни, и хозяйственный уклад. Интересно встраивание выражения *русский дух* в систему лексических противопоставлений, призванных, правда, указать не столько на контрастность достоинств рекламируемого отеля, сколько на диапазон предоставляемых удобств и его привлекательность для русских. Ср.: *Горные лыжи и гольф, домашний уют и суперсовременные технологии, деревенские традиции и нестандартные идеи, немецкая практичность и русский дух, самолеты и олени <...> – такую комбина-*

* Показательно в этой связи название книги И.А. Манкевич, связывающей описываемые ольфакторные явления (запахи) русской культуры и соответствующие тексты с номинацией «русский дух» [Манкевич 2014].

** Здесь и далее примеры, приведенные без специального указания на интернет-источники, заимствованы из Национального корпуса русского языка [URL: www.ruscorpora.ru].

цию можно встретить только здесь Бурмистров П. Отель: на сцене и за кулисами // «Русский репортер», № 3 (181), 27.01.2011. На наш взгляд, семантическая размытость оборота допускает здесь разные трактовки: гостеприимство? непрактичность (вряд ли она возможна в отеле такого класса)? широкие возможности для чего-либо? В обобщенном виде можно понимать это так: ничто не мешает вам жить здесь вполне «по-русски», в соответствии со своими привычками.

Нельзя, однако, не отметить, что немецкому подходу, хотя нередко и инациональному в целом – как рациональному, экономному, логичному – часто противопоставляется русский менталитет, не отличающийся, вероятно, подобными качествами, что воспринимается как непривычное и неприемлемое: *Западная цивилизация едина в одном – в неприятии русского человека, русского менталитета; как говорил Пушкин, «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». В этом отношении они монолит – и немец, и поляк, и англичанин, и американец, и француз <...> Они едины, а мы разные.* Олимпиада в Сочи как она есть // Блог nstarikov.ru (дата обращения: 15.03.2014).

Именно так – для интеграции людей, обладающих общими свойствами, и указания на невозможность отделения одних от других – используется нередко и выражение *русский по духу*^{*}. Ср.: *Его фамилия для русского звучит необычно. И, тем не менее, Владимир Евгеньевич Гене был не только настоящим русским, но и выходцем из старинного рода российских дворян <...> Многие из аристократических семей на Руси, носивших немецкие, французские или голландские фамилии, нередко оказывались более русскими по духу, чем те, кто происходил от донетровских бояр.* Демидов Г.Г. Писатель (1970). Привлекаясь вне контекстуальной конкретизации, оборот нередко выполняет функцию аргумента, подтверждающего правомерность отнесения некоего лица к сонму русских, но его значение остается недостаточно ясным?

В других случаях выражениями *русский дух* и *русский по духу* номинируют особые свойства, русский характер, совокупность жизненных смыслов русских людей. Согласно словарному толкованию,

^{*} Нередко оборот является частью более пространного *русский по духу и [по] крови*; ср.: *Господа, нельзя приводить в отчаяние более 10 миллионов русских по духу и по крови людей из-за трения в государственной машине.* Столыпин П.А. Последняя публичная речь, произнесенная 27 апреля 1911 года в ответ на запрос Государственной думы.

это явление русской духовной культуры, символ высокого в человеке, он ориентирован на поддержание русской цивилизации «как духовной, богатырской, гостевой и гостеприимной» [ОДК]*. Именно поэтому его увязывают с представлением о вере и православии: *Авторы книги стараются воспринимать как единое целое русский народ, русскую душу и, на высшем уровне, **русский дух**, который питается православием.* Коллективный XX век в истории России // Журнал Московской Патриархии, № 2, 2010. По этому критерию определяют как *русских по духу* проживающих за рубежом бывших российских граждан и их потомков, сохраняющих «потаенную, очень тесную связь, крепче, чем у семьи, с Россией» (С. Есин. Марбург), которая неким труднодостижимым образом сохраняется и выделяет их на общем фоне прочих граждан освоенной ими страны. Речь идет в первую очередь о духовных ценностях и душевных качествах.

«Русский дух» поселяется не только в людях, но и в окружающих их вещах, проявляется в культуре, опознаваемом архитектурном (вспомним собор Василия Блаженного в Москве, храм Спаса на крови в Санкт-Петербурге) или дизайнерском стиле: *Русское жилище, это, прежде всего, **русский дух**, русская атмосфера <...> И не обязательно эти признаки выражаются через мебель. В русском по духу доме может предметно присутствовать и восток, и готика, но вместе с тем должны быть отражены черты интеллигентности его владельцев – людей, которые интересуются русской историей и культурой*. Кручинина В. Интересная штучка (2003) // «Мир & Дом. City», 15.08.2003.

Представление о русском духе распространяется на художественный текст и характер используемых в нем образов и языковых средств, на произведения искусства – живопись, песню, музыку. Ср.: *Серов <...> выработал единственный по выразительности, остроте и лаконизму басенный стиль <...> И серовские басни – столь же **русские по духу**, как и крыловские.* Грабарь И.Э. Валентин Серов (к 80-летию со дня рождения), 22.01.1945 // «Советское искусство», 1945. При обсуждении критериев определения победителей на конкурсе «Евровидение» в качестве одной из причин низкой оценки российских исполнителей называют «соображения чисто музыкального

* Ср. также семантизацию: Народн. То, что составляет русский народный характер, духовную суть русской нации [Мокиенко 2007: 209].

плана»: далеко не первые места А. Пугачевой и Ф. Киркорова связаны с тем, что *оба выходили на конкурс с русскими по духу и по языку песнями, которые в европейском музыкальном поп-контексте просто не воспринимаются*. Крижевский А. «Премьер-министр»: Наша музыка – это европоп, 2002 // «Известия», 24.05.2002.

Особую тему в анализируемых примерах составляет освещение тяжелых моментов истории российского государства, требовавших единения и напряжения всех народных сил и вызывавших к жизни обращение к «русскому духу» – к внутренним и порой скрытым свойствам человека, к мужеству, самоотверженности, смелости и т.п. Ср.: *Что это за таинственное понятие – «русский дух»? Неужели именно это качество нашего многонационального этноса позволяет русскому народу сохранять себя в течение тысячелетия перед лицом страшных угроз и иноземных вторжений?* Русский дух в Великую Отечественную войну. Режим доступа: <http://russkiy-duh.ru/> (дата обращения: 12.02.2016). Традиционная характеристика героя волшебной сказки, бесстрашно совершающего ожидаемый от него подвиг, распространяется на народ в целом.

К таким событиям, ассоциируемым с проявлением «русского духа», относятся, в первую очередь, войны. Ср.: *Подрался с Юрой. Он говорит, что Москва не устоит – разве это русский дух? (Юра – это Коренблюм, сын расстрелянного Кириона, не боялся мальчик говорить лишнее, видимо, не один он так говорил в Куйбышеве в сорок первом. Не один, выходит, император вспомнил в сорок первом «русский дух»)*. Терехов А. Каменный мост (1997–2008). Даже в рамках одного контекста *русский дух* видится неоднозначным: это и вера в победу, и патриотизм, и стойкость, способная принести победу.

Этим выражением характеризуются морально-душевные силы как свойственные русскому народу и способные противостоять даже технической оснащенности: *Ключевой характеристикой стали высокие моральные качества героя и его стремление к самопожертвованию. А потому и образ героев выстраивался так, чтобы подчеркнуть моральное превосходство: русский дух сильнее немецкой техники. В целом героизм рассматривался как торжество человеческого духа над собой и окружающим миром*. Пахалюк К. Народная армия и герои // «Эксперт», 2014. Здесь невольно вспоминается немецкая «железная воля» одного из героев, противопоставленная

у Н.С. Лескова русскому «мягкому, непропеченному тесту», в котором может увязнуть и пропасть «железный топор».

Русским духом оперируют как аргументом в доказательство необходимости сменить образ жизни и пересмотреть свои взгляды, для благополучия своей Родины обрести активную жизненную позицию, объединить усилия многих для достижения глобальных целей. В. Хан в своей статье «Великий *русский дух*», осуждая гражданскую пассивность и безответственность современников, зависимость от западных ценностей и приоритет собственного кармана, вызывает к патриотичному русскому духу, чтобы заставить «стряхнуть с себя лживую историю <...> вспомнить истинные духовные ценности и нормы, которыми всегда славился наш народ, оценить величие труда наших предков» и бросить все свои силы и, любовь на возрождение Родины! Только это, по мнению автора, способно обеспечить достойное будущее народа. Режим доступа: <http://open-eyes-russia.com/russia/323-the-great-russian-spirit.html> (дата обращения: 29.11.2016).

Имеются, однако, и примеры, когда «русский дух» акцентируется как невыгодно отличающий российских граждан, выделяющихся на ином этномаркированном фоне и проявляющих свои далеко не лучшие, но узнаваемые черты. Ср.: *Поселок работающих на Кубе контрактников; тут, как говаривал наш национальный герой Кощей Бессмертный, русским духом пахнет. Вот уж точно – русским, хотя <...> обитателей здешних пятиэтажек не растрогаешь воспоминаниями о березке, разве что о валютной <...> Я вяжу совпецам кружевные воротнички, свитера <...> Рассчитываются обычно продуктами, и я оцущаю крепкий «русский дух», когда откормленные, доброкачественные советские женщины презрительно пихают пачку рафинада или банку тушенки тощей, как подросток, совкубинке. Bravo А. Комендантский час для ласточек // «Сибирские огни», 2012.*

Не имея возможности показать и другие аспекты прочтения весьма востребованных в современном дискурсе выражений, связанных с представлениями о русском духе, отметим лишь их удивительную семантическую разноплановость и возможность использования в тематически разных контекстах. Хотя словари крылатых выражений и толковые словари дают определения содержания оборотов, мы более склонны рассматривать их как семантически диффузные, часто обретающие смысл лишь в конкретных контекстах, в

зависимости от характеризующих объектов – предметов, абстрактных явлений, людей и проч. (особенно значимым является фактор его одушевленности). Это, на наш взгляд, несколько снижает «вес» такого дифференцирующего признака крылатости, как семантическая стабильность [Шулежкова 2002: 28-29].

Литература

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М. : Изд-во «Русские словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.

Манкевич, И.А. Русский дух. Репрезентация повседневности в ольфакторных текстах русской культуры / И.А. Манкевич. – СПб. : «Алетейя», 2014. – 104 с.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

Мокиенко, В.М. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб. : Нева, 2005. – 800 с.

Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба. – Режим доступа: <http://didacts.ru/termin/russkii-duh.html> (дата обращения: 13.03.2017).

Филимонова, А.В. Пушкин в речи современников: особенности функционирования прецедентного текста : выпускная квалификационная работа бакалавра филол. фак-та СПбГУ / А.В. Филимонова. – СПб., 2016. – 73 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Elena I. Seliverstova
Saint-Petersburg, Russia

ABOUT RUSSIAN SPIRIT AND SPIRIT OF RUSSIANS (semantic and pragmatic aspects)

Abstract. This article is devoted to very popular subject – usage – preferentially in the modern texts – of the set of phrases which are quite often ranked as different classes of units – to sayings, idioms, popular expressions, but the phenomena integrated by the nomination of objects, people, the abstract entities, which are anyway connected with the Russian national attitude, the Russian character, a psychoemotional spirit, traditions, creativity etc., and understood as manifestations of Russian spirit. Examples of preferentially last time from Internet sources (blogs, the websites, etc.) and the National Russian Corpus attracted

in the analysis allow to see as unequal quantitative representation of separate expressions (*the Russian spirit*, *Russian by spirit*; Pushkin's *This Russian spirit*, *There is a smell of Russia*) and distinction in scope of the events and the facts lit with usage of these phrases.

Semantic ambiguity, diffusion of very common expression *the Russian spirit* used for the characteristic of people, their behavior and acts, and the objects of a material world and the abstract phenomena, becomes obvious as a result of the analysis.

The range of meanings and functional application of this phrase isn't exhausted by the examples and dictionary interpretation given by us. To some extent it concerns also other expressions.

Key words: popular expression, Russian spirit, modern usage, semantic content, Pushkin, transformation

V. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ, КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ, ТИПИЧНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА

*О.И. Андрейченко
Симферополь, Россия*

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕ- СКОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (на примере биоморфной макромодел)

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные метафоры, представленные в русскоязычном политическом дискурсе Украины конца XX – начала XXI в. Отмечается, что в рамках изучения метафорики этого дискурса большое внимание уделяется функции концептуальной метафоры моделировать понятийную сферу политики, дискурс в целом, его восприятие, а также саму политическую реальность. Специфика метафорического моделирования происходит на примере биоморфной метафорической макромодел, основанной на отношении «человек и природа» и представленной тремя субмоделями. Каждая из рассмотренных метафорических субмоделей с учетом гипо-гиперонимических отношений соответствующих донорских зон является производной единицы более высокого уровня абстракции (макромодел) и входит в состав ее парадигмы. Биоморфная метафорическая парадигма объединяет три метафорические субмодели с донорскими зонами «человек», «флора» и «фауна», которые являются не только концептуальными шаблонами для порождения новых смыслов, но и активно используются продуцентами политического дискурса в качестве инструмента воздействия на аудиторию. Делается вывод о том, что подробная структурированность донорских зон «человек» и «природа», их близость и понятность реципиенту создают необходимые условия для высокой продуктивности макромодел и ее прагматического потенциала.

Ключевые слова: политический дискурс, когнитивная метафора, метафорическое моделирование, метафорическая макромодел, метафорическая субмодел, донорская зона, реципиентная зона

Феномен современной политической метафоры носит лингвокультурный характер и не может рассматриваться в отрыве от по-

литической и экономической жизни страны, в изоляции от ее традиций и самосознания народа. Здесь особенно важен человеческий фактор, учет личности как автора, творца метафоры, так и адресата. Метафоричность пронизывает всю политическую коммуникацию, она стала неотъемлемой частью языка политики и языка средств массовой информации, освещающих события политической жизни современного общества. В современной науке «политическая метафора представляет собой инструмент для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средство воздействия на социальное сознание» [Будаев 2006: 4]. Согласно представлениям современной когнитивной семантики метафорическое моделирование – это средство познания и оценки определенного фрагмента объективной действительности при помощи сценариев, фреймов, слотов, относящихся к другой понятийной сфере. Метафора в когнитивной лингвистике понимается как одна из форм концептуализации, как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Кубрякова 1996: 55].

В данном исследовании *метафора* рассматривается как обусловленное ассоциациями по сходству или контрастностью языковое явление, имеющее когнитивную основу и являющееся использованием языкового знака одной концептуальной сферы для обозначения составляющей другой.

Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, *механизм метафоры* – взаимодействие двух структур знаний (фреймы, сценарии): *когнитивной структуры донорской зоны* (donordomain, или sourcedomain) и *когнитивной структуры реципиентной зоны* (recipientdomain или targetdomain) [Лакофф 2004: 33-34].

Целью исследования является лингвокогнитивный анализ и систематизация биоморфной метафорической макромодели в политическом дискурсе конца XX – начала XXI в.

Биоморфная метафорическая макромодель, основанная на отношении «человек и природа», объединяет метафоры, которые вербализируют политическую сферу через физические характеристики и состояния живых и неживых объектов, через восприятие мира органами чувств и оценку внешнего мира с точки зрения благоприятных или неблагоприятных для человека условий жизни [Ба-

лашова 2014: 179]. Биоморфную макромоделю репрезентируют три субмодели: антропоморфная, зооморфная и фитоморфная.

1. Субмодель с антропоморфной донорской зоной

Антропоморфная метафора является одной из самих традиционных и подробно структурированных метафор в политическом дискурсе [Балашова 2014: 178]. Первой попыткой представить политические реалии в виде метафорических моделей была политическая концепция Томаса Гоббса. Согласно его теории, государство, как и человеческое тело, подчинено единой цели – функционированию государственного организма. Например, верховная власть, по словам Гоббса, – это искусственная душа, которая дает жизнь и движение всему телу; чиновники, исполнительные служащие – это искусственные суставы. Богатство – сила, мир и согласие – здоровье, бунтарство – болезнь, гражданская война – это смерть [Гоббс 2000: 85].

Данную субмодель представляют языковые знаки, которые характеризуют человека как носителя определенных свойств и относятся к субсферам *человеческий организм, личность, межличностные отношения*.

Проекцию свойств донорских зон концептосферы «Человек» на другие зоны называют антропоморфизацией или персонификацией. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «персонификация – это общая категория, охватывающая широкий круг метафор, каждая из которых основывается на специфическом свойстве человека или на способе его восприятия. Их объединяет то, что они являются расширением онтологических метафор и позволяют осмысливать происходящее, олицетворяя его, то есть в терминах, которые мы понимаем, исходя из собственных мотиваций, целей, действий и свойств» [Лакофф 2004: 60].

По нашему мнению, экспансия антропоморфной метафорической модели в политическом дискурсе связана прежде всего с тем, что она понятна для каждого субъекта или реципиента. Государство, отдельные регионы в публицистических текстах метафорически представлены как единый биологический организм, который нельзя разделить, ср.: *Лукаво запускают политическую диверсию в виде партии, которая, вместо утверждения мощной идеи соборности, рассекает душу и тело страны на амбициозные удельные княжества!* (Зеркало недели, 11.11.2004).

Преимущественно негативные коннотации имеют метафоры, сигнификатами которых являются медицинские термины, например: *Преступность – язвы на теле государства* (Наш Крым, 18.04.1998); *Мусульманские организации Италии организовали масштабные митинги в знак протеста против терроризма. Участники держали в руках плакаты «Не от моего имени», обращенные к террористам. Наиболее масштабно акции прошли в Риме и Милане. «Нет терроризму!», «ИГИЛ – раковая опухоль на теле ислама», «Я не террорист!» – с такими лозунгами обращались к миру члены мусульманских общин Италии* [Дайте миру шанс! 2016: 77].

Характерны для политического дискурса метафоры, образно репрезентирующие пересечения политических событий и явлений с концептами, связанными с физической жизнью человека; в частности, это номинации, обозначающие отношения между мужчиной и женщиной. Чаще всего такая метафора создает ироническую коннотацию, которая пересекается с негативной оценкой: *Безоговорочные тесные контакты с Властью отнюдь не исключают неприятных побочных последствий таких ласк* (Крымская правда, 14.12.1999); *Демократический лагерь устроил шоу оральной любви к премьеру* (День, 24.12.1999).

Таким образом, подробная структурированность донорской зоны «человек», ее близость и понятность реципиенту создают необходимые условия для высокой продуктивности модели и ее прагматического потенциала.

2. Субмодель с фитоморфной донорской зоной

В основе фитоморфных образов лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира, в котором все имеет корни и плоды, происходит из каких-то семян и зерен [Солодовникова 2004: 77].

Дерево, являясь родовым понятием, нередко употребляется в политическом дискурсе для обозначения государства: *Украина ждала этого дня. Ждала с 1991-го, когда независимость упала к ногам народа, как перезревший плод с засыхающего дерева* (Зеркало недели, 27.11.2004). В образе дерева метафорически представлено государство Украина до момента получения независимости.

В группе фитоморфной метафоры относительно регулярными в исследуемый период стали такие названия растений, как

каштан, роза, апельсин, что связано с известными политическими событиями, ср.: *«Розовая революция» в Грузии и «оранжевая революция» в Украине – это и есть новейшая история... всемирная история* (Киев вечерний, 23.11.2005); *Евромайдан в итоге привел к глубочайшему политическому и экономическому кризису и расколу страны под управлением хунты, захватившей власть с помощью боевиков-неонацистов. Виднейшие лидеры хунты при этом были активными участниками Оранжевого Майдана 2004 года* (Оранжевая революция // Руксперт URL: http://ruxpert.ru/Оранжевая_революция). С.Г. Шулежкова отмечает, что «после распада СССР в сознании носителей русского и украинского языков параллельно формируется новый образ революции – антипод революции социальной. Этот феномен отразили, прежде всего, КЕ, входящие в наиболее мобильный пласт национальных языков. В околоядерной зоне поля вербализаторов концепта “Революция” в последней четверти XX – начале XXI в. появились КЕ <...> розовая революция (Грузия, 2003), оранжевая революция (Украина, 2004) <...> тюльпановая революция (Киргизия, 2005), кедровая революция (Ливан, 2005), Жасминовая революция (Тунис, 2011)» [Шулежкова 2015: 178; Shulezhkova 2016].

Корни – это источник силы дерева, благодаря корням живет верх, крона, поэтому это очень важная часть растения. В политических текстах *корни* метафорически обозначают причинно-следственные связи, источник проблемы, а также связь политика с родным регионом, преданность ему: *Причем «западных» людей Кучма назначал в восточные области, а «восточных» – в западные, чтобы у них не было корней* (Зеркало недели, 30.11.2004).

Наиболее частотный и традиционный для русской политической метафоры образ – *ветви власти*. Это связано, на наш взгляд, с тем, что государство представлено в метафорическом образе дерева, исполнительная и законодательная власти представляют собой части этого организма. Как подчеркивает А.П. Чудинов, «обычно эта метафора акцентирует некоторое “равноправие ветвей”, у которых общие корни (мандат избирателей) и ответственность, что предполагает сотрудничество, а не разобщенность и конфликты» [Чудинов 2001: 146]: *Мороз и Симоненко представляют две ветви одного электорального дерева* (Зеркало недели, 07.08.2004).

Для фитоморфной метафоры не характерна негативная эмоциональная коннотация, подобные образы часто акцентируют идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы. Однако в отдельных, хотя и немногочисленных, случаях даже такие образы способны приобретать отрицательные коннотации, то есть содержат обычный для современной политической речи потенциал.

3. Субмодель с зооморфной донорской зоной

Зооморфная метафора характерна для политического дискурса, поскольку «природная среда играет очень важную роль в формировании образных эталонных стереотипов восприятия и осмысления действительности, через которые этнос “видит” мир. Их можно определять как национальные интеллектуально-оценочные концепты» [Голубовская 2003: 61]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «такое стереотипное проецирование в этносознании говорящих основывается на наличии особой внутренней формы, связанной с дискурсивно стереотипной коммуникативно-прагматической ситуацией» [Алефиренко 2002: 280].

Как показывает материал, субъекты политической деятельности часто вызывают ассоциацию с какими-либо представителями животного мира. Названия животных могут быть присвоены как отдельным лицам, так и партиям, политическим блокам, государствам.

Среди млекопитающих следует выделить образы *хищника, зверя, осла, льва, тигра, собаки, барана, овцы, лошади, слона, коровы* и др. Зооморфная политическая метафора служит средством вербальной агрессии, суть которой заключается в направленности на устранение оппонента, снижении его политического статуса [Шейгал 1999: 204-206]: ... *Самое смешное будет, если ни один из этих **пауков** в банке, которые соревнуются за право бороться за звание преемника, действующего гаранта не устроят* (Зеркало недели, 23.02.2003). *Крыса* для представителей русской культуры – существо неприятное, подлое, мелко эгоистичное, злобное. Крысой называют низкого, подлого, бесчестного, неоправданно злобного и агрессивного, гадкого и омерзительного человека [Русское культурное пространство 2004: 104]: *Призывы к единению и консолидации как нельзя кстати. Когда возникает необходимость пояснить ошалевшим избирателям как Правобережной, так и Левобережной Украины, почему «**оранжевые крысы**» и «сепарати-*

сты с бандитами» оказались в одной упряжке (Зеркало недели, 29.07.2006).

Наши наблюдения показали, что в политическом дискурсе названия птиц метафоризируются крайне редко, используются лишь традиционные образы *сокола, ястреба, голубя, ворона, стервятника, орла*. Так, например, *ястреб* традиционно ассоциируется с людьми крайних взглядов, решительных действий, в целом с жесткостью, агрессией. Эти признаки проецируются и на субъектов политики – ‘опытные и агрессивно настроенные высокопоставленные лица’: *Решению ... о смене премьера и правительства предшествовали консультации в узком кругу «ястребов» политики* (Аргументы и факты в Украине, 21.08.1998).

Как отмечает А.П. Чудинов [Чудинов 2001], в российском политическом дискурсе лексемы, обозначающие рыб, подвергаются метафоризации не часто, например: *прилипала* – ‘надоедливый, неотвязный человеку’; *акулы* (экономики, политики, пера) – ‘опытные специалисты в своем деле’; *пираньи* – ‘агрессивные, жестокие (кровожадные) люди’; *килька* – ‘маленький, незначительный человек’; *медуза* – ‘хитрый, скользкий человек’ и т.д.: *Я уже не говорю о многочисленных «прилипалах», которые наверняка рассчитывают на дивиденды* (Зеркало недели, 15.01.1999); *Говорили же Его Величество еще два, кажется, года назад: наши олигархи по сравнению с российскими – что килька рядом с акулой* (Киев вечерний, 14.05.2002). В первом контексте, например, свойства рыбы – ‘рыба, обитающая в субтропических и тропических водах, с присоском на голове, при помощи которого она обычно прикрепляется к каким-либо крупным рыбам’ – профилируются на политическую жизнь: речь идет о тех, кто примкнет к победившим в предвыборной президентской кампании.

Таким образом, традиционные для русского национального сознания модели биоморфной метафоры активно функционируют в политическом дискурсе конца XX – начала XXI в. Для публицистических текстов метафора, основанная на образах человеческого организма, более характерна, чем зооморфная и фитоморфная. Прагматический смысл биоморфной метафоры нацеливает реципиента на оценку важности политических событий. Общим признаком выявленных метафорических моделей является пейоративность и агрессия. Обусловлено это не особенностью донорской зоны, а реалиями поли-

тической жизни, отбором тех эмотивных смыслов, которых требует политическая ситуация. Биоморфная метафорическая макромодель соответствующим образом структурирует фрагмент когнитивной системы реципиента, что обуславливает изменение, корректировку в его понимании политических событий, и репрезентирует фрагмент концептуальной картины политической действительности.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания, культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 289 с.

Балашова, Л.В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л.В. Балашова. – М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. – 632 с.

Будаев, Э.В. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2006. – 215 с.

Гоббс, Т. Левіафан, або суть, будова і повноваження держави церковної та цивільної: перекл. з англ. / Т. Гоббс. – К. : Дух і літера, 2000. – 608 с.

Голубовська, І.О. Метафорико-символічні іпостасі зоонімів у рамках фрагмента мовної картини світу «царство тварин» (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) / І.О. Голубовська // Мовознавство. – 2003. – № 6. – С. 61-68.

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с.

Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 1. – 318 с.

Солодовникова, Н.В. «Природа» как источник политической метафоры / Н.В. Солодовникова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология». – Симферополь, 2004. – № 1. – Т. 16 (55). – С. 76-82.

Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2001. – 238 с.

Шейгал, Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе / Е.И. Шейгал // Вопросы стилистики. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1999. – Вып. 28: Антропоцентрические исследования. – С. 204–222.

Шулежкова, С.Г. Отражение оранжевой революции и гражданской войны на Украине в российских СМИ (концепты «Революция» и «Война») / С.Г. Шулежкова // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – С. 174–199.

Shulezhkova, S.G. Die Konzepte Revolution und Krieg in den russischen Massenmedien in Berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 50–61.

Oksana I. Andreychenko
Simferopol, Russia

**METAPHORICAL MODELING IN THE POLITICAL
DISCOURSE OF THE END OF THE XX – BEGINNING
OF THE XXI CENTURY**
(on the example of a biomorphic macromodel)

Abstract. The article deals with cognitive metaphors presented in the Russian-language political discourse of Ukraine at the end of the 20th and beginning of the 21st century. It is noted that in the study of the metaphor of this discourse, much attention is paid to the function of a conceptual metaphor to model the conceptual sphere of politics, discourse in general, its perception, and also the very political reality. Specificity of metaphorical modeling occurs on the example of a biomorphic metaphorical macromodel based on the relation “man and nature” and represented by three submodels. Each of the metaphorical submodels under consideration, taking into account the hypo-hyperonical relations of the corresponding donor zones, is the derivative of the higher-level abstraction unit (macromodel) and is part of its paradigm. The biomorphic meta-

phorical paradigm unites three metaphoric submodels with donor zones: «man», «flora» and «fauna» that are not only conceptual templates for the generation of new meanings, but also are actively used by producers of political discourse as a tool to influence the audit. The conclusion is drawn that the detailed structuring of the donor zones “man” and “nature”, their proximity and comprehensibility to the recipient creates the necessary conditions for the high productivity of the macromodel and its pragmatic potential.

Key words: political discourse, cognitive metaphor, metaphorical modeling, metaphorical macromodel, metaphorical submodel, donor zone, recipient zone

*Е.Н. Бекасова
Оренбург, Россия*

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПРОЗВИЩНОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается топонимическое пространство г. Оренбурга как историко-культурный и политический контекст, который прочитывается жителями города, области и в большинстве случаев – россиянами. Последовательное накопление наименований линейных объектов обусловило своеобразную номинативную систему города, которая изменилась в первой половине XX в. в результате массовых переименований, установивших определенные идеологические константы областного центра, в свою очередь определяющего номинативную политику других городов области. Сопоставительное исследование наименований и переименований дореволюционного периода и советской эпохи показывает различия не только в подходе и принципах номинации, но и языкового воплощения. Анализ сложившейся системы топонимов дает основание рассматривать ее в виде специфической коммуникации, направленной на пропаганду и закрепление символов советской власти периода революции и гражданской войны, выражающихся прежде всего в «увековечивании» соответствующих имен. Однако с начала XXI в. происходит значительное изменение установленного и нередко расширяемого политического дискурса за счет процессов ремотивации и прозвищной трансформации официальных наименований линейных объектов, что приводит к нейтрализации навязанных обществу коннотаций и усилению пространственного кода города. Таким образом происходит своеобразное языковое отражение,

в результате чего создается новая городская среда с современным восприятием историко-культурного ландшафта с неким политическим флером, который все отчетливее редуцируется в сознании обычного жителя.

Ключевые слова: топонимия, урбанонимия, наименования линейных объектов, неофициальные (прозвищные) номинации, политическая лингвистика, проблемы номинации

Известно, что эффективно перестроить сознание человека возможно в результате его погружения в определенную языковую среду, при этом изменения могут быть не только «точечными», но и массовыми. Достаточно вспомнить петровскую реформу азбуки, когда внешнее изменение шрифта стало «не только своеобразной перегородкой между церковной и светской книжностью» [Панченко 2005: 299], но и способствовало обмирщению русского общества. Действенным способом утверждения властного императива было введение вместо направляющей номинативную деятельность человека на присваиваемой им территории «природной» мотивации мемориальными символами в наиболее значимых местах коллективного проживания – городах: *Ярославль, Юрьев, Владимир, Петербург, Екатеринбург* и др. С этой же целью вырабатывается направление номинаций различных географических и особенно внутригородских объектов с обязательными политическими маркерами, в которых закрепляется государственная весомость какого-либо исторического события или личности – от царствующей особы до революционного или политического деятеля. По этой же причине стирались «с лица земли» и из памяти жителей нежелательные топонимы, начиная с переименования Екатериной II реки Яик до массовой волны идеологически выверенных, «нужных» замен советского времени. Рецидив переименования может проявляться, вопреки всем законодательным актам, и сейчас как инстинкт самосохранения отдельных политиков в «увековечивании» соответствующих лиц [Бекасова 2015].

В целом топонимическое пространство в условиях российских реалий, особенно последнего века, сохраняя отблеск историко-культурных и этнических особенностей, аккумулирует вызовы определенных событий, режимов и лиц. Микротопонимия города становится важной частью городского контекста, который прочитывается жи-

телями города, области и нередко гражданами соответствующего государства, позволяет устанавливать идеологические константы и развивать соответствующий политический дискурс. Вычленяемые три уровня внутригородского контекста – общий (универсальный), субъектный и специфически местный – по-разному распределяются на определенной территории, в зависимости статуса города, качества и длительности его истории [Бекасова 2016]. При этом значимость города в иерархии власти определяет специфику его воздействия, которую можно считать частью коммуникации, ориентированной «на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия» [Чудинов 2008: 4].

В частности, регулярной в этом отношении является оппозиция урбонимических систем столичного / провинциального, большого / малого города [Разумов 2015: 223–224], когда более «статусный» город влияет на развитие других ономастических пространств, в том числе и по политическим мотивам. Так, схема планирования г. Оренбурга в 1938 г. готовилась в Москве. По ряду причин она не была реализована, однако именно в 1938 г. произошло переименование Оренбурга в г. Чкалов, которое, по убедительной версии А.Н. Чебачева, можно рассматривать как акт политический мести бывшего первого секретаря Оренбургского обкома ВКП(б) [Чебачев 2014: 6–10].

Наиболее значимыми в установлении новой политической реальности являются названия линейных объектов, в координатах которых существует городское население. Место проживания, работы, постоянные маршруты становятся специфическим «уличным» контекстом, который может восприниматься жителями или неосознанно, или с пониманием его заданности в периоды политически «верных» и идеологически заостренных «топонимических зачи-сток». Интересно в этом плане сопоставить отношение к названиям разных поколений: 83% опрошенных старшеклассников и студентов вузов названия улиц Оренбурга не связывают с именами революционеров и политических деятелей, тогда как 92% респондентов от 50 лет и выше готовы рассматривать их «по имени революционера», в том числе ул. *Черепановых*, *Челюскинцев*, *Невельская*, ул. *Гаранькина* (в 2012 г. названа в честь председателя исполкома Оренбургского городского Совета 1977–1985 гг.) и под. [Бекасова 2015: 25].

Следует признать, что массовая перелицовка годонимов как одна из стратегий изменения сознания народа – чисто советское явление. Переименования случались и раньше, однако они имели, как правило, прагматическую направленность. В частности, в г. Оренбурге ул. *Проезжая* (1744) становится *Яицкой* (1760) по *Яицким воротам* на западном конце улицы, которые после приказа Екатерины II 15 (26) января 1775 г. о переименовании р. *Яик* стали *Уральскими*, но соответствующее название улицы – *Уральская* – приживалось с трудом, так как наблюдалась конкуренция старого и нового названия (Яицкие / Уральские ворота) с народным названием *Водяные ворота* (по проложенной сквозь крепостной вал трубе для стока воды), поэтому в официальных документах нередко писали *Уральская*, или *Водяная*; в 1936 г. появилось новое название – ул. *Максима Горького*. Аналогично в цепочке дореволюционных переименований встраиваются имена, увековечивающие память определенных лиц, например, первоначальное название улицы *Пролетарская* (1926 г.) – ул. *Комисская* (в честь Оренбургской комиссии, при которой в 1743 г. произошла окончательная закладка г. Оренбурга), однако в 70-е годы XVIII в. улица стала *Почтовой* (по располагавшейся на ней Почтовой конторе), в 1878 г. – *Перовской* в память об оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском (умер в 1857 г.). Использование мемориальных названий в этот период можно расценивать как явление исключительное: главным мотивирующими признаком являлась привязанность улицы к находящимся на ней важным объектам, поэтому с утратой их значимости происходило переименование. Так, ул. *Петровская* (1744) становится *Пензенской* (1760) по переведенному туда Пензенскому полку. Пензенская же улица получила название Самарской, а затем Орской по соответствующему направлению выезда из города. Затем с застройкой улица стала называться *Эссенской* в честь оренбургского военного губернатора П.К. Эссена (1817–1830) после его назначения Петербургским губернатором. В советский период Пензенская улица переживает череду переименований: *Стеньки Разина* (1919), *Горсоветская* (1926), *Правды* (1962).

Следует подчеркнуть, что до революции имена-посвящения были не только редкими, но и во многом оправданными. Судя по данным Справочника оренбургских улиц, в 1879 г. в г. Оренбурге из

41 улицы только 5 названы по имени царя Николая I (*Николаевская* – 30-е гг. XIX в.) и губернаторов (*Неплюевская* – в память о первом оренбургском военном губернаторе И.И. Неплюеве (конец XVIII в.), современная ул. Ленинская), *Эссенская*, *Перовская*, *Безаковская* (в 1864 г., в честь оренбургского генерал-губернатора А.П. Безака, отбывшего на службу в Киев, где также в честь него до 1918 г. была ул. *Безаковская*, ставшая Коминтерновской, а затем ул. С. Петлюры (2008 г.)).

В советский период интенсивное переименование шло практически без какого-либо прикреплении к истории и особенностям развития г. Оренбурга и Оренбургской области, но с ориентацией на топонимическую номенклатуру столиц и отдачей по всем городам Оренбуржья. Достаточно показательным является пример с переименованием в 1919 г. улицы *Инженерной*, где находилось Инженерное ведомство в ул. *Володарского* в честь Петроградского комиссара по делам печати, пропаганды и агитации, пробывшего в этой должности около года, но закрывшего практически все печатные издания. В г. Оренбурге до переименований 1976–1995 гг. были также ул. *Володарского 2* и *Володарского 3*, ул. *Володарского* имеется и во втором по значимости городе Оренбургской области – Орске. Развернувшаяся дискуссия в связи с запросом о возвращении исторического названия улицы «имени псевдореволюционера и террориста» обнажила все болевые точки в восприятии прошлого, осмыслении настоящего и видении будущего, при этом диаметрально противоположные позиции показывали не только все социальные, но и возрастные группы. В некоторой степени это следствие особенностей номинации исторического центра, где 79% названий улиц и площадей носят «имена деятелей нашей партии и международного революционного движения, героев борьбы за Советскую власть» [Гаранькин 1995: 31]. Фактически на город накинута идеологическая сеть, жестко сковывающая его центр расходящимися от ул. *Советской* улицами *Пролетарской*, *Комсомольской*, с одной стороны, *9 Января*, *Кобозева* – с другой, и пересекающими их улицами *Кирова*, *Краснознаменной*, *Постникова* и под.

Находясь в таких координатах, новая оренбургская власть настойчиво пытается реанимировать оренбургские символы эпохи застоя. Наиболее одиозным стало переименование в центре города пер. *Студенческого* в улицу *А.В. Коваленко* – Первого секретаря

Оренбургской области (1964–1980 гг.), практически полностью опустошившего область в последние годы своего правления. Основанием послужило Постановление Оренбургского городского Совета от 26 августа 1999 г., где первым пунктом указано, что «наименование (переименование) улиц, площадей <...> производится с целью увековечения <...> памяти выдающихся деятелей, внесших заметный вклад в развитие города, обеспечив [так! – Е.Б.] повышение научного, технического, социального, культурного уровня жизни жителей г. Оренбурга» [Постановление: <http://>].

Следует также отметить, что «уличные бои» сторонников нового и старого, революционного и монархического, коммунистического и демократического и под. продолжаются, но чаще вне сознания обывателей, которые давно присвоили и по-своему освоили те названия, в кругу которых проходит их «уличная» жизнь. При этом генетивная модель стала причиной своего рода отражения риторического насаждения априорного контекста политической власти, поскольку номинативная невразумительность в содержательном и грамматическом планах становится причиной своеобразной нейтрализации, трансформации и появления новых значений. Так, «увековечивание революционных имен на карте города» приводит, судя по проведенному опросу жителей г. Оренбурга, к парадоксальным реакциям: ул. разведчицы *Марии Корецкой* (1926 г.) становится *Карецкой* или *Каретной*, ул. имени губернского комиссара призрения М.М. *Макаровой-Мутновой* (1960) имеет 5 вариантов – от ул. *Макаровой* и *Мутновой* до ул. *Макара Мутнова* [Тысевич 2016: 179] и др.

Распространенность «травмирующего Р.п.» [Шмелева 2008: <http://>] становится причиной перестройки «устаревших» моделей, в результате чего даже у операторов службы такси ул. *Пушкинская* превращается в ул. *Пушкина* (такая улица в г. Оренбурге была переименована в 1982 г. в ул. *Подурова* – соратника Е. Пугачева. При этом Подуров ассоциируется с женщиной-революционеркой Подуровой), ул. *Ленинская* – в ул. *Ленина* и др. С другой стороны, нередки рокировки типа ул. *Кирова* > *Кировская*, *Горького* > *Горьковская*, *Челюскинцев* > *Челюскинцева* > *Челюскина* > *Челюскинская* и под.

Появляются специфические прозвищные (неофициальные) названия по традиционным моделям типа *Дзержинка* (проспект Дзержинского (1977), *Пролетка* (ул. Пролетарская), *Девятка* (9 Января),

Башилка (ул. Бр. (братьев) Башиловых), *Молодежка* (ул. Молодежная), *Хабарка* (ул. Хабаровская), *Степашка* (ул. Степана Разина), *Терешки* (ул. Терешковой), *Коростыли* (проспект Бр. Коростылевых) и под.

В этих случаях теряется первичная семантика и политическая заостренность топонимов. Более того, ослабляется оппозиция прежних официальных / неофициальных различий. В частности, застройка нового микрорайона Оренбурга совпала с популярностью трилогии Л.И. Брежнева «Малая земля», в результате чего данный микрорайон носит полуофициальное название *Малая земля*, однако для большинства жителей – это лишь знак определенной оторванности от остального города. Нейтрализовалось название улицы *Красного казачества* (1926), которое в 90-е годы XX в. активно варьировалось как *Белое* или *Красное Казачество*, поскольку на улице находилась одноименная с улицей остановка; в настоящее время определения оказались не востребованными.

Вследствие указанных процессов трансформации изначальной мотивации и ремотивации, снимающих революционно-партийный шлейф коннотаций, политически заложенный топонимический контекст нейтрализуется и создается привычный и в определенной степени комфортный для городского обывателя культурно-исторический ландшафт, соответствующий своему основному назначению – прояснению пространственного кода города.

Литература

Бекасова, Е.Н. К проблеме универсалий урбонимов провинциальных городов / Е.Н. Бекасова // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах : материалы науч. экспедиций. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2016. – Вып. 13. Язык малого города: 160-летию Благовещенска посвящается / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – С. 23-30.

Бекасова, Е.Н. Политический «окрас» урбанонимии областного города Оренбурга / Е.Н. Бекасова // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2015. – С. 23-26.

Гаранькин, Ю.Д. Улицы Оренбурга : справочник / Ю.Д. Гаранькин, В.В. Дорофеев, А.Н. Жилин. – Оренбург : Оренбургское книжное изд-во, 1995. – 130 с.

Панченко, А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет / А.М. Панченко. – СПб. : «Изд-во журнала “Звезда”», 2005. – 544 с.

Постановление Оренбургского городского Совета от 26 августа 1999 г. № 153 «Об утверждении положения о порядке наименования (переименования) улиц, площадей, иных муниципальных объектов и установлении мемориальных досок в городе Оренбурге» [Электронный ресурс] // Сайт «Оренбургская область». – Режим доступа: http://orenburg.news-city.info/docs/sistemsy/dok_oeuyifi.htm (дата обращения: 25.06.2017).

Разумов, Р.В. Типология систем урбонимов Российской Федерации / Р.В. Разумов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. 7-11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та. 2015. – С. 223-225.

Тысевич, О.А. «Революционные» годонимы города Оренбурга / О.А. Тысевич // LINGUISTICA JUVENIS : сб. науч. тр. молодых ученых. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. гос. пед. ун-та, 2016. – Вып. 18. – С. 176-180.

Чебачев, А.Н. Режимный город Чкалов-юридическая и «тюремная столица» СССР / А.Н. Чебачев. – Оренбург : ИПК «Газпресс» ООО «СервисЭнергоГаз», 2014. – 123 с.

Чудинов, А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) : учеб. пособие / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральск. гуманитарный ин-т, 2003. – 248 с.

Шмелева, Т.В. Советское наследие в новгородской годонимии [Электронный ресурс] / Т.В. Шмелева // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы : материалы науч. интернет-конф. – Екатеринбург, 2008. – Режим доступа : <http://www.readera.org/confimat/sovetskoe-nasledye-v-novgorodskoj-godonimyy-10322927.html> (дата обращения: 10.06.2017).

*Elena N. Bekasova
Orenburg, Russia*

TO THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF THE POLITICAL DISCOURSE: PROZVISHCHNY REFLECTION

Abstract. In this article is considered the toponymic space of Orenburg as a historical and cultural and political context which is read by residents, areas and in most cases – Russians. Consecutive accumulation of names of linear objects has caused a peculiar nominative system of the city which has changed in the first half of the 20th century as a result of the mass renamings which have

established certain ideological constants of the regional center in turn defining nominative policy of other cities of area. The comparative research of names and renamings of the pre-revolutionary period and Soviet era shows distinctions not only in approach and the principles of the nomination, but also language embodiment. The analysis of the developed system of street names gives the grounds to consider it in the form of the specific communication directed to promotion and fixing of symbols of the Soviet power of the period of revolution and the civil war which are expressed first of all in «perpetuation» of the corresponding names. However since the beginning of the 21st century there is a considerable change of the established and quite often expanded political discourse due to processes of a remotivation and prozvishchny transformation of official names of linear objects that leads to neutralization of the connotations imposed to society and strengthening of a spatial code of the city. Thus there is a peculiar is created language reflection therefore the new urban environment with modern perception of a historical and cultural landscape with a certain political crape which is more and more distinctly reduced in consciousness of the ordinary inhabitant.

Key words: toponymy, urbanonimiya, names of linear objects, informal (prozvishchny) nominations, political linguistics, nomination problems

*А.Г. Жукова
Москва, Россия*

*Г.М. Мандрикова
Новосибирск, Россия*

«ДОБРОВОЛЕЦ» И «ВОЛОНТЕР» В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема сосуществования понятий «волонтер» и «доброволец» в современном социально-политическом дискурсе. Уже в течение ряда лет законодателями и представителями социально-политических сообществ предпринимаются попытки их разграничения с правовых и концептуальных позиций. Социологическое исследование по поводу самоназвания, проведенное с самими добровольцами / волонтерами, показало – при признании информантами данных слов синонимами – что русское слово предпочтительнее как более «родное» и «понятное». Считаем, что назрела острая необходимость филологического рассмотрения *волонтера* и *добровольца*, которая, судя по языковой прак-

тике, напрямую связана с востребованностью данных слов носителями языка ввиду развития в нашей стране различных видов социально-ориентированной деятельности. Обращение к лексикографической интерпретации обсуждаемых лексем позволило сделать ряд интересных выводов, в частности относительно семантических сдвигов в лексическом значении *добровольца* (его переход от «войны» к «миру»), а также сомнительности буквального толкования внутренней формы слова, по крайней мере, в момент его возникновения (по данным словаря В.И. Даля). В целом исследование показало возможность использования лексем *волонтер* и *доброволец* как синонимов в нестрогом (обыденном) понимании / употреблении и как различных понятий в российской законодательной и правовой практике.

Ключевые слова: социально-политический дискурс, соотношение понятий «волонтер», «доброволец», семантика

Обращение к проблеме, которую условно можно назвать «*Доброволец* или все-таки *волонтер*?», обусловлено очевидным социальным запросом, связанным со становлением и развитием в нашей стране социально-ориентированной деятельности, осуществляемой людьми добровольно и на безвозмездной основе. О существовании данной проблемы свидетельствует активное обсуждение соотношения понятий «доброволец» и «волонтер» на самых разных площадках: от Государственной Думы до сайтов различных благотворительных / волонтерских / добровольческих организаций и обычных интернет-форумов. Одни эти понятия разводят, другие отождествляют как с юридической, так и с концептуальной точки зрения. В случае отождествления возникает соблазн избавиться от «лишнего» слова, причем в роли «изгоя», как правило, выступает «западный» *волонтер*. Впрочем, подобные попытки носят в основном декларативный характер и не оказывают серьезного влияния на практику употребления, в которой обе лексемы являются весьма востребованными в значении ‘человек, оказывающий помощь тем, кто в этом нуждается, выполняющий ту или иную социально-полезную работу добровольно и безвозмездно’. Не все современные словари фиксируют это значение для рассматриваемых слов, ср.:

ВОЛОНТЕР, -а; м. [франц. *volontaire*] Книжн. Доброволец (1 зн.). <Волонтерка, -и; мн. род. -рок, дат. -ркам; ж. Разг. Волонтерский, -ая, -ое. ДОБРОВОЛЕЦ, -льца; м. Человек, вступающий в армию по собственно-

му желанию, добровольно. Записаться добровольцем. Вступить в армию добровольцем. Идти на войну добровольцем. // Тот, кто по собственному желанию, без принуждения берет на себя какие-л. обязанности, выполняет какую-л. работу. Поехать добровольцем на стройку. <Добровольческий, -ая, -ое. Д-ая армия [БТС 2014: [http](http://)].

Однако «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» фиксирует слово *волонтер* в качестве члена синонимического ряда:

«**Доброволец**, волонтер, охотник, устар. доброхот» в разделе «Человек по его отношению к труду», что указывает на общность семантического компонента ‘добровольно осуществление какой-либо деятельности’ [Бабенко 2007: 190].

Портал ГАРАНТ.РУ, ссылаясь на соответствующие федеральные законы, рекомендует данные понятия различать, ср.:

«Добровольцы – физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности) (ст. 5 ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»); «Волонтеры – граждане РФ и иностранные граждане, участвующие на основании гражданско-правовых договоров в организации и (или) проведении физкультурных мероприятий, спортивных мероприятий без предоставления указанным гражданам денежного вознаграждения за осуществляемую ими деятельность (п. 3.1 ст. 2 ФЗ от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ»).

Таким образом, – цитируем – «исходя из этих определений, можно сделать вывод, что законодатель рассматривает волонтерство как разновидность добровольчества в строго определенной сфере» [Горовцова 2013: [http](http://)].

Законопроект «О добровольчестве (волонтерстве)», внесенный в Госдуму в 2013 г., устанавливал равный статус указанных понятий, новый же вариант законопроекта, появившийся в 2016 г., использует только термин *доброволец*, отказавшись от термина *волонтер* вовсе, что вызывает возражения многих представителей добровольческого / волонтерского сообщества. Последние обращают внимание на то, что оба варианта законопроекта направлены в пер-

вую очередь на урегулирование тех видов добровольческой деятельности, которые связаны с вооруженными конфликтами, социальные же виды деятельности в этом случае подпадают под действие «чужих» норм [Очередной проект...: <http>]. Сказанное иллюстрирует «военную ориентацию» понятия *доброволец*, сохранившуюся со времен балканских войн 60-х гг. XIX в. и прошедшую сквозь всю советскую и постсоветскую историю.

Очевидно, что для семантики современного слова *волонтер* «военная» составляющая, бывшая основной в XVII в., когда произошло заимствование, неактуальна: возродившись в 90-е гг. XX в., слово постепенно приобретало «мирный» смысл. В словаре «Языковые изменения конца XX столетия», например, военный фон еще присутствует (на уровне иллюстративного материала), а спустя всего 5 лет – в словаре «Русский язык начала XXI столетия. Актуальная лексика» трактовка термина дана с акцентом на прилагательное *мирный*, ср.:

Волонтер, -а, м. *публ.* Тот, кто добровольно участвует в каком-либо деле (обычно новом, трудном, опасном для жизни); доброволец. *Призвать волонтеров; Спасатели-волонтеры. Кровопролития в Гагаузии не было. Я мог бы не поехать туда вместе с волонтерами республики* [Скляревская 2001: 152].

Волонтер, -а, м. *публ.* Человек, добровольно участвующий в каком-либо деле; доброволец. *Спасатели-волонтеры. Сегодня, в праздник Благовещения, сотрудники и волонтеры благотворительного центра народной помощи «Благовест» придут в храмы и церкви с подарками для нуждающихся прихожан* (РГ. 07.04.03) [Скляревская 2006: 252].

Доброволец и *волонтер* являются терминами, активно функционирующими в научных исследованиях, посвященных социализации молодежи, вузовской подготовке социальных работников и др. [Болотова 2007; Корнилович 2009]. Авторы этих исследований используют обсуждаемые термины как синонимы, либо специально оговаривая это, либо по умолчанию. На этом фоне особый интерес вызывает работа О.А. Оберемко «Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения» (заметим, написанная не лингвистом, а социологом), в которой автор задается вопросом о том, как называют (и осмысливают) себя сами участники добровольческой / волонтерской деятельности. Представители сообщества

отметили, что *волонтер* обладает большей распространенностью, является интернационализмом, что делает его удобным в международном общении, однако *доброволец* роднее и понятнее, восходит к отечественным традициям. Исследователь приходит к выводу, что «самоидентификация посредством дискурса эмоций и когний (семантики) демонстрирует предпочтение *своего, родного, русского* слова “*доброволец*”»; дискурс привычного действия, напротив, предпочитает *иностранное* слово “волонтер»» [Оберемко 2016: 100].

Действительно, слово *доброволец*, широко представленное в современном публичном дискурсе, связанное с Великой Отечественной войной, ее трагическими страницами и героизмом, способно вызывать сильное эмоциональное переживание, в то время как понятие *волонтер*, получившее широкую известность в связи с проведением в России крупных международных спортивных соревнований (Универсиада в Казани, Олимпийские игры в Сочи и т.д.), не имеет в своей семантике подобного коннотативного компонента.

Филологическое рассмотрение обсуждаемых лексем предполагает обращение к внутренней форме каждого слова. Главным в семантической структуре обоих слов является общий компонент ‘воля’. Однако для русского языка (картины мира) это компонент «непредсказуемый» (ср. замечание многих лингвистов о том, что русский человек понимает волю как «свободу, соединенную с простором, ничем не огражденным пространством» (Д.С. Лихачев. «Заметки о русском»), как действия (*разгул, размах*), которые, по Н.В. Гоголю, в равной мере делаются и ветром (Г.Д. Гачев. «Национальные образы мира») (цит. по [Шмелев: <http>]). Недаром существует выражение *добрая воля (люди доброй воли)*, ведь воля не обязательно должна быть доброй. Отсюда и разница в «национально-ориентированной» трактовке семантики *волонтера* и *добровольца*: первый действует согласно собственной воле (добрая она или нет), второй – согласно доброй воле, во благо (общества). Однако эта позиция опровергается в словаре В.И. Даля, поскольку изначально добрая воля – не благая, а просто собственная, так что особых оснований рассуждать об особой духовной составляющей добровольца в сравнении с волонтером – по крайней мере, с диахронической точки зрения – нет, ср.:

Добровольникъ, доброволецъ м. охотникъ въ рекруты по найму, наймисть || Доброволецъ смл бѣглецъ, бродяга. Доброволить дѣлать что по

своей воле^ю, давать на что вольное согласие. Добровольничать – вольничать, своевольничать [Даль, 1, 1994: 444].

Часто сторонники «идеологического» разграничения названных понятий трактуют феномен добровольчества как присущий именно русской культуре, для которой характерно бескорыстие, в то время как «западному» волонтерству приписывают «личный интерес». Распространено мнение о том, что «добровольцы – это некий социальный, трудовой и военный спецназ, который <...> сам себя направляет на решение проблемных задач» [Доброволец или волонтер – практический смысл: [http](#)], в то время как волонтер может таким образом проводить свободное время, иметь целью, например, посмотреть новые места, познакомиться с новыми интересными ему людьми, решить задачи социализации и т.п. Подобными аргументами часто обосновывают негативное отношение к употреблению термина *волонтер* в сравнении с употреблением подлинного, настоящего термина *доброволец* [Доброволец или волонтер – практический смысл: [http](#)].

Отметим, что понятие *доброволец* в «мирном», социально-ориентированном значении было сильно скомпрометировано во времена застоя своей формализованностью, заорганизованностью соответствующей деятельности и псевдовыбором – вспомним понятие «добровольно-принудительно». Не случайно Национальный корпус русского языка фиксирует низкую активность слова в указанный период. Нарушение принципа «доброй воли», угрожающее самой идее движения, представители сообщества и сегодня видят в чрезмерной регламентации добровольчества / волонтерства, которую влечет за собой вмешательство государства; в формализации этой деятельности; в использовании ее в качестве пиара «с танцующими под попсу ребятками в одинаковых футболках», «липовыми субботниками на фотоаппарат, поездками в детские дома, где фотографов и видеооператоров больше, чем самих «причинителей» (номинация *причинители добра* используется автором текста по отношению к подобным псевдобровольцам – А.Ж. и Г.М.) [Доброволец или волонтер – практический смысл: [http](#)].

Стоит упомянуть о попытках создания «параллельных» наименований участников добровольческой / волонтерской деятельности, например, *доброделы* (см. группы Доброделы «ВКонтакте»),

телевизионный канал «Народный добродель» в Подмоскowie (расследование жалоб и обращений граждан, на которые не реагируют чиновники). Корень **добр-** активно используется в современной эргонимии для создания именовании как коммерческих, так и социальных организаций и объединений, в том числе волонтерских / добровольческих [Жукова, Мандрикова 2015]. Подобные именовании могли бы пополнить соответствующий синонимический ряд, однако широкого распространения не получили.

Большая часть участников волонтерских / добровольческих движений по поводу выбора слова-самоназвания придерживается следующего мнения: «Не имеет значения, так как “волонтер” – слово французского происхождения, а “доброволец” – слово отечественное. Употреблять можно в зависимости от контекста. Предпочтение лучше отдавать отечественному слову, так как подсознательно мы понимаем значение корней, из которых состоит слово: добро и воля» [Что нужно знать...: <http>].

Считаем, что в современном социально-политическом дискурсе есть потребность в обоих словах, хотя бы в целях синонимических замен (ср.: *Прошел Всероссийский форум добровольцев – ключевое ежегодное событие в сфере волонтерства в нашей стране* [Доброволец России: <http>]; *Волонтеры Общественного движения «Доброволец»* [Волонтеры ОД «Доброволец»: <http>]). В огромном количестве текстов, посвященных данной тематике, мы находим оба слова и их дериваты, более того – их контактное употребление в одном и том же значении (ср.: «Доброволец (волонтер) – лицо, осуществляющее благотворительную или иную общественно полезную деятельность в форме предоставления своего безвозмездного труда по оказанию услуг, проведению работ и т.п.» [Словарь терминов: <http>] или «Нужен волонтер-доброволец» [Нужен волонтер-доброволец: <http>]).

Кроме того, наличие в дискурсе сразу двух лексем, исконной, с прозрачной внутренней формой, и заимствованной, удобной и операциональной, дает обществу и языку дополнительные возможности для концептуального осмысления стоящей за ними социально полезной деятельности.

Литература

Болотова, Л.В. Организация добровольческой деятельности как аспект вузовской деятельности будущих социальных работников : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л.В. Болотова. – Тамбов, 2007. – 23 с.

Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998 ; 2014. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 30.03.2017).

Волонтеры ОД «Доброволец» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Севастопольского Общественного Движения «Доброволец». – Режим доступа: <http://dobrorev.ru/voluntary-od-dobrovoles> (дата обращения: 30.03.2017).

Горовцова, М. Волонтер или доброволец? Какие изменения в законодательстве стоит ожидать в ближайшее время / М. Горовцова [Электронный ресурс] // Гарант.Ру, 10.07.2013. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/482997/> (дата обращения: 30.03.2017).

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : ТЕРРА, 1994. – Т. 1. – 800 с.

Доброволец и волонтер – практический смысл и правовые понятия [Электронный ресурс] / Вектор добровольчества : информационно-методический портал. – Режим доступа: <http://portal.kdobru.ru> (дата обращения: 30.03.2017).

Доброволец или волонтер? [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/ru/press/news/2011/newsitem> (дата обращения: 30.03.2017).

Доброволец России–2017 [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/dobrovolecrus> (дата обращения: 30.03.2017).

Жукова, А.Г. Жизнь «Добра» в прошлом и настоящем / А.Г. Жукова, Г.М. Мандрикова // На крыльях слова : материалы междунар. заоч. науч. конф., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : ООО «Магнитогорский Дом печати», 2015. – С. 312-318.

Корнилович, В.А. Институциональные основы социализации учащейся молодежи : автореф. дис. ... канд. соц. наук / В.А. Корнилович. – М., 2009. – 32 с.

Нужен волонтер-доброволец [Электронный ресурс] // Милосердие : православный портал о благотворительности. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article> (дата обращения: 30.03.2017).

Оберемко, О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения / О.А. Оберемко // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 94-101.

Очередной проект закона о добровольчестве – «реально вредный» [Электронный ресурс] // Даниловцы : добровольческое движение. – Режим доступа: <http://www.danilovtsy.ru> (дата обращения: 30.03.2017).

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 512 с.

Словарь терминов сферы НКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vdgb-soft.ru/nko/slovar> (дата обращения: 30.03.2017).

Толковый словарь русского языка начала XXI столетия. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиковой. – М. : Эксмо, 2006. – 944 с.

Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН ; под ред. Г.Н. Складчиковой. – М. : ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 944 с.

Что нужно знать начинающему волонтеру [Электронный ресурс] // SOSStudent : сайт о саморазвитии. – Режим доступа: <http://sostudent.ru/obshhestvo/dobrovolchestvo> (дата обращения: 30.03.2017).

Шмелев, А.Д. Широта русской души [Электронный ресурс] / А.Д. Шмелев. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/CULTURE/SHMELEW> (дата обращения: 30.03.2017).

Arina G. Zhukova
Moscow, Russia

Galina M. Mandrikova
Novosibirsk, Russia

«DOBROVOLETS» AND «VOLUNTEER» IN MODERN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article deals with the problem of the coexistence of the concepts of *a volunteer* and *a dobrovolets* in contemporary socio-political discourse. During a number of years legislators and representatives of socio-political communities have been trying to distinguish them from legal and conceptual positions. A sociological study on the self-name [Oberemko 2016], conducted with dobrovolets / volunteers themselves, showed that the informants recognized the given words as synonyms, at the same time the Russian word is preferable as more «native» and «understandable». We believe that there is an urgent need for a philological examination of *dobrovolets* and *volunteer*, which, judging by the language practice, is directly related to the relevance of these words to native speakers due to the development of various types of socially-oriented activities in our country. Appealing to the lexicographical interpretation of the lexemes discussed allowed us to draw a number of interesting conclusions, in particular concerning the semantic shifts in the lexical meaning of dobrovolets (its transition from «war» to

«peace»), as well as the doubtfulness of the literal interpretation of the internal form of the word, at least at the moment of its occurrence (according to the dictionary of V. Dal). In general, the study showed the possibility of using lexemes *volunteer* and *dobrovolets* as synonyms in an unstrictly (ordinary) understanding / use and as different concepts in Russian legislative and legal practice.

Key words: socio-political discourse, correlation of the concepts «dobrovolets», «volunteer», semantics

*А.Г. Кротова
Новосибирск, Россия*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Специфические черты интернет-общения, такие как поликодовость, относительная анонимность, ведущая к свободе общения, интерактивность, гипертекстуальность, большая скорость распространения информации, влияют на протекание политических коммуникаций в Сети. Характерными чертами политического дискурса в Интернете становятся общедоступность, стремление к информационной полноте, личностный характер, экспрессивность, оценочность, диалогичность. Политический дискурс, функционируя в Интернете, способен порождать прецедентные феномены, в том числе интернет-мемы, под которыми понимается культурная информация разной природы (вербальной, визуальной, аудиальной), получившая широкое распространение в Сети. Общественно-политическим мемом становится факт (ситуация, высказывание, действие) политической сферы, нарушающий сложившиеся нормы (языковые, коммуникативные, этические и др.). Анализ известных мемов 2016 года, таких, как «Денег нет, но вы держитесь», «Кто не понял, тот поймет», «Адмирал Кузнецов», подтверждает, что важную роль в активизации политических мемов играет адресант (политический деятель), адресат (интернет-пользователь), возможности политического нарратива, а также исходная политическая ситуация, не соответствующая ожиданиям, стереотипным представлениям, пресуппозициям представителей лингвокультурного сообщества и потому провоцирующая их неоднозначную реакцию и репликационную активность мемов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, политический дискурс, адресант, адресат, политический нарратив, прецедентные феномены, интернет-мем, общественно-политический интернет-мем

Интернет, будучи особой информационно-коммуникативной средой, вырабатывает специфические механизмы взаимодействия между коммуникантами, в том числе и в политической сфере. Теперь политики общаются с народом и полемизируют друг другом через социальные сети, постят записи в блогах, размещают видео на YouTube. Интернет стал важным и эффективным средством формирования общественного мнения, а в некоторых случаях – и способом манипуляции массовым сознанием.

Специфика интернет-коммуникации, такие ее черты, как поликодовость, относительная анонимность, ведущая к свободе общения, интерактивность, гипертекстуальность, большая скорость распространения информации, влияют и на протекание политических коммуникаций в Сети, семиотически и прагматически их усложняя. Известные антиномии политической коммуникации, выделенные А.П. Чудиновым [2006], в интернет-среде проявляют себя особым образом: общедоступность, стремление к информационной полноте, личностный характер, экспрессивность, оценочность, диалогичность явно превалируют над институциональностью, эзотеричностью, стандартностью, редуцированностью, монологичностью. В Интернете политик может позволить себе то, что не приветствуется в традиционной коммуникации: более жесткие и экспрессивные оценки, менее официальную тональность, большую открытость (см., например, страницу в Facebook Марии Захаровой, Instagram Рамзана Кадырова и др.).

Автором политического текста в Интернете может быть как политик (и по совместительству, например, блогер), так и любой интернет-пользователь (если понимать политический текст широко – любое законченное высказывание на политическую тему); авторство может принимать и коллективную форму (сайт Правительства РФ). Стоит отметить, что в Интернете, как ни в какой другой среде, возникает проблема установления подлинного автора, несущего ответственность за размещаемую информацию (например, в профайле социальных сетей), что в политической коммуникации особенно важно.

Адресат политического текста, представленного в Интернете, может быть весьма размытым, но, если говорить о специфичных для Интернета жанрах, то это, в первую очередь, пользователи социальных сетей, участники форумов, блогеры. Важно отметить, что адресат – интернет-пользователь – активно включается в политический дискурс, интерпретирует события мира политики, причем довольно часто в ироническом, саркастическом ключе.

Что касается политического нарратива – совокупности текстов разных жанров [Чудинов 2006], то «сверхтекст», возникающий в Интернете в рамках одной политической ситуации, приобретает поистине гигантские размеры, включая в себя сообщения официальных лиц, журналистские материалы, тексты пользователей Интернета (например, посты в блогах), комментарии на эти материалы, специфические интернет-тексты (фотожабы, комиксы, демотиваторы, мемы и др.).

Описанные выше особенности политического интернет-дискурса позволяют рассматривать его как весьма активный источник прецедентных феноменов в современной коммуникации. Безусловно, и в доинтернетовскую эпоху высказывания политиков уходили в народ, однако именно в наше время любое политическое действие, вербальное или невербальное, продуманное или спонтанное получает почти моментальную огласку в Сети, обрастает интерпретациями, становится интернет-мемом. Как отмечает Т.Е. Савицкая, экспансия мемов стала мощным, хотя и скрытым фактором формирования общественного мнения и шире – современной ментальности; иначе говоря, социально-культурным явлением, с которым нельзя не считаться [Савицкая 2013].

Напомним, что интернет-мем – культурная информация разной природы (вербальной, визуальной, аудиальной), получившая широкое распространение в Интернете. Интернет-мемами могут считаться слова, часто окказиональные, эрративные (*руссиано*); устойчивые сочетания (*вежливые люди*); предложения фразеологизированной структуры (*то чувство, когда...*); цитаты и их модификации (*здоровья вам, хорошего настроения*); целостные вербальные тексты разного объема и содержания; креолизированные тексты (изображения, аудио, видео); ситуации и пр.

Несмотря на новизну термина, понятие мема не является абсолютно новым. На наш взгляд, мемы можно рассматривать как

прецедентные феномены, которые 1) хорошо известны всем представителям национального лингвокультурного сообщества; 2) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества [Красных 2002]. Подчеркнем, однако, что данные признаки прецедентных феноменов применимы к интернет-мемам с оговорками. Интернет-мемы должны быть известны, в первую очередь, активным пользователям Интернета. Актуальность их в познавательном плане не всегда очевидна и обязательна; они предполагают скорее эмоциональную, оценочную, ассоциативную интерпретацию. Постоянная возобновляемость интернет-мемов также условна, поскольку функционируют мемы, в целом, недолго: они быстро становятся немодными, теряют актуальность, надоедают и в конце концов забываются. Таким образом, интернет-мемы, будучи прецедентными феноменами, имеют весьма заметную специфику, обусловленную особенностями интернет-коммуникации.

Традиционно при описании мемов используется метафора болезни вирусной этиологии: утверждается, что мемы – это вирусы, которые способны «мутировать» и вызывать «эпидемии»; они могут мгновенно «заразить» аудиторию и повлиять на поведение и установки людей, превращая их в ботов или «носителей вируса». Продолжают эту метафору рассуждения исследователей о том, что популярность мемов во многом обусловлена их влиянием на бессознательное. По словам А. Столетова, «в основе любого успешного мема лежит высвечивание участка “общественного бессознательного”, темы, которая по какой-либо причине цензурировалась, подавлялась, считалась неприемлемой. Мем – это эффективный способ одновременно пробить защитный барьер в сознании большого количества людей» [Столетов 2009: [http](#)].

На наш взгляд, появление мемов, особенно политической и социальной тематики, наоборот, связано с сознательной и достаточно серьезной рефлексией интернет-пользователей. Общественно-политическим мемом становится **факт** (ситуация, высказывание, действие) политической сферы, в определенном смысле **шокирующий публику своей ненормативностью, т.е. несоответствием сложившимся нормам – языковым, коммуникативным, эти-**

ческим, культурным, а также стереотипам, представлениям и установкам лингвокультурного сообщества (безусловно, степень такого «шока» может быть различной): это и необычный внешний вид пресс-секретаря президента (*красные штаны Пескова*), и явное несочетание ангельской внешности и распутного поведения (*Диана Шурыгина* и ее «*на доньшке*»), и неуместная ирония в трагичной ситуации (фраза «*Как поплавали?*» П. Астахова).

Прокомментируем в этом аспекте некоторые популярные политические мемы 2016 года.

1. «Денег нет, но вы держитесь» – ответ Д.А. Медведева на вопрос крымских пенсионеров о выплате пенсий становится популярным мемом благодаря эффекту обманутого ожидания: вопрос о денежных выплатах является, в общем-то, стандартным в официальной коммуникации с первыми лицами государства, и задающий, как правило, не ждет честного ответа на него. Однако в описываемой ситуации, вместо традиционного неопределенного, но радужного обещания, мы слышим безрадостное «просто денег нет сейчас», тут же подкрепляемое пожеланиями хорошего настроения, которые можно расценить как уход от темы. Расхождение между «ожиданием и реальностью», таким образом, проявляется сразу на нескольких уровнях: а) несоответствие ответа стандартам официальной коммуникации, б) необоснованность перехода к фатической форме общения; в) несовпадение пресуппозиций слушающих с точкой зрения говорящего (возможна реакция типа «Неужели у страны нет денег на пенсии?»). Все это и вызывает взрыв репликационной активности. При этом отметим, что фраза, ставшая мемом, не является прямой цитатой ответа Д.А. Медведева, но суть его передает точно (о выражении, ставшем крылатым, и о плакате с надписью «Денег нет, но вы ДЕРЖитесь!» см. подробнее [Дайте миру шанс! 2016; Позднякова 2016]).

2. «Кто не понял, тот поймет» – фраза из Instagram главы Чечни Рамзана Кадырова, появившаяся еще в 2015 г. в серии роликов, адресованных «российской несистемной оппозиции». Высказывание, алогичное по сути, по-видимому, должно восприниматься как скрытая угроза. Это содержание подкрепляется и визуальным рядом: на одной из фотографий Рамзан Кадыров запечатлен в камуфляже и с автоматической винтовкой на фоне заснеженных гор. В другой публикации подпись сопровождает видеоряд с изображени-

ем лидера партии «Парнас» Михаила Касьянова, на которого наложен фильтр с изображением прицела винтовки [«Кто не понял, тот поймет – 2»]: Кадыров показал снайперскую винтовку 2016: <http://>. Таким образом, популярность мема можно объяснить рассогласованием между формой и содержанием, прямым значением и подтекстным: алогичность, бессмысленность и абсурдность фразы не соответствует ее достаточно серьезному политическому послы. И, конечно, не последнюю роль в активизации мема сыграл и сам адресант, его взгляды и коммуникативно-речевые особенности.

3. «Адмирал Кузнецов» – дымящийся авианосец, следовавший из России в Сирию, стал популярным мемом осенью 2016 года. Его репликационная активность также обусловлена рассогласованием, в данном случае между нашими представлениями об авианосце как о серьезной военной технике, решающей важные стратегические задачи, и его реальном состоянии. Как пишет «Коммерсантъ», «блогеры и иностранные СМИ усомнились в *исправности* корабля, который, предположительно, *идет на боевое задание*... [курсив наш – А.К.]. Кто-то заподозрил, что корабль отапливается дровами и углем и на нем работает бригада кочегаров. Появились даже мемы, где с одной стороны изображен “авианосец здорового человека”, а с другой – “авианосец курильщика”» [«Адмирал Кузнецов» наделал шума 2016: <http://>].

Учитывая все вышесказанное, еще раз подчеркнем, что политический дискурс действительно способен порождать прецедентные феномены интернет-коммуникации, в том числе и мемы. Важную роль в этом процессе играет адресант (политический деятель), адресат (интернет-пользователь), возможности политического нарратива, а также сама политическая ситуация, не соответствующая ожиданиям, стереотипным представлениям, пресуппозициям представителей лингвокультурного сообщества и потому провоцирующая неоднозначную реакцию.

В целом, можно констатировать, что мемы, возникающие в политическом дискурсе, эксплицируют проблемы современного социума, указывают на его болевые точки, а также, что немаловажно, служат средством «виртуальной разрядки» для интернет-пользователей, которые, реплицируя и интерпретируя мем, избегают фрустрации, выплескивают накопившуюся агрессию и недовольство сложившейся политической ситуацией.

Литература

«Адмирал Кузнецов» наделал шума [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 25.09.2016. – Режим доступа: <https://kommersant.ru/doc/3125548> (дата обращения: 20.05.2017).

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати»; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

«Кто не понял, тот поймет – 2»: Кадыров показал снайперскую винтовку [Электронный ресурс] // Вести.ру, 07.02.2016. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2717502> (дата обращения: 20.05.2017).

Позднякова, Н.В. Вы этой женщине сдали бы комнату в наём? (секреты успешности плакатов в современном политическом дискурсе России и Германии) / Н.В. Позднякова, Х. Вальтер // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2016. – № 3 (53). – С. 174–182.

Савицкая, Т.Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры [Электронный ресурс] / Т.Е. Савицкая // Культура в современном мире. – 2013. – № 3. – Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvm-s3.pdf (дата обращения: 22.05.2017).

Столетов, А. Мемы: мифы и реальность [Электронный ресурс] / А. Столетов // Advertology.ru, 12.10.2009. – Режим доступа: <http://www.advertology.ru/article74564.htm> (дата обращения: 20.05.2017).

Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2006. – 254 с.

*Anastasiya G. Krotova
Novosibirsk, Russia*

POLITICAL DISCOURSE AS A SOURCE OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE INTERNET COMMUNICATION

Abstract. Specific features of Internet communication, such as polycode, relative anonymity, leading to freedom of communication, interactivity, hypertext, high speed of information dissemination, affect the flow of political

communications on the Web. Accessibility, the information completeness, personalization, expressiveness, evaluation, dialogic becomes typical features of the political discourse on the Internet. Political discourse, functioning on the Internet, generates precedent phenomena, including Internet memes, which mean cultural information (verbal, visual, audial), widely disseminated on the Web. The political meme is a fact (situation, statement, action) of the political sphere that violates established norms (linguistic, communicative, ethical, etc.). Analysis of famous memes of 2016, such as “Deneg net, no vy derzhites’ (No money, but you hold on)”, “Kto ne ponyal, tot poymet (Who does not understand, will understand)”, “Admiral Kuznetsov”, confirm that an important role in the activation of political memes is played by the addresser (politician), recipient (Internet User), the possibilities of political narrative, as well as the initial political situation that does not correspond to expectations, stereotyped ideas, pressures of representatives of the linguistic cultural community, and therefore provokes their ambiguous reaction and replication activity of mems.

Key words. Internet communication, political discourse, addresser, recipient, political narrative, precedent phenomena, Internet meme, social and political Internet meme

*Н.В. Кудрина
Курган, Россия*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на примере поэзии Е. Бунимовича)

Аннотация. Евгений Бунимович – поэт-иронист. Его стихам свойственна ярко выраженная гражданская позиция и открытая публицистичность. Его ирония обращена к советскому и постсоветскому обывателю. Поэт пишет о том, что волнует современников, отражает мироощущение эпохи. Языковые средства в стихах Е. Бунимовича становятся политическими маркерами, позволяющими автору выразить его гражданскую позицию. К ним относятся: 1) интертекстуальные единицы (цитаты из классической литературы, политические клише советской эпохи, образы массовой культуры), приобретающие в тексте ироническое значение; 2) жаргонная, просторечная, вульгарная лексика, свойственная современному городу, отражающая сдвиги в общественном сознании конца XX в., нестабильность культурно-речевой ситуации; 3) канцеляризмы, клише и

штампы официально-делового стиля речи советской эпохи; 4) заимствования, свидетельствующие о происходящих в обществе экономических, социально-политических, культурных изменениях; 5) социально-политическая лексика, становящаяся символом политической лжи; 6) научная терминология, отражающая речь образованной части общества; 7) знаковые для эпохи социализма топонимы, в контексте приобретающие новые смысловые и культурные коннотации. Соединенные в одном контексте разноплановые политические маркеры способствуют актуализации новых значений слов, создают образ советского и постсоветского общества, отражают мировоззрение человека рубежа XX и XXI вв.

Ключевые слова: ирония, политические маркеры, интертекстуальные единицы, клише, штампы

*солнце без визы свалило за горизонт
дождь идет по городу без документов
травка вылезла без разрешения
ворованный легкими воздух не сертифицирован
жизнь нелегальна**

(Е. Бунимович, 2007).

Евгений Бунимович – учитель математики, поэт, политик; один из представителей иронического направления в поэзии 80–90-х гг. XX в. Иронизмом называют поэзию «потерянного поколения» конца XX в. Отличительная особенность этого направления – ярко выраженная гражданская позиция и открытая публицистичность.

Поэтам-иронистам свойственно философско-эстетическое понимание иронии, поэтому термин «ирония» применительно к их поэзии может иметь два значения: 1) троп, т.е. стилистический прием, предполагающий употребление слова в смысле, обратном буквальному [Сковородников 2009: 143]; 2) «категория текста, связанная со структурой художественного целого и позволяющая автору имплицитно передать свое отношение к изображаемому», «способ поэтического мировосприятия» [Попкова 2007: 7]. Основой творчества иронистов является «не культурная рефлексия, а социальная драма (наша общая, отечественная, и даже конкретнее –

* Сохранены авторская орфография и пунктуация.

драма поколения)» [Кулаков 1999: 44]. Поэты-иронисты склонны к самоиронии и горькой усмешке; в их стихах происходят «коннотативные приращения к общей иронической тональности, которая в разных случаях воспринимается как горькая, щемящая, язвительная, мудрая (но не издевательская)» [Попкова 2007: 8].

Основными свойствами иронической поэзии являются ироническая модальность как текстообразующая категория; ярко выраженная публицистичность; тщательный отбор объектов иронии; интертекстуальность; контраст как конструктивный принцип синтагматической организации элементов текста; некоторый абсурдизм [Попкова 2007: 8-9]. К языковым процессам, нашедшим отражение в лирике Е. Бунимовича и поэтов-иронистов в целом, относятся: языковая игра, в том числе советскими штампами, переосмысление их; трансформации, проявляющиеся на всех уровнях языковой системы; ассоциативность образов; языковой и образный контраст; отсутствие в тексте какой бы то ни было лексической избыточности, вплоть до абсолютного минимума слов.

Е. Бунимович, как и другие представители этого направления, обратил иронический пафос на прошлое, адресовав свою иронию советскому и постсоветскому обывателю. Открытая публицистичность его стихов ведет к редукции поэтического, лирического начала, однако позволяет прямо сказать о том, что волнует современников, отразить мироощущение эпохи. Поэт погружает читателя в ситуацию интеллектуального общения, затрагивает остро злободневные проблемы.

Языковые средства в стихах Е. Бунимовича становятся своеобразными политическими маркерами, позволяющими автору открыто выразить свою гражданскую позицию. К таким маркерам могут быть отнесены:

1) разного рода интертекстуальные единицы: трансформированные цитаты из классической литературы, политические клише советской эпохи, образы массовой культуры, которые приобретают в тексте ироническое значение (о роли таких единиц см. [Анохина 2002, 2003; Дайте миру шанс! 2016; Осипова 2003, 2010, 2015а, 2016а, 2016б; Позднякова 2015; Публицистический арсенал общественных движений 2015; Шулержкова 1994, 2002; 2016а, 2016б]): «ах, дранг нах остен, патер ностер, хотят ли русские войны»; «у

Харона тут переправа, / транспорт левый, о боже правый»; «империя народных слуг»; «отечество наше свободное советский оплот и надежный союз»; «и невозможное – возможно, / когда не нужно никому»; «кто невольник чести / кто начальник части»; «я б не сказал, что весь я не умру, / но все же я б оставил знак вопроса»; «яровое, озимое, доброе, вечное / надобно здесь засеивать, / но поля просвещения не по зубам самодельному плугу»;

2) жаргонная, просторечная, вульгарная лексика, свойственная современному городу, которая отражает сдвиги в общественном сознании конца XX в., нестабильность культурно-речевой ситуации: «шиза социальных систем»; «мы выжили в года бухие»; «выкатили zenki / накачали банки / сели на смоленке / соколы лубянки / были вы речисты / были особисты»; «не такие понты / чтобы бацать зубами чечетку»; «гебешник и топтун»; «ну что, кладбищенский алкаш, / глядишь, орел-стервятник?»; «крутой диснейленд»;

3) канцеляризмы, клише и штампы официально-делового стиля речи советской эпохи, ставшие символом идеологической лжи (см. о роли таких единиц [Анохина 2016]): «не берет никто на поруки»; «лимит не превысил / ни ума ни души», «есть процедурные вопросы / по ходу Страшного суда»; «на скамейке подсудимых нет свободных мест»; «Разве могут быть доходы, кроме трудовых?»; «да, да, спивались трудовые коллективы»; «как там с концепцией? / без права переписки?»; «прибываю с супругой / участвую в церемонии / обеспечиваю присутствие / произношу напутствие / устраняю несоответствие / оглашаю приветствие / испытываю воодушевление / принимаю поздравления / укрепляю взаимопонимание / благодарю за внимание...»;

4) заимствования, свидетельствующие о происходящих в обществе экономических, социально-политических, культурных изменениях: «трансперсонален / абсентеизм мультимедиа-арта»; «хеппенинг нон-стоп»; «мы проиграли в айлавью»; «в стране тоталитарного ампира / в период социальных центрифуг»; «не обольщайся не получится / на полях предсмертной записки / биржевато хеджировать фьючерсами / дабы минимизировать риски»;

5) социально-политическая лексика, которая становится символом идеологической лжи: «детектор лжи»; «дубль-состав»; «отъезд разномастных соотечественников на общую историческую ро-

дину»; «с учетом опыта классической работы / по преобразованию европы / в прямоугольный треугольник ABC»; «в конкретно-историческом контексте»; «скорбя в периодической печали / и струя периодический восторг, / мастера периодической печати / сочиняют нам алеющий восток, / где отчизны регулярную застройку / не тревожит регулярная тоска, / где поэтов регулярную попойку / не тревожат регулярные войска...»; «продукт страны, продукт семьи, продукт своей эпохи»; «ограниченные наши контингенты»; «мыслящие инако»;

6) научная терминология, которая отражает речь образованной части общества: «стройная картина мира»; «Естественный отбор» (название сборника стихов); «как там в парламенте? прошел закон бернулли?»; «в кровеносных сосудах давление красных чернил»; «стоило принять эту гипотезу как все непостижимые прежде факты сами / собой уложились в соответствующие ячейки явив стройную картину мира / не хуже эйнштейна с его независимостью скорости света от движения»;

7) знаковые для эпохи социализма топонимы, которые в контексты стихов Е. Бунимовича приобретают новые смысловые и культурные коннотации: «Просто нет такого города – Парижа, / потому что я там не был никогда»; «Нет России кроме России и Патриаршие пруды посередине»; «израиль воплощал всю закордонность сразу / как некий айд»; «а вот статую свободы и в париже тычут и в нью-йорке / реквизита не хватает»; «и приехал тут к нам на патриаршие джон хай американец из / сан-франциско а ящик водки не моргнув выжирает видала мы / такое сан-франциско оно же коломенское проезд до станции / метро лубянка выход из первого вагона налево второй этаж»; «Я сошел с конвейера Москвы»; «как там с концепцией? / без права переписки? / а с контрацепцией? / особенно в симбирске?»

Несмотря на словесный минимализм, поэтическим текстам Е. Бунимовича свойственна смысловая избыточность. Совмещенные в одном контексте разноплановые политические маркеры способствуют актуализации новых значений слов и образов, созданию образа советского и постсоветского общества, а также отражают мировоззрение человека, живущего в переломную эпоху.

Е. Бунимович разрушает любые языковые и мыслительные стереотипы, используя интертекстуальные единицы, в числе которых и советские штампы, и политические клише, и образы массовой

культуры, и штампы поэтические: «Падают листья.../ В класс залетает, кружась, / несколько реплик прораба откуда-то сверху. / Школы и жизни осуществляется связь» (1981); «МИНЗДРАВ СССР ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: / Все миновалось, молодость прошла...// Так кто ж нас ждет / и что нас ожидает? // Я думаю – великие дела» (1987); «жизнь прошла / нас выбрали в президиум // гул затих / мы вышли на просцениум // что сказать / переходя в континуум?» (1990).

Парадоксальным образом соединенные в одном контексте разноплановые с точки зрения стилистической окраски и коннотации интертекстуальные единицы, во-первых, отражают сдвиги, происходящие в общественном сознании, которое долгое время находилось под давлением официальной идеологии; во-вторых, выражают скептическое отношение автора к любым проявлениям идеологической лжи. «Ты – отдельно, и Бог – отдельно. / Называется: богадельня. / На скамейках сидят старухи, / не монашки, не богомолки, / пионерки все, комсомолки, / не берет никто на поруки... / У Харона тут переправа, / транспорт левый, о боже правый...» (1987).

Шагмы и клише советской эпохи, погруженные в современный контекст, в стихах Е. Бунимовича приобретают новые смыслы, подвергаются деидеологизации и приобретают пародийное звучание, что отражает свойственные коллективному сознанию конца XX в. «идеологическую растерянность», «идеологический цинизм и эклектизм» [Купина 2012], «антисоветский и антикоммунистический стереотипы» [Осипова 2015б: 161]: «Замерзли Патриаршие пруды. / Броня крепка – и брат идет на брата, / в сгущенье окружающей среды / взрывается учебная граната, / готовятся потешные полки / и пламя возгорается из искры... / Броня крепка и танки наши быстры, / и что вас ждет, мои ученики...» (1985).

Поэзия Е. Бунимовича отражает живые процессы, свойственные языку конца XX в., поэтому в ткань его стихов вплетены такие разноплановые лексические элементы, как политическая терминология, заимствования последних лет, жаргонизмы, просторечная лексика, канцеляризм. Такая лексическая и стилистическая рассогласованность отражает нестабильную культурно-речевую ситуацию рубежа веков, вызванную нестабильностью политических процессов, изменением массового сознания постсоветского общества. Например: «выкатили zenки / накачали банки / сели на смоленке / соколы лубянки / были

вы речисты / были особисты / были мы студенты / были диссиденты / были комбатанты / были компетентны / стали импозантны / стали импотенты / кто невольник чести / кто начальник части / все равно во власти / оказались вместе / жизнь прошла со свистом / веским аргументом / по-над особистом / по-над диссидентом» («Дума», 1990); «так вы говорите что трансперсонален / абсентизм мультимедиа-арта / быть может хоть я и подумал что сталин / не станет пирожным как буонапарте / так вы говорите что нет кривошей / в таком IBM-совместимом санскрите / так вы говорите что ночью страшнее / так вы говорите так вы говорите» («Ночной диалог», 1997).

Время действия стихов Е. Бунимовича охватывает советский период, время перестройки и распада СССР, 90-е гг. XX в. и отражает смену мировоззренческих установок, кризис общественного сознания, ломку стереотипов. При этом ирония автора осложняется скрытым аксиологическим подтекстом: «С утра радиосеть всяя Руси / воспроизводит шлягеры Шопена... // Какой светильник разума погас! // Врубить бы сразу свет, / как в кинозале. / Все ожидают этого от нас. // Мы этого никак не ожидали...» (1985); «В конкретно-историческом контексте / пожалуй, лучше танцы, чем пенье. / Я молча выполнял ходьбу на месте / не то чтоб с радостью, / но и не без нее. / В стране тоталитарного ампира / в период социальных центрифуг / не то чтобы моя бряцала лира, / но все же издавала некий звук» (1988); «Да, да – спивались трудовые коллективы, / и в директивы привносились коррективы, / и ограниченные наши контингенты, / внимая просьбам, / занимали континенты, / и верным нюхом чуют мыслящих инако / умела каждая служебная собака. // и как ни стыдно, сын мой, как ни странно – мы были молоды, и жизнь была желанна...» (1990).

Таким образом, поэт-иронист Евгений Бунимович, используя стилистически разноплановые политические маркеры, создает образ целого поколения, которое особым образом вписано в культурно-языковой контекст своей эпохи конца XX в.

Литература

Анохина, С.А. Исторический интертекст как характеристика современного развития России (на материале произведений В. Распутина) / С.А. Анохина // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сб. докл. междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 12-14 ноября

2003 года) / ред.-сост. С. Г. Шулежкова. - Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2003. - С. 329-334.

Анохина, С.А. Крылатые выражения, восходящие к художественной литературе и публицистике, в произведениях В.Г. Распутина 1990-х гг. / С.А. Анохина // Русский язык: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. Г.А. Турбина ; ред. колл. : О.Б. Адаева, Л.А. Глинкина, Н.В. Глухих, А.А. Горбачевский, М.П. Егорьева, Е.Г. Казачук, Т.Е. Помыкалова, 2002. – С. 184-189.

Анохина, С.А. Чиновники в лозунгах и лозунги чиновников / С.А. Анохина // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2016. – № 3 (53). – 300 с. – С. 66-72.

Бунимович, Е. Естественный отбор. Стихи / Е. Бунимович. – М. : Владом, 2000. – 192 с.

Бунимович, Е. Стихи : Библиотечка поэзии / Е. Бунимович. – М. : Союз писателей Москвы, 2008. – 32 с.

Бунимович, Е. «...и другие официальные лица» : Стихи [Электронный ресурс] / Е. Бунимович // Знамя, 2009, № 3. – Режим доступа: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3848> (дата обращения: 15.03.2017).

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Кулаков, В. Поэзия как факт. Статьи о стихах / В. Кулаков. – М. : Новое лит. обозрение, 1999. – 410 с.

Купина, Н.А. Приметы советской стилистики в современных газетных текстах [Электронный ресурс] / Н.А. Купина // Г.Я. Солганик. Язык СМИ и политика. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – Режим доступа: <https://lib.sale/jurnalistika-knigi/primetyi-sovetskoy-stilistiki-sovremennyih-71625.html> (дата обращения: 15.03.2017).

Осипова, А.А. Интертексты-советизмы и библейские реминисценции в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» / А.А. Осипова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе : сб. докл. междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 12-14 ноября 2003 г.) / ред.-сост. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2003. – С. 351-358.

Осипова, А.А. Красное знамя – на Кремль! (к особенностям агитационных текстов Коммунистической партии Российской Федерации) / А.А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2016а. – № 3 (53). – С. 85-94.

Осипова, А.А. Лозунги современных политических партий России / А.А. Осипова // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015а. – С. 95-132.

Осипова, А.А. «Нам песня строить и жить помогает...» (песенные интертексты в художественной картине мира В.П. Астафьева) / А.А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2010. – № 4 (30). – С. 188-196.

Осипова, А.А. Наша партия – партия будущего! (агитационные материалы политических партий России: традиционные ценности и новые языковые тенденции) / А.А. Осипова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко (28–30 сентября 2016 г., Екатеринбург). – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016б. – С. 542-558.

Осипова, А.А. Советские лозунги в художественной литературе и в современной публицистике конца XX – начала XXI в. / А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015б. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 161-166.

Позднякова, Н.В. Суггестивная сила лозунга-призыва (по материалам публицистического арсенала современных общественных движений России) / Н.В. Позднякова, А.Н. Михин // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово : Изд-во КГУ, 2015. – С. 185-189.

Попкова, Н.Н. Доминанты идиостиля поэта-ирониста (на материале текстов Игоря Иртеньева) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Сковородников, А.П. Ирония / А.П. Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 480 с.

Шулежкова, С.Г. Два пути от невинной любви к Отечеству – патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016а. – С. 50-63.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения из области искусства : материалы к словарю / С.Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1994. – Вып. 4. – 162 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С.Г. Шулежкова – Челябинск : Факел, 1995. – 233 с.

Шулежкова, С.Г. Обнимитесь, миллионы! (интернациональные крылатые выражения, выполняющие в русском языке «лозунговую» функцию) / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2016б. – № 3 (53). – С. 43-56.

*Natalia V. Kudrina
Kurgan, Russia*

POLITICAL MARKERS IN A POETIC TEXT (by example of the poetry of E. Bunimovich)

Abstract. Evgeny Bunimovich is the poet-ironist. His poetry is characteristic for pronounced civic stand and open publicity. His irony is addressed to a Soviet and post-Soviet citizen, the poet writes about things that excite contemporaries, reflect the world-view of the epoch. Language facilities in the poems of E. Bunimovich are becoming the political markers, allowing the author to express his civic stand. They are: 1) intertextual units (quotations from classic literature, political cliché of the Soviet epoch, the images of mass culture) acquire the ironic meaning in the text; 2) slang, colloquial, vulgar vocabulary peculiar to the modern city, reflects the shifts in the public conscience at the end of the 20th century, instability of the cultural- speech situation; 3) formal words, cliché and stamps in the official speech style of the Soviet epoch become the symbol of the ideological lie; 4) loanwords indicate the economic, socio-political and cultural changes in society; 5) socio-political vocabulary becomes a symbol of political lie; 6) scientific terminology reflects the speech of the

educated part of the society; 7) toponyms that are symbolic for the socialist epoch acquire new semantic and cultural connotations. Diverse political markers united in one context favour actualization of new meanings of the words, create an image of the Soviet and post-Soviet society, reflect human world-view at the turn of the 20th and 21st centuries.

Key words: the irony, political markers, intertextual units, cliché, stamps

*А.С. Макарова
Москва, Россия*

Я – ШАРЛИ / Я НЕ ШАРЛИ – ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ? (на материале публицистического дискурса франкоязычных и англоязычных массмедиа)

Аннотация. В статье рассматривается функционирование крылатого выражения-неологизма французского происхождения *Je suis Charlie* (Я – Шарли) в публицистическом дискурсе. Крылатые выражения изучаются довольно молодой лингвистической наукой крылатологией, вышедшей из лексикографии и являющейся интегральной частью фразеологии. Данные языковые единицы обладают особой экспрессивностью и активно используются журналистами всего мира. Употребление лозунга *Je suis Charlie* (Я – Шарли), вошедшего во многие европейские языки в 2015 г., в заголовочной функции на страницах франкоязычной и англоязычной прессы – яркое подтверждение этого феномена. Анализ материала выявил амбивалентность функционального потенциала оборота в связи с активным параллельным употреблением его трансформы *Je ne suis pas Charlie* (Я не Шарли), появившегося через несколько часов после инварианта. Судьба исследуемого лозунга в современной публицистике свидетельствует о том, что часть крылатых выражений-галлицизмов приобрела интернациональный статус и требует особого исследования.

Ключевые слова: крылатология, крылатое выражение, инвариант, трансформ, публицистика, функциональный потенциал

Учитывая тот факт, что фразеология превратилась в мощное направление лингвистики, крылатые выражения (далее КВ) следует рассматривать как полноправные с фразеологизмами языковые еди-

ницы. КВ, представляющие собой сверхсловные языковые единицы, изучаются относительно новой лингвистической дисциплиной *крылатологией*, научный статус которой подтверждается не только многочисленными эптологическими справочниками, но и большим количеством трудов, посвященных данной проблематике (см., напр. [Берков, т. 1, 2008; Берков, т. 2, 2009; Дядечко 2008; Каменев 2012; Макарова 2011, 2016; Осипова 2010, 2015; Шулежкова 1994, 1995, 2011, 2013, 2016; Chlebdá 2003] и др.).

Появление КВ в языке и/или речи зависит как от лингвистических, так и от экстралингвистических причин. Образные устойчивые выражения, яркие сравнительные обороты, поговорки, меткие характеристики входили и входят в литературный язык со страниц выдающихся мастеров слова и второстепенных писателей, из выступлений политиков и публикаций журналистов, немалое их число появляется из синтетических жанров искусства (кино- и телефильмов, песен, романов и т.д.). Одни представляют собой эфемериды (термин А.М. Бабкина) и бесследно исчезают после недолгой жизни, другие же прочно входят во фразеологический фонд национального языка, изменяя стилистическую окраску, развивая новые значения и семантические оттенки, и таким образом становятся незаменимыми формами выражения мысли, характеристик, советов-предостережений и пр.

Предметом статьи является амбивалентное функционирование КВ-неологизма *Je suis Charlie* (*Я – Шарли*) в современных зарубежных СМИ. Данный лозунг пришел во многие европейские языки, в том числе и в русский, из французского в 2015 г. Если говорить о КВ, восходящих к французской культуре, то следует назвать общие факторы существования и интенсивности употребления данных единиц в национальных языках, которые выделила Н.А. Бабарика для античной культуры (древнегреческой и римской) и которых мы придерживаемся в нашем исследовании: 1) политическая экспансия Франции на большей части Европы в XVII-XIX вв.; 2) влияние французской культуры на европейскую культуру в целом и на становление европейских национальных литературных языков; 3) главенствующая роль французского языка как языка образованных кругов общества (элиты), языка художественной и интеллектуальной культуры Европы вплоть до XX в. [Макарова 2016: 39-40].

Процесс вхождения КВ-галлицизмов в языки никогда не прекращался, хотя сегодня его нельзя назвать активным. Однако порой значимость или трагичность события дает повод к рождению новых устойчивых оборотов. Ярким примером данного феномена является выражение *Je suis Charlie*, пришедшее из французской публицистики в 2015 г. и мгновенно вошедшее во многие европейские языки в аутентичной форме. С этим лозунгом европейцы вышли на демонстрации в знак протеста против теракта, совершенного в редакции французского сатирического еженедельника «Charlie Hebdo». Вскоре КВ-лозунг *Я – Шарли*, символизируя единение, солидарность, поддержку, подхватывают СМИ разных стран. Несмотря на «молодость» КВ, оно уже зафиксировано лексикографически в недавно увидевшем свет Словаре современных политических лозунгов России и Германии под редакцией С.Г. Шулежковой: «*Я – Шарли* – универсальная формула выражения солидарности или протеста против любой несправедливости» [Дайте миру шанс! 2016: 238].

Невозможно обойти вниманием факт практически одновременного появления трансформ КВ-неологизма *Je ne suis pas Charlie* (преобразование по линии утверждения-отрицания): оба датируются 07.01.2015 г., но с разницей в несколько часов. Первый лозунг представляет собой плакат с белыми буквами на черном фоне и появляется на официальном сайте журнала «Шарли Эбдо» вскоре после расстрела его сотрудников. Лозунг-трансформ – это белые буквы на черном фоне с отрицанием *ne* и *pas* красного цвета, который публикует на своем сайте канадская газета *Le Huffington Post* (Квебек).

Рождение взаимоисключающих лозунгов говорит о полярности взглядов, убеждений, мнений мирового журналистского сообщества на проблему толерантности в многонациональном и многоконфессиональном мире и проявляется в амбивалентном функционировании КВ-неологизма. Анализ материалов, посвященных означенной проблематике, свидетельствует о том, что мир разделился на тех, кто принимает позицию журнала Шарли Эбдо, выходя с лозунгом *Я – Шарли*, и тех, кто ее не поддерживает. Появление трансформов данного КВ, из которых наиболее востребованным оказался *Je ne suis pas Charlie* (*Я не Шарли*), подтверждает факт его продуктивности.

Обратимся к контекстам и рассмотрим функционирование КВ-неологизма *Je suis Charlie* (*Я – Шарли*) в современной

франкоязычной и англоязычной прессе, придерживаясь хронологии выхода публикаций. Хотелось бы сразу подчеркнуть, что во всех обнаруженных публицистических контекстах КВ-лозунг занимает сильную позицию текста – вынесен в заглавие: **«Je suis Charlie»: des gestes de soutien dans le monde entier. Il y a eu ce mercredi soir une grande manifestation à Paris et une bonne centaine d'autres à travers la France pour rendre hommage aux journalistes de Charlie Hebdo et aux policiers assassinés ce matin...** [Noisette 2015: [http](#)].

Данная публикация появляется «по горячим следам» трагических событий в Париже и сообщает о грандиозных демонстрациях, проходящих под лозунгом *Я – Шарли*. Таким образом парижане и люди всего мира захотели выразить поддержку сотрудникам журнала, протестуя против терроризма, угрожающего сегодня людям.

С разницей в два дня после публикаций в поддержку редакции «Шарли Эбдо» выходят статьи, в которых присутствует точка зрения, не совпадающая с изначальной смысловой концепцией КВ-лозунга, выражающая несогласие с позицией журналистов «Шарли Эбдо» и всех, кто ее разделяет: **Why I am not Charlie** [Long 2015: [http](#)].

В приведенном примере автор употребляет кальку КВ-лозунга в отрицательной форме, а также расширяет его состав, добавляя вопросительное наречие *why* (почему). Вместе с тем сам заголовок не становится вопросительным предложением. Заявляя «Почему я не Шарли», журналист объясняет свой взгляд на политику редакции французского еженедельника.

Публикация с похожим заголовком **I am not Charlie Hebdo (Я не Шарли Эбдо)** отражает более конкретную позицию в отношении редакции еженедельника «Шарли Эбдо» и выходит в тот же день в канадской англоязычной прессе: **I am not Charlie Hebdo. But I won't participate in the rebroadcasting of racism. I am not Charlie Hebdo. And I hope I never will be** [Thériault: [http](#)].

Экспликация происходит за счет прибавления аббревиатуры, образованной путем отсечения последних слогов французского слова *hebdomadaire* (еженедельник) – *Hebdo*, которая является частью названия журнала («Шарли Еженедельник»). Данный тип аббревиатуры французского языка носит название *les troncatures* [Лопатникова 2001: 113]. В контексте заголовочное КВ-трансформ дублируется после слов о расизме, и автор выражает надежду, что никогда не

станет *Шарли*. Здесь наблюдается конкретизация семантики нового оборота, а образность становится более яркой.

Похожие примеры появляются в это же время и в других изданиях англоязычных СМИ: *Why I Am Not Charlie. Nothing is quick, nothing is easy. No solidarity is secure. I support free speech. I oppose all censors. I abhor the killings. I mourn the dead. I am not Charlie* [Long: <http>]. Путем прибавления вопросительного наречия *Why* публицист лексически расширяет кальку КВ-трансформа. Журналист выступает за свободу слова, он ненавидит убийство и скорбит по убитым, но он не одобряет позицию «Шарли». КВ-трансформ *I am not Charlie* (*Я не Шарли*) завершает авторский монолог в подтверждение позиции публициста непосредственно в контексте.

В следующем примере мы наблюдаем синтаксическую инверсию КВ-трансформа: *Charlie I am Not. I am NOT Charlie for at least four reasons* [Street 2015: <http>]. В подзаголовке автор прибегает к графическому выделению отрицания *NOT (HE)*, набранного прописными буквами. Данный прием представляется принципиально важным, так как в английском языке с прописной буквы пишутся только знаменательные части речи. Синтаксическая инверсия оборота, графическое подчеркивание отрицания – все «кричит» о протесте, о несогласии со «свободными» взглядами «Шарли Эбдо» и тем самым привлекает внимание читателя.

Через три дня после теракта в британской прессе выходит статья под заголовком: *Je Suis Charlie: The 72 hours after the Charlie Hebdo shootings in Paris* [Je Suis Charlie 2015: <http>]. Журналист употребляют инвариант выражения в его французском облике, который является частью бессоюзного сложного предложения и имеет информативную направленность, будучи вынесенным в его начало: «Я – Шарли: 72 часа после стрельбы в Шарли Эбдо в Париже». Помимо этого, имя собственное *Charlie* употребляется дважды, есть напоминание о дате теракта (*72 hours after*) и месте его проведения (*in Paris*). Информационная насыщенность заголовка приводит к усилению его экспрессивности и этим привлекает внимание читателя, при этом «...лозунг может употребляться как в форме полукальки, так и в исконном французском обличье, но чаще – в трансформированном виде» [Дайте миру шанс 2016: 238].

В публикациях, приуроченных к годовщине парижских событий, отношение авторов к обороту *Я – Шарли* меняется. Покажем это на ряде примеров.

How the world was changed by the slogan ‘Je Suis Charlie’. In other words, for him, you’re either Charlie or you’re not [Devichand 2016: [http](#)]. В данном заголовке КВ-галлицизм называется слоганом, который изменил мир. Семантика сохраняется, но усиливается экспрессия лозунга, появляется оценочность: «Как слоган «Я – Шарли» изменил мир». Публицист приходит к следующему заключению: ты можешь быть Шарли, а можешь и не быть. У каждого человека есть выбор, и не для всех свобода слова означает вседозволенность и неуважение других.

Charlie Hebdo attack survivor says ‘Je suis Charlie’ slogan has been ‘misused’ in year since atrocity. One of the cartoonists who survived the Charlie Hebdo massacre has said the slogan that united the world in the aftermath of the atrocity has been “misused”. Corinne Reysaid “Je suis Charlie” was originally used to express solidarity but has lost its way [Dearden 2016: [http](#)]. В статье автор предпринимает попытку разобраться в причинах раскола мирового сообщества на тех, кто выходит на демонстрации под лозунгом *Je suis Charlie*, который изначально выражал поддержку свободы слова, призывал к единению общества, и тех, кто позиционирует себя как *Je ne suis pas Charlie*. По мнению журналиста, *неправильное употребление* (*has been “misused”*) оборота привело к потере его сути.

Un an après, on sait qui étaient les «Je ne suis pas Charlie» [Garnier 2016: [http](#)]. В данной заглавии обнаруживается субстантивация КВ-трансформа при помощи прибавления к нему определенного артикля мн. ч. *les*. Оборот взят автором в кавычки и включается в состав бессоюзного сложного предложения. Семантика меняется на противоположную, а само выражение можно перевести на русский язык именем существительным мн. ч.: «Год спустя стало известно, кто такие Нешарли».

«Je suis Charlie» et «Je ne suis pas Charlie» intègrent Harvard. La bibliothèque de l’université américaine collectionne des milliers de documents relatifs aux attentats qui ont frappé la France en janvier 2015 [Soullier 2016: [http](#)]. В статье сообщается, что библиотека Гарварда собирает тысячи документов и публикаций в связи с трагическим событием января 2015 г. в Париже. В самом названии представлен и

инвариант, и его трансформ, что свидетельствует об их параллельном функционировании и разделении мирового сообщества на два противоположных лагеря.

В одном из заголовков нижеследующей франкоязычной публикации вновь обнаруживается КВ-трансформ, а не инвариант: *«Pourquoi je ne suis pas Charlie!» Je ne veux pas être un collabo'. Je ne veux pas être un clown officiel au service de l'Empire fasciste. Je suis Lumumba! Je suis Salvador Allende ...! Pas Charlie, oh non, pas Charlie!* [Desforges 2016: <http>]. Экспликация КВ за счет прибавления вопросительного наречия *pourquoi* (почему) делает заголовок восклицательным предложением, а не вопросительным, что приводит к усилению экспрессии. Таким образом, автор статьи *«Почему я не Шарли!»* заявляет о своем нежелании быть на службе у фашистской идеологии. В самой публикации дважды употреблена имплицитная форма КВ-лозунга с экспликацией (ввод отрицания *oh non* – о, нет), которая усиливает экспрессивность контекста и подчеркивает несогласие со взглядами еженедельника.

Может сложиться ложное представление об употреблении КВ-неологизмов *Je suis Charlie* и *Je ne suis pas Charlie* в современных мировых СМИ, публикации которых приурочены к событию в Париже в январе 2015 г. или его годовщине. Популярность КВ проявляется не только в его функционировании с негативной окраской. Ср.: *«Je suis Charlie Coulibaly»*, *«Je suis Charlie Martel»* [Provost 2016: <http>]; *«Je Suis Bola Boluk»*, *«Je Suis Abu Ghraib»*, *«Je Suis Guantanamo»*, *«Je Suis Gaza»* [Street 2015: <http>] и пр.

Ярким проявлением коммуникативного намерения подчеркнуть значимость языковой единицы служит прием закавычивания, который журналисты используют и по отношению к лозунгу *Je suis Charlie* (*Я – Шарли*) и *Je ne suis pas Charlie* (*Я не Шарли*). Из 14 изученных контекстов в четырех франкоязычных и двух англоязычных изданиях лозунги графически выделены кавычками. Как пишет О.В. Ломакина, такое употребление «... указывает, что это “чужой” текст (графическая маркированность и указание на источник высказывания)» [Ломакина 2014: 179].

Подводя итог, отметим, что анализ функционирования КВ-неологизмов *Я – Шарли* и *Я не Шарли* в современной публицистике отражает творческую, созидательную «деятельность перестраиваю-

щегося языкового сознания, его приспособление к новым ценностно-смысловым приоритетам» [Алефиренко 2009: 227]. Данный факт говорит об особой номинативной реакции языка на стремительные, порой трагические изменения в социокультурном пространстве общества. Способность КВ расширять сочетаемость основной структуры с новыми компонентами и легко «врастать» в любой контекст особенно широко используется в языке СМИ. Массовость, медийность, полилоговая открытость публицистического дискурса позволяют рассматривать их как прекрасный полигон для испытаний различных фразеологических инноваций. Данная мысль находит яркое подтверждение в амбивалентном функционировании КВ-лозунгов с противоположной vs взаимоисключающей семантикой, что говорит о биполярности взгляда человечества на вечные ценности добра и зла.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 248 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 5 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 5 000 ед. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. – 737 с.

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.Н. Носова; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Дядечко, Л.П. Крылатые слова нашего времени: Толковый словарь / Л.П. Дядечко. – М. : НТ Пресс, 2008. – 797 с.

Каменев, К.В. Крылатые единицы, восходящие к синтетическим жанрам искусства, в современном русском и английском языке : дис. ... канд. филол. наук / К.В. Каменев. – Магнитогорск, 2012. – 241 с.

Ломакина, О.В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 177–180.

Лопатникова, Н.Н. Лексикология современного французского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Н.Н. Лопатникова, Н.А. Мовшович. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2001. – 247 с.

Макарова, А.С. Крылатые единицы французского происхождения как объект лексикографического анализа (на примере «Большого словаря крылатых слов русского языка» И «Словаря иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода») / А.С. Макарова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3. – С. 245-250.

Макарова, А.С. Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике: дис. ... канд. филол. наук / А.С. Макарова. – М., 2016. – 250 с.

Осипова, А.А. Библиейские крылатые единицы в художественной картине мира В.П. Астафьева / А.А. Осипова // И вновь продолжается бой... : сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В. М. Мокиенко ; чл. редкол. : Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2010. – С. 192-198. [Под грифом межкаф. слов. каб. им. проф. Б.А. Ларина СПбГУ.]

Осипова, А.А. Стоит! И стоять будет! (особенности употребления исторических крылатых единиц в творчестве В.П. Астафьева) / А.А. Осипова // На крыльях слова : материалы междунар. заоч. науч. конф., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / Науч.-исслед. словарн. лаб., каф. РЯОЯиМК ; гл. ред. А.А. Осипова, Н.В. Позднякова ; чл. редколл. : С.А. Анохина, И.С. Клинкова, Е.П. Соколова, Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2015. – С. 73-82.

Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слёзы, и любовь...»: 1 500 крылатых слов и выражений русского языка. Происхождение, значение, судьба / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : НАУКА, 2011. – 848 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения из области искусства : материалы к словарю / С.Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1994. – Вып. 4. – 162 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С.Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1995. – 223 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения французского происхождения в интернациональном блоке лозунгов современной Европы и России / С.Г. Шулежкова, А.С. Макарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 4. – С. 65-73.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным : очерки о судьбах библейских крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука. 2013. – 260 с.

Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, V.M. Mokienko, S.G. Szuleżkowa. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. – 706 s.

Dearden, L. Charlie Hebdo attack survivor says ‘Je suis Charlie’ slogan has been ‘misused’ in year since atrocity [Электронный ресурс] / L. Dearden // Independent, 07.01.2016. – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/charlie-hebdo-attack-survivor-says-je-suis-charlie-slogan-has-been-misused-in-year-since-atrocity-a6801111.html> (дата обращения: 14.03.2017).

Desforges, L. «Pourquoi je ne suis pas Charlie!» [Электронный ресурс] / L. Desforges // Cercledesvolontaires.fr, 13.02.2016 – Режим доступа: <http://www.cercledesvolontaires.fr/2016/02/13/pourquoi-je-ne-suis-pas-charlie/> (дата обращения: 14.03.2017).

Devichand, M. How the world was changed by the slogan ‘Je Suis Charlie’. [Электронный ресурс] / M. Devichand // BBC Trending, 03.01.2016. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/blogs-trending-35108339> (дата обращения: 07.07.2016).

Garnier, C.-C. Un an après, on sait qui étaient les «Je ne suis pas Charlie». [Электронный ресурс] / C.-C. Garnier // Slate.fr, 05.01.2016. – Режим доступа: <http://www.slate.fr/story/112429/qui-etaient-je-ne-suis-pas-charlie> (дата обращения: 27.07.2016).

Je Suis Charlie: The 72 hours after the Charlie Hebdo shootings in Paris. [Электронный ресурс] // The Telegraph, 10.01.2015. – Режим доступа: www.telegraph.co.uk <https://ru.pinterest.com/pin/220254238004111109/> (дата обращения: 10.03.2017).

Long, S. Why I Am Not Charlie [Электронный ресурс] / S. Long // A paper bird, 09.01.2015. – Режим доступа: <https://paper-bird.net/2015/01/09/why-i-am-not-charlie/> (дата обращения: 14.03.2017).

Long, S. Why I Am Not Charlie [Электронный ресурс] / S. Long // Fair Observer [US] – Режим доступа: <https://www.fairobserver.com/region/europe/why-i-am-not-charlie-01478/> (дата обращения: 14.03.2017).

Noisette, T. «Je suis Charlie»: des gestes de soutien dans le monde entier. [Электронный ресурс] / T. Noisette // Le Nouvel Observateur, 08.01.2015. – Режим доступа: <http://tempsreel.nouvelobs.com/rue89/rue89-monde/20150108.RUE7348/je-suis-charlie-des-gestes-de-soutien-dans-le-monde-entier.html> (дата обращения: 10.03.2017).

Provost, L. «Je suis Charlie Coulibaly», «Je suis Charlie Martel». [Электронный ресурс] / L. Provost // Le Huffington Post, 05.01.2016. – Режим до-

ступа: http://quebec.huffingtonpost.ca/2016/01/05/entrevue-joachim-roncin-createur-je-suis-charlie_n_8915548.html (дата обращения: 13.03.2017).

Soullier, L. «Je suis Charlie» et «Je ne suis pas Charlie» intègrent Harvard [Электронный ресурс] / L. Soullier // *Lemonde.fr*, 10.01.2016. – Режим доступа: http://www.lemonde.fr/societe/article/2016/01/10/je-suis-charlie-et-je-ne-suis-pas-charlie-integrent-harvard_4844679_3224.html (дата обращения: 14.03.2017).

Street, P. «Je Suis Bola Boluk», «Je Suis Abu Ghraib», «Je Suis Guantanamo», «Je Suis Gaza» [Электронный ресурс] / P. Street // *Telesur*, 14.01.2015. – Режим доступа: <http://www.telesurtv.net/english/opinion/Charlie-I-am-Not-20150114-0054.html> (дата обращения: 13.03.2017).

Street, P. Charlie I am Not. [Электронный ресурс] / P. Street // *Telesur*, 14.01.2015. – Режим доступа: <http://www.telesurtv.net/english/opinion/Charlie-I-am-Not-20150114-0054.html>, (дата обращения: 14.03.2017).

Thériault, A. I am not Charlie Hebdo [Электронный ресурс] / A. Thériault // *Canadaland*. – Режим доступа: <http://www.canadalandshow.com/i-am-not-charlie-hebdo/> (дата обращения: 10.03.2017).

Alexandra S. Makarova
Moscow, Russia

JE SUIS CHARLIE / JE NE SUIS PAS CHARLIE – DIFFERENT SIDES OF THE SAME COIN? (exemplified by English and French journalist discourse of mass media)

Abstract. The article analyses the functioning of the French winged unit-neologism *Je suis Charlie* exemplified by journalist discourse. New linguistic science *krylatology* studies winged units. This branch has originated from lexicography and it is an integral part of phraseology. These language units have a special expressivity and are currently used by journalists in the whole world. The using of the slogan *Je suis Charlie* as a heading in French and English Mass media, which has entered most of the European languages in 2015 is a bright proof of this phenomenon. The material interpretation has revealed the ambivalence of the functional potential of this unit due to active parallel using of its transform *Je ne suis pas Charlie* which appeared in several hours after the loop invariant. The place of this slogan in modern mass media in Europe shows that the part of the winged units (Gallicisms) has got international status and they demand some special research.

Key words: krylatology, winged unit, invariant, transform, journalism, functional potential

ПОЛИТОНИМЫ КАК ЕДИНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье ставится проблема выявления и описания ономастического наполнения политического дискурса. Центральное положение в современном коммуникативном пространстве публицистического дискурса, важной составной частью которого является политический дискурс, позволяет предположить возможность формирования *политической ономастики* как отдельного направления ономастических исследований. С опорой на широкое толкование понятия *политический дискурс* обосновывается правомерность использования термина *политонимы* для обозначения наименований общественно-политических организаций, политических партий, союзов и других общественных объединений, фигурирующих в сфере общественно-политической коммуникации. Обсуждаются роль и место политонимов в организации и идентификации политического дискурса. Рассматривается структура данных ономастических единиц, их лексическое наполнение и ономастические функции. В качестве важнейших функций политонимов называются *мотивирующая* и *ориентирующая* функции, характеризуются их взаимодействие и взаимоотношения, демонстрируются противоречия, возникающие при реализации этих функций многими политонимами. Проводится лингвистический и содержательный анализ политонимов – наименований современных российских политических партий. Анализируются группы политонимов, которые могут быть обозначены как *политические синонимы*. Обращается внимание на необходимость разработки лингвистических критериев образования политонимов, способных адекватно выполнять приписываемые им функции, и критериев оценки соответствия политонима его ономастическому и политическому статусу.

Ключевые слова: политический дискурс, имя собственное, политическая ономастика, политонимы, структура политонимов, характеристики политонимов, мотивирующая функция, ориентирующая функция, синонимия политонимов

В ряду языковых единиц, структур, явлений, характеризующих и идентифицирующих политический дискурс, одну из ключевых позиций занимают номинации, отражающие содержательное

наполнение данной коммуникативной сферы. Помимо естественно присущей конкретному коммуникативному пространству лексики и терминологии и терминологий смежных областей, к ним относятся разного рода устойчивые обороты (*лозунги, девизы, призывы, клише, слоганы* и т.д.), а также определенный набор *ономастических единиц*. Однако если политическая (в широком смысле) лексика, терминология и фразеология постоянно являются объектом внимания и интереса лингвистов (см., например: [Публицистический арсенал... 2015; Дайте миру шанс! 2016; Осипова 2016а, 2016б; Позднякова 2016; Шулежкова 2016; Ossipova 2016; Shulezhkova 2016]), то *политическая ономастика* (как совокупность ономастических единиц, выполняющих роль дискурсивных маркеров в сфере общественно-политической коммуникации, и как раздел ономастики, изучающий эти единицы) еще ждет целенаправленного системного исследования.

Политическая ономастика как лексический пласт представляет собой многоплановый и разнообразный комплекс ономастических номинаций, характер и особенности которых отражают общую специфику политического дискурса*. Среди ономастических единиц политического дискурса наиболее заметное место занимают онимы следующих разрядов: антропонимы, хрононимы, документонимы и некоторые другие**.

Антропонимы – имена политических и общественных деятелей – осуществляют «привязку» дискурса к государству, эпохе, политическим течениям и т.д. (*кардинал Ришелье, М.М. Сперанский, Петр Первый, Людовик XIV, К. Маркс, Ф. Рузвельт, Н.С. Хрущев, А. Меркель, Г. Явлинский* и т.д.). При всей важности этого разряда онимов роль дискурсивных маркеров для *антропонимов* не явля-

* Оговоримся, что в данном случае границы, в которых реализуется этот дискурс, рассматриваются широко: они предполагают включение в его состав не только собственно политической сферы, но и всего того, что характеризует устройство, организацию и функционирование общества в целом [Баранов 1991; Шейгал 2000 и др.], следовательно, в структуре политического дискурса будут представлены не только собственно политические номинации, но наименования, связанные с самой разнообразной общественной деятельностью (в том числе – названия обществ, союзов, групп, объединяющихся по роду занятий, интересам, целям и т.д.).

** При необходимости к этим универсальным ономастическим терминам может быть добавлено уточняющее определение (*политические*): (*Полит*) антропонимы, (*Полит*) хрононимы и т.д.

ется абсолютной, поскольку в их характеристике определения *государственный (политический, общественный) деятель* может сосуществовать с профессиональными и другими характеристиками, например, *писатель, драматург, поэт, критик* и т.д. (*А. Кантемир, А.С. Грибоедов, И.-В. Гете, А.В. Луначарский, А.А. Фадеев* и др.).

Хрононимы как наименования разного рода событий общественно-политического толка служат, прежде всего, временными и локальными ориентирами (*Великая французская революция, Венский конгресс, Отмена крепостного права, Отречение Николая II, Нюрнбергский процесс* и т.д.). Как и в антропонимах, в хрононимах могут сочетаться собственно политические, общественные, военные, экономические, культурные и др. аспекты.

Разряд *документонимов* объединяет наименования разного рода документов, имеющих политическое и общественного значения (*Соборное уложение, Русская правда, Хартия вольности, Манифест Коммунистической партии, Брестский мир, Конституция РФ, Закон об образовании* и т.д.).

Большинство онимов перечисленных разрядов (за исключением некоторых групп документонимов), как уже подчеркивалось, не характеризуются чисто политической принадлежностью, чем ограничена их роль дискурсивных маркеров. В связи с этим особый интерес в составе «*политического*» *ономастикона* вызывают единицы, которые однозначно маркируют политический дискурс и которые, на наш взгляд, целесообразно обозначить термином *политонимы*, объединяющим «*названия органов власти, государственных учреждений, партий, движений, объединений, обществ, союзов и др.*» [Максимчук 2002: 101]. В пользу этого термина, помимо его краткости, благозвучности, соответствия регулярной модели образования ономастической терминологии, говорит, что особенно важно, ясная внутренняя форма, однозначно связывающая обозначенные этим термином номинации с данной коммуникативной сферой (*Союз благоденствия, Народная воля, Государственная дума, Конституционно-демократическая партия, Учредительное собрание, Коммунистическая партия Советского Союза, Лига наций, Коминтерн, Польская объединенная рабочая партия,*

*Индийский национальный конгресс и т.д.)**.

Главной целью политического дискурса считается завоевание и удержание политической власти. Важнейшим инструментом борьбы за власть являются политические партии**. Рассмотрим особенности политонимов современного политического дискурса на материале наименований политических партий России, зарегистрированных в РФ 1 января 2017 года (список включает 75 наименований) [Перечень политических партий... 2017].

На формальном уровне названия политических партий очерчивают охватываемое административно-территориальное пространство. Государственная принадлежность отражается в большинстве наименований (40) эксплицитно и представлено следующими моделями: 1) *Автомобильная~*, *Беспартийная~*, *Демократическая правовая~*, *Единая~*, *Молодая~*, *Справедливая Россия*; 2) *Аграрная~*, *Демократическая~*, *Интернациональная~*, *Либерально-демократическая~*, *Народная~*, *Народно-патриотическая~*, *Объединенная аграрно-промышленная~*, *Социал-демократическая~*, *Трудовая партия России*; 3) *Партия Духовного преображения*, *~Малого бизнеса России*; 4) *Города~*, *Коммунисты~*, *Патриоты~*, *Развитие~*, *Возрождение аграрной России*; 5) *Партия ветеранов~*, *~налогоплательщиков~*, *пенсионеров~*, *~Национальной безопасности России*. Компонент

* Возражением против введения термина *политоним* в предложенном значении может быть указание на возникающую терминологическую омонимию, поскольку данный термин используется в политологии с другим значением (ср.: «Политоним – название всех граждан, которые проживают в пределах одного государственного или определенного административного региона. Например, под термином “французский народ” имеют в виду всех граждан Франции, независимо от их этнической принадлежности; то же самое “бельгийский народ”, хотя он делится на два самостоятельных этноса – валлонов и фламандцев» [Терминологический словарь... 2011]). Но, как представляется, употребление такого терминологического наименования для обозначения народа, во-первых, характеризуется недостаточной мотивированностью; во-вторых, в ономастической терминологии для обозначения такого класса объектов существует термин *этнохороним*.

** *Политическая партия* определяется как – «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления» [Федеральный закон ... 2001]. То, что в Законе политическая партия называется «видом общественной организации» [Там же], служит внешним основанием для применения термина *политоним* для наименования общественных организаций любого вида.

Российская (-ий) присутствует в наименованиях **Российская** партия народного управления, ~Социалистическая партия, ~партия пенсионеров за справедливость, ~политическая Партия Мира и Единства, Российский общенародный союз, ~Объединенный Трудовой Фронт и др. В названии двух партий используется официальное наименование государства **Российская Федерация**: *Казачья партия Российской Федерации и Коммунистическая партия Российской Федерации*. Совокупность такого рода наименований создает картину общественно-политической активности и идеологической направленности разных социальных, профессиональных и других групп.

Политический статус большинство наименований определяется включением в них номенклатурного элемента *партия*, что понятно, помимо этого в отдельных политонимах используются апеллятивы **союз** (*Российский общенародный союз, Союз Горожан, Союз Труда*), **фронт** (*Российский Объединенный трудовой Фронт*), **альянс** (*Альянс зеленых и социал-демократов*).

Важнейшей характеристикой политонимов являются выполняемые ими функции. Ограничимся анализом двух из них: *мотивирующей* и *ориентирующей*. Для отдельных разрядов онимов эти функции могут быть близки и даже не всегда различимы, однако в случае с политонимами ситуация иная.

Мотивирующая функция политонимов реализуется в самоопределяющих характеристиках, поскольку в классическом варианте названия партий должны отражать их основную идеологическую направленность.

Одним из наиболее распространенных компонентов в анализируемом массиве является определение **демократический**, в том числе – в составе сложных прилагательных: *Демократическая партия России, Российская объединенная Демократическая партия «Яблоко», Демократическая правовая Россия, Либерально-демократическая партия России, Социал-демократическая партия России, Демократический выбор, Альянс зеленых и социал-демократов*.

Примерно такое же место занимают наименования, отражающие идею **патриотизма, возрождения, величия страны**: *Патриоты России, Великое Отечество, Родина, Партия Возрождения России, Партия Духовного Преображения России, Развитие России, Национальный курс*.

Достаточно широко представлены политонимы с ключевым словом **гражданский**: *Гражданская Позиция, Гражданская платформа, Гражданская инициатива, Гражданская сила, Партия свободных граждан.*

В названиях нескольких партий отражается идея **справедливости**: *Справедливая Россия, Коммунистическая партия социальной справедливости, Партия за справедливость, Российская партия пенсионеров за справедливость, «ЧЕСТНО»/ «Человек. Справедливость. Ответственность»/».*

Гендерный аспект отражен в названиях партий с апеллятивом **женщины**: *«За женщин России», Женский Диалог, Политическая партия «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров».* Сюда же можно отнести *Партию родителей будущего.*

В ряду профессионально ориентированных партий выделяется **сельскохозяйственная** проблематика: *Аграрная партия России, Партия Возрождения Села, Возрождение аграрной России.* В этот ряд можно поставить *Объединенную аграрно-промышленную партию России,* а также *Российскую партию садоводов.* К ним примыкают политонимы с ключевым мотивом **труд**: *Трудовая партия России, Союз Труда, Российский Объединенный трудовой Фронт.*

Идея **единства** является ведущей в названиях партий *Единая Россия, Российская политическая Партия Мира и Единства,* а также в политонимах *Народная партия России, Российский общенародный союз.*

Коммунистическая идеология представлена тремя партиями: *Коммунистическая партия Российской Федерации, Коммунисты России, Коммунистическая партия социальной справедливости.*

Приведенные примеры демонстрируют выполнение политонимами мотивирующей функции, чего нельзя сказать о функции ориентирующей.

Ориентирующая функция политонимов состоит в том, чтобы структурировать политическое пространство в соответствии с основными политическими и общественными запросами, существующими на данный момент в стране, и помочь члену общества (гражданину) выбрать партию, отвечающую его запросам. Ситуация, при которой на политическом поле присутствует множество партий, названия которых имеют общую мотивацию, выполнению этой задачи

не способствует (в чем, например, идеологические отличия партий с названиями *Гражданская Позиция*, *Гражданская платформа*, *Гражданская инициатива*, *Гражданская сила*, *Партия свободных граждан*; чем различается понимание единства партиями *Единая Россия*, *Российская политическая Партия Мира и Единства*, *Российский общенародный союз* и т.д.) и в итоге может вызывать политическую апатию. С лингвистической точки зрения, такие наименования можно определить как *политические синонимы*, а процесс создания подобных номинаций рассматривать как вытеснение (или подмену) эксплицитной функции ориентирования имплицитной функцией *дезорientации*, раздробления устойчивого электората, использования авторитета существующей однонаправленной партии в собственных политических интересах и т.д. (см., например, названия партий с коммунистической идеологией).

Отдельно следует сказать, что названия далеко не всех зарегистрированных партий выполняют названные функции (ср.: *Партия Поддержки*, *Родная Партия* и др.).

Нужно обратить внимание и на чисто языковую сторону некоторых политонимов, которые не соответствуют общим критериям создаваемых наименований, в ряду которых благозвучность, краткость, общезначимая положительная ассоциативность и т.д. Так, политоним «*За женщин России*» звучит как тост, наименование *Политическая партия «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров»* едва ли сможет четко повторить каждый член этой партии, название *Партия Национальной безопасности* вызывает ассоциации с совсем другими государственными структурами, *Партия Народной Свободы*, более известная по аббревиатуре ПАРНАС, у одной части избирателей ассоциируется с литературным Олимпом, а для другой звучит как ничего не значащее сочетание. Создание *Партии «Против всех»*, как кажется, противоречит ее идее, поскольку хотя бы в самой партии должны объединяться единомышленники. Два названия содержат оксюморон, что, как представляется, не является достоинством политонима: *Партия свободных граждан* (вступление в любую партию означает определенное ограничение свободы, накладываемое уставом партии), политоним *Всероссийская политическая партия «Беспартийная Россия»* комментариев не требует.

Таким образом, изучение и описание политонимов представляется актуальной задачей ономастики, решение которой позволит расширить научные представления как о важном разряде ономастических единиц, так и о свойствах и функциях этих единиц в структуре политического дискурса.

Литература

Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с.

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с. + 16 с. цв. ил.

Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении : моногр. : в 2 ч. / Н.А. Максимчук. – Смоленск : Изд-во Смоленск. гос. ун-та, 2002. – Ч. I. – 162 с.

Осипова, А.А. Красное знамя – на Кремль! (к особенностям агитационных текстов Коммунистической партии Российской Федерации) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2016а. – № 3 (53). – С. 85-94.

Осипова, А.А. Наша партия – партия будущего! (агитационные материалы политических партий России: традиционные ценности и новые языковые тенденции) / А.А. Осипова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко (28–30 сентября 2016 г., Екатеринбург). – М. ; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016б. – С. 542-558.

Перечень политических партий по состоянию на 1 января 2017 года // Российская газета – Федеральный выпуск № 7249 (83).

Позднякова, Н.В. Вербальные и визуальные метаморфозы современного российского плаката / Н.В. Позднякова // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса : колл. моногр. – Грайфсвальд : ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2016. – С. 80-90.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Ми-

хина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике: электронная версия. – СПб. : Российская национальная библиотека, 2011. – Режим доступа: <http://www.nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm> (дата обращения: 27.05.2017).

Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html> (дата обращения: 27.05.2017).

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 433 с.

Ossipova, A.A. Repräsentation der konzepte *Russland* und *Deutschland* in den publicistischen texten / A.A. Ossipova, O.V. Michina, N.V. Pozdnjakova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 34-41.

Шулежкова, С.Г. Два пути от невинной любви к Отечеству – патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) / С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова // Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса / ред. Х. Вальтер (отв.), В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Greifswald : ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2016. – С. 50-63.

Shulezhkova, S.G. Die Konzepte Revolution und Krieg in den russischen Massenmedien in Berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 50-61.

*N. A. Maksimchuk
Smolensk, Russia*

POLITONYMS AS UNITS OF POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article poses the problem of revealing and describing the onomastic filling of political discourse. Central position in the modern communicative space of publicistic discourse, an important part of which is political discourse, allows us to assume the possibility of forming political onomastics as a separate area of onomastic research. Based on a broad interpretation of the concept of political discourse, the legitimacy of using the term politonyms

for denominating the names of socio-political organizations, political parties, unions and other public associations that appear in the sphere of social and political communication is justified. The role and place of politonyms in the organization and identification of political discourse are discussed. The data structure of onomastic units, their lexical content and onomastic functions are considered. The most important functions of politonyms are called motivating and orienting functions, their interaction and mutual relations are characterized, and the contradictions that arise in the realization of these functions by many politonyms are demonstrated. A linguistic and informative analysis of politonyms, names of modern Russian political parties, is conducted. The groups of politonyms that can be designated as political synonyms are analyzed. Attention is drawn to the need to develop linguistic criteria for the formation of politonyms that can adequately perform the functions attributed to them, and the criteria for assessing the conformity of the politon to its onomastic and political status.

Key words: political discourse, proper name, political onomastics, politonyms, politonym structure, characteristics of politonyms, motivating function, orienting function, synonymy of politonyms

*И.К. Мухина
Екатеринбург, Россия*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СИНОНИМОВ И АНТОНИМОВ В ДЕНОТАТИВНОЙ СФЕРЕ «НАЦИЙ»*

Аннотация. В статье рассмотрена структура и количественный состав денотативно-идеографической сферы «Нации» в идеографическом словаре синонимов русского языка. Денотативно-идеографическая группа «Нации» состоит из двух подгрупп: «Общие понятия» и «Названия наций, народов». Определены типологические разновидности близкородственных синонимических рядов, а также степень их типичности для данной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»). The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0006. Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006.

денотативно-идеографической сферы. Близкородственные синонимические ряды включают в себя представителей различных народов мужского и женского пола; относительные прилагательные, образованные от названий народов, номинации системы взглядов, характерной для приверженцев или противников определенной национальной культуры, а также номинации людей, которым эта система взглядов свойственна; языки, на которых говорят представители определенной нации; страну, государство, основное население которых составляет определенный народ или нация; номинации жителей этой страны; основную религию государства. Обобщены антонимические оппозиции, семантически соотносящиеся с основными и близкородственными синонимическими рядами. Выявлены их типология, семантические особенности. Определено, что в денотативно-идеографической сфере «Нации» в антонимические отношения вступают отдельные лексемы с семантикой противоположности, антонимические пары, синонимические ряды и целые лексические множества.

Ключевые слова: антонимы, синонимы, идеографический словарь, идеографическая классификация, денотативно-идеографическая сфера, денотативно-идеографическая группа, отношения противоположности

Изучение процесса категоризации представлений об этнической и расовой принадлежности человека является чрезвычайно важным для решения межэтнических конфликтов и не раз становилось объектом внимания ученых. Выявлено, что субъективно переживаемая человеком этническая принадлежность может отличаться от восприятия его другими представителями общества. На последовательных этапах развития этнической идентичности формируется не только этническое самосознание, но и этническая осведомленность, включающая в себя знания о своей и чужой национальных группах. Этнический ярлык, получаемый ребенком на начальных стадиях формирования его представлений о себе от ближайшего социального окружения, первоначально никак не соотносится с его этнической осведомленностью. Так, В. Малахов по этому поводу пишет: «Внешняя типизация относит индивидов к представителям тех или иных этнических групп (этносов). Она прямо не связана с субъективным отношением самих индивидов к таким типизациям. Внутренняя типизация есть интернализация внешней типизации. Она прямо связана с субъективным отношением индивидов к тому

типу, к которому их причисляет окружение. Субъективно переживаемая этничность (этническая идентичность) далеко не всегда совпадает с социально приписываемой (включая социально навязываемую) этничностью» [Малахов 2001: 108–109].

Для выявления специфики процесса категоризации представлений об этнической и расовой принадлежности человека рассмотрим синонимические и антонимические отношения в денотативной сфере «Нации». В идеографическом словаре синонимов [Большой толковый...] денотативно-идеографическая группа «Нации» состоит из двух подгрупп: «Общие понятия» и «Названия наций, народов». В подгруппу «Общие понятия» входят 36 синонимических рядов: 4 основных синонимических ряда, семантически и словообразовательно соотносимых с 32 близкородственными синонимическими рядами (далее – СР) и 6 синонимическими рядами, антонимически связанными с основным и близкородственными рядами.

В денотативно-идеографическую подгруппу «Названия наций, народов» входят 36 основных синонимических рядов, 98 близкородственных синонимических рядов (далее – БСР), а также 5 СР, антонимически связанных с основными и близкородственными СР.

Состав БРС, семантически и словообразовательно соотносящихся с основными СР, в данной денотативно-идеографической группе однотипный и включает в себя следующие СР.

1. БСР, обозначающие представителей различных народов: см. БСР к СР с доминантой АНГЛИЧАНЕ: *Англосаксы, англосаксонцы* «Общее название германских племен – англов, саксов, ютов и фризов, положивших начало английскому народу»; *Англосаксы, англосаксонцы* «Общее название англичан или американцев».

К этой группе БСР относятся также наименования различных социальных групп, состоящих из представителей определенных наций, например, БСР к СР с доминантой НЕМЦЫ является СР с доминантой ФАШИСТЫ: *разг. Фашисты, разг. гансы, разг.-сниж., пренебр. немчура, разг.-сниж. фрицы* «Солдаты или офицеры гитлеровской Германии, воевавшие с СССР в 1941 – 1945 гг.».

2. БСР, обозначающие представительниц различных народов и наций. См., например, БСР к СР с доминантой АНГЛИЧАНЕ: *Англичанка, британка* «Представительница народа, составляющего основное население Великобритании, жительница этой страны»;

а также БСР к СР с доминантой АФГАНЕЦ: *Афганка, пуштунка* «Представительница народа иранской этноязыковой группы, живущего на Среднем Востоке и составляющего основное население Афганистана; жительница этой страны».

3. Относительные прилагательные, образованные от названий народов. См. БСР к СР с доминантой АНГЛИЧАНЕ: *Английский, англосаксонский, британский* «Относящийся к Англии, англичанам, связанный с ними; свойственный англичанам, характерный для них и для Англии; принадлежащий Англии, англичанам; созданный, выведенный и т.п. в Англии или англичанами».

Подобные относительные прилагательные, как отмечает А.В. Зеленин, при употреблении в определенном контексте с именами существительными выражают ассоциативно-прагматические впечатления, возникающие у типичного «среднего» представителя какой-либо лингвокультуры. «Попадая в другую культуру, в другой язык, прилагательные, характеризующие какой-либо народ, помогают другому народу объективировать знания, представления об иной культуре, ином этносе» и являются поэтому одним из лингвокультурологических источников [Зеленин 2007: 80].

При лексикографическом представлении дефиниций относительных прилагательных был избран путь объединения различных оттенков значения в одной дефиниции, при этом, как правила, использовались следующие базовые идентификаторы: *относящийся к..., связанный с..., свойственный..., характерный для..., принадлежащий...* Например: *Венгерский, мадьярский* «Относящийся к Венгрии, венграм (мадьярам), связанный с ними; свойственный венграм (мадьярам), характерный для них и для Венгрии; принадлежащий Венгрии, венграм (мадьярам)».

4. Обозначения системы взглядов, характерной для приверженцев или противников определенной национальной культуры, а также номинации людей, которым эта система взглядов свойственна. Например, БСР к СР с доминантой АНГЛИЧАНЕ: *Англомания, англофильство, разг. англоманство* «Воззрения и поступки того, кто испытывает расположение к английской нации, английскому образу жизни, обычаям, является поклонником английской культуры и искусства»; *Англоман, англофил* «Тот, кто испытывает расположение к английской нации, английскому образу жизни, обычаям, является

поклонником английской культуры и искусства»; *Англоманский, англофильский* «Связанный с тем, кто испытывает расположение к английской нации, английскому образу жизни, обычаям, является поклонником английской культуры и искусства; свойственный такому человеку, характерный для него»; *разг. Англоманствовать, разг. англофильствовать* «Быть англоманом, отличаться англоманством».

См. также БСР к СР с доминантой РУССКИЕ: *Русофобия, русофобство* «Неприятное отношение ко всему русскому, к самим русским как к чуждому и опасному для представителей иной нации народу; образ мыслей и действий русофоба»; *Русофоб, разг.-сниж. нерусь* «Приверженец русофобии».

5. Наименования языков, на которых говорят представители данной нации, а также логически связанных с этими языками понятий (совокупности людей, говорящих на данных языках, характеристик стран, в которых употребляется данный язык и т.п.). См., например, БСР к СР с доминантой АНГЛИЧАНЕ: *Английский, разг. инглиш* «Название языка англичан (официального языка Англии) и жителей США (официального языка тридцати одного штата), одного из двух официальных языков Ирландии, Канады и Мальты, официального языка Австралии и Новой Зеландии, относящегося к германской группе индоевропейской семьи языков и используемого как официальный язык в международных организациях и некоторых государствах Азии и Африки»; БСР к СР с доминантой АНГЛИЧАНЕ: *Англоязычный, разг. англоговорящий* «Такой, где принято говорить по-английски (о стране)»; а также БСР к СР с доминантой РУССКИЕ: *Русскоговорящий, разг. русскоязычный* «Владеющий русским языком как родным, основным; говорящий и пишущий на русском языке, по-русски (о человеке)»; *Русскоязычный, разг. русскоговорящий* «Тот, кто владеет русским языком как родным, основным; говорящий и пишущий на русском языке, по-русски»; *Русскоязычный, разг. русскоговорящий* «Такой, который имеет русский язык в качестве государственного, где принято говорить и писать на русском языке, по-русски (о странах)».

6. Название страны, государства, основное население которых составляет народ или нация, образующая основной СР, а также логически связанные с ними понятия. См. БСР к СР с доминантой РУССКИЕ: *Россия, высок. Русь* «Русская земля»; а также БСР к СР с доминантой КАМБОДЖИЙЦЫ: *Камбоджийский, устар. кампу-*

чийский «Относящийся к Камбодже, Кампучии, связанный с ними; характерный для Камбоджи (Кампучии); принадлежащий Камбодже (Кампучии); созданный, выведенный и т.п. в Камбодже (Кампучии) или камбоджийцами (кампучийцами)».

7. Наименования жителей страны, основное население которой составляет народ или нация, образующая основной СР. Например, БСР к СР с доминантой ЕВРЕИ: *Израильтяне, евреи, еврейство, собир.* «Основное население государства Израиль»; *Израильтянин, еврей* «Мужчина, представитель основного населения государства Израиль»; *Израильтянка, еврейка* «Женщина, представительница основного населения государства Израиль».

8. Основная религия государства, население которого составляют представители описываемой нации; приверженцы этой религии. См. БСР к СР с доминантой ЕВРЕИ: *Иудаизм, иудейство* «Одна из древнейших монотеистических религий с культом Бога Яхве (Иеговы), возникшая в I тысячелетии до н.э. в Палестине, распространенная среди евреев и являющаяся официальной (государственной) религией Израиля»; *Иудаист, иудей* «Последователь иудаизма, строго соблюдающий законы и предписания Торы, согласно преданию, данной еврейскому народу Богом через посредство первозаконника Моисея»; *Иудаистка, иудейка* «Последовательница иудаизма».

Анализ показал, что степень прототипичности [Бондарко 2003: 20] БРС различна. Так, обязательными БСР, с большей степенью вероятности выступающими как деривационно-семантические производные лексем основного СР, являются логические связанные с основным СР названия представителей различных народов, наименования представительниц женского рода, а также относительные прилагательные, образованные от названий народов. Не имеют БСР только 2 СР с доминантами АВАРЫ и БЕЛОРУСЫ.

Согласно концепции Л. Г. Бабенко [Бабенко 2016], в антонимические отношения вступают следующие лексические множества:

1) синонимические ряды и однословные антонимы: Англофоб (к *Англофил, Англоман*); Англофобский (к *Англофильский, Англоманский*); Англофобство (к *Англофильство, Англомания, Англоманство*); Англофобствовать (к *Англофильствовать, Англоманствовать*) и др.

2) синонимические ряды, являющиеся антонимами: Юдофилия, юдофильство (к *Антисемитизм, Юдофобия, Юдофобство*); Светло-

кожий, белый, *прил.* (к *Чернокожий, Темнокожий, Черный*) и др.

3) синонимико-антонимичные комплексы, представляющие собой семантически соотносимые парадигматические ряды. Например, СР *АБОРИГЕН*, *туземец, спец. автохтон, устар. насельник* соотносится с антонимичным ему СР *ИНОСТРАНЕЦ, устар. басурманин, книжн., устар. чужеземец, книжн., устар. чужестранец, устар., неодобр. басурман, устар. иноземец, устар., разг. иноплеменник, устар. немец, разг. иноплеменный, разг.-сниж. закордонник*, а также с 8 БСР, 6 из которых семантически соотносятся с антонимическими рядами: к примеру, СР *разг. АБОРИГЕНКА, туземка, устар. насельница* соотносится с 2 антонимичными СР – *ПРИЕЗЖАЯ, разг. пришлая, разг. чужачка* и *ИНОСТРАНКА, устар. басурманка, устар. инноплеменница, устар. чужестранка, разг. иноземка, разг. иноплеменная*; см. также следующие СР *разг. АБОРИГЕННЫЙ, автохтонный – ИНОСТРАННЫЙ, иноземный, чужой, устар. басурманский, устар. иноплеменный, устар. чужеземный, устар. чужестранный, разг. закордонный, разг. заморский, разг. заокеанский, разг. иноземский; разг. МЕСТНЫЙ, разг. здешний – ПРИЕЗЖИЙ, пришелец, разг. пришлый, устар. разг.-сниж. чужанин; КОРЕННОЙ, исконный, кондовый – ПРИЕЗЖИЙ, посторонний, нездешний, чужой, разг. заезжий, разг. неместный, разг. пришлый, разг.-сниж. наезжий; МЕСТНЫЙ, разг. здешний – ЗАГРАНИЧНЫЙ, зарубежный, разг. заморский, разг. заокеанский, разг. иностранный; РОДИНА, отечество, отчизна – разг. ЗАГРАНИЦА, чужбина, устар. неметчина, устар. чужеземщина, разг., шутол. забугорье, разг. загранка, разг. зарубежье, разг. иноземщина*.

Языковая категоризация мира осуществляется как в процессах отождествления, являющихся сутью лексической категории синонимии, так и в процессах противопоставления, соотносящихся с лексической категорией антонимии. Исследование синонимов и антонимов в идеографическом аспекте позволяет определить, какие секторы когнитивной сетки заполнены в русском национальном сознании, что имеет большое значение для выявления национально-культурной специфики когнитивных процессов.

Литература

Бабенко, Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параме-

тризации / Л.Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVI. – С. 37–41.

Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко (в печати).

Бондарко, А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность / вариативность. – СПб. : Наука, 2003. – С. 5-36.

Зеленин, А.В. Русский мир в зеркале английского языка / А.В. Зеленин // Русский язык в школе. – 2007. – № 6. – С. 80–84.

Малахов, В. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи / В. Малахов. – М. : Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. – 176 с.

Irina K. Mukhina
Ekaterinburg, Russia

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF DISTRIBUTION OF SYNONYMS AND ANTONYMS IN THE DENOTATIVNY SPHERE «NATION»

Abstract. In article the structure and quantitative structure of denotativo-ideo-graphic sphere «Nation» in the ideographic dictionary of synonyms of Russian. The denotativo-ideo-graphic sphere «Nation» consists of two sub-groups: «The general concepts» and «Names of the nations, people». Closely related synonymic ranks include representatives of various people men's and female; the relative adjectives formed from names of the people, the nomination of a frame of reference characteristic of adherents or opponents of a certain national culture, and also nomination of people to whom this frame of reference is peculiar; languages which representatives of a certain nation speak; the country, the state which main population is made by certain people or the nation; nominations of residents of this country; main religion of the state.

Typological kinds of closely related synonymic ranks, and also degree of their typicalness for this denotativo-ideo-graphic sphere are defined. The antonimichesky oppositions which are semantic corresponding to the main and closely related synonymic ranks are generalized. Their typology, semantic features are revealed. It is defined that in the denotativo-ideo-graphic sphere «Nation» the antonimichesky relations are entered by separate lexemes with semantics of contrast, antonimichesky couples, synonymic ranks and the whole lexical sets.

Key words: antonyms, synonyms, ideographic dictionary, ideographic classification, denotativno-ideographic sphere, denotativno-ideographic group, contrast relations

*Н.А. Сегал
Симферополь, Россия*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-БИБЛЕИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ КРЫМСКОГО РЕФЕРЕНДУМА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей языковой реализации Крымского референдума в русскоязычных СМИ 2014–2017 гг. Значимость систематизации когнитивных механизмов при структурировании политического дискурса определила необходимость описания устойчивых конструкций библейского происхождения как одного из способов формирования образа Крыма в русскоязычных медиатекстах. Источником анализируемого материала послужили русскоязычные тексты, отражающие разные политические взгляды и идеологические установки, дающие возможность представить объективную картину мира политических событий весны 2014 г. В предлагаемой статье охарактеризованы ключевые фразеологические единицы библейского происхождения, эксплицирующие референдум в Крыму. Определяется их семантико-прагматический и трансформационный потенциал при отражении крымских реалий в газетных текстах. На материале масс-медийных текстов политической направленности выявлена специфика создания образа крымского референдума в текстах русскоязычных политических СМИ.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, политическая коммуникация, медиакommunikация, фразеологизм-библейзм, метафора, коннотация

Современный политический мир характеризуется многополярностью и многовекторностью, динамикой ценностных ориентиров, жестокой борьбой за власть. На страницах газетных текстов и в интернет-пространстве ежеминутно появляется информация о новых политических решениях, военных конфликтах, общественном недовольстве. Калейдоскоп политических новостей приводит к тому, что надолго в сознании целевой аудитории остается лишь наи-

более значимая информация, затрагивающая интересы большей части современного сообщества. Одним из таких значимых информационных поводов, бесспорно, является переход Республики Крым в состав Российской Федерации, произошедший в марте 2014 года. Оцениваясь неоднозначно в российской и зарубежной прессе, провластных и оппозиционных СМИ, данное событие до сих пор остается одним из самых обсуждаемых на международной политической арене и, как следствие, активно транслируется в медиадискурс.

Цель данной статьи заключается в выявлении роли фразеологизмов-библейзмов при объективации Крымского референдума на материале политических СМИ печатного и электронного характера, политических документов и фрагментов выступлений политиков за 2014–2017 гг.

Политические события марта 2014 года не только повлекли социально-политические и социально-экономические изменения для самого полуострова, но и спровоцировали нестабильную и, как отмечают многие политологи, агрессивную политическую ситуацию международного масштаба. При этом именно СМИ представляются той силой, которая транслирует и интерпретирует меняющуюся ситуацию, придавая ей те коннотативные оттенки, которые являются желательными для автора медиатекста и воздействуют на целевую аудиторию наиболее успешно; силой, с помощью которой происходит реализация того или иного политического процесса.

Обращение к устойчивым конструкциям на страницах медиатекстов в современной журналистике является правомерным и оправданным. Данный факт обусловлен тем, что подобные конструкции в значительной степени «насыщены» культурной информацией и национально детерминируют культурное пространство [Маслова 2001: 30]. По мнению последователей теории В. фон Гумбольдта, подобные феномены способны выполнять «функцию “языка” культуры», имеют сверхличностный характер и являются ценными в познавательном и эмоциональном отношениях [Гумбольдт 1999: 319; Караулов 1987: 216].

Лингвокогнитивная установка устойчивых конструкций определяет тот факт, что большим сегментом при экспликации перехода Крыма в состав РФ являются конструкции библейского (шире – религиозного) типа, апеллирующие к системе знаний о мире, реализованной в русской этнокультуре. В данной статье описываются

наиболее частотные фразеологизмы-библеизмы, эксплицирующие особенности реализации в массмедийных текстах перехода Крыма в состав Российской Федерации. Подобные конструкции в патетической, иронической или иной форме апеллируют к фоновым знаниям целевой аудитории, по большей своей части прямо или косвенно знакомой с библейской тематикой. Подчеркнем, что корпус фразеологизмов-библеизмов является ограниченным и включает лишь наиболее знакомые широкой аудитории устойчивые конструкции.

Так, при метафорической репрезентации перехода Крыма в состав РФ актуальным является образ *блудного сына*, который, согласно библейской притче, ушел из дома отца и после долгих скитаний вернулся обратно, найдя в родном доме любовь, тепло и радостную встречу. В словаре «Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения» *блудный сын* определяется как «сын, вышедший из повиновения отцу; употребляется в значении: человек беспутный, нравственно нестойкий, но чаще в значении: раскаявшийся в своих заблуждениях» [Ашукин 1987]. В фразеологических источниках данное устойчивое сочетание имеет несколько значений: «1. Ушедший – по евангельской притче – из родительского дома, а после скитаний и беспутной жизни с раскаянием вернувшийся. 2. перен. Покинувший какое-л. содружество людей, привычные занятия и т.п. в поисках новой среды и новых занятий, а позднее – обычно после неудач – вернувшийся к прежнему» [Молотков 1978: 205].

При частичном сохранении денотативного значения в свете современных политических реалий данная конструкция обрастает новыми коннотациями: *Все это действительно напоминает воссоединение семьи, возвращение блудного сына к домашнему очагу* (gosindex.ru/opinion, 19.02.2015). В политических текстах подчеркивается значимость возвращения блудного сына, которая выше материальных или геополитических благ: *Да, Россия от присоединения Крыма пострадала, но блудный сын вернулся – и это главное* (newsonline24, 19.01.2016).

Контексты, в которых представлен данный библеизм, можно разделить на две группы. В первой группе *блудным сыном* представляются политики, принимавшие участие в Крымском референдуме: *Мустафа Джемилев – блудный непутевый сын Крыма* (newstes.ru, 21.11.2015). Такие политики, по мнению авторов ме-

диатекста, заняли в марте 2014 года неправильную позицию, что подтверждается расширением конструкции посредством адъектива «непутевый». В контекстах второй группы под *блудным сыном* понимается сам Крым, при этом обращает на себя внимание различие в политических позициях авторов медиатекстов: провластные СМИ рассматривают переход Крыма в состав РФ как «возвращение домой» и апеллируют к прошедшему или настоящему времени: *Крым, как блудный сын, вернулся к российскому порогу* (Крымская правда, 24.03.2014). Оппозиционные СМИ ориентируются на возвращение Крыма в состав Украины и апеллируют к будущему времени: *Крым вернется в Украину, как блудный сын* (www.hronika.info, 16.12.2015).

В политических текстах происходит трансформация высказывания с замещением позиции субъекта (*В родные объятия вернулся блудный полуостров* (<http://www.retailer.ru/print/id/112927/>, 17.03.2015), а также расширение конструкции за счет формирования поликомпонентного метафорического образа: *Крым вернулся, наконец-то, домой в Россию, но не как блудный сын или нищий с протянутой рукой, а как вечный очарованный странник, прошедший длинный путь тысячелетней истории, трепетно хранящий в памяти пройденные дороги, исторические события и незабываемые встречи* (evpatori.ru, 14.02.2015). Такой сложный путь возвращения характеризуется новым опытом, с которым *блудный сын* возвращается в отчий дом. Словосочетание «очарованный странник» в данной конструкции формирует образ человека, призванного пройти через жизненные трудности, принимая судьбу такой, какая она есть, находясь под ее очарованием, выполняющий все, что ему предназначено.

Другой частотной конструкцией библейского происхождения, реализующейся в политическом тексте, является библеизм *камень преткновения*. В первоначальном значении устойчивое сочетание *камень преткновения* встречается в Ветхом Завете, в Книге пророка Исаии. Согласно Библии, камень, положенный Богом на Сионе, о который «претыкаются» неверующие или те, которые не покоряются строгим законам. Современные лексикографические источники интерпретируют данную конструкцию как препятствие на пути к достижению какой-то цели или решению какой-либо задачи [Молотков 1978: 192].

В религиозном значении языковая единица **камень преткновения** в медиатекстах не находит своего отражения. При этом ядерными становятся семантические компоненты ‘препятствие’ и ‘непреодолимость’, которые формируют данный образ в политических контекстах. Реализуясь в политических контекстах, конструкция **камень преткновения** претерпевает различные трансформации и характеризует как ситуации, связанные с внутренней политикой Крыма и РФ, так и внешнюю политику государства. Как показал анализ масс-медийных текстов, при характеристике внутренней политики **камень преткновения** может быть как сам Крым, так и внутривнутриполитические проблемы и ситуации: *Крым – это камень преткновения для нашей оппозиции* (КП, 21.02.2016); *Главным камнем преткновения в Крыму стала недвижимость* (rg.ru, 11.11.2014); *Политик был назначен ответственным за реализацию так называемой федеральной целевой программы (ФЦП) по «развитию Крыма», которая стала камнем преткновения в отношениях между Москвой и Симферополем* (apostrophe.com, 04.04.2016); *Паспорт России стал камнем преткновения для крымчан* (an-crimea.ru, 04.06.2014).

При описании внешнеполитических отношений в газетных текстах Крым фиксируется как **камень преткновения**, мешающий конструктивному взаимодействию государств: *Крым – будущий камень преткновения между Россией и Турцией* (cont.ws, 05.12.2015); *Проблема Крыма надолго останется камнем преткновения в российско-украинских отношениях* (www.rosbalt.ru, 26.05.2014); *Крым стал камнем преткновения на Рижском саммите* (www.informator.news, 21.05.2015).

Таким образом, анализ политических текстов с ключевым компонентом-библеизмом **камень преткновения** дал возможность выявить способы его функционирования и модификации. Данная прецедентная конструкция реализует свое значение по отношению к политическим событиям, личностям, действиям, к государствам и отдельным территориям, а также к недостаткам социально-политического строя государств. Происходит десакрализация значения устойчивого сочетания. Стилистическая окраска, экспрессивность, метафоричность и полисемантичность библеизма **камень преткновения**, обусловленные трансформацией структуры прецедентной конструкции, являются мощным средством влияния на политическую картину мира

и дают возможность формировать в сознании носителя языка необходимое отношение к политической жизни государства и общества.

В политических текстах ярким выразителем семантики «запрета» является устойчивая конструкция **запретный плод**. Данное сочетание берет свое начало в библейском мифе о древе познания добра и зла, плоды которого Бог запретил есть Адаму и Еве [Ашукин 1987: 325]. Во фразеологических источниках под **запретным плодом** понимается что-либо заманчивое, желанное, но недозволенное и запрещенное [Молотков 1978: 325]. Как правило, при реализации в медиатекстах конструкция **запретный плод** трансформируется и второй компонент замещается ключевой единицей **Крым**: *В «запретный» Крым едут иностранцы* (politobzor.net, 19.06.2015); *«Запретный» Крым сладок* (livejournal.com, 26.01.2016). Таким образом, современные СМИ нередко обращают внимание на недозволенность посещения иностранцами региона, который является предметом интереса различных государств и их представителей.

В политических текстах находит свое отражение фразеологизм-библейзм **манна небесная**. Согласно библейскому мифу, **манна небесная** – это пища, которую Бог посылал иудейскому народу каждое утро с неба, когда «сыны Израиля» шли пустыней в страну обетованную [Молотков 1987: 237]. Анализ показал, что в контекстах данный библейзм имеет значение «получение благ без приложения усилий»: *Крымчане думают, что сразу после присоединения к России на них прольется манна небесная* (business-gazeta.ru, 12.07.2014). Контекст подтверждает идею о том, что в политической сфере те или иные политические объекты, связи, отношения могут стать не просто предметом желаний, а необходимостью, для достижения которой необходимо приложить усилия.

Таким образом, современные политические реалии и их отражение в российском медийном пространстве определяют референдум в Крыму как широкое поле для ассоциирования. Изученный материал показал, что для создания образа Крыма характерно функционирование языковых единиц на уровне вторичной номинации. Фразеологизмы библейского происхождения апеллируют к базовым ценностям носителей языка и служат основой для полной и глубокой интерпретации языковых единиц, вербализующих образ Крыма в политических текстах. Вторичные значения фразеологических

единиц коррелируют в контекстах, при этом наблюдается процесс индуцирования сем и расширение валентностных возможностей устойчивых конструкций, формирующих образ Крыма в языке СМИ 2014–2017 гг. Трансформационный потенциал конструкций служит индикатором изменений, происходящих в современном мире политики, и активно используется в масс-медийных текстах.

Комплексное описание метафорического образа Крыма позволит установить особенности его интерпретации как в языковой картине мира крымчанина, так и в современной политической картине мира, выявить корпус языковых средств, формирующих данный образ в газетных текстах.

Литература

Ашукин, Н.С. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М. : Худож. лит., 1987. – 528 с.

Гумбольдт, В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Академия, 1999. – С. 308–322.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность : моногр. / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева // Вестник МГУ. – Сер. 9. – 2001. – № 6.

Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 206 с.

Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1978. – 543 с.

Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / А.П. Чудинов ; Уральск. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2013. – 176 с.

*Natalija. A. Segal
Simferopol, Russia*

PHRASEOLOGISMS-BIBLEISMS AS A METHOD OF OBJECTING OF THE CRIMEAN REFERENDUM IN THE MEDIATEXTS IN RUSSIAN

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the language realization of the Crimean referendum in the Russian-language media in

2014-2017. The importance of the systematization of cognitive mechanisms in the structuring of political discourse has determined the importance to describe stable constructions of Biblical origin as one of the ways of forming the image of Crimea in Russian-language media texts. The source of the analyzed material was Russian-language texts, reflecting different political views and ideological attitudes, providing an opportunity to present an objective picture of the world of political events in the spring of 2014. The proposed article outlines the key phraseological units of biblical origin, explicating the referendum in the Crimea. Their semantical, pragmatical and transformational potential is determined in the reflection of the Crimean realities in newspaper texts. On the basis of mass media texts of a political orientation, the specificity of creating an image of the Crimean referendum in the texts of Russian-language political media has been revealed.

Key words: political text, political discourse, political communication, media communication, phraseologisms-bibleisms, metaphor, connotation

*К.П. Сидоренко
Санкт-Петербург, Россия*

БАСНИ КРЫЛОВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Значительная часть басен Крылова создавалась как отклик на общественные и политические события. Со временем их исходная дискурсивная соотнесенность ослабевает или исчезает, басни приобретают функциональную универсальность и свободно используются в открытом ряду новых контекстов. Большинство басен при этом не вошло в круг активных (хрестоматийных) текстов, слабо узнаются или вообще неизвестны носителям словесной культуры. Однако фактически в цитирование так или иначе вошло практически все басенное наследие Крылова, при этом обращает внимание идиоматическая контрастность, структурно-семантическая вариантность, противоречия между содержательным стереотипом и фактическим применением. В цитирование вовлекаются также нарративные сопроводители событийной основы в результате синтагматической инерции, обычно не отражаемые словарями крылатых выражений. Забытые и полужабытые басни весьма оперативно реагируют на общественно-политические явления, а присущая им полидискурсивность в полной мере проявляется в интертекстовой динамике и дает многочисленные выражения, свободно принимаемые, прежде всего, в средствах массовой информации.

Ключевые слова. Дискурс, полидискурсивность, крылатое выражение, цитата, интертекст, синтагматическая инерция

Обработка текстовых источников (художественных, публицистических, учебных, научных и научно-популярных, эпистолярных, начиная с первого десятилетия XIX в. до наших дней), а также ресурсов Интернета показало, что все басни Крылова, объединенные в 9 книг, а также ряд басен, не входящих в «канон», вошли в цитирование [Мокиенко 2013]. Слово Крылова, сохраняя свою исходную критическую энергию, и сейчас реагирует на разные участки общественной жизни: политическую борьбу, отношения власти и народа, право, экономику, служебные, имущественные и международные отношения, жилищно-коммунальное хозяйство и др.

Использование многих басен нередко обусловлено политическим дискурсом, т.е. «политической жизнью, определяющей восприятие текста» [Чудинов 2007: 41]. «Почти каждая оригинальная басня его [Крылова] была вызвана каким-нибудь современным общественным явлением <...> Между тем многие басни, оторванные от исторической почвы, лишаясь своего настоящего значения, приобретают совершенно другой смысл» [Кеневич 1878: 4]. Именно содержательный универсализм способствовал полидискурсивности басен [Сидоренко 2012: 84], стимулировав их применение в оценке явлений, не связанных не только с исходной политической подоплекой, но часто даже с «моралью», сопровождающей событийную основу басни. Общественно-политические перипетии вызывают «к активной жизни «дремавшие» выражения» [Селиверстова 2015: 109], а относительно небольшой круг хрестоматийных басен расширяется в разы.

Прежде всего, выделяются басни, которые условно можно назвать «общеизвестными», цитируемыми, узнаваемыми. Количество их, по нашим наблюдениям, относительно невелико, это 10-15 произведений. По наблюдениям С.Г. Шулежковой, к басням Крылова в активном «крылатом» фонде восходит около 50 выражений [Шулежкова 2002: 90].

При этом особенностью «популярных» басен как источника интертекстовых единиц является идиоматическая контрастность, структурная вариантность, возникающие как результат противоречия между устоявшимся значением и функциональными вариантами исходного цитатного фрагмента.

В цитирование могут втягиваются выражения, которые являются нарративными проводителями, выступающими в политическом дискурсе благодаря «силе» текста и синтагматической рефлексии.

Басня «Щука и Кот» возникла в политическом дискурсе Отечественной войны 1812 г.) и дала пословичное выражение *беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник* («каждый должен заниматься своим делом»), в дальнейшем получающее полидискурсивный характер. При этом оно обычно не воспринимается как реакция Крылова на военную неудачу адмирала Чичагова, однако такая связь может сохраняться на основе пересечения истории и современности, когда возникает дискурсивная двуплановость («дискурс в дискурсе»): *Что можно сказать? «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».* Эта цитата – из басни «Щука и Кот», которую в далеком 1813 году написал дедушка Крылов. В басне говорится о Щуке, которая вдруг захотела, подобно Коту, ловить мышей. Охота кончилась тем, что сама осталась еле жива, «и крысы хвост у ней отъели». Отъедят ли хвост новоявленной аэрофлотовской щуке, пока неизвестно (В. Галенко. Куда летит «Аэрофлот») (Арг. и факты, 27.02.2017).

В приведенном отрывке басенный текст выходит за рамки собственно паремии, появляются проводители (*хвост, щука, и крысы хвост у ней отъели*). Подобные интертекстовые курьезы не редки, это проявляется в использовании редкой цитаты как доминирующей в новом контексте.

Ср. пример, связанный с этой же басней:

Зубастой щуке в мысль пришло за кошачье приняться ремесло. Просто не могу видеть, как Гарри Каспаров занимается политикой <...> Какое падение шахматного гения. Возомнив себя сверхчеловеком, он пытается жать там, где не сеял, и попадает в просак раз за разом. Как тут не вспомнить Крылова: кто за ремесло чужое братья любит, тот всегда других упрямей и вздорней (<http://alexbogd.livejournal.com> <2004>).

Басня «Любопытный» вошла в число источников крылатых единиц благодаря выражению *слона-то я и не приметил*, однако цитируемых фрагментов значительно больше. Встречаем, например, пословичное речение *куда на выдумки природа таровата*, редкое, но не уникальное выражение:

Явлинские, Немцовы, Хакамады, / Бурбулисы, Чубайсы и Шабалы. / По виду – разные, а вместе – демократы... / *«Куда на выдумки прихода таровата»* (Поем частушки, читаем стихи. Форум сторонников КПРФ. KPRF.ORG. Политический форум <2009>)(<http://www.kprf.org>);

Весьма на выдумки торговцы тароваты! [В тексте] *Слабый спрос на автомобили вынуждает продавцов становиться подлинными изобретателями. И пока на российском автомобильном рынке царит «мертвый сезон», торговцы придумывают различные новшества для реализации своих машин* (Коммерсантъ, 07.07.1994).

Стремление к структурным модификациям приводит к перефразированию исходной цитатной единицы. Так, популярное пословичное выражение *Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума оборотиться* («Зеркало и Обезьяна») употребляется как совет обратить внимания на свои, а не на чужие недостатки и дает обыгрывание:

Пушков посоветовал властям Латвии «чаще глядеться в зеркало». [В тексте] Глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков прокомментировал вызов посла России Александра Вешнякова в МИД Латвии. *«Непонятен вызов посла России Вешнякова в МИД Латвии после его заявления, что латвийские СМИ демонизируют Россию. Риге надо чаще глядеться в зеркало»*, – говорится в сообщении Пушкова в твиттере (www.gazeta.ru, 12.05.2016).

В круг цитирования вошла целая серия фрагментов из этой же басни, имеющих статус речевых единиц, не отражающихся словами крылатых слов, сопровождающих развитие сюжетной линии. Примером использования сопровождающей цитаты может служить и выражение ***«А ведь признайся, есть из кумушек моих таких кривляк пять-шесть»***, в заметке о том, что быть юмористом небезопасно: *В Киеве избили артистов из украинского Comedy club. В результате драки Владимиру Журавлеву разорвали рот, а его напарнику едва не выбили глаз. Избитые артисты теперь временно без работы. А ведь, признаться, есть из юмористов кандидатов на такое же пять-шесть. я даже их могу по пальцам перечесать...* (Юмористу разорвали рот. Интересное начинание, между прочим... <2009>) (<http://zubkoff.livejournal>).

Еще А.С. Шишков использовал слова из басни «Листы и Корни» в качестве эпиграфа к своему «Славянорусскому корнеслову» [Шиш-

ков 2002: 3], размышляя о языке как духовной основе общества: *Читайте свой Корнеслов с благоговением <...> Заодно и узнаете, что от нашего, славянорусского Корнеслова пошла поросль наречий и ветви языков иных... А если корень иссушится, не станет дерева, ни вас.* И.А. Крылов (А.С. Шишков. Славянорусский корнеслов <1841>).

Полузабытая басня, однако, и сейчас встречается в цитировании, укрепляя мысль баснописца о том, что надо помнить, кому и чему мы обязаны материальным благополучием: *Как это мудро сказано: все, мол, прекрасно, «Но если корень иссушится, – не станет дерева, ни вас». Те, кто наверху шепчется с зефирами, хвалясь красотой, зеленью своей, должны всегда помнить и заботиться о крепости и здоровье тех, кто, роясь во тьме, добывает для них необходимую пищу и воду* (В. Зеленский. Испытание лукавых) (Сибирские огни. 2004. N 3).

Басня «Листы и Корни» цитируется и в заметке о злоупотреблениях современных чиновников: *Мы корни дерева, на коем вы цветете...* [В тексте] *Задним умом блистают чиновники, позволившие мошенникам разорить тысячи кузбассовцев <...> Разбора преступной чиновной халатности не предвидится. Вот люди и пишут губернатору и президенту. Даже посылают стихи: «Мы корни дерева, на коем вы цветете...»* (Д. Сагара) (Московский комсомолец в Кузбассе. 30.07.2003).

Иногда возникает эффект противоречия между интертекстовым стереотипом и речевым неологизмом. Это явление можно проиллюстрировать вариантами употребления крылатого выражения *и щуку бросили в реку* (басня «Щука»): *Щуку, от которой «житья в пруде не стало», судят и казнят – «И Щуку бросили в реку»*), применяющегося при оценке наказания, обернувшегося благом, что соответствует морали басни. Такое употребление встречаем и в современном источнике: *И щуку бросили в реку. [Далее] По данным Росстата в 2009 году работу потеряли 1,6 миллиона человек. Но, по-видимому, это не слишком волнует господина Прокопова <...> Первое, что приходит на ум в связи с этим событием – басня Ивана Андреевича Крылова «Щука». Хищную рыбу, которая бесчинствовала в пруду, решили наказать тем, что бросили в реку! Но там хотя бы хотели наказать, а здесь поощрили и благословили на дальнейшую активную деятельность* (В. Фельдблюм) (<http://www.rg.ru> <2010>).

Однако политическая составляющая вытесняется проблемами рыбного хозяйства, где *щука*, которую *бросили в реку* выступает как стимул для развития темы, посвященной проблемам разведения рыбы: *В водоемы Киевицины «подселили» три вида рыб. В реку бросили даже не одну щуку, а целые пять тонн. А вслед еще и три тонны карасей и две тонны карпа* (<http://www.sivash.com.ua> <2010>); *В Киеве сенсационно бросят щуку в реку. Второго декабря, впервые за 28 лет, в Киеве пройдет «зарыбление» аборигенными видами рыб. Об этом сообщает «Хрещатик» со ссылкой на Госрыбохрану в г. Киеве и Киевской области* (Новости по-киевски. 27.11.2009).

Почти забытая басня «Лань и Дервиш» используется при оценке истинной доброты, бескорыстной помощи: *Я расспросил соседа о странном благодетеле. Им оказался не бизнесмен, даже не большой начальник с хорошей зарплатой. Им оказался... дворник! <...> «Так истинная благодать без всякой mzды добро творит...»* Рассказал эту историю одной знакомой. Отреагировала мгновенно: «Он – ненормальный!» (В. Рискин. Молчание доброты. Челябинский рабочий. 13.03.2010).

Пример пересечения дискурса исторического с современным дает басня «Медведь в сетях». Попавшийся в сеть *Медведь* говорит ловцу: *«Изo всех зверей мне только одному Никто не сделает упрека, Чтoб мертвoгo я трoнул человека»*. Эти слова используются в сравнении «цинизма» войны с «цинизмом» мирного времени: *«Вплоть до изобретения современных синтетических материалов самым популярным [в протезировании] был зуб другого человека... Наилучшим источником «приличных» искусственных зубов считались мертвые (но в остальном здоровые) молодые люди, а самым подходящим местом, где их можно было достать – поле боя. Одним из таких полей стало Ватерлоо, где полегло сразу 50 тысяч человек, и их вырванные зубы оптом пошли на рынок протезов. Еще много лет такие зубные протезы называли не иначе как «зубы Ватерлоо» (С. Фрай). А еще говорят, что это XX век привнес отенок цинизма в войны <...> Как сказал мужик Медведю в басне Крылова, так лучше бы ты мертвых ел и оставлял живых в покое* (<http://tes3m.diary.ru> <2008>).

Рассмотрение текста как художественного феномена предполагает осмысление его «внедрения» в новые контексты-дискурсы. Воз-

никает вопрос о проекции сегментов текста на «участки действительности», его дроблении, степени сохранения исходной соотнесенности. Цитатный потенциал текстов большинства басен полидискурсивен, т.е. применим в широком, открытом ряду контекстов и относительно свободно расширяет интертекстовое пространство (интердискурсивен). При кажущемся забвении большинства басен Крылова их цитирование в общественно-политическом дискурсе весьма активно.

Литература

Кеневич, В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова / В.Ф. Кеневич. – СПб. : Тип. И.И. Глазунова, 1878. – 392 с.

Мокиенко, В.М. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения : словарь-справочник / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб. : Свое изд-во, 2013. – 682 с.

Селиверстова, Е.И. Языком фразеологии об экономике и политике / Е.И. Селиверстова // Филология и культура. Philology and Culture. – Казань, 2015. – № 2 (40). – С. 107–116.

Сидоренко, К.П. Полидискурсивность и интертекст: («Волк на псарне» И.А. Крылова) / К.П. Сидоренко // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2012. – Вып. III (1). – С. 84–87.

Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – 2-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 257 с.

Шишков, А.С. Славянорусский корнеслов / А.С. Шишков. – СПб. : Фонд славянской письменности и культуры, 2002. – 130 с.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : моногр. / С.Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник, 2002. – 288 с.

Konstantin P. Sidorenko
Saint-Petersburg, Russia

FABLES OF KRYLOV IN THE MODERN SOCIAL-POLITICAL DISCOURSE

Abstract. A significant part of Krylov's fables was created as a response to social and political events. From the time of their original discursive correlation weakens or disappears, the fables become flexible and apply in the opened number of new contexts. Most of the fables do not belong to circle of reading, little known or even unknown to the native speakers. In fact, however, in quoting are included almost all fables from Krylov's heritage. Feature of intertextual

treatment of such works is their idiomatic contrast, structural-semantic variability, the substantial contradiction between the stereotype and the actual use. However, forgotten and half-forgotten fables actively react to socio-political events, and manifested in intertextual dynamics, giving numerous individual expressions, especially in the media.

Key words. Discourse, quotation, winged word, intertext, intertextual dynamics, polydiscourse, context

*А.А. Соколова
Тюмень, Россия*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Аннотация. Статья посвящена фразеологизмам военной тематики. В настоящее время в современных средствах массовой информации активно используются исследуемые единицы, приобретая новые значения. Однако словари не всегда учитывают подобные процессы. В данной статье автор рассмотрел функционирование единицы *горячая точка*, которая не обнаружена в современных фразеологических словарях. Фразеологизм *горячая точка* может употребляться в разных профессиональных сферах деятельности и как технический, и как биологический, и как геологический термин. В военном же дискурсе фразеологизм *горячая точка* используется только в одном значении – ‘место боевых действий, вооруженное противостояние’. В этом значении единица конкретизируется определениями. Наиболее частотным определением оказалось прилагательное *новый*. Развернутые метафоры обогащают фразеологизм, делают его более ярким, эмоциональным. Это соответствует воздействующей функции публицистического стиля. В контексте есть указание на место действия. Во всех последующих значениях фразеологизм обозначает невоенные события: «Место чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни большого количества людей», «Место острого социального конфликта», «Место с повышенной температурой воздуха». Фразеологизм *горячая точка* также используется авторами статей в качестве заголовков в разных значениях.

Ключевые слова: фразеологизмы военной тематики, современные средства массовой информации, горячая точка

Фразеологические единицы (ФЕ) являются одним из образных средств в современной газетно-публицистической речи. Они выступают в газетных текстах самых различных жанров: в политических, экономических статьях, в международных комментариях, информационных заметках, спортивных обзорах, статьях о природе, экологии и т. д. [У Тин 2016: 1294]. По словам В.Г. Костомарова: «Очень многие известные фразы удаляются в запасники и забываются, очень многие из сохраняющихся <...> вызывают сомнение, уточняются, меняются, переосмысливаются семантически, оценочно, стилистически. На глазах складывается новая фразеология» [Костомаров 1999: 206]. Это в равной степени относится и к фразеологизмам военной тематики, которые в современных средствах массовой информации занимают особое место. С.А. Сасина отмечает, что «в русском языке военные фразеологизмы обладают семантической двуплановостью, т. е. они могут использоваться как в прямом, так и в переносном значении. На страницах печати можно встретить такие военные идиомы, как *перейти в наступление*, *глухая оборона*, *под дулом автомата*, *на линии огня* и др.» [Сасина 2007: 10].

Например, фразеологизм *на линии огня* имеет два значения:

1) *воен.* ‘На передовой, в центре военных действий’: *Точно земля, как бумага, отрезана ножом и сверху донизу подожжена по линии – по прямой идет сражение: расстреливая друг друга издали и в упор, сходясь в слепой рукопашной, тысячные массы войск качаются на линии огня* (Балдин А. Московские праздные дни).

2) ‘в самом трудном, опасном месте, в зоне риска’: *Иванов, сам форвард, распределял пасы между партнерами, находясь на линии огня, в самом пекле* (Рубин Е. Пан или пропал. Жизнеописание) [Соколова 2014а: 275].

Однако ФЕ военной тематики изучены в современной науке недостаточно. «Нет специализированных словарей, которые бы отражали все единицы исследуемой тематики, а в существующих фразеологических словарях представлен далеко не полный перечень данных фразеологизмов» [Соколова 2014б: 368].

В данной статье мы рассмотрели функционирование в СМИ 2000–2017 гг. единицы *горячая точка*, которая не обнаружена в современных фразеологических словарях.

Материалом для исследования послужила картотека из 130 употреблений. Интересно, что *горячая точка* употребляется в разных профессиональных сферах деятельности в различных значениях.

Так, в «Справочнике технического переводчика» даются следующие значения:

- а) наиболее часто используемый участок программы;
- б) пиксель, указываемый курсором;
- в) ячейка памяти параллельного суперкомпьютера, к которой происходит одновременное обращение множества процессоров [Академик: <http>].

В «Англо-русском толковом словаре генетических терминов» фразеологизм *горячая точка* представлен как биологический термин: «Горячая точка – любой участок хромосомы, в котором чаще, чем в других участках, происходят различные молекулярно-генетические и цитогенетические процессы» [Арефьева 1995: <http>].

В геологии *горячая точка* – это район продолжительного вулканизма [Академик: <http>].

В Национальном корпусе русского языка употреблений фразеологизма *горячая точка* в узких, специальных значениях в публицистических текстах не обнаружено.

Наиболее полные, но недостаточные и не подкрепленные примерами формулировки значений исследуемого фразеологизма находим в «Большом словаре русских поговорок»:

1. *Публ.* О месте, где происходят какие-л. чрезвычайные события, характеризующиеся обострением ситуации, возникновением напряженности, кризисами. 2. *Публ.* Об отраслях человеческой деятельности, переживающих большие трудности, упадок. 3. *Жарг. шк. Шутл.* Школьная столовая [Мокиенко 2007].

В данной словарной статье есть указание на публицистический стиль, в котором употребляется фразеологизм *горячая точка*, но нет упоминания о военной сфере деятельности.

Анализ употреблений ФЕ *горячая точка* в публицистических текстах помогает сформулировать более точные и полные значения фразеологизма.

Первое значение: *воен.* ‘Место боевых действий, вооруженное противостояние’. В этом значении фразеологизм *горячая точка* используется чаще всего. Из 130 рассмотренных употреблений в 85

случаях контекст указывает на военные действия: *У всех одна задача – осуществлять контроль за действиями противоборствующих сторон в горячей точке*. (Являнский И. Германская разведка работает против Асада // Известия, 20.08.2012).

Развернутые метафоры обогащают фразеологизм, делают его более ярким, эмоциональным, что соответствует воздействующей функции публицистического стиля: *Эта «горячая точка» раскалилась добела – недаром конфликт в Афганистане назвали «войной Обамы»* (Воропаев В. Госдеп потерял «бульдозера» // Известия, 15.12.2010); *Остынет ли горячая точка у полярного круга?* (Стешин Д., Коц А. Газовая столица России закрылась от ваххабитов // Комсомольская правда, 21.12.2012).

Иногда во фразеологизм дополнительно вводятся прилагательные или другие определители, которые не только выполняют уточняющую или ограничительную функцию, но и способствуют созданию различных стилистических эффектов [Химич 2011]. Такие определители обнаруживаются и с фразеологизмом *горячая точка* (замороженная, первая, настоящая, главная, какая-то, любая, другая, наша): *Ведь эта замороженная горячая точка в любой момент может спровоцировать вооруженный конфликт у наших границ* (Рябов М. Украинская газета: кризис в Кишиневе не выгоден Киеву // Новый регион 2, 07.09. 2010).

Чаще всего ФЕ *горячая точка* сопровождается определением *новый*: *И этот закон, учитывая многочисленность сторонников компартии, подталкивает Молдавию к расколу, так что скоро здесь может появиться новая горячая точка* (Волков К. Молдавия ставит антисоветские памятники // Известия, 2012.07.13). В контексте конкретизируется место проведения боевых действий: *В Западной Африке скоро появится новая горячая точка. До начала большой войны в Африке остаются считанные недели*. (Шевцов О., Являнский И. Париж берет на себя организацию военной операции в Мали // Известия, 18.10. 2012).

Однако фразеологизм *горячая точка* может использоваться в значениях, не имеющих отношения к боевым действиям. В таком случае реализуется **второе значение**: ‘место чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни большого количества людей’. Это может быть наводнение, эпидемия и т.п.: *Первая горячая точка – посе-*

лок Молодежный. Из воды торчат крыши домов, на потопленных сараях мяукают брошенные кошки (Кокурин Б. Комсомольск-на-Амуре под угрозой затопления // КП–Хабаровск, 06.09.2013).

Третье значение оборота – ‘место острого социального конфликта’: Зреет еще одна *«горячая точка»* социальной напряженности, порожденная явной несправедливостью (Баранец В. Подайте запаснику из «пенсионного общака» // Комсомольская правда, 15.02. 2005).

Четвертое значение – ‘место с повышенной температурой воздуха’: *Моряков ждет буквально горячая точка. Те, кто ходил в те края, знают: за время плавания в жарких широтах, где температура заборной воды 35 градусов, моряк теряет до 30 килограммов веса* (Островская Н. Поход в Персидский залив не отменяется? // Комсомольская правда, 20.01.2003).

Одной из особенностей употребления фразеологизмов в современных средствах массовой информации является использование их в качестве заголовков. Изучению этого явления посвящено большое количество исследований. «Газетный заголовок как первый элемент публицистического текста дает читателю общее представление о содержании журналистской статьи, а также нередко заключает в себе основную мысль автора» [Зеленов 2009: 3]. «Заголовочное место в газете – это сильная акцентированная позиция, потому что именно на заголовки в первую очередь обращает внимание читатель» [Химич 2011].

Фразеологизм *горячая точка* также используется авторами статей в качестве заголовков в разных значениях: **ГОРЯЧАЯ ТОЧКА**. *Россия вывозит своих из-под огня. Эвакуация россиян из зоны конфликта идет полным ходом* (Бойко А. // Комсомольская правда, 19.07.2006); **ГОРЯЧАЯ ТОЧКА**. *На материке подтопленными оказались лодочные сараи, на острове почти все дома – две трети частного сектора* (Кокурин Б. // Комсомольская правда, 29.09.2013); **ГОРЯЧАЯ ТОЧКА**. *Во время матча «Локомотив» – «Динамо» на Южной трибуне произошел конфликт фанатов с милицией, спровоцированный тем, что болельщики вывесили несогласованный с правоохранительными органами баннер. Фанаты избили двух милиционеров* (Локалов А. // Советский спорт, 27.07.2009).

Таким образом, фразеологизмы военной тематики активно используются в средствах массовой информации. На примере фразеологизма *горячая точка* видно, что в публицистике у единицы

могут появляться новые значения. При этом в процессе развития полисемии утрачивается отнесенность исследуемых единиц к военной сфере деятельности.

Литература

Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 16.06.2017).

Арефьева, В.А. Англо-русский толковый словарь генетических терминов [Электронный ресурс] / В.А. Арефьева, Л.А. Лисовенко. – М. : Изд-во ВНИРО, 1995. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 10.06.2017).

Зеленов, А.Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка : автореф. ... дис. канд. филол. наук / А.Н. Зеленов. – Великий Новгород, 2009. – 21 с.

Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 280 с.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.06.2017).

Сасина, С.А. Фразеологические единицы терминологического происхождения в современном английском и русском дискурсах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Сасина. – Краснодар, 2007.

Соколова, А.А. Обучение иностранных курсантов фразеологии военной тематики / А.А. Соколова // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : материалы 3-й Междунар. науч.-метод. конф. – Воронеж : «Импри», 2014а. – С. 274-278.

Соколова, А.А. Отражение фразеологизмов военной тематики в словарях / А.А. Соколова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск. – 2014б. – № 3. – С. 368-370.

У Тин. Употребление фразеологизма в современном газетном заголовке / У Тин // Молодой ученый. – 2016. – № 9. – С. 1294-1297.

Химич, С.М. Роль и место фразеологизмов в языке СМИ [Электронный ресурс] / С.М. Химич // Альянс наук: ученый – ученому : материалы VI Междунар. научно-практ. интернет-конф. – Днепропетровск, 2011. – Режим доступа: http://www.confcontact.com/20110225/fl4_himich.php (дата обращения: 15.06.2017).

Anastasiya A. Sokolova
Tyumen, Russia

USING OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF MILITARY THEME IN THE MODERN MEDIA

Abstract. The article is devoted to the phraseological units of military subject. At the present time phraseological units are actively used in the modern media. Phraseological units of military subject reflected in the phrasebook insufficient. In this article we have considered the functioning unit of the hot spot, which is not found in modern phraseological dictionaries. The phraseological unit *a hot spot* is used in different professional fields like technical, biological and geological term. In journalism phraseological units acquire a new meaning. The phraseological unit *a hot spot* has military subject only in one value: «The place of fighting, armed confrontation». The phraseological unit is concretized by definitions. The most frequent definition was the adjective new. Deployed metaphors enrich the idiom, make it more vivid, emotional. This corresponds to the forcing function of journalistic style. In a context there is an instruction on the scene of action. In all subsequent values of the idiom refers to non-military events: «The place an emergency that threatens the life of many people», «The place of acute social conflict», «The place in high air temperatures». Phraseological unit *a hot spot* is also used by the authors of the articles as headings in different values

Key words: phraseological units of military subject, modern media, a hot spot

С.И. Суровцева
Челябинск, Россия

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОГИ КАК СВОЕОБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье раскрываются некоторые особенности лексических и фразеологических предлогов темпоральной семантики в свете употребления их в политическом дискурсе. В представленной статье проанализировано несколько определений понятия политического дискурса, которые, на наш взгляд, органично дополняют друг друга. С учетом того, что дискурс

информативен, наблюдаются некоторые характерные черты использования темпоральных предлогов как лексических, так и фразеологических. Для решения поставленной задачи в данной статье были использованы ресурсы Интернета, конкретно материалы ТАСС, то есть, полные тексты выступлений на конференциях, ассамблеях, отчетных симпозиумах различных политических деятелей. Была выявлена частотность употребления лексического производного предлога *в* в конструкции с именем существительным как в винительном, так и в предложном падежах. Также, наряду с лексическими предлогами темпоральной семантики, широко используются и фразеологические: *в течение*, *во время*, *со времен* и т.д. Таким образом, проведенное исследование показывает, что в политическом дискурсе не наблюдается образования новых фразеологических темпоральных предлогов, однако с высокой частотностью используются предлоги, уже известные широкому кругу пользователей, как лексические, так и фразеологические.

Ключевые слова: политический дискурс, лексический темпоральный предлог, фразеологический темпоральный предлог, употребление предлога, анализ, предложная конструкция

В лингвистических исследованиях последних лет авторы нередко обращаются к проблемам прагматической коммуникации и политического дискурса. Сам термин *дискурс* вошел в научный оборот в 70-х гг. прошлого столетия, но с большим акцентом на понимание функционального стиля. Так, В.В. Виноградов в своих трудах под функциональным стилем подразумевал, прежде всего, тексты, особый их тип – газетные, деловые и др. со своей лексикой и грамматикой.

Целью данной статьи является анализ политического дискурса на предмет использования темпоральных предлогов. Для исследования этой проблемы были использованы выступления Дмитрия Медведева 13 февраля 2016 г. на Мюнхенской конференции и министра национальной политики Удмуртской Республики Владимира Николаевича Завалина на итоговом заседании Коллегии Министерства национальной политики УР «Об итогах работы Министерства национальной политики Удмуртской Республики в 2012 году и задачах на 2013 год» 08 февраля 2013 г.

В современной науке термин *дискурс* толкуется по-разному. Так, Ю.С. Степанов трактует дискурс как «первоначально особое использование языка <...> для выражения особой ментальности <...> особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и

в конечном счете грамматику и особые правила лексики» [Степанов 1995: 38-39]. Энциклопедический словарь утверждает, что это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. – факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Ярцева 1998: 136]. Дискурс на современном этапе развития лингвистики видится как «язык в языке» [Степанов 1995: 44], данный в виде особой социальной реальности. Дискурс представлен, в основном, в текстах, но с особым образом употребленной грамматикой, лексикой, своеобразными правилами словоупотребления и правилами синтаксиса. Таким образом, в языковедческой науке дискурс рассматривается как процесс и результат речепроизводства, как процесс рождения текста и его восприятия.

Дискурс – это связанная последовательность языковых единиц, создаваемая /созданная говорящим / пишущим для слушающего / читающего в определенное время в определенном месте с определенной целью.

В лингвистике различают следующие дискурсы: бытовой, научный, политический, деловой, профессиональный и др.

Политический дискурс – «это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях » [Толковый переводческий словарь 2003: <http://>]. Совокупность текстов такого плана создает целостную картину особенностей употребления лексических единиц на фоне общекультурного развития общества и состояния окружающей действительности. При этом он может стать языковым материалом для исследований различного характера.

Лингвистическими особенностями политического дискурса являются такие характеристики, как убедительность, информативность, репрезентативность. Чтобы достичь своей цели, речь должна быть, прежде всего, доступной для восприятия ее на слух. Собственно, как в любом дискурсе, в политическом используется яркая и выразительная лексика, а также предлоги. Проанализировав выступления политических деятелей на ассамблеях, конгрессах, пленумах, мы пришли к выводу, что в политическом дискурсе употребляются темпоральные предлоги как лексические, так и фразеологические.

Однако следует подчеркнуть явное преобладание лексических предлогов над фразеологическими. Среди лексических темпоральных предлогов наибольшей частотностью обладают *в, за, на, с, к, перед, через, перед, назад, после*; среди фразеологических – *со времени (чего), во время (чего), во времена (чего), с момента (чего), в начале (чего), в течение (чего)* и др. Особо следует остановиться на лексическом предлоге *в/во*. Частотность употребления этого предлога очень высока – более 50 употреблений из 110 языковых единиц.

Так, предложная конструкция *в/во*² плюс имя существительное в предложном падеже употребляется при указании на конкретный момент или период, в который что-либо происходит. Например, ***В 2007 году*** Владимир Путин впервые выступил на международной конференции [Выступление Дмитрия Медведева... 2016: [http](#)]; ***В 2013 году*** это мероприятие пройдет в Глазовском техническом колледже с участием студентов северных районов [Выступление министра национальной политики 2013: [http](#)]; ***В прошлом году*** под патронажем министерства экономики Удмуртской Республики прошел конкурс проектов среди социально-ориентированных НКО [Там же]. «Чаще всего предложно-падежная форма в этом случае представляет собой количественно-именное сочетание» [Суровцева 2006: 100].

Предложная конструкция *в/во* плюс имя существительное в винительном падеже употребляется для указания на определенный период, в который происходит действие, событие. Например, ***В настоящее время*** создан и действует Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, разработана и принята Стратегия государственной национальной политики РФ. Я думаю, что ***в ближайшее время*** необходимо провести обсуждения Стратегии в районах и городах республики с участием профессионалов, общественников – ответственных за межнациональный мир и стабильность в регионе [Выступление министра национальной политики 2013: [http](#)]; ***К сожалению, в настоящий момент*** там нет ни воли, ни желания этого делать, и сегодня, на мой взгляд, это становится всем очевидным [Там же]; Я думаю, что ***в настоящее время*** никто не сомневается, что «для России с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер». Тогда, ***в 1960-е годы***, на пороге ядерного апокалипсиса две противоборствующие стороны вовремя

смогли понять, что никакое противостояние политических систем, государств не стоит жизни людей [Там же]; **В отчетный период** в данном направлении проведены республиканский межнациональный молодежный лагерь «Шагаем ВМЕСТЕ», Межнациональный Новый Год, Республиканский чемпионат по фут-залу среди команд национально-культурных общественных объединений, 2-й Республиканский шахматный турнир на Кубок Дружбы народов, Межнациональная дискотека «В стиле ЭТНО», Детский фестиваль национального творчества «Радуга сказок», 4-й Республиканский межнациональный фестиваль Силы и Духа, 5-й республиканский творческий конкурс «Искусство радуги» [Там же]; **В отчетный период** выстраивалось тесное сотрудничество с управлениями и отделами культуры муниципальных образований, республиканскими учреждениями культуры и искусства, библиотеками, музеями и центрами национальных культур [Там же]; **В отчетный период** в целях решения проблемы недостаточной обеспеченности дошкольных образовательных учреждений с изучением удмуртского языка, комплектования фондов общедоступных библиотек детской литературой <...> **В отчетный период** в городе Ижевске, Глазове и Ярском районе проводились курсы удмуртского языка, в городе Ижевске – курсы татарского языка для всех желающих [Там же]. Характерным признаком политического дискурса является употребление таких существительных, как *время, момент, год, период*. Для уточнения момента действия используются прилагательные – *ближайший, настоящий, отчетный*, а также числительные. Следует отметить, что употребление данного предлога в значении приблизительности происходящего момента нами не обнаружено.

Предшествование обозначается лексическим предлогом *перед*, за которым следует имя существительное, обозначающее какое-либо событие, действие или какой-либо временной промежуток: поездка, конференция и др. Например, **Перед поездкой** на конференцию я встречался с президентом Путиным; **Перед конференцией** я просматривал самые разные материалы, в том числе оценки западных экспертов [Выступление Дмитрия Медведева... 2016: <http>]. Предшествующий период обозначается также лексическим производным предлогом *назад*. Например, *Мы в России говорили об этом уже два десятилетия назад*, убеждали наших партнеров,

что корень не только в межнациональных и межконфессиональных разногласиях [Там же]; Сорок лет **назад** речь шла прежде всего о военно-политических отношениях европейских стран [Там же].

В ходе исследования употребления темпоральных предлогов было выявлено, что они могут использоваться по два подряд, при этом один указывает на предшествование, а другой – одновременность течения действия. Например, *Наши оценки событий последних лет нередко расходятся, но все же, хочу особенно четко подчеркнуть, расходятся не так сильно, как, например, 40 лет **назад во время** подписания Хельсинкского акта* [Выступление Дмитрия Медведева... 2016: [http](#)]. Для того чтобы подчеркнуть значимость момента, о котором идет речь, автор использует наряду с лексическим производным предлогом *назад* (что) фразеологический предлог *во время* (чего).

Обращает на себя внимание фразеологический предлог *на грани*, который совсем не часто используется в повседневной устной речи. Этот предлог придает высказыванию оттенок торжественности, тогда как в речи Д. Медведева подчеркивает важность момента: *Сегодня мы фактически оказались **на грани** смены парадигмы сложившихся международных экономических отношений* [Выступление Дмитрия Медведева... 2016: [http](#)].

На основе данных, полученных нами эмпирическим способом, отметим еще одну особенность: часто употребляются фразеологические предлоги, сформированные с помощью существительного *время*, например, *со времени* (чего), *во времена* (кого, чего), *во время* (чего). Например, ***Со времени** окончания «первой холодной войны» прошла уже четверть века. Можно сказать и резче: мы скатились, по сути, **во времена** новой холодной войны. Я лично говорил об этом **во время** встреч тогда еще всем нужной «восьмерки»* [Выступление Дмитрия Медведева... 2016: [http](#)].

Рамки данной статьи не позволяют раскрыть особенности всех лексических и фразеологических предлогов темпоральной семантики, употребляемых в политическом дискурсе, но даже на этом материале видно, что предлоги представляющие собой предложно-падежную форму имени в русском языке, – «один из самых продуктивных способов выражения временных отношений» в политическом дискурсе [Суровцева 2006: 132].

Литература

Выступление Дмитрия Медведева на Мюнхенской конференции. Полный текст, 13.02.2016 [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2665688> (дата обращения: 25.03.2017).

Выступление министра национальной политики УР Владимира Николаевича Завалина на итоговом заседании Коллегии Министерства национальной политики УР «Об итогах работы Министерства национальной политики Удмуртской Республики в 2012 году и задачах на 2013 год». Полный текст, 08.02.2013 [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. – Режим доступа: <http://www.minnac.ru/minnac/info/14187.html> (дата обращения: 25.03.2017).

Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М. : Изд-во РГТУ, 1995. – С. 35-73.

Суровцева, С.И. Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических предлогов со значением темпоральности в современном русском и французском языках : дис. ... канд. филолог. наук / С.И. Суровцева. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2006. – 222 с.

Толковый переводческий словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://perevodovedcheskiy.academic.ru/1212> (дата обращения: 25.03.2017).

Ярцева, В.Н. (гл. ред.) Большой энциклопедический словарь. Языковедение / В.Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

*Svetlana I. Surovtseva
Chelyabinsk, Russia*

TEMPORAL PROPORTIONS AS THE PERFORMANCE OF POLITICAL DISCOURSE AT THE PRESENT STAGE

Abstract. The article reveals some features of the lexical and phraseological prepositions of temporal semantics in the light of their use in political discourse. In the article presented, several definitions of the concept of political discourse are analyzed, which, in our opinion, organically complement each other. Given that the discourse is informative, there are some characteristic features of the use of temporal prepositions, both lexical and phraseological. To solve this problem, this article used Internet resources, specifically TASS materials, that is, full texts of speeches at conferences, Assemblies, reporting symposiums of various political figures. The frequency of the use of the lexical

non-derivative preposition in the construction with the noun in both accusative and prepositional cases was revealed. Also, along with the lexical pretexts of temporal semantics, phraseological ones are widely used: during, during, time, etc. Thus, the conducted research shows that in the political discourse there is no formation of new phraseological temporal prepositions, already known to a wide range of people, there is also a high frequency of using lexical and phraseological prepositions of temporal semantics.

Key words: Political discourse, lexical temporal preposition, phraseological temporal preposition, prepositional use, analysis, prepositional construction

*О.Е. Чернова
Магнитогорск, Россия*

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЛОЗУНГАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются концепты российского политического дискурса на материале лозунгов современных политических партий «Патриоты России», «КПРФ», «Яблоко», «Межрегионального профсоюза работников образования “Учитель”» и общественных движений «Российский союз молодежи», «Союз “Чернобыль” России». Понятие «идеологема» позволяет рассмотреть не только языковые, но и концептуальные особенности лозунгов, поскольку данный феномен, являясь единицей когнитивного уровня – особого типа многоуровневым концептом, – дает возможность выявить концептуальные признаки, заключающие в себе постулаты идеологии. Концепты политических ценностей занимают центральное место в текстах лозунгов, формируя конкретные идеологические взгляды. Ядерный смысл концепта «Мир» – согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны, – вербализуясь в лозунгах, способствует укреплению положительной социальной идентичности, благодаря чему нация становится более сплоченной. Концепт «Труд» делает трудовую деятельность важным условием создания общества личностей, поскольку именно созидательный труд на благо своей страны является массовым способом наиболее полной реализации человека. Концепт «Будущее» представляет собой важную часть ориентационной схемы – время/пространство, придавая смысл всем действиям политиков.

Будущее видится в расширении влияния на различные группы молодежи, что способствует идейному и организационному укреплению партии. Концепты «Мир», «Труд», «Будущее», актуализируемые в лозунгах, позволяют охарактеризовать манипулятивную направленность лозунгов современных политических партий и общественных движений.

Ключевые слова: лозунг, идеологема, концепт, политическая партия, общественное движение, политический дискурс, «Мир», «Труд», «Будущее»

В политическом дискурсе используется широкая палитра жанров, обладающих манипулятивным потенциалом, и одним из них является лозунг. Этот жанр представляет собой лаконичную фразу, передающую определенную идею, задачу, требование политической партии или общественного движения. Чтобы максимально быстро доносить до адресата некоторые политические воззрения, лозунг должен быть ясным, общепонятным, кратким и легко запоминающимся. Данные отличительные признаки лозунга обуславливают его особое языковое оформление – слова-идеологемы, которые составляют ядро политической лексики. Они воздействуют на общественное сознание и обеспечивают одинаковое поведение многих членов общества, тем самым координируя политическую деятельность.

В современной лингвистической науке под идеологемой традиционно понимается вербальная единица, репрезентирующая базовые идеологические установки. Однако, по мнению Е.Г. Малышевой, этот термин более объемный по содержанию. Идеологема – мыслительная, когнитивная универсалия «идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева 2009: 34]. В таком понимании идеологема является концептом – единицей когнитивной деятельности, чье содержание обусловлено состоянием культуры и, соответственно, массового сознания [Shulezhkova 2016: 50-61]. Как пишут З.Д. Попова, И.А. Стернин, люди мыслят концептами [Попова 2005: 7].

Политический дискурс оперирует большим количеством концептов. Однако обращение к текстам лозунгов современных политических партий (ПП) «Патриоты России», «КПРФ», «Межрегиональный профсоюз работников образования “Учитель”», «Яблоко»

и общественных движений (ОД) «Российский союз молодежи», «Союз “Чернобыль” России» показало интерес политтехнологов к концептам политических ценностей. Среди них следует назвать *мир, труд, будущее* и др.

По данным социологического исследования, наиболее значимой политической ценностью является *мир* (71,5%) [Селезнева 2014: 11]. Призывающие к отказу от разрешения политических конфликтов военным путем либо обещающие мир лозунги присутствуют в политических текстах всех названных в данной работе партий. Действительно, значимость мира огромна. Именно он является обязательным условием сохранения всех других ценностей. Как правило, призывы, содержащие лексему *мир*, строятся по принципу номинализации: «КПРФ за мир!» (ПП «КПРФ»); «Мы за мир на братской земле!»; «Крым – мир!»; «Украине мир»; «За Крым! За мир!» (ПП «Патриоты России»); «Мир. Труд. Май» (ОД «Российский союз молодежи»); «Счастья, мира всем женщинам» (ПП «Яблоко»); «Ветераны-чернобыльцы за мир!» (ОД «Союз “Чернобыль” России»). Реализуемый в лозунгах принцип является чрезвычайно эффективным средством манипуляции сознанием адресата, поскольку номинализации требуют от него выбрать из всех переживаний, чувств именно то, которое в настоящий момент, по его мнению, больше всего соответствует смыслу фразы.

Манипулятивный эффект лозунгов усиливает прецедентность. О ее присутствии пишут Н.В. Позднякова, А.Н. Михин, подчеркивающие тот факт, что современное состояние лозунговой культуры «нельзя отделять от истории советских лозунгов, ставших на многие десятилетия образцом создания суггестивных фраз» [Позднякова 2015: 186]. Анализируя этимологию призывов к миру, можно обнаружить, что они имеют почти столетнюю историю. Время их появления – период после Февральской революции. Источник – «Великая ектения» («О мире всего мира <...> Господу помолимся»). «Московские попы назначают свой ход с образами, хоругвями и песнопениями на улицах города <...> Почему они не молились раньше <...> о мире всего мира?» (листовка Московского Комитета РКП(б) «Не богу, а мамоне», выпущенная, вероятно, в связи с крестным ходом 28 янв. 2018 г.)» [Душенко 2007: <http>].

Функциональный потенциал лозунгов за мир огромен, поскольку ядерный смысл концепта «Мир» – согласие, отсутствие вражды,

ссоры, войны, – вербализуясь в лозунгах, способствует укреплению положительной социальной идентичности, благодаря чему нация становится более сплоченной. Именно к пресечению этнической розни призывают лозунги, содержащие лексемы *Крым, Украина, братский*.

Лозунги, апеллирующие к сохранению мира, нередко содержат лексемы *труд, работа*: «Мир, труд, достойная жизнь!»; «За достойный и мирный труд без санкций!»; «За достойный и мирный труд!» (ПП «Патриоты России»). Концепт «Труд», репрезентированный такими номинациями, как *труд, достойный труд, мирный труд*, входит в число ценностных понятий русской национальной концептосферы. Труд издревле рассматривается как внутренняя благородная потребность человека, о чем свидетельствует большинство пословиц и поговорок. Для политики труд ценен, поскольку приносит пользу государству.

Обращение к концепту «Труд» было традиционным в советское время. Достаточно вспомнить всем известный плакатный первомайский лозунг «Мир. Труд. Май», констатирующий важнейшие идеологемы социализма [Дайте миру шанс! 2016: 119], с помощью которого в сознание советского человека успешно внедрялись идеологические догмы, утверждающие ценность трудовой деятельности. Традиционно такое обращение и для современности. Причина, вероятно, кроется в том, что эксплуатация представителями российского консерватизма проверенных временем идеологических коннотаций снижает степень идеологического сопротивления и усиливает политическую агитацию.

Как справедливо отмечает А.А. Осипова, «немаловажно, что частным проявлением возможности мирного труда выступает его достойная оплата» [Осипова 2015: 100]. Обобщая данные социологического опроса россиян, А.В. Селезнева выявляет причины включения в политические тексты слов, номинирующих материальные ценности. Она пишет, что «россияне не испытывают уверенности в завтрашнем дне, их базовые потребности остаются все еще неудовлетворенными, несмотря на относительную стабильность в стране» [Селезнева 2014: 11]. Политики, принимая во внимание интерес электората к материальным ценностям, декларируют их в лозунгах: «Достойный труд – достойная зарплата!» (ПП «Патриоты России»); «За достойный труд!» (ПП: Межрегиональный профсоюз работников образования «Учитель») «Требуем достойную зарплату!» (ПП

КПРФ); «Человеку труда – достойную жизнь!» (ПП КПРФ); «Достойный труд – справедливая зарплата!» (ПП «Патриоты России»). Идеологема *достойный труд* апеллирует к достойной заработной плате и соблюдению трудовых прав граждан, что является важным условием создания общества личностей, поскольку именно созидательный труд на благо своей страны является массовым способом наиболее полной реализации человека.

Концепт «Будущее» также находится в центре внимания политических партий, поскольку представляет собой важную часть ориентационной схемы – время/пространство. Данный концепт позволяет придать смысл всем действиям партии. Он репрезентирован в лозунгах: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи»; «Мы всегда будем партией молодежи передового класса!»; «КПРФ – партия будущего!» (ПП КПРФ) (см. об этом подробнее [Осипова 2016]). Вербализация концепта происходит благодаря лексемам *будущее*, *молодежь*. Лозунги подчеркивают классовый характер программы политической партии и ее ориентированность на молодых рабочих. Фраза не является оригинальной, поскольку впервые встречается в сочинении В.И. Ленина «Кризис меньшевизма»: «Энгельс писал: разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? <...> Мы всегда будем партией молодежи передового класса!» [Ленин 1972: 163]. Под передовым классом В.И. Ленин подразумевал: «...такой класс должен первым встать на непосредственно-революционный путь и последним его покинуть для других, более «будничных», более «обходных» путей» [Там же: 152]. Современные партийцы также видят будущее в молодом поколении, которому предстоит продолжить их дело. Такое расширение влияния на различные группы молодежи способствует идейному и организационному укреплению партии, о чем свидетельствует лозунг «КПРФ – партия будущего!». Данная фраза является своеобразной самохарактеристикой «КПРФ», позиционирующей себя передовой организацией, способной изменить мир к лучшему.

Несомненно, что проанализированные концепты «Мир», «Труд», «Будущее», актуализируемые в лозунгах, позволяют охарактеризовать манипулятивную направленность лозунгов современных политических партий и общественных движений.

Литература

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть : С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин ; немецкая часть : Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.Г. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морисаца Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с.

Душенко, К. Цитаты из русской истории. От призвания варягов до наших дней. Справочник [Электронный ресурс] / К. Душенко. – М. : Эксмо, 2006. – 590 с. – Режим доступа : <https://www.e-reading.club/book.php?book=21750> (дата обращения: 04.09.2016).

Ленин, В.И. Кризис меньшевизма / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5. Том 14. Сентябрь 1906 – февраль 1907. – М. : Изд-во Политической литературы, 1972. – С. 149-172.

Малышева, Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е.Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 32-40.

Осипова, А.А. Лозунги современных политических партий России / А.А. Осипова // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – С. 95-132.

Осипова, А.А. Наша партия – партия будущего! (агитационные материалы политических партий России: традиционные ценности и новые языковые тенденции) / А.А. Осипова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко (28–30 сентября 2016 г., Екатеринбург). – М. ; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 542-558.

Позднякова, Н.В. Суггестивная сила лозунга-призыва (по материалам публицистического арсенала современных общественных движений России) / Н.В. Позднякова, А.Н. Михин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). Т. 4. – С. 185-188.

Попова, З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – 352 с.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Пути преодоления конфликтогенных ситуаций: толерантные стратегии и тактики : учеб. пособие / О.Е. Чернова, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, С.Г. Шулежкова ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова» ; Науч.-исслед. словарная лаборатория ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. – 125 с.

Селезнева, А.В. Политические ценности в современном российском массовом сознании : психологический анализ / А.В. Селезнева // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 2. – С. 6-18.

Уразаева, Н.Р. Концептуализация образа России в немецких СМИ: перемены к лучшему? / Н.Р. Уразаева, Е.А. Морозов // Мировая политика. – 2017. – № 3. – С. 141-154.

Shulezhkova, S.G. Die Konzepte Revolution und Krieg in den russischen Massenmedien in berichten über die Ukraine in den Jahren 2014–2015 / S.G. Shulezhkova, A.N. Michin, O.E. Tchernova // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 50-61.

Oksana E. Chernova
Magnitogorsk, Russia

KEY CONCEPTS OF THE RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE IN SLOGANS OF POLITICAL PARTIES AND SOCIAL MOVEMENTS

Abstract. In this article, the author analyzes concepts of Russian political discourse on materials of slogans of modern political parties such as “Patriots of Russia”, “CPRF”, “Yabloko”, “Interregional Education Employees Union “Teacher”, and social movements “Russian Union of Youth”, “Union “Chernobyl” of Russia”. The term “ideologeme” helps to study not only language, but also conceptual features of slogans, as this phenomenon, being a unit of the cognitive level (a special type of a multilevel concept), gives the opportunity to reveal conceptual characteristics, which contain ideology postulates. Concepts of

political values are central in slogan texts and form particular ideological views. The core meaning of concept “Peace” is consent, lack of enmity, disagreement or war, and actualizing in slogans, it promotes strengthening of positive social identity thanks to what, the nation becomes more consolidated. Concept “Labour” performs working activity as the most important factor of a personality creating inside the society, because a constructive labour for the benefit of the country is a mass way of full realization of a person. Concept “Future” is an important part of the orientational scheme – time/space and gives sense to all actions of politicians. The future is seen in expansion of influence on different youth groups and all that helps ideological and organizational strengthening of a party. Concepts “Peace”, “Labour” and “Future”, actualizing in slogans, give the opportunity to characterize manipulative orientation of slogans of modern political parties and social movements.

Key words: slogan, ideologeme, concept, political party, social movement, political discourse, “Peace”, “Labour”, “Future”

*В.Д. Черняк
Санкт-Петербург, Россия*

КОСМОПОЛИТИЗМ: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ СЛОВАРНЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается концепт *космополитизм*, вербализованный одноименным словом и словом *космополит*. Анализ словарей русского языка с XIX по XXI в. показывает, что лексикографическая интерпретация этих слов находилась в прямой зависимости от идеологических установок составителей и редакторов. Если дореволюционные издания исходили прежде всего из внутренней формы слова и давали ему или нейтральную, или положительную оценку, то в советское время, особенно с 50-х гг. XX в., при семантизации слов *космополит* и *космополитизм* использовались идеологизированные, резко отрицательные метаоператоры *реакционный*, *буржуазный* и др. Идеологизация повлияла и на отбор иллюстративного материала. Изменения на аксиологической шкале в постсоветское время потребовали новых лексикографических решений, отказа от идеологизации, снятия отрицательной оценочности. История лексикографической интерпретации слова *космополитизм* и словообразовательно родственных лексем (в первую очередь, слова *космополит*) подтверждает

мысль о постоянно происходящих изменениях на шкале коммуникативных ценностей в политическом дискурсе, о быстрой изменчивости ключевых слов текущего момента и приспособлении их меняющейся ситуации. Изучению семантических трансформаций помогает Национальный корпус русского языка, открывающий новые направления исследования.

Ключевые слова: концепт, семантика, дефиниция, метаоператоры, идеологизация словаря, аксиологическая шкала

Концепт «Космополитизм» и его вербализаторы занимают особое место в русской концептосфере, демонстрируя изменения его «эмоциональной температуры» в зависимости от социокультурного климата эпохи и отражая меняющиеся векторы развития прагматически заряженного слова. Его исследование интересно как в социокультурном аспекте, так и в аспекте лексикографическом, отражающем зависимость словарных решений от идеологических установок составителей и редакторов.

В русских дореволюционных словарях слова *космополит* и *космополитизм* интерпретировались в прямом соответствии с внутренней формой. Так, в «Словаре церковнославянского и русского языка» под ред. А.Х. Востокова (1847 г.) слову *космополит* дается толкование «Почитающий себя гражданиномъ всего міра, а не одного какого либо государства» [СЦСЯ 2001: 209]. Очевидно отсутствие какой-либо оценочности в дефиниции понятия. Такая характеристика сохранялась практически во всех дореволюционных толковых словарях и словарях иностранных слов.

Заслуживает внимания интерпретация слова, представленная в популярном и неоднократно переиздававшемся словаре иностранных слов М. Попова, ориентированном на широкого читателя: «**Космополитизм** – мировоззрение, в силу которого человек относится одинаково как к своему отечеству, так и ко всякому другому государству, любит ровно всех людей и относится сочувственно ко всякого рода бедам, постигающим его или чужую страну, – безразлично. К. резко почти никогда не выражается, но всегда служит противовесом узкому национализму, нетерпимости и расовой вражде»; «**Космополит** – относящийся одинаково ко всем людям, не считающийся с национальностью, т.е. принадлежностью данного лица к тому

или другому государству; умеющий подчинять интересы отечества и свои – интересам всего человечества; не видящий разницы между соотечественником и иностранцем» [Попов 1909: 205]. Текстовое поле, представленное двумя словарными статьями, положительно заряжено: *любит ровно всех людей, относится сочувственно к бедам, не видит разницы между соотечественником и иностранцем*. Четко обозначена и противоположная часть аксиологической шкалы: *узкий национализм, нетерпимость и расовая вражда*. Такая характеристика слова соответствовала дискурсивной практике. Ср. у М. Загоскина (по НКРЯ: Москва и москвичи, 1842–1850): «Вероятно, господа **космополиты**, сиречь граждане вселенной, оправдывают это странное гражданство своей любовью ко всему человечеству; следовательно, гуманный человек и **космополит** почти одно и то же» (впрочем, наблюдалось и прямо противоположное использование этого слова).

Первая мировая война и последующие социальные потрясения с неизбежностью повлияли на словарную интерпретацию исследуемых лексем. Примечательно при этом, что дефиниция слова *космополит* (*космополитизм* и *космополитический* получают отсылочное толкование) в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, традиционно считавшемся самым идеологизированным словарем, «уникальным памятником тоталитарного языка советского периода» [Купина 2015: 10], идеологического компонента не содержит: «человек, не считающий себя принадлежащим к какой бы то ни было национальности, собств. признающий весь мир своим отечеством» [Толковый словарь 1935: 1483]. Это объясняется тем, что слово представлено в первом томе словаря, «относительно свободном от резкой идеологизации» и подвергшемся за это жесткой критике [Басовская 2013: 42–44]. Это же можно отнести и к «Словарю современного русского литературного языка» (БАС₁), изданному в 1948 г. и не успевшему отразившему ту кардинальную идеологическую трансформацию семной структуры значения слова *космополит*, которая произошла в конце 40-х гг. XX века, когда ярлык *космополит* стал не только ругательством, но и почти приговором.

Жесткие идеологические оценки появляются в словарях позже. Так, в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова (4-е изд. 1961 г.) читаем: «**Космополитизм** – реакционное буржуазное воззрение,

признающее своим отечеством весь мир, отвергающее идею защиту своего отечества и идею национальной самостоятельности» [Ожегов 1961: 292]. В толковании использованы многократно апробированные идеологические метаоператоры *реакционный* и *мелкобуржуазный*. Примечательно значительное усиление отрицательной коннотации в 10-м издании (1975 г.), связанное с отказом от идеологического смягчения периода оттепели: «Реакционное буржуазное идеологическое течение, которое под прикрытием лозунгов «мирового государства» и «мирового гражданства» отвергает право наций на самостоятельное существование и государственную независимость, национальные традиции и национальную культуру, патриотизм» [Ожегов 1975: 266]. Обращает на себя внимание включение в число идеологических маркеров слова *патриотизм*, одной из ключевых идеологем советского политического дискурса.

Сходные характеристики получают слова *космополитизм* и *космополит* в четырехтомном «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (2-е изд. 1983 г.). Заметим, что вышедшие уже в постсоветскую эпоху «Большой толковый словарь русского языка» и «Современный толковый словарь русского языка» (2001г.) под ред. С.А. Кузнецова, наследующие традиции МАС, полностью повторяют дефиниции, исключая лишь слова *буржуазный* и *реакционный*, которые к этому времени приобрели характеристику безусловных идеологических штампов, отвергнутых новейшей лексикографией.

Представляет интерес изменение коннотаций в словарях-наследниках «Словаря русского языка» С.И. Ожегова. От уже отмеченной идеологизированной дефиниции слова *космополитизм* «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1994) в принципиально изменившемся социокультурном контексте переходит к максимально нейтральному толкованию: «Идеология так наз. “мирового гражданства”, ставящая интересы человечества выше интересов отдельной нации» [Ожегов 1994: 299]. На некоторую оценочность здесь намекает лишь словосочетание *так называемый*, нередко использовавшееся в советской лексикографии как идеологический метаоператор. Наконец, в 2007 г. «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов», составленный Н.Ю. Шведовой, возвращается к абсолютно нейтральной характеристике дореволюционных словарей: «Идео-

логия людей, считающих несущественной принадлежность человека к той или иной нации и утверждающих, что каждый человек является гражданином мира» [Шведова 2007: 406].

Как известно, чрезвычайно важным элементом словарной статьи являются иллюстрации. Для исследуемых слов иллюстративный материал представлен, прежде всего в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС₁) и «Большом академическом словаре русского языка» (БАС₃). В БАС₁ иллюстрации из классической литературы актуализируют в первую очередь отрицательную коннотацию. Ср.: [Валуний] космополиты вы? Прочь громкие слова! Всегда я презирал и ныне презираю Бродяг, не помнящих родства. *А. Жемчужников. Сумасшедшие*; – Космополитизм – чепуха, космополит – нуль, хуже нуля; ни народности, ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет. *Тургенев. Рудин* [БАС₁, т. 5, 1956: 1503]. БАС₃ наряду с приведенными дает очень важную цитату, отражающую функционирование слова в дискурсе 40-х – 50-х гг. XX в.: «– При чем здесь я [Мукомолов], Сережа? Меня просто обвиняют в космополитизме, в отщепенстве. В чуждых народу взглядах... Вот и все. Бондарев. Тишина» [БАС₃, т. 8, 2007: 518-519].

Характерный для современной лексикографии способ иллюстрирования путем приведения типичных речений обобщает многочисленные контексты, в лаконичной форме предлагая пользователю актуальную информацию. Так, в словаре, создаваемом под руководством Г.Н. Складерской (опубликованные издания являются частью большого лексикографического проекта, опирающегося на богатейшую интегрированную лексикографическую базу данных, представляющую 22 000 000 словоупотреблений), слова *космополит* и *космополитизм*, во-первых, получают помету *полит.*, фиксирующую сферу использования слова, во-вторых, объективированную характеристику, лишенную оценочности, в-третьих, речения, фиксирующие важную веху в функционировании слова, когда оно, по данным Национального корпуса русского языка, приобрело актуальность: **Космополит**. Человек, ставящий общечеловеческие ценности выше государственных; гражданин мира. *Преследование космополитов в советские годы*; **Космополитизм**. Социальная теория, основанная на идее мирового гражданства, отстаивающая приоритет общечеловеческих ценностей. *Приверженцы космополитизма*.

Борьба с космополитизмом в СССР [Комментарий 2007]. Обращает на себя внимание замена в толковании традиционных для описания этого слова элементов *идеология* или *идеологическое течение* на значительно более нейтральное *социальная теория*.

Нельзя не вспомнить фиксируемое многими словарями второе, специальное, значение слова *космополит*: «Растение или животное, встречающиеся на большей части обитаемых областей земли». Космополитами являются, например, воробей, муха, одуванчик. Семантика двух значений обусловила появление нового лексико-семантического варианта слова *космополитический*, зафиксированного только в [Комментарий 2007] и подтвержденного многочисленными словоупотреблениями: «Рассчитанный на широкое распространение, использование в различных странах, регионах, различными группами людей в разных условиях, с различными устройствами и т.п. *Космополитический автомобиль. Космополитический тариф. Космополитический дизайн. Космополитический характер популярного напитка*».

Таким образом, хотя базовые составляющие концепта «Космополитизм» сохраняются на протяжении десятилетий, элементы поля, вербализующие концепт, подвержены трансформациям, связанным, прежде всего, с изменениями на оценочной шкале, о которых убедительно свидетельствуют многочисленные примеры. Изучению этих трансформаций помогает Национальный корпус русского языка, открывающий новые направления исследования. Приведем два фрагмента текста, точно фиксирующие семантические сдвиги:

*В одной газетке-сплетнице, газетенке-потаскухе, занятой чем угодно, кроме своего прямого дела – литературы, кто-то шепнул ядовитое слово **космополит**. И слово было найдено! Прекрасное, гордое слово, объединявшее мир, слово, которым венчали гениев самой широкой души – Данте, Гете, Байрона – это слово в газетке слиняло, сморщилось, зашипело и стало значить – жид (А. Солженицын. В круге первом); **Космополитизм**. Извлеченное из благопристойного европейского лексикона, это слово наполнилось у нас в конце 40-х годов особым, зловещим смыслом: стало ругательным, звучащим, случалось, как строка приговора. **Космополитами** называли тех, кто якобы пресмыкается перед буржуазным Западом, восхищается его мнимыми достижениями, недооценивая наше национальное наследие, великие завоевания русского ума <...> Но*

все это было лишь прикрытием: понятие «космополит» (часто с эпитетом «безродный») стало синонимом слова «еврей». Борьба с «космополитизмом» обернулась в СССР разгромом отечественной интеллигенции и нанесла непоправимый урон нашей науке и культуре, не говоря уже о морали [Азадовский 2002: [http](http://)].

В зависимости от установок составителей, обусловленных идеологическим давлением или, напротив, принципиальным отказом от идеологизации словаря, принимались те или иные лексикографические решения. История слова *космополитизм* и словообразовательно родственных лексем (в первую очередь, слова *космополит*) подтверждает мысль о постоянно происходящих изменениях на шкале коммуникативных ценностей в политическом дискурсе, о быстрой изменчивости ключевых слов текущего момента и приспособлении их к меняющейся ситуации [Дементьев 2010].

По точному замечанию писателя Л. Рубинштейна, «словарь – это не только источник беспристрастных сведений. Он всегда – не только прямым, но и косвенным образом – свидетельствует о той эпохе, в какую был рожден» [Рубинштейн 2015: [http](http://)].

Литература

Азадовский, К. Портрет незаговорщика на фоне эпохи [Электронный ресурс] / К. Азадовский // Новый мир. – 2002. – № 1. – Режим доступа <http://www.rulit.me/books/novyy-mir-1-2002-read-223610-129.html>. (дата обращения: 17.03.2017).

БАС1: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 5. / ред. кол. С.Г. Бархударов [и др.]. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 1916 с.

БАС3: Большой академический словарь русского языка Т. 8. / гл. ред. К.С. Горбачевич [и др.]. – М. ; СПб. : Наука, 2007. – 839 с.

Басовская, Е.Н. Чистота языка? Чистота словаря? (Из истории «Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова») / Е.Н. Басовская // Филологический класс : региональный науч.-метод. журнал учителей-словесников. – 2013. – № 3 (33). – С. 41-45.

Дементьев, В.В. Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей / В.В. Дементьев // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3 (34). – С. 24-40.

Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 1 : Нормы современного русского литературного языка как государственного: (комплексный нормативный словарь русского

языка) / под ред. Г.Н. Складневской, Е.Ю. Ваулиной. – СПб. : Фак. филол. и искусств С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. – 540 с.

Купина, Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2015. – 186 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 900 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 11-е изд., доп. – М. : Рус. яз., 1975. – 847 с.

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2-е изд., доп. – М. : Азъ, 1994. – 908 с.

Попов, М. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / М. Попов. – М. : тип. И.Д. Сытина, [1909]. – 458 с.

Рубинштейн, Л. Время от времени вспомнить о словарях – и не только от них – не только полезно, но даже необходимо [Электронный ресурс] / Л. Рубинштейн // Политика & деньги, 08.11.2015. – Режим доступа: politdengi.com.ua/analitica/individual-opinion/96008.html (дата обращения: 17.03.2017).

СЦСЯ: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии Наук : репринтное изд. / под ред. А.Х. Востокова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – Кн. 1. Т. 2. – 472 с.

Толковый словарь современного русского языка : в 4 т. / гл. ред. Д.Н. Ушаков. – М. : ОГИЗ, 1935. – Т. 1. – 1562 с.

Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Н.Ю. Шведова. – М. : ИЦ «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

Valentina D. Cernyak
St. Petersburg, Russia

COSMOPOLITANISM: THE IDEOLOGICAL MOTIVATION BEHIND LEXICOGRAPHIC DECISIONS

Abstract. The article focuses on the concept of cosmopolitanism manifested in the words cosmopolitanism and cosmopolite. The analysis of the dictionaries of the Russian language published in 19th-21st centuries showcases that the lexicographic interpretation of these words depends on the ideological presuppositions of the lexicographers and editors. While the pre-Revolutionary editions, relying on the inner word form, treated the words neutrally or

positively, the Soviet editions, especially those published in the 1950s and later, used meta-operators reactionist, bourgeois, etc. in the entries to signal the negative ideological evaluation.

The choice of example has also not been free from ideological considerations. The changes in the axiological scale in the post-Soviet period demanded new lexicographic decisions, such as open rejection of the previously included ideological component with negative value. The history of lexicographic interpretation of the word cosmopolitanism and its derivatives (primarily cosmopolite) supports the claim that the scale of communicative values in the political discourse is ever-changing, sensitive to the rapid change and transformation of the key words of this discourse. The National Corpus of the Russian Language is a useful tool for opening new lines of research in the area of semantic transformations.

Key words: concept, semantics, definition, meta-operators, ideologic component of a dictionary, axiological scale

*Л.П. Юздова
Челябинск, Россия*

КОНЦЕПТЫ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на примере анализа текстов Г.А. Зюганова)

Аннотация. В статье формулируется определение концепта, обосновывается типология концепта. Дается определение политического дискурса как реализации определенной разновидности языка, отмечается основное назначение политического дискурса, а именно – убеждение граждан страны в необходимости определенных политических действий. Отмечается, что эффективность политического дискурса зависит от достижения цели. Анализируются концепты устных и письменных политических текстов председателя Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации Г.А. Зюганова, которые позволяют политике эффективно реализовывать продвижение к цели. Выявлены ключевые характеристики современного российского политического дискурса, в частности наличие в нем общенациональных, групповых, индивидуальных концептов. Намечены перспективы исследования концептов политического дискурса: 1) определение семантики лексемы, репрезентирующей концепт; 2) анализ сочетаемости лексем, репрезентирующих концепт; 3) определение места концепта среди других концептов; 4) выявление структуры концепта; 5) анализ поли-

тического дискурса с позиции выявления семантических характеристик концепта в текстовом окружении. Заявленная тематика, безусловно, актуальна.

Ключевые слова: политический дискурс, концепт, базовые, общенациональные, групповые, индивидуальные концепты

Любые социальные отношения создаются в определенном дискурсе, который, в свою очередь, формирует определенные социальные отношения. В связи с этим мы рассматриваем дискурс как реализацию определенной разновидности языка. Одной из разновидностей языка является язык политики и, соответственно, можно выделить *политический дискурс (ПД)*. ПД преследует определенные цели: завоевание, сохранение, удержание власти. ПД характеризуется не только целью общения, но и специфическими участниками общения, средствами и способами общения. Итак, ПД представляет собой совокупность используемых в политическом общении речевых актов (информирования, убеждения, обещания и др.). ПД – это политический текст (устный или письменный), соотносимый с особой коммуникативной ситуацией определенного речевого акта, особыми речевыми средствами, системой коммуникативно-прагматических установок, когнитивными процессами порождения и восприятия текста. Основное назначение ПД – убеждение граждан в необходимости определенных политических действий. Эффективность ПД напрямую зависит от достижения цели.

Мы осуществили попытку изучить ПД на материале текстов известного российского политика. Рассматривая российский политический дискурс на примере анализа устных и письменных текстов председателя Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации Геннадия Андреевича Зюганова, мы поставили перед собой цель определить *базовые, общенациональные, групповые, индивидуальные концепты (К), которые способствуют эффективности ПД.*

Изучение базовых К ПД, прежде всего, направлено на выявление моментов сходства и различия в членении субъективной и объективной действительности, зафиксированной в политическом языковом сознании одного политика как проявление общего и частного.

Общенациональные К отражают национальные аспекты представления действительности.

В свою очередь групповые **К** отражают групповые (в данном случае – партийные) аспекты представления действительности.

Политические тексты наиболее ярко передают ценностные установки автора, в связи с чем важно выявить индивидуальные **К**.

В целом благодаря наличию в **ПД** концептов различных уровней и передается целостная оценка действительности политическим деятелем. Определенное представление о ней могут дать используемые лидерами политических партий лозунги (см. подробнее: [Публицистический арсенал общественных движений России и Германии 2015; Дайте миру шанс! 2016; Осипова 2016]).

Также следует подчеркнуть сложность природы **К**. **К** – это минимальная единичная порция знания о чем-, о ком-либо. **К** – это ментальное образование, осложненное представлениями, связанными с опытом носителя языка. Базовые **К** – соединение социального, принятого в данном обществе, и индивидуального представления о предмете речи. **К** как основная единица обработки, хранения и передачи знаний имеет свойство изменяться в рамках общего представления, **К** реализуется в дискурсе, наполняясь дополнительными смыслами.

В ходе анализа текстов Г.А. Зюганова были выявлены **базовые** для политического дискурса **К**: *свой/чужой, народ/власть, Россия (страна), кризис, модернизация, протест*.

К *свой/чужой, народ/власть (правительство), Россия (страна), национальный интерес* можно отнести также к **общенациональным**. Общенациональные **К** важны для понимания ментальности народа-носителя языка. Отметим, что в текстах Г.А. Зюганова преобладают базовые/ общенациональные **К**, реже встречаются групповые **К**, что свидетельствует о некой обобщенности текстов, направленности на национальные интересы в целом, хотя следует отметить непохожесть текстов Г.А. Зюганова на тексты **ПД** других авторов, т.к. в них довольно много индивидуальных **К**. В текстах Г.А. Зюганова достаточное количество оценочных метафор, сравнений, однако все же в целом концептуально они базируются на общенациональных и групповых **К**, это объясняется тем, что Г.А. Зюганов выступает, скорее, не от своего имени, а от имени и по поручению партии.

К *свой* ориентирует нас на идеологию коммунистов, на определенные слои населения, а именно на трудящихся. **К** *чужой*, в свою очередь, базируется на неспособности власти, по мнению коммуни-

стов, изменить ситуацию в стране к лучшему. Причина такого положения в следующем: те, кто у власти, ориентируются не на нужды трудящихся, а на свои, кроме этого, они разбогатели за счет трудящихся и в реальности ориентируются на получение денег и власти.

Примеры из текстов Г.А. Зюганова:

*Это ли не **национальный** позор?; Особенно больно по нашему **национальному** самолюбию ударил провал на недавней Олимпиаде; ...разрушит **национально-культурную** основу жизни русского, каждого российского человека; Они отражают **интересы клана**, а не **национально-государственные интересы**; Власть же не контролирует потребление спиртного; Власть просто «крышует» криминал; Вместо кадров создали касту, **супермонополию на власть**; В общем, мы считаем так: кадры, которые сегодня формируют **правительство**, не способны реализовать программу, которая крайне необходима нашей стране для вывода ее из кризиса и проведения подлинной модернизации; Каким может быть самочувствие **народа** если сегодня, когда русских избивают и унижают?; В Германии верхняя планка подоходного налога 45%, во Франции – 40%, в Америке – 35%. А у вас и **миллиардеры**, и **нищие** платят одинаковые 13%, что является вопиющим безобразием; Качество любой политики определяется благосостоянием и самочувствием **граждан**, продолжительностью их жизни и образованием, уважением к **стране** и **народу**; Надо бороться за общее для всего **народа** дело; Надо энергично создавать Союз братских **народов** на постсоветском пространстве или Вы услышите голос **народа**, или Ваше **правительство** обречено; Страна зашла в тупик, страна продолжает вымирать; Страна зашла в тупик, сырьевая модель не годится, что ей крайне необходима модернизация, ускоренная модернизация; Я официально через ведущие телерадиокомпании, информационные агентства призываю граждан: не отсиживайтесь! Вы отсиделись в 91-м и потеряли **страну**. Не отсиживайтесь!*

К **групповым К** можно отнести следующие: кризис, модернизация, протест. Они вербализуются в следующих контекстах:

***Кризис**, который сегодня прокатился по всему миру, многим протер глаза и продул уши; Среди 20 самых развитых стран мы оказались на последнем месте, глубже всех провалились в воронку **кризиса**; Мы представили вам нашу программу **антикризисных мер**; В*

общем, мы считаем так: кадры, которые сегодня формируют правительство, не способны реализовать программу, которая крайне необходима нашей стране для вывода ее **из кризиса** и проведения подлинной **модернизации**; Ни одной из этих задач нынешнее правительство перед собой не ставит и потому реального выхода страны **из кризиса** дать России не может; А ведь на горизонте уже маячит новый виток **кризиса** – куда более жестокий и опасный; В послании президента было заявлено о необходимой сплоченности на фоне войны на Ближнем Востоке и санкций против России, но раскол в обществе достиг **катастрофического** размера; Страна зашла в тупик, сырьевая модель не годится, что ей крайне необходима **модернизация**, ускоренная **модернизация**; Массовый **протест** нарастает.

К индивидуальным **К** относим тришкин кафтан, политическая воля, политическое чутье, край пропасти, раскол, грязная яма, упырь, толстосумы, колея и др.

Индивидуальные **К**, несомненно, интереснее, чем общенациональные или групповые, т.к., во-первых, способствуют пониманию личности носителя языка, во-вторых, они в сумме с другими индивидуальными **К** отражают общее мировосприятие носителя языка.

В текстах Г.А. Зюганова индивидуальные **К** встречаются довольно часто:

Этот **тришкин кафтан** невозможно залатать. Тем более, его носить. Он не лезет на большие плечи России, которая испытывает страшные перегрузки; Не хватает главного в кризисных условиях – **политической воли и чутья**; Крутят по-прежнему эти деньги, рассовывают по карманам. А на инвестиции, запомните, всего 4,3%. Говорят, «**черная дыра**». Никакая не «**черная дыра**», а «**золотая жила**». Только не в Магадане, а здесь, в Москве»; К сожалению, по-прежнему не дана **подлинная оценка** той трагедии; Мы должны помнить, что 98-й год закончился полным дефолтом и приходом правительства Примакова–Маслюкова, которые пытались оттащить страну **от края пропасти**; Давайте срочно сформируем дееспособное правительство, которое оттащит страну **от края пропасти**; У нас с вами есть **уникальный опыт**, который позволяет, отмежевавшись от прежней политики, усилить интеграционные процессы; Для того, чтобы был социальный мир, надо прекратить **раскол**; Для того, чтобы вылезти и снова не окунуть-

ся в эту грязную яму, надо остановить антисоветизм и русофобию; Первый и главный закон: все недра страны должны работать на каждого человека, а не на 15 упырей, которые присвоили себе право рассовывать бюджет по карманам; Однако 19 сентября граждане России вновь проснулись в государстве, где десятью процентами толстосумов захвачено девяносто процентов богатств; А эти уже двадцать лет крутятся вокруг либеральных догматов и никак не могут выскочить из этой грязной, вороватой ельцинско-гайдаровской колеи!; Но нашему правительству все это не впрок. Оно проявляет редкую нелюбознательность и продолжает гнать страну по грязной, ухабистой, вороватой ельцинско-гайдаровской колее; Нельзя позволить слить назревающий народный протест в мутно-оранжевую канаву очередного майдана.

И, конечно, в текстах есть общечеловеческие **К**, которые характерны для любого дискурса, т.к. являются базовыми для различных дискурсов, среди них – ответственность, решительность, совесть, труд, справедливость, дружба: Победил Октябрь. Он победил по одной причине. Потому что гений Ленина позволил предложить новую идеологию, в основе которой лежал не национализм и имперские амбиции, а потребность сформировать союзное государство на основе **труда, справедливости и дружбы народов**; Народ не простил чудовищного насилия над здравым смыслом, **честью и совестью**; Коммунисты заявляют: **правда и справедливость** – наша политика!

Целью анализа текстов **ПД** является выявление значимых **К**. В качестве объекта исследования выбраны не только и не столько лексемы, сколько смыслы, передаваемые как отдельными словами, так и текстом в целом, дискурсом. Это позволит определить семантику **К**, структурировать его, определить характерные признаки **К**.

Описание **К** – это следующие шаги в исследовании: 1) определение семантики лексемы, репрезентирующей **К**; 2) анализ сочетаемости лексем, репрезентирующих **К**; 3) определение места **К** среди других (базовые, общенациональные, групповые, индивидуальные, общечеловеческие **К**); 4) структура **К** (ядро, периферия ближняя и дальняя); 5) анализ **ПД** – выявление семантических характеристик **К** в текстовом окружении.

В целом **К** отражает языковую картину мира его носителей и той сферы (дискурса), в которой используются эти **К**.

Специфика ПД обусловлена, во-первых, сферой его функционирования, во-вторых, проявляется в концептуальном наполнении. Это позволяет определить особое место ПД среди других дискурсов.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.

Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. – 300 с.

Карамова, А.А. Оценочная лексика и фразеология как средство выражения современного политического дискурса (на примере тематической группы «Социальная стратификация общества» / А.А. Карамова // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. – № 4. – С. 1408-1413.

Карамова, А.А. Оценочная общественно-политическая лексика и фразеология современного русского языка (вторая половина XX века) : монография / А.А. Карамова. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – 158 с.

Овчарова, Г.Б. Опыт лингвокультурологического исследования современной русской политической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Б. Овчарова. – Краснодар, 2001. – 17 с.

Осипова, А.А. Красное знамя – на Кремль! (к особенностям агитационных текстов Коммунистической партии Российской Федерации) / А.А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2016. – № 3 (53). – С. 85-94.

Попова, Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Попова. – Волгоград, 1995. – 21 с.

Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2000. – 30 с.

Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д.В. Жигулина, А.Н. Михин, О.В. Михина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова, С.Г. Шулежкова ;

Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта ; отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. – 290 с.

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : монография / Е.И. Шейгал. – М.–Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.

Юздова, Л.П. Категория квалитативности в политическом дискурсе (на примере анализа текстов Г.А. Зюганова) / Л.П. Юздова // Дискурсология: методология, теория, практика : материалы второй Междунар. науч.-пр. конф., посвящ. памяти Ж. Бодрийяра. – Челябинск : Изд. дом «Дискурс-Пи» ; Изд-во ЮурГУ, 2008. – С. 167-172.

Юздова, Л.П. Прагматическая стратегия политического дискурса (на примере анализа категории квалитативности в текстах Г.А. Зюганова) / Л.П. Юздова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. IX Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Междунар. науч.-пр. конф. – М.–Ярославль : «Ремдер», 2008. – С. 134-138.

Тексты Г.А. Зюганова:

«Ваше правительство обречено!» (полный текст выступления Г. Зюганова по отчету правительства В. Путина в Государственной Думе РФ) [Электронный ресурс] // Голос правды (газета коммунистов Марий Эл). – Режим доступа: http://www.kprf12.ru/arhiv_nomer_301.html (дата обращения: 24.04.2017).

Выступление Г.А. Зюганова на заседании Госдумы [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ (Санкт-Петербургское городское отделение). – Режим доступа: <http://www.cprfspb.ru/4551.html> (дата обращения: 24.04.2017).

Выступление Зюганова: что не показали по Первому каналу, 22.04.2010 [Электронный ресурс] // Newsland.com. – Режим доступа: <https://newsland.com/user/4297676657/content/vystuplenie-ziuganova-chto-ne-pokazali-po-pervomu-kanalu/4034566> (дата обращения: 24.04.2017).

Зюганов, Г.А. в эфире радио «Маяк» представил свою предвыборную программу, 28.02.2008 [Электронный ресурс] // Новости политических партий России и стран СНГ. – Режим доступа: http://www.qwas.ru/russia/kprf/id_93731/ (дата обращения: 28.02.2008).

Обращение кандидата на должность Президента Российской Федерации Г.А.Зюганова к избирателям, 28.02.2008 [Электронный ресурс] // Сайт «Kprf.org». – Режим доступа: <http://forum.allsochi.info/showthread.php?t=9061> (дата обращения: 28.02.2008).

Ответ Зюганова на отчет Путина, 21.04.2010 [Электронный ресурс] // Livejournal.com. – Режим доступа: <http://xarabod.livejournal.com/11488.html> (дата обращения: 24.04.2017).

Поляков, М. Власть просто «крышует» криминал, 28.04.2010 [Электронный ресурс] // Сайт «Школьный юрист» (в помощь сотрудникам общеобразовательных организаций). – Режим доступа: <http://uvdpk.ru/obzorgressy/1249/> (дата обращения: 24.04.2017).

Lyudmila P. Yuzdova
Chelyabinsk, Russia

CONCEPTS OF THE RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE (based on the analysis of texts by G.A. Zyuganov)

Abstract. The article formulates the definition of the concept, substantiates the typology of the concept, defines the political discourse as the realization of a certain variety of language, notes the main purpose of the political discourse, namely, the conviction of citizens of the country in the need for certain political actions. The article also notes that the effectiveness of political discourse depends on the achievement of the goal. It is analyzed oral and written concepts of political texts of the chairman of the Central Committee of the Communist Party of the Russian Federation G.A. Zyuganov. They allow the politician to effectively implement the progress towards the goal. The key characteristics of modern Russian political discourse are revealed, in particular the presence in it the national, group and individual concepts. Prospects for the study of the political discourse concepts are outlined, they consist in the definition of the semantics of the lexeme representing the concept; in the analysis of compatibility of lexemes representing the concept; in the definition of the place of the concept among other concepts; in identifying the structure of the concept; in the analysis of political discourse from the point of view of the semantic characteristics of the concept in a textual environment. The declared subject, of course, has scientific perspectives.

Key words: political discourse, a concept, the basic concept, the national concept, the group concept, the individual concept

